

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ
ГУК «БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

ДЕСНИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

(выпуск V)

**Материалы межгосударственной научной конференции
«История и археология Подесенья»,
посвященной памяти
брянского археолога и краеведа,
Заслуженного работника культуры РСФСР
ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ЗАВЕРНЯЕВА
(28.II.1919 - 18.VI.1994)**

**Брянск
2008**

ББК 63.4(2)

Д37

Редакционная коллегия:

В.П.АЛЕКСЕЕВ, В.В.КРАШЕНИННИКОВ, А.А.ЧУБУР

Редактор **Е.И.Прокофьев**

Ответственная за выпуск **Т.И.Прокофьева**

Д37 Деснинские древности: материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М.Заверняева. – Брянск: Издательство Клинцовской городской типографии. 2008. – 400 с.: ил.

ISBN

В сборник вошли материалы очередной научной конференции, посвященной памяти археолога и краеведа Ф.М.Заверняева, 30 лет проработавшего в Брянском краеведческом музее. Десятки исследованных памятников археологии, более 30 опубликованных научных трудов и свыше 120 научно-популярных статей – таков весомый вклад Федора Михайловича в дело развития археологии, истории, краеведения и музейного дела на Брянщине.

На конференцию, проходившую в Брянске 28-29 ноября 2007 г., собрались видные ученые и краеведы России, Украины и Беларуси. Помимо чтения и обсуждения докладов и сообщений в четырех секциях, участники совершили ознакомительную поездку в один из исторических центров Подесенья – г.Трубчевск, где осмотрели достопримечательности и познакомились с новой экспозицией местного краеведческого музея – старейшего в регионе.

ISBN

© Брянский краеведческий музей.
2008

Содержание

Пленарное заседание

- Г.П.Поляков (Брянск). Личный архив Фёдора Михайловича Заверняева .....
- Л.Ф.Осипенко (Брянск). Материалы к родословной Федора Михайловича Заверняева.....
- В.П.Алексеев (Брянск). Археологическая деятельность Л.А.Перовского.....
- С.В.Палиенко (Киев). Памятники бассейна Десны в контексте историко-культурного деления позднего палеолита Среднего Поднепровья.....
- А.И.Дробушевский, Г.Г.Нечаева (Ветка). Ромбы «целинные» и «засеянные». Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках.....
- Е.А.Шинаков (Брянск). Пути формирования древнерусских городов в Подесенье.....

Археология каменного века и эпохи раннего металла

- Е.В.Воскресенская., К.Н.Гаврилов (Москва). Ранний верхний палеолит в окрестностях с.Хотыльёво.....
- А.А.Чубур (Брянск). Микроинвентарь палеолитического микро-региона Быки: назначение, типология, реконструкция .....
- В.Я.Сергин., Н.Б.Ахметгалеева (Москва, Курчатов). Костяные острия стоянки Гонцы из раскопок 1970-80-х гг. (техноморфологический и трасологический анализ).....
- И.В.Федюнин (Воронеж). Исследования мезолита на юге Среднего Дона .....
- С.В.Силков (Могилев). Итоги археологических работ у д.Устье в бассейне реки Сож.....
- П.Л.Шашков (Могилев) Древности каменного и бронзового веков Климовичского Посожья: история изучения.....
- В.И.Цымбал, В.Ф.Клименко (Енакиево) Древности эпохи бронзы Центрального Донбасса.....
- А.И.Дробушевский (Ветка). О верхней дате юхновской культуры.....

Средневековая археология

- О.А.Щеглова (Санкт-Петербург). Новые находки «древностей антов» на Брянщине.....

- В.Ф.Клименко, С.Д.Краснощекова, В.И.Цымбал (Енакиево, Орел). Сбруйные комплексы некоторых кочевнических погребений Донбасса.....
- Г.Ю.Стародубцев, А.В.Зорин (Курск). К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV – начала XV вв. (по материалам памятников Курской области): предварительное сообщение...
- Ю.А.Коваленко (Глухов). Древнерусский Глухов (по материалам археологических разведок).....
- В.О.Пискунов (Брянск). Новые находки древнерусского ювелирного искусства в верхнем Подесенье.....
- А.А.Чубур (Брянск). О предполагаемом парусном вооружении Вщижской ладьи. ....
- В.К.Лончакова (Новочебоксарск). Тканые изделия: проблемы исторической реконструкции.....
- Р.В.Новожеев (Брянск). Обращение польских медных солидов (боратинок) на территории Брянщины во второй половине XVII в. ....
- В.М.Путь, В.М.Ещенко (Стародуб, Козельск). Табакокурение и курительные трубки Стародубщины XVII-XX веков.....

История и культура Подесенья

- К.В.Сычев (Брянск). История становления Брянского княжества, родословная и деяния князя Романа Михайловича в свете традиционных источников.....
- А.В.Сазоненко (Почеп). Почепские крепости.....
- В.Г.Деханов (Брянск). Петр Пушкин, Помпей Батюшков, Флорентий Павленков на Брянском Арсенале (по документам ГАБО).....
- В.М.Путь. (Стародуб). Реформы П.А.Столыпина на Стародубской земле.....
- Г.П.Поляков (Брянск). Главный музей Брянской губернии (по вновь выявленным документам ГАБО) .....
- В.Е.Симоненко (Брянск). Крупнейший лесовод-энтомолог П.Г.Трошанин (1902-1970) .....
- Н.В.Печикина (Брянск). Одежда крестьян Трубчевского уезда в конце XIX - начале XX веков (по материалам этнографических исследований).....
- М.А.Комова (Орел). Иконопись ветковско-стародубского типа

в церковных, музейных и частных собраниях Орловской области.....

Р.И.Перекрестов (Москва). Новые находки и суждения о Клинцовской иконописи XVIII–XX вв. ....

М.А.Комова, И.В.Злотникова (Орел, Брянск). Развитие иконографии святых Тихона и Арсения, карачевских чудотворцев (на примере экспоната из Брянского краеведческого музея).....

М.В.Кочергина (Брянск). Старообрядец-иконописец и православный священник-миссионер из Стародубья Василий Родионцев.....

Е.И.Прокофьев (Брянск). Главное произведение М. Булгакова и его брянская составляющая (к 40-летию первой публикации романа «Мастер и Маргарита»).....

О.П.Дунаев (Новозыбков). Новозыбковцы – деятели науки и культуры

А.З.Дмитровский (Калининград). Почеп литературный.....

А.И.Поддубный (Злынка). О гидронимах с основой «ордо - родо (рада)».....

Б.М.Петров (Москва). Ещё раз о происхождении ойконима «Брянск» .....

В.Д.Бабодей (Стародуб). Топонимика стародубских улиц....

С.А.Никулина (Брянск). Семейный некрополь Искрицких в с.Далисичи: трагедия небытия.....

Е.А.Чеплянская (Брянск). Суражский уезд. Краткий исторический обзор .....

В.В.Крашенинников (Брянск). «Для славы и пользы Российской империи...» (из истории производства красок в Севске).....

О.Г.Каменецкий (Москва). Память, объединяющая поколения: из старообрядческой летописи посада Святск.....

Т.К.Слущкая (Брянск). Зарубежный цикл этюдов братьев Ткачевых (по фондам музея братьев Ткачевых).....

А.К.Горохова (Брянск). Природные ресурсы и история их освоения на территории Брянской области.....

Список сокращений.....

Федор Михайлович Заверняев на раскопках Хотылёво 2

Художник К.Л.Захаров

Личный архив Фёдора Михайловича Заверняева.

Ф.М.Заверняев – известный в научных кругах нашей страны и за её пределами археолог, заслуженный работник культуры России, историк-регионовед. Около полувека он отдал изучению древней и средневековой истории Брянской земли. С его именем связаны яркие открытия и исследования, в первую очередь, археологического комплекса у с.Хотылёво Брянского р-на (нижнепалеолитическое местонахождение Хотылёво 1, верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2, селище раннего железного века в устье Гасомы), селища I-III вв. н.э. у г.Почепа, в честь которого получила своё название археологическая культура – «Почепская», околного города летописного Дебрянска (в урочище «Чашин курган»). Его перу принадлежит изданная монография, свыше 30 печатных научных статей, 25 науч. отчётов об археологических исследованиях, хранящихся в науч. Архиве Института археологии РАН, а также около 150 статей и заметок, опубликованных в периодической печати. А между тем до сих пор нет специальных серьёзных работ, посвящённых брянскому учёному-краеведу. По сути, кроме некролога, к настоящему времени мы располагаем только двумя небольшими по объёму публикациями популярного характера, посвящёнными отдельным эпизодам биографии Фёдора Михайловича и некоторым его статьям в центральной и местной периодике.¹ Поэтому появление новых работ о Ф.М.Заверняеве вполне актуально. Данный доклад посвящён личному архивному собранию Фёдора Михайловича, ознакомиться с которым и составить его опись нам любезно позволила вдова археолога вскоре после его кончины в июне 1994 года.

Архив размещался в книжном шкафу в комнате покойного. Он состоял, в основном, из рукописей и машинописных текстов, написанных и отпечатанных на портативной пишущей машинке самим автором и хранящихся в стандартных папках.

По тематическому составу собрание можно разделить на четыре части. Первая часть представлена рукописями и машинописными копиями научных отчётов археолога и его научных археологических исследований с 1955 по 1984 года. (кроме отчётов за 1965, 1966 и 1983 гг.). Все отчёты снабжены рисунками и чертежами.

Вторая, небольшая по объёму, часть архива посвящена переписке исследователя. Она содержит письма к Заверняеву 16-ти лиц: Ю.П. Антохина, Фрола Плющева, А.З.Дмитровского, В.В.Семёнова, А.И.Тимко, И.Морозова, А.Лабузина, А.С.Смирнова, В.К.Пясецкого, В.П.Левенка, П.Н.Третьякова, Воронкова, Турчака, Прилепова, Горецкого, Басаргина.

Третья часть архивного собрания содержала научные материалы по археологии, музейному делу и геологии. Здесь находились полевые дневники, которые Фёдор Михайлович вёл в процессе археологических раскопок и разведок, рукописи его научных статей, папки с выписками из источников и трудов по археологии, истории и геологии. Особый интерес представляли полевая опись и фотоальбом периода археологических раскопок Заверняева на стоянке эпохи неолита в урочище «Черепеньки» на окраине Фокинского р-на Брянска, а также рукопись его неопубликованной статьи «Заготовки Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки». Здесь же, в отдельной папке, Фёдор Михайлович хранил свою студенческую курсовую работу, написанную в 1961 году.

Важным элементом этой части собрания являлись «Отчёты отдела истории дооктябрьского периода Брянского областного краеведческого музея (с 1979 по 1991 г. – Брянского гос. объединённого краеведческого музея)», который Заверняев много лет возглавлял. Другим ценным разделом этой части архива стали тематико-экспозиционные планы экспозиций и выставок Брянского и др. музеев Брянской области, разработанные Фёдором Михайловичем и сотрудниками его отдела.

Четвёртая, и последняя, составляющая архива представляла собой наибольшую ценность. Это личные дневники Заверняева, которые он вёл практически ежедневно, начиная с 1948 г. В них зафиксированы, по сути, все наиболее важные события жизни Фёдора Михайловича за более чем 45 лет, причём, самых продуктивных в плане творчества. Здесь же хранилась рукопись опубликованной в 1978 г. в изд-ве «Наука» его монографии «Хотылёвское нижнепалеолитическое местонахождение». Но наибольшее значение для современников и потомков представляют рукописи его восьми написанных, но не опубликованных книг. Среди них две научных монографии – «Хотылёвская верхнепалеолитическая стоянка» (Брянск, 1993 г.) и «Геологические условия залегания Хотылёвского палеолита». Ещё одна книга – «Познание родного края» – была посвящена брянскому краеведению. Это наиболее капитальный труд в этой области из известных нам до настоящего времени. Остальные пять книг представляют собой мемуары Фёдора Михайловича, которые он с присущим ему юмором называл «Мои «Война и мир»». Первую он назвал «На заре нашей жизни» (216 л.), вторую, законченную в 1985 году, – «Армейская служба» (317 л.). К последней по тематике примыкает книга «На Юго-Западном фронте» (100 с.). Четвёртая книга – «Путешествие в Причерноморье и на Кавказ» (1978 и 1985 гг.) – посвящена знакомству автора с палеолитическими памятниками этого региона. Завершает мемуарную пенталогию самая большая по объёму книга – «Годы,

города и люди (из дневника музейного сотрудника)» – Брянск, 1987 (414 л.).

Таким образом, после Ф.М.Заверняева остался уникальный для Брянской обл. личный научный и литературный архив, который в настоящее время хранится у одного из его внуков. В нём собраны ценные источники по археологии, истории и музейному делу Брянского региона. Воспоминания Фёдора Михайловича о довоенном Почепе, армейской службе, походе в Иран, участии в сражениях на Юго-Западном фронте в годы Великой Отечественной войны, о многолетней подвижнической работе в Брянском обл. краеведческом музее являются ценным историческим источником. Архив Заверняева до сих пор практически не доступен для исследователей и, по нашему мнению, назрела необходимость в приобретение его за счет спонсорских средств Брянским Гос. объединенным краеведческим музеем или Гос. архивом Брянской области. Вполне актуальна и публикация двух монографий исследователя, а также его книг «Познание родного края» и «Годы, города и люди».

1- Шломин В.С. Дело всей жизни. – Сельская новь – 11 февраля 1989 г.; Никулина С.А. Творческое наследие Ф.М.Заверняева // Деснинские древности. Вып. III. – Брянск, 2004. С. 10 -15.

Приложение

Статьи и заметки Ф.М.Заверняева, опубликованные в местной периодической печати в 1939–1964 годах.

1. Почеп и его прошлое.– Комсомолец (Орловская обл. газета) – июль 1939 г.
2. Вщижские раскопки. – Брянский рабочий – 4 сентября 1949 г.
3. На берегу р.Десны. – Брянский рабочий – 13 ноября 1949 г.
4. Проникая в прошлое Почепа – На сталинском пути – 19 июля 1956 г.
5. Археологические раскопки в г.Почепе. – Брянский рабочий – 19 декабря 1956 г.
6. Историко-археологические памятники на территории Почепского района. – Колхозная правда (Почепская районная газета) – 17-19 августа 1957 г.
7. Ракопки Почепского селища. – Брянский рабочий – 21 августа 1957 г.
8. Далекое прошлое бассейна р.Вабли. – Брянский рабочий – 8 сентября 1957 г.
9. Исторические памятники взять под охрану. – Колхозный труд (Стародубская районная газета) – 8 сентября 1957 г.
10. Сохраняйте и изучайте памятники истории. – Брянский комсомолец – 11 июля 1958 г.
11. По следам древних культур. – Колхозная правда – 8-10 августа 1958 г.
12. Брянщина в период Северной войны (к 250-летию победы). – Брянский рабочий – 10 октября 1958 г.
13. Древнее городище Осовик. – Брянский рабочий – 23 декабря 1958 г.
14. О древней Ипуги. – Брянский рабочий – 12 июля 1959 г.
15. По следам древних культур. – Советская Россия – 30 августа 1959 г.

16. А.Н.Галич. – Брянский комсомолец – 12 августа 1960 г.
17. Штольни древнего Брянска. – Брянский рабочий – 22 сентября 1960 г.
18. Хранится в памяти народной. – Брянский рабочий – 30 октября 1960 г.
19. Это было на Брянщине. (В соавторстве с Е.С. Пасекуновым). – Брянский рабочий – 3 марта 1960 г.
20. По следам веков. – Брянский рабочий – 21 января 1962 г.
21. История двух полков. (В соавторстве со Спищыной Р). – Брянский рабочий – 18 октября 1962 г.
22. Древнейшие обитатели бассейна Судости. – Сельская новь (Почепская районная газета) – 11 июля 1962 г.
23. Находка охотника. – Брянский рабочий – 19 ноября 1962 г.
24. Находка под полом. – Брянский рабочий – 24 ноября 1962 г.
25. Оберегайте памятники древности. – Брянский рабочий – 5 февраля 1963 г.
26. Арабские дирхемы на Брянщине. – Брянский рабочий – 29 июня 1963 г.
27. Следы веков. – Брянский рабочий – 6 октября 1963 г.
28. Редкая находка. – Брянский рабочий – 24 октября 1964 г.

Л.Ф.Осипенко (Брянск)

Материалы к родословной Федора Михайловича Заверняева.

Основными источниками по выявлению генеалогических сведений являются церковные метрические книги и ревизские сказки. К сожалению, в нашем случае метрические книги Свято-Николаевской церкви м.Почеп сохранились лишь за 1781-1859 гг., а ревизские сказки - только 6-й и 7-й ревизий 1811 и 1816 гг., что не позволяет составить полную родословную рода Заверняевых, а только за период конца 18 в. по 1859 год.

Судя по ревизским сказкам, Заверняевы были крепостными А.К. Разумовского, затем перешли к его дочери княгине В.А.Репниной, а с 1837 г. значатся за графом П.А.Клейнмихелем.

В ревизской сказке 1811 г. записаны «Ефима Иванова Заверняева дети» Игнат, которому при 5-й ревизии было 27 лет, а умер он в год проведения этой ревизии, т.е. в 1795 г., и Роман, 36 лет. Женщин в этой ревизии не писали. Других Заверняевых в местечке Почеп не было. Ефим Иванов Заверняев умер до 1795 г., иначе был бы показан в 1811 г. Вероятнее всего, т.к. других Заверняевых записано не было, Ефим Заверняев появился в Почепе относительно недавно, может быть – уже при Разумовских был переведен из другого имени или куплен. В ревизии 1816 г. значится также одно семейство Заверняевых: Роман Ефимов Заверняев, 40 лет, у него жена Катерина, 35 лет, и дети Петр, 17 лет, и Матрона, 19 лет.

Церковные метрические книги значительно дополняют историю семейства Романа Заверняева. 10.02.1796 г. Роман Ефимов, сын крестьянина Ефима Карпова Заверняева, венчался с девицею Катериной, дочерью крестьянина Дмитрия Григорьева Дубового. К сожалению, возраст жениха и невесты тогда не указывали. Любопытно, что Ефим указан с отчеством Карпович, а не Иванович, и это, видимо, более правильно, а к 1811 г. отчество подзабылось.

У Романа и Катерины Заверняевых родилось 10 детей: Матрона 1797 года рождения; Петр 1799 г.рожд.; Анна (1802-1805); Даниил 1804 г.р.; Мария (1805-1807); Никифор (1808-1809); Иосиф (1810-1811); Андрей 1812 г.р.; Марина, род. и ум. в 1814 г.; Иван, род. 25.05.1816.

В ревизской сказке 1816 г. показаны лишь Матрона и Петр, Иван родился после ревизии, остальные не дожили до 1816 г. Роман Ефимов умер 30.09.1827 г., 55 лет, от сильной горячки, без исповеди; в метрической книге указано, что «погребен на поляне». Жена его Катерина умерла 6.03.1832 г. «от падучей болезни», похоронена на слободском кладбище.

Нет записи о венчании сына Романа – Петра, видимо, невеста была из другого прихода и венчались там. Девичья фамилия её была Жалдак, звали Ефросинья Максимовна. Первый ребенок у Петра Романова Заверняева – дочь Улита, родилась в 1825-м г., затем Ефросинья – в 1829-м г., Федосья – в 1832 г., Николай – в 1834-м г., Василий в 1838 г. После 1838 г. записей о рождении детей у Петра и Ефросиньи Заверняевых нет. Умер Петр Романович 18.08.1853 г. от холеры. Вдова его Ефросинья Максимовна умерла, видимо, после 1859 года.

Младший брат Петра, Иван Романов Заверняев, 9.11.1841 г. венчался с почепской крестьянкой Натальей Фоминой Любкиной; жениху было 24 года, невесте 23. Петр Романович был свидетелем по женихе при венчании. 5.05.1845 г. у Ивана и Натальи родилась дочь Ирина, умершая в 1848 г. от холеры. В этом году смертность по Свято-Николаевскому приходу в 3 раза превысила рождаемость (127 на 38). Далее у них были дети: Федор (1848-1853), Петр, род. 30.06.1850 г., Татьяна (01.1853-08.1853), Параскева, род.26.07.1854 г., Дометай (08.1857-11.1857), Козьма, род.1.11.1859 г.

К сожалению, за более поздние годы церковные метрические книги не сохранились, и нет возможности установить, от кого произошел Федор Михайлович: от Петра, Козьмы или более позднего отпрыска Ивана Романовича, или же от Николая Петровича, внука Романа Ефимовича, который ни разу после рождения в 1834 г. в метрических книгах не встретился. Возможно, он был сдан в рекруты.

Источники

ГАБО: ф.415, оп.2, д.19, лл.817об.; д.37, лл.120об.-121; ф.296, оп.1, д.80, лл.97, 154, 182об., 230, 235об, 270об., 282об.; д.81, лл.3об., 25об., 52об., 156, 199об., 216, 251об., 257об., 282; д.82, лл.4об., 116об., 210об., 289об., 312об.; д.83, лл.6об., 77об., 122об., 138об., 271об., 346об.

В.П.Алексеев (Брянск)

Археологическая деятельность Л.А.Перовского.

Лев Алексеевич Перовский был одним из десяти внебрачных детей графа Алексея Кирилловича Разумовского и дочери берейтора Марии Михайловны Соболевской. Родился в местечке Почеп Мглинского уезда 9 сентября 1792 г. 21 апреля 1810 г. поступил на службу колонновожатым в свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. В 1812 г. участвовал в сражениях под Бородином, Малоярославцем, Красным. Во время заграничного похода был участником сражений под Люценом, Бауценом, Лейпцигом, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуазе и Парижем. В 1826 г. был назначен членом департамента уделов. С 1841 по 1852 г. – министр внутренних дел. В 1852 году - назначен министром уделов и управляющим Кабинетом Е. И. В., а также главноначальником над императорской Академией Художеств, Московским Дворцовым архитектурным училищем, Московским художественным обществом, Императорским Ботаническим садом и всеми археологическими изысканиями.

Последние назначения были не случайными. Интерес к коллекционированию был характерен для семьи Разумовских. Сам Лев Алексеевич коллекционировал греческие древности, монеты; старинное русское серебро, медали, монеты, фарфор, скульптуру, живопись, бронзу. 25 февраля 1842 года он был избран почетным членом Одесского общества истории и древностей, а 28 апреля 1843 г. – почетным членом общества северных антиквариев в Копенгагене. 14 апреля 1847 году его избирают почетным членом Археолого- нумизматического общества в Петербурге. 29 декабря 1852 г. его утверждают почетным членом Императорской Академии Наук. Свидетельством международного признания археологической деятельности Перовского явилось избрание его 19 июля 1853 г. почетным членом Испанской Академии древностей.

Разгар археологической деятельности Л.А.Перовского приходится на 1850 год, когда он заведовал Комитетом для исследования древностей и организовывал археологические раскопки под Новгородом, в Суздале, в Екатеринославской, Таврической, Ярославской губерниях. С 1852 г. по его инициативе начинаются систематические раскопки в Крыму.

Как высокопоставленного чиновника, Перовского интересовала в первую очередь не научная ценность находок, а то, насколько они будут «достойны украшать Эрмитаж Его Императорского Величества», (так он писал в одном из докладов, посвященных находкам в Херсонесе Таврическом). Впрочем, приоритет внешней красоты и эффектности находок был характерен для археологии той эпохи. В то же время Перовский разработал инструкции по применению ряда точных методических приемов археологии.

Личные коллекции Перовского после его смерти разошлись по разным рукам. Все старинное серебро, в том числе коллекция старинных серебряных кружек, было завещано племяннику Алексею Константиновичу Толстому. Ему же досталась коллекция оружия и отдельные реликвии рода Разумовских: подзорная труба из яшмы, принадлежавшая графу Алексею Григорьевичу Разумовскому, и яшмовый набалдашник для трости в виде сирены, «представляющей императрицу Елизавету Петровну». Другие коллекции – золотых табакерок; фарфоровые, фаянсовые и хрустальные сервизы; мебель, мрамор, бронза, книги, картины и коллекции минералов – в соответствии с завещанием – были проданы, а деньги, полученные за них, предназначались племяннице Марии Борисовне Перовской. Воспитанница Анна Залеская получила по завещанию коллекцию цветных шлифованных камней в маленьком ящике. Предметы из коллекции флорентийской рельефной мозаики были завещаны братьям Борису и Льву. Собрание медалей и монет Перовского в 1857 г. было приобретено Императорским Эрмитажем.

Деятельность Л.А.Перовского в период становления российской археологической науки внесла заметный вклад в её развитие. К сожалению, политическая и придворная карьеры затмили археологические занятия графа. Нам еще предстоит изучить эту сторону жизни Перовского. Для Брянщины это тем более актуально, что он был уроженцем Почепа, где в 1919 г. родился известный брянский археолог Федор Михайлович Заверняев. Жизнь Льва Перовского – родного дяди А.К.Толстого и владельца усадьбы Красный Рог – представляет интерес и для литературного краеведения. Именно от него это имение перешло к его сестре Анне Алексеевне Толстой, а от неё – к Алексею Константиновичу.

Источники и литература

РГИА. Ф.1021, оп. 1, д.40.

Монгайт А.Л.Археология в СССР. М. 1955.

Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб.,1853.

Савельев П.С. Старинное русское серебро собрания графа Л.А.Перовского. СПб., 1857.

Памятники бассейна Десны в контексте историко-культурного деления позднего палеолита Среднего Поднепровья.

Проблема историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы долгое время привлекает внимание исследователей. А в последнее время, вместе с исследованиями конкретных памятников и выделением археологических культур, появились также историографические работы по данной проблеме. На ряду с общим обзором изучения всего палеолита в России [Васильев, 2002], позднего палеолита Восточно-Европейской равнины [Абрамова, 1999], имеются исследования по истории выделения позднепалеолитических культур [Васильев, 2002а], а также историко-культурного членения отдельных позднепалеолитических районов – Среднего Подонья [Синицын и др., 2002], Юга Восточной Европы и Среднего Поднепровья [Палиенко С.В. в печати]. В данных исследованиях изучались динамика развития археологического познания, основные тенденции, факторы, влияющие на развитие науки; однако, эти работы рассматривали проблему широко. Поэтому, с целью более детального изучения археологического познания, выявления факторов, повлиявших на его развитие, автор считает необходимым подробно исследовать историко-культурное деление памятников в середине отдельного района развития позднего палеолита Восточной Европы. А именно – сравнение историко-культурной атрибуции памятников бассейна Десны (Мезин, Пушкари I, Бугорок, Юровичи, Юдиново, Чулатово I-II, Тимоновка, Елисеевичи I-II, Супонево и др.) с более западными и юго-западными памятниками Среднего Поднепровья (Бердыж, Радомышль, Киево-Кирилловская стоянка, Межиричи, Гонцы, Добраничевка и др.). Данное исследование охватывает научные работы с 20-х годов XX в. по наше время, в которых рассматривается проблема историко-культурного деления позднего палеолита (40–14 тыс. л.) данной территории, но не касается выделения археологических культур в финальном палеолите, хотя некоторые из исследуемых культур продолжали существовать и в это время.

Так, уже в начале 20-х годов В.А.Городцов включил Мезин, вместе с другими, известными на то время, среднеднепровскими памятниками – Гонцами и Кирилловской стоянкой - в свою общую схе-

му развития позднего палеолита Восточной Европы [Городцов, 1923. с.189]. В конце 20-х годов П.П.Ефименко также создал общую схему развития позднего палеолита Восточной Европы, где отнес Мезинскую стоянку к позднесолотрейскому времени, указав на ее отличие от памятников Среднего Подонья. По его мнению, эти два типа культуры характерны и для мадленского времени, ко второму типу в Среднем Поднепровье отнесены Гонцовская стоянка, а также более поздние верхний слой Кирилловской стоянки и стоянка Супонево, расположенная в бассейне Десны. П.П. Ефименко указывает, что памятники первого типа – близкие к культуре Мезина, относящиеся к мадленскому времени, - пока еще не известны [Ефименко, 1928. С.45-59].

В 1938 году П.П.Ефименко включил в новую схему развития позднего палеолита Восточной Европы кроме вышеупомянутых памятников, Бердыж, отнесенный к стадии позднеориньякского-раннесолотрейского времени, а также деснинские – Елисеевичи и Тимоновку, отнесенные вместе с Мезином к стадии раннемадленского времени [Ефименко, 1938. С.321-567].

Его следующая схема, построенная на основе стадийной концепции развития позднего палеолита, где стадии были названы по наиболее характерным признакам памятника, появилась в 1950 г. По материалам некоторых деснинских памятников были выделены такие стадии: мезинская – конец солотре – начало мадленской эпохи (Мезин, Супонево); елисеевичская или кирилловская – раннемадленская эпоха (Елисеевичи, Кирилловская стоянка), а также гонцовская стадия, выделенная по материалам среднеднепровской стоянки Гонцы, соответствующая позднемадленской эпохе [Ефименко, 1950. С.81-89]. В схеме П.П.Ефименко 1953 года среднеднепровские и деснинские памятники отнесены к следующим типам: Бердыж и Пушкари I - к памятникам костенковского типа; Мезин – мезинского типа; Елисеевичи и нижний слой Кирилловской стоянки – к памятникам кирилловского; Гонцы – к гонцовского, а верхний слой Кирилловской стоянки - к памятникам боршевского или журавского типа. При этом исследователь указывает, что памятники мезинского типа различны между собой, что может объясняться распадом культуры памятников позднедельманского типа на ряд локальных, возможно, племенных образований [Ефименко П.П., 1953. С.309-566].

На основе стадийной концепции в начале 50-х годов строит свою схему развития позднего палеолита Восточной Европы и

П.И. Борисковский, где значительное место занимают памятники Среднего Поднепровья и Подесенья. Так, Пушкари I и Новгород-Северскую стоянку он отнес к четвертой стадии, Мезин, Погон, Елисеевичи, а также нижний слой Кирилловской стоянки – к пятой; Чулатово I, Тимоновку и Супонево – к шестой, а Бугорок и нижний слой Гонцов – к седьмой стадии [Борисковский П.И., 1953. С.395-415]. Сравнивая материалы памятников Десны и Дона, П.И. Борисковский пришел к выводу о сходстве культуры этих двух районов, так как ее различия проявляются только в отдельных элементах и не являются стойкими, а значит нет оснований говорить отдельно про «донскую» и «деснинскую» позднепалеолитические культуры.

В конце 1950-х гг., после завершения дискуссии о возможности выделения локальных культур в позднем палеолите, производятся попытки поиска локальных различий и на памятниках Среднего Поднепровья и Подесенья. Так, А.А.Формозов выделил на территории Европейской части СССР три позднепалеолитических района; к одному из них он отнес стоянки Центра Восточноевропейской равнины с солютрейскими кремненными наконечниками, разделив их на четыре хронологические группы. Из среднеднепровских и деснинских памятников он относит Бердыж к третьей, а Пушкари I – к четвертой группам. Кирилловская, Гонцовская, Мезинская стоянки были отнесены к ориньяко-мадленским памятникам [Формозов А.А., 1959. С.43-66, 110-114].

З.А.Абрамова, проведя комплексное сравнение материалов донских и деснинских памятников, пришла к выводу, что Мезин, Елисеевичи, Супонево и Тимоновка составляют единый круг памятников, который хоть определенным образом и связан с донскими стоянками, однако между этими территориальными группами имеются и отличия – не хронологические, а локальные, этнографические [Абрамова З.А., 1960. С.6-16].

В 60-е гг. П.И.Борисковский и Н.Д.Праслов выделяют среднеднепровские памятники (Журавка, Кирилловская, Добраничевская, Гонцовская, Фастовская стоянки), датируемые средним и поздним мадленским временем западноевропейской периодизации, в группу, отличную от памятников нижнеднепровского палеолита [Борисковский, Праслов, 1964. С.8-13]. Исследуя памятники Северо-запада Восточно-Европейской равнины, В.Д.Будько рассматривает днепровские и деснинские памятники. Так, Бердыж он относит к костенковско-авдеевской культуре, Елисеевичи и Юровичи – к памятникам

елисеевичского типа, Юдиново I–III, VI и Тимоновку – к юдиновско-тимоновскому типу. По его мнению, так называемые раннемадленские памятники Восточной Европы (Елисеевичи, Юдиново, Тимоновка, Мезин, Добраничивка, Супонево) относятся к домадленскому времени и соотносятся с поздним граветтом Центральной Европы [Будько В.Д., 1966. С.38-40].

И.Г.Шовкопляс на материалах среднеднепровских и деснинских стоянок Елисеевичи, Юдиново, Тимоновка, Мезин, Добраничивка, Супонево, Юровичи, Чулатово I–II, Кирилловская, Гонцы, Бугорок, Довгиничи, Фастов выделил мезинскую культуру [Шовкопляс И.Г., 1965. С.288, 301]. Позже он включил эти памятники вместе с более ранними Погоном, Бердыжем, Радомышлем, Пушкарями I и Новгород-Северской стоянкой в Среднеднепровскую этнокультурную область [Шовкопляс, 1966. с.41-43]. С этим согласился А.Н. Рогачев, который также считал Среднее Поднепровье отдельной историко-культурной областью, в которую включал и деснинские памятники [Рогачев А.Н., 1969. С.191-194].

Делая обзор позднего палеолита СССР, Г.П.Григорьев указывает на существование в этом регионе пушкаревской культуры, к которой относил Пушкари I и Клюсы. Относительно культурной принадлежности деснинских памятников – Елисеевичи, Юдиново, Тимоновка, Супонево, а также Добраничевки, он оставляет вопрос открытым, в связи с задержкой публикации материалов этих стоянок. Исследователь считает хронологически близкими по геологическим данным Мезин и Межиричи [Григорьев Г.П., 1970, С.43-63]. Среднеднепровские и деснинские памятники рассматриваются и в первом издании «Археологии УССР», где И.Г.Шовкопляс повторяет свои взгляды, высказанные в работах 1960-х гг. [Шовкопляс И.Г., 1971, с.39-64].

В 1970-е гг. среднеднепровские памятники изучает М.И.Гладких, который в пределах среднеднепровской этнокультурной области выделил межиричско-добраничевскую культуру, к которой отнес Межиричи, Добраничевку и Гонцы, обособлено выделяя Мезин и Журавку, которые, по его мнению, не имели аналогий; культурную принадлежность Кирилловской и Фастовской стоянок определить не удалось, ввиду малочисленности материалов. Памятники межиричско-добраничевской культуры он генетически связывал с более ранними Радомышлем, Пушкарями I, Новгород-Северской стоянкой и Клюсами [Гладких М.И., 1977. С.137].

Раздел «Поздний палеолит Русской равнины и Крыма» в коллективном труде «Палеолит СССР» был написан М.В.Аниковичем и А.Н.Рогачевым. Относительно памятников Среднего Поднепровья и Подесенья, они не разделяют взглядов И.Г.Шовкопляса на существование единой мезинской культуры и указывают на развитие в раннюю пору позднего палеолита пушкаревской культуры. Что касается средней поры позднего палеолита, то исследователи считают возможным рассматривать Елисеевичи, а также Юдиново и Тимоновку I, II, как две археологические культуры. [Рогачев, Аникович, 1984, с.152-271]

Производя историческую интерпретацию позднего палеолита, М.И.Гладких рассматривает историко-культурное деление памятников первой половины поздневалдайского оледенения (24-16 тыс. л.н.). Для среднеднепровской этнокультурной области он указывает развитие пушкаревской – на раннем этапе и межиричской культуры – на позднем [Гладких М.И., 1991, с.24-25]. И.Г.Шовкопляр, рассматривая историю исследования Добраничевской стоянки, признал однокультурность Межиричей, Гонцов, Добраничевки и некоторых комплексов Барышивского района Киевщины, а также согласился относительно отсутствия развития единой мезинской культуры [Шовкопляр И.Г., 199, с.88].

Во второй половине 1990-х гг. детальное изучение деснинских памятников провели З.А.Абрамова и Г.В.Григорьева. В результате сравнения с другими памятниками Среднего Поднепровья, а также сопредельных территорий, они выделили для среднеднепровской этнокультурной области три археологические культуры: тимоновско-юдиновскую (Юдиново, Чулатово II, Бугорок и Тимоновка I, II), мезинскую (Мезин, Супонево), межиричско-добраничевскую (Межиричи, Гонцы, Добраничевка) [Абрамова, Григорьева, 1997, с.106].

Работая над проблемой восточного граветта, М.В.Аникович объединяет Среднее Поднепровье и Среднее Подонье в одну Днепро-Донскую историко-культурную область охотников на мамонтов, время существования которой разделяет на два периода: 24-20 и 19-12 тыс. л.н. Относительно деснинских памятников: он относит Мезин, Елисеевичи, Юдиново, Тимоновку I - вместе с Межиричами, Добраничевкой и Гонцами - ко второму этапу, объединяя Мезин с Боршево I в одну археологическую культуру [Аникович М.В., 1998, с.35-66].

С.Н.Лисицын также анализирует поздневалдайские памятники Днепро-Донского региона, которые он делит на два хронологических

этапа. Что касается деснинских и среднеднепровских памятников, то он относит к первой группе Мезин, Елисеевичи I–II, Юровичи и, возможно, Кирилловскую стоянку, которые датируются 17/16 – 15/14 тыс. л.н., а Юдиново, Тимоновку I–II, Бугорок, Чулатово II, Межиричи, Добраничевку, Гонцы и, возможно, Супонево – ко второй группе, датируемой 15/14 – 14/13 тыс. л.н. Тем не менее, исследователь считает, что правомерно говорить о хронологической, а не культурной преемственности между двумя группами [Лисицын С.Н., 1999, с.83-120].

Несколько позже Г.В.Григорьева отрицала правомерность объединения Среднего Поднепровья и Подонья в одну историко-культурную область, указав, что это – два отдельных региона развития позднепалеолитической культуры со своими особенностями. Для Среднего Поднепровья, куда включены и деснинские памятники, она выделяет три периода заселения. К первому периоду (25-22 тыс.л.н.) относятся Хотылево II, Новгород-Северская стоянка, Бердыж и Юровичи, ко второму (21-17 тыс. л.н.) – Пушкари I, Елисеевичи I и Погон, а к третьему (16-12 тыс. л.н.) – Юдиново, Тимоновка I, II, Межиричи, Добраничевка, Мезин и др. [Григорьева Г.В., 2002, с.63-67]. Правда, М.В.Аникович опровергает аргументы Г.В. Григорьевой, указывая на допущенные исследовательницей методологические ошибки при рассмотрении его концепции [Аникович М.В., 2003, с.502-504].

М.П.Оленковский относит деснинские и среднеднепровские памятники к нескольким выделенным им археологическим культурам. Так, Чулатово I, II, Бугорок и, возможно, Бужанка относятся к позднеснянской культуре, датируемой 16–14/13 тыс. л.н. [Оленковский М.П., 2000]. Межиричи, Добраничевку, Гонцы, Семеновку I–III, Фастов и др. он относит к межиричской культуре, датируемой 15–13 тыс. л.н. По мнению исследователя, данная культура по отдельным типологическим показателям близка к позднеснянской [Оленковский, 2000б]. При реконструкции культурно-исторических процессов в среднюю и позднюю пору позднего палеолита Левобережной Украины М.П.Оленковский указывает, что мезинская, снянская и позднеснянская культуры имеют восточноевропейское (днепро-донское) происхождение, а пушкаревская культура, датируемая 23–21 тыс. л.н., к раннему этапу которой он относит Пушкари I и Погон, а к позднему – Клюсы и Новгород-Северскую стоянку, является одним из вариантов вилендорфско-костенковского культурного единства [Оленковский, 2000а, с.81-88]. Результатом дальнейших исследований это-

го ученого стало отнесение к деснянской эпитаграветтской культуре, датируемой 15,5–13,5 тыс. л.н., и других деснянских памятников – Юдиново, Тимоновки I, II, Чулатово I, II и Бугорка. Относительно Супонева и Елисеевичей I, II: исследователь отмечает, что их культурная атрибуция по определенным причинам затруднена [Оленковский М.П., 2003, с.256–261].

Изучением эпитаграветтских комплексов Среднего Поднепровья также занимается Д.Ю.Нужный, который относит к эпитаграветтской традиции такие деснянские памятники: Супонево, Елисеевичи I, II, Юдиново, Тимоновку, Чулатово I, II, Бугорок, Мезин и Покровщину, а также Гонцы, Фастов, Межиричи, Добраничевку, Семеновку I–III и др. в Среднем Поднепровье [Нужный, 2002, с.57–81]. Исследователь указывает на прямые аналогии между стоянками Бармаки на Волынской возвышенности и Мезином в бассейне Десны [Нужный Д.Ю., 2003, с.58–74].

Сделав историографический обзор историко-культурного деления деснянских и среднеднепровских памятников позднего палеолита, мы не выявили значительных расхождений в динамике процесса культурной атрибуции между памятниками двух указанных районов, а значит, рассмотрение данной проблемы целесообразно проводить в контексте историко-культурного деления всего среднеднепровского позднепалеолитического региона. Так как на протяжении всего периода исследования и деснянские, и днепровские памятники рассматривались, как правило, вместе, отдельное рассмотрение районов носило эпизодический характер и происходило лишь при сопоставлении с памятниками сопредельных территорий.

Следовательно, правомерно говорить о выделенных ранее периодах в истории изучения данной проблемы и определенных особенностях историко-культурного деления Среднего Поднепровья [Палиєнко С.В., в печати]:

I. 20-е – к. 50-х гг. XX в. – включение памятников этой территории в общие схемы развития позднего палеолита Восточной Европы;

II. 60-е – 70-е гг. XX в. – выделение этнокультурной области и локальных археологических культур на материалах среднеднепровских памятников;

III. 80-е – первая пол. 90-х гг. XX в. – уменьшение внимания исследователей к данной проблеме – наличие только нескольких обзорных работ;

IV. вторая пол. 90-х гг. – до нашего времени – рассмотрение проблемы историко-культурного деления памятников данной территории в контексте восточно-граветтской проблематики, использование, наряду с понятием «археологическая культура», понятия «технокомплекс» или «путь развития».

Можно выделить следующие особенности изучения проблемы историко-культурного деления позднепалеолитических памятников Среднего Поднепровья:

1. Позднепалеолитические памятники на данной территории известны с конца XIX в., поэтому они вместе со стоянками Среднего Подонья использовались для составления общих схем развития позднего палеолита Восточной Европы, созданных на основе стадиальной концепции, хотя некоторые исследователи отмечали их культурное своеобразие.

2. Наличие большого количества позднепалеолитических памятников на данной территории, наряду с открытием новых памятников, дало возможность применить концепцию выделения локальных археологических культур для историко-культурного деления позднего палеолита Среднего Поднепровья.

3. В связи с решением проблемы в рамках концепции локальных культур, можно констатировать снижение интереса исследователей к проблеме историко-культурного деления Среднего Поднепровья в 80-х – первой пол. 1990-х гг., когда выходили только общие обзорные работы.

4. Происходит возвращение к данной проблеме во второй половине 90-х годов XX столетия в контексте проблемы «восточного граветта», когда в результате применения новых методологических подходов, связанных с использованием понятия «технокомплекс», появляются новые схемы деления памятников данной территории.

Следует отметить, что даже сейчас существует путаница в терминологии и в применении различных методологических подходов, что наглядно иллюстрирует дискуссия о правомерности выделения Днепро-Донской историко-культурной области охотников на мамонтов. Исследование влияния разработки методологических вопросов первобытной археологии на практическое решение проблемы историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы станет дальнейшим направлением работы автора.

Литература:

- Абрамова З.А. Роль палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы. // СА – 1960. – №3.
- Абрамова З.А. Верхний палеолит Восточно-Европейской равнины. Итоги и проблемы. // РА – 1999. – №2.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. – Вып. 3. – СПб., 1997.
- Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. – М., 1998.
- Аникович М.В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus –2003-2004. – №1-2.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. – М. – Л., 1964.
- Борисковский П.И. Палеолит Украины. // МИА - №40. – М.–Л., 1953.
- Будько В.Д. Верхний палеолит Северо-запада Русской равнины // Докл. на VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков – М., 1966.
- Васильев С.А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее. // Stratum plus. – 2002. – №1-2.
- Васильев С.А. Проблемы культур верхнего палеолита в Российской археологии (исторический обзор). // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб., 2002а.
- Гладких М.И. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднелепелитических памятников. // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977.
- Гладких М.И. Исторична інтерпретація пізнього палеоліту України (за матеріалами території України). – К., 1991.
- Городцов В.А. Археология. Т. I. Каменный период. М. – Пг., 1923.
- Григорьев Г.П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970.
- Григорьева Г.В. К вопросу о существовании Днепро-Донской историко-культурной области. // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб., 2002.
- Ефименко П.П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. // Человек. – 1928. – №1.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. – Л., 1938.
- Ефименко П.П. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. // Материалы по четвертичному периоду СССР. – Вып. 2. – М.– Л., 1950.
- Ефименко П.П. Первобытное общество. – К., 1953.

- Лисицын С.Н. Эпиграветт или постграветт. // *Stratum plus*. – 1999. – №1.
- Нужный Д.Ю. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межиріч та їх місце серед епіграветських комплексів Середнього Дніпра. // *Кам'яна Доба України*. – К., 2002.
- Нужный Д.Ю., Пясецький В.К. Крем'яний комплекс верхньопалеолітичної стоянки Бармаки та проблема існування пам'яток мезинської індустрії на Волинській височині. // *Кам'яна доба України*. – Вип. 2. – К., 2003.
- Оленковський М.П. Граветтійський шлях розвитку в пізньому палеоліті України. // *Археологія*. – 2000. – №2.
- Оленковський М.П. Культурно-історичні процеси в середню та пізню пори пізнього палеоліту Лівобережної України. // *Археологический альманах*. – №9. – Донецьк, 2000а.
- Оленковський М.П. Палеоліт та мезоліт Присивашся. Проблеми епігравету України. – Херсон, 2000б.
- Оленковський М.П. Деснянська східноепіграветська культура в українському Понесенні. // *Кам'яна доба України*. – Вип.4. – К., 2003
- Палієнко С.В. Проблема історико-культурного членування пізнього палеоліту Півдня Східної Європи (історіографічний аспект). // *Археологічні студії* – (у друці).
- Палієнко С.В. Проблема історико-культурного членування пізнього палеоліту Середнього Подніпров'я (історіографічний аспект). // *Часопис української історії* – Вип. 9. – в печаті.
- Рогачев А.Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества. // *Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР*. – М., 1969.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. // *Палеолит СССР*. – М., 1984.
- Синицын А.А., Сергин В.Я., Хоффекер Дж.Ф. 120 лет исследования палеолита Костенок: традиции и тенденции. // *Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы*. – СПб., 2002.
- Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. – М., 1959.
- Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. – К., 1965.
- Шовкопляс И.Г. О локальных различиях в развитии культуры позднего палеолита. // *Докл. на VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков*. – М., 1966.
- Шовкопляс И.Г. Пізній палеоліт. // *Археологія Української РСР*. – Т.1. – К., 1971.
- Шовкопляс И.Г. Добраничевская позднепалеолитическая стоянка на Украине: исследование, экспонирование. // *КСИА РАН* - №206 – 1992.

А.И.Дробушевский, Г.Г.Нечаева (Ветка)

Ромбы «целинные» и «засеянные». **Геометрический чин знаков в археологических** **и этнографических памятниках.**

В статье «Судьба одного знака. Археология Почепа и современная этнография» мы поставили вопрос о сближении данных археологии и этнографии на региональном уровне, обратившись к сравнению позднезарубинецких глиняных сосудов Верхнего Подесенья [Амброз А.К., 1964, с. 68; Заверняев Ф.М., 1969, с.108] и тканых рушников традиций пограничья Беларуси и России. И те, и другие артефакты содержат знаки-символы. Они считаются индоевропейскими по происхождению и относятся к геометрическому чину, сложившемуся, как полагают, во II–I тыс. до н.э. В древности, вероятно, система ромбов связывалась с образом земли, а разные конфигурации ромба – с множественностью «стадиальных» образов её божеств. Так, ромб с крючками «был символом матери-земли плодоносящей, знаком плодоносящего поля» [Амброз, 1966, с.22]. Варианты косоугольного креста, в том числе и с крючками на концах, возможно, несут «мужское начало» в магии плодородия. Нам известны и белорусские «ромбы с крючками», и «крюки» на пряслицах раннего железного века, синхронные верхнедеснинским находкам (рис.1: 7–9). Размещение подобных знаков на археологических артефактах не носит орнаментального характера, напоминая, скорее, магическое нанесение символов. Следовательно, в I–II вв. н.э. на указанной территории этот геометрический чин был ещё жив, а символы «имели отношение к идеологии». Далее знаки исчезают с керамики и для периода славянских племён там не известны. Однако, то же «неорнаментальное», асимметричное нанесение геометрических фигур находим на фрагментах узорных тканей из смоленских курганов XI–XIII вв. (рис.1:1). Мы не прослеживаем здесь судьбы геометрических знаков в восточнославянской средневековой христианской культуре, хотя, очевидно, это значимый параллельный ряд их развития. Говоря только о глине и тканях, заметим, что «внезапно» геометрические символы возникают на орнаментальных поясах белорусской посуды XVII–XVIII вв., причём оттиски отдельных штампов стремятся к повтору асимметричных групп знаков. Возможно, это влияние орнаментации тканых поясков, которыми обрядово опоясывали сосуды, например, в чине свадьбы.

Первоначальное рассмотрение «геометрического чина» с керамики железного века сегодня можно значительно углубить по времени, благодаря дополнительным материалам, среди которых и последние публикации [Березанская, 1982; Буйнов, 2006, с.39-50]. По мнению большинства исследователей, бондарихинская и лебедовская культуры позднего бронзового века имели непосредственное отношение к формированию юхновских древностей эпохи раннего железа. Юхновская культура Подесенья, в свою очередь, сыграла важную роль в генезисе позднезарубинецких памятников I–II вв. н. э. почепского типа. Иными словами, прослеживается как бы генетическая линия развития местной символики, начиная от эпохи бронзы до исторических славян. Известна данная символика в эпоху раннего железа на территории Беларуси и в Прибалтике, что, возможно, свидетельствует об очень древней ее общей подоснове.

Уместно применить лингвистические термины для описания накопленного материала. Так, сумма употреблений геометрических знаков для одной культуры (традиции) представляет их парадигму. Применение разных знаков единого геометрического чина на одном артефакте, сочетание их выступает как синтагма(ы) и может иметь отношение к «высказыванию». Характер этих «знакосочетаний», скорее всего, подобен форме магического заклинания, широко распространённого как в древних памятниках письменности, так и в обрядовом фольклоре. При сравнении разновременных памятников, имеющих вероятность родства и наследственности, такой парадигматический и синтагматический подход позволяет приблизиться к системам «идеологии», представляя их диахроническое развитие через «тексты». Парадигмы и синтагмы знаков сравниваемых памятников приводятся ниже.

Более ранние материалы эпохи бронзы и бондарихинские «синтагмы» сосредоточены на оппозициях креста и ромбов без отростков, на сопоставлении таких ромбов, разных по заполнению; Почеп и Синьково дают на разных изделиях: 1) ромбы с отростками и 2) сочетания ромбов с крюковатым ромбом. Однако, речь может идти как о развитии и специализации орнамента, так и о разном обрядовом предназначении его композиций, находимых единично и не представляющих подлинных парадигм, утраченных или не обнаруженных.

Так, сопоставление с этнографическими ткацкими традициями показывает, что все виды знаков наличествуют на рушниках и одежде, однако располагаются там в разных местах общей композиции или на разных изделиях одной традиции. Традиция сменять рушники в Красном углу по праздникам и сегодня выделяет два календарных периода: весенний и урожайный. Ещё один ряд тканых и вышитых

предметов обнаруживает чёткое противопоставление по «весеннему» и «урожайному» орнаменту: это женские рубахи. Их семантическая реконструкция показывает, что 1) целые, не раскрещенные ромбы и концентрические ромбы с отростками (возможно, целинные знаки, знаки земли невозделанной и весенних обрядов) – отличаются от 2) ромбов типа «засеянного поля» и крюковатых ромбов урожая (родов) как приметы 1) девичьих и 2) женских рубах. Такую же оппозицию знаков представляют и скатерти. Мы полагаем, что так сохранились композиции орнамента, предназначенного для разных календарных обрядов, а также для обозначения инициационных обрядов разных стадий жизни женщины, уподобленной земле.

Известное нам обрядовое сопровождение земледельческих периодов работ, безусловно, было более значительным в древности. И сегодня говорят, что «зажинает» рожь Богородица (в другом случае – «домовой»). Поэтому обрядовая практика, и, в частности, геометрические формы ритуальных «соломенных» объектов должны привлечь внимание исследователя [Славянские древности, с.231-232].

Повтор косых крестов с двойными крюками (рис.1:11) находим на горшке бондарихинской культуры. Двойными крюками заканчивается цепь косых крестов – ромбов с пряслица днепро-двинской культуры начала н.э. Двойной крюк может иметь соответствие в представлениях о «царь-колосе», двойном колосе-спорыше, до сих пор обладающем магическими свойствами в народной культуре [Славянская мифология, с.365]. Нанесение этих знаков может быть весенним, плодородным, с уточнением просьбы: о двойных колосьях. Косой крест с тройными крюками и утроением линии самого креста (рис.1:10) находит обрядовое соответствие в форме изготовления дожиночного креста из четырёх прядей по три колоска в каждой (с.Столбун Ветковского р-на). Косой крест в составе сложной фигуры сопоставлен с косой свастикой в ряду плодородных знаков на ткани XI–XIII вв. (рис.1:1). Кстати, дожиночный крест из Столбуна не дифференцирует направления согнутых колосьев, представляясь то, как свастика, то как крюковатый косой крест – «козёл».

На узорных тканях есть соответствия всем косым крестам археологических артефактов. Простые косые кресты на изделиях эпохи бронзы и на белорусских пряслицах раннего железного века – те же, что на полосах орнамента, приближенных к началу композиции. Таков рушник из Отара Чечерского р-на, который строит дальнейшее развитие композиции на «вселении» этих крестов в знаки засеянного поля [Арнаменты Падняпроўя, с.507, №149]. Им специально посвящён рушник из Бабич Чечерского р-на [Арнаменты Падняпроўя, с.501, №130]. Ряды косых крестов – на мережах рубах и скатертей [Навуковыя запіскі Веткаўскага музея..., ил.№73]. Кроме того, нами

зафиксировано тоекратное нанесение косога креста на дорогу или дно реки при вызывании дождя [Арнаменты Падняпроўя, с.445, мал.103].

Косые кресты с одиночными крюками – элемент композиции рушника из Фёдоровки Ветковского р-на. Они выступают в вертикальной цепи, чередуясь с ромбами – знаками засеянного поля (далее – «нивами») [Арнаменты Падняпроўя, с.470, №39].

Косые кресты с двойными крюками чередуются с глухими ромбами на мережках ритуальных рубах – «сцэльніц» Неглюбской традиции. Они связаны со свадебным чином, обозначая переходные моменты в жизни женщины – невесты и свекрови. Похожие знаки есть и на узорных полосах-«колодках» девичьих рубах [Навуковыя запіскі Веткаўскага музея..., іл. №72, 80, 81]. Двойные крюки представляют фигуру «кучерявый козёл» в рушниках бобовичской традиции вдоль Ипути и закрепляются в урожайном знаке бабичской традиции по р.Покоти [Арнаменты Падняпроўя, №294, 89, 95, 96].

Таким образом, простые косые кресты археологических композиций соответствуют «начальным фразам» этнографических тканей, акцентируя мужскую, граничную, охранную функцию. Косые кресты с одним и двойным крюками соответствуют аналогичным знакам «весенней» продуцирующей семантики. Размещение их на пряслицах раннего железного века соответствует «начальной» функции прядения в сумме операций изготовления ткани.

Гипотетическое значение как треугольника, так и ромба – знак земли вообще, «земной тверди», причём простой ромб – «это символ женского начала в природе. В таком значении он выступает от палеолита до наших дней» [Амброз, 1966, с.18, 22]. Однако, вхождение треугольников и ромбов в одну парадигму (а в композиции из с.Зубовка – и в одну синтагму), как и разное заполнение обоих знаков, предполагает не только наследование единого смысла (треугольника – ромба), но и развитие его в обособленные значения.

Ромбы бондарихинских памятников представляют парадигму: пустые – кососштрихованные – «нивы» – выполненные или заполненные точками («зерновые»). Последние представлены в цепи на керамике бронзового века с территории Ветковского р-на [Арнаменты Падняпроўя, с.436, мал.93] и в Родном Крае-1. «Зерновой» ромб на символическом уровне продолжает семантику более ранних сосудов, полностью покрытых точечным орнаментом [Березанская, 1982, рис.18:12]. Символика полного вполне соответствует сплошной цепи «зерновых» ромбов при том, что эти фигуры идут по верхней части сосудов.

Сочетание тройного косога крюковатого креста и «полного» ромба также может иметь продуцирующий смысл, соответственный

подблюдной песне «на богатство»: «Ещё ищет Никола неполного...
Ещё хочет Никола дополнити...» [Успенский, 1982, с.72].

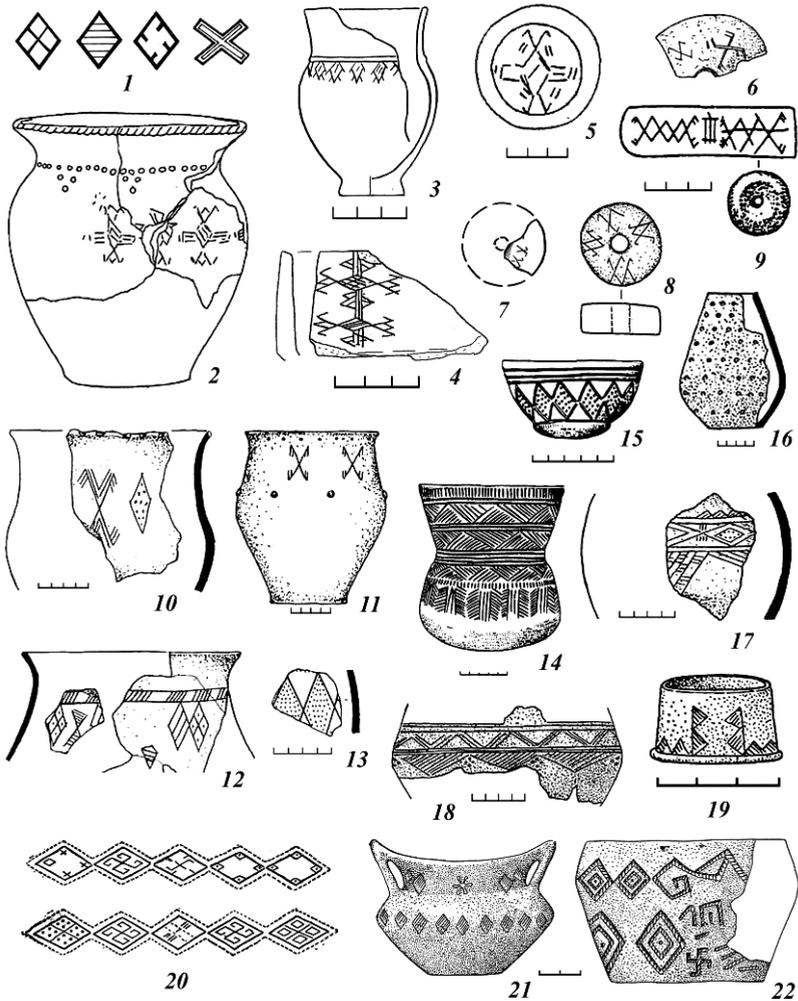

Рис.1. Геометрические знаки эпохи бронзы – средневековья из Поднепровья и сопредельных территорий. 1 - геометрические фигуры на фрагментах узорных тканей из смоленских курганов XI–XIII вв. (по М.Н. Левинсон-Нечаевой и Е.А.Шмидту); 2–5 – памятники почепского типа I–II вв. н. э. (по А.К.Амброзу и Ф.М.Заверняеву); 6 – городище юхновской культуры Торфель (по Е.И. Горюновой); 7–9 – памятники эпохи раннего железа Беларуси (по А.И.Дробушевскому, А.А.Метельскому и В.И. Шадьро); 10–13 – памятники бондарихинского круга (по Ю.В. Буйнову); 14–22 – памятники бронзового века Южной Беларуси и Северной Украины (по И.И.Артеменко и С.С. Березанской).

Христианский «наследник» языческого Велеса, ответственного за сырое зерно и золото, вполне может продолжать глубинную магическую «фразу». Пара знаков напоминает и об обычае класть дожиночный крест в севалку с зерном, добавляя при севе зёрна из креста в посевное зерно.

Сравнение треугольников и ромбов, выполненных точками в виде «гроздей» с контурными «зерновыми» ромбами (рис.1:10, 13, 15), обращает наше внимание на стихийность «неизмеренного»: образы множественности – капли дождя, семена, грозди ягод. Древней оказывается аналогия «дождь – семена» в обычае вызывать дождь, сыпля в колодец «неисчислимы» зернышки дикого («глухого») мака. В контурном «зерновом» ромбе актуализируется характерное для ромба-земли-женщины значение ёмкости, вместилища, «места». Ряд обрядовых объектов реализуют одну и ту же мысль о возвращении божественной «неисчислимости» зёрнам собранного урожая: сосуды с зерном, севалки с зерном в обрядах, известные с античности обряды «всезерния», вообще, ритуальные каши родильного, свадебного, похоронного и урожайного циклов... Сочетание пустого и «зернового» ромбов в центральной полосе орнамента на горшке из Зубовки (рис.1:17), между архаичных косоштрихованных треугольников, может передавать просьбу о должном заполнении пустого.

Излюблены для бронзового века косоштрихованные треугольники. В культовом миниатюрном сосуде их ряд образует «ворота» в «нижний мир» (рис.1:19). Иногда симметричное расположение по обеим сторонам «дорожки» стремится к сумме верхнего и нижнего треугольников, как к ромбу, только разделённому этой межой. Они продолжают свою жизнь и в бондарихинских артефактах, и в Юхновской культуре, причём в последней исследователь прослеживает их «женскую» семантику [Левенок, 1963, с.87]. Они же – в вертикальном варианте – в композиции из Синькова. В композициях из Зубовки малые треугольники-«крыши» лежат на полосе сверху, вниз же развиваются большие треугольники с разным заполнением, что показывает сохранение или развитие особого смысла. Половинки ромбических фигур, а затем их полные формы в основных полосах композиции, – характернейшая черта рушников Бабичской традиции [Арнаменты Падняпроўя, с.487, №90 и далее]. Горизонтальные полосы-пояски (по терминологии ткачих, «колодки» и «дорожки») с древнейших времён выступают границами ярусов мира, находя продолжение в основах композиции орнамента. Она может наследовать и семантические потенции: треугольник с «небесной межой», обращённый вниз, символизирует небесное начало плодородия, обратный ему – земное. В аналогичной позиции (верхняя полоса) на рушниках изо-

бражаются знаки и «действия» начала (соединения мужских и женских знаков, семян и т. д., включая и знаки воды, огня).

Половинные цепи, треугольники как части плодородных знаков-ромбов – характерная черта композиции вышивок вдоль соединительных швов в одежде. Анализ состава знаков обнаруживает здесь преимущество хтонических символов. Это вполне характерно, если считать тождественной символику швов и дорог, «раскосов и раскросов», ибо и в ткани, и на местности мы имеем дело с «разодранным», нарушением целостности, активизацией хтонического начала мира, и – последующими операциями «соединения», с обращением к знакам представителей этого хтонического, включая и свойство половинного, нецелого, косоугольного и кривоугольного (например, зигзаг).

Таким образом, все эти архаичнейшие черты могли относиться и к косощтрихованным треугольникам эпохи бронзы и к их наследникам, в т.ч. и к косой штриховке ромбов – как объекта уже иной «планировки». Тем более, что «периодом возникновения» подобных символов признаётся «период раннего производящего хозяйства, период стихийно-демонического мировоззрения», когда сложилось космогоническое представление «о матери-земле как основе всего сущего и об её мужском спутнике и супруге» [Амброз, 1966, с.23].

Культовый сосуд эпохи бронзы, с Северной Украины строит двухъярусную композицию, где нижний ряд составляют косощтрихованные ромбы, в верхнем ряду они же фланкируют шестилепестковую розетку с солярным и плодородным смыслом (рис.1: 21). Сосуд, возможно, был предназначен для весеннего обряда «пробуждения земли». Видимый фрагмент композиции из Родного Края-1 – три косощтрихованных ромба с противопоставленным им «зерновым» ромбом (рис.1:12). Тройное обращение к символу земли хтонической с «выводом» ромба, наполненного зерном, не кажется случайностью.

Ещё одна композиция из поселения Родной Край-1 – «двойная фраза» (рис.1:12). Знаки первой: ромб-«нива» предшествует особому «глухому» косому кресту, за которым следует возвращённая в хтоническое и дикое состояние земля. Аналогии «заполненного», «закрытого»(?) косоугольного креста на этнографических тканях обычно также разделяют символы земли (чаще всего «девственной», нераспаханной) [Навуковья записки Веткаўскага музея..., іл. №61, 62, 79]. Археологический памятник, возможно, позволяет понять смысловую разницу в двух видах разделителей-«козлов» этнографических тканей. Ранее мы считали их декоративным развитием исходного косоугольного креста. Однако теперь «закрытость» косых крестов проясняется как важный семантический признак: отсутствие взаимодействия с ромбами. При повторе в полосе орнамента возникает тема: защита и укрытие ромбических фигур, образ помещения (одно из местных названий таких

знаков – «столпцы»). Обрядовый аналог – осеннее «замыкание» земли. Символический – нахождение в «нижней» части мира и года.

Вторая «фраза» бондарихинского памятника (рис.1:10) соединяет ромбы в обратном порядке: от хтонического и дикого – к засеянному. Она продолжает первую, это – весеннее «пробуждение» земли и сев. Во всяком случае, оба периода отмечены обрядами весьма древнего происхождения. «Синтагма» ромбов – древнее явление. Так, цепи из пяти ромбических знаков представлены на керамике эпохи средней бронзы Северной Украины [Березанская, 1982, с.187, рис.72, 9, 10]. Разное заполнение ромбов говорит о том, что «орнамент» исполнен семантики, и о том, что «речь идёт» о вхождении в символы земли «мужских» символов и знаков семян. Такими представляются косые (большие и малые) кресты и точки-семена, ромбики-зёрна, а также левые свастики. Семь разных заполнений ромбов представляют три группы значений. Первая – три варианта знака «засеянного поля». Это, во-первых, заполнение клеток раскрещенного ромба крестообразными группами четырёх точек (они же – и на других сосудах: 1) целый ряд над пояском, 2) между косоштрихованными треугольниками как бы «входят» в землю). В этнографических тканях сходную функцию выполняют маленькие прямые крестики - «верябы». Возможно, к значению «сева» здесь добавляется семантика креста как огня (начала жизни?). В первой цепи последний, «итоговый» ромб – то же «засеянное поле», но с большими ромбиками внутри клеток, возможно, полный зёрен. Первый ромб второй цепи подтверждает важность особой семантики: в нём – три маленьких крестика и один ромбик-«зерно». Вторая группа – ромбы со свастическими знаками внутри, с мужской и плодородной семантикой «блага». Третья группа – «неполные», «косые» знаки внутри ромбов. В обоих случаях они занимают центральные позиции, деля композицию на две части. Возможно, так делятся фазы посева и созревания. Сочетание ромбов-«засеянных полей» и ромба со свастикой в позиции между ними – в археологической ткани из Дорогобужского р-на Смоленской области [Левинсон-Нечаева, 1959, рис. 10].

Косоштрихованные ромбы с отростками (рис.1: 3) – тема орнамента горшка почепской культуры из Синькова. Посвящение сосуда символу весенней земли соответствует подобному орнаменту на «девичьих» композициях этнографических узорных тканей. На тканях из смоленских курганов также есть ромбики с отростками. Впрочем, своеобразие знаков на почепской керамике может ставить их в ряд символики и проросших семян... Солод – в высшей мере ритуален. Следует вспомнить, что варка пива, по этнографическим материалам, посвящается Никольскому празднику.

В парадигму ромбических знаков в Синькове входят ещё косоштрихованные ромбы (суммы треугольников) и два вида крюковатых ромбов – так называемых символов земли урожайной, плодоносящей, божества спелого поля. Ранее мы предположили, что наличие «урожайных знаков» с «культурной» и «хтонической» сердцевинкой напоминает обрядовое различие и противопоставление озимой ржаной нивы и яровой пшеничной, упомянув и белорусское: «жыта – дзеўка, пшаніца – маладзіца». Возможно, озимая ржаная нива имеет признаки нового возрождения из зимы – смерти и, вследствие этого, символическое обновление девственности. Известно, что зарубинцы знали и пшеницу, и рожь. В регионе порубежья Гомельской и Брянской областей именно в ржаном поле проходят и весенний обряд «Стрела», и обряды периода жатвы.

Два рожаничных (урожайных) знака, один из которых – загадочный «девственный» крюковатый ромб с косоштриховкой, присутствуют в синьковском археологическом артефакте в одной цепи. Знаки из Почепа – ромбы с вертикально расположенными крюками (условно «орлы») также имеют косоштрихованную середину. Это обращает наше внимание на противопоставление двух систем ромбических знаков. Есть раскрещенные ромбы и «целые». Причём последние – либо с «косыми» элементами внутри (косая штриховка, косые свастики), либо концентрические [в кругу нашего материала они сочетаются со свастикой на культовых сосудах эпохи бронзы (рис.1: 20, 22)]. Сходство «целых ромбов», возможно, в том, что они продолжают и разнообразят «стихийную» символику. В рушниках это подтверждается тем, что нерасчленённый концентрический «тёмный» ромб имеет «стихийные», «хтонические» варианты местных названий: «глуховка», «глухая», «глухая-слепая» [Арнаменты Падняпроўя, с.73–163]. Концентрические и раскрещенные ромбы присутствуют и на ткани XI–XIII вв., и на керамике XVII–XVIII вв. По нашим «ткацким» традициям известны все их «стадии»: простые, с отростками, крюковатые. Иногда мы находим парадигму в одной и той же традиции рушников (неглиобская, бабичская, бобовичская). Есть рушники, сопоставляющие, подобно синьковской цепи, оба вида урожайных крюковатых ромбов в одной композиции (правда, они размещены по разным полосам орнамента, при возможности «календарного» прочтения). Следует добавить и развитие в тканых узорах разных «девственных» форм ромба, а, следовательно, и соответствующей символики. Так, именно в бабичской традиции закрепляется в качестве урожайного крюковатый ромб с шестилепестковым цветком внутри. Его местное название – «болонка» – подчёркивает значение «болого-полого», белого, девственного [Арнаменты Падняпроўя, с.489, №№95,96]. В междуречье Сожа – Ипути сохраняется простой

ромб с косым свастическим элементом внутри, условно называемым нами «птичкой». Он противопоставлен крюковатому раскрещенному ромбу. Последний знак разделён не косым крестом, а диагональной решёткой на девять клеток – так же, как в Синьково. Традиции рушников сохраняют обе ветви развития «культурных» ромбов. Так, именно в сторону Ипути увеличивается «дробность» деления ромбов.

Проведенное нами сравнение археологических памятников с привлечением аналогов этнографических материалов может способствовать переводу исследований на новый уровень: с фиксации совпадающих отдельных знаков – к рассмотрению их «синтагм». При этом региональный принцип привлечения материалов и использование памятников, связанных возможностью исторического развития, предполагает и преемственность символических значений в их «геометрических текстах».

Литература

- Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // СА, 1964 – № 1. с.56–71.
- Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА, 1966 – №3. с. 14–24.
- Арнаменты Падняпроўя. – Мн., 2004.
- Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – К., 1982.
- Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. I. – Пгр., 1916.
- Буйнов Ю.В. К вопросу об исторических судьбах племён бондарихинской культуры // РА, 2006 – №2. С.39-50.
- Заверняев Ф.М. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. – МИА №160. – М., 1969. С.88-118.
- Левенок В.П. Юхновская культура (её происхождение и развитие) // СА, 1963 – №. 2. С.79–96.
- Левинсон-Нечаева М.Н. Ткачество // Труды ГИМ. Вып. 33. – М., 1959.
- Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель, 2004
- Славянская мифология. – М., 1995.
- Славянские древности. – М., 1995.
- Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982.
- Шмидт Е.А. Курганы XI – XIII вв. у дер.Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 2. – Смоленск, 1957.

Е.А.Шинаков (Брянск)

Пути формирования древнерусских городов в Подесенье.

Скандинавы называли Русь «Гардарики», страной городов, имея в виду укрепленные поселения. Русский средневековый город отли-

чался от западноевропейского не только отсутствием так называемой «бинарной оппозиции» к феодальной власти, но и способами его возникновения и источниками формирования. В этом ключе большое значение принадлежит административно-фискальным и военно-политическим функциям – наряду с торгово-ремесленными и культурными - в процессе развития феодальной власти. Выдающийся исследователь А.В.Куза, сравнив русский средневековый город с восточным феодальным, дал следующее определение: «Город – это укрепленное поселение, где большая часть избыточного продукта, получаемого из обширных сельских земель, концентрируется, перерабатывается и перераспределяется». На этой основе возникают все остальные функции городов: экономико-организационная, торгово-ремесленная, религиозно-культурная, идеологическая и т.д. Однако все эти функции городов начинают действовать в комплексе только после объединения Древней Руси на этапе «раннего государства» (к.Х-н.ХІІ в.). В процессе его зарождения (ІХ-Х вв.) существовали населенные пункты разных типов, которые не всегда позднее развивались в города. Это были такие интернациональные центры, как «вики», возникшие на пересечении торговых путей, останки типа «станов» на пути полюдья, опорные пункты формирующейся государственной власти – погосты, племенные административно-культурные центры – грады, «военные (дружинные)» лагеря, крепости, специализированные ремесленные центры «служебной организации», частновладельческие поселения с усадьбами-замками (села). Функции распределялись среди них по территориальному принципу, что позволило создать две концепции, связывающие возникновение городов с государствогенезом: теория «пар городов», «городовой сети», где каждое поселение обладает одной или двумя функциями и дополняет друг друга, и «переноса городов». Естественно, не все эти поселения преобразовались в подлинные города. Этого не случилось, так как их функции были слишком тесно контаминированы именно с процессом государствогенеза. Образование многочисленных новых городов в конце XI-XII вв. связано уже с социально-экономическими и политическими изменениями в русском обществе – развитием феодальных отношений по особенной «вотчинной» модели и политической раздробленностью – формированием большого количества новых независимых и полузависимых княжеств и их столиц – центров сложившейся государственной власти.

Первые обследования Вщижа и Брянска были предприняты еще на рубеже XIX и XX вв. местными помещиками и членами Орловской ГУАК, в середине XX века они были продолжены старейшими брянскими археологами Ф.М.Заверняевым и В.А.Падиным и исследователями из Ленинграда и Москвы П.А.Раппопортом и Т.А. Равди-

ной, в конце XX в. – учёными БГУ и Брянского краеведческого музея. Около 18 городов и их аналогов были упомянуты в письменных источниках: по 5 для Смоленского и Новгород-Северского, 8 для Черниговского княжества. Все они располагаются в Подесенье, и только один – Зарой – на р.Ипуть на границе с Беларусью. Некоторые крупные центры, выявленные раскопками, не упомянуты в письменных источниках.

Мы выделяем 7 представленных в Подесенье основных путей образования городов. Его региональная специфика определяется следующими ведущими факторами. Через регион проходили три трансовосточноевропейских пути: из «Русской земли» (Киев, Чернигов) во Владимир и Суздаль (2 варианта), из Подесенья (Брянск) в Смоленск и далее до Балтики, из Подесенья (Трубчевск, Севск) в Курск и далее в земли кочевников. Не исключено, что через север региона в IX-X вв. проходил один из «боковых» вариантов «Ауствегра» – «Восточного пути» с Днепра на Оку. Подесенье – контактная зона пяти восточнославянских племенных союзов, а позднее – трех великих и четырех удельных княжеств, разных для до- и послемонгольского периодов. Именно по границам племенных союзов проходил путь «Большого полудья», границы хазарской и «варяжской» зон влияния, рубеж позднероменской культуры и этно-потестарной Руси. Наконец, здесь располагались контрастные физико-географические микрорегионы от ополей до полесий, связанные с главным ландшафтным рубежом Русской равнины.

Племенные города. Типичный пример – Кветунь под Трубчевском: небольшая крепость с сильными естественными укреплениями, святилищем и языческим курганным некрополем. Выявлены следы ремесленников, работающих на заказ, административного управления, военной племенной элиты. Между крепостью и некрополем лежит небольшое неукрепленное поселение, где обитало население, занимавшееся ремеслом и сельским хозяйством. Это – центр одного из северянских княжеств. Позднее, после включения в состав Древней Руси, размеры поселения увеличиваются: здесь жили ремесленники, воины, слуги. Кветунь стала опорным пунктом государственной власти, позднее – подгородним селом с укрепленной усадьбой трубчевских князей. Языческое кладбище превратилось в христианский погост. Кветунь не стала городом: центр княжества, образованного в 1164 г., был перенесен на 12 км в соседний Трубчевск, напротив устья реки Неруссы, что связала две части княжества – трубчевскую и курскую.

«Станы» на пути полудья, «погосты». Основное отличие – это расположение на пути «Большого полудья» в X в. в эпоху «двухуровневого государства», когда эксплуатация племенных княжеств-

вождей проводилась в виде ежегодного объезда их земель «всеми росами» - полудья. Дань собиралась местными князьями и вождями, а затем доставлялась в «станы» и «погосты», откуда киевский князь и его дружина из «росов» забирали её лично раз в год. Из этих «станов» они могли нанести военный удар непокорным сепаратистам, используя карательную, устрашающую деятельность, в то же время регулярно исполняя ритуально-мистические и судебные функции. Важная особенность – расположение на удобных речных путях. Полудье совершалось зимой, использовался лед рек. Укрепления «станов» достаточно слабые из-за присутствия сильного гарнизона, но они окружали большие площади, где хранилась собранная местными правителями натуральная дань (зерно, мед, воск, овощи, «платья»). Строения – сезонные, имелось много жилищ для князя и нескольких сотен дружинников, заполнявшихся раз в год зимой. Кроме определенной топографии, укреплений и набора находок в слое, кладов в окрестностях, большие станы – погосты (Левенка, Сновск) - могли содержать небольшие русские дружинные некрополи с инвентарем и обрядом, кантаминированными с интернациональной, синкретичной (славяно-скандинаво-балто-финно-угорско-кочевнической) военной культурой. Не исключено, что второй ипостасью «погостов» были лагеря, где концентрировалась военная сила перед походом, так называемые «дружинные лагеря», функции которых они (погосты, а то и станы) спорадически исполняли. Промежуток между станами должен был быть рассчитан на день пути. Это – места для ночевки, отличающиеся от «погостов» своими размерами и «пульсирующим» характером, где люди жили неделю или больше, и где хранилась дань. Период расцвета станов и погостов относится к X веку, затем они сокращаются в размере и не превращаются в города, так как полудье приходит в упадок. Вместо Левенки городом стал Стародуб (в 6 км) с княжеской резиденцией.

По археологическим и нумизматическим данным (концентрация монетных кладов X в.) на черниговском отрезке полудья точно фиксируются два больших погоста: Сновск (к северу от Чернигова) и Шестовицы (к западу) и 3-4 стана средних размеров. Два из них (Сновск и Вщиж) стали средневековыми городами, хотя и только через один этап развития, а другие сошли на нет или превратились в большие княжеские усадьбы-деревни, не развившись в города. Так как маршрут полудья пролегал с севера на юг (из Левенки в Шестовицы – последний пункт перед Киевом) через Сновск, то их размеры логично возрастали по мере приближения к конечному пункту полудья – Киеву.

«Открытые торгово-ремесленные поселения» не имели укреплений, хотя рядом могла находиться старая крепость-городище, укреп-

ленный или заселенный двор княжеского наместника или боярина, но это жестко не детерминировано. Несомненно, что они должны были находиться на пересечении важных торговых путей, в основном – на речных водоразделах, где также существовали и сухопутные дороги. Они были больших размеров (несколько гектаров) и имеют огромное количество ремесленных изделий, включая и вещи не местного производства. Присутствие денежных кладов в ближайших окрестностях также возможно. Пример – поселение Рябцево в 17 км к с-з от Стародуба на большом водоразделе основных притоков Десны (Судость-Вабля на северо-востоке и Титва-Снов на юго-западе). Превращение в города возможно (Рябцево к ним не относится из-за соперничества Стародуба) при условии переориентации ремесла и торговли с внешнего на внутренний рынок. На другой важной части пути из «Русской земли» в «Залесскую землю» появляется Брянск, первоначально сформировавшийся как открытое торгово-ремесленное поселение; в конце X в. он был достаточно больших размеров, имел предметы импорта, но укрепления этого времени пока не найдены. Не исключено, что в случае необходимости это ОТПП могло использоваться и как место концентрации войск перед походом на соседние племенные союзы и княжества (вятичей, северян, возможно, – радимичей).

«Дружинные» (военные) лагеря – пограничные крепости могут трансформироваться друг в друга и выполнять функции, первоначально принадлежавшие станам-погостам. «Дружинные лагеря» в Подесенье – Шестовицы к западу от Чернигова, Сновск – к северу от него и Левенка возле Стародуба. Все они выполняли функцию концентрации и защиты собранной с окружающих племен дани. Эти «дружинные лагеря» совпадают с рассмотренными ранее станами-погостами. Мы можем подчеркнуть их сходство с «королевскими крепостями» или лагерями викингов в Дании. Постоянные лагеря римских легионеров и краали зулусов тоже очень схожи с ними функционально. Некоторые «дружинные лагеря» также выполняли роль пограничных крепостей. В XII в. цепь крепостей (Синин Мост, Росусь, Старый Почеп, Воробийна и др.) располагалась вдоль границы Черниговского и Смоленского княжеств. Часть из них превратилась в небольшие города, такие как Синин Мост. Это – крепости на внутренних пограничьях Руси, никак не связанные с обороной от кочевников. В то же время, в южной части Подесенья существуют несколько пограничных с кочевниками крепостей, часть которых также стала небольшими городами, а два из них – Путивль и Курск – становятся даже княжескими резиденциями.

Поселения «служебной организации» были контаминированы с особыми территориями, известными как «тысяча». «Служебная организация» связана с обслуживанием дружины – социально-полити-

ческой элиты раннесредневековых государств определенного типа в Центральной и Восточной Европе. Это кратковременное явление связано с переходом от «сложного вожества» к «раннему государству», который на Руси приходится на 2-ю половину X – нач. XI вв., когда летописи упоминают о существовании «тысяч». Внешне, по топографическим и археологическим признакам, поселения на этих территориях напоминают большие села при княжеских, боярских усадьбах; однако их население занималось не только земледелием и скотоводством, но и высокопрофессиональным, узкоспециализированным ремеслом или промыслом. Эта функция наложила отпечаток на топонимику: Бобровники, Бортники, Бровары, Бронницы, Солодовники, Ковали... Эти названия происходят от разнообразных ремесел и лесных промыслов, обслуживавших князя и его дружинников. Одна из самых известных «тысяч» – Сновская – находилась как раз в Подесенье. Одно из больших ее поселений (Автуничи) находится на украинско-российской границе, оно было исследовано совместной экспедицией археологов из Чернигова, Брянска, Киева. После раскопок стало ясно, что оно специализировалось, в основном, хотя и не исключительно, на гончарном производстве. Оно не стало городом, так как с окончанием дружинного характера Древнерусского государства необходимость в таких поселениях отпала. Но центр этой «тысячи» Сновск трансформировался в город благодаря ещё двум функциям: «стана-погоста» на пути полюдя и «дружинного лагеря». В литовские времена, в конце XIV–XV вв., поселения такого типа появляются снова, но неясно, превратились ли какие-нибудь из них в города. Во времена Украинского гетманства с военно-ремесленной специализацией поселков связаны хоронимы «буда», «гута», «руда».

Административные центры формирующейся государственной власти. Этот путь градообразования возникает не ранее конца X в., в то время, когда реформы Владимира Святого изменили государственную структуру из племенной в территориальную. Вместо племенных «градов» и «станов-погостов» возникает иерархия центров, где сидели «заместители» князей разных рангов. Сами князья, начиная с сыновей Владимира, правили из «старых городов» – центров «земель», самых больших подразделений Древнерусского государства. Часто эти центры заменяли столицы «вожеств» разных размеров и уровней (княжеств, племенных союзов, отдельных племен), так как у них были устойчивые экономические, социальные, религиозно-ритуальные связи с сельскими землями, освященные традицией «имиджа власти», традицией населения приносить дань в это место. Такое событие произошло со столицей одного из вожеств, племенного союза северян, Кветунью. Эти центры могли возникать и около «стана» на пути полюдя (Стародуб), и на месте открытых торго-

ремесленных поселений (Брянск). Эти пункты стали «столицами» средних по размерам регионов – волостей. Небольшие территориальные единицы приобрели названия «погосты», так же как и их центры. В плотно населенных «волостях» даже маленький город – наряду с крепостями и частновладельческими поселениями – селами с укрепленной усадьбой князя или боярина – мог называться «погостом» и выполнять его функции. Большое значение функции русских городов как центра власти и концентрации налогов с прилегающих территорий, право собирать которые принадлежало только членам династии Рюриковичей или их представителям, отразилось на быстром росте таких поселений, если они становились столицей даже маленького княжества. Это случилось со Вщижем в 1156 г., Трубчевском в 1164 или 1180 г., Брянском и Карачевом в середине XIII века.

Частновладельческие поселения с укрепленными усадьбами. Их количество постепенно возрастает с середины X в., когда летопись упоминает первое из них – деревню «Вольжичи» и «Вышгород, Вольжин град» под Киевом. Это были личные (не принадлежавшие государству) владения и резиденции князей, но не столицы княжеств. Они могли вырасти в частновладельческий город, или остаться сельскими поселениями с усадьбой-замком, или превратиться в столицу небольшого княжества. Все три пути развития частновладельческих поселений зафиксированы в Подесенье. Небольшие частные «грады» – Изяславль и Заруб – принадлежали смоленской ветви Рюриковичей; Ропеск, Ормина, Воробийна – черниговской ветви. Два последних «града» играли роль крепостей на Чернигово-Смоленской границе. Возможно, что аналогичный статус приобрели Синин Мост и Радош на границе Черниговского и Новгород-Северского княжеств. Т.Н.Никольская считает, что крепость Слободка на Навле, левом притоке Десны, была боярским «градом» Болдыж, упомянутым в летописях под 1146 г. на др. отрезке Чернигово-Северской границы. Такой признак, как трехчастная структура, типичная для древнерусской городской топографии (детинец – укрепленный двор князя, «окольный город» и посад), существовала здесь в миниатюре. Общая площадь укрепленной части (детинец плюс окольный город) составляла 1 гектар или немногим более, рядом находился небольшой торгово-ремесленный и сельский «посад». Примером такой структуры, несомненно, является Заруб (крепость Осовик) в Смоленском княжестве. Некоторые частные поселения остались сёлами с близко расположенными усадьбами-замками. Двухчастная структура и названия, заканчивающиеся на «о» (Горислово, Рогово, Рогнедино, Остроглядово, Суворово, Пестриково), отличают их от городов. Они отмечены более богатым, чем у обычного сельского поселения-общины, культурным слоем со следами городского ремесла и торговли с дальними стра-

нами, а также богатыми денежно-вещевыми «накопительными» кладами. Только некоторые частновладельческие княжеские поселения превратились в настоящие города. Трубчевск и Вщиж получили этот статус, так как оказались столицами княжеств, Севск, – ,возможно, благодаря расположению на перекрестке путей: из Киева и «Русской земли» на север, в Залесскую (Суздальскую) землю через Карачев и «Землю вятичей», а также из Трубчевска в Курск и в степи.

Некоторые пути градообразования связаны с процессом государствогенеза, с переходом от «вождеств» к раннему государству. Другая часть связана с усилением нового управления и оборонительной пограничной системой раннего Древнерусского государства и его отдельных частей. Третья часть испытала влияние в процессе перехода от многоукладной экономики, типичной для раннего государства, к особому варианту феодализма. На Руси спецификой феодализма как раз являлись города, которые названы Б.А.Рыбаковым «коллективными замками феодалов», и «вотчина» – особый вид феода, состоящий из частновладельческих поселений – сел и укрепленных «дворов» бояр.

В Подесенье превратились в подлинные города, учитывая разнообразие путей образования, главным образом те поселения, что являлись административными и экономическими центрами плодородных, плотно населенных сельских территорий, с которых можно было получить разнообразные ресурсы, и где был возможен обмен произведениями ремесла, культуры, идеологии, сельского хозяйства и торговли. Таковыми являлись, главным образом, территории ополтий, по окраинам которых и концентрировались средние и малые (крупных «земельных» центров тут, исключая Новгород-Северский, не было) города конца XI-XIII вв., что подтверждает выводы, сделанные ранее. Однако, более тщательный анализ старых и новых материалов полевых исследований позволил расширить список путей градообразования, ранее ограничивавшийся лишь тремя (через племенные «грады», станы-погосты и торгово-ремесленные центры местных сельских округ).

Е.В.Воскресенская, К.Н.Гаврилов (Москва)

Ранний верхний палеолит в окрестностях с.Хотыльёво.

Верхний палеолит в окрестностях с. Хотыльёво традиционно ассоциируется с поселением Хотыльёво 2. Действительно, позднепалеолитический памятник Хотылево 2, открытый в 1966 г. Ф.М.Заверняевым, - одна из наиболее ярких и самобытных стоянок этой эпохи в

бассейне среднего Днепра. Исследованиями Ф.М. Заверняева было установлено, что высокий правый берег Десны в районе с.Хотылево был обитаем и в среднем палеолите, о чем свидетельствует расположенное в 500 м ниже по течению Десны от Хотылево 2 мустьерское местонахождение Хотылево 1. Результаты раскопок и шурфовок, проводившихся течение последних 15 лет Хотылёвской археологической экспедицией ИА РАН, позволяют утверждать, что этот регион посещался человеком в верхнем палеолите как во временные интервалы, предшествующие периоду обитания стоянки Хотылёво 2, так и в более позднее время. Особый интерес вызывают ранние верхнепалеолитические комплексы.

Артефакты, которые можно связать с ранней порой верхнего палеолита, были зафиксированы в шурфах, заложенных как к западу, так и к востоку от Хотылево 2 (рис .1)

Рис.1.Панорама высокого правого берега Десны и местоположение стоянок

Так, на памятнике Хотылево 6, расположенном в 275 м к западу от стоянки Хотылево 2, на противоположном, левом борту Кладбищенской балки, были вскрыты два культурных слоя, относящиеся к эпохе верхнего палеолита. Этот памятник был обнаружен в 1950-е гг. Ф.М. Заверняевым и в 1981 г. исследовался А.Н. Сорокиным. Площадка, на который заложен раскоп № 1, представляет собой мысовой выступ образованный бортом долины Десны и склоном Кладбищенской балки.

В верхней части разреза стоянки (рис.2) залегает слой светло-серой, пылеватой супеси мощностью 0.3 м, переработанной деятельностью землероев и имеющей и неровную нижнюю границу – $A_{\text{пах}}$ современной почвы (сл.1). Средняя часть почвенного профиля представлена светло-серой (до белесой) супесью - горизонт A_2 современной почвы (сл.2). Современная почва залегает с небольшим уклоном к северо-востоку, согласно с рельефом мысового участка. Ниже, в слое легкого бурого суглинка прослеживаются линзы неравномерно окрашенной супеси - коричневато-ржавой за счет ожелезнения и бе-

лесой за счет кремнеземистой присыпки – горизонт А₂Вt (сл.3). Находки первого культурного слоя залежали в нижней части почвенного профиля, на контакте с ортзандовым горизонтом. Так как вся верхняя часть разреза нарушена биотурбацией и пахотой, это привело к смешению находок, относящихся как к верхнему палеолиту, так и к более поздним эпохам. Коллекция кремневых изделий состоит из 166 предметов, среди которых только 102 экземпляра относятся к позднепалеолитическим. Эти находки выделяются своей морфологией, лучшим качеством использованного сырья и наличием пагины.

Залегающий ниже ортзандовый горизонт представлен чередованием переплетающихся прослоев темно-ржавого и белесого суглинка. Прослои имели субгоризонтальное простирание, за исключением участков, где были задеты краевые части псевдоморфоз по повторно-жильному льду (сл.4). Проработка иллювируванием читалась и в нижележащих суглинках в виде наложенной сетки буроватых разводов – т.н. псевдофибров. Суглинки общей мощностью 1.5 м имели коричневатопалевую и серовато-коричневую окраску и вмещали прослой и линзы более светлого тонкозернистого песка в нижней части (сл.5-7). Также в суглинках зафиксированы два уровня оглеения сизовато-серого цвета. Нижняя сизовато-серая прослойка подстилалась тяжелым влажным суглинком бурого цвета с коричневым оттенком. В толще бурого суглинка были отмечены прослойки гумусированного материала, особенно отчетливо читавшиеся в профиле южной стенки. Толщина прослойки в среднем составляла около 3 см, иногда достигая 5-6 см. Гумусированная прослойка была разбита трещинами, спускавшимися в нижележавшие слои и разбивавшими погребенную брянскую почву.

Материал нарушенной склоново-мерзлотными процессами погребенной брянской почвы залегал непосредственно под слоем бурого суглинка. В верхней части он был представлен сероватокоричневым, серым и темно-серым суглинками, в которых ниже прослеживались затеки прокрашенного в оттенки от черного до сероватокоричневого гумусированного материала (сл.8). Весь слой нарушен системой трещин, заполнение которых различалось в зависимости от их размера: более крупные (около 1 см шириной) были заполнены оглеенным серым с белесоватым оттенком суглинком, а нижние части более мелких трещин (шириной менее 0.5 см) имели заполнение из коричневатосерого суглинка. Общая мощность погребенной почвы составила от 0,4 до 0,5 м. В слое фиксировались многочисленные желваки и обломки темно-серого местного плитчатого кремня, а также галька и гравий кристаллических пород и дресва мела. На уровне верха слоя встречались крупные (до 4-х см в диаметре) новообразования белоглазки. Расколотый кремь был приурочен к

линзам темно-серого и серовато-коричневого (иногда - черного) гумусированного материала. Залегание обломков и расколотого кремня было как субгоризонтальным, так и наклонным - по контакту с трещинами. Необходимо отметить, что степень нарушений, затронувших уровень погребенной почвы, была неравномерной по всей площади раскопа, что в частности отразилось в профилях разрезов погребенной почвы, зафиксированных как в стенках раскопа, так и в стратиграфических бровках. Практически во всех профилях было прослежено однообразное чередование по вертикали почвенного материала. Оно проявлялось в том, что максимально гумусированные линзы суглинка, имевшие окраску от серовато-коричневого до черного, всегда подстилались менее гумусированным суглинком серого, серо-бурого или даже бурого цвета. Эта последовательность нарушалась только трещинами. Последние, в свою очередь, могут быть разделены на три стратиграфических группы. В первую входят трещины, спущенные с уровня поверхности погребенной почвы, во вторую - с уровня срединной части почвенной толщи, и, наконец, в третью группу могут быть включены трещины, фиксируемые на уровне основания погребенной почвы. Наиболее важным моментом в этой картине является то, что трещины первой и второй групп связаны с линзами сильногумусированного суглинка. В этих же линзах фиксировался и расщепленный кремень. Толщина таких линз в среднем составляла от 2 до 6 см, но в некоторых случаях достигала 10-12 см.

Наиболее выразительные прослойки гумусированного материала проявились в профиле южной стенки. При этом в данном случае было зафиксировано три таких прослойки. Они разделялись слабогумусированной породой толщиной от 5 до 12 см. Интересно, что эти прослойки залегали наклонно в западном направлении, то есть, в сторону противоположную современному склону. Перепад глубин прослоек достигал 40 см на 3 м, то есть был довольно значительным. Кремень в профиле южной стенки был зафиксирован в связи с верхней и нижней прослойкой гумусированного суглинка.

Погребенная почва подстилась слоистыми песками, пройденными на глубину 0.9 м. В верхней части пески с редкими включениями гравия и гальки кристаллических и местных пород имели тонкозернистую размерность и были окрашены в рыжеватый цвет (сл.9-10). Ниже по разрезу пески приобретали более светлый сероватый оттенок и среднезернистую размерность (сл.12), в них залегал обломок кремневой плитки диаметром в 20 см.

Коллекция каменных артефактов нижнего позднепалеолитического слоя Хотылёво 6 (к. сл. 3) насчитывает более 400 экз. Сырьем

служил местный плиточный кремь темно-серого цвета. Более трети расколотого кремня представлено обломками и осколками, полученными в результате первичной обработки сырья. Выраженных нуклеусов нет. Для отщепов характерны широкие плоские ударные площадки, пластины отличаются присутствием предметов с фасетированными и ретушированными ударными площадками, и изогнутым профилем. В коллекции значительна серия кремневых галек (более 16 %), среди которых имеются две наковаленки и девять ретушеров. Предметов с вторичной обработкой немного – 15 экземпляров, что составляет 3,7 % от общего количества артефактов. Они распределяются по категориям следующим образом: Резцы – 3; Скребки – 2; Проколки-острия – 2; Пластина со срезанным ретушью концом – 1; Пластины с ретушью – 3; Отщепы с ретушью – 3; Скребло – 1. В качестве заготовок использовались пластины (5 экз.), отщепы (7 экз.) и крупные обломки кремня (3 экз.).

Плотность залегания находок по площади раскопа была неравномерной. В северном участке кремни залегали небольшим скоплением, которое в поперечнике не превышало одного метра. В южной половине раскопа были зафиксированы пять ям округлых и подовальных очертаний, чьи размеры в поперечнике не превышали 40 см, а глубина в среднем составила около 20 см. Стенки ям были наклонными, дно – плоским или чашеобразным. Ямы располагались вдоль южной стенки раскопа на участке шириной в 3 м. Две из пяти ям занимали площадь за пределами раскопа в южном направлении. Не исключено, что названные углубленные объекты являются остатками какой-то конструкции, однако пока их назначение остается неясным. Общий облик каменного инвентаря третьего слоя Хотылево 6 более архаичен по сравнению с восточногриветийским комплексом Хотылево 2. Об этом свидетельствуют прежде всего особенности заготовок. Однако наличие в инвентаре ребристых пластин (12 экз.) показывает, что производство пластинчатых заготовок имело целенаправленный характер. В целом, вскрытый участок может быть интерпретирован как место первичной обработки каменного сырья.

Стадиально комплекс третьего слоя Хотылево 6 может быть отнесен к ранней поре верхнего палеолита, однако его культурная атрибуция пока остается неопределенной.

Изделия, имеющие более архаичный по сравнению с комплексом Хотылево 2 облик были обнаружены и в шурфе, заложенном на городище, носящем название «Кудеярка», в 100 м к востоку от Хоты-

лево 2, на площадке в прибортовой части мыса. Разрез имел на городище следующее строение.

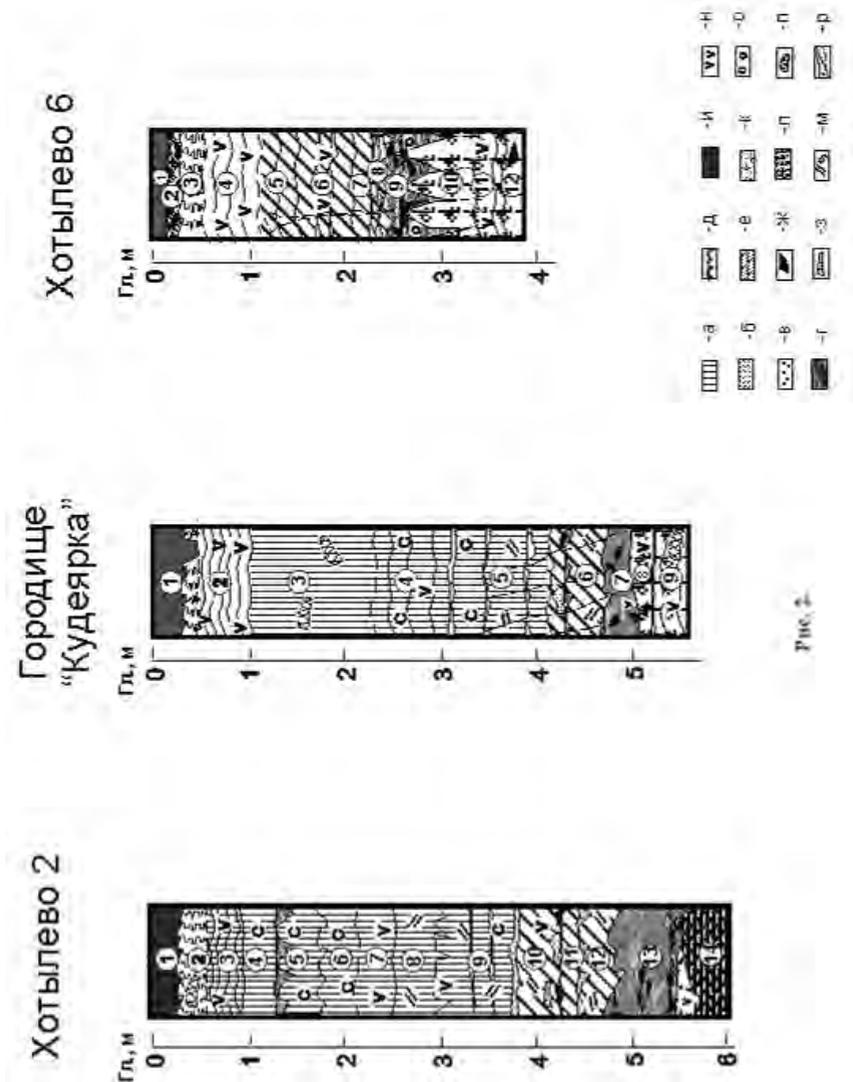

Рис.2. Литологические колонки отложений в разрезах Хотылево 2, Городище «Кудьярка» и Хотылево 6. Условные обозначения: а - супесь лессовая, б - суглинок, в - песок, г - гумусированный суглинок, д - прослои слабого почвообразования, е – мел-сурка, и - гумусовый горизонт современной почвы, к – горизонт А₂ современной почвы, л – горизонт В_т современной почвы, м –

оглеение, н-ожелезнение, о-карбонаты, п - кротовины, р-границы слоев: а) четкие, б) не четкие.

Под гумусовым горизонтом современной почвы (сл.1), с которым связан юхновский культурный слой (к. сл.1), содержащий зольные прослой, угольки, керамику и кости мелких животных, залегал ортзандовый горизонт (сл.2), представленный прослоями белесой кремнеземистой присыпки алевритовой размерности, которые чередуются с тонкими прослоями плотной ожелезненной супеси. Подстилали горизонт с ортзандами лессовидные супеси желтовато-палевого и серовато-палевого цвета (сл.3-4), в которых с гл. 2.3 м прослеживалась неясная слоистость. На гл. 2.4-2.5 м в толще отмечались частые включения карбонатных стяжений в виде конкреций-журавчиков. Вниз по разрезу механический состав становится более тяжелым – с гл 3.5 м отложения были представлены легкими сероватыми суглинками (сл.5), в нижней части которых также отмечались новообразования карбонатов в виде стяжений белоглазки диаметром до 1.5 см. С этого уровня по разрывам в песчаных прослоях прослеживались отдельные тонкие вертикальные трещины, проникающие на глубину до 5 м. По залеганию прослоев читалось общее падение слоев к северу, к долине Десны, под уклоном около 5°. На гл. 4.1 м отмечались тонкие волнистые линзы коричневатого-серого цвета (возможно, слабогумусированные), ниже которых залегал голубовато-серый оглеенный суглинок, разбитый трещинами на отдельные пятна овальной формы (сл.6). На этом уровне были зафиксированы горизонтально лежащие фрагменты костей животных и небольшие пятна охры – культурный слой 2. Под оглеенными суглинками на гл. 4.75-5.1 м залегала пестроокрашенная толща, состоящая из пятен и линз темного, вероятно, за счет прокраски органикой, суглинка, хаотично чередующихся с коричневатого-бурым суглинком и пятнами и прослоями светло-желтой супеси в нижней части (сл.7). По всей вероятности, данный уровень является смещенной и нарушенной склоновыми и мерзлотными деформациями погребенной почвой. В слое отмечались высыпки мелких угольков, точки и пятна ожелезнения. По всему слою фиксировались во взвешенном состоянии, с разбросом глубин до 30 см, включения патинизированных предметов из расщепленного кремня – культурный слой 3. Найден также один фрагмент неопределимой кости животного очень плохой сохранности. Расщепленный кремль представлен серией из 64 предметов. О культурной принадлежности данного комплекса судить пока довольно затруднительно. Можно только отметить, что он отличается от инвентаря нижнего палеолитического слоя Хотылёво 6 полным отсутствием пластин. Однако здесь имеются фрагменты сколов, которые, возможно, относятся к микропластинам (Рис.3: Б). Достаточно высокая плотность залегания нахо-

док даёт основания надеяться, что с расширением площади раскопок коллекция кремнёвого инвентаря пополнится настолько, что о её культурной атрибуции можно будет делать более определённые выводы. Пока можно констатировать общую архаичность этого комплекса.

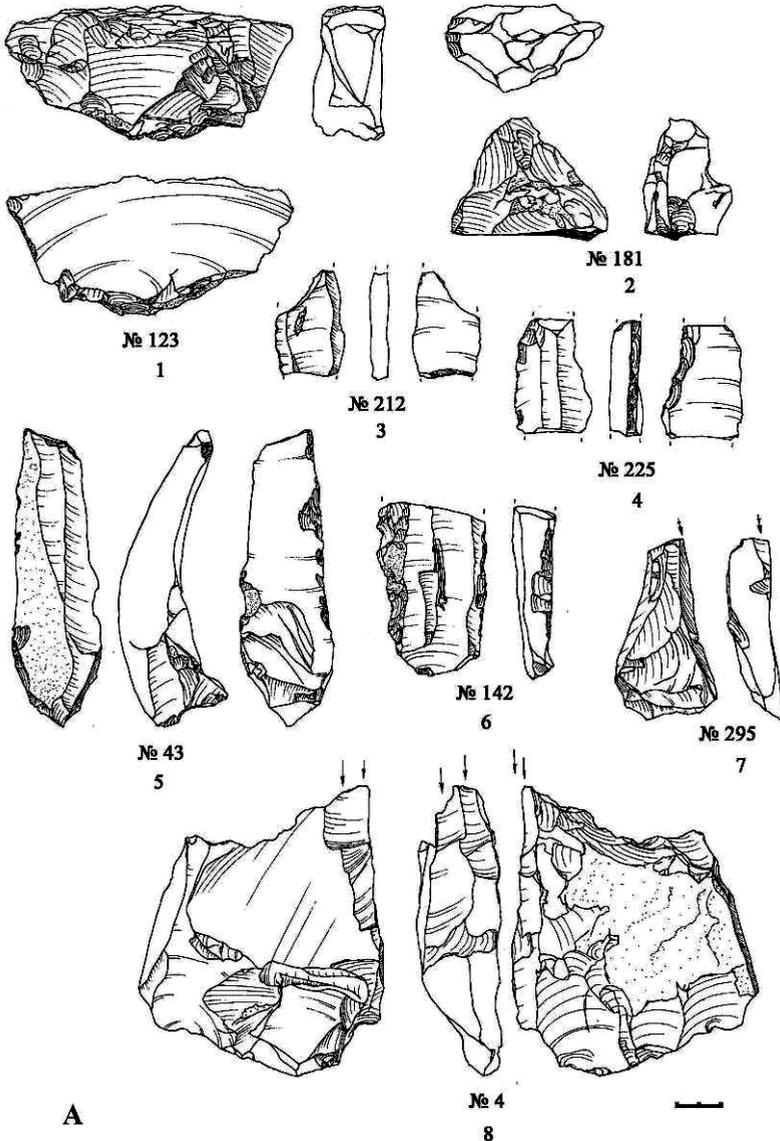

Рис.3. Изделия из расщеплённого кремня. Хотылёво 6, второй палеолитический слой.

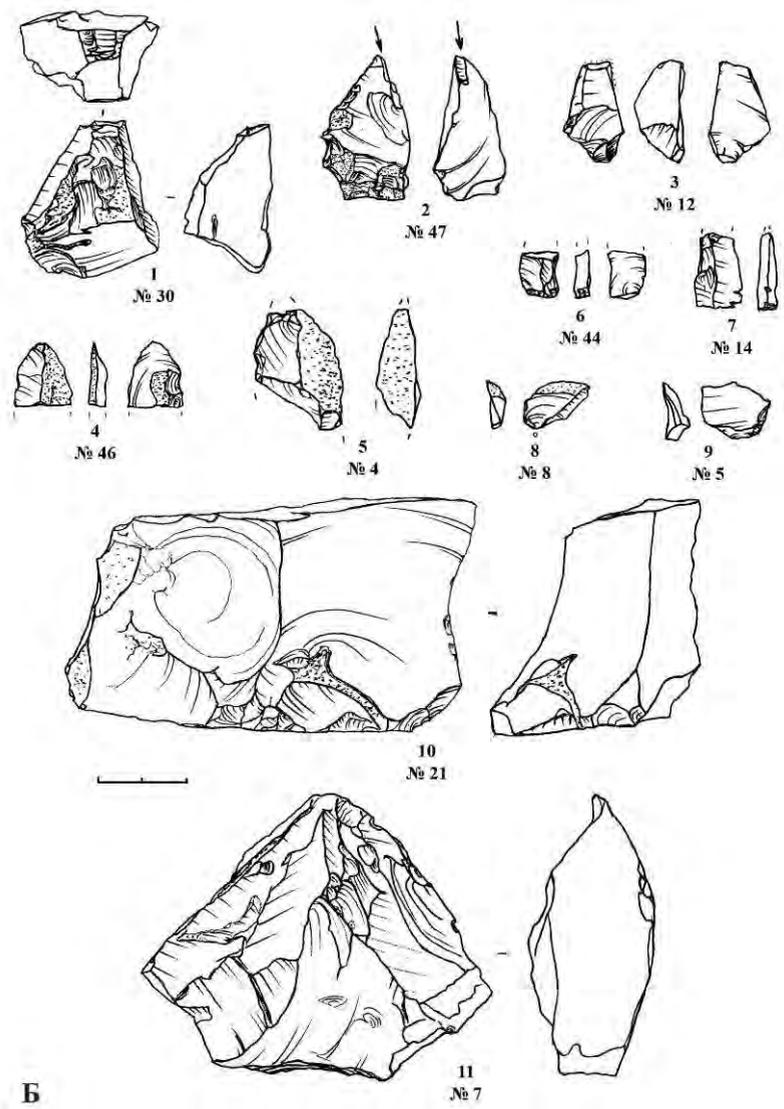

Рис. 3 (продолжение).. Изделия из расщеплённого кремня. Городище «Кудеярка», к.сл. 3.

В основании разреза, до гл.5.6 м залежали тонкозернистые пески белесовато-желтого и кирпичного оттенка, с включениями обломков гранита и голубоватого кремня и темноцветной окатанной гальки (сл.8-9). В песках читаются пятна овальной формы с заполнением из более глинистого материала кирпично-ржавого цвета (возможно, древние кротовины) и узкие трещины, проникающие из вышележащих слоев.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать наличие в окрестностях с.Хотыльёво памятников, культурные слои которых частично заполняют хронологическую лакуну между Хотыльёво 1 и Хотыльёво 2.

А.А.Чубур (Брянск)

Микроинвентарь палеолитического микрорегиона Быки:

назначение, типология, реконструкция.

Палеолитический микрорегион Быки (среднее течение Сейма, бассейн Десны) уже широко известен благодаря раскопкам и публикациям автора [Чубур, 1998, 1999, 2000, 2001], а затем – патронируемых К.Н.Гавриловым молодых исследователей, которым автор после четырехлетних широкомасштабных работ передал право дальнейших раскопок в Быках [Гаврилов, Ахметгалеева, 2004].

В целом, традиции кремнеобработки на памятниках микрорегиона укладываются в рамки Среднеднепровской историко-культурной области (ИКО) восточного эпиграветта.¹ Яркое и, по сути, единственное значимое отличие кремневого инвентаря Быков – почти полное отсутствие характерных для Поднепровья микропластинок с притупленным краем (МПШК) и наличие в инвентаре микролитов – треугольных острий с притупленным краем и основанием (Быки 1 – не менее 67 экз.,² Быки 2 – не менее 2, Быки 7 – свыше 110 экз.; далее соответственно Б-1, Б-2 и т.д.) (Рис.1). Без микролитического компонента исчезает «особый культурный колорит» Быков, особенно если принять во внимание, что такие треугольные микролиты встречены в небольшом количестве и на ряде ранних памятников Среднеднепровской ИКО (Борщево 1, Мезин, Кирилловская и др.). Более того, и на явно разнокультурных с Быками стоянках Восточной Европы найдены сходные треугольники – например, верхний слой Костенок 4, слой 1а Костенок 11, Косоуцы, Атаки 2. Все они хронологически лежат в рамках максимума похолодания 21-16 тыс. л.н., как и Быки.

Таким образом, треугольники начала поздней поры верхнего палеолита Восточной Европы – скорее, стадийное явление, нежели признак локальной археологической культуры. Микролитический

эпизод, скорее, результат культурной диффузии – миграции не племен, а идей из ареала Имеретинско-Каменнобалковской культуры, охватывавшего Иранское нагорье, западное Закавказье, Приазовье, Нижний Дон [Чубур, 2006, 2007].

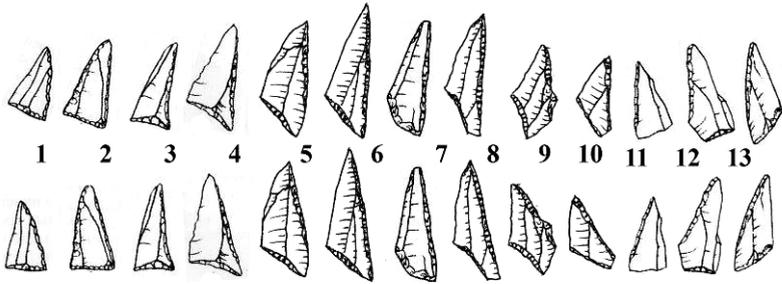

Рис.1

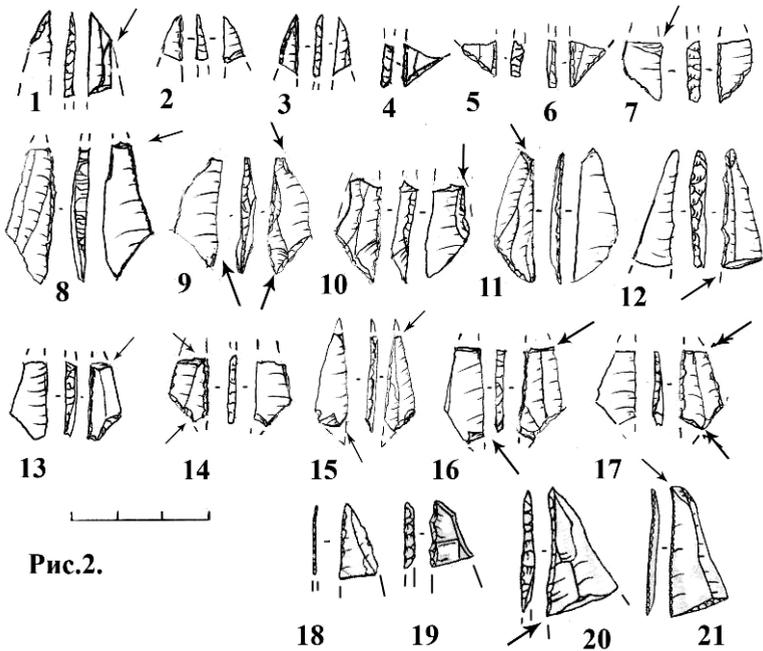

Рис.2.

Рис.1. Микроинвентарь из Быков. 1-4 и 11-12 – Быки 7; 5-10 и 13 – Быки 1. Верхний типологически единый ряд – ось орудий расположена по единой схеме – вертикально. Нижний «типологическим разнородный» ряд: те же орудия расположены случайным образом, ибо вертикальна ось заготовки, а

не ось изделия. Изделие №9 не завершено. Нижний ряд - 1-4, 7, 11-13 по [Ахметгалеева, 2004]; 5, 6, 8-10 по [Чубур, 2001].

Рис.2. Следы макроизноса на некоторых микролитах. 1-17 – Быки 1; 18-21 – Быки 7. Стрелками показана фрагментация и микрорезцовые сколы.

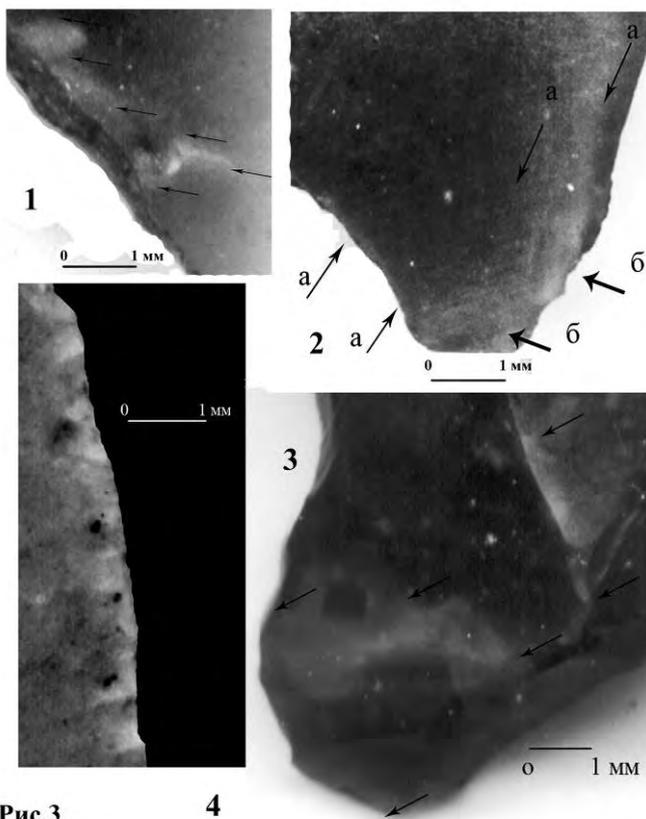

Рис.3

4

Следы микроизноса на микроинвентаре Быков 1.

1-3 – люстраж на месте крепления наконечников к древку;

4 – следы работы по мясу и шкуре на микролите Т-12.

В Быках присутствует только один вид каменнобалковских микролитов. Отсюда следует, что население Посеймья переняло у «южан» некий принципиально новый вид орудий, а не просто удобный технологический прием. Возникает вопрос: для чего? Чтобы заменить один привычный тип вкладышей (МППК) в составных орудиях другим – непривычным (треугольники)? Нелогично и маловероятно. Еще в 1996 г., во время первых раскопок в Быках, автор предположил, что обнаружены наконечники стрел – оружия, не распростра-

ненного у автохтонного населения Среднеднепровской ИКО [Чубур, 1998, с.113]. При осмотре коллекции Быки-1 в 1999 году специалист по древнему метательному вооружению Д.Ю.Нужный подтвердил гипотезу, обратив внимание на характер макроизноса орудий. Однако позднее назначение микролитов из Быков вдруг стало предметом дискуссий. Трасология треугольников стоянки Б-7 показала, что некоторые из них имеют по необработанному краю следы резания мяса, а по острию – прокалывания шкуры. На этом основании был сделан поспешный вывод о применении треугольников в качестве вкладышей в составных ножах, костяные оправы которых по непонятным причинам уцели, несмотря на отменную сохранность кости в Быках.

Изучение микролитов из Б-1 и Б-2 с помощью микроскопа МБС-9 (увеличение $30^{\times}$ - $98^{\times}$) и бинокулярной лупы³ показало, что случаи заполировки и нерегулярной выкрошенности кромок, в основном, связаны с подвижками изделий в культурном слое (часть находок перетлагалась) и с трением кремней друг о друга как в культурном слое, так и при хранении в музее. При этом на некоторых микролитах из Б-1 присутствуют следы работы. У треугольника Т-12 по острой кромке нанесена мелкофасеточная регулярная ретушь с брюшка, профиль кромки аркообразный, «жирная» заполировка наиболее сильна на межфасеточных ребрах и верхушках микровыступов (Рис.3: 4) – такая картина характерна для орудий, применявшихся при обработке мяса и шкуры. Сходный тип износа, но менее выраженный (редкие мелкие фасетки по кромке и слабая «жирная» заполировка), встречен на микролите из верха заполнения полуземлянки. Треугольник Ж-19, помимо основного назначения, мог применяться в качестве проколки. Макроизнос, связанный с вторичной утилизацией в качестве ножей и проколов, имеется на многих каменных наконечниках стрел более поздних эпох [Поплевко, 2007, с.67-69, 143-146, 216]. Закономерность распространялась и на палеолит. Костенковско-авдеевские и борщевские наконечники с боковой выемкой нередко имеют по краю, противоположному выемке, следы резания мяса и шкуры, а по острию – прокалывания шкур [Семенов, 1957], но это не дает оснований для отнесения охотничьего вооружения с ярко выраженным характерным макроизносом к кухонному инвентарю [Nuzhnyi, 1999]. Макроизнос в виде микрорезцовых сколов и изломов острия, тела и основания наконечника присутствует на значительной части микроинвентаря Быков (Рис.2). Возвращаясь к микроследам, заметим, что на некоторых изделиях читаются следы их прикрепления к древку (вероятно, при помощи полоски кожи или сухожилия), оставившие участки заполированности (например, на микролите из приочажного заполнения полуземлянки Б-1) (Рис.3: 1-3).

Наблюдается ли в Быках «постепенный рост микролитизации» [Ахметгалева, 2004]? Во-первых, наличие микролитов не есть микролитизация, если микролитическая техника не вытесняет традиционные приемы и формы. Во-вторых, различия в относительной численности орудий на памятниках микрорегиона могут быть следствием их разной изученности: в Б-4 (Пенах)⁴ вскрыто лишь 4 м², в Б-2 около 26 м². Сравнение количественных соотношений орудий на них и, к примеру, в Б-1, где исследовано более 320 м², может быть, и даёт красивую динамику, но некорректно. В-третьих, относительная численность ряда орудий может отражать сезонную, а не хронологическую динамику, ибо инвентарь поселений разных сезонов порой столь различен, что их в пору отнести к разным археологическим культурам. В Б-1 подавляющее большинство микролитов связано с площадкой поселения. Среди орудий из придонного заполнения полуземлянки холодного сезона менее 5%, а в слое вне жилища их доля выше 25%. При этом на участке у предполагаемых летних наземных жилищ (И-Т-8-12) доля микролитов достигает 35%, что сближается с показателями стоянки Б-7 (57%), заселенной только в теплом сезоне. Ее территория, таким образом, не «засорена» «зимними формами», в отличие от Б-1, и доля микролитов уже по этой причине могла оказаться выше. Таким образом, пока неясно: имеем мы дело с эволюцией или с фаціальностью инвентаря?

Помочь разобраться в дилемме динамика – фаціальность могла бы типология, но и здесь немало проблем с восприятием материала. Н.Б.Ахметгалева [2004] выделила множество типов и разновидностей микроинвентаря Быков: треугольные острия с притупленным краем («равнобедренные треугольники»), трапециевидные острия, вытянутые асимметричные треугольники с множеством переходных форм (включая даже «короткие вытянутые треугольники»). Перечисленные изделия в свою очередь делились на острия с прямым, вогнутым, выпуклым, необработанным основанием, с прямым и изогнутым левым краем и пр. На взгляд автора, типология микроинвентаря Быков выглядит гораздо проще и незатейливее.

Если «равнобедренные», «вытянутые», «трапециевидные» и иные треугольники не нанизывать на воображаемую ось заготовки⁵, а расположить длинный обработанный край вертикально (ибо именно он – ребро жесткости – обозначает ось изделия), картина принципиально изменится. Исчезают «равнобедренные треугольники», основание всюду оказывается скошенным под острым углом к оси орудия (Рис.1: 1-4, 11). Угол этот для более ранних Б-1 лежит в пределах 38°-60° (среднее значение 48°), в более поздних Б-7 он колеблется от 45° до 82° (при среднем значении 66°). Иными словами, наконечники Б-7 слабее стандартизированы, основание менее заострено, они более

асимметричны. Не исключено, что изменение угла схождения ретушированных кромок отражает хронологические изменения, но возможно иное объяснение – микролиты разных стоянок попросту вышли из-под ретушеров разных мастеров. Изделия, выделяемые в отдельный таксон, должны быть серийными и иметь четкие, статистически достоверные отличия от других типов. В Быках же наблюдаются неизбежные при любой ручной работе отклонения от стандарта, существующего в сознании мастера – результаты случайного движения ретушера. Таково, например, кажущееся разнообразие ретушированных оснований: вогнутое, прямое, выпуклое. При ничтожно малых изгибах кромки функционально важен лишь факт её укрепления притупляющей ретушью (Рис.1: 5-7). «Острия с изогнутым левым краем» представляют собой несерийные бракованные и незавершенные изделия. Не образуют серий и возникшие из-за погрешностей обработки «трапецевидные острия», не имеющие ничего общего с классическими трапециями (Рис.1: 9, 10, 12). Еще один тип – острия с основанием в виде сечения пластинки, на деле является незавершенными, а чаще – поломанными в процессе утилизации изделиями (Рис.2: 12, 18, 20). Кстати заметим, что поперечный излом почти невозможен при использовании микролита в качестве вкладыша, укрепленного в оправе ножа длинной стороной, но легко возникает у наконечника, закрепленного основанием в древке стрелы. Классифицировать случайные формы нецелесообразно, если, конечно, не пытаться любой ценой достичь типологического разнообразия, о чем древний мастер и не подозревал. В последнем случае плодотворней выделять типы, например, по числу фасеток ретуши. В «сухом остатке» получаем для Быков один тип изделий с вариативными отклонениями.

Современные информационные технологии, благодаря инновационным разработкам Камского института гуманитарных и инженерных технологий [Митюков, 2007, Коробейников, Митюков, 2007], позволяют научно достоверно реконструировать облик, баллистические и поражающие характеристики древнего метательного вооружения, основываясь на параметрах наконечника и известных константах.

Массово-габаритный подход, исходящий из того, что масса стрелы должна составлять 5,7 – 9 масс наконечника, позволяет рассчитать длину древка, при условии, что известен его диаметр и материал (Коробейников, Митюков, 2007, с.50-57). Наиболее доступной в перигляциальном Посеймье могла быть береза (плотность 0,65 г/см³). Можно ли установить диаметр древка? Острие стрелы должно находиться на оси наконечника, которая, как говорилось, определяется не осью заготовки (формально-типологический подход), а притупленным краем, образующим ребро жесткости (технологический подход).

Крепление к древку осуществлялось в районе сходящихся обработанных краёв. Этим объясняется характерный облом угла примерно у 10-12% изделий в Б-1 и 7, а также упомянутые микроследы. Поперечник этого излома и расположение микроследов дают диаметр древка, который менялся в пределах 0,3-0,5 см в зависимости от массивности (и соответственно габаритов) наконечника. Масса наконечников колеблется в пределах от 0,25 до 1,1 г, со средним значением 0,7 г (для поселения Б-1). К массе наконечника добавлялась небольшая (~0,1-0,2 г) масса сухожилия, кожного ремешка или кусочка смолы, крепивших его к древку. Компьютерная обработка исходных данных с помощью разработанных Н.В. Митюковым и коллегами пакетов прикладных программ «Osseus v1.0» и «Archer v2.0» дала следующие результаты. Масса оснащенной стрелы из Быков могла составлять от 2,5 до 9,5 г при среднем значении около 5 г. Возможная длина ее соответственно лежала в пределах 42,2...52,1 – 66,6...82,2 см. Этнографические данные о вооружении народов арктической зоны дают показатели в рамках этих пределов – 51-78 см [Adler, 1901]. Длина скифских стрел также лежала в пределах 42-85 см [Черненко, 1981]. Лук для столь легких стрел должен был иметь небольшую силу натяжения (до 20 кг), иначе за счет избыточной энергии натяжения тетивы он мог ломаться. Данные эргонометрии показывают, что при натяжении тетивы лука бицепсом минимальная длина стрелы должна составлять 45-50 см, а при натяжении с помощью мышц спины (с разворотом) – не менее 90 см (Митюков, 2007, с.68). Бесспорно, что обитатели Быков использовали простой лук с ходом тетивы до 50 см. Зная параметры стрел, удалось рассчитать предполагаемое поражающее действие этого оружия с помощью того же прикладного пакета программ «Archer v2.0». Дальность стрельбы при прямом выстреле вряд ли превышала 32 м, минимальная скорость стрел разного веса для достижения проникающего ранения в грудную клетку животного средних размеров должна была находиться в пределах 35-69 м/с.

Асимметрия наконечника приводила к тому, что поражение происходило по принципу боеприпаса со смещенным центром тяжести. Сторона с большим плечом (неретушированная) должна была испытывать большее сопротивление среды, чем противоположащая, совпадающая с осью оружия; значит, при попадании в тело наконечник начинал разворачиваться, увеличивая повреждения (при этом он часто ломался в месте соединения с древком). Он не только пробивал острием мягкие ткани, но и резал их острым неретушированным краем при развороте, увеличивая кровопотери и болевой шок – животное быстрее погибало, по кровавому следу его при погоне было легко выследить. Отсюда, возможно, происходит часть следов резания мяса на необработанном крае ряда изделий. При развороте, из-за боковых

нагрузок, мог происходить слом наконечника у основания (в месте крепления к древку) или в средней части (Рис.2: 4-6, 13-17). При попадании в кость или иной твердый предмет наконечник фрагментировался иначе. Чаще всего возникал слом или микрорезцовый скол острия (Рис.2: 1-3, 7, 9-11, 18, 19, 21). Технологически сложнее и дольше было изготовить прямое древко стрелы, чем венчающий его микролит; а потому стрелы с поломанными наконечниками после охоты возвращали на стоянку, где они повторно оснащались. Микролиты же делались порой «на скорую руку», о чем говорят многочисленные «незавершенные» их формы. Фрагменты острий сломанных микролитов могли оставаться и в туше животного.

Увеличение роли подвижных копытных в охотничьей экономике в период максимума похолодания привело к необходимости активной использовать метательное вооружение. По мнению Д.Ю.Нужного [1992], есть два способа улучшения качества наконечника такого оружия: его геометризация или производство наконечников с боковой выемкой и листовидных наконечников. Для граветта-эпиграветта в центре Русской равнины был типичен второй путь, что видно по материалам Авдеево, Гмелинской стоянки, Октябрьского 2 и др. Однако, часть населения, вступившая в контакт с жителями Приазовья, под влиянием южных традиций попыталась в условиях дефицита сырья пойти по первому пути. Около 16000 л.н. с таянием ледникового щита и многолетней мерзлоты на пространствах Евразии началась Эпоха Экстремальных Затоплений (Потоп). Море Ворукаша, соединив Аральский, Каспийский и Черноморский бассейны за 150-200 лет, создало непреодолимые водные преграды [Чепалыга, 2006]. Контакты с носителями культур Закавказья прервались, связи же с непосредственными соседями в бассейне Днепра сохранялись и развивались. Местная традиция оказалась сильнее. На памятниках Среднеднепровской ИКО с датировками 15-13 тыс. л.н. уже нет треугольных геометрических микролитов, продолжающих бытовать в Имеретии, но вновь широко представлены МППК, появляющиеся в инвентаре Б-7 и полностью вытеснившие треугольники в материалах Б-5, датированной периодом Потопа.

Примечания

1 – рассуждения о низкой пластинчатости каменной индустрии Быков, якобы исключавшей их из Среднеднепровской ИКО, – явное недоразумение. Основная часть орудий Быков 1-7 как раз выполнена на пластинчатой заготовке, порой укороченных пропорций. Не меньше удивляют суждения о высокой степени микролитизации инвентаря Быков. Для изготовления подавляющего большинства типов орудий использовалась заготовка нормальных размеров, а микролитическая техника не применялась.

2 – при пересмотре коллекции Б-1 удалось выявить дополнительно серию фрагментов микролитов, часть которых ранее неверно идентифицирована автором как обломки жала проколка (как правило, это обломки угла со сходящимися ретушированными сторонами, закрепленного на древке) и как обломок черешкового наконечника. Этим

объясняется увеличение их числа по сравнению с данными монографии [Чубур, 2001]. Одновременно доля проколов и их обломков в Б-1 должна быть снижена с 13,3% до 12,4%.

3 – пользуясь случаем, искренне благодарю за техническую поддержку директора Эколого-образовательной станции «ЭКОС» В.И.Горохова (г.Курчатов).

4 – единственный пенский микролит выставлен с 1980 г. в витрине зала 11 Курского обл. краеведческого музея с другими материалами Пенской стоянки- на одном стенде с проколами и остриями. Благодаря любезному содействию зав. отделом КОКМ В.И.Склярука автор смог всесторонне изучить это изделие. Наконечник не завершен. Длинный ретушированный край не доходит до конца пластинчатой заготовки, из-за чего конец выглядит искривленным, не образующим характерного острия. Сходящиеся ретушированные края образуют угол в 60°, наиболее характерный для Быковских микролитов в целом. При этом на месте схождения (насада) возникает своеобразный «носик», что, в совокупности с отсутствием микро- и макроизноса, позволило исследователям Пенской стоянки отнести данное изделие к категории проколов. Заметная выкрошенность левого, необработанного края, возникшая при креплении экспоната в витрине, не дает возможности достоверно выявить следы сработанности.

5 – эта ошибка в изображении микролитов отчасти присутствует и в монографии автора [Чубур, 2001], однако там она не послужила толчком для типологических откровений.

Литература

Ахметгалеева Н.Б. Микроиндустрия стоянки Быки 7 // Деснинские древности (вып.3), Брянск, 2004, с.58-67.

Ахметгалеева Н.Б. Кремневый комплекс стоянки Быки 7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004, с.285-298.

Гаврилов К.Н., Ахметгалеева Н.Б. Исследовательские работы на верхнепалеолитическом комплексе стоянок Быки в Курской обл. // АО 2003 года. М., 2004, с.94-95.

Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка (Курская область) // СА, 1978 - №4, с.162-175.

Митюков Н.В. Имитационное моделирование в военной истории. М., 2007.

Коробейников А.В., Митюков Н.В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск, 2007.

Нужный Д. Дистанційна зброя і свідчення про збройні сутички за кам'яного віку // Військово-історичний альманах, Киев, 2001 - №2.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий (Труды ИИМК РАН, Т.ХХІІІ). СПб., 2007.

Семенов С.А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы (МИА №54). М.-Л., 1957.

Чепальга А.Л. Эпоха экстремальных затоплений в аридной зоне Северной Евразии // Позднекайнозойская геологическая история севера аридной зоны. Материалы междунаро. симпозиума. Ростов-на-Дону, 2006. с.166-171.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова Думка, 1981.

Чубур А.А. Верхнепалеолитическая стоянка Быки на Сейме (предварительное сообщение) // РА, 1998 - №1. с.107-116.

Чубур А.А. Жилище верхнепалеолитической стоянки Быки 1 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 1999 с.74-76.

Чубур А.А. Палеолитические лучники с берегов Сейма // Природа, 2000- №12, с.37-40.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите центра Русской равнины. Брянск. 2001.

Чубур А.А. Микролитический эпизод среднеднепровской историко-культурной области верхнего палеолита: возможные истоки и причины // Гуманитарная наука в изменяющейся России: состояние и перспективы развития. Т.2. Курск, 2006, с.130-135.

Чубур А.А. На межі Кавказу і Європи. Епізод геометричних мікролітів в Середньоднепровської історико-культурної області верхнього палеоліту: можливі джерела й причини// Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса – Омск, 2007, с.278-282.

Adler B. Der Nordasiatische Pfeil // Internationale Archiv für Ethnographie, Supplement to Band XIV, 1901.

Nuzhnyi D. Technology of projectile points on blades: some aspects of origin at fate. The use of prismatic blades as projectile heads and emergence of a new synthetic technological direction of projectile points improvement // Tanged points cultures in Europe (Lubelskie materialy archeologiczne, T.XIII). Lublin, 1999, p.194-201.

В.Я.Сергин, Н.Б.Ахметгалева (Москва, Курчатов)

Костяные острия стоянки Гонцы из раскопок 1970-80х гг. (техничко-морфологический и трасологический анализ).

Среди обработанной кости на палеолитических стоянках острия, как правило, занимают если не ведущее, то, по крайней мере, одно из первых мест по численности среди орудий. Их анализ является одним из наиболее значимых и результативных направлений при культурно-хронологическом сравнении верхнепалеолитических костяных индустрий¹. В то же время бытует мнение, что это массовый материал, который не может выступать индикатором культурной принадлежно-

---

¹ См, например: Stordevr D. Les poinçons d'os à poulie articulaire observations techniques d'après quelques exemples syriens// Bulletin de la Societe Prehistorique Francase. T. 73. 1976. C.R.S.M., n°. P.40-41; Olsen S.L. A study of bone artifacts from Grasshopper Pueblo, AZ P:14:1// The Kiva. Vol.44. No.4. 1979. P. 341-373; Camps-Fabrer H., Ramseyer D., Stordevr D. Poinçons, pointes, poignards, aiguilles // Fiches typologiques de l'industrie osseuse prehistorique. Cahier III. 1990. UNESCO. Universite de Provence; D'Errico F., Julien M., Vanhaeren M., Baffier D. Many awls in our argument. Bone tool manufacture and use in the Chatelperronian and Aurignacian levels of the grotte Du Renne at Arcy-sur-cure // Zilhao J., d'Errico F. The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Techno-complexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Proceedings of Symposium 6.1 of the XIVth Congress of the UISPP (University of Liege, Belgium, September 2-8. 2001). Trabalhos de Arqueologia. Vol.33.- Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia. 2003. P. 247-270.

сти¹. Верхнепалеолитическая стоянка Гонцы относится к памятникам юга Русской равнины, остеологическая коллекция которых весьма разнообразна и информативна.

Поселение открыто Ф.И.Каминским в 1873 г. Оно находится на Украине в с.Гонцы Лубенского р-на Полтавской области. В культурном отношении поселение входит в группу памятников среднеднепровского типа и имеет из них наиболее четко установленную датировку – 15 тысячелетие². Культурные остатки приурочены к мысовидному участку первой надпойменной террасы правого берега р.Удай, притока р.Сулы, впадающей в Днепр. На месте работ 1977-1985 гг., где собрана рассматриваемая коллекция, культурные остатки залегают в желто-серой (палевой) лессовидной породе на глубине до 2,5 м, а глубже находились нижние части вкопанных костей и днища хозяйственных ям. Кости разных животных использовались как в строительных конструкциях, различных бытовых приспособлениях типа подставок, так и шли на производство орудий. Коллекция обработанной кости представлена готовыми изделиями и отходами производства. Среди орудий, связанных с домашним хозяйством, острия занимают ведущую позицию.

В данной работе впервые будет представлено исследование технологии изготовления, морфологии и следов использования острий из трубчатых костей животных и бивня мамонта, происходящих из материалов раскопок В.Я.Сергина 1976-1986 годах. Острия, обнаруженные в Гонцах, были описаны автором раскопок В.М.Щербаківським³. Недавно материалы Гонцов из фондов Полтавского краеведческого музея были заново проанализированы и опубликованы И.М.Гавриленко⁴.

---

¹ См: Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека тимоновских стоянок. М., Наука. 1977. С.106-107; Рогачёв А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма// Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. с.162-271; Аникович М.В. О миграциях в палеолите // STRATUM plus. Санкт-Петербург-Кишинёв-Одесса, №1, 1999. С.79; Гавриленко І.М. Кам'яні та кістяні вирої Гінцівського пізньопалеолітичному поселенні (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // Археологический альманах, №13. Донецк. 2003. с. 232-249.

² Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997. Табл. 1; Yakovleva L., Djinjian F. New data on Mammoth bone Settlements of Eastern Europe in the light of the new excavations of the Gontsy site (Ukraine) // Quaternary International. 2005. № 126-128. P.196.

³ Щербаківський В. Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 р. // Записки Українського наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та министвства на Полтавщині. Полтава, 1919.Вип. I. С. 61-78.

⁴ Гавриленко І.М. Кам'яні та кістяні вирої Гінцівського пізньопалеолітичному поселенні (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // Археологический альманах, №13. Донецк. 2003. С. 232-249.

Основой для анализа послужили образцы технологических и утилитарных следов, полученные Н.Б.Ахметгалеевой в результате экспериментальных работ автора с использованием методик экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН. В исследованиях использовался бинокуляр МБС-2 (увеличение до 84X), при получении макрофотографий – сканер «Epson perfection 2480 PHOTO» с разрешением до 12800 dpi.

Большинство костяных изделий, которые мы можем отнести к остриям, выполнены из трубчатых костей песка и зайца. Серия предметов изготовлена из рёбер крупных животных и бивня мамонта. Выветренность костей проявляется в наличии мелких и крупных продольных трещин с неровными краями, в отслаивании верхнего слоя костной ткани. Костные остатки имеют светло-коричневый, жёлтый, темно-серый цвета. Изделия из бивня мамонта имеют белый цвет, характерный для высокой степени выветренности. На поверхности острий из бивня мамонта фиксируются участки, образовавшиеся в результате естественного расслоения бивня по коусам роста (использование трещиноватого сырья). На поверхностях костяных изделий имеются тёмно-бурые пятна, связанные, предположительно, с оседанием окислов марганца. На многих артефактах, в особенности на трубчатых костях мелких животных, заметны повреждения корнеходами.

Преобладание древних спирально-штыковых изломов костей свидетельствует о раскалывании костей в свежем состоянии. На многих изделиях из костей песка и зайца, независимо от их функции, присутствуют следы выскабливания как на диафизах, так и на эпифизах. Они остаются после снятия мягких тканей при подготовке свежих костей к дальнейшему использованию.

В последующем анализе используется принятая в отечественном палеолитоведении терминология, основанная на морфологии предметов. Бивень мамонта, трубчатые кости животных и рёбра имеют разные физико-механические характеристики, существенно влияющие на возможность их обработки и использования готовых изделий. Мы считаем это достаточным обоснованием для деления всех острий на группы по используемому сырью (бивень мамонта, трубчатые кости). Далее они поделены на основе разницы морфологических показателей.

Острия из трубчатых костей песка и зайца

В изучаемой коллекции есть 19 предметов, демонстрирующих разные этапы обработки и использования острий из трубчатых костей зайца и песка.

Поперечное расчленение трубчатых костей песка и зайца производилось в технике пиления кромкой бокового лезвия каменного орудия. Фиксируется как аккуратное пиление по всей окружности

кости, так и поперечный слом по неглубоким коротким надпилам (рис.1: 11-14). Выбор зависел от варианта изготавливаемого орудия. Только в одном случае было зафиксировано поперечное резание: при изготовлении игольника из диафиза трубчатой кости (бедренной?) мелкого по размерам животного (длина кости 7,5 см и максимальный диаметр 1 см) были аккуратно отрезаны оба эпифиза (рис.1: 17). Линии резания затрагивали весь диаметр окружности кости, осталось много побочных царапин. Кость была прорезана почти на всю глубину. Продольное резание трубчатых костей песца и зайца производилось острой кромкой каменного орудия (углом пластинки или микро-резца?). В качестве приёма формообразования острий применялось строгание.

Показательна лучевая кость песца со следами продольного резания. Данный предмет свидетельствует о технологии производства игл и игловидных предметов.

В коллекции 1970-80-х гг. игл нет, но в материалах В.Щербаковского присутствует один экземпляр с отверстием. Длина целой иглы 5,5 см, толщина 0,1 см.¹ На уплощённых поверхностях диафиза лучевой кости песца, ближе к краю, от одного эпифиза к другому проделаны встречные продольные пазы (рис.1: 16; рис.2). В средней части они сходятся, образуя продолговатые отверстия. Для извлечения основы острия остаётся только выломать образовавшуюся тонкую пластинку. Обратим внимание на то, что ни один из эпифизов предварительно не отчленяется.

К отходам производства можно отнести 8 фрагментов костей. Четыре из них могут быть связаны с производством острий. Это два фрагмента стенок трубчатых костей, сохранивших следы продольного резания, по которым они были обломлены (рис.1: 18,19). Обломком готового изделия или заготовки может быть ещё один пластинчатый фрагмент стенки трубчатой кости со следами строгания и заглаживания на одной из боковых кромок (рис.1:2). Короткие поперечные насечки технологического происхождения расположены на противоположной кромке. Дистальные части большеберцовой кости (зайца?), обломанные по коротким надпилам, могут быть связаны с изготовлением острий с отверстием в рукояточной части, которые есть в коллекции (рис.1:13). Проксимальные части большеберцовой и плечевой костей зайца обломлены после коротких поперечных надпилы (рис.1:12,14). Оставшаяся диафизная часть довольно длинная, поэто-

---

¹ Щербаківський В. Розкопки палеолітичного селища в с.Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 р. // Записки Українського наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та міністерства на Полтавщині. Полтава, 1919. Вип.І. С.71.

му данные кости могли быть фрагментированы не для изготовления острей.

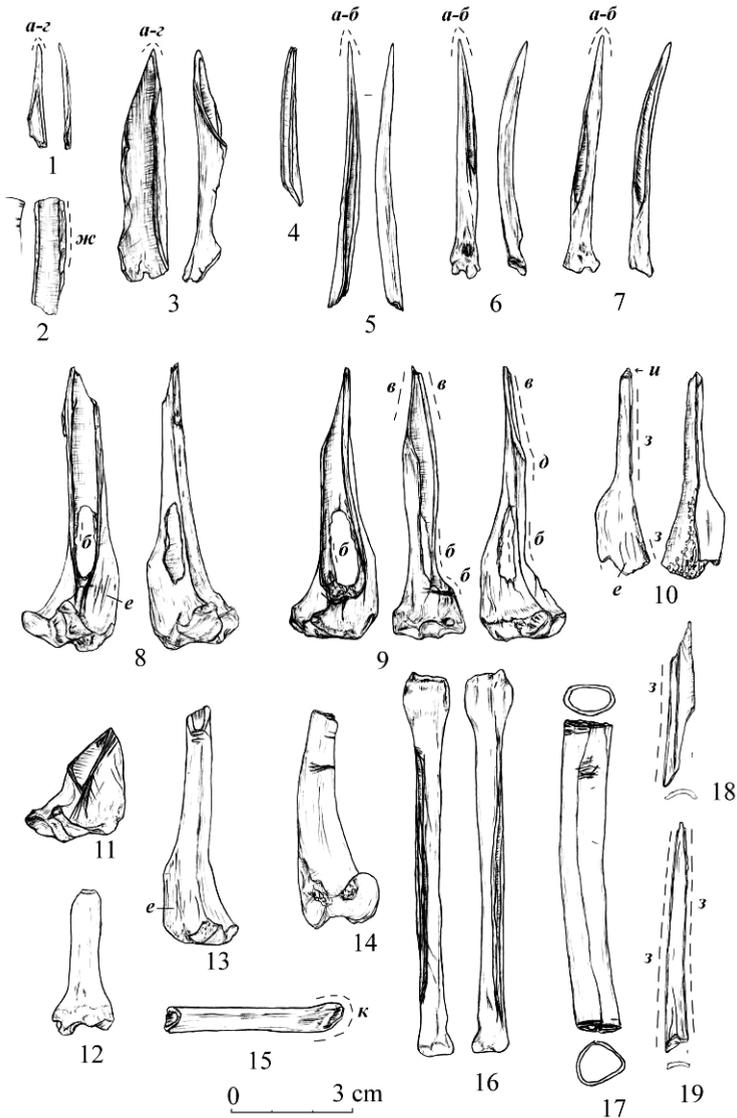

Рис. 1. Обработанная кость Гонцовской стоянки.

Условные обозначения: а - следы износа, указывающие на прокалывающую функцию; б - контакт с кожей, шкурой; в - контакт с растительным материалом; г - контактный материал не определим; д - «смешанная» заполировка; е -

следы снятия надкостницы; ж - скобление; з - следы продольного резания резцевидным лезвием каменного орудия; и - пиление; к- контакт с грунтом.

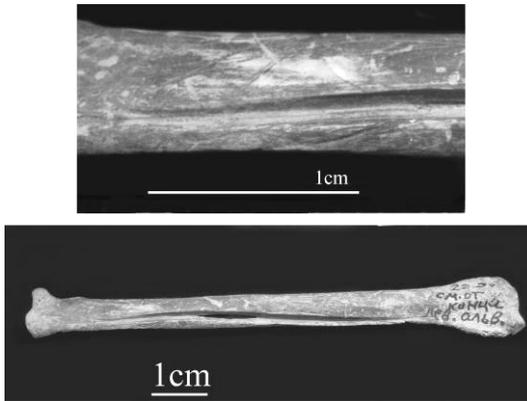

Рис.2. Лучевая кость песца со следами продольного резания.

Поперечные надпилы на плечевой кости выполнены более грубым режущим остриём, чем на всех остальных трубчатых костях песца и зайца.

Аккуратно отпиленный эпифиз (проксимальная часть большеберцовой кости зайца) вызывает наибольший интерес. Три линии надпилов располагаются наискосок относительно оси изделия и создают скошенный срез, который обычно не практикуется при вычленении игольников или пронизок (рис.1: 11). Созданный угол среза не подходит для острия.

Среди орудий преобладают типологически выделенные острия. Их 9 экз. Рассмотрим технологию их производства. В качестве сырья, в основном, используются большеберцовые и лучевые кости зайца и песца, возможно, бедренные. Рукояточную часть образуют эпифизы без дополнительной обработки. Остриё практически во всех случаях сформировано с помощью двух параллельных прорезанных пазов, идущих наискось от дистальной к проксимальной части. Резание производилось острой кромкой каменного орудия (углом пластинки или микрорезца?). Возможно, противоположный эпифиз мог заранее по небольшим надпилам отчлениваться, но также не исключено, что кость делилась на две части непосредственно с помощью двойного продольного резания.

Первая группа острий выполнена из лучевых костей мелких животных (зайца и песца). Типологически их можно определить как шилья (острия, у которых не выделено жальце и присутствует рукояточная часть). Из них 2 целых изделия и 2 фрагмента (рис.1:4-7). Длина прорезанных пазов при изготовлении рабочей части могла достигать

до 6,5 см. Технологические следы от резания сохранились, в основном, ближе к эпифизу, в остальной части они сняты последующим скоблением-строганием и заглажены в результате использования. Следы завершающего строгания сохранились около кончиков острий. В одном случае на внутренней поверхности стенки трубчатой кости в районе острия видны преднамеренные продольные царапины (рис.1:6). На кончике всех сохранившихся острий сформировалась интенсивная зона износа от прокалывания ими тонких кож: заполировка жирная, проникающая, осветляющая; по мере удаления от кончика она рассеивается. На предметах фиксируются пятна лоска от рук.

Два своеобразных **шила** с отверстием в рукояточной части изготовлены из **большеберцовых** костей зайца и песка (рис.1: 8,9). Первое, обломанное, длиной 7 см; второе – 6,6 см. В качестве рукояточной части оставлен проксимальный конец. В обоих случаях фиксируется прорезание двух продольных пазов остриём каменного орудия. Длина пазов более 5 см. Но, в отличие от пазов на шильях из лучевых костей, здесь они расположены на большем расстоянии друг от друга. Длина пазов около эпифиза ограничена с помощью поперечного резания-пиления. На большеберцовой кости песка видно, что нарезка вторична по отношению к пазу. На втором шиле поперечное резание-пиление расположено на небольшом расстоянии от паза, соответственно предшествует его производству. Это свидетельствует о том, что древний мастер опасался повредить «рукояточную часть», которая несла функциональную нагрузку.

Основное отличие данных изделий – это преднамеренно пробитые на **эпифизной** части овальные отверстия размерами 1,8 x 0,6 см. Линия излома внутри отверстия неровная, с поперечными трещинами. Её характер говорит о том, что края отверстия могли доламываться уже в ходе использования предмета. Грани изломов на некоторых участках немного стёрты от контакта с твёрдым материалом. На участках, близких к тонкой перегородке, они покрыты пятнами жирной, проникающей заполировки.

Что касается кончиков острий, то в одном случае изделие было обломано в древности (излом свежей кости) в широкой части. Самый кончик острия из кости песка обломан в современности. На нём сохранились следы строгания, формирующие жало. Остриё до плечиков покрывает зеркальная, сглаживающая рельеф заполировка. На 0,2 см кончика сохранившегося жала она наиболее интенсивна, далее рассеивается, фиксируясь преимущественно на плоскости прорезанных пазов. Технологические царапины от резания в этом месте полностью заглажены, цвет кости более темный. Данная заполировка могла образоваться от контакта с тканями растительного происхождения. На

плечиках фиксируется смешанная заполировка от контакта с материалами растительного происхождения и кожей. Далее на гранях пазов фиксируются слабые пятна «смешанной» заполировки. Плоскость излома поперечного спила покрывает интенсивная, проникающая, жирная, «шкурная» заполировка, заходящая на поверхность эпифиза на 0,2 см.

Технико-морфологические и трасологические показатели свидетельствуют о том, что данные изделия могли использоваться как часть крепёжной конструкции, в которой остриё было воткнуто в какой-либо растительный материал, а какая-то стержневидная деталь была продета в отверстие. Происхождение «шкурной» заполировки не определено. Лоск мог возникнуть и от рук, и от кожаного шнура, которым стержень дополнительно крепился за тонкую костяную перегородку. Он мог появиться и от контакта с материалом (например, шкурой животного), который при помощи этих костей-колышков растягивали.

В коллекции есть обломок изделия, который, предположительно, является фрагментом аналогичного шила из большеберцовой кости (рис.1: 10). Заготовкой для острия можно считать локтевую кость зайца со следами обработки. Длина её 6,5 см. Дистальный кончик обломан. На эпифизе сохранились следы выскабливания поверхности кости от мясных плёнок. В центральной части предмета есть короткие поперечные насечки. Ближе к облому на вогнутой поверхности острия видны продольные царапины от режущей кромки каменного орудия. В центральной части фиксируются пятна жирного лоска (от рук?). Поверхность острия более сглажена, чем эпифизная часть, поэтому не исключено, что это обломок шила.

В коллекции присутствует остроконечный обломок стенки из трубчатой кости (бедренной?) мелкого животного (рис.1: 2). Длина предмета 5,6 см. На 0,15 см кончика острия сохранились следы утилизации – зеркальная, сглаживающая рельеф заполировка. Цвет кости в зоне износа более тёмный с жёлтым оттенком. По мере удаления от кончика заполировка рассеивается. Предположительно, предмет кратковременно был использован для создания углублений в умеренно-мягком материале, возможно, растительного происхождения.

Есть ещё один обломок острия из стенки трубчатой кости мелкого животного (рис.1: 1). Длина фрагмента 2,5 см. Технологические следы затёрты, но, исходя из формы изломов, можно предположить, что остриё было изготовлено с помощью прорезания пазов и последующей подправки скоблением. Кончик острия сглажен. Заполировка не проникающая, матовая, рассеивающаяся по мере удаления от кончика; цвет кости имеет более тёмный оттенок в зоне утилизации. Интенсивная зона износа занимает 0,15 см кончика. Функция предмета –

прокальвание. Контактный материал точно не установлен, но относится к умеренно-мягким, слабо абразивным материалам.

По публикации В.М.Щербаковского, в материалах Гонцов присутствуют около 18 шильев и их обломков¹. И.М.Гавриленко из них опубликовал 8 шильев из разных трубчатых костей зайца и песка. Они различаются не только по выбору вида используемой трубчатой кости, но и по комплексу технологических приёмов обработки. Одно шило с выструганным жалом выполнено из локтевой кости. Есть шилья из дистальных и проксимальных концов большеберцовых костей, из лучевой кости. К сожалению, несмотря на хорошее качество рисунка, детально определить технологию выполнения каждого предмета невозможно. Но видно, что она может несколько различаться. В целом, приведённые рисунки и описания свидетельствуют о существовании чёткой традиции в выполнении острий из разных видов трубчатых костей.

Материалы Гонцовской стоянки из раскопок В.Я.Сергина содержат типы шильев, которые выполнены в тех же традициях. Описывая технологию их изготовления, И.М.Гавриленко совершенно оправданно обращается к работе А.К.Филиппова, установившего по материалам Межиричей процесс исполнения шильев из большеберцовых костей². Он полностью соответствует процессу изготовления шильев из большеберцовых костей из рассматриваемой коллекции (за исключением присутствия отверстий).

Острия из рёбер крупных животных

В коллекции Гонцов есть всего два предмета, которые мы могли бы отнести к массивным остриям (рис.3, 4).

Первый остроконечный фрагмент ребра имеет длину 17,9 см, максимальную ширину 2,45 и толщину 1,15 см (рис.3). С одного конца ребро обломано после предварительного поперечного пиления-резания. С другой стороны строганием-скоблением сформирован острый конец. Сохранившиеся следы выскабливания поверхности ребра более чётко различимы ближе к острию. В центральной части около боковой грани есть поперечные нарезки длиной 0,8 см. Округлённый конец предмета истёрт в процессе использования, максимально - в торцевой части. Зона утилизации распространяется на расстояние не менее 1,7 см от кончика острия. Предполагается контакт с грунтом и возможное использование данного предмета в качестве кольшкa.

---

¹ Коллекция хранится в Полтавском краеведческом музее, ознакомиться с ней лично пока не удалось.

² Філіпов О.К. Обробка та використання кістяних предметів на пізньопалеолітичному поселенні Межириччі // Археологія. К., 1984. №48. с.35-47.

Второй остроконечный фрагмент из продольно расколотого ребра мамонта длиной более 35 см (рис.4). Остриё заглажено и сильно истёрто в результате использования до полного исчезновения технологических следов выстругивания острия. Торец острия покрыт поверхностной, матовой заполировкой, рассеивающейся по мере удаления от кончика. Описанные признаки характерны для контакта с грунтом. Хорошо сформировавшаяся заполировка указывает на проникновение в мёрзлый грунт, может быть, и снег.

Таким образом, оба острия, выполненные из рёбер, могли использоваться в аналогичной кинематике (как колья и т.п.) и контактировали со схожими материалами. Но некоторая разница в интенсивности и характере следов утилизации не исключает того, что конкретное использование предметов в сходных функциях различалось.

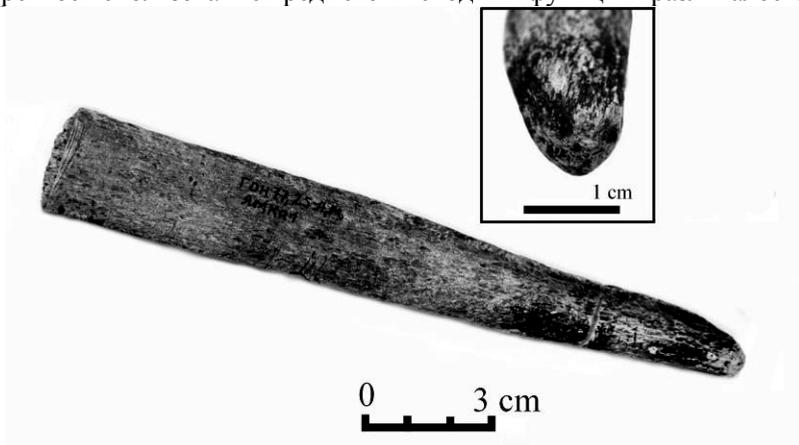

Рис.3. Остриё из ребра

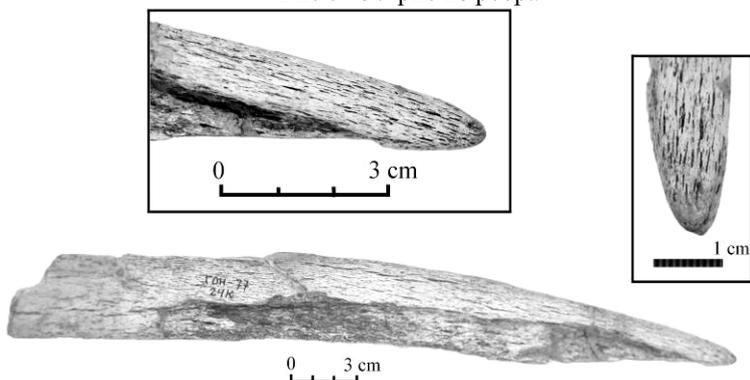

Рис.4. Остриё из ребра мамонта

Острия из бивня мамонта

Два стержневидных острия из бивня мамонта описаны по раскопкам В.М.Щербаковского¹. В рассматриваемой коллекции технологию изготовления острий из бивня мамонта характеризуют четыре предмета.

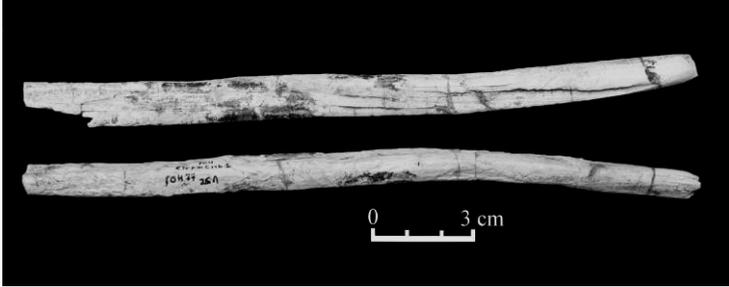

Рис.5. Стержни из бивня

Сохранился стержень из бивня мамонта длиной 19,2 см, шириной 0,75 и толщиной 1,2 см (рис.5). Узкая и длинная заготовка была извлечена с помощью резания продольных пазов глубиной до 1 см. Сохранились следы последующего скобления-строгания, формирующие округлость сечения. Некоторые участки стержня являются частью поверхности кольцевого слоя, образовавшегося в результате расслоения бивня. Это свидетельствует об использовании при первичном расщеплении бивня трещиноватого сырья.

Стержневидный фрагмент из бивня мамонта длиной 4,15 см и максимальным диаметром 0,9 см свидетельствует ещё об одном аспекте изготовления острий. Сечение предмета сохранило форму заготовки. Оба края фрагмента обломаны. На поверхности заметны следы строгания. На некоторых участках также фиксируются и следы выскобливания поверхности до образования более заглаженной, блестящей поверхности. Около суженного кончика имеются резкие заломы, оставшиеся от скобления его движениями от кончика к основанию. Обычно подобные заломы остаются тогда, когда остриё формируется строгающе-скоблящими движениями с нажимом вдоль стержневидной заготовки, сужающие её равномерно в 1 предельном участке, по которому кость затем обламывается². Остриё дорабатывается из того фрагмента, на котором скобление направлено от ос-

¹ Гавриленко І.М. Кам'яні та кістяні вироби Гінцівського пізньопалеолітичному поселенні (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // Археологический альманах, №13. Донецк. 2003. С.232-249.

² Ledosseur G. Sent et contre sens. Reflexions concernant l'orientation d'un geste technique observe sur des objets en matieres osseuses du Levant // Prehistoire Anthropologie Mediterraneennes. 2003. T.12. P.115-128.

нования к узкой части. В нашем случае мы наблюдаем противоположный фрагмент. Одна грань кости представляет собой поверхность отслоившегося кольцевого слоя, что подтверждает использование трещиноватого сырья. Готовое остриё также выстругано из продоль-

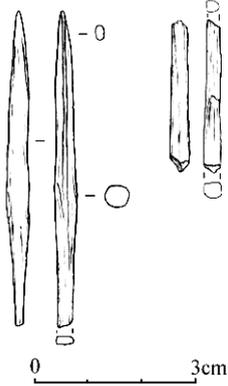

Рис.6 Острия из бивня

ной стержневидной заготовки (рис.6:1). Длина его 5,9 см, максимальный диаметр (в средней части) 0,4 см. Кончик острия сужен равномерно от центра, основание слегка уплощено, сужено и чуть обломано в современности. Кончик острия заовален, но сформировавшейся заполировки нет, как и следов преднамеренной абразивной обработки предмета. Экспериментальные работы по изготовлению аналогичного острия из бивня мамонта показали, что округлиться кончик острия, не прошедший абразивную обработку, мог только при проникновении в контактный материал.

В данном случае его установить невозможно, так как это было кратковременное проникновение, не сформировавшее выразительных следов износа. Типологически аналогичные предметы обычно относятся исследователями к стрелкам. Уплощённое основание вполне могло играть роль насада.

Второе остриё из бивня мамонта – длиной 2,9 и максимальным диаметром 0,35 см – выстругано из продольной стержневидной заготовки (рис.6:2). Концы острия и основания обломаны. Поверхность не заглажена, следы строгания сохранились. Есть продольная нарезка технологического происхождения. Одна грань острия представляет собой поверхность отслоившегося кольцевого слоя, что указывает на использование трещиноватого сырья.

Таким образом, мы можем констатировать следующий процесс изготовления острий из бивня мамонта: бивень расщеплялся продольно с учетом свойств трещиноватого сырья. Далее на расстоянии около 1 см прорезались резцеvidным каменным орудием глубокие пазы, идущие немного под наклоном друг к другу. После этого извлекалась, скорее всего, с помощью клиньев, пластина. Окончательную форму остриёв приобретало после его строгания.

Заключение

Основное, что установлено данным исследованием, – разнообразие типов острий, каждому из которых соответствует свой комплекс приёмов изготовления и функциональная направленность. Разнообраз-

ны следы утилизации. Фиксируется контакт поверхности изделий с кожей, грунтом, растительным материалом.

Показательны результаты анализа предметов из трубчатых костей мелких животных. Древним человеком осознанно использовалось природное разнообразие морфологии эпифизов. Так, выбор определённого вида трубчатой кости при выполнении поделок учитывает предполагаемую функцию изделия. Таким образом, рассматривать шилья из трубчатых костей песка и зайца, как аналогичные предметы, неверно. Отличия в изготовлении шильев из разных видов трубчатых костей мелких животных наблюдаются не только по материалам коллекции Гонцов. Сравнение острий из идентичных костей с разнокультурных стоянок центра Русской равнины подтверждает разнообразие их технологического исполнения. Отличается и сам набор используемых видов трубчатых костей. В Гонцах, например, отсутствуют проколки и иглы из стенок трубчатых костей копытных животных, достаточно широко распространённые на палеолитических памятниках, в том числе бассейнов Десны и Дона (Мезин, Быки, Костёнки-4, Авдеево). Отсутствуют распространённые на памятниках центра Русской равнины плоские острия из трубчатых костей животных, шилья из грифельных костей лошади. Сопоставление технологий, использованных при изготовлении гонцовских изделий, с материалами других палеолитических стоянок центра Русской равнины на данный момент делать весьма затруднительно. Во многих публикациях, к сожалению, присутствует только перечень острий и видов используемого костного сырья, дополненный прорисовкой или фотографией. Технология изготовления и особенно заготовки и отходы производства детально рассматриваются крайне редко. Функциональное назначение предполагается только на основе морфологии, без учёта экспериментально-трассо-логических данных.

По изготовлению изделий из костей песка и зайца в Гонцах можно отметить следующее: своеобразна техника извлечения игловидных заготовок без предварительного отпиливания одного из эпифизов. Редкая для палеолитических стоянок Русской равнины технология прорезания пазов на большеберцовых костях песка и зайца при исполнении шильев находит свои прямые аналоги в материалах Елисеевичей I (личный осмотр) и Межиричей. Не фиксируется продольного резания трубчатых костей мелких по размерам животных в Юдиново, на стоянках костёнковской культуры. В Пенах и Быках-1, 7 отсутствуют шилья из трубчатых костей мелких животных, за исключением одного изделия из Быков-1.

Разница в обработке бивнёвого сырья на стоянках Русской равнины была хорошо изучена Г.А.Хлопачёвым.¹ Но недостаточно исследовано изготовление острий, чтобы делать какие-либо выводы культурно-хронологического порядка. Похожие на гонцовские острия фиксируются на многих палеолитических стоянках, в фауне которых присутствует мамонт. Однако их параметры – длина, толщина, сечение и пр. – в сравнительном плане не изучены. Детальный анализ острий Гонцовской стоянки очередной раз подтвердил перспективность и необходимость подобных исследований².

И.В.Федюнин (Воронеж)

Исследования мезолита на юге Среднего Дона.

Памятники эпохи мезолита на Среднем Дону немногочисленны. Имеющиеся материалы, которые с той или иной степенью достоверности могут быть отнесены к ней, представлены, в основном, местонахождениями или сборами с поверхности. Коллекции, полученные путем стационарных раскопок, единичны. Степень сохранности таких комплексов также зачастую оставляет желать лучшего, что делает базу для разного рода культурологических построений достаточно шаткой. Применительно к территории Лесостепного Дона А.Н. Бесудновым, прежде всего на основе немногочисленных материалов Среднего Поосколья, был поставлен вопрос о существовании здесь памятников зимовниковской и донецкой мезолитических культур¹. Данное предположение позже было конкретизировано и доказано².

В данной работе результируются итоги исследований экспедиции ВГПУ на юге Среднего Дона, проведённых в последние годы. Ниже дается характеристика материалов, полученных из раскопок, шурфов, сборов с поверхности, а также коллекций, хранящихся в фондах районных краеведческих музеев.

Мезолитический культурный слой стоянки Назаровка

---

¹ Хлопачев Г.А. Технология обработки бивня мамонта в эпоху верхнего палеолита (по материалам стоянок центра Русской равнины)// Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб. 2004. - 28 с. Он же. Технология расщепления и её место в процессе обработки бивня на стоянках верхнего палеолита Русской равнины (25-13 тыс. лет)// *Stratum plus*, №1. СПб – Кишинёв – Одесса – Бухарест. 2001-2002. С.250–265. Он же. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб, Наука, 2006. С.71-76.

² Ахметгалеева Н.Б. Возможности комплексного анализа утилитарных костяных изделий палеолитической эпохи// *Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. Воронеж: «Истоки». 2004. С. 91-92.

Стоянка Назаровка выявлена в апреле 2005 г. студентом второго курса исторического факультета ВГПУ А.П.Хурчаком сборами на распанном поле на восточной окраине с.Назаровка Ольховатского р-на Воронежской обл. В мае того же года автором были осуществлены дополнительные сборы, которые позже были опубликованы³. Название памятнику было дано по ближайшему населенному пункту – с.Назаровка. В полевом сезоне 2006 года памятник раскапывался под руководством автора на площади 90 м², в 2007 г. было вскрыто еще 148 м², фактически исчерпавших горизонт залегания находок⁴. Стоянка расположена на мысовой оконечности первой террасы правого берега р.Черная Калитва, резко вдающейся в пойму (максимальная высота над ее уровнем 4,5 м), у восточной окраины с. Назаровка в Ольховатском р-не Воронежской области. Черная Калитва огибает участок, на котором расположена стоянка, образуя меандр, повторяющий контуры мыса. Максимальный разброс высотных отметок находок из культурных слоев стоянки на всей вскрытой площади не превышает 1 м (рис.1). Это позволяет предположить, что древняя поверхность памятника, как и в настоящее время, представляла собой относительно ровную трапецевидной формы площадку с плавным понижением в сторону реки. Гипсометрические отметки данной площадки превышают другие возвышенные участки первой террасы, расположенные в районе исследований параллельно течению реки, в среднем на 0,5-1 м, что делает ее недосягаемой для разливов.

Данные стратиграфии и основные технико-типологические показатели коллекции каменного инвентаря уже рассматривались ранее, исследования 2007 г. не внесли в них каких-либо существенных корректив, поэтому в данной работе основное внимание уделяется характеристике культурного слоя памятника. Большая часть материалов, полученная из раскопа, переотложена. Однако, степень сохранности материалов из слоя, исследованного в 2007 г., намного выше того, что раскапывался в 2006 г. Анализ профильных разверток культурных слоев палеолита и мезолита показывает, что большинство их смешано, скорее всего, в результате деятельности землероев, особенно активных в черноземной зоне, а также других природных факторов (рис.1). Однако, если установление «in situ» для каждого предмета проблематично, то в целом, при наличии определенной «размазанности» археологической стратиграфии, можно констатировать привязку большинства мезолитических находок к слою чернозема, а находок позднего палеолита – к слою лессовидного суглинка.

Исходя из поглубинного анализа материалов и наличия термоструктур среди находок, можно предположить, что слой чернозема в древности мог содержать ямы и кострища, однако в силу характера почвы эти элементы культурного слоя визуально не фиксировались.

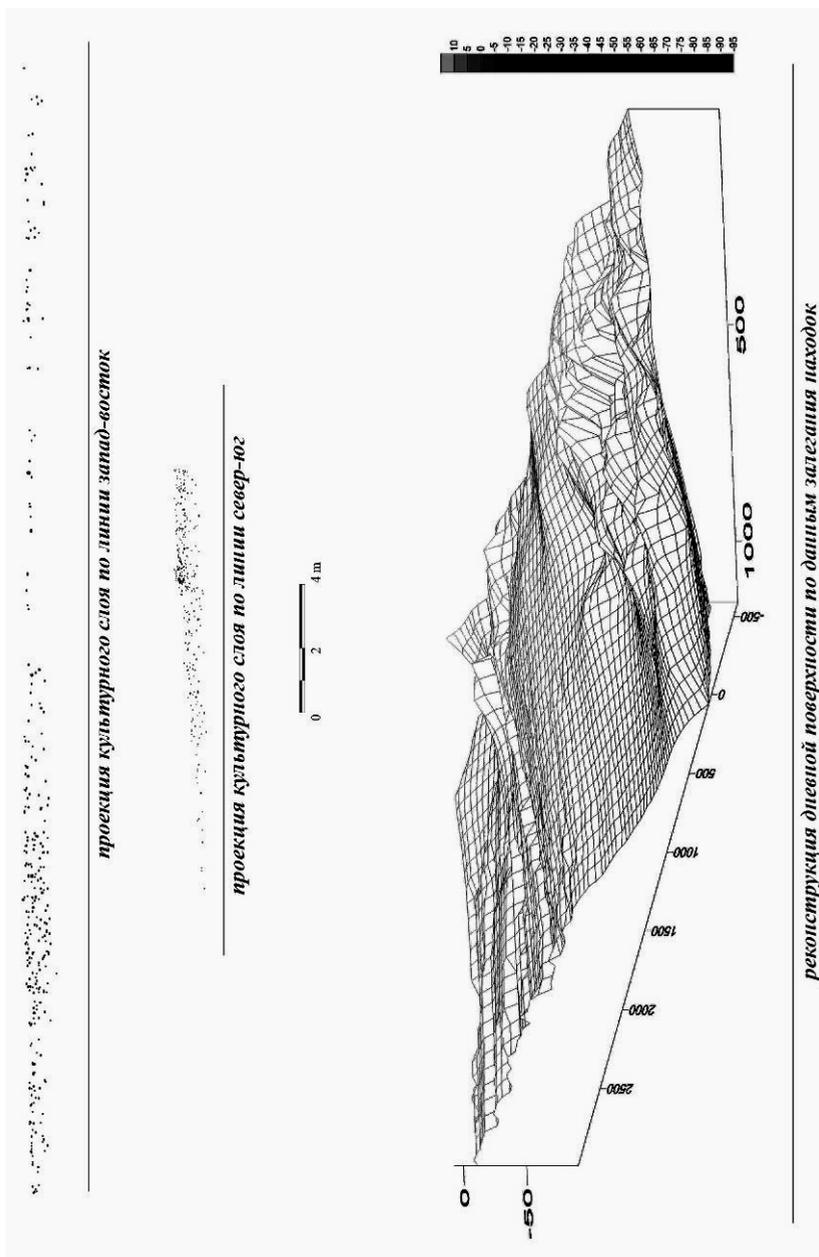

Рис. 1. Мезолитический культурный слой стоянки Назаровка.

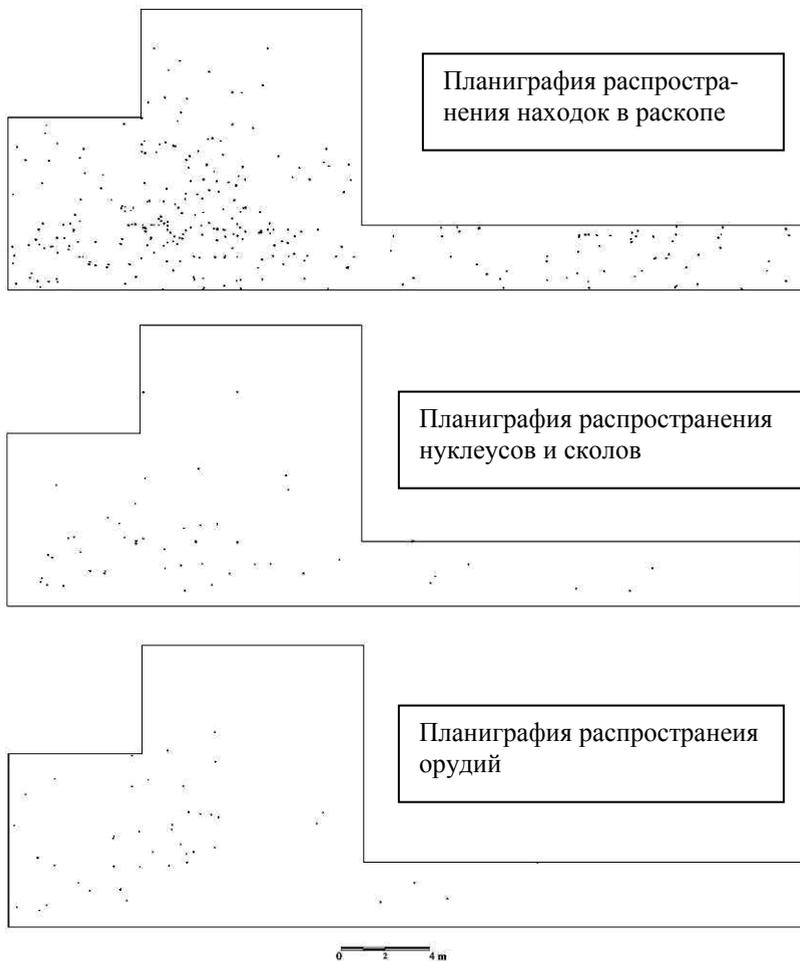

Рис. 2. Планиграфическое размещение разных типов находок в раскопе.

Говоря же о литологии культуровмещающих отложений, можно констатировать развитые процессы гумусизации, поглощающие собственную окраску и структуру слоя лессовидного суглинка.

Стратиграфия и планиграфия находок

Плотность находок в плане невысока: на вскрытой площади в западной части раскопа зафиксированы скопления материалов, не имеющие четких границ. Мезолитические предметы на протяжении квадратов Г-Д-Е – 1-10 встречались чаще, чем на остальной площади; здесь же выявлено большинство орудий (рис.2). На границе квадратов Г-1 и Г-2 находилось аморфное микроскопление мезолитических

орудий и заготовок размерами 0,5×0,8 м. По направлению к югу концентрация находок мезолита уменьшалась, пока они не исчезли совсем. Сводный план раскопов 2006-2007 гг. демонстрирует наличие в мезолитическом слое двух слабо выраженных скоплений, одно из которых находится в центральной части памятника в его предварительно очерченных границах, а другое – на его запад. участке (рис.2). Периферия последнего была исследована в 2007 году.

Анализ планиграфии распространения различных типов находок, проведенный на основе работы с базой данных, позволяет предположить отсутствие четко выраженной пространственной специализации в деятельности древнего населения стоянки: максимальная концентрация всех находок тяготела к западной границе раскопа. Можно отметить лишь незначительное несовпадение в плане большинства орудий, образующих аморфное скопление, ориентированное по линии юго-запад – северо-восток (рис.2). Таким образом, можно предположить, что максимально насыщенный находками участок стоянки представлял собой небольшую площадку на западной, наиболее возвышенной, оконечности мысового выступа террасы, где и производились все основные технологические операции по расщеплению кремня, его обработке и утилизации.

Каменный инвентарь

Каменная индустрия мезолитического комплекса памятника базировалась на утилизации пирамидальных и конических нуклеусов разных пропорций, в основном, на предельных стадиях утилизации. Встречен уплощенный пирамидальный нуклеус от пластин (рис.3:2), а также один конический, уплощенный, с регулярной огранкой, близкий к так называемым «карандашевидным» (рис.3: 2). Выработка микропластин осуществлялась отжимом, занимая $\frac{3}{4}$ поверхности плоскости расщепления. Дистальная часть нуклеуса несет следы забитости и легкой пришлифовки, возникшие, видимо, от длительного контакта с оправой (упором?). Вероятнее всего, изделие было выброшено в результате неудачных коротких снятий, сделавших невозможными дальнейшие попытки изготовления пластин без удаления ударной площадки (получения скола-таблетки) нуклеуса.

Длинные сколы, представленные в коллекции – с правильной регулярной огранкой спинки, как правило, имеют прямой профиль; соотношение длины и толщины, позволяющее характеризовать их как тонкие; а также симметричный треугольный дистальный конец. Среднестатистическая ширина пластины – 0,7-1,0 см. Эти изделия были получены простым или усиленным отжимом.

Другая группа сколов, в т.ч. и длинных, получена ударами мягким и жестким отбойниками. О применении последнего свидетельствуют в коллекции 11 разбитых ударных площадок. Данная группа, в основном, связана с этапом первичной обработки сырья (оббивки) на уровне преформ.

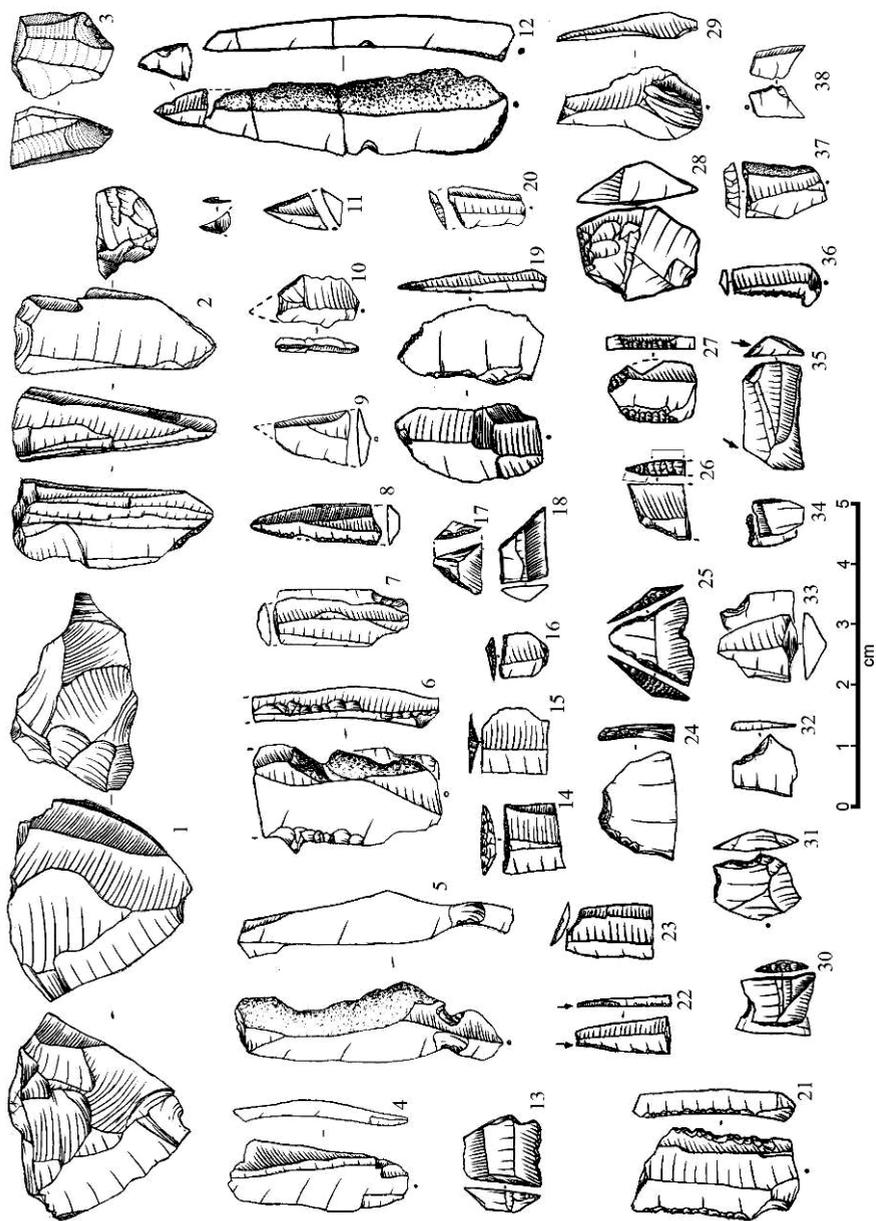

Рис. 3. Мезолитический каменный инвентарь стоянки Назаровка.

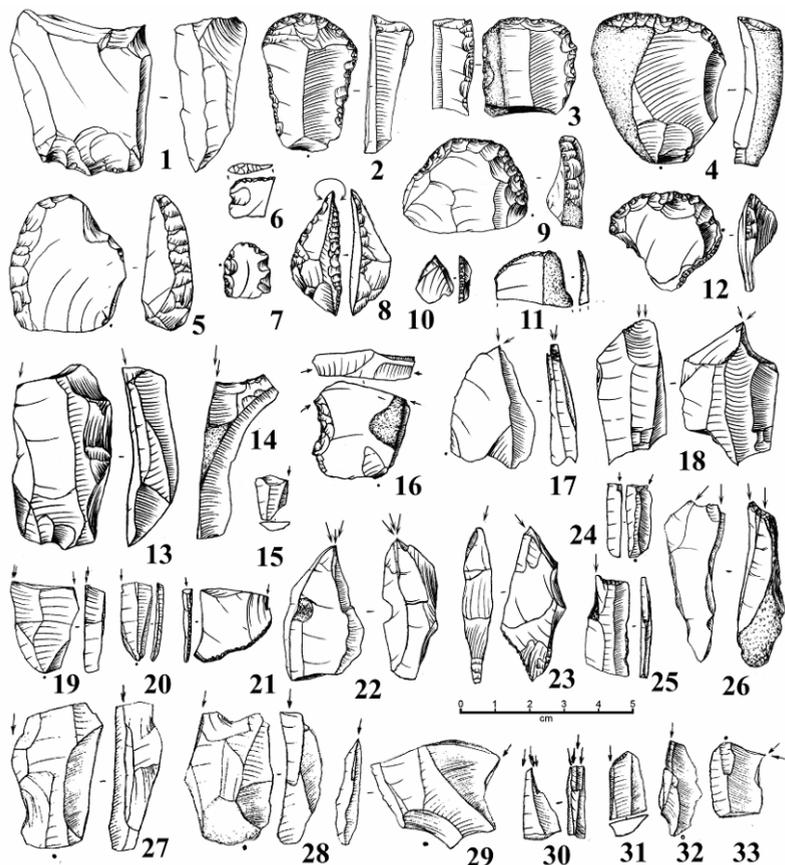

Рис. 4. Мезолитический каменный инвентарь стоянки Назаровка.

Общая доля орудий, полученных в ходе исследования памятника, составляет 23%. Орудия изготавливались из отщепов (22%), осколков (13%), сколов оживления плоскости расщепления нуклеусов (4%), пластин (37%) и неопределимых заготовок (24%). С учетом же морфологически выраженных форм четко проявляется пластинчатый характер каменной индустрии.

Среди орудий коллекции можно отметить пластины с краевой притупляющей ретушью (рис.3: 36,38) и плоской подтеской брюшка, пластины со скошенными ретушью краями и плоской фасеткой ретуши – микрорезцы (рис.3: 20, 23, 33), обломки острий разных типов (рис.3: 8-12, 19), фрагменты наконечников стрел со слабо выделенным черешком, среди которых один – с шипом (рис.3: 6, 7), трон-

ке (рис.3: 14-16). Выявлены также средневысокие трапеции и их обломки (рис.3: 17,18,24-26,30,31). Представлены также скобели, скребки разных типов с преобладанием концевых (рис.4: 2-5,9,11,12). Группа резцов, одна из наиболее многочисленных в коллекции, также достаточно разнообразна (рис.4: 13-33). Наиболее представительны здесь боковые и двугранные резцы, часто комбинирующиеся с другими орудиями (рис.4: 14,16,25,26;17,18,22,33). В ходе исследований встречены две проколки с жальцем, оформленным на углу отщепа, характерные для мезолита Донского Левобережья, а также провертка в форме асимметричного треугольника с вытянутым кончиком и ретушированным основанием (рис.4: 8). Описанная выше индустрия памятника основывалась на утилизации одноплощадочных нуклеусов с применением техники отжима, была направлена на получение правильных призматических пластин шириной 0,7-1 см, из которых изготавливались орудия. Во вторичной обработке доминирует полукрутая, а также, в меньшей степени, пологая и плоская ретушь, резцовый скол. В орудийном ансамбле представлены резцы (в основном, на сломе заготовки и боковые), пластины с краевой ретушью, а также скребки; встречены острия.

По имеющимся аналогиям, полученный комплекс может быть отнесен к памятникам типа Пеллаевка 3 в бассейне Северского Донца, входящим в круг древностей донецкой мезолитической культуры.

Предположительное время функционирования стоянки, судя по данным стратиграфии, типологическому облику каменного инвентаря и датированным естественнонаучными методами аналогам, – рубеж бореала и атлантикума, то есть, по существующим периодизационным разработкам, конец мезолита.

Стоянка Назаровка 2

Выявлена А.С.Михновым в ходе разведки 2006 г. Расположена недалеко от описанного выше памятника в аналогичных геоморфологических условиях. Подъемный материал (семь находок, из них три орудия) локализовался на ограниченной распаханном полем и грунтовой дорогой площади 8×3 м. Все выявленные находки изготовлены из черного мелового кремня. В сборах выявлены дистальная часть пирамидального нуклеуса в предельной стадии утилизации (рис.5: 16), медиальные части пластин (рис.5: 17,18,20); обломок пластины со скошенным ретушью краем, представлявшим собой либо острие, либо орудие, выполненное в псевдомикрорезцовой технике (рис.5: 19); резец на сломе, изготовленный из массивного трехгранного в сечении

отщепы (рис.5: 21), а также обломок концевого скребка (рис.5: 22). Памятник может быть отнесен к позднему мезолиту. Коллекция близка описанной выше, и может входить в круг древностей донецкой культуры.

Стоянка Назаровка 10

Выявлена А.П.Хурчаком и исследована автором в разведке 2007 г.⁵. Расположена на распаханном участке у языкообразного выступа первой надпойменной террасы правого берега р.Черная Калитва, недалеко от с.Назаровка. На распаханном поле были собраны 15 каменных изделий, из них 11 орудий. Площадь распространения подъемного материала 5×6 м. Компактное расположение находок может говорить о том, что распашкой было разрушено скопление материалов, либо на площади данного участка культурный слой находился неглубоко от поверхности.

Все выявленные находки изготовлены из черного мелового кремня. Подъемный материал включает в себя призматический уплощенный нуклеус от пластин с подработанными крупными сколами площадкой (рис.5: 1), дистальную часть предположительно пирамидального нуклеуса (рис.5: 2), небольшой ребристый скол (рис.5: 13), проксимальную часть пластины (рис.5: 3), пластины с ретушью.

Типологически выдержанные орудия включают в себя резцы на сломе заготовки, изготовленные, как правило, на массивных в сечении сколах (рис.5: 10-12,14,15), один из которых, на пластине, обработан среднефасеточной полукрутой ретушью по краю, противоположному резцовому сколу (рис.5: 11). Другие орудия представлены отщепом с глубокой ретушированной выемкой – скобелем со следами сильной утилизации (рис.5: 6), боковым скребком (рис.5: 7), обломком орудия с отвесной ретушью (рис.5: 5). Интересна находка орудия с частичной бифасиальной обработкой и краевой ретушью – регулярной пологой и притупливающей, а также следами макроизноса в виде крупных выбоин (рис.5: 9). Морфология находки напоминает наколеник с боковой выемкой. Однако сильные повреждения и отсутствие аналогий на данной и смежных территориях заставляют с большой осторожностью подходить к такому определению орудия.

По имеющимся аналогиям, памятник может быть отнесен к позднему мезолиту, его коллекция близка индустрии стоянки Назаровка.

Стоянка Гвоздовка

Выявлена И.В.Федюниным.⁶ Расположена на языковом выступе задернованной первой надпойменной террасы левого берега реки Черная Калитва, недалеко от одноименного села.

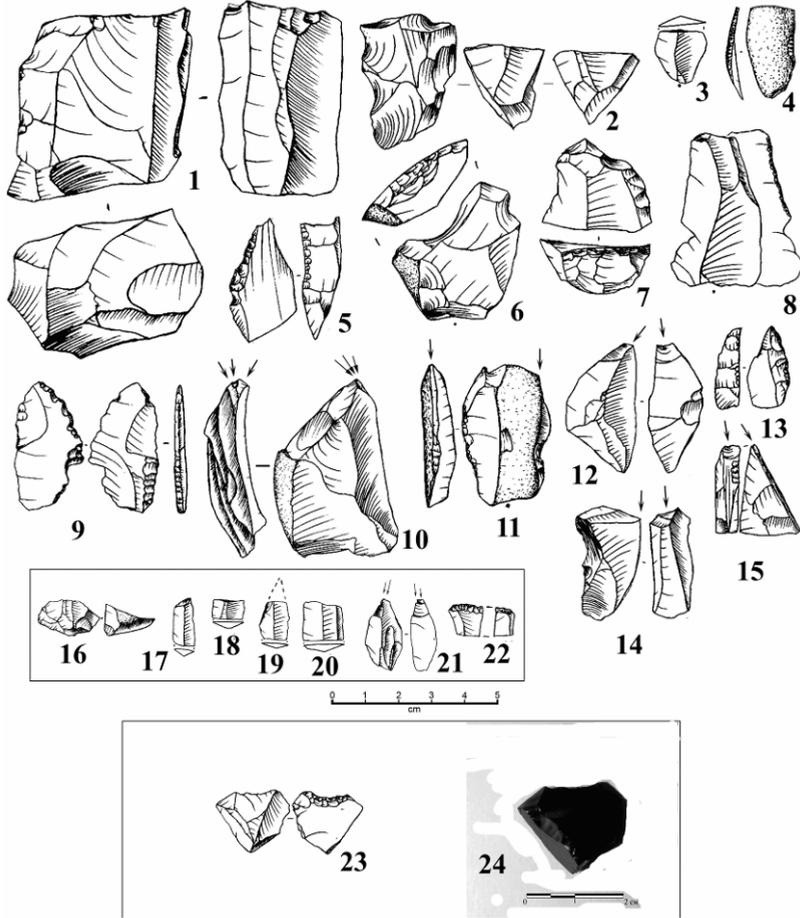

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянок бассейна р. Черная Калитва:
1-15 – Назаровка 10; 16-22 – Назаровка 2; 23, 24 – Гвоздовка.

Подъемный материал (восемь находок, из них все – орудия) локализовался на площади 15×10 м. Находки представлены семью отщепами из черного мелового кремня с различной дислокацией ретуши, и, что особенно интересно, скобелем на небольшом отщепе из обсидиана (рис.5: 23, 24). Находки обсидиана – сырья не местного происхождения – вообще крайне редки для территории Среднего Дона.

Ближайшие его выходы расположены на Кавказе. В данном случае нельзя с уверенностью говорить о таком направлении импорта сырья в Донскую Лесостепь, так как обсидиан вполне мог появиться на нашей территории в результате процессов, сопутствующих дегляциации. Тем не менее, другого варианта появления здесь обсидиана также отрицать нельзя, а сам факт его присутствия заслуживает внимания. Судя по распространению подъемного материала, стоянка занимала площадь, не меньшую, чем 150 м². Культурная и хронологическая атрибуция памятника затруднительна в силу невыразительности материалов. Все сколы получены жестким отбойником, который использовался во все периоды каменного века, а также и в более поздние эпохи.

Депаспортизированные находки

Нуклеус из фонда Россошанского краевед. музея (рис.б: 1). Найден в среднем течении р.Черная Калитва, точное место обнаружения неизвестно. Изготовлен из черного с серыми вкраплениями мелового кремня. Нуклеус правильной симметричной формы, с регулярной огранкой, относится к типу конических. Площадка фасетирована широкими сколами, заходящими на 15-20° в тело заготовки; карниз несет следы абразивной подработки. Дистальная часть нуклеуса правильной конической формы, имеет несколько негативов встречных снятий и сколов, перпендикулярных основной плоскости расщепления, видимо, служивших для фиксации заготовки в неподвижной оправе. Негативы сколов принадлежат длинным правильным пластинам.

Находка в том виде, в котором она находится сейчас, иллюстрирует промежуточную стадию утилизации заготовки, без каких-либо видимых изъянов, способных затруднить дальнейшее расщепление. Нуклеусы такого типа характерны как для донецкой культуры докерамического и керамического этапов ее бытования, так и, в меньшей степени, – для начальных периодов существования среднедонской неолитической культуры. Более точное культурное и хронологическое определение изделия без контекста находки затруднительно.

Еще один нуклеус, несколько сколов и орудий из мелового кремня представлены в экспозиции школьного музея с.Шубное Острогожского р-на Воронежской обл. (рис.б: 2; 3-6). Все предметы найдены в нижнем течении р.Ольшанка – правого притока р.Тихая Сосна. Нуклеус, подобно описанному выше, изготовлен из целого желвака мелового кремня, уплощен в одной проекции, имеет выпуклый фронт в другой. Площадка полностью фасетирована серией широких сколов, несет следы абразивной подработки. Нуклеус был предназначен для снятия длинных тонких пластин со всего периметра единственной ударной площадки, также находится не в последней стадии утилизации.

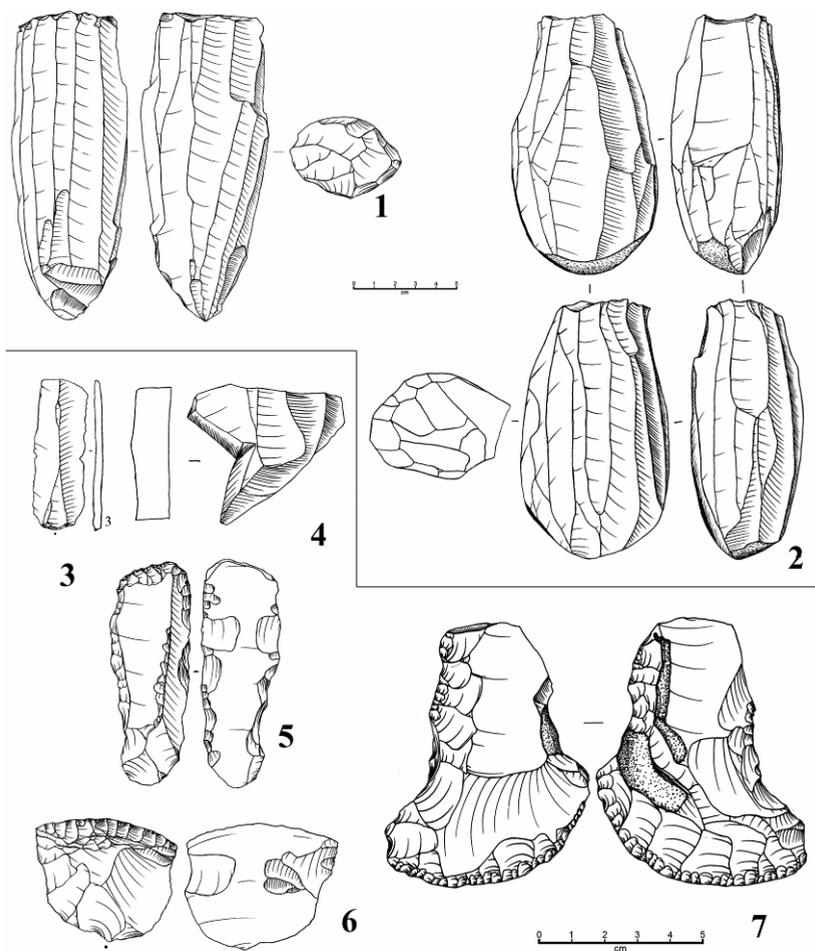

Рис. 6. Каменный инвентарь других местонахождений Юга Среднего Дона: 1 – Россошь; 2-6 – Шубное; 7 – Принцевка.

Среди др. изделий выделяются пластина с правильной огранкой спинки (рис.6: 3), скол оживления плоскости расщепления нуклеуса (рис.6:4), концевые скребки на длинном и коротком сколах с боковой подправкой утончающими снятиями с брюшка (рис.6: 5,6). Коллекция, хранящаяся в музее с.Шубное, не может быть сопоставлена с какими-либо известными материалами мезолитических или неолитических культур из-за отсутствия диагностирующих типов находок. Однако, она представляет известный интерес для картирования памятников мезолита Среднего Дона.

Интересная находка была выявлена учеником средней школы с.Принцевка Валуйского р-на Белгородской обл. В.Борисовым и передана Л.Г.Карабутовым в ВГПУ⁷. Находка представляет собой небольшой топорик с перехватом (рис.б: 7). Изделие изготовлено из целого куска черного мелового кремня, обработано с двух сторон широкими сколами, формирующими обух, и более мелкими, выделяющимися лезвие. Перехват в виде слабой выемки сформирован крутой ретушью с двух сторон орудия. Длинная ось орудия расположена под тупым углом к арочной формы лезвию, приподнятому с одной стороны.

Несмотря на то, что точное место обнаружения находки установить нельзя, сам по себе топор такого типа является маркером определенного этапа развития целого ряда культур финального палеолита и мезолита, причем для известных в Среднем Подонцовье памятников этого времени такие находки единичны. Они характерны в большей степени для материалов собственно свидерской культуры, и для круга голоценовых (т.н. «постсвидерских») культур. В плане ближайших аналогий перспективной представляется и линия сравнения с коллекцией, исследованной в последние годы, раннемезолитической стоянки Ураков Бугор в Средневожском Правобережье, где также представлены архаичные формы рубящих орудий с перехватом⁸. Впрочем, в данном случае речь идет о единичной находке, лишенной конкретного археологического контекста, поэтому за рамки предположений о ее судьбе выходить нельзя.

Таким образом, исследования, проведенные на южных границах Среднего Дона, позволяют предположить, что дальнейшие перспективы изучения мезолита региона будут связаны с существенным уточнением его культурной специфики.

Примечания

1. Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1997.
2. Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.
3. Федюнин И.В., Михнов А.С., Хурчак А.П. Новый мезолитический памятник на южной границе лесостепной зоны Среднего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006. С.17-20.
4. Федюнин И.В. Отчет о раскопках стоянки Назаровка в нижнем течении р.Черная Калитва в 2006 г. // Архив ИА РАН; Он же. Отчет о раскопках стоянки Назаровка в нижнем течении р.Черная Калитва в 2007 г. //Архив ИА РАН.
5. Федюнин И.В. Отчет о разведке в бассейне р.Черная Калитва в 2007 г. // Архив ИА РАН.
6. Там же.

7. Автор выражает признательность учителю истории МОУ «Принцевская средняя общеобразовательная школа» Л.Г.Карабутову за предоставленную возможность публикации находки.
8. Ластовский А.А. Мезолитические памятники северной и центральной части Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С.178-193.

С.В.Силков (Могилев)

Итоги археологических работ у д. Устье в бассейне реки Сож.

Деревня Устье расположена в одном из живописных уголков Чериковского Посожья в междуречье Сожа и Волчаса, в 10 км северо-восточнее районного центра – г.Чериков. Географически она приурочена к правому берегу р.Сож, на протяжении которого развиты первая надпойменная терраса высотой 6-8 м. Южнее деревни имеются огромные залежи мела, разработка которых проходила в 80-90-е гг. XX в.

Начало изучения памятников каменного века у д.Устье было положено в 1931 г., когда белорусский археолог К.М.Поликарпович обнаружил здесь местонахождения каменного века. На основе собранных им коллекций кремневого инвентаря он сделал предположение, что «и эта часть бассейна Сожа также богата остатками охотничье-рыбачьих культур...» [Палікарповіч, 1932, с.227]. Дальнейшее изучение древностей эпохи камня продолжилось лишь в послевоенные годы. Так, в 1969 г. В.Д.Будько, В.С.Вергей, В.И.Кочетковой и Е.А.Шмидтом было проведено повторное обследование окрестностей д.Устье, результатом которого стало открытие шести пунктов с находками каменного века [Будько и др., 1970, с.370]. В 1975 году Е.Г.Калечиц изучила материалы стоянки Устье-1 и датировала их неолитическим временем [Калечиц, 1987, с.150]. Весной 2005 года А.В.Колосовым и автором статьи было проведено повторное обследование окрестностей деревни и найдена новая стоянка – Устье-2. По мнению А.В.Колосова, возможно, этот памятник является одним из шести местонахождений, выявленных В.Д.Будько еще в 1969 г. [Колосов, 2005. Л.11]. Однако отсутствие полевой документации и более точных привязок оставляет этот вопрос не решенным. В летний сезон 2005-2006 гг. на поселении проводились археологические раскопки под руководством А.В.Колосова. В результате был получен материал, относящийся к каменному и бронзовому времени.

Стоянка Устье-1. Стоянка эпохи неолита на первой надпойменной террасе правого берега р.Сож, на юго-западной окраине деревни, в 50 м южнее сельского кладбища. На сегодняшний день данное ме-

стонахождение каменного века уничтожено при разработке мелового карьера. Поэтому мы располагаем только подъёмным материалом. Коллекция артефактов представлена: 303 отщепами, 51 пластиной, 5 нуклеусами (один двухплощадочный). Изделия с вторичной обработкой – 14 находок; это отщепы и пластины с ретушью (4 ед.), скребки (3 ед.), скребки (4 ед.); единичны резец, топор и тесловидное изделие (обломано). В коллекции также представлена лепная керамика, около 100 фрагментов; некоторые стенки сосудов имеют оттиски мелкозубчатого штампа и ямочные вдавления [Колосов, 2002. Л.17; 2005. Л.16-17].

Стоянка Устье -2. Стоянка каменного и бронзового веков расположена на первой надпойменной террасе правого берега старицы р.Сож, в 1,2 км юго-западнее деревни. Весной 2005 г. А.В.Колосовым и автором статьи в песчаных раздувах террасы были собраны многочисленные изделия из кремня, свидетельствующие о местонахождении здесь стоянки. Среди них: ромбовидный наконечник стрелы, нуклеусы (2 ед.), скребки (2), отщепы (118.), пластины (24 ед.). Летом того же года этим исследователем были проведены первые раскопки.

Одной из задач исследования стало выяснение культурной принадлежности и хронологии данного памятника, стратиграфии и условий сохранности культурного слоя [Колосов, 2005. Л.11-13]. Вдоль террасы было заложен шурф 1x1 м. Среди находок шурфа следует указать: отщепы (40.), пластины (9.), мелкие осколки (2 ед.), нуклеус, скребок, комбинированный резец, отщеп с ретушью и рубящее орудие. В 11 м юго-западнее шурфа была заложена траншея (1x5 м). Поскольку в траншее было собрано значительное количество кремневых артефактов, было решено прирезать к ней небольшой раскоп (15 кв. м) в западном направлении. Таким образом, материалы траншеи и раскопа далее будут рассматриваться в едином контексте, исследованном на площади 20 кв. м. Находки распространялись равномерно и заметных скоплений не образовывали. В целом, их количество на квадрат составляет от 2 до 30 ед., а в среднем этот показатель равняется 13 ед. [Колосов, 2005. Л.11-12]. Основная масса находок относится к отщепам (146), пластинам (40), пластинчатым отщепам (7 ед.), снятым с одноплощадочных и двухплощадочных нуклеусов (12 ед.). Среди орудий труда встречены скребки концевой формы, изготовленные из отщепов (3 ед.); резцы на сломе заготовки, ретушные и комбинированный резец (всего 5 ед.); рубящее орудие, ножевидная пластина со следами использования по краям. Для изготовления орудий использовались, в основном, отщепы и ножевидные пластины средних или крупных размеров.

В кв. Д-3 на глубине 0,40 м зафиксировано пятно овальной формы размером 1,1 x 0,85 м, которое выделялось темно-серой окраской с вкраплениями мелких угольков [Колосов, 2005. Л.12]. При разборке

заполнения на глубине 0,45-0,50 м обнаружены фрагменты лепной керамики: развал стенок сосуда светло-коричневого цвета, заглаженного внутри и покрытого слабой штриховкой снаружи. В тесте обломков присутствует толченый камень. Поверхность фрагментов орнаментирована прочерченными линиями, образующими композиции в виде зигзагов. Такая керамика характерна для круга памятников тщиинецко-сосницкой этнокультурной общности и датируется XV-XI вв. до н.э. [Колосов, 2005. Л.13].

В 2006 г. в 105 м северо-восточнее раскопа 2005 г. были проведены очередные раскопки на площади 60 кв.м. Итогом проведенных работ стала полученная коллекция артефактов: 1728 ед. кремневых и 4 фрагмента гончарной керамики. Находки залежали на глубине 0,2-0,5 м, в желтом песке. В пределах раскопа выделялось два скопления кремня. Концентрация кремневых находок в одном из них достигала около 150 ед. на 1 кв. м, в другом – более 200 ед. артефактов. К самой многочисленной категории находок относятся отщепы (970 ед.), что свидетельствует об обработке кремня на месте поселения. В коллекции доминируют короткие, узкие сколы – 46,1% и короткие, широкие – 38,6%. Пластин – 352 ед. Некоторые пластины (17 ед.) выделены нами в отдельную группу – ребристые пластины. Они имеют изогнутую форму и сохраняют на спинке огранку в виде ребра, специально выделенного поперечными сколами на нуклеусе еще до снятия этих заготовок. Среди нуклеусов (40 ед.) представлены одноплощадочные – 16, двухплощадочные – 7, с измененной ориентацией, аморфные – 5 ед. Остальные найдены в виде обломков. На поселении было обнаружено 76 изделий с вторичной обработкой. Большую часть орудий составляют скребки – 24 единицы.

Второй группой по количеству орудий труда являются резцы (10 ед.), далее идут скобели (4), проколка, два рубящих орудия, тесло и два наконечника стрел. Наконечники стрел изготовлены на пластинах, которые были сняты с двухплощадочных нуклеусов. Черешок одного из них повторяет контуры пластины-заготовки листовидной формы и подправлен со стороны брюшка крутой ретушью. Насад второго наконечника выделен со стороны брюшка крутой ретушью и имеет окончание в виде шипа.

Таким образом, кремневый комплекс стоянки Устье-2, полученный в 2006 г., позволяет датировать его мезолитическим временем. Однако, вопрос о культурной принадлежности данного памятника остается открытым. Не исключено, что перед нами стоянка, сходства материалов которой обнаружить среди других памятников Белорусского Посожья пока не удастся. На сегодняшний день у д.Устье известно два местонахождения каменного и бронзового веков, материа-

лы которых требуют определённых обобщений с учётом новых данных, полученных за последнее время.

Литература

Будько В.Д., Вергей В.С., Кочетков В.И., Шмидт Е.А. Археологические исследования на р.Сож. // АО 1969 года. М., 1970.

Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Мн., 1987.

Колосов А.В. Отчёт о проведении археологических разведок на территории Чериковского района в 2002 г. // Архив ИИ НАН Беларуси. №2002.

Колосов А.В. Отчет об археологических работах на территории Могилёвской и Гомельской областей в 2005 г. // Архив ИИ НАН Беларуси. №2321.

Палкарповіч К.М. Досьледы культуры каменнага і бронзавага перыядаў у БССР у 1930–1931 гг. // Працы сэкцыі археалёгіі. Т.3. Мн., 1932.

П.Л.Шашков (Могилев)

Древности каменного и бронзового веков Климовичского Посожья: история изучения.

Климовичский район находится на востоке Могилевской области (Республика Беларусь) и граничит на севере и западе – с Шумячским и Ершицким районами Смоленской обл. (Российская Федерация), на юго-востоке – с Хотимским р-ном, на юге – с Костюковичским, на юго-западе – с Краснопольским и Чериковским районами Могилевской обл. [Геаграфічна-статыстычны ... 2004, с.12]. Памятники археологии на территории современного Климовичского р-на привлекли к себе внимание еще во второй пол. XIX в. Определенную роль в этом сыграло то, что 1870-80-е гг. в истории Российской империи – это время, когда значительно вырос интерес к древностям, археологическим открытиям и к археологии в целом, причем не только в традиционных научных центрах, но и в провинции, в том числе и Западном крае.

Новым витком в изучении археологических памятников стали 20-е гг. прошлого века. После создания в 1922 г. Института белорусской культуры существенно оживилась работа на местах, где возникли многочисленные краеведческие общества и кружки, одним из которых было Калининское окружное общество краеведов. В декабре 1924 г. была организована инициативная группа, состоявшая из А.Л.Аниховского, Ф.Садовского и Бакшинова. В результате 10 февраля 1925 г. в Климовичах состоялось собрание местной интеллигенции, на котором было создано упомянутое выше краеведческое общество, которое объединяло 65 членов, преимущественно учителей, агрономов и врачей. Историко-археологическая секция общества поставила перед собой задачу: «Предпринимать меры по охране памят-

ников древности, зданий, городищ; провести учет курганов и добиться их полной охраны, остановив самовольные раскопки без специалистов и отдельного разрешения Инбелкульта» [Копытин, 1998. С.17].

Долгое время считалось, что научное изучение района началось с работ А.Л.Аниховского, который в июне 1926 года исследовал курганы из могильников возле деревень Старый Дедин, Пранички, Роськов, Ивановск и др. [Памяць, 1995. С.25], а в окрестностях д.Старые Пранички открыл неолитическую стоянку [Копытин, 1998, С.18]. Во время этой экспедиции около дд. Старый Дедин и Роськов были обнаружены воронкообразные ямы диаметром до 34 и глубиной до 3,5 м. В ходе раскопок на дне этих ям были обнаружены остатки очагов и каменные орудия труда [Копытин, 1998, С.12]. По предположению исследователя, это были жилища переходного периода «от палеолита к неолиту», т.е. мезолитического времени [Копытин, 1998. С.12]. Однако в 2006 г. А.В.Колосов в фондохранилище Института истории НАНБ обнаружил находки К.М.Поликарповича, собранные в 1924 г. в окрестностях г.Климович. Находки были подняты на левом берегу р.Лобжанка между старой и новой линиями железной дороги, недалеко от ж/д моста. Среди просмотренных А.В.Колосовым находок в пакете оказались только две пластинки: одна в виде медиального сечения, другая – целая отжимная, а также один отщеп.

В 1926 г. Поликарпович обследовал также бассейн р.Сож в Калининском округе и собрал ряд предметов неолитической эпохи: ножи, наконечники стрел, обломки керамических сосудов и др. [Копытин, 1998, с.18].

Свой след в истории исследования археологических памятников Климовщины оставил известный белорусский краевед С.С.Шутов. С дипломом санитарного врача он в 1929 г. приехал в Климовичи. В свободное от основных занятий время, энтузиаст открыл целую серию новых, ранее неизвестных в научной литературе памятников каменного века на правом берегу р.Лобжанка в окрестностях Климович.

Послевоенный этап в изучении археологических памятников района начался только в 1950-х гг. и связан с разведочными работами, проведенными смоленским археологом Е.А.Шмидтом. В пойме левого берега р.Остер, несколько южнее д.Старый Дедин им была открыта неолитическая стоянка [Памяць, 1995, с.20].

В мае 1968 г. Коллегия Министерства культуры БССР и Президиум АН БССР приняли постановление о подготовке Свода памятников истории и культуры республики. Свод должен был стать капитальным энциклопедическим изданием, включающим сведения об исторических памятниках, что, несомненно, способствовало их дальнейшему изучению, пропаганде и охране.

В 1970 г., в результате объединения усилий археологов исторического факультета Могилевского госпединститута им. А.А.Кулешова и Могилевского обл. краеведческого музея, развернулась деятельность по учету и исследованию археологических памятников в Могилёвской обл.. Летом того же года в Климовичском р-не работала археологическая экспедиция, состоявшая их студентов-историков во главе с В.Ф.Копытиным. В итоге было обследовано состояние ряда групп известных памятников, составлены их планы и охранная документация, а также открыто местонахождение серии трапещей мезолитического времени на левом берегу р.Остер к юго-востоку от д.Старый Дедин.

С 1994 по 1998 г.г. археологическая экспедиция истфака Могилевского гос. университета им. А.А.Кулешова под руководством В.Ф.Копытина провела сплошное обследование территории Климовичского р-на с целью подготовки издания «Археологические памятники Климовичского района Могилевской области» (Могилев, 1998). Результатом первого полевого сезона стала фиксация 18 стоянок каменного века: у дд.Кулешовка, Борисовичи (2 пункта), Игнатовка (2), Синеж (2), Ильюхино, Ходунь и др. В 1995 г. была открыта стоянка каменного века возле поселка Вознесенск [Копытин, 1998, с.21]. И только преждевременная смерть В.Ф.Копытина прервала плодотворную работу по изучению древностей не только в нашем районе, но и на всей территории Белорусского Поднепровья.

Новейшим этапом в истории изучения археологических памятников каменного века Климовичского р-на стала экспедиция, проведенная осенью 2005 года в составе А.В.Колосова, М.П.Дуктова и автора данной работы. Первоначально были произведены сбор подъемного материала на стоянках каменного века 1 и 2 возле д.Борисовичи, Рудня-2 и 3, а также шурфовка стоянки-3 у д.Рудня. Было установлено, что стоянка Борисовичи-2 разрушена песчаным карьером. В ходе экспедиции были обследованы воронкообразные ямы около д.Роськов, а также стоянка-1 эпохи неолита в 0,2 км южнее д.Старый Дедин и стоянка-1 каменного века у д.Старые Пранички, которая в данный момент разрушается песчаным карьером. Весной 2006 г. А.В.Колосовым были открыты новые памятники археологии в бассейне р.Остёр: местонахождение-3 каменного века на северо-восточной окраине д.Старый Дедин и стоянка-4 каменного века на песчаной возвышенности в пойме левого берега р.Остёр, в 0,8 км восточнее вышеупомянутой деревни. На последнем памятнике летом 2006 г. .В.Колосовым произведены раскопки А на площади 30 кв. м. В результате была получена многочисленная коллекция кремнёвых орудий и фрагментов лепной керамики. По предварительному устному заключению А.В.Колосова, полученные материалы типологически

можно датировать поздненеолитическим временем. По крайней мере, пять фрагментов лепных сосудов – с оттисками ямок и гребёнки – относятся к этому времени. Данный факт подтверждается также находкой ромбовидного наконечника стрелы, обработанного двухсторонней плоской ретушью, и, в целом, обликом кремневого инвентаря.

Таким образом, история изучения археологических памятников Климовичского р-на была сложной и многогранной. Начиная с работ энтузиастов-любителей в конце XIX в., с 1920-х гг. район начал исследоваться археологами-профессионалами, с каждым годом вводящими в научный оборот все новые и новые археологические материалы.

Литература

Географічна-статистичні слоўнік: Клімавіцкі раён. Магілёў, 2004.

Копыгин В.Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области. Могилев, 1998.

Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Клімавіцкага раёна. Мн., 1995.

В.И.Цымбал, В.Ф.Клименко (Енакиево)

Древности эпохи бронзы Центрального Донбасса.

Курганы бассейна р.Крынка являются составной частью погребальных памятников Центрального Донбасса [Полидович, Абдрахманов, 2004, с.178-202]. На территории Центрального Донбасса в бассейне р.Крынка долгие годы авторами проводились исследования памятников эпохи бронзы. В курганах исследованы единичные погребения эпох энеолита [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.19, рис.8; с.41, рис.16, 1; Клименко, Цымбал, в печати], ранней и средней бронзы. В большом количестве представлены комплексы срубной культуры эпохи поздней бронзы [Клименко, 1971, с.120-122; 1974.- С.283; 1996, с.93-96; 2000, с.110-112; Клименко, Усачук, Цымбал, 1994; Клименко, Цымбал, 1991; 2000, с.21-23; 2001, с.45-47; 2002, с.54; 2002, с.31, 37; 2006, с.183-186]. Кроме погребальных комплексов из курганов выявлены и др. материалы эпохи бронзы [Цымбал, Клименко, 1989, с.179-180].

В 1972-1974 гг. в с.Камышатка Шахтерского р-на в пойме правого берега р.Булавин - в усадьбе Гаркуши на площади 300 кв. м - после прокладки нового русла реки обследовано многослойное поселение. Собраны мелкие фрагменты сосудов катакомбной культуры со шнуровым и елочным гребенчатым орнаментами; фрагменты сосудов многоваликовой (бабинской) культуры, украшенных насечками по краю венчика, налепными валиками с пальцевыми защипами и оттисками ногтя. Наибольшее количество материала относится к срубной культуре, среди которого фрагменты сковородки, керамического ло-

шила, керамическое и костяное пряслица, костяной наконечник копья [Клименко, Цымбал, 2006, с.183-186, рис.1, 1-5]. Костяное пряслице усеченно-конической формы изготовлено из головки бедренной кости путем оформления двух противоположных граней с последующим просверливанием вертикального сквозного отверстия. [Клименко, 1999, рис.1, 9; Клименко, Цымбал, 2004, с.28, рис.21, 2; 2006, с.184, рис.1, 3].

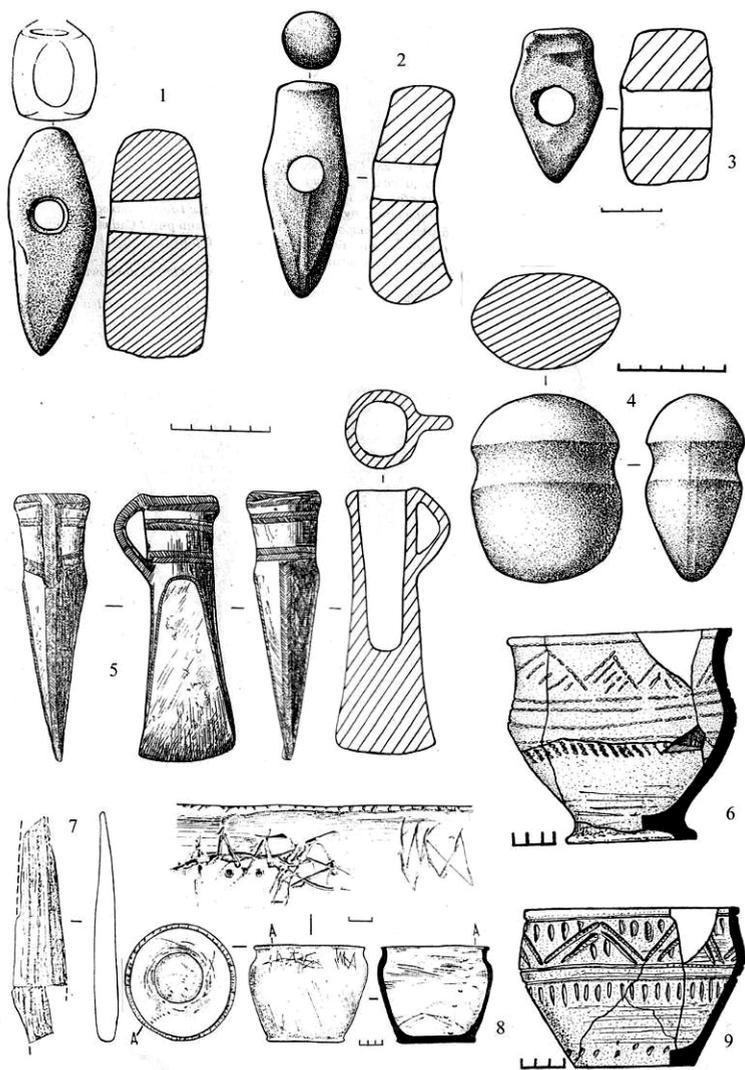
Наконечник копья изготовлен путем резки и шлифовки. Поверхность с обеих сторон граненая. Грани слегка заглажены. Лощение связано с использованием орудия. Орудие использовали и после поломки острия (участки слома залощены, края завальцованы). На орудии локальные длинные продольные и диагональные следы (царапины от использования?). В районе черешка и немного выше по лезвию – много залощенных поперечных следов, оставленных, вероятно, от привязывания наконечника к древку (Рис.1, 7) [Клименко, 1999, рис.1, 12; Клименко, Усачук, 1993.-Рис.65, 8; Клименко, Цымбал, 2006,с.184, рис.1, 5].

В урочище Плоское на расстоянии 1 км от с.Камышатка, на террасе левого берега р.Булавин расположены два поселения площадью 200 и 170 кв.м на расстоянии 120 м одно от другого по линии В-3 [Клименко, Цымбал, 1975, с.289-291; Цымбал, Клименко, 1989 с.179-180] собраны мелкие фрагменты неорнаментированных сосудов срубной культуры.

Южнее п.Ольховатка в урочище Плоское найден кельт одноушковый с узким длинным туловом, валиком-ободком по устью втулки, расширенным лезвием, арковидной выступающей фаской (Рис.1, 5) [Клименко, Цымбал, 1991, с.25, рис.8, 2; 2004, с.30, рис.24; Кузьминых, 1993, рис.47, 3]. Сечение округлое по устью, овально-шестигранное по середине. Ниже устья два рельефных горизонтальных валика. Лезвие притуплено. Литье некачественное: медь пористая, литейные швы не обработаны. Общая длина 13,3 см, длина устья втулки 8, длина лезвия 4,9, длина ушка 4,5, ширина 1,5 см.

Морфологические специфические черты сближают это орудие с западными образцами - круга культур чернолесской, высочкой, Гава-Голиград, лужицкой и др. Данный экземпляр является как-будто наиболее восточным в этой серии, и может датироваться в рамках белозерского этапа (вероятно, его конца).

На поле у п.Ольховатка найден топор каменный сверленный (Рис.1, 2). Размеры 11 x 4,3 x 4,2см. Корпус слегка изогнут в профиле. Обух цилиндрический с круглым выпуклым окончанием. Канал сверления правильный. От проуха к лезвию проходит невысокое ребро. Лезвие выпуклое в профиле, слегка свисающее вниз [Постников, 1993. Рис.22, 2].

Рис.1

В окрестностях г.Енакиево найден топор каменный сверленный. Размеры 10,8 x 4,1 x 4,7 см (Рис.1, 1). Форма асимметричная. Высота топора увеличивается от обуха к лезвию. Боек клиновидный. Лезвие слегка выпуклое с зубринами. Торец обуха эллиптический выпуклый. Сечение в проушной части подквадратное. Канал сверления конический. Материал - диорит [Постников, 1993. Рис.15, 1].

В окрестностях г.Енакиево найден топор каменный сверленный. (Рис.1, 2.) Размеры 7,8 x 4,8 x 4,6 см. Материал-песчаник темнобурого цвета [Клименко, 1993. Рис.22, 6].

У западной окраины с.Бондаревка (Корсунский поссовет) на площади 180 м² на поселении срубной культуры поздней бронзы собраны мелкие неорнаментированные фрагменты сосудов [Клименко, Цымбал, 1975, с.289-291].

На пашне у п.1905 года близ г.Енакиево обнаружен топор каменный привязной. Размеры 9,4 x 5,0 x 7,5 см (Рис.1, 4) [Клименко, 1993. Рис.31, 2; Клименко, Цымбал, 1991, с.25; 2004, с.29, рис.13]. Изготовлен из уплощенной яйцевидной песчаниковой гальки, что определило форму орудия. Круговой желоб расположен ближе к обуху.

В 1972 г. на поле у п.Авиловка - на расстоянии 1,7 км от исследованной нами в 1969 г. курганный группы [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994] - обнаружен рюмковидный сосуд срубной культуры с отогнутым наружу венчиком. Ниже венчика сосуд опоясан оттиском перевитого шнура. Между венчиком и ребром расположены заштрихованные треугольники из оттисков шнура, обращенные вершинами к устью сосуда. Ниже ребра - опоясывающий ряд коротких наклонных оттисков шнура. Дно вогнутое. Внутренняя поверхность сосуда заглажена. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика 15 см, ребра -14 см, дна -9 см (Рис.1,6) [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.102, рис.38, 2].

В 1984 г. в г.Юнокоммунаровске (Енакиевский горсовет) во время земляных работ обнаружен развал острореберного сосуда срубной культуры высотой 10 см. Венчик прямой. Сосуд орнаментирован оттисками зубчатого штампа. Ниже венчика, выше и ниже ребра сосуд опоясан горизонтальными прочерченными линиями. Между венчиком и ребром двойной зигзаг образует треугольники. Внутри каждого треугольника по 2-4 коротких вертикальных линии. На наружной и внутренней поверхностях следы горизонтальных расчесов. Диаметр венчика 14,2 см, ребра - 15,4 см, дна - 8 см (Рис.1, 9) [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.102, рис.38, 1].

В 1985 г. у п.Старопетровское близ г.Енакиево найден сосуд с выраженным ребром. Венчик чуть отклонен наружу. Поверхность сосуда неровная, покрыта тонкими локальными диагональными расчесами. Прочерченные на сосуде изображения представляют собой знаковую композицию, пополняя группу подобных сосудов в Донбассе и в регионе срубной культуры в целом [Отрощенко, Формозов, 1988, с.147-178]. Высота сосуда 12,2 см, диаметр венчика 14,5, ребра - 15, дна - 9,4 см (Рис.1, 8) [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, с.102, 107-108, рис.39].

Литература

- Клименко В.Ф. Топор каменный сверленный. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах № 1.-Донецк, 1993.-Рис. 22, 6.
- Клименко В.Ф. Топор каменный привязной. Там же, -Рис. 31, 2.
- Клименко В.Ф. Поселения срубной культуры на Донетчине // Матеріали міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення стеги та лісостеги Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)». -Дніпропетровськ, 1999.-С.86-88.
- Клименко В.Ф. О срубных сосудах с ромбическими композициями // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международ. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. В.П.Левенка (13-16 ноября 2006 года). - Липецк, С.179-181.-Рис.1.
- Клименко В.Ф., Усачук А.Н. Костяной наконечник копья // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах №1. -Донецк,1993.- Рис.65, 8.
- Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И. Курганные древности Центрального Донбасса. - РИП „Лебедь”.-Донецк, 1994.-127 с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Работы Енакиевского отряда. // АО 1974 года.- М.: Наука, 1975.-С.289-291.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Древности родного края. Историко-краеведческий очерк.-Донецк, 1991.- 39 с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. О сосудах со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы в Северо-Восточном Приазовье и Подонцовье.-ДАС.- Вып.10.-Донецк: Изд. ДонНУ, 2002.-С.31-37, рис.3,3.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Древности донецкого края.-Енакиев, 2004.-50 с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Поселения эпохи бронзы Центрального Донбасса и Среднего Подонцовья // Археологическое изучение Центральной России. Тез. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. В.П.Левенка. - Липецк, 2006.-С.181-186.
- Кузьминых с.В. Кельт одноушковый // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах № 1.-Донецк, 1993. -Рис.47.3.
- Отрощенко В.В., Формозов А.А. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла. - Studia Praehistorika.. - Sofia, т. 9, 1988.-С.147-178.
- Полидович Ю.Б., Абдрахманов Д.В. Курганы бассейна Кринки (Центральный Донбасс и Северо-Восточное Приазовье) // Курганы Донбасса. Археологический альманах, №14 – «Лебедь» - Донецк, 2004.-С.178-202.
- Постников с.Н. Топор каменный сверленный // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Археологический альманах № 1.-Донецк, 1993.-Рис.15, 1.
- Постников С.Н. там же Рис.22, 2.
- Цымбал В.И., Клименко В.Ф. Разведки в районе г.Енакиев // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Тез.док. науч.-практ. семинара. - Донецк, 1989.-С.179-180.

О верхней дате юхновской культуры.

Первая датировка Юхновского городища была предложена Н.В.Трубниковой еще в 1938 г. [Трубникова, 1938, С.128], которая затем была уточнена А.Е.Алиховой [Алихова, 1956, С.31-41]. М.В.Воеводский на основании находок на юхновских городищах скифских вещей и позднелатенского браслета суммарно датировал их IV в. до н.э. – первыми веками н.э. [Воеводский, 1949, С.67]. Верхняя граница юхновской культуры на городище Торфель определялась Е.И.Горюновой наконечниками стрел римского типа I в. н.э. [Горюнова, 1950, с.156]. По Воеводскому, за юхновскими следовали городища роменской культуры. Хронологический разрыв в 500-600 лет, отделяющий друг от друга эти две культуры, оставался в 40-50-е гг. XX в. практически ничем не заполненным. Ситуация начала меняться только после широкомасштабных раскопок, произведенных Ф.М.Заверняевым и А.КАмброзом в Почепе, Синьково и на городище Полужье [Заверняев, 1960; 1961; Амброз, 1964]. «В настоящее время стало известно, что юхновская культура, подобно милоградской, на всей территории ее распространения сменилась зарубинецкой культурой» [Третьяков, 1960, с.41]. Однако в интерпретации памятников почепского типа мнения исследователей разошлись.

Для понимания исторических судеб юхновского населения Подесенья имели важное значение работы, проведенные в 1950-1970-е гг. А.Е.Алиховой, Л.В.Артишевской, В.П.Левенком, О.Н.Мельниковской, В.А.Падиным, А.И.Пузиковой и другими исследователями. В частности, В.П.Левенок сделал, по сути первую попытку периодизации всей юхновской культуры, в развитии которой он выделил три периода. Средний период юхновской культуры Левенок датировал V-III вв. до н.э., а поздний период завершал IV в. н.э. [Левенок, 1957, С.51; 1963, с.90-91]. Разумеется, что уже тогда было очевидно, что последняя дата сильно завышена. Не случайно В.П.Левенок, видимо, сознавая это, указывал, что городища юхновской культуры позднего периода представлены, преимущественно, только на Средней Десне [Левенок, 1963, с.92].

А.Е.Алиховой установлено, что в Курском Посеймье юхновские племена появились лишь в середине или конце V в. до н.э. и обитали здесь вплоть до III в. до н.э. [Алихова, 1959, с.20; 1962; Пузикова, 1981; 1997]. Преимущественно VI-III вв. до н.э. датируются юхновские городища в Черниговском Подесенье [Ильинская, Тереножкин, 1986, С.182]. О.Н.Мельниковская специально отмечает, что в Черниговском Подесенье материалов IV в. до н.э., как и более поздних, почти нет [Мельниковская, 1975, с.103]. Однако, определяя хронологиче-

ские рамки всей юхновской культуры, Мельниковская не исключала ее существование вплоть до начала н. э. [Мельниковская, 1975а, с.10]. На мой взгляд, данная точка зрения, скорее, дань ее старой гипотезе о сосуществовании в Гомельском Поднепровье милоградской и зарубинецкой культур вплоть до финала последней в I в. н.э. [Мельниковская, 1967, С.166-167]. Эти взгляды в Беларуси разделяет до настоящего времени только С.Е.Рассадин [Рассадин, 2005; 2006].

В результате исследований 1950-1970-х гг. установлено, что юхновская культура не на всей своей территории синхронна. До сих пор в Нижнем Подесенье и Посемье достоверные памятники юхновской культуры, датируемые позднее III в. до н.э. не обнаружены. Все попытки более поздней датировки местных юхновских городищ, как правило, опираются на предметы, не имеющие узкой даты или связь которых с юхновской культурой сомнительна. Следует обратить внимание, что так называемый «поздний период юхновской культуры» в Подесенье так и не получил развернутой характеристики. В.П.Левенок специально отмечал, что «по отношению к среднему периоду поздний период юхновской культуры оказывается очень близким и органически связанным» [Левенок, 1963, С.91], а известные к тому времени поселения почепского типа им вообще не рассматривались как позднеюхновские. Нижний слой Полужского городища А.К.Амброз относил к позднему этапу юхновской культуры и датировал IV-III вв. до н.э. [Амброз, 1964, С.59].

В 1970-х гг. юхновские материалы стали привлекать внимание и археологов Беларуси. Л.Д.Поболь, в частности, считал, что в среднем течении Десны на территории Брянской обл. прослеживается «буферная зона между племенами зарубинецкой и юхновской культур» [Поболь, 1973, С.23, рис.1, Д].

В 1970-1980-х гг. В.В.Богомольниковым, М.А.Ткачевым, С.Е.Рассадиным, И.М.Чернявским и автором были начаты раскопки городищ раннего железного века в Гомельском Посожье. В эти годы С.Е. Рассадиным была разработана типология нижнесожских городищ эпохи раннего железа и впервые выделены юхновские материалы на территории Беларуси [Рассадин, 1991]. В начале 1980-х гг. А.М.Обломский на территории Нижнего Посожья выделил особую группу зарубинецких памятников типа Кистени-Чечерск [Обломский, Терпиловский, 1991, С.96-102].

Авария на Чернобыльской АЭС, в 1986 г., практически свела к нулю археологические исследования в зараженных районах. Тем не менее, в 1985-86 гг. автор успел провести охранные раскопки на Юрковичском могильнике в Ветковском р-не Гомельской обл. Памятник относится к чечерской группе (типа Кистени-Чечерск) верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры [Дробушевский, 1996,

С.119-129; 2000]. В 1988-93 гг. автор проводил исследования на городище в п.Уваровичи, расположенном на р.Уза (правый приток Сожа) в Буда-Кошелевском районе Гомельской обл., где вскрыто 640 кв.м. Культурный слой городища имеет довольно большую для памятников этого типа мощность – 1,2-1,3 м и более. Выделено три основных строительных периода функционирования на данном поселении. Два более ранних периода относятся к милоградской культуре, а поздний – к чечерской группе зарубинецкой культуры. Несмотря на то, что памятник расположен в правобережье Сожа, на нем присутствуют отдельные юхновские или восходящие к ним элементы [Дробушевский, 1991, С.26-28; 2004, С.61-66].

Наконец, в 1990-х гг. В.И.Шадыро и А.Метельский выявили юхновские городища в бассейне р.Беседь в Костюковичском р-не Могилевской обл., на некоторых из них были проведены небольшие раскопки [Шадыра, 1996, С.88-97; Мяцельскі, 2006, С.53-60]. Однако и в ходе исследований последних десятилетий выяснилось, что верхняя дата юхновской культуры и этнокультурная принадлежность населения, пришедшего ей на смену, до сих пор не определены. В этой связи особое значение приобретает вопрос о характере взаимодействия обитателей юхновских городищ с зарубинецкими племенами.

В данном случае сразу отметим, что еще в 1970-80-х гг. такие понятия как «зарубинецкий» и «поздnezарубинецкий» исследователями нередко отождествлялись [Заверняев, 1969; 1970; Поболь, 1973, с.23; Максимов, 1982. С.9-10]. Лишь благодаря работам А.М. Обломского и Р.В.Терпиловского, во многом разделявших взгляды П.Н. Третьякова, был выделен почепский вариант поздnezарубинецкой культуры I–II вв. н. э. [Обломский, Терпиловский, 1991, с.47-62; Терпиловский, 1984, с.50-58]. Прежняя концепция А.К.Ам-броза – Ю.В.Кухаренко о позднеюхновском характере почепских памятников Подесенья не нашла подтверждения. Отдельные юхновские элементы, присутствующие на поздnezарубинецких поселениях, в настоящее время объясняются исключительно как субстратное явление [Обломский, 2002, с.10-12; Терпиловский, 2004, с.25-27]. Иными словами, к концу I в. н.э. юхновская культура на Брянщине уже прекратила свое существование. Как отмечалось выше, в Посемье и Черниговском Подесенье это событие произошло значительно раньше.

В этой связи удивляет недавно высказанный В.В.Пилипцевич тезис о якобы имевшем место давлении юхновских племен на зарубинцев, в результате чего прекратил свое существование верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры [Пилипцевич, 2006, с.16]. Во-первых, юхновцы не могли вторгаться на зарубинецкую территорию в конце I – начале II в.н.э., т. к. их к тому времени просто-напросто уже не было. Во-вторых, как установлено, почепский вари-

ант позднезарубинецкой культуры сложился в I в.н.э. результате переселения в Подесенье потомков классической зарубинецкой культуры из Среднего Поднепровья [Обломский, Терпиловский, 1991, с.85-88]. Если В.В.Пилипцевич считает почепские памятники Подесенья юхновскими, то это нуждается в обосновании. Никак, вопреки В.В.Пилипцевич [Пилипцевич, 2004, с.138], такой типичнейший элемент орнаментации груболепных горшков зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья как пальцевые вдавления и защипы по краю венчика не может считаться привнесенным юхновцами. Напомним, что этот вид декора обычен и для классической зарубинецкой керамики Среднего Поднепровья, где его происхождение обычно связывается со скифскими традициями [Максимов, 1982, с.53-54].

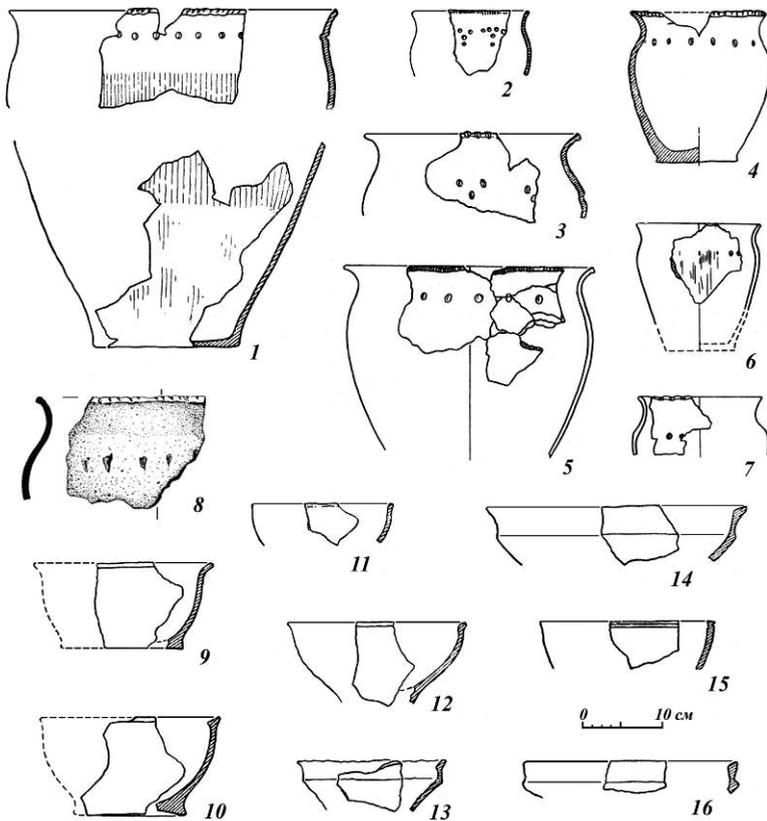

Рис. 1. Керамика рубежа н. э. типа верхнего слоя Полужского городища. 1-4, 9-16 – Полужье (по А.К. Амброзу); 5-7 – Синьково (по Г.Н.Пронину); 8 – Федоровка (по А.А. Метельскому).

Судя по всему, в понятиях «юхновская», «почепская» и «зарубинецкая» до сих пор путается и С.Е.Рассадин. Он, как и В.В.Пилипцевич, считает, что керамика Юрковичского могильника является юхновской, но в то же время материалы рубежа н.э. из городищ бассейна р.Беседь и Брянского Посожья относит к зарубинецкой культуре [Пилипцевич, Рассадин, 2007, с.41-42]. По Рассадину, как милоградские и зарубинецкие, так и юхновские городища в Посожье сосуществовали до одного и того же времени, а именно до I в.н.э. включительно [Рассадин, 2007, С.44]. Естественно, никаких юхновских материалов этого времени из Посожья он не приводит. В гомельском левобережье Сожа раскопки С.Е.Рассадин вел только на двух городищах: Нисимковичи Чечерского р-на на р.Покоть и Подгорье Добрушского р-на на р.Ипуть. Первое Рассадин отнес к милоградской и зарубинецкой культурам, а относительно второго специально отметил, что здесь юхновские напластования перекрываются более поздними милоградскими [Рассадин, 2007, С.39]. Юхновские материалы в Брянском Посожье известны только по разведкам, проведенным в разные годы на местных городищах, то есть этого явно недостаточно чтобы делать какие-либо выводы [Дробушевский, 2006, С.15].

Не лучшим образом обстоят дела с интерпретацией материалов рубежа н.э., сменяющих юхновские, из недавно исследованных городищ в бассейне р.Беседь на Могилёвщине. По мнению В.И.Шадыра эти материалы отражают симбиоз юхновских и зарубинецких традиций, в конечном счете, приведших к формированию древностей типа Почепа I-II вв. н.э. [Шадыра, 1998, с.89]. Аналогичные материалы городища Фёдоровка А.А.Метельский сопоставил со средним слоем Тушемли [Мяцельскі, 2006, с.55]. И, наконец, С.Е.Рассадин без всякого обоснования эти же памятники отнес к зарубинецкой культуре [Рассадин, 2007, рис.1]. Как видим, относительно этнокультурной ситуации на рубеже н.э. в Брянском Подесенье и смежных районах Беларуси у авторов мнения самые разнообразные.

В настоящее время в Днепровском Левобережье, согласно А.М.Обломскому, известны группы древностей II в. до н.э. - начала I в.н.э., относящиеся к зарубинецкому кругу [Обломский, 2002, рис.14]. В Нижнем и Среднем Подесенье исследованы памятники верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры типа Горошков – Чаплин (Деснянка, Еловщина, Гребля) [Шекун, Терпиловский, 1993, с.22-24]. Сюда же, видимо, можно отнести и городище Мощенка [Щукин, 1989, с.108-112]. Отмечу, что на поселении Еловщина (раскопки Г.В.Жарова), судя по наличию на груболепной посуде штриховки, представлены и элементы чечерской группы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры Нижнего Посожья. В Сред-

нем Посемье локализуется своеобразная группа поселений типа Харьевки, открытая в 1949-1950 гг. Д.Т.Березовцом [Березовец, 1955]. В материальной культуре этой группы комбинируются признаки зарубинецких древностей Среднего Поднепровья и ясторфских Центральной Европы [Максимов, 1972, с.54-55]. Следовательно, не позднее II в. до н. э. значительная часть юхновского ареала была занята новым населением – зарубинецкими племенами. Еще в 1960-х гг. А.М.Амброз пришел к выводу, что в Верхнем Подесенье в I в. до н.э. культура местного населения заметно изменилась и возникла своеобразная «почепская» культура, сменившая юхновскую. По его мнению, сложение почепской культуры связано с приходом на Десну зарубинецкого населения из Среднего и, возможно, Верхнего Поднепровья.

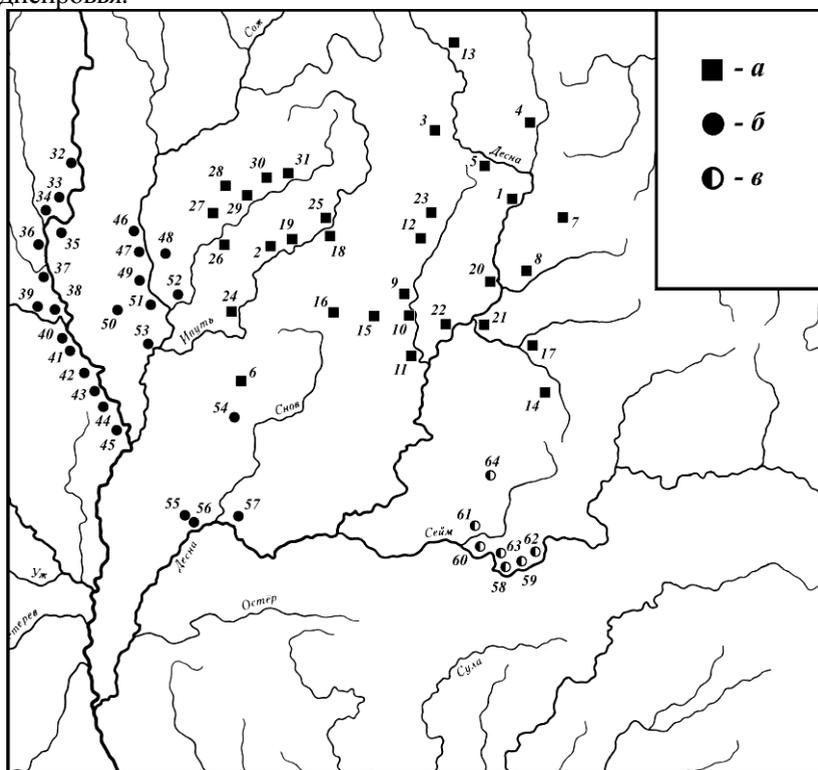

Рис. 2. Этнокультурная ситуация в Подесенье и смежных приднепровских районах на рубеже н. э. *a* - юхновские городища, содержащие материалы типа верхнего слоя Полужья; *b* - памятники верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры; *v* - зарубинецкие памятники типа Харьевки.

Учитывая резкие различия между выделенной им «почепской» культурой и юхновской, он лишь допускал возможность, что «может быть, правильнее говорить о почепском этапе истории юхновских племен» [Амброз, 1964, С.66]. Нигде и никогда А.К.Амброз не называл «почепскую» культуру позднеюхновской. Элементы «почепской» культуры он считал явно пришлыми, зарубинецкими. Об этом свидетельствуют и основные формы керамики типа верхнего слоя Полужья (рис.1). Юхновские традиции он указывал только для I и II этапов «почепской» культуры (комплексы из верхнего слоя Полужского городища и Синьковского селища), причем уже на II этапе, согласно А.М.Амброзу, юхновские пережитки исчезают. По формам лощеной посуды II этап исследователь синхронизировал с Чаплинским могильником и датировал рубежом I в. до н.э. – I в.н.э., тогда как первый этап он условно отнес к I в. до н.э. [Амброз, 1964, С.60-62]. Лощеные миски из Полужья (рис.1: 9, 12, 14), например, близки зарубинецким мискам V,1,3 и VII типов Пироговского могильника Среднего Поднепровья, где они характерны для второго и третьего этапов, датированных 120-105 гг. до н.э. - 40-ми гг. н.э. [Скиба, 2001, С.44, 46, рис.34: 1,5,10; 72: 2].

П.Н.Третьяков считал, что на юхновских городищах Средней и Верхней Десны «зарубинецкие культурные наслоения» встречаются лишь как исключение [Третьяков, 1960, с.41]. После работ Г.Н.Пронина, стало ясно, что такие городища отнюдь не редки [Пронин, 1979, С.49-50, рис.1]. В настоящее время с той или иной степенью уверенности можно говорить более чем о 30 юхновских городищах, содержащих керамику зарубинецкого облика типа верхнего слоя Полужья (рис.2). В этой связи, вряд ли для этих памятников оправдана узкая датировка (около середины I в.н.э.), предложенная А.М.Обломским и Р.В.Терпиловским [Обломский, Терпиловский, 1991, с.59]. Очевидно, горизонт древностей типа верхнего слоя Полужского городища, наряду с зарубинецкими памятниками Нижнего Подесенья и Посемья, занимает промежуточное положение между классической юхновской культурой VI-III вв. до н.э. и позднезарубинецкими поселениями почепского типа I-II вв. н.э.

Литература

Алихова А.Е. К вопросу о датировке двух городищ у села Юхново // КСИИМК. Вып. 65. – М., 1956. С.31-41.

Алихова А.Е. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посемья // КСИИМК. Вып. 77. – М., 1959. С.15-20.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посемья // МИА № 113 – М., 1962. С.86-129.

Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА 1964 - №1, С.56-71.

- Березовец Д.Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т 5. – К., 1955. С.49-66.
- Воеводский М.В. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып.24. – М., 1949. С.67-77.
- Горюнова Е.И. Городище Торфель (Краткая информация о раскопках 1937 г.) // КСИИМК. Вып. XXXI. – М., 1950. С.148-156.
- Дробушевский А.И. Городище эпохи раннего железа в г.п. Уваровичи // Гомельщина: археология, история, памятники. – Гомель, 1991. С.26-28.
- Дробушевский А.И. Погребальные памятники рубежа н. э. Нижнего Посожья // ГАЗ. №9. – Мн., 1996. С.119-129.
- Дробушевский А.И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки. – Гомель, 2000. С.49-77.
- Дробушевский А.И. Домостроительство и планировка поселений Нижнего Посожья на рубеже н. э. // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. – Гомель, 2004. С.61-66.
- Дробушевский А.И. О связях населения Нижнего Посожья и Подесенья в раннем железном веке // Традиції матеріальної і духовної культури Усходняга Полесья: проблеми вивчення і захавання ў постчарнобыльскі час. – Гомель, 2006. С.12-18.
- Заверняев Ф.М. Селища бассейна р. Судости // СА 1960 - №3. С.180-194.
- Заверняев Ф.М. Почепское селище первых веков н. э. // СА 1961 - №4. С.179-185.
- Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. №160. – М.–Л., 1969. С.88–118.
- Заверняев Ф.М. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // МИА №176. – М., 1970. С.22-25.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Юхновская культура // Археология Украинской ССР. Скифо–сарматская и античная археология. Т.2. – К., 1986. С.181-183.
- Левенок В.П. Городища юхновской культуры // КСИА. Вып.7. – К., 1957. С.49-53.
- Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА 1963 - № 3, С.79-96.
- Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР –К.,1982 184 с.
- Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. – М., 1967. 196 с.
- Мельниковская О.Н. Шабалиновское городище // КСИА. Вып.142. – М., 1975. С.98-103.
- Мельниковская О.Н. Юхновская культура // Новейшие открытия советских археологов. Ч.II. – К., 1975а. С.9-11.
- Мяцельскі А. Гарадзішчы жалезнага веку ў міжрэччы Сожа і Іпуці (па матэрыялах Магілёўшчыны) // ГАЗ. №21. – Мн., 2006. С.53-60.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. – М., 1991. 176 с.
- Пилипцевич В.В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. – Гомель, 2004. С.134-143.
- Пилипцевич В.В. Погребальный обряд населения зарубинецкой культуры. Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Мн., 2006. 20 с.

- Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. – Мн., 1973. 280 с.
- Пузикова А.И. Марицкое городище в Посемье VI–V вв. до н. э. – М., 1981. 121 с.
- Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р.Тускарь (Посей-мье). – М., 1997. 126 с.
- Рассадин С.Я. Ніжнесожскія гарадзішчы ранняга жалезнага веку: тыпалогія і культурна-храналагічная дыферэнцыяцыя //Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. №6. Мн., 1991. С.72-80.
- Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. – Мн., 2005. 106 с.
- Рассадин С.Е. Юхновская культура в Белорусско–Российском Посожье // МАБ. № 14. – Мн., 2007. С.37-53.
- Скиба Л.Є. Пирогівський могилиник зарубинецької культури.– К.,2001.– 176 с.
- Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. – К., 1984. 124 с.
- Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. – Lublin, 2004. 232 с.
- Третьяков П.Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура // СА 1960 - №1. – М., 1960. С.36-46.
- Трубникова Н.В. К вопросу о Юхновском городище // Труды ГИМ. Вып. VIII. – М., 1938. С.123-128.
- Шадыра В.І. Аб паўднёвай мяжы днепра-дзвінскай культуры на Беларусі // ГАЗ. № 13. – Мн., 1998. С.88-97.
- Шекун А.В., Терпиловский Р.В. Памятники I в. до н. э. – VII в. н. э. у с. Десянянки близ Чернигова. – Чернигов, 1993. 48 с.
- Шукин М.Б. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Гос. Эрмитажа. – Л., 1989. С.103-114.

О.А. Щеглова (Санкт-Петербург)

Новые находки «древностей антов» на Брянщине.¹

Со времени обнаружения и ведения в научный оборот одного из крупнейших и интереснейших памятников раннеславянского ювелирного дела – комплекса украшений Трубчевского клада [Приходнюк, Падин, Тихонов, 1996; Падин, 2005], территория Брянской области стала рассматриваться, как перспективная не только для поисков поселений и могильников третьей четверти I н.э., обычно достаточно бедных металлическими находками, но и как регион, в котором возможны весьма любопытные открытия новых произведений ювелирного искусства, возможно, относящихся к продукции мастера-владельца Трубчевского клада. К сожалению, в последнее время, ко-

---

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01435А «Металлический костюмный комплекс населения Среднего Поднепровья в раннем средневековье: истоки, традиции, стили»

гда археологические находки сделались товаром антикварного рынка, а, следовательно, предметом добычи «черных археологов», большинство произведений мелкой металлопластики уходит из поля зрения археологов, а те немногие вещи, которые удается зафиксировать, обычно лишены достоверной привязки к месту находки и определенному археологическому контексту. Однако и сам факт находки предмета в определенном регионе нуждается в регистрации, и полностью отказываться от учета и анализа находок, поступивших или предъявленных в музей без соответствующей археологической документации, к сожалению, уже нельзя. Автор выражает признательность сотрудникам Брянского обл. краеведческого музея Е.А.Чеплянской и Н.Е.Ющенко, директору Унечского районного краеведческого музея Н.А.Голик, а также сотруднику ИА РАН, д.и.н. П.Г.Гайдукову, обративших его внимание на ряд новых находок предметов круга «древностей антов» на территории Брянской обл. и обеспечивших возможность знакомства с ними или предоставивших их изображения. В настоящей публикации рассматривается 5 предметов, которые удалось исследовать: 3 фибулы (одна целая и 2 фрагментированные) и 2 изделия из свинцово-оловянного сплава: фрагмент трехлопастной накладки и нашивная бляшка.

I. Фибула пальчатая крупная, с орнаментом в виде спиралей на обоих щитках. Брянская обл., точное место находки неизвестно. Место хранения неизвестно.

В конце 1990-х гг. в антикварный магазин г.Брянска поступила пальчатая фибула, по словам находчиков, случайно обнаруженная на территории Брянской области (Рис.1)¹. Вопреки ожиданиям, она не похожа на пальчатые фибулы из Трубчевска. Лицевая сторона этой находки по форме и орнаментации щитков и дужки в деталях совпадает с характерными для первого комплекта фибул Гапоновского клада (Рис.2: КМА33/28/14 и КМА33/28/15), найденного в Курской обл. и достаточно полно исследованного [Гавритухин, Обломский, 1996], только отверстия в кольцевидных выступах щитка ножки стали меньше, и два кольца имеют дефекты – они не пролились до конца. Вместо непропорционально больших пальцев-лопастей с гравировкой – «птичьей лапкой», щиток головки окаймляют пять небольших закругленных выступов на невысоких, с поперечным рифлением ножках. Так же, концевой выступ щитка ножки, стал меньше, приобрел более правильную овальную форму, сохранив облик звериной морды с глазами – чеканными кружками и полосами. Эти изме-

---

¹ Автор приносит искреннюю благодарность сотруднику ИА РАН, д.и.н. П.Г. Гайдукову, обратившему внимание на эту находку, за предоставленную информацию и проекцию лицевой стороны вещи, выполненную на ксероксе.

нения достаточно легко могли быть внесены в восковую модель, сделанную по оттиску готовой фибулы. То, что дефекты отливки – разрывы – расположены на тех же кольцевидных выступах по сторонам щитка ножки, что и у фибулы КМА 33/28/14, заставляет предполагать, что именно эта вещь служила исходным шаблоном для изготовления восковой модели брянской фибулы, вероятно, непосредственно, т.к. орнамент на щитках четкий, не заплывший, как это было бы при многократном посредничестве воспроизведенных с шаблона отливок.

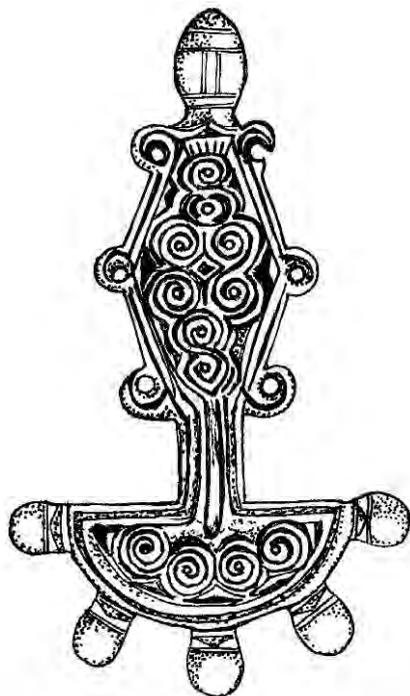

Рис.1 Пальчатая фибула из Брянской области. Прорисовка по проекции, выполненной на ксероксе. Без масштаба.

К сожалению, брянская фибула известна нам только по проекции лицевой стороны на ксероксе, выполненной с потерей масштаба, поэтому подкрепить наши выводы и предположения дополнительно наблюдениями за особенностями оборотной стороны, которые особенно важны при определении технологии изготовления вещи и её идентификации, мы не можем. Кроме этой случайной находки из Брянской области, других предметов, которые могли бы образовать вместе с гапоновскими «производственные ряды», нам пока неизвестно.

И.О.Гавритухин, подходя к определению места гапоновских находок среди множества днепровских фибул с точки зрения формальной типологии, поместил их разряд классификации, который он называет «тип IV.А днепровской подгруппы группы поствосточногерманских» [Гавритухин, Обломский, 1996, С.36-38], где основным признаком типологической линии IV является наличие крючковидных или кольцевидных выступов на щитке ножки, а буквенный индекс обозначает серию днепровской подгруппы по Й.Вернеру: А – со спиральями, В – с решеткой в центре щитка ножки, С – с кружковым орнаментом [Гавритухин, Обломский, 1996, С.37]. К этому типу И.О.Гавритухин отнес находки из Гапонова (оба комплекта), Трубчевска, Мужинова и подчеркнул, что их объединяет четкость очертаний ромбовидной пластины ножки [Гавритухин, Обломский, 1996, С.38]. К этой же группе уверенно можно отнести и рассматриваемую нами находку из Брянской обл.

Поскольку в Трубчевском кладе обнаружено 18 фибул, сразу назовем те из них, которые действительно могут быть отнесены к типу IV. А по И.О. Гавритухину. Это одна целая (ТКМ 4780/150) и одна фрагментированная (ТКМ 4780/139) фибулы [Приходнюк, Падин 1996: 80, рис.1:4; 81:рис.1:3]. Они изучены нами в собрании Трубчевского музея. Фибула из с. Мужиново, находящаяся в постоянной экспозиции Брянского областного краеведческого музея, рассматривается по публикациям с фотографиями [Рис.3.Шинаков 1995:с.103-104, рис.1; Пуцко 1997:151], а также по прорисовке и фото, выполненным в фондах музея С.В.Воронятовым (рис.3)

Кроме общей характеристики типа, рассматриваемые вещи из Брянской области объединяет с гапоновскими еще ряд признаков: на головном щитке у них композиция из двух крупных S-видных спиральных завитков; пальцы плоские, на короткой ножке или вообще без нее, но с гравировкой по лопасти; дужка широкая, продольно рифленая, щиток ножки ромбический, украшен композицией из спиралей и крупных S - видных завитков (однако эти композиции отличаются на разных изделиях), по бокам щитка выступы, две пары которых, также, как у гапоновских фибул второго комплекта, круглые, украшенные кружком с точкой, а одна представляет собой не кольцо, а клювовидный отросток.

Все эти вещи изготовлены литьем по восковой модели, сделанной не по четкому шаблону или качественной отливке, а по плохо проработанному изделию с расплывчатым орнаментом. Дорабатывая отливку трубчевской фибулы ТКМ4780/150, мастер сделал попытку восстановить спиральный орнамент на щитке ножки после отливки, но прочеканив несколько завитков, оставил эту затею. На мужиновской фибуле видно, как вместо того, чтобы восстановить исходный

узор, мастер нанес кружки с точкой в центре, но следы спиралей прослеживаются (Рис.3, [Шинаков 1995: рис.1]), поэтому по формальным признакам она должна бы быть отнесена уже к другому (IV.C) типу по И.О.Гавритухину. Обратные стороны фибул из Трубчевского клада – ровные, без следов ребер жесткости, на фибуле из Мужинова слабо читается вертикальное ребро по средней линии щитка ножки.

Рис.2. Парные пальчатые фибулы из Гапоновского клада (Курская обл.). Латунь.

Утрата спирального орнамента и переход к кружкам, которая последовательно прослеживается на фибулах из Брянской обл., в данном случае подтверждает мнение о вторичном, и, следовательно, типологически более позднем появлении кружковой орнаментации днепровских фибул. Эта точка зрения подвергалась сомнению А.К.Амброзом [Амброз 1995, С.179] и И.О.Гавритухиным, но в данном случае то специальное доказательство, которого требовал И.О.Гавритухин [Гавритухин, Приймак 2001-2002, С.93], представлено неопровержимо. Следующим шагом на пути упрощения орнаментации при сохранении других характеристик типа являются фибулы Колосковского клада, сплошь покрытые кружками [Корзухина 1996, С.689, табл.99:1,2,3; 418:кат 128:1-2]. В отличие от рассматриваемой нами брянской фибулы, в качестве исходного шаблона для производства трубчевских, служили, разумеется, не те именно изделия, которые были обнаружены в Гапоновском кладе. Однако это были вещи,

близкие гапоновским как по размерам, так и по многочисленным названным выше особенностям формы и декора, и, весьма вероятно, принадлежали к продукции той же мастерской.

Рис. 3. Пальчатая фибула из Мужинова (Брянская обл.)

Благодаря находке рассматриваемой нами фибулы, выделяются немногочисленные серии изделий, которые можно связать с деятельностью не просто мастерской, а одного и того же ювелира. В качестве примера укажем серию из пальчатых фибул, 2 пары которых встречены в Гапоновском кладе, а одна случайно найдена в Брянской обл. Они не идентичны, но близки по стилистическим признакам, пропорциям, способу нанесения спирального орнамента на щитки, а также по признакам, которые не являются ни автоматически воспроизводимыми при копировании, ни функциональными, ни декоративными, которые определяли бы облик изделия. Можно утверждать, что авто-

ром фибул из Гапонова и Брянской области был настоящий художник-торевт, изобретавший новые формы ювелирных изделий [Щеглова, 2006].

II. Фрагмент антропозооморфной фибулы (головной щиток). с.Воробейня Жирятинского р-на Брянской обл. Случайная находка. Поступила в БГОКМ в 2001 г.(рис.4:2).

Находка головного щитка и части дужки антропозооморфной фибулы связывается находчиком О.Г.Емельяновым с городищем юхновской культуры близ современного с.Воробейня. Вещь изготовлена из медного сплава. На оборотной стороне сохранились две стойки для механизма пружины иглодержателя. По классификации, предложенной недавно В.Е.Родинковой, этот фрагмент принадлежит к типу I.2 (А или Б) [Родинкова 2006, С.47, 43: рис.2:5]. Однако, поскольку типобразующий признак – нижний щиток у этого экземпляра отсутствует, имеет смысл сравнивать его с предметами, наиболее близкими по оформлению головного щитка, на котором вместо антропоморфного выступа, как на мартыновской паре антропозооморфных фибул или огромной фибуле из Блажков, присутствует продольносимметричная «рогатая» композиция из двух опущенных вниз выступов на ножке. Наиболее близкие аналогии происходят из северных районов распространения антских древностей – Трубчевского клада (рис.4:1), и с городища Никодимово (Горещкий район Могилевской обл.), где был обнаружен фрагмент антропозооморфной фибулы, в древности сломанной и превращенной в подвеску. Фрагмент из Воробейки и латунная антропозооморфная фибула из Трубчевского клада близки по размеру, форме и орнаментации, и вероятно, принадлежат продукции трубчевской мастерской.

Второй источник аналогий – клад из Козиевки / Новой Одессы, где есть 2 предмета с близким оформлением головного щитка и фрагмент фибулы с Матронинского городища, но они отличаются от рассматриваемой размерами и пропорциями. На фрагменте из Воробейки лучше, чем на трубчевском экземпляре сохранился орнамент, выполненный после отливки прокатом по металлу двузубого колёсика с зубцами разной формы. Все наиболее близкие аналоги рассматриваемой вещи найдены на северной и северо-восточной периферии ареала «древностей антов», что еще раз косвенно подтверждает её связь с продукцией Трубчевской мастерской.

III. Фрагменты фибулы с каймой из сросшихся птичьих голов (головной щиток). Унечский район Брянской обл. Случайная находка. Поступила в Унечский краеведческий музей в 2003 г.

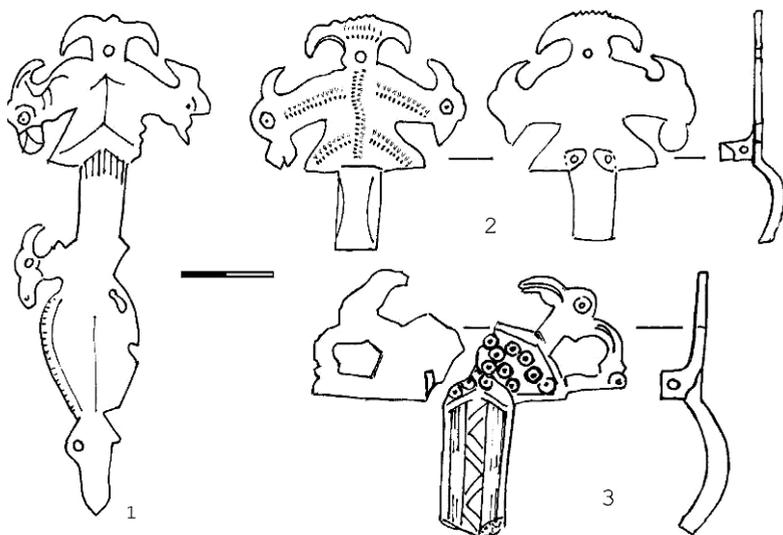

Рис.4. Антропоморфные и птицеголовая фибулы из Брянской обл.

1 – Трубчевский клад, 2 – с. Воробейня Жирятинского района,
3 – Унечский район. Латунь.

Два фрагмента головного щитка фибулы с каймой из сросшихся птичьих голов (рис.4-3) принадлежат изделию, тип и ближайшие аналогии которого уверенно определяются на основании сохранившихся признаков. Фибула принадлежит к серии А пятиглавых птицеголовых фибул по классификации В.Е.Родинковой, отличительным признаком которой является тщательная проработка птичьих головок [Родинкова, 2004]. Ближайшие аналогии ей происходят из клада Козиевки/Новой Одессы и могильника Суук-Су в Крыму, причем все три фибулы, включая унечскую, отличает наличие гравированного геометрического орнамента на широком плоском центральном ребре дужки. Поверхность пластины головного щитка покрыта бессистемно нанесенными кружками с точкой по центру. Интересно, что в Трубчевском кладе, где имеется 5 птицеголовых фибул, похожих на унечскую нет.

Анализ сплава, из которого сделана фибула, выполнен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А.Н.Егорьковым методом оптико-эмиссионной спектроскопии. Основа сплава – медь, процентное содержание других элементов приведено в табл.1. Основная добавка – цинк, содержание которого во много раз превышает содержание свинца и олова.

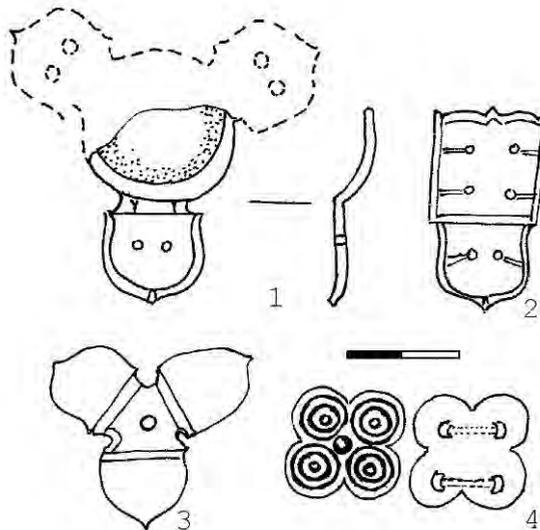
Таблица 1

Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn
769-40	0,05	0,09	0,03	0,02	0,3	0,02	0,2	1,6	0,01	0,1	9,7

Также, как и подавляющее большинство исследованных, медный сплав, из которого отлита фибула, относится к латуням.

IV. Фрагмент трехлопастной накладки. Унечский район Брянской области. Случайная находка. Поступила в Унечский районный краеведческий музей в 2003 г.

Обломок ременной накладки из серого мягкого сплава представляет собой фрагмент декоративного разделителя ремней с полусферической центральной частью и тремя выступами в виде щитовидных накладок с двумя отверстиями, из которых сохранилась только одна (рис.5). Размеры щитовидного выступа полностью совпадают с размерами маленьких щитовидных накладок из третьего комплекта поясной гарнитуры, который выделяется среди находок Трубчевского клада [Щеглова, Егорьков 1998]. В этом комплекте элемент щитовидной накладки с килевидным завершением использован в трех видах накладок разных форм и при оформлении щитка пряжки (например, рис.5:2,3). Это свидетельствует о наличии специального шаблона для изготовления элемента.

Рис. 5. Ременные накладки и нашивная бляшка. 1 - Унечский район, 2, 3 – Трубчевский клад, 4 – с. Воробейка, Жирятинский район. 1, 4 – свинцово-оловянный сплав, 2 – сплав на основе серебра, 3 – латунь.

Анализ сплава, из которого сделана накладка, также выполнен в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН А.Н.Егорьковым методом оптико-эмиссионной спектрографии. Основа сплава – свинец, процентное содержание которого составляет более двух третей. Второй по содержанию компонент – олово, а примеси серебра, меди и цинка не превышают десятых долей процента. Изготовление детали поясного набора из свинцово-оловянного сплава не удивляет – с заменой серебряного щитка псевдопряжки на свинцово-оловянный мы уже встречались при исследовании металла Гапоновского клада [Егорьков, Щеглова 2000]. По-видимому, трехчастный разделитель ремней из Унечского района также является продукцией Трубчевского мастера, найденной вне клада.

Таблица 2

Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Au
767-21	0,1	-	0,04	-	0,3	-	-	-	осн.	0,09	26	0,3	

В. Бляшка нашивная в форме четырехлепестковой розетки.. с.Воробейня Жирятинского р-на Брянской обл. Случайная находка. Поступила в БГОКМ в 2001 г.(рис.5:4). Нашивная бляшка в форме четырехлепестковой розетки из свинцово-оловянного сплава принадлежит к числу разнообразных нашивных изделий из легкоплавкого сплава, отлитых в двусторонних разъемных каменных формах и широко распространенных в кладах «древностей антов» [Щеглова 2001].

Литература

- Амброз А.К.** К происхождению днепровских антропоморфных фибул //РА, 1993 - №2. С.179-184.
- Гавритухин И.О.,Обломский А.М.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 296с.
- Гавритухин И.О., Приймак В.В.** Пальчатая фибула из Малой Рыбицы. // Stratum plus 2001-2002 - №5. С. 91-99.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.** Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. №4. Київ, 2000. С. 55-61.
- Корзухина Г.Ф.** Клады и случайные находки вещей круга “Древностей антов” в Среднем Поднепровье. Каталог памятников// МАИЭТ, вып.V, 1996..С.352-425, 526-705.
- Приходнюк О.М., Падин В.А., Тихонов Н.Г.** Трубчевский клад антского времени// Материали І тис.н.е.з археології та історії України й Угорщини. К. 1996. С.79-102.
- Пуцко В.Г.** Мужинівська фібула // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ –Львів. 1997. С.149-153.
- Родинкова В.Е.** Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе Римского времени и в раннем Средневековье. СПб, 2004. С. 233-243

Родинкова В.Е. К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (простые формы) //РА №3 - 2006. С.41-51

Седзін А.А. Пальчатая фібулы з Никадзмава // Археалогія і старажытная гісторыя Магілеўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў. 1994 С.128-132.

Шинаков Е.А. Археологические работы в Брянской области в 1988-1989 гг. (древнерусская эпоха) // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів. 1995. С.100-104.

Щеглова О.А., Егорьков А.Н. Серебряные украшения в Трубчевском кладе VII в. Ювелирное искусство и материальная культура. ТД VI коллоквиума. 1998. СПб. С.85-87.

Щеглова О.А. Мастер Трубчевского клада и его фибулы. //Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции (Харьков, 21-23 октября 1999 г.) Харьков 1999. С.59-61.

Щеглова О.А. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных украшений в формочках «типа Камно-Рьуге» // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 2000 г. Материалы к чтениям. СПб. 2001. С.46-55

Щеглова О.А. Клад ювелира в Трубчевске и «мастер Гапоновского клада» // Археологическое изучение Центральной России. ТД Международной Научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П.Левенка. Липецк 2006. С.272-273

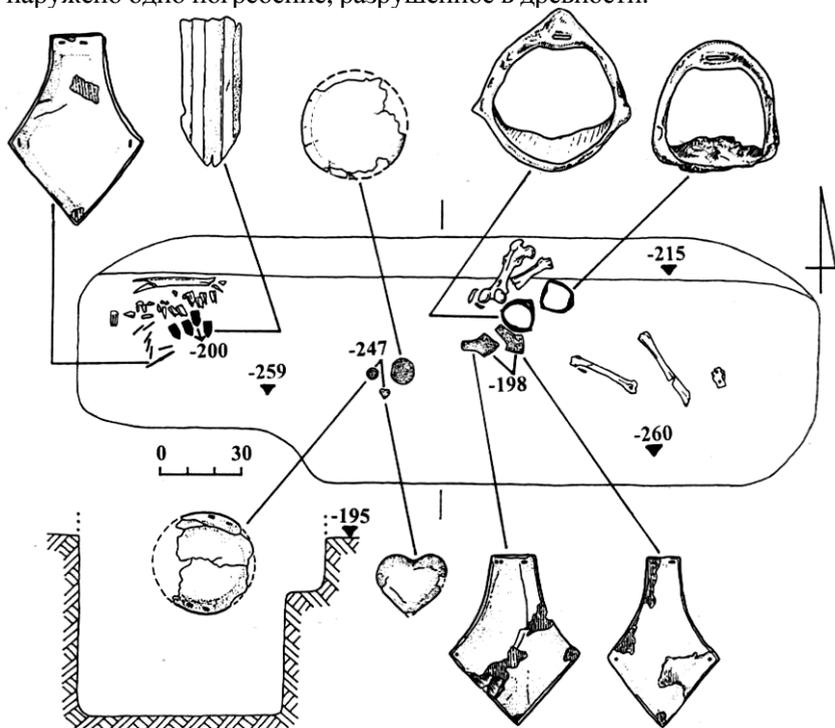
**В.Ф.Клименко, В.И.Цымбал (Енакиево)
С.Д.Краснощекова (Орел)**

Сбруйные комплексы некоторых кочевнических погребений Донбасса.

Среди курганов, исследованных енакиевской экспедицией «Эврика» под руководством В.Ф.Клименко, выделим два, исследованных в 1975 и 1986 гг. Эти курганы содержали по одному погребению средневековых кочевников, среди инвентаря которых были найдены металлические сбруйные украшения. Несмотря на то, что информация по этим комплексам дана [Клименко, 1988, С63-67, рис.21, 4; 1995, С100-101 Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, С89-90, 93, 95, рис.33, 2-4, рис.34, 1-7; Клименко, Цымбал, 1988, С37-39; 1991, С.33, рис.15, 1-5; 2002, С.47, рис.21, 2; 2005, С.181-182], требуется, на наш взгляд, более детальная публикация материалов обоих курганов.

Раскопки 1975 г. Курган I высотой 1,7 м, диаметром 14 м расположен в центре группы из трех небольших курганов на расстоянии 0,6 км к северу от террикона шахты „Булавинская” в пос. Булавинское близ г. Енакиева на правом берегу р. Булавин. В Своде исследованных курганов на территории Донецкой области в XX в. этот памятник зарегистрирован под № 172 [Свод данных..., 2004, с.77, с.62,

рис.4]. Среди жителей поселка ходила легенда о том, что в кургане захоронена золотая шапка хана Мамаю [ср. Усачук, Полидович, Колесник, 2004, с.24]. В верхней части гумусированной насыпи сооружена из небольших плит песчаника (в поперечнике 0,2-0,3 м, толщина 0,15 м) обкладка в виде панциря мощностью до 0,5 м. В кургане обнаружено одно погребение, разрушенное в древности.

Рис.1. Булавинское, к.1 п.1

(рисунки-схемы инвентаря даны в разных масштабах).

Погребение 1 находилось в центре кургана. Так как в темной насыпи кургана уровень погребенной почвы проследить не удалось, пятно могильной ямы зафиксировано на уровне каменистого материка (на глубине 1,95 м от вершины кургана). Яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами вытянута с востока на запад. Размеры ее 2,65x0,9x0,65 м. Западная часть ямы заужена до 0,7 м. Вдоль северной стенки ямы сделан уступ шириной 0,15 м, углубленный на 0,2 м. Яма заполнена черноземом с небольшими камнями. Глубина ямы 0,64-0,65 м (2,59-2,60 м от вершины кургана). С учетом

непрослеженной погребенной почвы реальная глубина ямы погребения 1 была больше. На дне ямы в восточной части лежали две берцовые кости и фрагмент копчиковой кости взрослого человека [Клименко, Усачук, Цымбал, 1994, С.93, рис.33, 2]. Остальные находки сделаны в засыпке ямы на разных глубинах (рис.1).

В северо-западном углу ямы в верхнем слое засыпки (чуть ниже уровня уступа) лежали фрагменты плохо сохранившейся нижней челюсти лошади, южнее которых находились составная бляха (№1) и 10 серебряных пластинок (блях-наконечников) (рис.1). Глубина залегания блях – 2,00 м. Какая-либо упорядоченность в положении блях отсутствовала: составная бляха и шесть блях-наконечников лежали на ребре по отношению к плоскости дна погребения. Чуть севернее фрагментов нижней челюсти и немного выше в засыпке лежал диафиз бедренной кости лошади. В центре ямы на глубине 2,47 м обнаружены две круглые и сердцевидная серебряные бляхи (рис.1), а выше в засыпке и к северо-востоку от этих блях-фрагменты бедренной и лучевой (?) костей лошади, составные бляхи (№2, №3) и пара стремян (рис.1). Кости лошади находились чуть выше уровня выступа, а стремяна и составные бляхи – на глубине 1,98 м.

Бляха-решма №1 стреловидной формы, выпуклая, длиной 17 см, шириной 12,2 см. Ширина основания 4,6 см. Изготовлена из двух тонких листов: с тыльной стороны – бронзовый, с лицевой – серебряный. На поверхности серебряного листа видны следыковки. По периметру бляхи участки серебряного листа аккуратно прокованы. Из-за этого центральная часть бляхи выглядит более выпукло. Система крепления листов по краю-внахлест с загибом. Край серебряного листа-внутри, край бронзового-снаружи. Между листами деревянная прокладка. Между деревянной прокладкой и серебряным листом сохранился слой грубой ткани. По краям изделия стыки бронзового и серебряного листов скреплены бронзовыми скобами. Толщина бляхи в средней части 1,2 см. Толщина листов менее 1 мм. Диаметр скоб 1-1,5 мм (рис.2, 1).

Бляха-решма №2 стреловидной формы, выпуклая, длиной 15,2 см, шириной 11,6 см. Ширина основания 4 см. Тыльная сторона представляет собой тонкий бронзовый лист. Лицевая сторона покрыта двумя листами серебряной фольги, соединенными внахлестку. Под фольгой слой грубой ткани. Из пяти бронзовых скоб сохранились две. Толщина изделия в средней части 0,5 см (рис.2,2).

Бляха-решма №3 стреловидной формы, выпуклая, длиной 15 см, шириной 11 см. Ширина основания 3,5 см. Тыльная сторона изготовлена из бронзового листа, лицевая из тонкого серебряного. От него сохранился фрагмент со слабыми следамиковки. Под серебряным листом слой грубой ткани. Из пяти скоб сохранились три. Толщина изделия в средней части 0,3 см (рис.2,3).

Система крепления бронзовых и серебряных листов блях №2 и №3 аналогична креплению листов бляхи №1. Различие только в отсутствии деревянной прокладки в бляхах №2 и №3.

Бляха-решма, выпуклая, круглой формы. Тыльная сторона изготовлена из бронзового листа, лицевая-из серебряного. Между листами деревянная прокладка. С двух сторон бляхи расположены по две бронзовые скобы для крепления бронзового и серебряного листов к деревянной основе. Соединение листов аналогично соединению листов стреловидных блях. Диаметр бляхи 9 см, толщина в средней части 1,2 см. Деталь крепления дана в масштабе 1:1 (рис.2, 4).

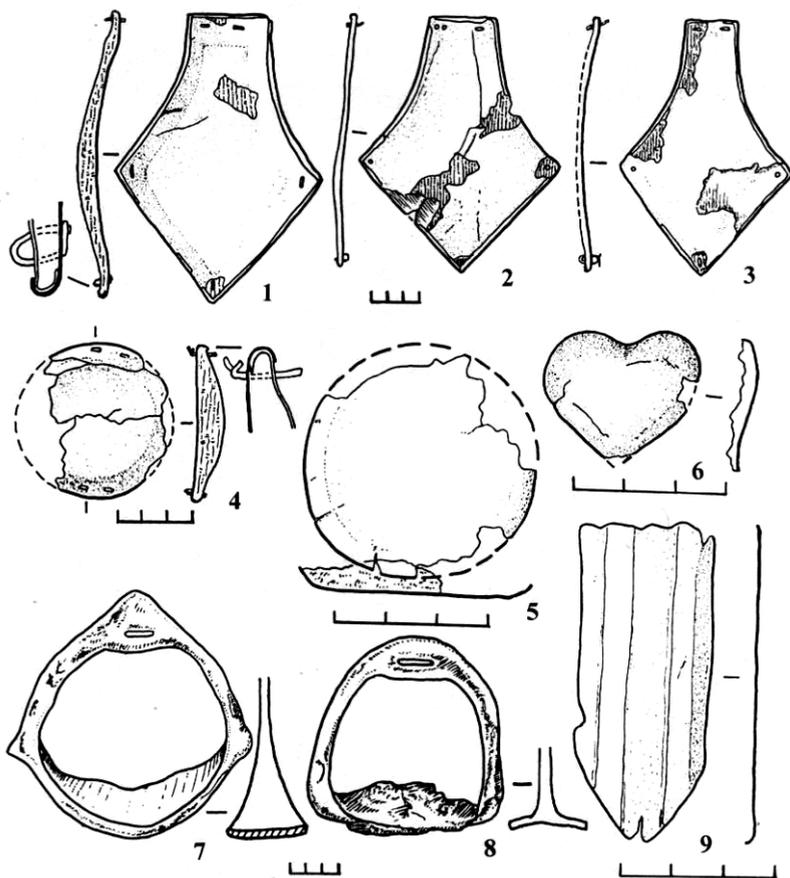
Сбруйная наременная бляха. Форма круглая, диаметр 4, 6 см. Изготовлена из серебряной фольги. Края немного загнуты. Сохранились остатки основы (кожа?) толщиной 0, 7 см (рис. 2, 5).

Сбруйная наременная бляшка, сердцевидной формы, размером 3,2х2,2 см. Изготовлена из серебряной фольги. Сохранились остатки основы (кожа?) толщиной 0,7 см (рис. 2,6).

Бляхи-наконечники из тонкого серебряного листа с загнутыми книзу краями (10 шт.). Один конец подтреугольной формы. На каждой пластинке в качестве ребер жесткости методом тиснения выполнены четыре продольных желобка. Длина пластинок 6,2 см, ширина 2,6 см (рис.2, 9).

Стремя №1 с дужкой арочной формы, квадратной в сечении. В верхней части дужка имеет треугольный расплющенный выступ длиной 3 см. В нижней части выступа пробито продолговатое отверстие длиной 1,6 см. Дужка плавно переходит в широкое выпуклое подножие. В местах соединения дужки в подножии сделаны небольшие выступы. Высота стремени 14,5 см, ширина 14 см. Ширина поперечного сечения подножия 4,5 см (рис.2, 7).

Стремя №2 с дужкой арочной формы, плоской в сечении. В верхней, расплющенной части пробито отверстие длиной 2,3 см. Дужка плавно переходит в широкое подножие с чуть выгнутыми наружу краями. Высота стремени 12,3 см, ширина 14 см. Ширина поперечного сечения подножия 4,7 см (рис.2, 8).

Рис. 2. Булавинское, к.1 п.1: 1-3 – бляхи-решмы; 4 – круглая бляха-решма; 5, 6 – сбруйные наременные бляхи; 7, 8 – стремена; 9 – бляха-наконечник.

Раскопки 1986 г. Курган VI высотой 0,4 м, диаметром 12 м расположен в 330 м к западу от кургана V в группе из трех насыпей в 1,95 км к западу от г. Волновахи. Группа находится на склоне водораздела (земли Валерьяновского с/с, причем насыпи „открыты” на юг и юго-запад [ср. Горбов, Прудиус, Усачук, 1999, С.102]. В Своде исследованных курганов эта группа под №279 [Свод данных ..., 2004, С.86, 64, рис.5].

Погребенная почва мощностью 0,6 м выявлена на глубине 0,4 м от вершины кургана. Насыпь состоит из гумусированной почвы. В кургане обнаружено одно погребение, разрушенное в древности.

Погребение 1 находилось в 0,44 м к северо-востоку от центра кургана. Яма подпрямоугольной формы с округлыми углами вытяну-

та с юго-востока на северо-запад. Размеры ее 1,88х0,7 м. К северу от ямы, прорезавшей материк на глубину 0,2 м, зафиксировано пятно выкида шириной около 1 м и мощностью 0,1-0,12 м. Выкид лежит на погребенной почве. Таким образом, глубина ямы погребения 1 составляет 0,8 м (1,2 м от вершины кургана). В восточной части ямы на пятне коричневого (рис.3,1) и желтого (рис.3,2) тлена лежали несколько фрагментов костей взрослого человека (бедренная, малая берцовая (?), тазовая), бронзовая сбруйная бляха, бронзовая пряжка, железные нож и пряжка, наконечник стрелы, кресало с кремешком (рис.3).

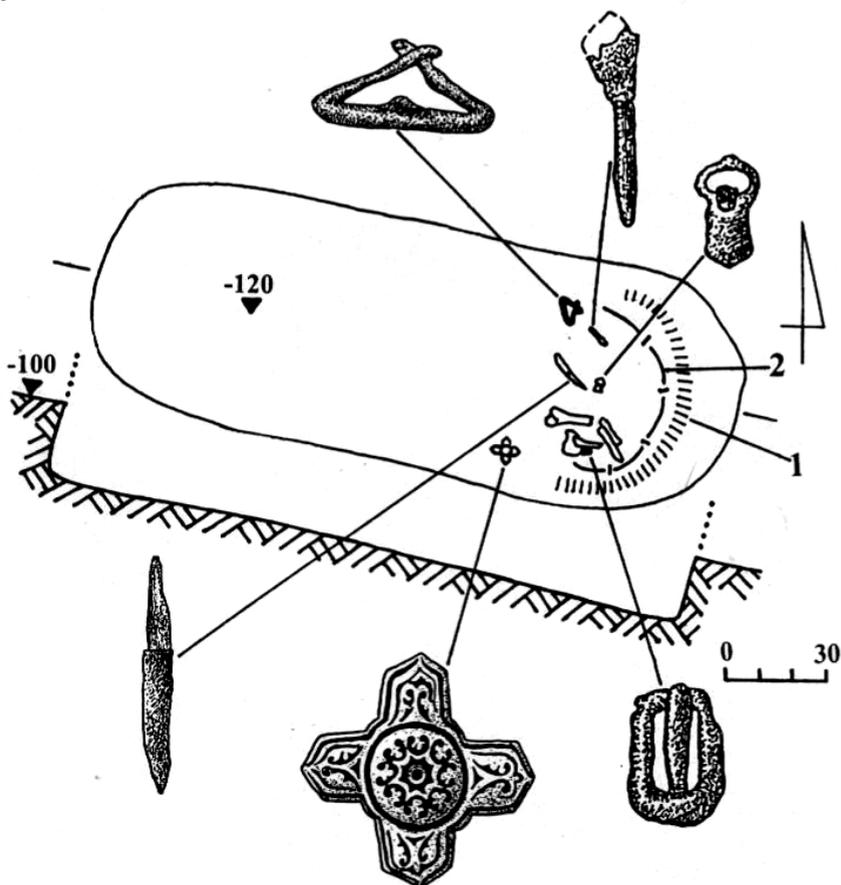

Рис. 3. Волноваха, к. VI п. 1 (рисунки-схемы инвентаря даны в разных масштабах). 1-границы коричневого тлена; 2-границы желтого тлена. Сбруйная крестообразная бляха; Лировидная наременная пряжка; Железная наременная пряжка; Нож; Наконечник стрелы; Кресало.

Крестообразная сбруйная бляха размером 5,8 x 5,7 см изготовлена из белой бронзы, украшена по периметру тисненым золоченым пояском. Центральная часть бляхи выпуклая, полусферической формы. Диаметр выпуклости 2,6 см, высота 0,9 см. В центре выпуклости углубление диаметром 0,5 см. Поверхность углубления позолочена. Вся поверхность бляхи покрыта орнаментом, выполненным чернью. Каждый из четырех концов имеет заостренную форму, длиной 1,5 см, шириной 1,8-2 см. С обратной стороны на каждом конце бляхи имеется по одному штифту с квадратной заклепкой для крепления к ремням. Пряжка бронзовая с рамкой лировидной формы и подвижным железным язычком. Щиток вытянутый с подтреугольным завершением. Размер рамки 1,9 x 1,4 см. Длина язычка 1,5 см, всей пряжки - 3,2 см. Пряжка железная с подвижным язычком. Размеры 4 x 2,8 см. Длина язычка 3,2 см.

Нож железный длиной 11,5 см. Лезвие длиной 7, шириной 1,5 см. Толщина спинки 0,55 см. Сечение трапецевидное. Рукоять длиной 4,5, шириной 1,1, толщиной 0,3 см. Сечение овальной формы. Железный черешковый наконечник стрелы ромбовидной или пирамидальной, вытянутой формы. В сечении плоский. Длина 2,1, ширина 1,5 см. Диаметр основания 0,8 см. На черенке длиной 3,7 см сохранилась часть древка диаметром 0,6 см. Кресало железное, калачевидное, с треугольным язычком. Длина изделия 8,9 см.

Наиболее интересной деталью инвентаря обоих кочевнических погребений являются различные металлические наременные сбруйные украшения, особенно бляхи-решмы из булавинского комплекса.

Центральное место в этом наборе украшений занимают большие стреловидные бляхи.

Бляха-решма №1 найдена отдельно от двух других стреловидных блях (рис.1). Разумеется, из-за разрушения погребения, этот факт сам по себе не может быть решающим. Но бляха № 1 отличается от блях-решм №2 и №3 (больше) и деталями изготовления (деревянная прокладка между листами и проковка по периметру). Кроме того, бляха №1 найдена вместе с десятью серебряными бляхами-наконечниками (рис.1). В сочетании с таким количеством небольших блях-наконечников бляха №1 может составлять отдельный набор украшений конского оголовья, во многом аналогичный набору подобных украшений из п.7 кургана 3 могильника у 15-го поселка Волгоградской обл.: одна крупная бляха-решма и восемь сохранившихся (судя по симметричности их должно быть десять) вытянутых блях-наконечников [Гаврилина, 1991, с.148-149, рис. 1]. Правда, украшениями конского оголовья в булавинском комплексе могут выступать и бляхи-решмы №2 и №3, поскольку, как утверждает Л.М. Гаврилина, в набор оголовья обычно входили две такие бляхи [Гаврилина,

1993, с.79]. И все-таки, остатками украшений оголовья являются, скорее всего, бляха-решма №1 и десять блях-наконечников, поскольку они найдены возле нижней лошадиной челюсти. Впрочем, точная реконструкция ремней конской сбруи булавинского комплекса невозможна, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что в булавинском погребении остатки «полного» набора конской сбруи, а не более часто встречаемые при раскопках ремни и украшения только конского оголовья [ср. Гаврилина, 1991, С.148].

В погребении у Волновахи сохранились украшения как раз ремней оголовья: крестообразная бляха перекрестья (рис.4, 1), применяемая обычно на пересечениях налобного и наносного ремней с нащечными [Гаврилина, 1987, С.55] и сбруйные наременные пряжки. Хронологическая позиция булавинского и волновахского погребений более-менее понятна. Бляхи-решмы из кургана у п. Балавинское датируются X-нач. XI вв. [Гаврилина, 1987, С.63] или XI в. [Гаврилина, 1993, С.81; Плетнева, 1981, рис.82]. Этим же временем датируются и бляхи-наконечники [Гаврилина, 1987, С.63]. Однако помещенные с бляхами в погребение стремяна относятся по классификации Г.А.Федорова к типам ГIV и ЕП [Федоров-Давыдов, 1966, С.12,13] и не встречаются ранее XII в. [Федоров-Давыдов, 1966, С.16]. По С.А.Плетневой стремяна с широкими подножиями и дуговидными дужками тоже относятся к XII в. [Плетнева, 1981, С.215]. К этому же времени относится и сооружение могил с уступами вдоль длинных сторон [Добролюбский, 1991, с.13], а также конструкция насыпи булавинского кургана [ср. Федоров-Давыдов, 1966, С.120-122]. Этим же временем (вероятно, чуть более ранним) датируется и волновахский комплекс. Бронзовые лировидные пряжки появляются в XI в. [Плетнева, 1981, С.217]. Крестообразная сбруйная бляха также относится к XI в. [Гаврилина, 1987, с.64]. Железное кресало по типологии позднекочевнических кресал относится к I отделу, типу – калачевидные, 1 варианту [Евглевский, Потемкина, 2000, С.183, с.190, рис.3, позиция 43]. Время бытования подобных кресал исследователи определяют IX-XI вв. [Евглевский, Потемкина, 2000, С.191]. Заметим, что А.В.Евглевский и Т.М.Потемкина обращают внимание на необычное расположение концов волновахского кресала, которые (по их мнению) в верхней части пересекаются, образуя крест [Евглевский, Потемкина, 2000, С.183]. Но этот надуманный ими вывод вызывает у нас удивление, т. к. никто из них не видел данный предмет, кстати, хорошо сохранившийся.

В отношении обоих погребений следует, на наш взгляд, отметить еще одну деталь, напрямую не связанную с украшениями конской сбруи. Ранее говорилось о том, что и булавинское и волновахское позднекочевнические погребения ограблены в древности [Кли-

менко, 1975; 1988, С.284; 1998, С.64]. Однако поднятая полевая документация, данные архива В.Ф.Клименко, а главное, недавние разработки коллег [Флёров, 1997, С.69; 2000, С.55-74; 2005, С.383-406; Круглов, 2001, С.405-417] позволили посмотреть на давно исследованные комплексы под иным углом зрения. В обоих случаях погребения при раскопках попали под центральную бровку, что дало возможность проследить профили от верха насыпи вплоть до дна погребальных ям. Как уже было сказано выше, погребенная почва в булавином кургане не фиксировалась, однако над погребением нет никаких перекопов, а главное-не нарушена обкладка насыпи в виде панциря. В центральной бровке волновахского кургана VI погребенная почва зафиксирована достаточно хорошо, как и выкид на ней из погребения. Каких-либо следов перекопов, воронок и затеков не обнаружено [ср. Круглов, 2001, С.405]. Очевидно, перед нами не ограбление позднекочевнических погреблений, а факты ритуального их разрушения – обряд обезвреживания погребенных [ср. Флёров, 1997, С.69; 2000, С.55-74; Круглов, 2001, С.405-417; Шульга, 2003, С.102-105 и др.] или, как уточняет Флёров – постпогребальные обряды [Флёров, 2005, с.385].

Авторы выражают искреннюю признательность А.Н.Усачуку за помощь при работе над статьей.

Литература

- Гаврилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X-XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. - С.54-68.
- Гаврилина Л.М. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X века в Нижнем Поволжье // Материалы по археологии Калмыкии.- Элиста, 1991.-С.147-155.
- Гаврилина Л.М. Бляхи-решмы и украшения узды у кочевников Восточной Европы X-XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. -Самара, 1993.-С.77-85.
- Горбов В.Н., Прудюс с.И., Усачук А.Н. Каменные Могилы в мировоззрении древнего населения приазовской степи // Древности Северо-Восточного Приазовья.-Донецк, 1999.-С.102-107.
- Добролюбовский А.О. Кочевники на западе причерноморских степей в X-XVIII веках (историко-археологическое исследование): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1991.
- Евлевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1.- Донецк, 2000.-С.181-208.
- Клименко В.Ф. Раскопки кургана в п. Булавином близ г. Енакиева Донецкой области в 1975 году // НА ИА НАНУ Ф.е. 1975/41.
- Клименко В.Ф. Раскопки курганов у г. Волновахи // АО 1986 года.- М., 1988.- С.283-284.

- Клименко В.Ф. Позднекочевнические памятники в Северо - Восточном Приазовье // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тез. док.-Харьков, 1995.-С.100-101.
- Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины.- Енакиево, 1998.-220 с.
- Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И. Курганные древности Центрального Донбасса.-Донецк, 1994.-128 с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Раскопки позднекочевнических курганов в Донецкой обл. // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе. Тез. док. обл. науч. - практ. конф.- Перевальск, 1988.-С.37-39.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Древности родного края. - Донецк, 1991. 39с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Древности донецкого края.-Енакиево,2002-54 с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Украшения сруби коня из половецких курганов Донбасса // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конф., присв. 85-річчю Луганського обл. краєзнавчого музею.-Луганськ, 2005.-С.181-182.
- Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Хазарское время.-Донецк, 2001.-С.395-446.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.-С.213-223.
- Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке. Авторы-составители Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Литвиненко Р.А. // Археологический альманах, № 14. Курганы Донбасса. Донецк,2004.-С.56-109.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность// Археологический альманах , №14. Курганы Донбасса. - Донецк, 2004.- с.13-55.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.-274 с.
- Флёров В.С. Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Дмитрия Ивановича Багалая. Тез. док. науч. конф. -Харьков, 1997.-С.69.
- Флёров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в ранне-средневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Хазарское время. -Донецк, 2005.-С.383-406.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а.- Барнаул, 2003.-204 с.

Г.Ю. Стародубцев, А. В. Зорин (Курск)

К вопросу об археологическом изучении периода второй половины XIV – начала XV вв.

(по материалам памятников Курской обл.): предварительное сообщение.

Период второй половины XIV – начала XV вв. был временем перехода обширных русских территорий под юрисдикцию Великого княжества Литовского. В 1360-70-х гг. войска Ольгерда отвоевали у Золотой Орды Курское Посеймье, отодвинув границу далеко на восток. Уже сам этот процесс, вероятно, занял несколько лет и не мог произойти быстро и безболезненно. Однако и русские, и литовские летописи обошли вниманием обстоятельства присоединения Курской земли к Литве. В то же время археологических находок этого периода на курских памятниках до начала 1990-х гг. практически зафиксировано не было.

В 1990-92 гг. при исследовании Ратского археологического комплекса (Курский р-н) на поселениях 1 и 2 были зафиксированы первые находки, датирующиеся второй пол. XIV в. Среди них значительное количество фрагментов как красноглиняной, так и поливной золотоордынской керамики, обломки железных котлов, пулы 1370-х гг. [Енуков, 1990, рис.13, 11; 1991а, л.1 – 2, рис.4, 3; 1991б, с.40–41; 1992, л.2–4, рис.1, 1–2; 9 – 11; 20; 24].

В 2000 г. при проведении охранных раскопок Люшинского археологического комплекса (Льговский р-н) на городище в яме 10, частично уходящей в северную бровку раскопа 1, обнаружен обломок кругового белоглиняного сосуда. У него был вертикальный венчик, горизонтальные налепные валики по шейке и тулову, а также ручка. Сосуд орнаментирован волнистой линией по шейке и тулову. Валики и ручка имели косую насечку [Стародубцев, 2000, л.13, рис.33]. Несколько фрагментов похожих сосудов было зафиксировано в нижних пластах раскопа 1, в квадратах, примыкающих к валу городища.

Помимо находок на городище обломок стенки подобного сосуда (ЛКМ КП-7 № 2503), орнаментированную крышку (ЛКМ КП-6 №2269) и небольшой по размерам сосуд (ЛКМ КП-6 №2273) с аналогичной орнаментацией в 1950-х гг. был найден льговским краеведом О.Н.Андреевым при сборе подъемного материала на Городенском селище, несомненно являющемся частью посада Люшинского ком-

плекса. Кроме того, в начале 2000-х гг. на том же поселении начальник отдела образования администрации г.Львова С.А.Остроухов поднял фрагмент стенки и два обломка крышек, имеющих явное сходство с находками на городище. Аналогичная керамика с вертикальными венчиками, горизонтальными орнаментированными валиками по шейке и волнистым узором по шейке и тулову типична для белорусско-литовских территорий. В частности она была найдена при раскопках замка Медининкай в Литве, где датируется второй пол. XIV - первой пол. XV вв. [Mekas, Zalnierius, 2005, p.141, pav.3, 1], а также при исследовании синхронных памятников Белоруссии, где такая посуда называлась макитра [Ляуко, Ганецкая, Заяц. і інш., 2001, С.301–302, мал.187; 190 б].

Помимо обломков посуды в квадрате В-21 раскопа 2 в заполнении пласта 1 был зафиксирован крупный ромбический наконечник стрелы [Стародубцев, 2000, л.16, рис.86, 7], по классификации А.Ф.Медведева относящийся к типу 49. Подобные наконечники были занесены в Восточную Европу во время монгольского нашествия в первой пол. XIII в. и бытовали вплоть по начало XV в. Они использовались в южнорусских землях и применялись для стрельбы по коням противника [Медведев, 1966, с.69]. Периодом XIII-XIV вв. датируется и бронзовая поясная накладка в виде розетки, обнаруженная в заполнении пласта 2 квадрата Е-21 раскопа 2 [Стародубцев, 2000, л.16, рис.86, 6], по классификации В.В.Мурашёвой относящаяся к классу XXX [Мурашёва, 2000, С.46-47].

Среди подъёмного материала на поселении были найдены три золотоордынских данга, находящиеся в частной коллекции. Один из них с именем хана Абдаллаха был отчеканен в Азаке и датируется 767 г. Хиджры, что соответствует 1365/66 г. от Рождества Христова. У другого, датирующегося временем правления хана Мухаммада 771–777 гг. Хиджры (1369/1370–1375/76 г. от Рождества Христова), на реверсе в сложном картуше с узелками счастья частично стертая надпись «чекан Орды». Третий имеет смещенные относительно кружка монеты изображения на аверсе и реверсе. Кроме того, при чеканке удар штемпеля получился под углом относительно плоскости монеты, поэтому изображение на обеих сторонах плохо прочеканено. Однако по типологическим особенностям можно предположить, что он был отчеканен во время хана Узбека (712–742 гг. Хиджры / 1313-

1341 г. от Рождества Христова)*. Эти находки (наряду с керамическим материалом) свидетельствуют о продолжении жизни на городище и после монгольского вторжения. Сопоставление данных, полученных в результате разведок и раскопок, со сведениями письменных источников и данными топонимики позволяют предположить, что это мог быть летописный Ольгов [Стародубцев, Зорин, Остроухов, 2008].

Предварительными результатами исследований последних лет на Гочевском археологическом комплексе (Беловский р-н) выявлено, что городище «Царский Дворец» представляет собой мощный укрепленный пункт, контролировавший въезд на Гочевское поселение со стороны поймы р. Псёл [Стародубцев, Зорин, (в печати)], а также сухопутный путь, проходящий здесь ещё с XI в. [Моця, Халиков, 1997, С.89]. Вероятно, оно было основано в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после восточного похода Ольгерда в 1362 г., результатом которого стало присоединение территории верхнего течения р. Псёл. Городище представляло собой замок с двумя укрепленными площадками, большая из которых (внешняя) должна была служить убежищем жителям расположенного за валом поселения. Внутренняя площадка городища представляла собой небольшую, но мощную цитадель. Его оборону обеспечивала тщательно продуманная и умело вписанная в рельеф местности система деревянных укреплений, включающая в себя эскарпированные склоны, земляные валы, рвы и рубленые стены. В составе гарнизона крепости, как о том говорят материалы раскопок, имелись тяжёловооружённые всадники.

В ходе работ на поселении были зафиксированы находки, относящиеся ко второй пол. XIV в. Среди них фрагменты полуфаянсовых чаш, изготовленных из белого рыхлого кашина, покрытых прозрачной глазурью с черной подглазурной росписью, и один обломок края чаши, покрытый ультрамариновой (окрашенной окисью кобальта) глазурью с черной подглазурной росписью. По определению В.Ю. Коваля, все фрагменты произведены в поволжских центрах Золотой Орды и датируются серединой – второй пол. XIV в. [Стародубцев, 1997, л.15, рис.86-88]. Подобная керамика часто встречается в большинстве средневековых русских городов XIV в., за исключением обломка с ультрамариновой глазурью. На территории Руси эта разно-

---

* Авторы выражают признательность В.П.Лебедеву и Б.В.Лушникову за помощь в определении монет.

видность практически неизвестна, т.к. редко встречается и в самой Орде [Стародубцев, 2006, С.163-164]. Из нумизматического материала были найдены серебряный данг с датой 787 г. Хиджры, что соответствует 1385/1386 г. от Рождества Христова с именем хана Тохтамыша [Стародубцев, 2002, л.14, рис.64, 1], и три медных пула [Стародубцев, Зорин, 2004, л.11, рис.146, 1-3; Лебедев, Зорин (в печати)].

На внутренней площадке городища «Царский Дворец» в заполнении отапливаемой полуподземной клетки оборонительной стены (постройка 1) был обнаружен целый круговой сосуд, раздавленный при обрушении перекрытия во время пожара и датируемый второй пол. XIII–XIV вв. (рис. 1, 1). Кроме того, в заглубленной в материк подпрямоугольной постройке (яма 19), вписанной в общую оборонительную линию, а также среди горелых плах постройки 4 среди керамического материала зафиксированы развалы круговых сосудов с волнистым орнаментом по плечу, имеющие аналогичную датировку (рис.1, 2, 3) [Стародубцев, Зорин, 2006, л.17–18].

Помимо керамики следует особо отметить предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи. К их числу относятся наконечники стрел, наконечник пики, панцирная пластина, фигурная железная накладка на сумку, конские удила и фигурная ременная накладка.

Наконечник пики был обнаружен среди завала углей сгоревших клетей оборонительной стены мысовой части укреплений. Согласно классификации А.Н.Кирпичникова, наконечник относится к типу V и датируется периодом не ранее XIV в. [Кирпичников, 1966, С.15–16]. Наконечник сильно погнут, что произошло, несомненно, в тот момент, когда рухнули сгоревшие деревянные конструкции укреплений.

Три наконечника стрел были найдены при исследовании одной из прослоек оборонительного вала. Первый из них – треугольный с упором, относится, по А.Ф.Медведеву, к типу 37, употреблявшемуся в VII–XIV вв. [Медведев, 1966, с.63-64]. Вторым – ромбовидный, по классификации А.Ф.Медведева относится к виду 2 типа 41, имевшему широкое распространение в XI–XII вв. и особенно широко употреблявшемуся в XII–XIV вв. [Медведев, 1966, С.65]. Бронебойный пирамидальный наконечник с короткой боевой головкой квадратного сечения относится к типу 91 (по А.Ф.Медведеву). Он был широко распространен по всей территории Руси в X–XIV вв. и употреблялся для пробивания доспехов [Медведев, 1966, С.83].

Панцирная железная пластина зафиксирована в заполнении отапливаемой полуподземной клетки оборонительной стены. Она име-

ет подтреугольную форму при размерах 10 x 12 x 5 см. В верхней, широкой части пластины, сохранилась заклёпка для крепления к другим частям доспеха; по боковым краям идут отверстия, предназначенные, вероятно, для крепления кольчуги (по 8 с каждой стороны). Пластина слегка изогнута. С внутренней стороны сохранились следы коричневого тлена от кожи. Данная находка является наплечной пластиной панциря, аналоги которому известны в Северной Европе, в частности, среди захоронений Висбю, датированных 1361 г. [Lindholm, Nikolle, 2003, p.12, 16].

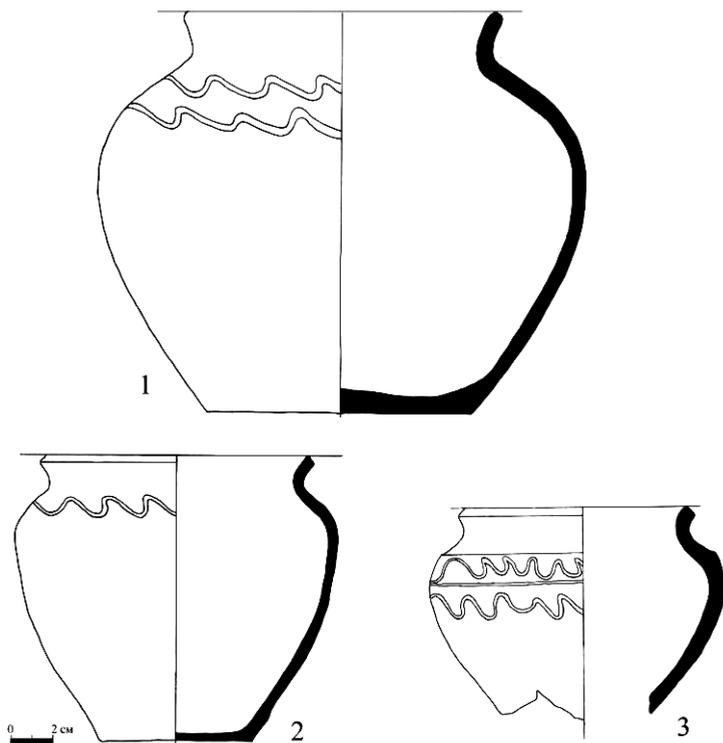
Из предметов снаряжения найдена фигурная железная накладка на сумку. Близкие по формам накладки встречены на Ковровском городище в бассейне р.Вятки [Макаров, 2001, С.97, рис.53 7] и на поселениях Устье 3 и Вединец 1 в районе Куликова поля [Гоняный, 2005, С.90, табл. 6, 15, 16, 18].

К набору конской упряжи относятся конские удила и фигурная железная ременная накладка. Особый интерес здесь представляет накладка. Длина её 5,5 см, в центре имеется отверстие диаметром 5 мм, на концах – расширения с заклёпками, под которыми сохранились следы тлена от кожи. Согласно классификации К.А.Руденко, она близка к накладкам типа I отдела Д, характерным для XIV века. Ближайшие аналогии находке встречены на памятниках того же периода в районе Куликова поля [Гоняный, 2005, с.89, табл.8, 5, 8].

Таким образом, практически все предметы вооружения и конской сбруи, обнаруженные к настоящему времени на городище «Царский Дворец», могут быть отнесены к XIV в. Это, наряду с установленным в ходе раскопок фактом гибели городища в огне пожара, сопровождавшего взятие его штурмом, а также в сочетании с рядом находок с территории прилегающего поселения, даёт основания сделать ряд предварительных выводов относительно даты гибели замка. Её, вероятно, следует связать с военными действиями второй четверти XV в. Именно в этот период происходит борьба северского князя Свидригайло за власть в Великом Княжестве Литовском, осложнённая соперничеством татарских ханов Улу-Мухаммеда и Сейид-Ахмеда (1432-1437 гг.).

В частности, известно, что в 1433 г. татары, которых привёл на помощь Свидригайлу воевода Ивашко Монивидович, разорили Киевщину и Северскую землю, а в весной 1436 г. военные действия между войсками Свидригайло и Сигизмунда I велись в районе верхней Оки и на северо-востоке Северной земли [Гудавичюс, 2005, С.280-

290; Флоря, 2001, С.180]. Другая вспышка военной активности в регионе относится к событиям мятежа князя Михаила Сигизмундовича, который летом 1449 г. при помощи союзных татар захватил Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и «ряд других замков» на Северской земле [Гудавичюс, 2005, с.310; Флоря, 2001, с.187]. В обоих случаях ход борьбы вполне мог привести к разгрому и сожжению одной из пограничных крепостей на верхнем Псле.

Рис.1. Находки керамики с городища «Царский дворец»

1 - сосуд из постройки 1; 2, 3 – сосуды из ямы 19.

Таким образом, вышеперечисленные находки этого времени только на трех археологических памятниках области дают основание обоснованно предположить, что после монгольского нашествия жизнь на данной территории не замерла, что существует реальная возможность обнаружения на древнерусских памятниках следов постмонгольского времени. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в проведении более детального анализа находок – с

привлечением при этом аналогов сопредельных территорий – с целью выделения среди них материалов периода второй пол. XIV – начала XV вв. как в пределах Курского края, так и в сопредельных регионах (в том числе и на Подесенье).

Литература

Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII–третьей четв. XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Юга и Севера. М., 2005, С.85-100.

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времён до 1569 года. М. 2005.

Енуков В.В. Альбом к отчету о раскопках у д.Городище Курского р-на Курской обл. в 1990 г. // НА КГОМА. Д. I–13.

Енуков В.В. Отчет о раскопках городища у д.Городище Курского р-на Курской обл. в 1991 г. // НА КГОМА. Д. I–14.

Енуков В.В. Славянский комплекс на р.Рать // Археология и история юго-востока Руси. Тез. конф. Курск. 1991, С.39-41.

Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского р-на Курской обл. в 1992 г. // НА КГОМА. Д. I– 15.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. // САИ Е1-36. М.–Л., 1966.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курского региона в золотоордынское время (в печати).

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск. 2001.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. // САИ, Е1-36. М., 1966.

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев. 1997.

Мурашѣва В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М. 2000.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевской древнерусской экспедиции в 1997 г. // НА КГОМА. Д. I– 96.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Курского гос. обл. музея археологии в Беловском и Льговском р-нах Курской обл. в 2000 г. // НА КГОМА. Д. I– 121.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского р-на и разведочных работах около д. Духовец Курского р-на Курской обл. в 2002 г. // НА КГОМА. Д. I– 11.

Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994 – 2005 гг. // Русский сборник (Тр. кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 2 – 3. Брянск. 2006, С.162-169.

- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского р-на Курской обл.) в 2004 г. // НА КГОМА. Д. I–128.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского р.на Курской обл.) в 2005 г. // НА КГОМА. Д. I–137.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с.Гочево Беловского р-на Курской обл.) и исторического центра города Курска в 2006 г. // НА КГОМА. I–145.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец» //Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск (в печати).
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Остроухов С.А. Люшинский археологический комплекс и летописный Ольгов // Русский сборник. Вып.4. Тр. кафедры отеч. истории древности и средневековья БГУ, т.9, Брянск, 2008.
- Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430-1460) // Славяне и их соседи. Вып.10. Славяне и кочевой мир. М. 2001, с.172–196.
- Lindholm D., Nikolle D. Medieval Scandinavian Armies 1300–1500 // Osprey Men-At-Arms series. 2003. № 399. London.
- Ляуко В.М., Ганецкая І.У., Заяц Ю.А. і інш. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск. 2001.
- Mekas K., Zalnierius A. Medininku pilies archeologiniai tyrimai 1961–1963 metais // Lietuvos archeologija. 2005. T. 28, Vilnius, p.133–162.

Ю.А. Коваленко (Глухов)

Древнерусский Глухов

(по материалам археологических разведок).

В конце XI – начале XII в. в Днепровском левобережье княжили внуки Ярослава Мудрого: Олег и Давид Святославичи. Земли Посеймья принадлежали Олегу. В составе Новгород-Северского княжества, которое выделилось в 40-х гг. XII в., был и Глухов [Белашов, 1996, с.8]. Ряд укрепленных городищ периода Киевской Руси, опоясывающий город со всех сторон, дает повод утверждать, что Глухов был значительным центром на территории Северщины. Городища, которые прикрывали город со стороны Дикого поля, находятся по рекам Клевени и Эсмани: Сварковское, городища возле сел Баничи, Емадыкино, Волокитино. С западной стороны находим Обложковское городище, городища в с.Тулиголово и возле с.Ярославец (урочище Яндо-

ла); с севера – городища в с.Толстодубово, Пустогород, Эсмань, между с.Ястребщина и Уланово (урочище Звенигородок). Наибольшим среди них является глуховское городище (сейчас – центральная часть современного города). Рядом с городищем находился укрепленный посад. Кроме того, существовали еще и отдельные неукрепленные ремесленные районы. Такая сложная структура древнерусского города и его значительные размеры, безусловно указывают на его доминирующую роль среди городищ и поселений, известных на территории современной Глуховщины. Сведения об устройстве древнего Глухова были получены только благодаря археологическим разведкам последних лет. Исследования археологов в значительной мере подтвердили гипотезу о формировании поселения на глуховских холмах в довольно ранний период. Как в центральной части города, так и в предместьях выявлены раннеславянские, а кое-где и более древние материалы.

В 1152 г. суздальский князь Юрий Долгорукий с сыновьями в союзе с рязанцами, муромцами, а также с половцами, выступили в поход против Великого князя киевского Изяслава Мстиславовича. Как сказано в Летописи Русской, 13-14 декабря огромное войско остановилось на построй в Глухове: «...Ярославич Ростислав с братьями, и с рязанцами, и с муромцами, а также и половцы и Оперлюи, и Токсобичи, и весь половецкий народ, сколько их меж Волгой и Днепром ...» Поход Юрия завершился неудачно, и он через землю вятичей вернулся в Суздаль [Літопис... 1990, С.254]. Другое упоминание в Летописи Русской датировано 1167 г.: «В том же году преступил крест Владимир Мстиславич. Начали слать к нему [послов половцы] Чагровичи – Чекман, и брат его Тошман, и [брат] Моначок, – говоря «мы тебе поможем!» ... и поехал он к берендичам, и встретился с берендичами ниже [города] Ростовца ... и стали они в него пускать стрелы, и ударили князя двумя стрелами ... и побежал он, и тогда избили они отроков вокруг него. А сам он убежал до [города] Дорогобужа ... Но Андреевич [Владимир] поднял мост на [реке] Горыни и не впустил его к себе в [Дорогобуж] ... Андрей тем временем послал навстречу ему [гонца] и сказал ему: «Ты иди в Рязань к отчичу своему Глебу...». И пошел он туда, а жену оставил с двумя детьми, [Святославом и Ростиславом], в [городе] Глухове, у [вдовы] Всеволодовой [Марии]» [Літопис... 1990, с.292].

Судя по летописи, Глухов был довольно надежным местом для укрытия. Его выгодное расположение сыграло через некоторое время

свою роль – Глухов стал центром Глуховского удельного княжества. Через город проходили торговые пути северян с полянами, древлянами, вятичами, радимичами, угро-финами [Белашов, 1996, с.8]. Водораздел между системами Десны и Оки в древности служил границей двух племен – северян и вятичей [Соловьев, 1988].

Третье известное упоминание о городе связано с периодом нашествия Батгя на Русь и датируется оно 1239 г.: «...Батый же, взяв Козельск, пошел в землю Половецкую, а оттуда стал посылать [войска] на города русские. И взял он город Переяславль копьем, выбил его весь, и церковь Архангела Михаила сокрушил, и утварь церковную неисчислимую серебрянную и золотую, и дорогие камни взял. И епископа, преподобного Симеона, они убили. В то же время послал он [войска] на Чернигов. Окружили они город великой силой, и Мстислав Глебович, услышав о нападении на город иноплеменных, пришел на них со всеми войми. Бились они, побежден был Мстислав, и великое множество из воинов его убиты были, и взяли они город, и подожгли огнем. Епископа [Порфирия] они оставили живым и отвели его в Глухов» [Літопис... 1990, с.394].

Город с его землями стал единицей в составе Черниговской тьмы, созданной монголо-татарскими ханами для удобного управления и изымания дани. Глуховским уделом владели потомки князя черниговского Михаила Всеволодовича, казненного в Золотой Орде за неповиновение. Из Черниговской ветви Рюриковичей глуховскими удельными князьями с 1247 г. были его сын Симеон Михайлович, внук Михаил Симеонович и правнук Симеон Михайлович. Их княжение продлилось немногим более ста лет, до начала деятельности Романа Симеоновича Новосильского. На северных рубежах Глуховских владений лежали торусские и оболенские земли, на южных находились путивльские, курские, рьльские. Восточные рубежи граничили с елецкими владениями, стыковались с пронскими и рязанскими, на западе – с владениями козельскими. Глуховским князьям принадлежали большие земли между Глуховом и Новосилем, а также по верхоречью Оки с городами Мценск, Белев, Новосиль, Воротыньск, Одоев.

В 1257 г. монголо-татары впервые переписали подвластную им русскую землю, освободив от уплаты дани только духовенство. В 1275 г. население было переписано во второй раз и обложено данью. Расположенный на границе с монголо-татарскими кочевьями, Глухов был важным объектом грабежа и захвата пленников [Белашов, 1996,

с.9]. Об этом говорят материалы исследований древнерусских селищ и городищ, на которых выявлены следы пожарищ, найдены монгольские наконечники стрел [Коваленко, 2002, с.8].

Археологические исследования на территории Глуховщины начались еще в конце XIX в. В 1872-1873 гг. Д.Я.Самоквасов провел раскопки курганных могильников возле с.Волокитино Глуховского уезда (теперь Путивльский р-он). Работы велись в урочище Старый Кирпичный Завод и возле хут. Дорошевка. В могильниках были выявлены два типа погребений – труположение на горизонте с последующей насыпкой кургана и трупосожжение на стороне с последующим вложением праха в урны и погребением его в верхней части кургана [Коваленко, 2002, с.20].

На рубеже XIX–XX вв. археологическими исследованиями Глуховского уезда занимался действительный член исторического общества Нестора-летописца Н.Ф.Беляшевский. Он раскопал три кургана на могильнике возле с.Богданово Глуховского уезда, в 8 верстах от Глухова. В курганах было зафиксировано обряд трупосожжения на стороне.

Позднее раскопками курганов в Глуховском и Кролевецком уездах Черниговской губернии занимался член Российского археологического и действительный член Российского географического обществ, известный археолог и этнограф И.С.Абрамов. В 1907 г. им был раскопан курган №17, который находился на развилке между большим Киево-Московским трактом и дорогой в с.Черториги (современное с.Шевченково). В нем было обнаружено отдельное «сидячее» погребение и около 50 костяков, положенных бессистемно. Им были также раскопаны «могилы» между двух дорог, которые вели к Ярмарковой площади в Глухове, о чем сообщалось в информации Московского археологического общества за 1873 г. Курган №18, раскопанный И.С.Абрамовым в 1907 г., находился за 6 верст от Глухова по дороге на с.Годуновку. Костяк лежал в яме, то есть ниже уровня погребенного грунта с насыпанным сверху курганом [Белашов, 1996, с.7].

В середине 20-х годов XX в. директор Глуховского краеведческого музея Я.М.Морачевский проводил разведки по главным притокам Сейма: по рекам Клевени и Эсмани. Материалы разведок хранились в Глуховском музее, а после его реорганизации переданы в фонды Сумского обл. краевед. музея [Коваленко, 2002, С.4].

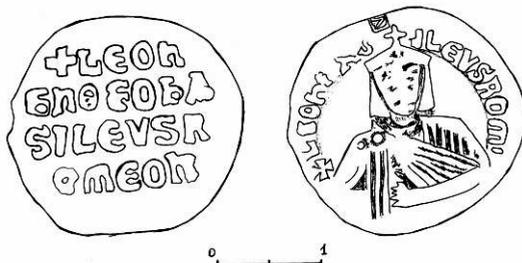
В 1979 г. на территории Глухова, неподалеку от стадиона, из разрушенных участков культурного слоя О.В.Сухобоковым была поднята коллекция древнерусской керамики. В 1985 г. В.В.Примаков обнаружил небольшое количество древнерусской керамики возле городского кинотеатра, а немного позже В.Б.Звагельский – небольшую коллекцию древнерусских вещей (керамика, стеклянные браслеты) рядом с ул.Валовой. Эти находки стали поводом для проведения в 1987 г. В.В.Примаком археологических наблюдений и разведывательных работ на территории города. В ходе исследований было найдено незначительное количество предметов древнерусского времени, однако участков с нетронутым культурным слоем древнерусского периода не выявлено. В некоторой степени, причиной явилось неверное, судя по имеющимся на сегодня данным, понимание топографии древнерусского Глухова. На основе картографирования находок XII-XIII ст. общие контуры занятой городом территории были очерчены приблизительно. Тогда же в научный оборот был введен клад железных изделий, найденный во время земляных работ на противоположном от древнерусского Глухова, правом берегу р.Эсмани, датированный В.В.Приймаком X в. [Звагельский, Примаков, 1992, с.3].

Глухов был основан на левом берегу р.Эсмани на небольшом возвышении. Выгодное географическое положение дополнялось еще и тем, что крутые склоны плато с западной стороны омывались ее водами, а с северной протекал ручей Починок или Малотеча, который впадал в ту же самую Эсмань. Поскольку описания древнего Глухова не осталось, до последнего времени сведений ни об исторической застройке, ни о названиях районов города в древний период, ни о заселенности города практически не было. Вот как современник описывал город в 1654 г.: «...А город Глухов стоит меж речки Усмани на острове. Около посаду, меж речки, земляной город. На старосвицком городище сделано два земляных вала, около тех валов два рва; на том валу надолбы... Около того острога сделан ров, а ров на острогу огорожен бревнами с одной стороны и подле того острога у земли сделан частич, колье дубовое... В том земляном городе поставлена церковь, деревянная, во имя архангела Михаила. Да возле того ж земляного города поставлен Писочинского пана двор на горе. Над речкою Усманью, возле того двора с трех сторон осыпь земляная, на осыпи поставлен острог дубовый, межи того острога ворота проезжие...» [Ткаченко, 1968, С.16]. «...Да возле слобод того города Глухова, на

вполье, сделан ров, для прихода воинского люда» [Белашов, 1996, С.13].

Отсюда мы имеем ценную информацию о существовании так называемого «старосвицкого городища», благодаря которой можно локализовать место древнерусского детинца. С тем периодом можно связать и название Красная Горка. Как известно, еще во времена язычества так назывался один из славянских праздников. Этот топоним сохранился до нашего времени сначала в названии урочища, а потом – в названии улицы. Во время разведок в 1994 г. вблизи Красной Горки действительно были выявлены фрагменты груболепной керамики киевской культуры (III-V в.н.э.).

Случайные находки древних вещей в отдельных микрорайонах Глухова указывают на довольно широкую заселенность нынешней территории города уже на рубеже нашей эры. Следут вспомнить находки, которые относятся к периоду формирования древнерусского государства – Киевской Руси, в частности, две византийские монеты. Первая монета найдена в предместье Родионовка. По заключению В.В.Гурулевой, – научного сотрудника отдела нумизматики Эрмитажа, - это медный фоллис византийского императора Льва VI (886-912 гг.) (Рис.1). Монета находится в частной коллекции В.В.Заики, а в данный момент экспонируется в Глуховском краеведческом музее.

Рис.1. Медный фоллис византийского императора Льва VI.

Вторая монета найдена на Веригине – в одном из микрорайонов города. К сожалению, ее местонахождение в данный момент неизвестно. По оставшемуся качественному снимку она также была атрибутирована научным сотрудником отдела нумизматики Эрмитажа В.В.Гурулевой. Это золотой иперпер никейского императора Иоанна III Ватаца (1222-1254 гг.) (Рис.2). Подобные монеты являются очень большой редкостью и встречались ранее только на Кавказе. Хотя иперпер Иоанна III относится к более позднему периоду, чем фоллис

Льва VI, тем не менее, он представляет огромный интерес в изучении исторических связей древнерусского Глухова.

Рядом с Красной Горкой находится так называемое Казацкое кладбище, на котором уже около ста лет не проводят захоронения. В ходе проведения разведок в западной части кладбища на зачищенной стенке оврага обнаружен мощный культурный слой XI-XII вв. Судя по выгодному в фортификационном отношении положению, можно предположить, что здесь мог находиться оборонный форпост города, который прикрывал Глухов с южной стороны.

Находка клада железных вещей в предместье Веригино в 1980-х годах дала повод В.В.Примаку произвести разведки по ул.Довженко,

где была выявлена керамика волынцевского типа. В 2004-2005 гг. автором статьи на приусадебных участках той же улицы была собрана коллекция груболепной раннеславянской керамики, лощеной керамики волынцевского типа, древнерусской керамики XII-XIII вв. Хотя разведки ограничились только сбором подъемного материала, стало понятным, что данная местность была заселена в течение нескольких сотен лет.

Рис.2. Золотой иперпер никейского императора Иоанна III Ватаца.

Основываясь на особенностях мест обнаружения находок, можно сделать предположение, что территории некоторых городских районов в древнерусское время были не отдельными населенными пунктами, а составными частями летописного Глухова. Они могли быть как ремесленными центрами, так и оборонными форпостами. В пользу версии о ремесленных центрах говорит мастерская бронзолитейного производства (ювелирная мастерская), обнаруженная в центральной части современного города. Место находки – проезжая часть ул.Терещенко рядом с водонапорной башней. В XII-XIII вв. эта местность была юж-

ной окраиной укрепленного посада. Тут же выявлен оборонный ров шириной около 15 и глубиной более 3 м.

Таким образом, не исключено, что Глухов в XII-XIII вв. состоял из детинца, который находился на мысе западной части нынешнего центра, то есть занимал территорию современного пер. Пожарного и часть ул. Киево-Московской, и укрепленного посада на восток от детинца, площадь которого составляла не более 10 га. Существовал ряд укрепленных и неукрепленных районов.

За посадскими укреплениями находился могильник (возможно, не один). Он локализован по ул. Киево-Московской рядом с университетом. Находки человеческих захоронений встречались в разных частях города, но лишь некоторые могут иметь отношение к древнерусскому времени. В большинстве случаев погребения были обнаружены случайно, и их исследования не проводились.

Широкомасштабные исследования последних лет на территории летописного города стали возможными после создания в 1994 г. Гос. историко-культурного заповедника. Если еще в начале 1980-х гг. некоторые ученые вообще сомневались в существовании Глухова в XII-XIII в., то уже в конце 1980-х гг. В.В.Примак доказал, что Глухов в то время был значительным городским центром и сформировался уже к началу X-XI вв., задолго до первого упоминания о нем в Ипатьевской летописи под 1152 годом.

В пользу этой мысли свидетельствует то же самое упоминание: «...Тогда же пошли с Юрием, – а не отказали ему, – Ярославич Ростислав с братьями, и с рязанцами, и с Муромцами, а также и половцы, и Оперлюи и Токсобичи и весь половецкий народ, сколько их меж Волгой и Днепром. И пошли они туда, на Вятичи, и отже, взяли их там, пойдя на город их Мценск. А оттуда пошли они на грода Спаш и на Глухов и тут стали». Этот факт означает, что огромное войско остановилось именно в Глухове – городе, который смог бы разместить и прокормить некоторое время большое количество народа, что свидетельствует о предыдущем длительном развитии инфраструктуры, экономики и потенциала города. О значимости Глухова в древнерусское время находим сведения в книге Филарета (Гумилевского) «Историко-статистическое описание Черниговской епархии». По его словам, в домонгольском Глухове существовало до 70 церквей [Историко-статистическое... 1872, с.272].

Более полную информацию о локализации и топографии древнерусского Глухова имеем после проведения разведывательных ра-

бот, наблюдений и небольших раскопок 1991 г., которые проводились студентами Глуховского и Сумского пединститутами под руководством В.В.Примака. Научным консультантом экспедиции был зав. отделом древнерусской и средневековой археологии Института археологии НАН Украины, д.и.н. А.П.Моця.

Поскольку до этого вопрос о внутренней топографии Глухова XII–XIII вв. оставался невыясненным, а также не были обнаружены участки с сохранившимся культурным слоем, работы были нацелены на решение именно этих задач. Прежде всего, отыскивались участки, приближенные к местам находок древнерусских вещей (предварительно картографированных) на территории города, где бы не было построек и современных перекопов.

Разведки проводились во дворе дома, предназначенного к сносу, по адресу пер.Почтовый, 8. Здесь было заложено 10 траншей и шурфов, которые показали залегание материка на глубине от 0,5 до 3 м, однако древнерусская керамика была представлена лишь одним фрагментом, что исключает возможность отнесения данной территории к заселенным участкам посада. Траншея во дворе Клуба глухонемых также показала отсутствие древнерусских материалов и большую глубину (около 4 м) залегания материка. По мнению В.В.Примака, здесь мог проходить овраг, который впадал в долину реки Эсмани. Практически чуть ли не единственным местом, где беспрепятственно удалось провести разведывательные работы, была территория двора Тюремного замка, которая много лет использовалась под склады. Работа началась с разведывательных шурфов, заложенных со всех сторон двора. Шурфы №1 и №4 дали довольно выразительный материал XII–XIII ст. В них были выявлены неповрежденный культурный слой и объекты этого периода.

Во время археологических разведок 1999 г., которые проводились на базе Гос. историко-культурного заповедника в Глухове под руководством автора статьи, возле дома известного мецената XIX в. Н.А.Терещенко (сейчас лубинститут) был заложен шурф 2,5 x 2 м. На глубине 0,65 м от современной поверхности, в северо-восточном углу шурфа найден железный наконечник копья. Верхняя граница залегания древнерусского культурного слоя находилась на глубине 0,6–0,75 м. В юго-западном углу шурфа на глубине 1,6 м обнаружены 6 фрагментов византийских амфор, скопление обломков плинфы, на которых хорошо сохранились образцы известкового раствора бледно-розового цвета (с примесью толченой плинфы). Среди керамики –

фрагменты редкого горшка, покрытого светло-зеленой поливой. Такая керамика в Глухове найдена впервые. На глубине около 3 м просматривались остатки печи, вырезанной в глиняном останце. Под печью находилась хозяйственная яма, на дне которой (глубина от современной поверхности 3,5 м) найдены развалы двух круговых горшков. В одном из них были остатки птицы, в другом – кости рыбы.

Место, где проводилась шурфовка, находится в наивысшей точке современного города. В XII–XIII вв. это – южная окраина укрепленного посада. Находки византийской и поливной древнерусской керамики, которая также была привозной (скорее всего, со среднего Поднепровья) [Козубовський та інш. 1993], указывает на то, что здесь могли проживать купцы или ремесленники, которые имели широкий круг торговых связей.

После осмотра траншей под прокладку газовых и канализационных труб, автором статьи были определены места потенциальной закладки будущих раскопов. Так, в пер.Почтовом во время осмотра траншеи были собраны фрагменты венчиков посуды XIII–XIV вв., обнаружены остатки около двух десятков погребений казацкого кладбища Михайловской церкви, уничтоженной пожаром в 1784 г. [Деркач, 2000, С.155]. Во дворе так называемого «чехословацкого» дома, который находится по адресу ул. Киево-Московская, 38, в выбросе из траншеи были найдены фрагмент стеклянного браслета, венчики гончарной посуды XII–XIII вв. и фрагменты плинфы. В заложеном рядом с траншеей шурфе 2 x 1,95 м обнаружено погребение в гробу, без вещей, которое принадлежало мужчине возраста 20–25 лет. Могила сориентирована головой в западном направлении. Глубина от современной поверхности до дна могилы – 0,87 м. Могильная яма прорезала древнерусский слой с материалами XII–XIII вв. Захоронение, скорее всего, можно отнести к XVIII в. – времени существования кладбища Михайловской церкви. На глубине около 1 м, рядом с погребением, выявлена хозяйственная яма с керамикой XII–XIII вв. Как глубина могилы, найденной в шурфе, так и то, что древнерусский культурный слой находился почти на поверхности, указывают на то, что во время строительства пятиэтажного «чехословацкого» дома были срезаны культурные слои позднего средневековья и XIX века.

Во время зачистки северной стенки шурфа для съемки стратиграфического среза в верхней части было обнаружено пятно известкового раствора с кусками древнерусской плинфы. Во время выемки грунта из шурфа найдено 15 фрагментов плинфы. Обратили на себя

внимание два из них: на одном из фрагментов имеется частично сохранившееся граффити в виде прочерченного круга, второй покрыт светло-зеленой поливой. И.Ф.Тоцкая, изучавшая археологические коллекции строительных материалов в Софии Киевской, сообщила, что аналогичные плитки, покрытые зеленой поливой, применялись для покрытия пола Софиевского собора, и относятся к началу постройки храма – XI в. [Тоцка, 1998 с.142]. Остатки строительного мусора подобного характера указывают на возможное местонахождение фундаментов древнерусского храма, скрытых под толщей земли. Не исключено, что Михайловская церковь была построена именно на том самом месте, где стоял древнерусский храм. Известно, что до постройки в 1693 г. каменной церкви, здесь стояла одноименная деревянная. Образцы известкового раствора из шурфа имеют светло-розовый, почти белый цвет, а отсутствие добавок в виде измельченной плинфы, указывает на раннее происхождение этих материалов [Тоцка, 1998, с.142-143].

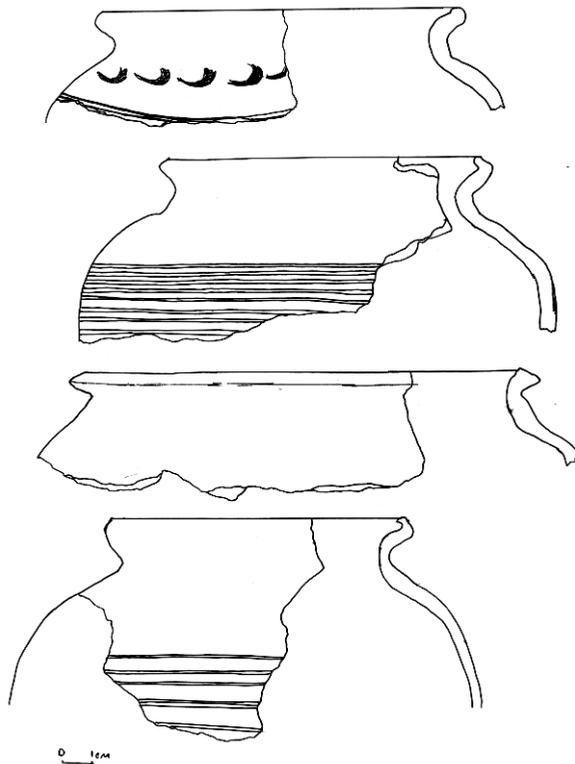
В 1997 году во время работ возле кафе «Фламинго» по ул.Киево-Московской, землекопы натолкнулись на погребение. Из рассказа рабочих стало известно, что в яме были обнаружены серебряный крученый браслет со сплюсненными концами, украшенными трилистниками, и керамический горшок. Вещи утеряны [Коваленко, 2003, С.9]. Браслеты, аналогичные глуховскому, встречаются среди древностей X–XII вв., а наявность в погребении горшка может указывать на его раннюю границу – ближе к X веку. Не исключено, что захоронение относится к переходному периоду от язычества к христианству. Проведенные в 1999 г. исследования дали возможность выявить рядом еще одно погребение без вещей и сильно разрушенное. Учитывая местонахождение обеих погребений за чертой древнего укрепленного городища и посада, можно предположить, что мы имеем дело с могильником раннехристианского, а возможно, и дохристианского периода существования Глухова.

Перед закладкой фундамента для небольшой пристройки с восточной стороны Центра культуры и отдыха был сделан шурф в виде траншеи №1 – шириной 0,8 м, длиной 12 м. Направление траншеи – север-юг. В южной части траншеи на глубине 0,7 м выявлен древнерусский культурный слой мощностью 0,15 м. Материалом, датирующим этот слой, была керамика XII–XIII вв. Среди фрагментов керамики этого периода привлек внимание один фрагмент венчика гончарного горшка, характерный для посуды X–XI вв. В центральной

части траншеи, в 3,5 м от северного ее края, зафиксирована древнерусская хозяйственная яма. В заполнении ямы находилась керамика XII–XIII вв., измельченные кости животных. Верхняя часть ямы фиксируется на глубине 1,4 м, глубина ямы 0,5 м. Она имела овальную форму, выкопана яма была в материковой глине. В культурном слое, который находился над горизонтом верхней части ямы, найдена керамика XIV–XV в. Такая керамика редко встречается при исследовании территории летописного Глухова. Это связано с упадком города после чумы 1352 года. Раньше считалось, что до начала XVII в., на протяжении почти трехсот лет, города вообще не существовало. Но исследования последних лет дали возможность обнаружить несколько «островков» в центральной части Глухова с остатками неповрежденного археологического культурного слоя с керамикой XIV–XV вв., что отрицает утверждение о полном отсутствии жизни на старом городище в этот период. Среди находок керамики XII–XIII вв. привлекает внимание небольшой фрагмент тигля с налетом зеленой патины на внутренней стенке, которая образовалась вследствие окисления бронзы или меди. Эта находка не исключает возможности того, что недалеко от места закладки траншеи находилась мастерская древнего ювелира. Там же найден небольшой фрагмент крученого стеклянного браслета.

В полевом сезоне 2003 г. на территории Глухова были исследованы несколько площадок с культурным слоем XII–XIII вв. В сквере возле водонапорной башни (центральная часть города) детально рассмотрена траншея под прокладку теплотрассы. В ней выявлен культурный слой XII–XIII вв. с небольшим количеством керамики, измельченными костями животных, кусками глиняной обмазки и шлака. В районе, где траншея пересекала ул. Терещенко, на глубине 1,7 м найден обломок стеклянного браслета древнерусского времени. В центральной части сквера, рядом с водонапорной башней, на глубине около 0,7 м от современной поверхности, в шурфе №3 обнаружено сооружение древнерусского времени, сложенное из небольших бревнышек. Его размеры – 1,2 x 1,3 м. Сооружение углублено в землю на 1 м, сориентировано сторонами юго-восток – северо-запад, юго-запад – северо-восток. Юго-западный угол разрушен фундаментом XVIII в. В заполнении объекта встречается керамика XII–XIII вв. Рядом с ней обнаружено несколько кусков шлака, который мог образоваться в печах с высокой температурой. Не исключено, что здесь могло нахо-

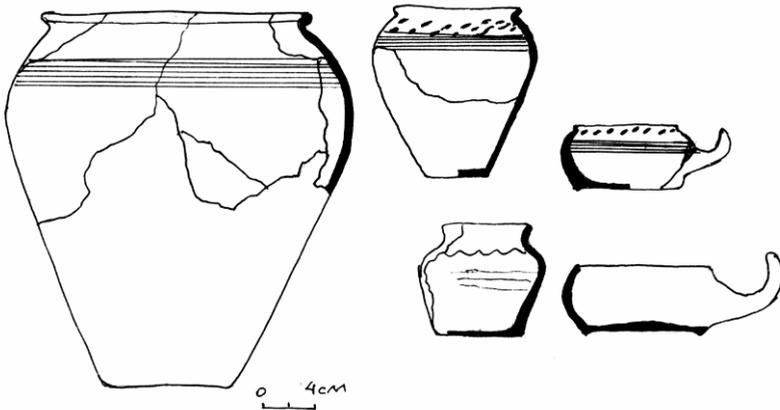
даться небольшое производство или ремесленная мастерская по изготовлению изделий, где использовался высокотемпературный обжиг (стекло, гончарные изделия и т. д.)

Рис. 3. Фрагменты керамических горшков XII–XIII вв.
(Глухов, ул. Терещенко)

Земляные работы 2004 г., связанные с благоустройством центра города (так называемой «стометровки»), предполагали рытье траншеи для замены труб водопровода. Во время работ были прорезаны культурные слои, не нарушенные перекопами. На глубине 2 м, под более поздними напластованиями находился древнерусский слой XII–XIII вв., который был продатирован на основе фрагментов керамики с характерными бороздками по внутренней стороне венчика. Среди гончарной керамики XII–XIII вв. обнаружен один фрагмент византийской амфоры и два фрагмента древнерусских стеклянных браслетов. Один фрагмент крученный, из стекла зеленого цвета, другой – с гладкой поверхностью, темного цвета, инкрустированный по-

лосой желтого стекла. В траншее, на расстоянии 20 м от юго-восточного угла памятника архитектуры «Уездное земство», на глубине 1,8-1,9 м выявлено скопление плинфы и дикого камня. В центральной части этого скопления наблюдалось пятно красноватого цвета. Можно предположить, что данная находка есть не что иное, как остатки древнерусской печи, которая была сложена из плинфы и камня, а глина, обожженная до красного цвета, была на том месте, где находился очаг печи. Среди скопления плинфы и камней встречалась керамика XII–XIII вв., а также найден один из описанных выше фрагментов стеклянных браслетов.

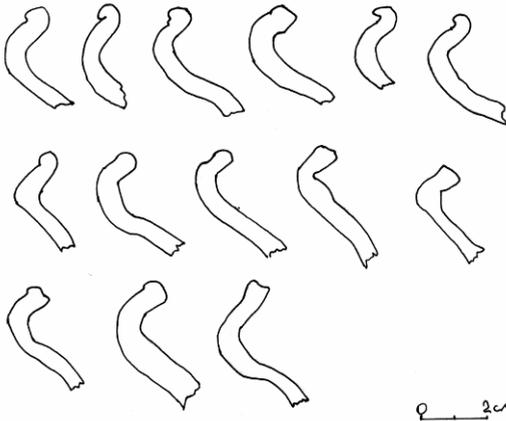

Рис. 4. Керамическая кухонная и столовая посуда XII–XIII вв. (Глухов, ул. Терещенко)

Траншея по ул.Терещенко (длина которой была более 300 м, дала довольно четкую стратиграфическую картину. Почти по всей длине археологические культурные напластования имеют хорошую сохранность, и только в некоторых местах нетронутость культурных слоев нарушена поздними перекопами. Глубина траншеи около 2 м. Древнерусский культурный слой местами находится на довольно небольшой глубине – 80-90 см. В нем встречается много обломков гончарной керамики XII-XIII вв. (Рис.3-5).

Рядом с юго-восточным углом памятника архитектуры «Дом Н.А.Терещенко» обнаружена часть сооружения, представляющая собой углубление в материковой глине с овальной ямкой посередине, которая является остатком сгнившего деревянного столба. Размеры сооружения неизвестны, поскольку параметры траншеи не дали возможности исследовать более обширный участок. Назначение соору-

жения – мастерская древнего ювелира или хозяйственная яма, которая находилась неподалеку от мастерской. Такой вывод можно сделать благодаря находке большого количества металлургического шлака и выплесков цветного металла (бронзы), которые в таком количестве могли образоваться только в результате значительного производства. На финальном этапе использования сооружение, очевидно, превратили в мусорную яму.

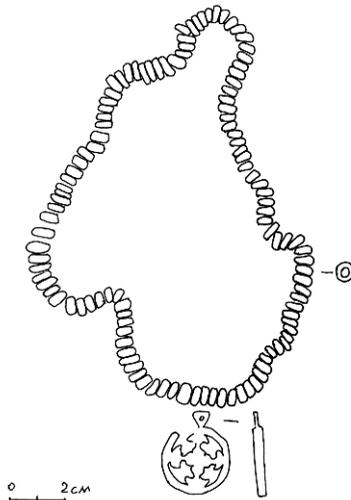
Рис. 5. Профили венчиков XII-XIII вв. (Глухов, ул. Терешенко)

Среди нескольких сот фрагментов древнерусской керамики были обнаружены стеклянные бусы с медальоном в виде креста, вписанного в круг (Рис.6). Медальон, изготовленный из меди или бронзы, имеет налёт окиси зеленого цвета. Бусины изготовлены из зеленого, желтого и коричневого стекла.

Недалеко от вышеописанного древнерусского объекта, при зачистке стенок траншеи в культурном слое XII–XIII вв. найден бронзовый перстень, украшенный перегородчатыми эмальями с золото-стеклянной вставкой. Сегодня пока еще рано утверждать, что этот район был ремесленным, но тот факт, что в данной местности уже не первый раз встречаются остатки производственной деятельности, может свидетельствовать о возможном существовании здесь в древности какого-то ремесленного центра.

Вызывает интерес шумовая подвеска-бубенец, найденная в центральной части Глухова в пер.Почтовом. Подобные подвески должны были прогонять злых духов не только своим видом (изображения на бубенцах несли в себе определенный смысл), но и звуком [Козубовский та інш. 1993, С.96]. К разряду шумовых амулетов можно отнести довольно редкую для территории Глуховщины находку – небольшую модель яйца-писанки. Его длина составляет 4 см, наибольшая ширина – 2,5 см. Изготовлено яйцо-писанка из глины красноватого цвета и покрыто коричневой поливой с желтыми линиями.

На более широкой стороне имеется отверстие, а внутри находится шумовой камешек. Возможно, изделие использовалось в качестве детской игрушки-погремушки. Писанка найдена в самом центре города – в котловане новостройки (Соборная пл., 3). Аналогичные писанки были довольно широко распространены на территории Киевской Руси [Козубовський та інш. 1993, С.255]. Известный украинский археолог, д.и.н. А.П.Моця приводит примеры их находок в погребениях возле с.Липовое [Деркач, 2000, С.100], похожая писанка найдена в 2001 г. во время раскопок посада древнерусского Чернигова (ул Пушкина, 34а) [Тоцька, 1998]. Среди сопутствующих находок – керамика XII–XIII в., фрагменты стеклянных крученых браслетов, шиферные пряслица.

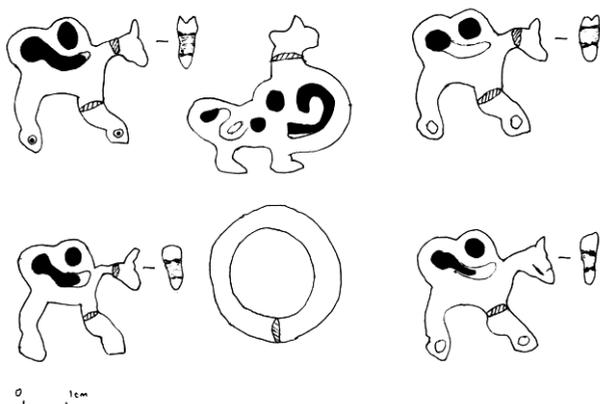

Рис. 6. Стеклянные бусы с подвеской. XII–XIII вв. (Глухов, ул.Терешенко)

Во время земляных работ, связанных с застройкой города, во дворе частной усадьбы по ул.К.Цеткин,1, обнаружены остатки нескольких разрушенных захоронений. Все погребения безинвентарные. Поскольку на плане Глухова 1778 г. показано, что неподалеку от этого места стояла Трехсвятская церковь (на плане обозначена как церковь Сошествия Святого Духа), погребения были отнесены к периоду существования церковного кладбища – XVIII–XIX в. После более детального осмотра места проведения работ, найден клад бронзовых подвесок (Рис.7), находившихся, видимо, в погребении. В его состав входят кольцо, четыре фигурки лошадей и стилизованная фи-

гурка, похожая на утку или какую-то мифическую птицу. Все фигурки плоские, вверху имеют отверстия, благодаря которым нанизывались на веревочку или металлическую цепочку – следы потертостей указывают на то, что фигурки длительное время носились на ней. Изготовлены подвески техникой литья. Рядом находился сгусток ржавчины (остатки неопределенного железного предмета). Скорее всего, это могла быть железная цепочка, на которой крепились подвески. К ржавчине прикипели несколько рыбьих позвонков, возможно из остатков ритуальной пищи, которая была положена в захоронение. Фигурки лошадей относятся к так называемым «конькам смоленского типа» и датируются XI–XII вв. Чаще всего аналогичные фигурки встречались в погребениях нижнего течения Западной Двины, в окрестностях Ладожского озера, на восточном побережье Чудского озера и в Костромском Поволжье. Как правило, амулеты встречались в наборах, нанизанных на железную цепочку, а в погребениях находились в области груди, левого плеча, или как поясные наборы. Что же касается пятой подвески, то тип так называемых «уточек» – находка, характерная для Псковской, Новгородской обл. и Костромского Поволжья. Подобные предметы датируются более поздним временем, чем «коньки смоленского типа», но не позднее середины XII в. [Рябинин, 1981]. Аналогичные украшения-амулеты нередко встречались в языческих погребениях северян. Они выполняли роль своеобразных оберегов.

Судя по всему, подвески находились в захоронении ребенка. Хотя от костей осталось только несколько пятен тлена белого цвета, частично сохранились истлевшие доски гроба. Он был длиной не более 1 м. В западной части захоронения, где, вероятно, должна была находиться голова, найдены три фрагмента золототканой ленты. Такие ленты использовались для украшения одежды, главным образом – для обшивки воротничков. В данном случае лента могла быть использована в качестве так называемого очелья (то есть могла находиться на челе и удерживать длинные волосы девочки, т. к. подобные ленты были элементом головного убора молодых девушек). Аналоги золотного шитья, в особенности лент, довольно часто встречались во Владимирских курганах. Широкий набор золототканых лент находится в фондах Гос. исторического музея (Москва) и в Эрмитаже (Санкт-Петербург). Датируются эти древности XI–XII вв. [Фехнер, 1971, С.115].

Рис. 7. Клад бронзовых подвесок XI–XII вв. (Глухов, ул. Клары Цеткин, 1)

Дальнейший осмотр дал возможность обнаружить несколько десятков фрагментов древнерусской керамики XI–XIII вв. и куски шлака железодельного производства. Жительница соседней усадьбы передала в фонды заповедника железный наконечник дротика, который нашла на своем приусадебном участке. Наконечник – при детальном изучении – оказался полуфабрикатом, то есть откована только форма наконечника. Острие не заточено, не обозначен дол посередине лезвия. Режущие края не прокованы. Факты находки подобной заготовки и кусков шлака дают повод предположить, что где-то недалеко могли находиться железоплавильная печь и кузница. Эти находки значительно расширили представление о структуре застройки древнерусского Глухова. Раньше материалы периода древней Руси в данном районе никем выявлены не были.

Литература

Белашов В.І. Глухів – столица гетьманської і Лівобережної України. – Глухів, 1996.

Літопис Руський. – К., 1990.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн.1. История России с древнейших времен. – Т.1-2. – М., 1988. С.72.

Коваленко Ю.О. Науковий звіт. Охоронні археологічні дослідження літописного міста Глухова, Глухівського та Путивльського районів за 2002 рік. – Глухів, 2003.

Коваленко Ю.О. Науковий звіт. Охоронні археологічні дослідження літописного міста Глухова та Глухівського району за 2001 рік. – Глухів, 2002.

Звагельський В.Б., Приймак В.В. Звіт про археологічні розкопки давньоруського міста Глухова у 1991 р. – Суми, 1992.

Ткаченко В.К. Глухів: історико-красназавчий нарис.– Харків, 1968.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн.7. Стародубский, Мглинский, Новозыбковский, Глуховский и Нежинский уезды. – Чернигов, 1873.

Козубовський Г.А., Івакін Г.Ю., Чекановський А.А. Дослідження урочищ Гончарі та Кожум'яки у 1987-1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984-1989. – К., 1993.

Деркач А.Л. Глухов – гетманская столица. – К., 2000.

Тоцька І.Ф. Про деякі підсумки вивчення Софії Київської //Теорія та історія архітектури і містобудування. – Вип.2. – К., 1998.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САИ. Е1–60. - М., 1981. – С.12-20

Фехнер М.В. Шелковые ткани как исторический источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971.

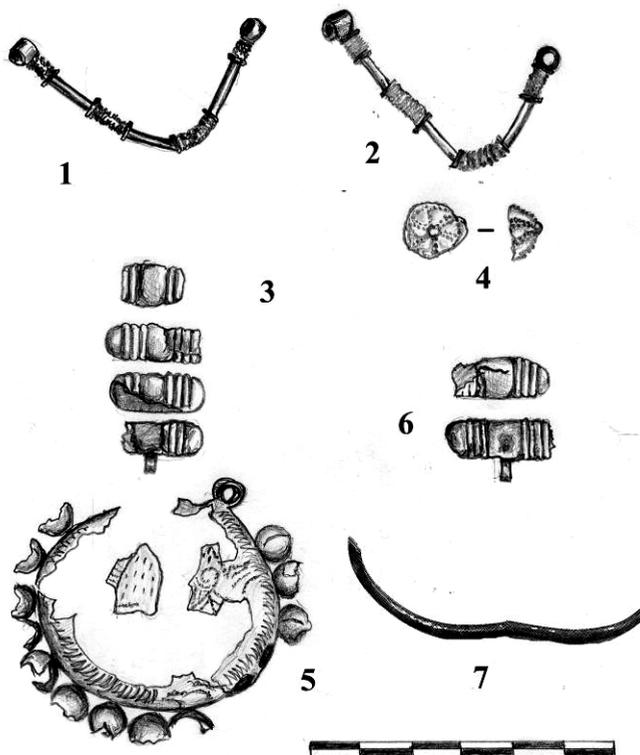
В.О.Пискунов (Брянск)

Новые находки древнерусского ювелирного искусства в Верхнем Подесенье.

В настоящее время имеются сведения о примерно 100 золотых древнерусских колтах с эмалью и примерно о таком же количестве серебряных черненных колтов. В.Г.Пуцко считает, что серебряные изделия преобладают в кладах, сокрытых между 1170 и 1240 гг. [Пуцко, 2007]. Ближайшей к Верхнему Подесенью известной по публикациям находкой колтов можно считать клад, выявленный Т.Н.Никольской при раскопках городища Слободка в Орловской обл., в верховьях р.Навля [Никольская, 1987]. В его состав, наряду с шейными гривнами и браслетами, входили два серебряных колта. В Верхнем Подесенье такие находки не были известны до последнего времени. В связи с этим представляет несомненный интерес выявление автором в процессе археологических разведок 2007 г. клада древнерусских ювелирных изделий.

Находка была сделана в 500 м западнее посада Вщижа, на отделенном оврагом от территории города поселении. Сначала на распаханном поле была поднята проволочная основа трехбусинного височного кольца с утраченными шариками (Рис.1-1). В 20 м к югу от первой находки зафиксированы сильно поврежденные плугом фрагменты двух округлых колтов с каймой из крупных полых шариков по краю и остатками черного гравированного растительного орнамента (Рис.1-5). Неподалеку собраны и несколько полых тисненых колодочек-рясен для подвешивания колтов (Рис.1-3, 6), а также еще одна основа трехбусинного височного кольца (Рис.1-2), фрагмент раздав-

ленной бусины этого же кольца с зернью (Рис.1-4) и обломок перстнеобразного височного кольца общерусского типа (Рис.1-7). Клад, судя по разному его плугом, был спрятан на небольшой глубине. Площадь разброса вещей составляет 30х30 метров. Основываясь на хронологической датировке ювелирных изделий можно назвать дату сохраненияклада – март 1238 г. во время разорения Вщижа монголо-татарами.

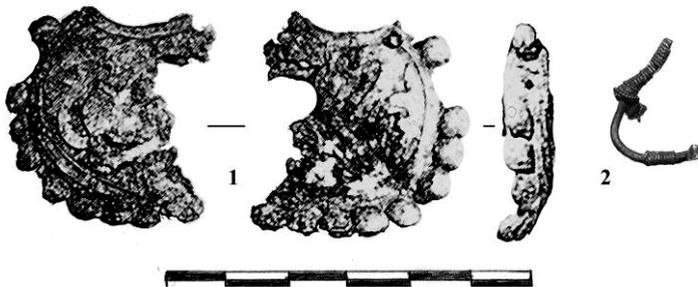
Рис.1. Предметы из Вщижского «клада» 2007 г.

1, 2, 4 – фрагменты трехбусинных височных колец; 3, 6 – рясны; 5 – колт; 7 – фрагмент перстнеобразного височного кольца.

Интересным с точки зрения реконструкции исторических событий является место сокрытия вещей. По всей вероятности, человек, укрывший клад, бежал из уже осаждаемого неприятелем города. Совокупность вещей говорит о принадлежности их хозяйки к зажиточным горожанам. Следовательно, отправным местом побега этого человека мог быть детинец или близкая к нему часть окольного града. Он перешел через большую балку, по которой тек ручей, и скрылся в

каньоне крупного оврага, левая часть которого примыкала к промышленному поселению – слободе, где и были сокрыты ценные вещи, в 15-20 м от северного склона оврага. Ближайшими аналогиями вщижским колтам и височным кольцам можно считать колты из кладов Старой Рязани (1970 г.) и Чернигова (1985) [Пуцко, 2007].

Еще одна находка фрагмента серебряного колта в Верхнем Подесенье хранится в частной коллекции и происходит из с.Осовик Рогнединского р-на Брянской обл. (Рис.2-1). По полученным от коллекционера сведениям, эта случайная находка сделана на территории древнерусского города Заруб [Кашкин, 1993, с.201-202], южнее детинца, неподалеку от рва, разделяющего детинец и посад (Рис.2). Осовицкий колт типологически близок вщижским – двояковыпуклая округлая центральная часть, окаймленная по периметру полыми шариками. Однако в отличие от вщижских колтов он мельче и выполнен менее трудоемким способом – в технике литья, что позволяет предположить создание его местными ювелирами. В местах соединения с дугой, где располагались левая и правая петельки, округлость колта имеет конструкционный срез в верхней части. Осовицкий колт украшен растительным орнаментом. Петельки для подвешивания были сломаны в процессе ношения. Чуть ниже их сломов мастер, производя ремонт, просверлил два отверстия в самом колте. Осовицкий колт оплавлен, что говорит о его утрате во время сильного пожара, возможно, при разорении города неприятелем. На том же городище была найдена и проволочная основа трехбусинного височного кольца. (Рис.2-2).

Рис.2. Находки с археологического комплекса Осовик (частная коллекция): 1 – колт, 2 – фрагмент трехбусинного височного кольца.

Приведенные сведения подтверждают тесные экономические связи Вщижа с другими городами Руси и уточняют географию распространения древнерусских колтов.

Литература

- Кашкин А.В. Археологическая карта Брянской области. – М., 1993.
Никольская Т.Н. Городище Слободка XII-XIII вв. – М., 1987.

Пуцко В.Г. Ювелирные изделия в средневековом Чернигове (состав, происхождение, вопросы хронологии) // Археология юго-востока Руси. Материалы IV науч. конф. – Елец, 2006, с.189-210.

А.А.Чубур (Брянск)

О предполагаемом парусном вооружении Вщижской ладьи.

В 2001 г. экспедицией БГОКМ под руководством автора был поднят и доставлен в экспозицию музея крупный фрагмент средневековой древнерусской ладьи, обнаруженной в Десне, на окраине летописного Вщижа. За прошедшие годы Вщижская ладья была введена в научный оборот [Чубур, 2004; Чубур, Журавлева, 2005; Журавлева, 2007; Журавлева, Чубур, 2007] и прочно заняла место среди главных археологических свидетельств древнерусского судостроения. Это сообщение завершает серию публикаций о реконструкции Вщижского моноксила.

По конструктивным особенностям судна можно судить не только о возможности установки парусного вооружения, но и, используя сравнительные данные, довольно достоверно реконструировать не сохранившиеся рангоут, такелаж и парус.

Рангоут (деревянная часть парусного вооружения) должен был состоять из мачты и рея, которые в сложенном состоянии укладывались вдоль судна. Мачта при установке в рабочее положение крепилась с помощью продольных растяжек-штагов, пропущенных в отверстия в носовой и кормовой частях судна, и вангов – поперечных растяжек, закрепленных на бортах судна. Кстати, на Руси вместо слова «мачта» часто использовался другой термин – «щегла» или «щогла» [Даль, 2004, с.322, 372], сохранившийся ныне в украинском языке и некоторых диалектах русского. Размеры мачты можно установить по форме и направлению отверстий для штагов, сохранившихся в носовой части судна. Учтем при этом два обоснованных предположения, сделанных при реконструкции судна. Во-первых, корма и нос были идентичны друг другу, что позволяло менять направление движения без разворота поперек волны или течения. Во-вторых, мачта, скорее всего, устанавливалась в центре судна, укрепленном сразу двумя расположенными в полуметре друг от друга мидель-шпангоутами. Шпангоуты располагались в наиболее напряженных частях конструкции судна – там, где необходимо было создать дополнительную жесткость. Существовал ли степс – специальное гнездо для крепления шпора (нижней части мачты), сказать трудно – его следы не выявлены. Но, учитывая то, что мачты обыкновенно ставятся с небольшим наклоном назад, в результате чего при наполнении

парусов улучшается равновесие в направлении вперед, упорами для мачты могли служить сами мидель-шпангоуты (первый или второй – в зависимости от направления движения судна).

В верхней части бортов, в носовой части судна, имеются 6 круглых отверстий. Два наиболее удаленных от носа, просверленных перпендикулярно борту, по-видимому, использовались для крепления рулевого весла-плавника. Одно имело какую-то иную функцию (возможно, здесь крепились якорь или фал для проводки судна по мелководью). Ближайшее же к носу, второе и четвертое служили для снастей, фиксирующих мачту, – штагов. Эти отверстия направлены вверх и в сторону центра корабля под углом около 40° (угол AC). Расстояние от отверстий до центра корабля между двумя мидель-шпангоутами (A) равно 5,4-5,8 м, глубина судна в центральной части (D) – 0,75 м. Условно считая, что мачта ставится перпендикулярно днищу (небольшой наклон назад не учитывается), мы получаем прямоугольный треугольник с частью мачты в качестве одного из катетов. Полная ее длина от шпора до места крепления штагов, таким образом, может быть вычислена по формуле:

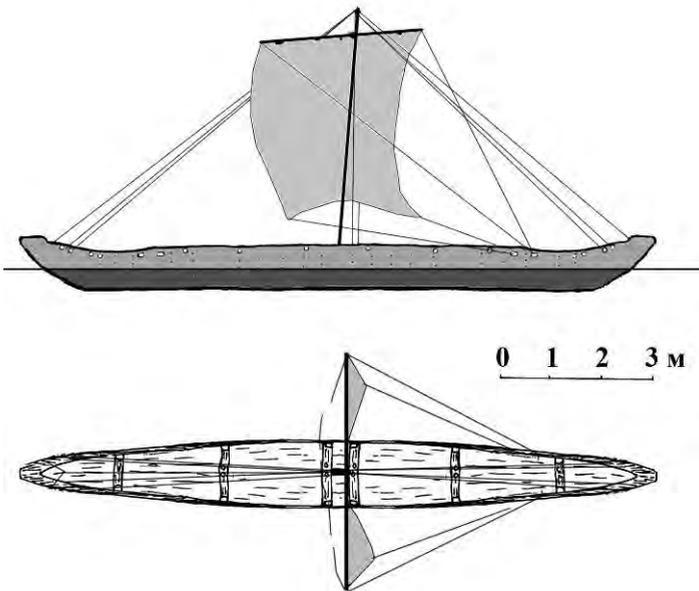
$$L=A \cdot \operatorname{tg}AC+D$$

Эта величина лежит между 5,25-5,65 м. Реальная высота мачты была несколько больше за счет верхушки топа над точкой крепления штагов.

По сведениям о позднесредневековых одномачтовых средиземноморских галерах и галеасах [Боголюбов, 1879; Курти, 1989] в XV-XVII вв. отношение длины грот-мачты к длине судна колебалось в пределах 0,38-0,47. В нашем случае наблюдается полное соответствие этим канонам судостроения – длина мачты составляет 0,40-0,43 длины судна. Мачта, безусловно, была изготовлена из цельного дерева (мачта-однодеревка). Наиболее вероятно, что для её изготовления использовался прямой обработанный сосновый ствол. Как правило, диаметр мачт у судов разных типов составлял около 0,025 их длины, уменьшаясь к верхней оконечности на 0,2 толщины. Скорее всего, и мачта Вщижской ладьи отвечала этим пропорциям, и могла у шпора иметь диаметр около 14 см, а на топе, соответственно – около 10-11 см.

Между мидель-шпангоутами внутри в борт был вбит вертикальный ряд из трех кованых гвоздей (костылей) с загнутыми Т-образными шляпками. При их помощи, скорее всего, осуществлялось крепление вантов, обеспечивающих поперечную фиксацию мачты. На мачте крепился перпендикулярный рей, несший парус. Продольные размеры рея вычислить, к сожалению, невозможно. Не помогут и сведения о средиземноморских галерах, несших латинское парусное вооружение, в котором длина рея была близка к длине самого кораба-

ля. Латинский парус вряд ли стоял на Вщижской ладье. Скорее, это было простейшее рейковое парусное вооружение, характерное для средневековых скандинавских кораблей. В этом случае его поднимали высоко, почти под самый топ, то есть чуть ниже точки крепления штагов и вантов. Значительная ширина паруса могла повредить остойчивости судна. На современном шестивесельном яле (шлюпке), пропорции которого выработаны многовековым опытом мореходства, длина мачты составляет 5,5 м, рея – 4,5 м [Иванов и др., 1971], то есть соотношение первой ко второму равно 1,22. Если ту же пропорцию применить к вщижской ладье, то длина рея составит от 4,3 до 4,6 м (а ширина паруса, соответственно, несколько меньше). Диаметр рея на парусных судах составлял обыкновенно 0,011 его длины (для Вщижского моноксила получаем 5 см).

Рис.1. Возможная графическая реконструкция Вщижской ладьи под парусом.

Учитывая то, что парус должен был находиться выше бортов, его высота не могла превышать 4,5 м. Следовательно, площадь паруса едва ли превышала 20 м². В принципе, такой парус вполне соответствовал бы размерам судна, как явствует из результатов экспериментальных натурных реконструкций однодеревных челнов «Персей» и «Одиссей» в Центре исследования истории мореплавания (г.Одесса, Украина), совершивших несколько походов по Черному морю

[Мельник, 2007, С.45-48, 57-59]. Шкоты, закрепленные на концах рея и нижних углах паруса, позволяли управлять парусом. Они, видимо, пропускались сквозь вытянутые прямоугольные отверстия высотой 30 и длиной 50 мм, сделанные под кромкой борта между I и II шпангоутами, в 2,5 и 2,8 м от кормы судна (как уже говорилось, нос и корма менялись местами по необходимости).

В заключение рассмотрим несколько технических характеристик вщижской ладьи. Отношение длины по ватерлинии к ширине характеризует ходкость судна – чем больше это отношение, тем легче на ходу, быстрееходнее судно. С другой стороны, чем меньше это соотношение, тем устойчивее судно. У современных яхт это соотношение лежит в пределах 2,5-5,0; у крейсерских швертботов – 2,8-3,8; у судов викингов¹ – 3,7-7,5; у египетских лодок и ладей² – 2,4-3,9. В нашем случае соотношение близко к 7,5, что говорит о высокой ходкости. Отношение ширины по ватерлинии к осадке характеризует устойчивость и мореходность. Чем больше соотношение, тем устойчивее судно, однако его способность сохранять скорость при волнении оказывается ниже, чем у более узкого и глубокосидящего. Классические яхты имели величину этого соотношения в пределах 1,2-1,6, у современных гоночных яхт оно равно 1,8. Корабли викингов строились с соотношением этих показателей в рамках 3,1-5,3, египетские корабли и лодки – 2,9-3,7. У Вщижской ладьи этот показатель был близок к 2,5. Наконец, отношение наибольшей длины к высоте борта характеризует прочность и жесткость корпуса. Чем меньше это соотношение, тем большей продольной жесткостью обладает корпус, тем меньше он деформируется на волне и от тяги штагов, что имеет решающее значение для настройки мачты. Этот показатель в нашем случае равен 16. Для сравнения: суда викингов имели, по нашим подсчетам, соотношения в пределах 13-29, египетские суда – от 9 до 25. Таким образом, Вщижская ладья по жесткости корпуса почти не уступала этим классическим судам, что вновь подтверждает возможность использования на ней парусного вооружения.

Примечания

1 – здесь и далее вычисления для кораблей викингов выполнены по опубликованным реконструкциям на базе археологических данных [Фрикс, 1982].

2 – по нашим наблюдениям в Каирском Национальном Музее и в Музее ладьи фараона Хеопса (2006-2007) и публикации И.К. Мельника [2007].

Литература

Боголюбов Н. История корабля. – М., 1879.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.12 – М., 2004.

Иванов Л.Н., Хомяков И.И., Вдовиченко Н.П., Загарин И.А. Шлюпка (устройство и управление). – М.: Воениздат, 1971.
Курти О. постройка моделей судов. Л., 1989.
Мельник И.К. Очерки по истории мореплавания. Земля погибших кораблей. – Кишинев – М. – Одесса: «Фенікс», 2007.
Фрикс Фон И. Суда викингов. – Л., 1982.
Чубур А.А. Ладья-однодеревка из летописного Вщижа // Российская археология, 2004 - №3, С.171-174.
Чубур А.А., Журавлёва Ю.Б. Средневековое судостроение в Юго-Восточной Руси по археологическим источникам // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV веках. – Тула, 2005. С.176-191
Журавлева Ю.Б. К вопросу о происхождении Вщижской ладьи // Деснинские древности, вып.4 (Материалы IV межгосударственной научной конференции памяти Ф.М. Заверняева «История и археология Подесенья»). – Брянск, 2007. С.164-167.
Журавльова Ю.Б., Чубур А.А. Реконструкція давньоруського моноксила по археологічним, історичним й етнографічним даним // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса – Омск, 2007, С.282-285.

В.К.Лончакова (Чебоксары)

Тканые изделия: проблемы исторической реконструкции.

Историческая реконструкция – воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона с использованием археологических, изобразительных и письменных источников – появилась в странах СНГ сравнительно недавно, около 15 лет назад. Цель движения «реконструкторов» – создание исторического комплекса, состоящего из костюма, доспеха, оружия и бытовых принадлежностей выбранного региона и исторического периода. Каждый элемент комплекса должен быть подтвержден научным источником (археологическим, изобразительным, письменным). Основной идеей реконструкции является применение на практике этого комплекса для подтверждения или опровержения научных гипотез относительно возможностей изготовления и использования тех или иных предметов.

Живая история (living history) – попытка воссоздать день или больший отрезок времени из жизни изучаемой эпохи. Тут важно абсолютно все, начиная от кроя и внешнего вида носимой одежды и заканчивая аутентичными рецептами кухни. Подобные мероприятия

интересны не только самим участникам, но и зрителям, которые могут воочию посмотреть на нехрестоматийную историю своей страны, на то, как жили их предки. Данное направление очень популярно и развито в Скандинавии: здесь существуют десятки «музеев под открытым небом», где живут и трудятся люди в реалиях давно ушедших дней (Sempel, 1998, p.13). К сожалению, создание подобных центров невозможно без финансовой помощи от государства, а потому в России максимально возможный быт пока может быть представлен разве что полевым лагерем. Тем не менее, данное направление и в России постепенно набирает силу, проводится большое количество разного рода фестивалей, и на них с каждым годом собирается все большее число людей, увлеченных воссозданием быта и истории.

Среди разнообразных направлений исторической реконструкции, безусловно, одним из важнейших является восстановление костюма. Это направление относится к *living history* и в этом контексте предполагает воссоздание не только облика раннесредневекового человека, но и применение архаических ремесел и навыков в современных реалиях. Однако это связано с большими трудностями. Одной из наиболее сложных проблем исторической реконструкции, на наш взгляд, является недостаток качественной научной информации по одежде раннего средневековья, как женской, так и мужской. Именно эта причина, как кажется, резко сокращает возможности выбора: столкнувшись с практически полным отсутствием информации по раннесредневековой одежде и орнаментации эпохи викингов, многие отказываются от попыток заниматься реконструкцией этого периода. Ведь письменных свидетельств о материалах, покрое и элементах раннесредневековой одежды практически не сохранилось, а археологические свидетельства представляют собой очень сложный источник. Детали костюма, изготовленные из текстиля, кожи, меха, войлока, бересты, как правило, плохо сохраняются в культурном слое в силу своего органического происхождения. Даже отдельные фрагменты, не говоря уже о целых экземплярах одежд, являются редкой и поэтому привлекающей особое внимание исследователей находкой.

В какой-то момент каждый исследователь сталкивается с проблемой выбора материала для костюма, который он реконструирует. Это происходит из-за того, что до наших дней не дошло почти никаких сведений о материале для одежды и методе его изготовления. Существующие материалы не удовлетворяют исследователей по нескольким причинам: они созданы с применением современных тех-

нологий, то есть машинным способом, их окраска или отбеливание производились с помощью химических веществ, которые не были доступны людям раннего средневековья. Наконец, качество этих материалов не соответствует требуемому уровню, так как они могут содержать синтетические примеси. Таким образом, исследователь встает перед выбором: он или должен использовать неподходящие материалы, или ему придется восстановить технологию раннего средневековья.

Возникновение ремесел – одна из центральных тем различных мифологий мира. Изобретение ткачества когда-то сильно продвинуло цивилизацию вперед. Оборудование для ткачества претерпело значительные изменения. В разных уголках планеты и сегодня можно найти используемые ткацкие станки практически всех этапов развития. Принципиальны отличия между вертикальными станками и горизонтальными. Они классифицируются по способу натяжения основы (Нахлик, 1963, с.276-284). Во многих развитых странах ручное ткачество на станке переживает взлет популярности.

Восстановление исторического костюма очень кропотливое и сложное занятие, которое требует серьезной самоотдачи и проникновения в изучаемую эпоху. С этой стороны, восстановление текстиля представляется более сложным, чем, например, реконструкция некоторых других ремесел, особенно в том случае, если требуется полностью воспроизвести технологию получения тканого полотна. Автор данного исследования не первый год является членом клуба исторической реконструкции, поставив перед собой сложную задачу – воссоздание костюма с помощью использования только средневековых технологий. Это потребовало изучения огромного количества источников.

Проведенные нами исследования показывают, что изучение текстильных ремесел необходимо начинать с примитивных техник, которые позволяют получать нетканое изделие. Автором была подготовлена программа, по которой проводятся занятия мастер-класса, посвященные восстановлению средневековых женских ремесел. В первую очередь это текстильные ремесла. Необходимо отметить, что достаточно сложным моментом для людей, впервые столкнувшихся с реконструированием не просто костюма, но и технологии его изготовления, является понимание разницы между этнографическими и архаическими ремеслами [Ткань. Ритуал. Человек., 1992, С.34].

Одним из интереснейших видов рукоделия было ткачество на дощечках. К сожалению, до наших дней сохранилось совсем немного остатков тесьмы, тканей на дощечках; и поэтому восстановление этого вида рукоделия предполагает некоторую возможность творчества в рамках некоторых техник. Уже во времена викингов было известно до пяти различных техник (Doubleface, 3/1 Broken Twill, Snartemo, Egyptian Diagonals, Brocade), и все они получили свое развитие [Collingwood, 1998, p.48]. Скандинавские и славянские женщины редко ограничивались простыми техниками, иногда они использовали несколько техник и рисунков на одном изделии. Возможно, это делалось для придания каких-то магических или защитных свойств, а может быть, они просто служили показателем мастерства рукодельницы. При обучении этому ремеслу мы начали плести с рисунков, представляющих собой параллельные диагональные полосы; позже, поняв технологию изготовления простых изделий, перешли к более сложным – перекрещивающимся и сплетающимся – линиям. Следующим этапом становится плетение двухсторонней тесьмы, которая первоначально использовалась для написания на них церковных молитв, но при помощи этой техники можно изготавливать практически любой рисунок. Техника Brocade изучается последней, так как требует достаточно высокого уровня владения дощечками и требует дорогих расходных материалов, таких как шелк, золото или серебро.

Первые трудности, с которыми мы столкнулись, – это недостаток информации. Практическая деятельность сильно осложняется тем, что архаичные техники не дошли до наших дней или сильно изменились. Некоторые процессы восстановить не представляется возможным. Выращивание льна и конопли в наше время практикуется очень редко, и льняная нить практически не производится. Поэтому, чаще всего, для тканья используется шерсть. Но учиться ткать на шерстяных нитях очень сложно. Технику тканья на вертикальном станке в настоящее время не используют, поэтому исследователям приходится осваивать ее заново. Очень многие детали можно выявить, только с помощью практического исследования, методом исторической реконструкции.

Заправка нитей основы на вертикальном ткацком стане – сложное занятие, требующее аккуратности и осторожности. Верхняя перекладка ткацкого станка снималась с рамы. К ней привязывались нити основы таким образом, чтобы уже в начале заправки разделить их на две части – заднюю и переднюю. Закрепив их надежно, помещали

перекладину обратно. Нити основы висят до пола. Если они были закреплены, то их освобождали и отделяли переднюю часть от задней. Передние нити основы клали на постоянную перекладину. Теперь важно было не сместить переднюю часть и не деформировать нити. Следующий шаг – привешивание груза на нити основы. Для этого не обязательны грузики из камня или керамики, вполне можно было заменить их мешочками с песком или мелкими камешками. Вес грузиков зависит от материала, из которого ткется полотно, от скрученности нити и ее прочности. Вес подбирался в каждом случае индивидуально, для шерсти это обычно около 300 г. При постоянном перемещении нитей происходит их перетирание и поэтому грузик может способствовать разрыву нитей, а с другой стороны, грузики должны обеспечивать высокую степень натяжения нитей. В противном случае, полотно будет получаться слишком рыхлым и при снятии со стана просто развалится на руках. Поэтому нити основы всегда интенсивнее скручиваются во время прядения – ведь они должны выдерживать вес грузиков. Нити уток прялись из более мягкой шерсти, и более рыхло. Перед началом ткачества нити можно было обработать в жире или льняном масле, но лучшей смазкой был естественный покров шерсти. Тогда шерсть рвется и расслаивается несколько меньше, хотя и становилась неприятной на ощупь до тех пор, пока ее не обработали в щелоке.

Самое простое переплетение получается, когда образец проходит через передние нити основы, беря обратную нить между каждой из пар передних нитей, или каждая другая нить будет от задней части. Нужно было надежно закрепить разделитель и держать его на том же самом расстоянии, так чтобы навес открыл пространство, давая достаточное для проведения челнока место. Как только разделитель был привязан вокруг палки навеса, пробовали сделать это, поднимая его и потягивая на себя, перемещая его по вертикали. В итоге получился хороший навес, через который можно легко переплестать нити.

Для ткачества на простейшем горизонтальном стане подготовка к ткачеству производилась следующим образом [Савенкова, 2002]: нити основы сходили со сволока и затем разделялись, образуя зев с помощью ниченок,двигающихся попеременно вверх-вниз в противоположных направлениях. В зев вносилась уточная нить, которая прибавалась к опушке ткани бёрдом. Одновременно с прибором уточной ленты происходило закрытие старого зева и образование нового, при котором ниченки меняются местами. Далее процесс многократно по-

вторялся. Нарботанная ткань наматывалась на пришвицу, а в зону формирования ткани подавалась новая порция основы. После того, как вся основа в процессе ткачества сработалась, к ее концам можно было привязать концы основы с нового навоя. Эта операция называется привязыванием.

Снование. Успех работы во многом зависел от правильной подготовки. Прежде всего, нужно насновать основу. Рассмотрим снование основы на стене. Для этого надо вбить в стену шесть гвоздей. Нить завязываем узлом на первом гвозде стены, слева обводим ею второй гвоздь, затем ведем нить к другой стороне стены, обводим там вокруг третьего гвоздя и снова в обратную сторону. Так доходят до последних двух гвоздей, вбитых рядом, сделаем вокруг них восьмерку. Ведя нить обратно до первых двух гвоздей, в конце вновь делают восьмерку. Так насновываются две нити основы. Продолжаем в том же порядке, пока не наснуем нужное число нитей. После этого закрепим последнюю нить там же, где была закреплена первая. Закончив сновку, вдеваем в восьмерки толстый шнур и завязываем с обеих сторон узлом. Теперь можно очень осторожно снять основу с гвоздей и, чтобы не спутать нити, сразу же сделать из неё косу (так, как вяжут крючком петли верёвочки, но только руками). В таком виде основу можно хранить долго.

Навивать основу на сволок лучше было вдвоём. Один держал косу, постепенно отпуская её, равномерно натягивая основу, второй вращал сволок, наматывая на него основу. Еще до начала навивки нити должны были быть разобраны по порядку. Для этого двумя тонкими отполированными лучинками заменяли шнуры, проложенные в восьмерки. Основа была туго натянута, тогда нити легко разберались. Разделив их на пучки, распределяя основу равномерно по ширине, (для этого каждый пучок надевали на палочку и крепят её на сволоке), начинали навивку. Навивали очень медленно, следя, чтобы нити ложились на сволок строго перпендикулярно ему, ровно, без бугров. После навивки крючком пробировали нити сначала в ниченки, а затем в бёрдо. Проборку ведут чаще слева направо. Две первых нити пробировали в левый глазок первой от ткача ниченки. Третью нить пробировали во вторую от ткача ниченку, тоже в глазок и т.д. Нити должны были быть достаточно длинными, чтобы не выдергивались из глазков. В последний глазок ниченки пробирают две нити. Затем в таком же порядке и тем же крючком проводили проборку в бёрдо. По окончании проборки нити основы завязывали небольшими одинаковыми пучка-

ми в узлы, потом продевали в них тонкий металлический прут, который закрепляли на пришивце, как и пруток на сволоке. При этом добиваются одинакового натяжения нитей.

В случае если на ткацком стане уже выполняли процесс тканья и осталась основа, можно было выполнить привязывание, т. е. связать концы основы на стане с основой, навитой на сволок, (соответственно восьмёрке, деля все нити надвое) и протянуть через ниченки и бёрдо.

В процессе работы которого выяснилось, что достаточно большая часть технологий, которые применялись в средневековье, может быть подвергнута анализу и в дальнейшем реконструирована. Недостаток археологических источников ограничивает нас в изучении текстильных ремесел, но корневые технологии, хотя и вызывают некоторые споры, исследованы с практической точки зрения достаточно хорошо, для того чтобы на их основе с помощью дальнейших экспериментов можно было продолжать изучение раннесредневековых рукоделий и ткачества.

Литература

- Adwissor G. Birka. Systematische analysen der graberfunde. / G.Adwissor. - Upsala.: 1938.
- Arbman H. Birka. Die grabber. / H.Arbman. – Upsala.: 1938.
- Collingwood P. The Techniques of Tabletweaving. / P.Collingwood. – London.: 1982.
- Geijer A. Birka. Die textilfunde. / A.Geijer. – Upsala.: 1938.
- Nockert M. Bocksennannen. / M.Nockert. – Boras.: 1997.
- Hald M. Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. / M. Hald. – Copenhagen.:1980.
- A new museum is being built in Old Uppsala // Viking Heritage Newsletter. №3. – Oslo.:1997.
- Sempel L. Fröjel Gotlandic Viking Re-enactment Society. / L.Sempel // Viking Heritage Newsletter. №4. – Oslo.:1998.
- Василенко В.М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I в. до н.э. – XIII в. н.э. – М.: 1977.
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М.:1982.
- Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. - Тр.ИЭ, XXXI – М.: 1956.
- Левинсон-Нечаева М.Н. Ткачество // Очерки по истории древнерусской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып.43. – М.: 1967.
- Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА №123. – М.: 1963.
- Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси. – М.:2006.

Роэсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. – Спб.: 2001
Савенкова М.М. Ручное художественное ткачество. – Воронеж.: 2002.
Ткань. Ритуал. Человек. Традиции ткачества славян Восточной Европы. Ред.
Лысенко О.В., Комаров С.В. – СПб.: 1992.
An Introduction to Period Tabletweaving // <http://www.guntram.co.za/tabletweaving/docs/as2004/as2004.html> (по состоянию на 17.05.2008).

Р.В. Новожеев (Брянск)

Обращение польских медных солидов (боратинок) на территории Брянщины во второй половине XVII в.

Русско-польская война 1654-1667 гг. повергла в хаос денежные системы как Речи Посполитой, так и Российского государства. В ходе затянувшейся войны для удовлетворения спроса на наличность и финансовой стабилизации оба государства приступили к чеканке медной монеты. Официально ей придавалась завышенная стоимость. В России выпуск медных копеек закончился медными бунтами 1662 г. в Москве и других городах, показав полную несостоятельность таких методов решения финансовых проблем. Польша, воевавшая ещё и со Швецией, была в более трудном положении, так как приходилось пользоваться услугами наёмных войск, а это требовало регулярных больших расходов.

В 1659 г. монетный арендатор Тит Ливий Боратини, с позволения короля Яна II Казимира и польского сейма, взяв в аренду несколько монетных дворов, начал выпускать медный солид (шеляг, шиллинг), весом в 1,35 г. (рис.1). Полагают, что на внешний вид солида большое влияние оказала шотландская монета в 2 пенни («торнер»), которая появилась на рынке Речи Посполитой в 40-е годы XVII века вместе с эмигрантами-шотландцами. Новый номинал получил нереально высокий курс обращения в 1/3 гроша. Реальная же стоимость «боратинки», «боратынчика», так стали называть солид в польскоязычной литературе XIX века, составляла лишь 15% от заявленной номинальной: фунт меди стоил 15 грошей, или 45 солидов, но из него чеканили 300 солидов. Из этих 300 монет 171 штука шла в казну, 45 – на оплату сырья, а 84 – на производственные расходы, жалование монетчикам и в доход арендатора монетного двора.

Всего польско-литовскими монетными дворами было выпущено около 1 млрд. боратинок двух видов: 1) польской чеканки – с государственным орлом на реверсе, 2) литовской чеканки – с литовским гербом «Погоня».

Отсутствие должного контроля за чеканкой монет привело к значительному разбросу их качества. Порой фальшивые солиды оказывались лучшего качества, чем подлинные, так что рынок фактически признал их равноправным партнером государственной монеты.

В ходе затянувшейся войны Брянщина оказалась одним из центров боевых действий. Это обуславливалось тем, что она была разделена между Россией и Речью Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. и по итогам Смоленской войны 1632-1634 гг. Собственно Брянск был русским, но с севера (Смоленск, Рославль), с юга (Северские города) и с запада (Белая Русь) его окружали владения польской короны. Не раз в ходе войны польские отряды из Смоленска и Рославля пытались пробиться через Брянск к Почепу и Стародубу. В 1664 г. под Брянском русская армия была разбита польско-татарским войском, а сам город был взят и разграблен.

Рис.1. Медный солид литовской чеканки 1666 г. (увеличено).

Рис.2. Медная копейка царя Алексея Михайловича 1660-е гг. (увеличено)

И в ходе войны, и после неё, польско - литовская монета имела широкое хождение на территории Брянщины, в том числе и на русской её части.

Это обычное явление для Европы того времени. Добротная монета имела право на наднациональное обращение без учёта государственных границ. А в случае дефицита денежной массы, каковой наблюдался в исследуемый период не только в Польше, но и в России, в расчётах принималась даже медная некачественная монета.

На Брянщине сделано множество единичных находок и кладов, содержащих монеты польско-литовской чеканки XVII в. В общей их массе боратинки составляют значительную часть. Однако в кладах они встречаются редко из-за своей ничтожной стоимости. Боратинки в пограничных русско-польских землях выполняли роль самого мелкого номинала. Из-за нестабильности курса и недрагоценности металла не могли составлять сокровище, поэтому и не попадали в клады. Курс медного солида в 1660-е годы приблизительно составлял 5,3

в одной серебряной копейке массой 0,48 г или 6 солидов в одном серебряном гроше массой 0,56 г.

В 1983 г. в ходе раскопок Стародубской крепости было найдено 20 боратинок, 10 из которых в виде слипшегося комка. Вероятно, они находились в полотняном или кожаном кошельке. Возможно, его потерял польский жолнер или местный казак. Такая сумма (около двух грошей) была дневным прожиточным минимумом в середине XVII в. А так как одной из главных целей выпуска боратинок было погашение задолженности польской короны перед армией, то определенное количество новых денег могло поступить и в Стародубский гарнизон.

В процессе раскопок 1985 г. на многослойном сельском поселении в урочище «Борки» недалеко от Погара, был найден ещё один медный солид. Боратинка 1660 г. выпуска была обнаружена в 1998 г. во время шурфовки селища Хотылево-18 Брянского р-на.

Брянщина, будучи пограничным регионом и окраиной для Речи Посполитой и России испытывала в годы войны дефицит денежной массы. И здесь ограниченный период времени имели хождение и ценность даже неполноценные номиналы. Боратинками могли производиться лишь мелкие, частные расчёты. Скорее всего, после окончания войны и стабилизации экономической ситуации в России и Польше медные солиды потеряли всякую ценность и были вытеснены полноценной серебряной копейкой в России и грошем в Польше. За развал польских финансов Тит Ливий Боратини был привлечен к суду, но блестяще и категорически отверг все обвинения, и в свою очередь предъявил счет польской короне на полтора миллиона злотых как сумму личного ущерба, понесенного им в «бескорыстной» борьбе за спасение финансов Речи Посполитой. Эта акция с его стороны увенчалась полным успехом: претензии посчитали справедливыми и суммы были уплачены. Боратини еще на два года остался арендатором Краковского монетного двора, вновь открытого в 1667 году специально для того, чтобы «пострадавший» смог получить свои полтора миллиона.

Литература

Археологія і нумізматыка Беларусі. – Мн., 1993.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. 4-е издание. – Львов, 1980

Полозов И.М., Поляков Г.П. Клады рассказывают. О развитии денежного обращения на Брянщине. – Брянск, 1992.

Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. – Мн.: Польшья. 1995.

Рябцевич В.Н. О чем рассказывают монеты. – Мн., 1977.

В.М.Пусь, В.М.Ещенко (Стародуб, Козельск)

Табакочурение и курительные трубки Стародубщины XVII–XX веков.

Самые первые курительные трубки – люльки – изготавливались из глины. Должного внимания им исследователями пока не уделялось. Вышли в свет несколько публикаций белорусских ученых – В.Угрыновича, В.Соболя, Н.Здановича, А.Трусова и О.Левко. Есть небольшая статья А.Чекановского, посвященная люлькам Украины, и С.Хольчика – о словацких трубках. К сожалению, почти все известные статьи носят описательный характер. Научных работ, посвященных данной теме, по нашему краю нет. Исключение составляет лишь десятилетней давности небольшая статья автора о трубках XVII–XVIII вв. (См.: Деснинские древности-II), а также неопубликованный доклад автора на краеведческой конференции, посвященной культуре и истории Стародубщины (2001 г.). Ликвидации этого пробела в истории мелкой пластики и должно послужить данное исследование люлек Стародубщины (под этим регионом будем подразумевать центр и юго-запад современной Брянщины).

Первыми табак стали применять индейцы майя в Мексике. Во время религиозных обрядов они сжигали его листья, а дым вдыхали через тростниковую трубочку. Таким образом, они привыкли курить, а трубки (уже курительные) сделались у них символом дружбы. Позднее табаком стали наполнять свитки пальмовых листьев – получались своеобразные сигары. Прибыв 2 ноября 1492 года на Кубу, Колумб видел туземцев, куривших свернутые табачные листья. Испанский монах Роман Панно, сопровождавший его в путешествиях, первым привез табак в Европу. Как экзотическое растение он долго разводился только в ботанических садах или же использовался благодаря его лекарственным свойствам, которые ему приписывались. Первая в Европе сигара была выкурена участником экспедиции Колумба – матросом Родриго де Хересом. За это он был заключен в тюрьму на 10 лет. Но, несмотря на столь строгие меры, курение в Португалии получило быстрое распространение. Растение, выращивавшееся в Испании с 1558 г., стало использоваться и во Франции, Англии, Италии. Во Францию табак привез французский посол Жак Нико. В честь него и было названо главное активное вещество в табаке – никотин. Кстати, два других известных француза стали азартными собирателями курительных трубок. Это кардинал Ришелье и генерал Ван Дамм. Раньше табак не только курили, но и жевали, нюхали. В XVII в. его не всюду употребляли и даже не везде знали о нем. В Швеции, при королеве Христине, жители поморского городка, на-

шедшие в обломках корабля несколько свертков табака, приняли его за оборванные веревки и выбросили.

С распространением курения в Европе стали появляться и первые запреты на это пагубное увлечение. Во Франции и Швейцарии в XVII в. был введен временный запрет на табак. Папы Урбан VIII в 1684 г. и Иннокентий XII в 1690 г. предали его проклятию, а употреблявших табак отлучили от церкви как соблазнительных и еретиков; и лишь со временем этот запрет был снят. В Турции султан Амурат в 1625 г. велел курильщиков водить по улицам с петлей на шее, потом казнить их и выставлять отрубленные головы с трубкой на всеобщее обозрение. В конце XVI в. табакокурение широко распространилось в Польше и Белоруссии, а в начале XVII в. – в Украине и России. Данные для изучения табакокурения в России содержатся в литературных произведениях, а также в текстах царских указов и правительственных законов 1634, 1684 и 1697 гг., и Соборного Уложения 1649 года.

Проникновению табакокурения в эти регионы способствовали события Смутного времени. Однако, среди населения и властей отношение к нему не всегда было однозначным. Уже в начале XVII в. русское духовенство, а затем и правительство обратили внимание на широкое распространение курения среди народа. Табак считали «проклятым и богомерзким зельем», его употребление было запрещено правительством в 1634 г. Например, в 1646 г. была даже введена казенная монополия на торговлю табаком в Сибири. Но после некоторых колебаний правительство в Соборном Уложении 1649 г. вновь запретило его употребление и торговлю им. Обычная практика наказаний нарушителей до 1697 г. ограничивалась морально-материальной и телесной экзекуцией. Так, за два-три привода по этому делу людей пытали и били кнутом. За привод более трех раз в местные воеводные избы – рвали ноздри, резали носы и ссылали в дальние города. Чуть реже наказывали штрафом за корчемство. Если эти нормы ранее касались, главным образом, Москвы, то по Уложению 1649 г. – уже всей территории Русского государства. В 1683 г. вышел указ, по которому черкасов (малороссиян) и иноземцев, идущих из Малороссии в Великороссию, предписывалось отсылать обратно, а табак отбирать и уничтожать. За выполнением указов в русских городах строго следили. Во времена запретов табак выращивали только в Малороссии.

Распространению на Стародубщине табака из Малороссии способствовали социально-политические факторы: Смутное время, вхождение в состав Речи Посполитой (1618-1654 гг.), многочисленные войны и восстания; политическая, экономическая и социальная стабильность региона. Табак начали выращивать здесь, вероятно, в XVII

веке. Однако каких-либо данных о его производстве этого времени нет. Можно лишь догадываться, что это были участки мелких собственников (крестьян, казаков, мещан). Более определенно можно сказать о разведении табака в Черниговской губ. в середине XIX в. (исходя из статистических материалов). Так, в 1853 г. собиралось 442442, а в 1860 г. – 292787 пудов табака, что не очень много по современным меркам. Около 100 тыс. пудов ежегодно продавалось в др. города, принося доход до 650 тыс. руб. серебром. Табачных фабрик на Черниговщине не было вплоть до XX века. В XVII – XIX вв. (да и сейчас в частных хозяйствах) на территории Стародубщины выращивалось несколько сортов табака (в основном, простого): тютюн (желто-бурого цвета), бакун (желто-зеленого цвета), которые шли на приготовление махорки и рубанки (более крепкой).

Несмотря на строгие запреты, русские люди курили тайком. В Россию табак нелегально привозили англичане, литовцы и малороссияне. Во время путешествий по Европе царь Петр Алексеевич убедился, что остановить распространение табака невозможно и лучше даже разрешить его употреблять – хотя бы финансовая выгода будет. Известно, что и сам царь был большим любителем выкурить трубку. 1 февраля 1697 г. всем было дозволено употреблять и продавать табак, за исключением иностранцев (этот день можно считать Днем курильщика). Но уже в 1698 г. в России разрешили продавать табак англичанину Кармартену, а затем и другим. С тех пор употребление табака в России не возбранялось, а с 1723 г. в законодательном порядке русских людей обязали выращивать табак. Лишь с 2002 г. вводятся в нашей стране некоторые ограничения на производство сигарет с повышенным содержанием смол, а также на курение в общественных местах – под угрозой штрафа. Как будет дальше развиваться табачная промышленность и табакокурение, покажет будущее. Надо отметить, что курение столь прочно вошло в нашу жизнь, что без него многие уже не мыслят своего существования. Многие русские люди были заядлыми курильщиками и раньше. И одной из причин запрета табакокурения в России (Указ 1634 г.) было то, что многие прокуривались «до нитки». Цена пуда табака в 1634 г. – 100 руб., а в 1860-м г. пуд стоил всего 6 руб. 50 коп. В XVIII веке люди на табак тратили денег больше, чем на алкоголь.

Продажа табака (наряду со спиртными напитками, солью и др. товарами) считалась корчемством. Оттуда и пошло старинное выражение «пить табак», а курильщиков называли «пропойцами» и «питухами». На территории Стародубщины с середины XVII в. обосновались старообрядцы. Они табак не употребляли. Курильщиков же сравнивали с дьяволом и говорили, что те «крест на щепотку табака променяли». Сейчас отношение к курению в их среде неоднозначное,

а до середины XX века – было негативным (об этом свидетельствует такой факт: в старообрядческих поселениях, за исключением Ново-зыбкова, краеведами не обнаружено ни одной курительной трубки).

Жители Малороссии (особенно - казаки) были страстными охотниками до табака. Неотъемлемым атрибутом казаков XVII – XVIII вв., кроме лошади и сабли, была и люлька (трубка). У каждого она была особенная, хранилась, кстати сказать, как амулет, и ее потеря была недоброй приметой. Люльку носили на поясе -привязанной к кисету с табаком – или на шее, на бечевке (на Стародубщине был найден и такой экземпляр). Сам процесс курения отличался от нынешнего. Перед курением в люльку вставляли деревянную полу трубочку-чубук (обычно – кленовую). Раскурить люльку было делом трудным, ведь даже огонь до середины XIX в. добывали с помощью кремня и кресала (огнива), которые тоже носили на поясе в кисете. Поэтому курили не часто. Да и выкурить целую трубку было не всем по силам. Из-за большой дозы кружилась голова, многие накуривались до тошноты и всякой чертовщины. Как правило, каждый курильщик, подсыпая в табак разные добавки, делал свой табак неповторимым по вкусу и имел личную необыкновенную люльку. Взаимоотношения курильщиков отразились даже в тогдашних малороссийских пословицах и поговорах: «кали ты курец, имей свою люльку и тютюнец», «дело вместе, а табачок врозь», а также «дело – табак».

Остановимся на производстве люлек. Письменных данных о его технологии не существует. Можно лишь предполагать, что сам процесс был не очень трудоемким, а потому мог осуществляться в маленьких ремесленных мастерских. В них, судя по всему, работал сам хозяин, его дети, помощники. По утверждениям старожилов, такие мастерские действовали в районе современных пос. Белоусово и Каменчуковка Стародубского р-на, где залегают слои глины, а также в с.Пантусово с его месторождением особой зеленой глины. Но ни письменных, ни археологических доказательств этому нет. Такие мастерские, вероятно, были и в Стародубе. Ведь для изготовления нескольких десятков люлек нужны были лишь ведро глины, формы и печка. Остатки такой печки были обнаружены несколько лет назад в Стародубе – в районе «Гудовка» – местным жителем (П.Г.Лысогор) при обработке огорода.

В 2005 г. в с.Дедово, благодаря М.И.Штуко, была обнаружена трубочная мастерская. Недалеко от жилища хозяина-ремесленника находился небольшой сарай-навес. Он был расположен у подножия земляного вала, в 20 м от небольшого ручья. У задней стенки навеса располагалась печь, примыкавшая прямо к земляному валу. Она была почти круглой формы, диаметром около 1,5 м и высотой с метр. Низ

печи был глинобитный, а свод сооружён из кирпича сырца – уже изрядно обожженного. Под навесом мастер мог формировать изделия, а затем обжигать их в печи. К сожалению, остатков продукции (за исключением нескольких фрагментов керамики) там обнаружить не удалось.

В XVIII–XX вв. на Стародубщине работало не менее десятка таких мастеров-кустарей, которые были, видимо, неграмотными: на свои изделия они ставили клейма в виде рисунков, а не букв. Конечно гне стоит отрицать факт завоза изделий, однако вряд ли это было массовым явлением.

Скорее всего, самыми ранними и массовыми были курительные трубки из дерева. Их вырезали и высверливали из подходящих по форме кленовых и ясеневых комлей. Такое производство существовало вплоть до середины XX века. Но ни одного экземпляра той поры не сохранилось. Для курения, по свидетельству очевидцев, использовались даже коровьи рога, но речь ниже пойдет об изготовлении только глиняных трубок-люлек.

Люлька состоит из нескольких частей: из головки – цилиндрической формы со скругленным низом – и цэвки с отверстием для чубука. Внутри головки есть «мисочка», куда набивался табак. «Мисочку» связывает с цэвкой и чубуком небольшого диаметра отверстие, которое делалось в последнюю очередь. Никаких стандартов для люлек не было, они делались различных размеров и форм, хотя некоторые их параметры изменялись в разные столетия – в зависимости от моды и потребностей курильщиков. Существовало два способа их изготовления: 1 – путем лепки на гончарном круге и последующей ручной обработки; 2 – с помощью деревянных формочек.

Обнаружено несколько плохо сохранившихся трубок ручной лепки, вероятно сделанных, с помощью гончарного круга. Такой способ присущ, скорее, более ранним образцам XVII века (или пробным более позднего времени). Он был сложным и долгим, поэтому уступил место более простому. Все найденные экземпляры XVII–XIX вв., описываемые ниже, создавались с помощью деревянных и каменных форм. Они состояли из двух половинок, некоторые были украшены простым узором. В форму набивали глину, а затем вытесняли ее излишки с двух сторон разными приспособлениями. Заготовку вынимали из формы и украшали более тонкими узорами. Их наносили вручную с помощью штампиков с изображением колечек, елочки, цветков, листочков и т.д. Некоторые трубки украшались только с помощью тонких палочек – росписью по заготовке. Украшенная люлька обсушивалась, иногда ее покрывали глазурью (обычно – зеленой), некоторые погрешности могли затираться водой и сырой глиной, и тогда люлька блестела. Ну и, в конце концов, она обжигалась в печи.

Некоторые обжигались особым способом (без доступа воздуха) и получались задымленными. За день мастер мог сделать в одиночку десятки экземпляров, производительность зависела от спроса на продукцию.

При изучении люлек использовались фонды краеведческих музеев центральной и юго-западной Брянщины, а также частная коллекция Т.Яценко. На территории восточной Брянщины люлек обнаружено не было. Всего было выявлено около 100 экземпляров, причем 3/4 из них найдены в Стародубе. Стародубские мастера были «законодателями мод» и монополистами производства люлек на всей территории бывшего Стародубского полка.

Люльки XVII в. В начале XVII в. табакокурение началось, а к середине столетия со всеми атрибутами прочно вошло в жизнь местного населения. Для этого периода характерно массовое использование чернолощенных (задымленных) люлек. Их поверхность украшена простым орнаментом в виде линий, колечек, ямочек. На многих имеются следы от вращающегося колесика (раделка): от него остался пунктирный след, обычно украшавший головку трубки. Имеются люльки с нарезным, винтообразным верхом головки. Конец цевки-чубука имеет шарикообразный выступ, который выделяет их из общей массы типичных изделий.

Люльки XVII – начала XVIII вв. Следует отметить, что формы и способы изготовления люлек не менялись радикально, да и даты изготовления на них не ставились, поэтому разделить их производство по векам можно лишь условно. Начиная со второй пол. XVII в., при изготовлении люлек стала использоваться глина и более светлых тонов. Их расцветки становятся разнообразнее: черные, серые, белые. Некоторые покрывались поливой зеленого цвета (4 экз.). Техника изготовления оставалась прежней – ручное вытеснение в формах. На этих изделиях часто виден шов от двух половинок формочек. Все они имеют очень изогнутую форму – с высокой мисочкой для табака, и в большинстве своём выглядят миниатюрно (длиной 3-4 см). Конец люлек был выполнен в виде приплюснуто-срезанного шарика с колечком-ободком. От него отходил выступ для чубука, особенно в белых люльках. Изделия украшались самым разнообразным орнаментом, наносимым с помощью металлических и костяных штампов. Типичными были сложные декоративные узоры геометрического растительного орнамента: треугольники, линии, цветочки, веточки, звездочки и т.д. Иногда трубки имеют грани на боках головки. Изделия этого периода встречаются на рассматриваемой территории чаще всего. Некоторые из люлек, найденных на Стародубщине, окрашены в различные цвета (красный, голубой, желтый и т.д.).

Люльки XVIII в. Речь об изделиях начала века уже шла выше. Для изготовления люлек, близких по времени к середине XVIII в., использовалась, в основном, глина желтых и красных тонов. Изделия того периода имеют самый разнообразный и диковинный вид (голова зверя, лодочка, колокольчик, винт и т.д.). Начиная с середины века, многие трубки помечаются мастерскими клеймами. Кроме сложных форм, они украшены и сложным орнаментом, нанесенным, в основном, с помощью штампов. Самые распространенные типы узоров: «волово око», «елочка», «листочки», «соты» и т.д. Практически все украшены и раделком. Следует отметить, что популярность его у мастеров XVII–XVIII вв. была очень высока. Люльки делаются более массивными, с большой мисочкой для табака; делалось это, чтобы не обжечь пальцы рук, а также как дань тогдашней моде – делать трубки с тупым углом между головкой и чубуком. Длина достигает уже 7-8 см. Отличаются они и по цэвке. На ее конце место для чубука сглажено, закруглено без выступа, украшено орнаментом. Не видно и шва посередине люльки, он сглаживается. Необходимо отметить, что подобные изделия встречаются не только на Стародубщине, но и близлежащих к ней украинских и белорусских землях. В нашем регионе таких люлек встречается очень много, причем с разными клеймами. Отсюда можно сделать предположение об их производстве у нас на Стародубщине.

Люльки XIX-XX вв. Все люльки, которые удалось отнести к этому времени, изготовлены из глины преимущественно желто-красных тонов. Они отличаются от более ранних изделий техникой изготовления и орнаментом. Их размеры несколько уменьшаются – до 5 см в длину – и люльки не кажутся уже такими массивными. Все найденные изделия имеют блеск от ангоба (покрытие поверхности тонким слоем глины до обжига). В результате этого устраняются дефекты поверхности (трубка выглядит выполненной из целой массы, без видимого шва от формочек). Все детали сглажены. Конец цевки имеет лишь гладкий обрезанный край. Люльки украшены очень слабым, редким и схематическим орнаментом в виде цветков, солнышка, цепочки и т.д. Край головки часто имеет выступ с гранями. Некоторые имеют клейма мастеров. Судя по всему, глиняными трубками пользовались вплоть до конца XIX века; в конце XIX – начале XX века, благодаря промышленному выпуску бумаги и спичек, в среде простонародья стали распространяться «самокрутки» и «козьи ножки». Уже к середине XX в. они повсеместно завоевали предпочтения курильщиков быстрым и простым изготовлением. Массовое производство люлек в конце XIX – начале XX века прекращается.

**КРАТКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ГЛИНЯНЫХ ТРУБОК - ЛЮЛЕК СТАРОДУБЩИНЫ XVII - XX вв.**

Элементы сравнения	XVII век	Рубеж XVII - XVIII веков	XVIII век	XIX -начало XX века
Цвет (глина)	Черные, серые	Поливные, бело-серые	Желто-красные	Желто-красные
Элементы рисунка (украшение)	Простые, (кружочки, линии геометрический узор).	Сложные (растительные узоры, звездочки, декоративность)	Сложные, в основном, штампованные («волово око», «елочка» и т.д.).	Упрощение и схематичность (цепочки, растительные и геометрические узоры).
Клеймение	Нет	Нет	Появилось	В основном, есть
Чубук (цевка)	Конец Шарикообразный с выступом	Имеется на конце кантик колечко или обрезан с выступом	Имеет сглаженный выступ, закруглен, но украшен	Конец сглажен без выступа
Особенности изготовления	Вытеснение - выдавливание в форме, видны 2 части люльки. Лепнина (круг).	Вытеснение - выдавливание в форме, видны 2 части люльки.	Вытеснение - выдавливание, люлька покрыта ангобом.	Вытеснение, лепнина. Поверхность тщательно потянута (глянцевая).
Длина и форма люльки	4-5 см. Миниатюрные	4-5 см. Миниатюрные	5-7 см. Массивные	4-5 см Средние
Примерное соотношение	25%	30%	25%	20%

В Стародубе найдена одна курительная трубка, головка которой выполнена в виде античной красавицы. Она фарфоровая и, вероятно, привозная, т.к. технология изготовления и сама она отличаются от подобных изделий Стародубщины. Правда, простой люд до середины XX в. использовал деревянные трубки. С середины XX века место трубок окончательно завоевывают папиросы и сигареты. В немалой степени у нас способствовала этому Погарская папиросно-сигаретная фабрика, работа которой – отдельная страничка истории Брянского края. Люльки ушли в небытие. И встреча с человеком, курящим трубку, сегодня -- большая редкость.

Данное исследование нельзя считать исчерпывающим. Дальнейшее изучение темы зависит, прежде всего, от нового материала, выявление которого – дело будущего.

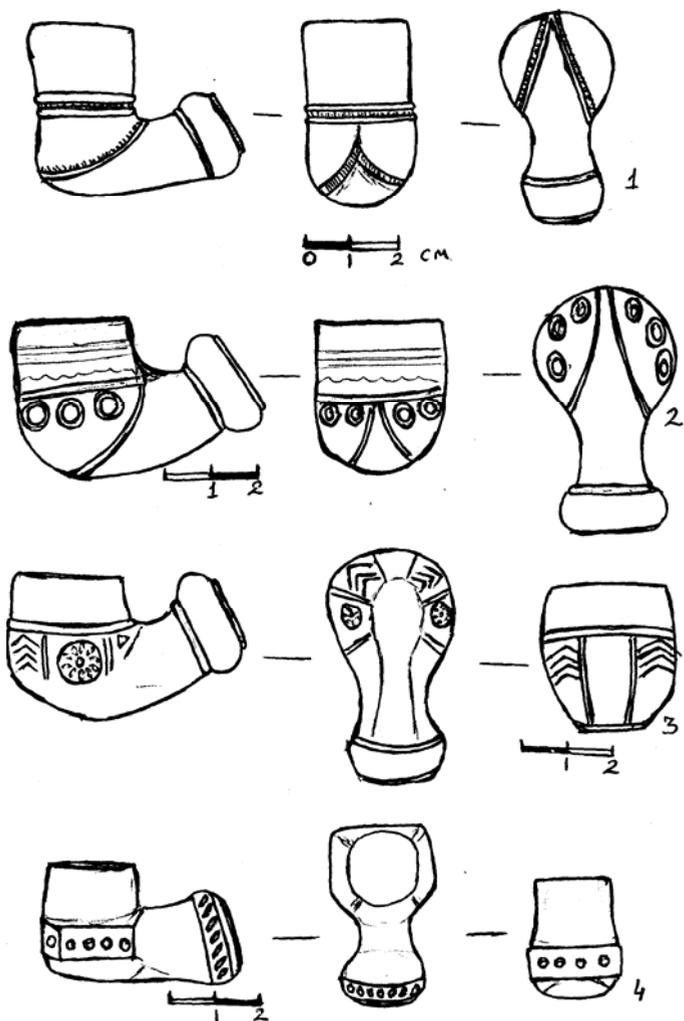

Рис.1. 1 - Люлька чернолощенная. Начало - середина 17 в., реконструкция. 2 - Люлька чернолощенная. Середина 17 в. 3 - Люлька сероглинная. Вторая пол. 17 - начало 18 в. 4 - Люлька чернолощенная. Конец 17 - первая пол. 18 века.

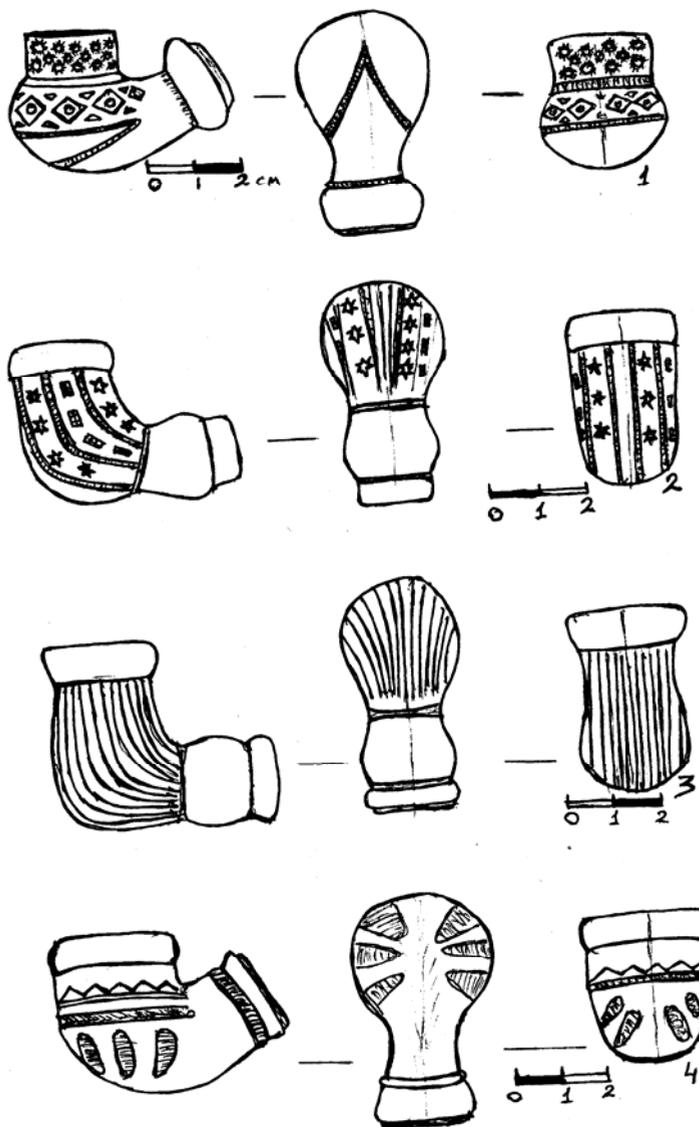

Рис.2. 1 - Люлька белоглиняная. Вторая пол., 17 - начала 18 вв. 2 - Люлька белоглиняная. Конец 17 - первая пол. 18 вв. 3 - Люлька белоглиняная. Конец 17 - первая пол. 18 вв. 4 - Люлька сероглиняная. Вторая пол. 17 - начало 18 века.

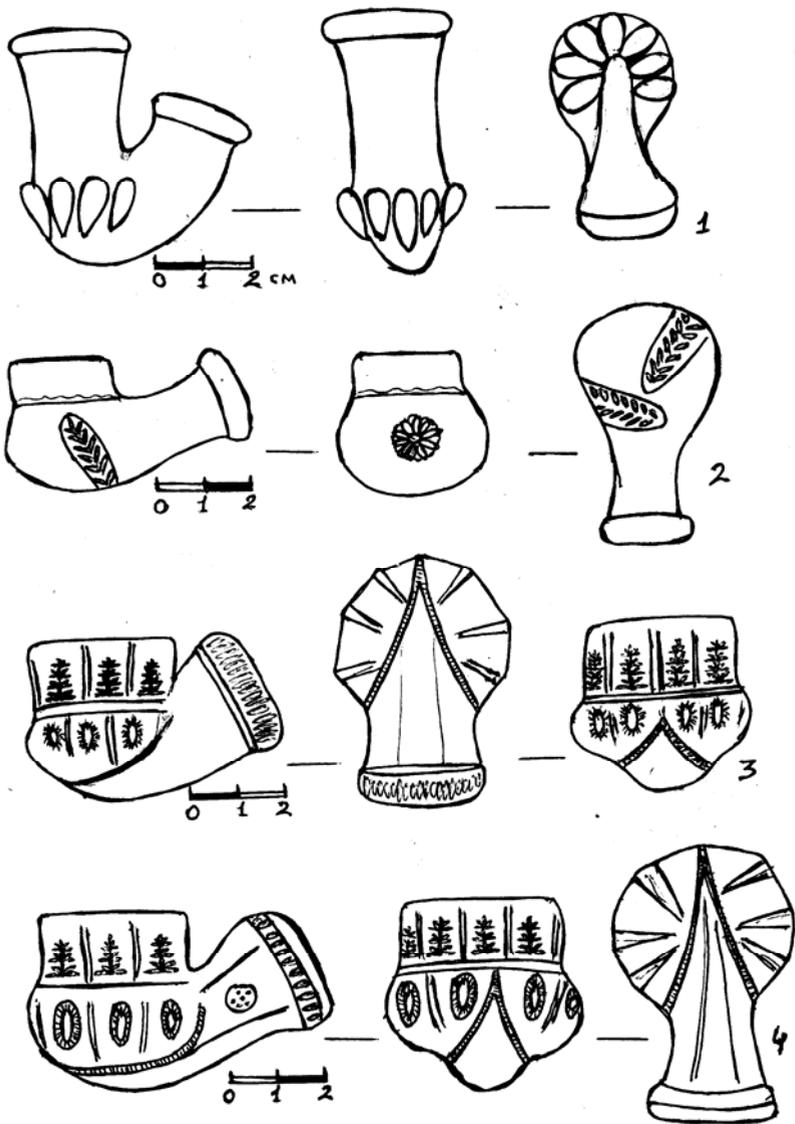

Рис.3. 1 - Люлька муравленая. Вторая пол. 17 -начало 18 вв. 2- Люлька муравленая. Вторая пол. 17 -начало 18 вв. 3 - Люлька желтоглиняная. Середина 18 века. 4- Люлька красноглиняная. Середина 18 века.

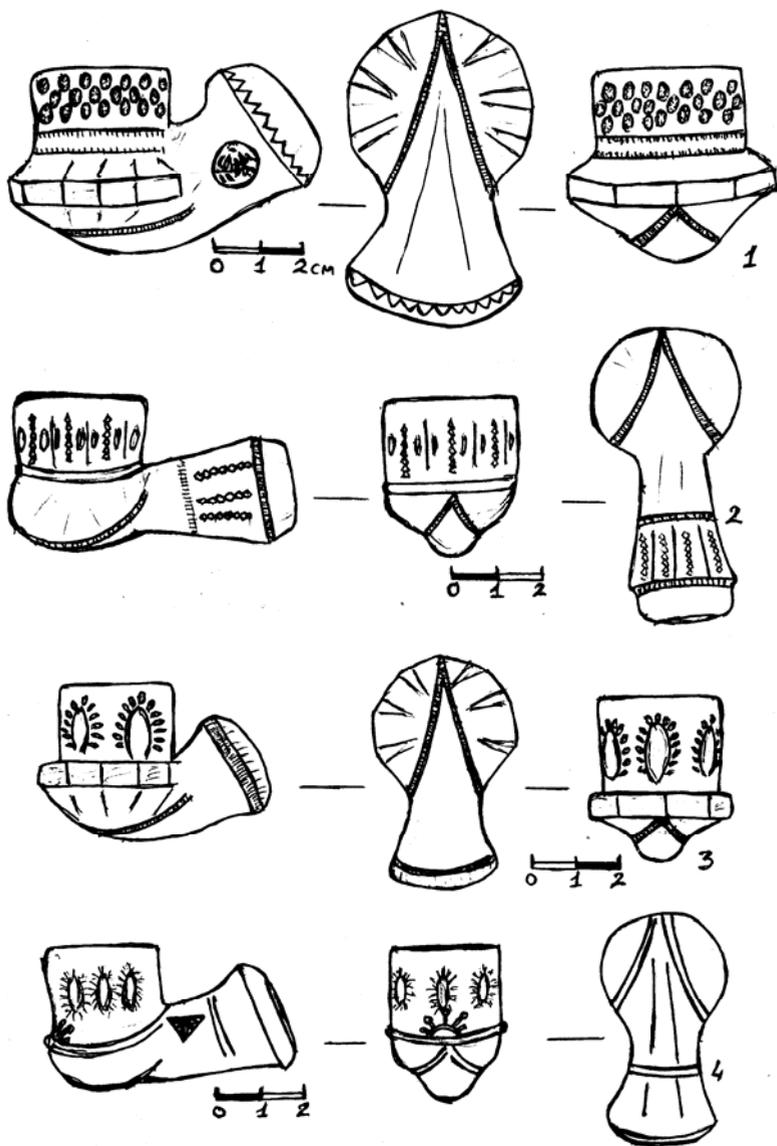

Рис. 4.1 - Люлька красноглиняная. Вторая пол. 18 - начало 19 в в. 2 - Люлька желтоглиняная. Конец 18 - начало 19 в в. Реконструкция. 3 - Люлька желтоглиняная. Конец 18 - первая пол. 19 в в. 4 - Люлька желтоглиняная. Первая пол. 19 в. Реконструкция.

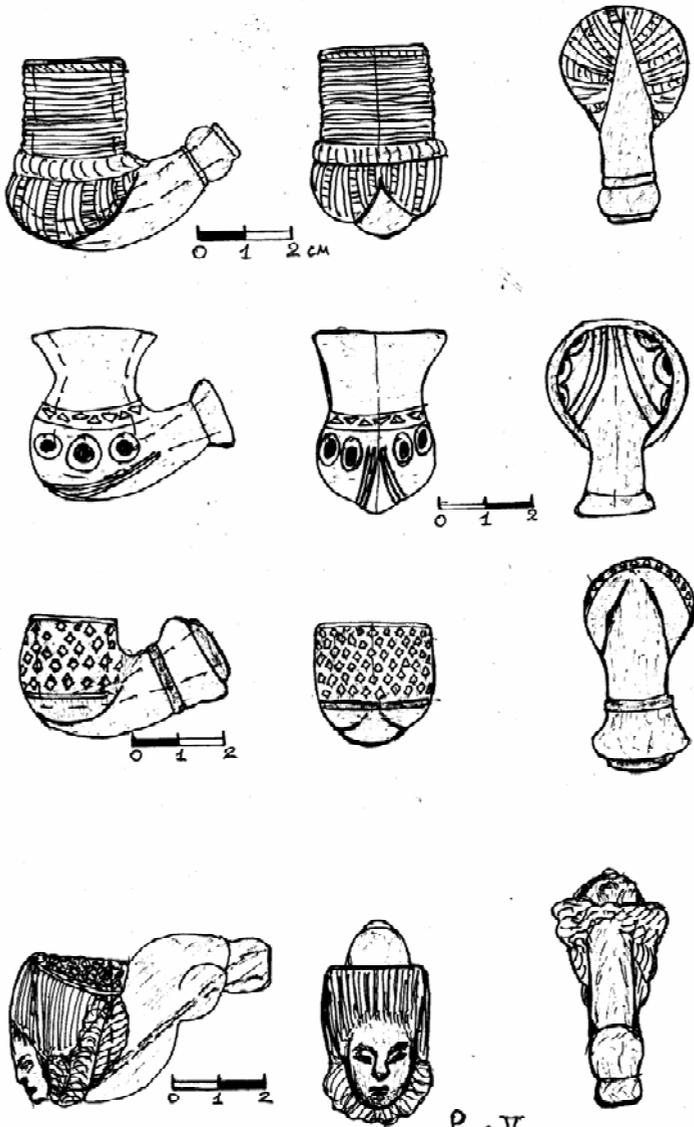

Рис. V

Рис.5. 1 - Люлька чернолощеная. Вторая пол. 17 в. 2 - Люлька белоглиняная. Начало - середина 18 в. 3 - Люлька белоглиняная разноцветная. Середина 18 в. 4 - Люлька фарфоровая. Конец 19 - начало 20 века.

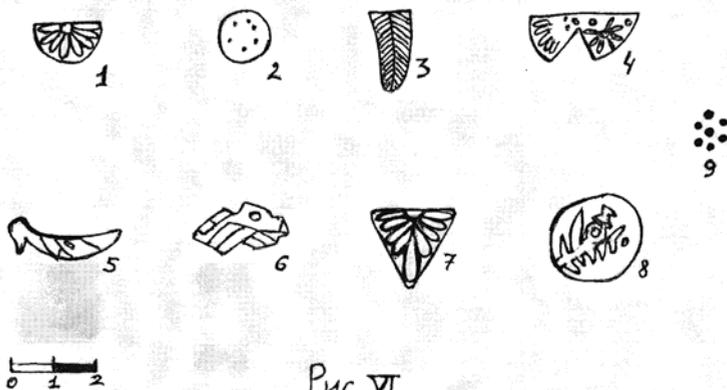

Рис. VI.

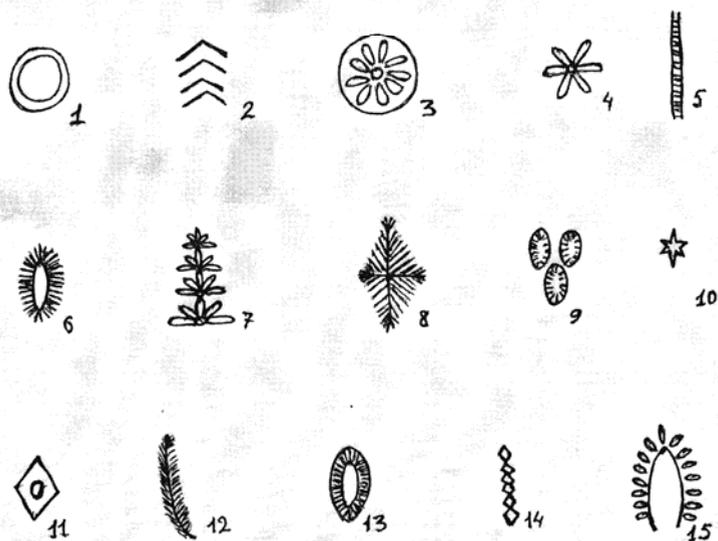

Рис.6. Клейма мастеров. 1-Клеймо «ромашка», 18 век. 2-Клеймо «колесо», 18 в. 3-Клеймо «листок», 18 в. 4-Клеймо «очки», 18 в. 5- Клеймо «уточка». 18 век. 6-Клеймо «лошадиная голова». 19 в 7 -Клеймо «лепестки». 19 век. 8 - Клеймо «роза-репейник», 18 в. 9- Клеймо «точки». 18 век.

Рис.7. Виды штампелей. 1-5 - Штампели 17 в. («колечко», «уголки», «ромашка», «снежинка», «раделка»). 6-13. Штампели 18 в. («воловье око», «елочка», «соты», «звездочка», «бубна»). 14-15. Штампели 19 в. («цепочка», «кактус»).

**История становления Брянского княжества,
родословная и деяния князя Романа Михайловича
в свете традиционных источников.**

Анализ опубликованных в печати летописных источников по проблемам, связанным с историей южной Руси, Брянского княжества, жизнью и деятельностью князя Романа Брянского, позволяет сделать неутешительные выводы о том, что летописцы либо были мало осведомлены о происходивших там событиях, либо негативно к ним относились и сознательно «скрыли» многие факты из истории враждебной им земли, либо просто механически списывали только то, что отвечало современной политической ситуации. В результате, одна из самых выдающихся личностей в истории Руси XIII в. -- князь Роман Михайлович Брянский -- оказалась забытой и едва не вычеркнутой из исторической памяти.

Имя основателя Брянского княжества, великого князя Черниговского, победителя «всей силы Миндовговой», сумевшего отстоять свои земли в тяжелое для Руси время и счастливо избежать столкновений с монголо-татарами, редко встречается на страницах русских летописей. Что же касается владими́ро-суздальских и московских летописей, то они, практически, хранят молчание о князе Ромane. Так, в Московском летописном своде 1518 г. при перечислении потомков князя Михаила Черниговского сообщается: «...князь великий Роман Черниговский бездетен и не родословился...»(1). И это все!

Почти во всех же прочих летописях восточной Руси о Ромane Брянском нет даже упоминаний. Такое молчание, особенно для летописей, близких по времени к той сложной исторической эпохе, в которой жил брянский князь, следует рассматривать не только как отражение узко регионального характера летописей, но и трагического фактора: разгрома Черниговского княжества монголо-татарами, а затем и захвата русских земель Литвой. При жестоких погромах и пожарах гибли бесценные документы, а возможно, и целенаправленно уничтожались завоевателями.

В тех же летописях, которые сохранились, заметна общая тенденция негативного отношения летописцев ко всем потомкам князя Святослава Ярославича (1027-1076), соперникам и даже врагам владими́ро-суздальских князей. Даже отец Романа Брянского – князь

Михаил Всеволодович Черниговский – сохранил, в целом, положительную оценку лишь благодаря его религиозному подвигу в Золотой Орде -- мученичеству во имя веры. Если же изучать описания событий на страницах летописей, приходящихся на ранний период жизни отца князя Романа Брянского, то придется признать, что его вполне могло ожидать историческое забвение. Так, несмотря на официально зафиксированную дату рождения князя Михаила Всеволодовича – 1179 г. (2), она вызывает серьезные сомнения.

К примеру, Н.М.Карамзин, описывая события 1223 г. накануне битвы с татарами при Калке, называет князей Даниила Волынского и Михаила Всеволодовича «пылкими юношами» (3). Слова, близкие по смыслу этой фразе, встречаются и др. русских летописях (4).

Нетрудно подсчитать, что в этом году князю Михаилу, судя по общепризнанной дате рождения, было 44 года. А это был уже не молодой возраст в тогдашнем понимании!

Скорее всего, отец Романа Брянского действительно был молод к 1223 году, в чем не ошибались летописи разных регионов Руси, и по возрасту был близок к Даниилу Романовичу, которому был в то время 21 год. К такому же выводу приходишь, изучая и те скудные сведения, которые дошли до нас о сыновьях князя Михаила. Так, в Новгородской второй летописи под 1230 г. сообщается, что «...князь Михаилу сотвори постриги сынови своему Ростиславу в Новгороде у святей Софии и у Спиридонъ владыко» (5).

Отроческое пострижение княжичей обычно осуществляли в возрасте 6 лет, т.е. княжич Ростислав, старший сын Михаила Всеволодовича (6), родился где-то в 1223-1224 гг. Последовательность рождения остальных сыновей Михаила Черниговского следует принимать, с известной долей условности, по их перечислению в летописных и прочих источниках: Роман, Мстислав, Симеон и Юрий (7).

Учитывая наиболее активный детородный возраст, приходившийся, как правило, на первые полтора десятилетия после заключения брака, следует признать, что князь Михаил к 1230 г. был молодым отцом (чего не скажешь при его официальной дате рождения) (8).

Исходя из этого, удается предположить, что Роман Брянский, второй сын Михаила Черниговского, родился около 1225 г.; судя по всему, в Чернигове, поскольку к тому времени его отец уже прочно овладел этим стольным городом, оставшимся ему после гибели в 1223 г. в битве на р.Калке великого Черниговского князя Мстислава Святославича, дяди князя Михаила. Матерью князя Романа была дочь

Романа Мстиславича Великого и родная сестра Даниила Романовича Галицкого (9), Агафья. По отцовской линии бабушкой Романа Брянского был Всеволод Святославич Чермной, великий князь Черниговский и Киевский, умерший в 1215 г.; а вот кто была бабушка? Под 1179 г. Ипатьевская летопись сообщает, что «...приведе Святославъ за Всеволода за середнего сына женоу из Ляховъ Казимерноу во Филиппово говенье» (10). И тут же следует: «Того же лета преставися княгиня Всеволожая приемши на ся чернеческою скимоу. И положена быть в Киеве оу святого Кюрила юже бе сама создала» (11).

Была ли княгиня Мария Казимировна матерью отца Романа Брянского? В пользу такого утверждения свидетельствует Ипатьевская летопись, в которой Михаил Черниговский назван племянником Конрада Мазовецкого, брата Марии Польской (12). Однако в этом случае придется согласиться с очень сомнительной датой рождения Михаила Всеволодовича, признать, что смерть молодой княгини Марии связана с родами сына, и, наконец, что начало года летописец Ипатьевского списка вел с 1 сентября (13). Известно, кроме того, что у Всеволода Чермного, помимо сына Михаила, были еще дети - две дочери (14) и сын Андрей (15).

Если внимательно изучить эти сведения, нетрудно сделать вывод, что Всеволод Чермной был женат, по крайней мере, еще раз, ибо перечисленные дети никак не могли родиться от Марии Казимировны. Не исключается, что новая жена Всеволода, возможно, еще одна польская королевна того же рода, была и матерью князя Михаила Всеволодовича!

По материнской линии, бабушкой Романа Михайловича была умная и энергичная княгиня, правившая после смерти мужа Галицкими землями почти полтора десятка лет. По одним данным, ее имя было Анна, и происходила она от византийских императоров - то ли Исаака II, то ли Алексия III; по другим - Мария из рода византийских магнатов Каматерасов, по третьим - была даже дочерью одного из родовитых волыньских бояр (16).

Не освещена в источниках и женитьба самого Михаила Всеволодовича. Неизвестно, когда он вступил в брак с дочерью Романа Мстиславича Великого. Если считать по родению его сыновей, начиная со старшего, Ростислава, то таковой брак мог состояться около 1222 г. Однако мы знаем, что одну из своих дочерей, Марию (17), князь Михаил выдал замуж в 1227 г. за князя Василька Константиновича Ростовского (18). Если посчитать, что эта дочь Михаила вышла

замуж в зрелом, принятом в то время возрасте, примерно в 14 лет, то она, вероятно, родилась около 1213 года!

Тогда разница между рождением этой дочери и старшего сына Ростислава будет около 10 лет! Наиболее вероятно, что Михаил Всеволодович был, как и его отец, женат неоднократно. Так, один автор, ссылаясь на некий Киевский синодик, называет женой князя Михаила Феофанию (19). Скорее всего, от первого брака у него имелись дочери Феодулия, будущая святая Ефросинья Суздальская, умершая в 1250 г. (20), и уже упомянутая выше Мария. Последующие же дети, начиная от княжича Ростислава, родились от дочери Романа Мстиславича Галицкого.

Детство и юность князя Романа Михайловича вряд ли были спокойными. Его отец Михаил Всеволодович, несмотря на владение обширным великим княжеством Черниговским, этим не довольствовался и проводил активную внешнюю политику, вмешиваясь во все возможные междукняжеские ссоры и конфликты. Пользуясь тем, что великий князь Суздальский Юрий Всеволодович был женат на его сестре (21), Михаил Черниговский обошел его брата князя Ярослава Всеволодовича, и занял Великий Новгород (22). Однако первое его правление в этом городе было недолгим. Князь Ярослав Всеволодович, используя неурядицы в городе, изгнал его оттуда.

Но в 1229 г. Михаил вновь прибыл в Новгород, воспользовавшись конфликтом новгородцев с князем Ярославом, и, по воле новгородской знати, опять стал местным князем. На этот раз Михаил рассчитывал на долгое владение богатым городом и даже принял активное участие в выборах новгородского архиепископа, которым стал бывший дьякон Спиридон (старший сын князя Ростислав тянул при этом жребий) (23).

Однако, здесь князь Михаил пробыл не более года: сперва оставил вместо себя на княжении малолетнего сына Ростислава и уехал в Чернигов (24), а затем и вовсе потерял Новгород, поскольку князь Ярослав Всеволодович, блокировав торговые пути, вызвал в городе беспорядки, а затем, убедив новгородцев в преимуществе своего правления, вошел в город (25). С этого времени между Михаилом Черниговским и Ярославом Всеволодовичем началась непримиримая вражда.

Как показала история жизни князя Михаила, он был чрезвычайно гордым, заносчивым и конфликтным человеком, наживавшим себе повсюду врагов, охотно ссорился и также неожиданно мирился со

многими князьями, чтобы опять вскоре с ними поссориться. Так, в 1228 г. он вступил в союз с Владимиром⁴ Рюриковичем Киевским против своих шуринов -- князей Даниила и Василько Романовичей волынских (26). А уже в 1231 г. Михаил угрожал бывшему союзнику Владимиру Рюриковичу, а тот звал на помощь Киеву Даниила Галицкого (27). В 1232 г. Михаил Черниговский вновь вместе с Владимиром Киевским ходили на волынских князей (28), а в 1233 г. князь Владимир опять звал Даниила Романовича на подмогу против князя Михаила, осадившего Киев (29). На этот раз князь Даниил, отогнав своего зятя от Киева, осадил его в Чернигове. Осада была жестокой: галицкое войско даже штурмовало город и долбило его стены осадными таранами. Но князю Михаилу в ходе успешной вылазки и удалось разгромить галицкие полки (30).

В 1235 г. Михаил Черниговский в союзе с князем Изяславом Владимировичем Теревольским и половцами начал новую войну, в результате которой союзники заняли Киев. В Киеве сел князь Изяслав, а Михаил направился в Галицкую землю и занял ее столицу (31).

В следующем, 1236 г., Изяслав был изгнан вернувшимся из половецкого плена Владимиром Рюриковичем (32), который и сам не усидел в своем стольном городе и был вынужден уступить Киев вечному врагу князя Михаила – Ярославу Всеволодовичу (33). И все это происходило как раз накануне вторжения монголо-татар! Не удивительно, что русские земли, управляемые неуживчивыми, заносчивыми и недалекими князьями, пали под ударами нового, неведомого, хорошо организованного врага.

Даже после того, как татары разгромили самого сильного русского князя Юрия Всеволодовича и к марту 1238 г. сокрушили Суздальскую Русь, русские князья оказались неспособными к консолидации. И тон в их неразумной политике задавал отец Романа Брянского – великий черниговский князь Михаил Всеволодович! Вместо того чтобы протянуть руку и поддержать князя Ярослава Всеволодовича, который покинул, узнав о гибели старшего брата, Киев, и уехал в разоренную татарами Суздальскую землю, Михаил Всеволодович, разжигая прежнюю вражду, занял Киев, отдав Галич сыну Ростиславу (34). По всей видимости, вскоре в Киев переехала и семья князя Михаила. Молодой княжич Ростислав продолжал политику своего отца и в это время вел боевые действия против своего дяди князя Даниила Галицкого, который вскоре, в 1239 г., вернул себе Галич (35).

В 1239 г. татары вновь совершили опустошительный поход на Русь. На этот раз беда не миновала и южных земель: последовательно пали Переяславль-Южный, Чернигов и более мелкие черниговские и новгород-северские города. После взятия Чернигова татары, ведомые полководцем Менгу, прошли мимо Киева, но не решились на штурм большого города, а направили к князю Михаилу Всеволодовичу послов, но «Он же тех изби, а сам беже по сыну во Оугры...» (36). В разных источниках даты о бегстве Михаила в Венгрию не всегда совпадают. Так, Ипатьевская летопись датирует случившееся 1238 г. (37), Московский летописный свод конца XV в., – 1239-м (38), а Летописный Свод 1497 г. (39) и Холмогорская летопись (40) -- 1240 годом! Отклонения в датах не умаляют значения источников, однако при их внимательном прочтении и сопоставлении с уже минувшими событиями, даты которых довольно точно определены, приходится признать, что бегство Михаила, приход в Киев Ростислава Смоленского, а за ним и Даниила Галицкого, пленение семьи князя Михаила князем Ярославом, произошли, скорее всего, в конце осени -- начале зимы 1239 г.

Семья Михаила Всеволодовича была вывезена им в окраинный город Киевской земли -- Каменец -- под защиту его прочных стен. Но, как сообщает летопись, «князь великий Ярослав ходи Каменцу и взяша град, а князь Михаилу утече, а княгиню его взя съ многым полономъ» (41). В Ипатьевской летописи об этом говорится подробно: Ярослав «княгиню его и боярь его поима и город Каменец взя. Слышавъ же се Даниль посла слы река поусти сестроу ко мне заня яко Михаилъ обьима нама зло мыслить и Ярославъ оуслыша словеса Данилова и бысть тако и приде к ним сестра к Данилоу и Василкоу и держаста ю во велице чести» (42). Это событие приезда супруги Михаила Всеволодовича в Галич приходится, скорее всего, несмотря на разночтение источников, на конец 1239 года.

В это же время князь Михаил Черниговский со своим старшим сыном Ростиславом напрасно ходили в Венгрию к королю Беле свататься за его дочь и просить помощи против татар: «король же не вдасть девкы своеи Ростиславоу и погна и прочь идоста Михаилъ и Ростиславъ ко оуеви своему в Ляхы и ко Кондратова...» (43).

Находясь на чужбине и узнав о вызволении князем Даниилом Галицким его семьи из плена, «присла бо Михаилъ слы Данилоу и Василкоу река многократы согрешихо вам и многократы пакости творях ти что ти обещахъ и того не створу аще коли хотяхъ любовь

имети с тобою невернии галичане не входяюут ми ныне же клятвою клену тиб яко николи же вражды с тобою не имамъ имети» (44).

Так, состоялось примирение, и Михаил Всеволодович со старшим сыном Ростиславом прибыли к Даниилу Галицкому, были им радушно приняты. Ростислав, в знак примирения, получил город Луцк, а князю Михаилу Даниил Галицкий пообещал вернуть Киев (45).

Вероятно, именно в это время -- в конце 1239 г. -- состоялась и свадьба молодого княжича Романа Михайловича с дочерью Даниила Галицкого Анной (46), которая прошла скромно и по причине тягостных для Руси событий осталась незамеченной летописцами. В пользу этого предположения говорит и то, что сразу же после падения Киева князь Даниил ушел в Венгрию, а Михаил Черниговский с семьей - в Польшу, к родичу Конраду Мазовецкому (47). Уже в следующем году Михаил Черниговский с сыном Ростиславом, забыв клятвы, данные Даниилу Галицкому, возобновили прежнюю вражду (48), после чего при жизни князя Михаила дружеских контактов с князем Даниилом Романовичем больше не было.

Любопытен еще один факт. Скитаясь в чужих землях, князь Михаил с семьей объехал Польшу, но, узнав о приближении татар, как сообщает летописец, «...не стерпе тоуто иде в землю Воротьславскоу и приде ко месту Немецкому именемъ Серета. Оузревши же Немци яко товара много есть избиша емоу люди и товара много отьяша и оуноукоу его оубиша. Михаилоу иже не дошедшу и собрашюся и бысть в печали велике» (49).

Какую внучку князя Михаила убили немцы? Наиболее вероятно, что малолетнюю дочь недавно женившегося Романа Михайловича! Поскольку известно, что старший сын Михаила Черниговского Ростислав еще не был женат, долго и упорно сватался к дочери венгерского монарха и женился на ней позднее (50). А остальные сыновья, по всей видимости, еще не достигли брачного возраста. Правда, еще была у князя Михаила дочь Мария, оставшаяся вдовой с детьми (51), однако проживала она в Ростове Суздальском, и о потере ее детей никаких сведений в источниках нет, хотя летописи Суздальского региона достаточно подробно освещают события жизни ростовских князей.

Ограбленный, опозоренный князь Михаил Черниговский решает вернуться домой и «...иде въ Киевъ и живяше под Киевомъ во остро-ве а сынъ его иде в Черниговъ Ростиславъ...» (52). Однако последний

не удовлетворился владением разоренным городом и уже в 1241 г., то есть вскоре после возвращения на родину, отправился со своей дружиной покорять галичские земли (53).

Почти три года Ростислав беспокоил своими набегами дядю Даниила Романовича. Он даже осмелился разгромить вторгнувшийся в Галицию татарский отряд (54). Только после этих подвигов венгерский король Бела согласился на брак своей дочери с Ростиславом.

Князь Михаил, как сообщает под 1245 г. летопись, «слышавъ же короля Михаилъ вдавъ дочь за сына его и беже Оугры король же Оугорьскыи и сынъ его Ростиславъ чести емоу не створиста он же розгневався на сына возвратися Черниговоу оттоуда еха Батыеви прося волости своее от него» (55). К тому времени Михаил уже потерял Киев, поскольку в 1243 г. татарский полководец «Батый же почтив Ярослава и отпусти, дав ему старешиинство во всем руском языке» (56).

Перед поездкой к Бату-хану князь Михаил уже определил своих сыновей. Роману он отдал в удел Брянск, Мстиславу - Карачев, Симеону – Глухов, а Юрию – Тарусу (57).

Трагическая кончина князя Михаила хорошо освещена в источниках (58). Черниговский князь не исполнил воли Бату-хана, не поклонился языческим святыням и был за это жестоко убит. Чернигов же унаследовал его младший брат Андрей Всеволодович (59). Впрочем, существует точка зрения, что после смерти князя Михаила Чернигов достался Всеволоду Ярополковичу, что Андрей Всеволодович был его сын (60), при этом ее сторонники ссылаются на Синодальный родословец, в котором Всеволод назван великим князем Черниговским. Однако они не учитывают того, что синодальные записи вполне могли отражать лишь титулованное положение того или иного князя, а не реальное. Плюс к этому, и не принято во внимание то, что право князей на тот или иной «стол» не просто утверждал, но и определял тогда монгольский завоеватель, или царь, как его называли на Руси.

Интересно одно сообщение, принадлежащее итальянскому путешественнику Плано Карпини, который в 50-е гг. XIII в. побывал в стане Бату-хана. Он описал случай принудительного совокупления татарами младшего брата убитого в Орде черниговского князя с его вдовой, которые прибыли к Бату с просьбой «не отнимать у них земли» (61). Правда, Карпини назвал имя убитого князя – Андрей, что вызвало последующую реакцию историков, некритично принявших сообщение иностранца (62).

Скорее всего, итальянец, не будучи очевидцем упомянутого события, просто перепутал имя убитого черниговского князя с другим, связав воедино два разных события. Известно, что из черниговских князей, незадолго до приезда в Орду итальянца Карпини, был убит князь Михаил Всеволодович, имевший младшего брата Андрея (возраст которого, конечно, не был отроческим, но и навряд ли старческим), а также жена. Поэтому не исключается, что эпизод татарского насилия был связан с ними.

Впрочем, в то время Чернигов, разрушенный татарами в 1239 г. до основания, уже не представлял из себя того стольного города, за который боролись целые княжеские поколения. Великий князь Черниговский играл лишь роль марионетки в руках ордынского хана и удерживался татарами на «столе» лишь постольку, поскольку своевременно собирал со всех уделов Черниговской земли и отвозил в Орду дань. Город был не защищен, почти не заселен и доступен любому вторжению. В то же время уделы, почти не пострадавшие во время татарских набегов, имели достаточно и сил, и средств, чтобы существовать совершенно независимо. Поэтому удельные князья, приняв правила, установленные в Орде, отвозили в Чернигов собранную для Орды дань и тем ограничивались в своих взаимоотношениях со стольным городом.

Одним из самых крупных уделов, входивших в состав Черниговской земли, был Брянский. Когда образовался этот удел, сказать с абсолютной точностью нельзя, однако, предположительно, это могло произойти в 1241 г., когда князь Михаил Всеволодович вернулся в разоренный татарами Киев из Польши, а «...иде в Черниговъ Ростиславъ» (63). Но маловероятно, что Ростислав стал черниговским князем, поскольку не был женат, и скорее играл роль отцовского наместника, должного заново отстроить и возродить город. Пробывший совсем недолго в разоренном Чернигове, Ростислав не искал судьбы на родине, а уже давно добивался руки дочери венгерского короля Белы IV, и поэтому, осуществив свою цель, навсегда покинул родные земли, чтобы стать в дальнейшем верным подданным венгерского монарха, злейшим врагом князя Даниила Галицкого и умереть на чужбине со многими славными титулами (64).

В то же время Роман, второй сын князя Михаила, был уже женат, и на основании обычного права получил свой Брянский удел. Следует отметить, что молодому Роману Михайловичу досталось незавидное наследство. Брянск представлял из себя лишь небольшое

поселение, затерянное среди лесов, оврагов и болот. Князь Роман стал, фактически, основателем нового города, потому что поселился не на месте летописного Брянска, располагавшегося на так называемом Чашином кургане и, судя по археологическим раскопкам, уничтоженного (65) во время междоусобной войны 1146-47 гг. (66), а на более удобной и хорошо защищенной природой Покровской горе (67).

Название же города изначально было – Брянск. И хотя в ряде летописей город фигурирует и под именами «Дебрянск», «Добрянск» или «Дъбрянск», нет сомнения в том, что таковые слова возникли лишь как грамматические ошибки и описки последующих переписчиков летописных свитков (68). Достаточно взять лишь несколько примеров. Так, в Лаврентьевской летописи город называется Брянском (69). В Ипатьевской – то Добрянском (70), то Брянском (71). Та же ошибка и разночтение и в Московском летописном своде конца XV века (72).

Источники ничего не сообщают о жизни и деятельности князя Романа в период становления Брянского удела, однако под 1263 г. в Ипатьевской летописи появились следующие строки: «Послалъ бяшесть Миндовгъ всю свою силоу за Днепръ на Романа на Бряньского князя» (73). Что же заставило знаменитого объединителя Литвы и победителя немецких крестоносцев при Дурбэ (74) послать «всю свою силу» на Брянск? Как известно из дальнейших событий, уход литовских войск привел к гибели Миндовга, павшего в результате заговора литовской знати (75). Вероятно, будучи зятем князей Даниила и Василько Романовичей, брянский князь неоднократно ходил с ними в походы на Литву. Не исключается, что был он вместе со многими русскими князьями и в войске татарского полководца Бурундая, вторгавшегося в Литву в 1258 г. (76). Это, возможно, и вызвало поход литовцев, которые, несомненно, видели в брянском князе опасного и сильного врага.

Далее летопись сообщает: «...в то веремя рать приде Литовская на Романа он бися с ними и победи я самъ же ранень бысть и не мало бо показа моужство свое и приеха в Бряньскъ с победою и честию великою и не мня ранень на телеси своемъ» (77). Победа над таким воинством свидетельствовала о силе, военном опыте и полководческом таланте брянского князя. Из той же летописи следует, что битва брянцев с литовцами произошла во время свадьбы четвертой дочери князя Роман, Ольги, выходившей замуж за сына князя Василько Во-

лынского – Владимира (78). А поскольку литовские войска вышли в поход в 1263 г., то можно датировать сражение и свадьбу княжеской дочери самым началом 1264 г. (79). Брянский князь прямо из-за свадебного стола устремился на поле битвы, одолел сильного врага и, вернувшись назад, невзирая на раны, «...отда дочь свою» (80). И упомянутая победа князя над Литвой, и замужество его дочери за сыном именитого князя Василько свидетельствуют о том, что князь Роман Брянский был хорошо известен и уважаем на Руси. А таковое достигалось и успехами на поле брани, и умелым ведением собственных дел.

Далее в летописи сообщается, что у Романа Михайловича было четыре дочери и старший сын, Михаил (81), которого брянский князь послал сопровождать свою дочь на родину мужа. Еще одну из дочерей, вероятно, старшую, поскольку княжна Ольга названа самой младшей, князь Роман выдал замуж за сына смоленского князя Глеба Ростиславича, Александра (82). По-видимому, это событие произошло раньше свадьбы княжны Ольги. Неизвестно, что случилось с двумя другими дочерьми князя Романа Брянского. Возможно, первая из них погибла еще в 1241 г. во время скитаний князя Михаила Всеволодовича с семьей по Польше, а другая скончалась позже. О них никаких сведений нет.

После единственного упоминания исчезает со страниц летописей и имя сына князя Романа, Михаила, которого один автор, основываясь на синодальных источниках, назвал родоначальником династии неких Осовецких князей (83). Зато спутником в походах князя Романа и его наследником становится другой его сын -- Олег. Так, он упоминается как участник похода князя Романа на Литву в 1275 г. (84) и на Смоленск (93). Однако и Олег Романович, второй сын брянского князя, также не стал его полноценным наследником, поскольку не женился и вскоре по смерти отца ушел в монастырь, где и скончался, а впоследствии был канонизирован русской православной церковью (85).

Можно лишь догадываться, что у князя Романа были довольно сложные отношения с сыновьями, которые, вероятно, не пожелали вступить в нужный отцу, но не приятный для них брак.

Почти нет летописных упоминаний и о братьях брянского князя, удельных князьях Черниговской земли. Известно только, что его брат Юрий Тарусский выдал в 1264 г. свою дочь Ксению за великого Суздальского князя, вдового Ярослава Ярославича (86).

Сообщение летописца о походе князя Романа на Литву связано с событиями в западных, Галицких землях. Еще в 1274 году князь Лев Данилович обратился за помощью против Литвы к татарскому хану Менгу-Тимуру. Последний приказал зависимым от него русским князьям -- Роману Брянскому, Глебу Смоленскому и другим -- явиться на соединение с татарским войском, ведомым неким Ягурчи (87). Любопытно, что летописец ни словом не обмолвился о черниговском князе, как будто его и не было вовсе! В полнее вероятно, что княжения такового действительно не было, а существовал только титул!

Поход 1275 г. на Литву оказался неудачным. Пока собравшиеся у литовского Новогродка князья ожидали прихода Романа Брянского, Лев Данилович решил самостоятельно овладеть городом, но «...взя окольный град...а детинець остана...» (88). Когда же Роман Михайлович подошел к городу и узнал о поступке князя Льва, он разгневался. Возникла ссора между князьями, в результате чего они разошлись, отказавшись воевать дальше (89).

Любопытно сообщение летописца о позиции татар, которые «...велми жада хоуть Романа, абы притягль» (90). Это указывает на авторитет брянского князя и у татар. Видимо они знали княжескую доблесть не понаслышке, и князь Роман Брянский ходил в военные походы с татарами и раньше.

Весьма сомнительно и объяснение летописцем окончания литовского похода ссорой князей. Если внимательно прочитать летопись, станет ясно сколь пустячным был повод для этой ссоры: один из князей (Лев) решил сам овладеть Новогродком, а другой (князь Роман) опоздал! Вероятнее всего другое. Из сообщения летописца ясно, что татары, в ответ на просьбу князя Льва Даниловича, прислали под Новогродок кочевой улус с чадами и слугами, а не серьезное войско. Да и ожидание татарами князя Романа свидетельствует, помимо всего, о нежелании татар вести боевые действия самостоятельно: для этого, как они считали, есть русские князья.

Но Роман Брянский не захотел рисковать своими людьми понапрасну и его ссора с другими князьями была показной. Не удивительно, что поход завершился довольно прозаической сценой, описанной летописцем и подтверждающей, что серьезной ссоры между князьями не было. Так, зять Романа Михайловича Владимир Волынский, целуясь со своим тестем, упрасивал его пойти к нему в гости на Волынь проведать дочь Ольгу. Но князь Роман отказался и послал вместо себя сына Олега (91). Такой поступок князя Романа еще раз подтверждает

его место на тогдашнем историческом горизонте. Он открыто игнорирует пусть незнатного татарского воеводу Ягурчи, но все же представителя самого Менгу-Тимура. Князь Роман Брянский ведет себя уверенно и бесстрашно, совершенно не опасаясь гнева ордынского хана! Не исключено, что он поддерживал связи и ходил в походы с всесильным в ту пору татарским временщиком Ногаем! Эта версия тем более вероятна, что татарский воевода Ягурчи воспринял поведение брянского князя не как что-то из ряда вон выходящее, а спокойно, и, дав знать, что его не касаются русские дела, повернул назад, ограбив по пути русские земли (92).

В последний раз Роман Михайлович Брянский упоминается в русских летописях под 1285 г., когда он со своим сыном Олегом «...приходилъ ратью к Смоленску и пожже пригород и отыде в своя си» (93). Причины этого смоленского похода князя Романа не освещаются летописцами, однако очевидно, что у брянского князя возникла ссора с тогдашним великим смоленским князем Федором Ростиславичем.

Не установлена и точная дата, когда князь Роман стал великим князем Черниговским. Поздние летописи констатируют этот факт, как данность (94). Вероятно, это произошло после смерти уже упомянутого князя Андрея Черниговского. Но даже во время смоленского похода 1285 года, незадолго до смерти князя Романа, летописец называет его брянским князем. Впрочем, летописцы могли и не придать значения титулу «великий князь Черниговский», поскольку Чернигов как город еще столетие существовал лишь в названии, а сам князь Роман Михайлович постоянно проживал в Брянске, который и был фактической столицей Черниговской земли.

Ничего не известно о последних годах жизни Романа Брянского. Лишь предания Свенского Успенского монастыря (95), основателем которого считается князь Роман, да чудом сохранившаяся икона Богоматери Печерской (96) свидетельствуют о том, что князь был жив в 1288 г., тяжело болел, ослеп и прозрел лишь благодаря привезенной из Киева этой чудотворной иконе.

Летописные публикации не сообщают, когда и по какой причине скончался князь Роман Брянский. Хотя некоторые авторы, ссылаясь на синодальные источники, считают, что он был убит татарским ханом в Орде (97). Но синодики, в большинстве своем, до нас дошли лишь в цитатах и комментариях и составлены довольно поздно (например, Любецкой синодик датируется XVII веком!), поэтому их

трудно считать полностью достоверными и приходится использовать с известной долей условности. Историки России XIX в. считали, что князь Роман скончался в Орде, и ничего не говорили о его насильственной смерти. Это утверждение отражено в солидном издании - словаре Брокгауза и Ефрона (98).

Князь Роман ушел из жизни, оставив своему сыну Олегу (церковное имя -- Леонтий) богатое и процветающее княжество. Судя по Любецкому синодику, население удела (вероятно, лица мужского пола) при князе Олеге составляло до 120000 человек (99). Этот князь не долго владел наследством своего отца, вскоре постригся в монахи (100), передав власть одному из князей Смоленского дома. О последующих событиях в Брянске мы узнаем только из летописных сообщений 1310 г., когда городом и уделом правил внук князя Романа Михайловича Василий Александрович Смоленский (101).

Лишь устное предание и догадки позволяют предположить место захоронения князя Романа -- монастырь Успения Божьей Матери на Свини -- поскольку первый брянский князь активно участвовал в строительстве этого важного православного центра накануне своей смерти, и есть все основания считать, что он готовил для себя место будущего упокоения.

В заключение хотелось бы определить перспективу дальнейшего исследования проблемы. Совершенно очевидно, что ныне опубликованные в полном собрании русские летописи не исчерпывают всего летописного наследия Руси и не содержат достаточных сведений по настоящей проблеме. Нет сомнения, что летописи велись и в Чернигове, и в Брянске, но они до сих пор не попали в поле зрения историков, способных их опубликовать. К сожалению, многие ценные документы находятся в руках частных владельцев, иностранцев, которые не спешат уведомлять общественность о своих приобретениях и хранят тайну своей собственности. Работая над книгой «Роман Брянский», я использовал сведения, полученные из таких частных источников, но право на их научную публикацию не получил, и написал только художественное произведение. Тем не менее, я уверен, что рано или поздно древние документы из далекой истории нашей малой Родины найдут своего исследователя и станут достоянием не только историков, но и широкой общественности.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Летописные своды 1497 и 1518 гг., т.28, М.Л., 1963, с.215.

2. Татищев В.Н. История Российская. М.-Л., 1964, т. 3, с.121; Большая Советская Энциклопедия, 3 изд., т.16, М., 1974, с.343.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского.,Тула, 1990, т.1-3, с.491;
4. ПСРЛ, т.33, Холмогорская летопись, Л., 1977, с.63: «С ними князи младие: князь Данило Романов сын Мстиславичь, князь Михайло Всеволодович...»; Почти дословно тоже самое в: ПСРЛ, т.28. Летописный Свод 1497 г. М.Л.,1963, с.49; вряд ли слово «младые» следует понимать, как «малозначительные»!
5. ПСРЛ, т.30. Владимирский летописец. М.,1965, с.183;
6. ПСРЛ, т.1, 2-е изд., М., 2001. Лаврентьевская летопись На с.511 под 1229 годом сообщается, что «...поиде князь Михайло в Черниговъ къ братъи а сна своего князя Ростислава остави в Новьгороде...», совершенно очевидно - как наследника и старшего сына.
7. ПСРЛ, т.28, сс.214-215; Н.М.Карамзин, Тула, 1990, т. 4-6, с.42; С.М.Соловьев. История России с древнейших времен. Книга 2, М., 1988, с.327, прим. 344.
8. В этом случае князю Михайлу был бы 51 год, что маловероятно.
9. Карамзин Н.М. Ук.соч. Тула, т.1-3, с.508. Князь Михаил назван зятем Даниила Романовича.
10. ПСРЛ, т.2. Ипатьевская летопись. 2 изд., М., 2001, с.612.
11. Там же.
12. Там же, с.783.
13. Именно так считает В.Н.Татищев, ук. соч., с.121: «Преставися княгиня Мария Казимировна, супруга Всеволода Святославича, постригшися в болезни в схиму августа 6-го дня, и положена в церкви святого Кирилла, которую сама создала. Болезнь же ей приключися от тяжкого рождения сына Михаила, которой по ней осталася». Однако и Татищев усомнился в достоверности летописных сведений и там же, на с.251, пишет: «Мария имеет быть дочь Казимира II, короля польского. Но в польских о сем не упомянуто, и в русских в ином токмо брак, в другом кончина, в ином никоего. Но как манускрипты в летах не согласны..., так здесь брак и кончина в одном году пришло, чему, видится, для построения церкви и ея переменности совершенной быть нельзя. Схима слово греческое, значит затворничество, как некоторые в древние времена неисходны были...».
14. ПСРЛ, т.1, с.435: «В лете 6719. Великий князь Всеволод жени сына своего Георгия Всеволождню Киевского князя и венчанъ бысть в святей Богородици в Володимери...»; Н.М.Карамзин, в ук.соч., Тула, т.1-3, с.434, называет Всеволода Черного тестем юного князя Михаила Пронского под 1207 г..
15. ПСРЛ, т.2, с.848: под 1261 г. черниговским князем назван Андрей Всеволодович; С.М.Соловьев, в указ.соч. с.185, сообщает, что после смерти князя Михаила «в Чернигове начал княжить Андрей Всеволодович, как видно, брат Михайлов»;
16. Головки А.Б. Князь Роман Мстиславич. Вопросы истории, М., 2002 г., №12, с.63, прим.40, с.70.
17. ПСРЛ, т.30, на с.89 упоминается «княгиня Василкова Марья...».
18. ПСРЛ, т.28, с.51: «Женився князь Василько Ростовский оу Михаила оу Черниговского».
19. Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1874.
20. Упомянута в Любечском синодике, опубликованном в: Зотов Р.В. О черниговских князях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892;

21. ПСРЛ, т.1, М., 2001, с.435: «Великий князь Всеволод жени сына своего Георгия Всеволожною Киевского князя...».
22. ПСРЛ, т.26, Вологодско-Пермская летопись. М.Л., 1959, с.69: «В лето 6733. Прииде князь Михалко в Новгород, сын Всеволож, а внук Олгов».
23. ПСРЛ, т.1, с.511
24. ПСРЛ, т.26, с.70.
25. ПСРЛ, т.1, с.511.
26. ПСРЛ, т.2, сс.753-754;С.М.Соловьев, ук. соч. с.128.
27. ПСРЛ, т.2, с.766: « Володимер же посла Данилови река идеть на мя Михайль а помози ми брате Данилови...»; С.М.Соловьев, с.130.
28. С.М.Соловьев. ук. соч. с.122
29. ПСРЛ, т.2, с.770;Соловьев С.М, с.130.
30. ПСРЛ, т.2, с.772.
31. Н.М.Карамзин, ук. соч. Тула, т.1-3, с.509.
32. Там же.
33. ПСРЛ, т.2, с.777: «и потомъ приде Ярославъ Соуждальский и взя Киевъ подь Володимеромъ...»;Н.М.Карамзин, ук.соч. Тула, т.1-3, сс.509-510.
34. Карамзин Н.М., Тула, т.4-6, с.28;
35. ПСРЛ, т.2, с. 778: «...Данило же вниде во градъ свои...»; Н.М.Карамзин, ук.соч. т.4-6, с.28.
36. ПСРЛ, т.28, с.54.
37. ПСРЛ, т.2, с.782
38. ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949, с.130
39. ПСРЛ, т.28, с.54.
40. ПСРЛ, т.33, Л., 1977, с.67.
41. ПСРЛ, т.30,с.90.
42. ПСРЛ, т.2, сс. 782-783.
43. Там же, с. 783.
44. Там же.
45. ПСРЛ, т.2, с.783: «...Даниль же светъ створи со братом си обеща емоу Киевъ Михайлови а сынови его Ростиславоу вдасть Лоуческъ»; Соловьев С.М. ук.соч. С.140.
46. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...С..202;
47. ПСРЛ, т.1, с.784.
48. ПСРЛ, т.2, с.789: «... Михайль же не показа правды воз доброеанье Данилоу же и Василкоу...».
49. ПСРЛ, т.1, с.784.
50. ПСРЛ, т.2, с.795.
51. ПСРЛ, т.30, с.89.
52. ПСРЛ, т.2, с.789.
53. ПСРЛ, т.2, с.791: «В лете 6749. Ростиславъ собра князе Болховские и останокъ Галичанъ приде ко Бакоте.»;
54. ПСРЛ, т.2, с.794.
55. ПСРЛ, т.2, с.795.
56. ПСРЛ, т.28, с.56; Н.М.Карамзин, ук.соч.Тула, т.4-6, с.40.
57. Карамзин Н.М. Тула, т.4-6, с.42.
58. Например, в ПСРЛ, т.28, с.56.
59. Соловьев С.М., ук.соч. с.185.

60. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...; Филарет (Гумилевский Д.Г.). Историко-статистич. описание Чернигов. Епархии.
61. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957, сс.29-30: «Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в Руссии, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей Татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю Татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.».
62. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т.IV, М., Наука, 1992, с.35, с.197 прим. 62,63.Соловьев; С.М, ук.соч. с.185, с.327, прим.346.
63. ПСРЛ, т.2, с.789.
64. Карамзин Н.М.Ук.соч. Тула, т.IV-VI, с.43: “Rex de Madshau, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae”.
65. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1977, с.71.
66. ПСРЛ, т.1, с.314; т.2, М.,1962, с.338; т.25, сс.39-40;
67. Свод памятников архитектуры...с. 71-72.
68. Ющенко Н.Е. О псевдотопониме «Дебряньскъ», в сб. Деснинские древности Вып.III, Брянск, 2004.
69. ПСРЛ, т.1, с.482: «...Роман князь Брянский...».
70. ПСРЛ, т.2, с.338: «...идоста Добрянскоу...», с коррекцией: «бранскоу».
71. Там же, с.342: «...Изяславичи из Вятичь изъ Брянска...», а рядом там же: «...вси Вятичи и Добрянскъ...».
72. Там же, т.25, с.40: «...и зая все Вятиче и до Брянска...», а ниже там же: «...выбегоша и из Вятичь и из Добрянска...». Ясно, что к правильному наименованию города -- Брянск -- добавили предлог -- до (де) -- отсюда и возникла ошибка;
73. ПСРЛ, т.2, с.860; то же в Литовской хронике, ПСРЛ, т.32. Хроники Литовская и Жмойтская. М., 1975, с.28: «А гды Мендог все войска свои литовские послал за Днепр на Романа князя бранского»..
74. Соловьев С.М, ук.соч. с.176.
75. ПСРЛ, т.32, с.28.
76. ПСРЛ, т.7. Воскресенская летопись. М., 2001, с. 162.
77. ПСРЛ, т.2, с.862.
78. Там же, сс. 861-862.
79. Однако, поскольку Ипатьевская летопись ведет иногда исчисление года с 1 сентября, более точно датировать события нельзя.
80. ПСРЛ, т.2, с.862.
81. Там же: «...и посла с нею сына свое старейшего Михаила и боярь много»;
82. Карамзин Н.М. в ук.соч. Тула, т.IV-VI, с.119, называет князя Василия Александровича внуком Романа.
83. Зотов Р.В. О черниговских князьях... С.196.

84. ПСРЛ, т.2, с.873: «...Оле́гь сынъ Романовъ притягль...».
85. Зотов Р.В. О черниговских князьях...с.85;
86. ПСРЛ, т.28, с.217: «...тогда тоу и женися оу Юриа Михайловича»; Н.М.Карамзин, в ук.соч. Тула, т.IV-VI, с.71, называет дочь князя Юрия Ксении; там же, с.119, повествует о ней, как «умной, добродетельной Ксении, воспитавшей его (князя Михаила Ярославича -- К.С.) в правилах благочестия и скончавшей дни свои монахиною».
87. ПСРЛ, т.2, с.872-874.
88. Там же, с.873.
89. Там же, сс.873-874.
90. Там же, с. 873.
91. Там же, с. 874: «...Володимеръ бо зовяше тогда тестя своего по великоу тако река господине отче поедь побоудешь во своемъ домоу и дщери своеи здорovie видишь. Романъ же отопреся емоу тако река сыноу мои Володимероу не могуо от рати своей ехати се хоужо в земле ратнои а кто ми доправитъ рать мою домовъ а се в мое место сынъ мои Оле́гь ать едеть с тобою и целовавшася и тако поехаша во своя си».
92. Там же, с. 874.
93. ПСРЛ, т.1, с.482; т.30, с.97; Н.М.Карамзин, ук. соч. Тула, т.IV-VI, с.96; С.М. Соловьев, в указ.соч. с 206, правда, датирует случившееся 1286 годом..
94. Например, Летописный свод 1518 года, ПСРЛ, т.28, с. 214.
95. Свод памятников архитектуры... , с. 168.
96. Овчинников А.Н. «Пантелеймон» из ГМИИ и «Богоматерь Печерская» из ГТГ в свете реставрационного исследования. В сб.ст. Русское искусство XI- XIII вв. М., 1986, сс.46-60.
97. Например, В.Крашенинников. Взгляд через столетия. Тула, 1990, с.59: «По сообщению Синодального родословца, Романа Михайловича «убил...царь в Орде».
98. Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, т.8, с. 350, раздел «Брянские князья» («...Есть известие, будто он [князь Роман Брянский - К.С.] умер в Орде»).
99. Зотов Р.В. О черниговских князьях... , с.202: «Помяни господи Ве князя Романа Старого чер. и княгиню его Анну и сына его князя Олега Романовича Ве князя Леонтия, оставившаго дванадесять темъ людей и приемшаго аггельский образъ.».
100. Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб, «Наука», 2002, с.379.
101. ПСРЛ, т.25, с.159.

А.В.Сазоненко (Почеп)

Почепские крепости.

Город – общеизвестное понятие: так называют крупные населенные пункты с многочисленным населением, инфраструктурой и органами власти. А в свое время городом считалось поселение, которое имело стену, т.е. было огорожено. На Руси городов было много, недаром скандинавы называли ее Гардарикой, то есть страной городов. Древнейшие русские города располагались по берегам рек, служивших торговыми путями. Города являлись центрами торговли, и вокруг них сосредотачивались многочисленные сельские населенные пункты, поставлявшие товары для торговли и средства для строительства защитных сооружений. Вместе с купцами могли прибывать

те, для кого река служила большой дорогой разбоя: летом – водным путем – те же варяги, зимой по льду – кочевники. От таких «гостей» и вынуждено было население отгораживаться стенами и рвами и содержать дружины воинов.

Место, на котором сейчас располагается г.Почеп, было заселено в глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические раскопки. В 50-е годы XX века Ф.М.Заверняев открыл большое Почепское селище, датируемое началом нашей эры. Это было значительное поселение, имевшее даже святилище. Находилось оно примерно в километре от Покровской горы в пойме р.Судость. Было бы нелогично думать, что люди поселились в низменности, игнорируя Покровскую гору – классическое место для поселений: высокое, на слиянии рек. Скорее всего, там и была первая Почепская крепость – центр обширных владений с многочисленными селами, такими как поселения в урочище Грудок, в Житнянском саду, недалеко от Громык, а также в Козорезовке, Песчанке, Рыгтых горах и так далее. Установлено, что поселения располагались довольно компактно. В их центре не могло не быть укрепления, представлявшего собой, скорее всего, стену частокола по крутому берегу, отделенную рвом от поля, с дозорной башней или «вежей» внутри.

С образованием Русского государства Почеп становится одним из пунктов сбора дани. Раз в год князь объезжал с дружиной свои владения и собирал налоги. Собирать целый год ценности для уплаты дани в неукрепленном месте было бы небезопасно. К тому же дружину необходимо было где-то размещать. Это еще один довод в пользу существования укрепления на территории Почепа, а стало быть – города.

Археологические раскопки подтверждают существование поселения на территории Почепа в X-XI веках, не доказан лишь его городской статус. Но если верить легенде о том, что «татары здесь были, город пожгли, а народ почапили» (т.е.повесили), то возникает вопрос, на каком поселении оказывал народ сопротивление захватчикам, вызвавшее такое их жестокое отношение? Неужели на неукрепленном? В бывшем крепостном рву, неподалёку от Ильинской церкви, во время археологических раскопок 1989 г. была найдена керамика, явно побывавшая в пожаре и относящаяся как раз к XIII веку. Увы, это пока только фрагменты картины, которую еще предстоит написать; а для этого необходимы систематические археологические работы.

С середины XIV в. наши земли вошли в состав Великого княжества Литовского, и жизнь в неукрепленном месте стала просто опасной. Непрерывные войны литовских князей с Ордой и соседними русскими княжествами постоянно сотрясали литовскую «украину». В 1457 г. Почеп впервые упоминается в Литовской метрике (книги до-

кументов канцелярии Великого княжества Литовского) в числе др. небольших населенных пунктов. Более чем вероятно, что в это время Почеп был небольшой крепостью, принадлежавшей одному из представителей литовской знати.

С усилением Великого княжества Московского возрастают его претензии к Литве по поводу земель, некогда входивших в Русское государство. И вот в 1500 г. Почеп упоминается как город, взятый в числе прочих войсками Ивана III.

Можно предположить, что это была «типовая» крепость юго-западной Украины, представлявшая собой рубленую из дубовых бревен стену с башнями, чье появление было связано с развитием огнестрельного оружия. Башни находились на наиболее уязвимых участках, одновременно могли служить и воротами. Возвышаясь над стенами и выступая несколько вперед, башни позволяли защитникам простреливать пространство вдоль стен. Крепость была отделена от поля ровом, заполненным водой, в дно которого забивались заостренные бревна; а русла рек Судости и Немиги являлись естественными рвами, берега которых эскарпировались.

В течение XVI-XVII вв. Почеп являлся сторожевой крепостью и неоднократно был участником боевых действий. В 1535 г. польские войска гетмана Яна Тарновского сожгли город и разрушили крепость. Однако уже осенью того же года была построена новая крепость: «Почеп землян на старом же месте в лучшем против прежнего виде». Следует обратить внимание на слова «...на старом же месте». В 1565 г. литовский воевода Филон Кмит «...взял Почеп, захватил имущество и караваны купеческие, а самое местечко сжег».

В «Смутное время» городская крепость была разрушена в очередной раз. 15 марта 1610 г. запорожские казаки атамана Запорского тайно подошли к городу и зажгли крепость, при её обороне погибло 4000 защитников.

По Деулинскому перемирию (1618 г.) наши земли отошли к Речи Посполитой, и польский король Сигизмунд III вынужден был принимать меры по восстановлению разрушенных во время смуты городов и, конечно же, крепостей. Так, Почеп в конце 20-х годов XVII века получил «Магдебургское» право, а крепость стала увеличиваться в размерах. Сохранилось описание крепости, составленное в 1710 г. Федором Шидловским: «Город Почеп, при реке Судости, деревянный, дубоваго лесу, рубленный избицами, к нему приделаны четыре бальварка рубленые же и насыпаны землею; в город проезжие четыре ворота, да четыре калитки, под теми вороты и бальварках и на городской стене было тридцать одна башня, около всего города и бальварков копан ров поперек пяти, в глубину трех сажен; то городовое строение мерою вокруг семь сот восемьдесят саженой. И ныне то го-

родовое строение зело ветхо, из башень верхи и мосты погнили и повсвалились, изъ больварков также и со всехъ сторон земля въ ров обвалилась и засыпалась, а по городской стене въ разныхъ местахъ городовое строение изгнило и разволочено и фартеции нетъ ничего...».

Из описания видно, что в начале XVIII в. крепость, простоявшая более полувека, уже находилась в довольно неприглядном виде. Почепская крепость была одной из первых русских крепостей, построенных по последнему слову европейской фортификации. Применение осадной артиллерии сделало более надежными деревоземляные укрепления. Ядра могли пробить стену, но вязли в земле. Крепость представляла собой мощный узел обороны, обеспечивавший многоярусную огневую защиту. Разработка плана и строительство крепости, скорее всего, велось под руководством опытного иноземного фортификатора – на основе точных геометрических и баллистических расчетов. Впечатляет также и вооружение крепости. По описанию 1710 г., в арсенале числилось: 12 медных пушек, 7 чугунных, 7 пищалей затинных (тяжелых крепостных ружей), 53 мушкета и винтовки (нарезных ружей), «пищаль винтовая о трех стволах», 6475 пушечных ядер, а также порох, гранаты, свинец, картечь и т.д. Арсенал, характерный более для европейских городов. Не мудрено, что такую крепость не смогли взять польские войска в 1633 году.

По Поляновскому миру 1634 года, Почеп вновь остается за Польшей. Комендантом крепости в то время был Габриель Киерл, а гарнизон состоял из «...казацкой корогвы, отбывавшей замковую послугу». Положение поляков в наших землях было весьма шатким, и в 1650 г. они были изгнаны. А Почеп вошел в Гетманство на правах сотенного городка. Воссоединившись в 1654 г., Россия и Украина сняли ту напряженность на границе, которая сохранялась здесь веками. Крепость постепенно теряет свое пограничное значение и разрушается без должного внимания, что видно из описания 1710 года.

В начале XVIII века – во время Северной войны – Почепская крепость опять становится востребованной. Двигаясь из Польши, войска шведского короля Карла XII оказываются почти у стен крепости. Конечно же, обетшавшая к тому времени постройка не могла выдержать удара лучшей армии Европы, но все же была подготовлена к бою. С июля 1708 года на брянском направлении ремонтируются старые крепости. Оценив все возможности Почепской, военные приходят к неутешительному выводу – крепость осады не выдержит, о чем и сообщают царю Петру. Звучат предложения вообще уничтожить ее, а пушки и имущество передать в другие крепости. Но неясность обстановки – пойдет Карл на Москву или нет, оставляет все же старой крепости шанс. Ее ремонтируют, и на случай, если она все-

таки не выдержит осады, на левом берегу Судости строят новую – земляную.

Постройка эта по-своему уникальна и, по счастью, сохранилась до наших дней. Впервые план подобной крепости был опубликован в 1695 г. во Франции – в книге по фортификации Себастьяна Вобана. Это был известнейший в Европе военный инженер, маршал Франции. Он считался специалистом по постройке крепостей. Им было возведено 33 новых и усовершенствовано более 300 старых крепостей. В 1699 г. он был удостоен звания почетного члена Французской академии наук. Конечно же, царь Петр, интересовавшийся нововведениями в военном деле, был знаком с его трудами. По планам Вобана и под руководством А.Д.Меншикова в 1702 году строится земляная крепость в с.Слободском [г.Чаплыгин (Раненбург) Липецкой области], названная Ориенинбургом. До наших дней эта крепость не сохранилась, но она определила характер дальнейшей застройки города.

В мае 1703 года на Заячьем острове, в устье Невы, началось строительство Петропавловской крепости. Шесть земляных бастионов – Государев, Нарышкинский, Трубецкой, Зотов, Головкинский, Меншиков – были соединены земляной стеной, став началом города Санкт-Петербурга. В 1706-1740 гг. крепость была перестроена в кирпиче, а к концу XVIII в. облицована гранитом в том виде, в каком она существует и поныне. Почепские «Валы», по сути, являются аналогом Петропавловской крепости в первоначальном виде, хотя и имеют только пять бастионов. Возводилась эта крепость в спешке – в течение одного-двух месяцев осенью 1708 года. И когда стало ясно, что шведы к Почепу не пойдут, ее даже не стали достраивать; особенно это заметно на северо-восточном бастионе.

Крепость имеет форму неправильного пятиугольника, по углам которого расположены пять бастионов, соединенных между собой стенами (куртинами). Более качественно построены бастионы, направленные на город. Общий периметр крепостных валов – около полутора километров. Высота стен достигает 8 метров. Справа от «Валов» находился лес, слева – болото, делая крепость неприступной. Путь из старой почепской крепости на «Валы» шел по специально построенной узкой дамбе, вдоль нее отводилась вода в крепостной ров «Валов». В случае падения крепости, гарнизон переходил из детинца (немного ниже Ильинской церкви) по дамбе в новую крепость. Напротив ворот «Валов» находился редут, ныне это кладбище. На плане 1746 г. особенности строительства видны отчетливо. Современное же положение несколько отличается от прошлого. Возможно, благодаря дамбе р.Судость, в одно из бурных половодий, изменила русло и сейчас течет почти у самых «Валов».

В переписке Петра I среди строителей «Валов» упоминается С.Нарышкин, то есть один из тех, кто строил Петропавловскую крепость. Непродолжительное время в новой крепости находился со ставкой командующий русскими войсками на Украине фельдмаршал Б.П.Шереметев.

К счастью, сражения у этих крепостей не произошло. Шведский король повернул на Украину, где был разбит под Полтавой. А у нас остался нетронутым прекрасный памятник военного искусства.

После Полтавской победы гетман Скоропадский подарил Почеп А.Д.Меншикову, который построил за крепостью «Валы», на небольшой возвышенности, город Александрополь. Примечательно, что крепость в с.Слободском также была подарена Петром I Меншикову и являлась местом его первоначальной ссылки в 1727 году. По окончании Северной войны, почепские крепости утрачивают свое значение, а к концу XVIII в. старая исчезает совсем. Небольшой гарнизон в «Валах», возможно, находился до середины XIX века, т.к. здесь часто встречаются пули для шестилинейных нарезных ружей, принятых на вооружение только во время Крымской войны. Последний раз крепость «Валы» использовалась в грозном 1941 году: на ее стенах сражались части 280-й стрелковой дивизии генерала С.Е.Данилова.

300 лет существует прекрасный памятник, но очень многим даже в Почепе неизвестно о его существовании. Было бы неплохо вспомнить о нем, отметить юбилей крепости, подобной которой больше нет. Люди получили бы повод для гордости за предков, кинематографисты – готовую декорацию для фильма о зарождении Петербурга, а город – прекрасный туристический объект.

Земляные стены грозно возвышаются над округой, но, поросшие травой, они плохо заметны издали. Их не тронули ни шведские ядра, ни немецкие бомбы; будем надеяться, что минует их и беспмятство потомков.

В.Г.Деханов (Брянск)

**Петр Пушкин, Помпей Батюшков,
Флорентий Павленков на Брянском Арсенале**
(по документам ГАБО).

В январе 2008 г. исполняется 225 лет со времени основания (1783) Брянского Арсенала. Каких только знаменитостей на нём не перебывало за время строительства и функционирования...

1

Дед А.С.Пушкина по отцу – Лев Александрович Пушкин (1723-1790) – был женат дважды. От первой жены – Марии Матвеевны Воейковой – у него было три сына: Николай (1745-1821), Пётр (1751-

1825) и Александр (1757 - после 1796); от второй жены – Ольги Васильевны Чичериной: два сына – Василий и Сергей (отец поэта) – и две дочери – Анна и Елизавета.

Речь пойдёт о сводном дяде А.С.Пушкина – Петре Львовиче Пушкине, кадете Петербургского артиллерийского корпуса. В двадцать лет он принимал участие в штурме (1770) крепости в Бендерах, а через год – в сражении под Бухарестом. В Брянск поручик П.Л.Пушкин привёз в июне 1783 г. очередную сумму денег (5 тыс. руб.) на строительство «литейного двора» – основу будущего арсенала. В рапорте в Главную канцелярию артиллерии и фортификации в Петербурге первый начальник (командир) строящегося объекта, Иван Михайлович Иванов 22 июня сообщил (все даты приводятся по старому стилю): «Отправленные с командированным от конторы артиллерии и фортификации (находилась в Москве. – В.Д.) 2-го канонирского полка 6-й роты с поручиком Петром Пушкиным и при нём в конвое канониров четыре человека на построение в Брянске литейного дома денег государственными ассигнациями пять тысяч рублей... сего месяца десятого числа прибыл благополучно и от него в ведомство моё... Пушкин и 4 канонира находятся при артиллерийской команде до прибытия 6-й роты».

Четырьмя днями ранее о приезде поручика Иванов поставил в известность брянского городничего секунд-майора Ивана Яковлевича Денисьева; ему же сообщил, что скоро в Брянск прибудет 6-я рота 2-го канонирского полка в количестве 232 человек и для их размещения нужно подыскать квартиры. Указанная рота во главе с капитаном Сикстелем прибыла в конце июня 1783 года. Денежное жалованье с 8 мая по 14 июля Петр Пушкин получал в Брянске: «Число за всеми указанными вычеты Пушкину по порутческому полного и с рационами также и за денщика – служителя его всего пятьдесят восемь рублей двадцать три копейки с половиной». В это же время в Брянск пришла депеша «об утраченных» Пушкиным ещё в его бытность в Петербурге «амуничных вещах» на сумму 20 рублей 62 копейки, «кои при выдаче ему заслуженного жалованья в Брянске – вычтеть».

10 августа 1783 г. командир брянской артиллерийской команды капитан Иван Иванов докладывал рапортом в Москву своему вышестоящему начальнику – генерал-майору артиллерии Ивану Фёдоровичу фон-Мертенсу – о том, что он получил указ «о произведении Государственной военной коллегией на состоящего в артиллерийском корпусе вакансии (вакансии. – В.Д.) из находящейся здесь 2-го канонирского полку шестой роты из порутчиков в квартирмистры в оном же полку Петру Пушкину», что он уже принял присягу по этому поводу и «в назначенное ему место отправлен быть имеет». На другой же день П.Л.Пушкину был выдан в Брянске на руки «атестат»:

«По Указу Ея Императорского Величества дан сей при Брянской артиллерийской команде отправляемому во 2-й канонирский полк произведенному Государственной военной коллегией из поручиков в квартирмейстеры Петру Пушкину заслуженное им денежное жалованье по порутческому окладу с рационами и з денщицей... а за повышение чина при команде высчету не было».

Командиру 2-го канонирского полка «артиллерии г-ну полковнику и ковалеру (разных орденов. -- В.Д.) Витовтову» И.М.Иванов сообщал, что «сего числа (т.е. 11.08.1783 -- В.Д.) к вашему Высочородию» квартирмейстер Пётр Пушкин отправлен. А самому Петру Львовичу от Иванова был вручен ордер: «По получении сего изволи-те Ваше Благородие отправитца в Санкт-Петербург во второй канонирский полк, где и явитца у Его Высочородия артиллерии г-на полковника и ковалера Александра Евсигнеевича Витовтова и данный вам конверт к Его Высочородию персонально вручить».

Таким образом, Пётр Львович Пушкин пробыл на службе в Брянске при строящемся литейном дворе с 10 июня по 11 августа 1783 года, то есть целых два месяца.

В 1785 г. П.Л.Пушкин станет капитаном, а два года спустя будет участвовать в походе против чеченцев за Терек. В 1793 г. он получит чин майора, а через два года будет уволен в отставку в чине подполковника артиллерии.

В 1798 г. за Петром Пушкиным в Нижнегородской губернии числилось 130 душ крепостных. Известно, что в 1812 году, когда П.Л.Пушкину уже шёл 61-й год, он записался в народное ополчение. В 1825 г. у Петра Львовича в с.Кистенёве, в восьми километрах от Болдина – на Нижнегородчине, было уже свыше 1000 душ крепостных крестьян. В этом же году он и умер, его похоронили в Болдине. Александр Сергеевич Пушкин в письме к А.А.Дельвигу писал: «Я имел несчастье потерять... дядю Петра Львовича». После смерти Петра Пушкина его имение перешло к отцу А.С.Пушкина – Сергею Львовичу.

2

Проходил службу на арсенале и сводный брат известного поэта Константина Николаевича Батюшкова – Помпей Николаевич. От первой жены, Александры Григорьевны Бердяевой, у Николая Львовича Батюшкова было четыре дочери и сын Константин. Последнему исполнилось 7 лет, когда его мать умерла. Второй брак Н.Л.Батюшков заключил с Авдотьей Никитичной Теглевой, которая была на 22 года моложе своего мужа. Но через 7 лет и она скончалась, оставив ему двух малолеток: сына Помпея и дочь Юлию. А вскоре умрёт и сам Н.Л.Батюшков, и дети останутся круглыми сиротами. Старший, Константин Батюшков, напишет сестре Александре: «Де-

тей мы не оставим, не правда ли? Поможет сам Бог, и что-нибудь для них сделаем. Я возьму маленького (Помпея. – В.Д.), а ты – сестрицу».

В мае 1818 г. Константин Батюшков отвёз Помпея в Москву и определил его в пансион. Из его формулярного списка узнаем, что в 1829 г. Помпей Батюшков числился юнкером в артиллерийском училище. Вскоре, по сдаче экзаменов, его производят в прапорщики и оставляют в училище «для продолжения высших наук». А через три года, в чине подпоручика он прикомандировывается к лейб-гвардии конной артиллерии – в 3-ю лёгкую батарею, находящуюся при Брянском Арсенале. Сюда он и прибыл в августе 1832 г. «на один год для практического познания арсенальных работ». К этому времени ему шёл 22-й год. Однако Помпей Николаевич и по молодости не терял времени даром: он уже свободно читал и писал на немецком и французском языках, хорошо знал историю, географию, математику, физику, фортификационное дело, механику, химию, минералогию. Владел военными познаниями: как атаковать и оборонять крепости, знал искусство минных заграждений.

Дворянин Помпей Батюшков не был богат, где-то в Новгородской губернии он имел 50 душ крепостных крестьян. В архивных делах сведения о службе П.Н.Батюшкова на Брянском Арсенале после 1833 г. отсутствуют.

Известно, что Помпей Николаевич очень радел о здоровье своего сводного брата Константина Николаевича – душевнобольного. В 1880 году, после смерти последнего, П.Н.Батюшков много занимался сбором писем и документов поэта. В 1885 -1887 гг. он подготовил и издал трехтомное собрание его сочинений. Позднейшие исследователи творчества К.Н.Батюшкова назовут это издание «целой энциклопедией русской литературы конца XVIII - начала XIX веков».

3

Выходец из дворян Тамбовской губернии подпоручик Флорентий Фёдорович Павленков был прикомандирован к Брянскому Арсеналу в июле 1863 года. В ноябре этого же года его утвердили «заведывающим слесарными и паяльными мастерскими». У Ф.Ф. Павленкова была заветная мечта – стать преподавателем военной гимназии. Чтобы приблизить эту мечту, он окончил Михайловскую артиллерийскую академию, причём, по самому высокому – первому разряду. Но педагогом ему, увы, стать не пришлось – сразу после окончания академии его направили на Киевский Арсенал. Но там ко двору, как говорят документы, он не пришёлся: не сошёлся характером с начальством. Уж слишком гордым и прямым был гвардейский офицер конной артиллерии. К тому же ещё и вольнодумец. И отправили его подальше от Киева – в тихую провинцию.

Но не таков был Флорентий Павленков, чтобы так вот сразу сдаться на милость победителя. Он буквально забрасывает столичного инспектора местных арсеналов жалобами на своего обидчика – на командира Киевского Арсенала генерал-майора Горановича. В своих письмах будущий известный книгоиздатель выражал негативное отношение к генералу, употребляя «выражения, противные долгу военного чиновничества и более резкие». Ф.Ф.Павленков так надоел высшему столичному начальству, что в августе 1865 г. оно вынуждено было отправить рескрипт начальнику Брянского Арсенала о наказании офицера. Реакция на рескрипт последовала незамедлительно: в приказе говорилось, что Павленков «арестован на две недели с содержанием в дежурной комнате арсенала».

Читая послужной список Ф.Ф.Павленкова, видим, что в апреле 1866 г. он ещё значится на вакансии поручика на Брянском Арсенале. Через полгода Высочайшим приказом его увольняют со службы «по домашним обстоятельствам». Окончательно из списков служащих арсенала Павленкова исключают в середине декабря 1866 года.

Первые свои статьи Флорентий Фёдорович помещал в 1862-1865 гг. в журнале «Фотограф», «Артиллерийском журнале», «Журнале мануфактур и торговли». Живя в Брянске, Павленков перевёл и издал «Полный курс физики» Гано. В следующем году он за выпуск работ известного демократа-критика Д.И.Писарева будет отдан под суд, а в 1868 году – даже заключён в Петропавловскую крепость.

Всего Ф.Ф.Павленков издаст свыше 600 названий книг общим тиражом около 3 млн. экземпляров; среди них – знаменитая павленковская серия «Жизнь замечательных людей».

Источники и литература

ГАБО, ф.221, оп.1, д.1, лл.87об., 90, 135 об, 152, 152 об, 153 об, 154, 156 об, 157, 158. (П.Л.Пушкин); ГАБО, ф. 221, оп. 1, д. 322, лл. 35-38. (П.Н.Батюшков); ГАБО, ф. 221, оп. 1, д. 1367, л. 5. (Ф.Ф.Павленков). Веселовский С.Б. Род и предки А.С.Пушкина в истории. – М., 1990, с.197, 220, 221.

Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. – Л., 1991, с. 50.

Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись. – М., 1995, с. 425.

Кошелёв В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. – М., 1987, с.3, 260, 324.

В.М.Пусь (Стародуб.)

Реформы П.А.Столыпина и Стародубская земля.

Личный собственник... властен распоряжаться своей землёй, ... властен требовать отвода участков ... к одному месту, он может прикупить себе земли, наконец, может продать её.

Из речи П.А.Столыпина 5 декабря 1908 г.

9 июля 1906 г. распустив I Государственную Думу, Николай II назначил председателем Совета Министров П.А.Столыпина, который представил собственную программу, подавления революции жесткими мерами и немедленное проведение аграрной реформы. Наиболее важные законы и указы по его реформам были изданы 9(22).11.1906, 14.06.1910 и 29.05.1911 гг. Суть всех его преобразований вкратце можно свести к следующему: каждый крестьянин мог получить землю в частную собственность, свободно выйти из крестьянской общины, создать отруб или хутор, переселиться в Сибирь или на Урал; скупка крестьянским банком помещичьих земель для крестьян, а также различные экономические льготы для развития промышленности. Цель данного исследования – изучение результатов столыпинских реформ на Стародубщине.

Стародубские земледельцы и их землевладения. Для рассмотрения этого вопроса использовались преимущественно статистические данные о землевладениях на Стародубщине после отмены крепостного права (1880-е гг.), по состоянию на 1905 г. и в последние годы столыпинской земельной реформы.

В 1880-е гг. на Стародубщине (в пределах современного Стародубского р-на и близлежащих сел Погарского, Унечского и Клинцовского р-нов) насчитывалось: 185 помещичьих хозяйств, 226000 крестьянских хозяйств. Из них 4430 было безлошадных, 908 – безземельных крестьянских хозяйств, 123 – беспосевных площадей [3]. Если взять данные о размерах землепользования, то в 70-80-е гг. XIX в. намечалось снижение площадей дворянских земель (1880 г.–103838 десятин, 1885 г.–78550 дес.) и одновременный рост показателей землепользования со стороны купечества, мещанства и духовенства (1880 г.–25086 дес., 1885 г. - 39699 дес.). В ходе выкупа земель после реформы 1861 г. постоянно росло количество землепользований среди крестьянства, и этот рост продолжался в 80-е гг. (1880 г.-130894 дес., что составляло 50,36% всех земель, 1885 г.-167129 дес. или 58,55% всей площади). Одновременно происходило сокращение казенных земель: с 93 дес. в 1880 г. до 43 дес. в 1885 году.

В 1905 г. в Стародубском уезде насчитывалось 302262 дес. земли, что было значительно меньше, чем в трёх соседних уездах Черниговщины, входящих ныне в Брянскую область. Частным владельцам принадлежало 148724 дес. (49,2%), что являлось средним показателем для всех брянских земель. Надельной земли было 137593 дес. (45,5%), что было ниже, чем по соседним уездам, а казенной и церковной - 15945 (5,3%), что являлось низким показателем среди всех уездов Брянщины [4, с.10-11].

Рассмотрим размеры наделов Стародубских землевладельцев. На 1905 г. на Стародубщине насчитывалось 560 дворянских владе-

ний, что было больше всех по соседним уездам (Мглинскому, Ново-зыбковскому и Суражскому), а также больше всех дворянских владений уездов современной восточной Брянщины (Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского) [13, с.10-11]. Однако дворянские землевладения Стародубщины были преимущественно малоземельными. Дворяне владели 64898 дес. земли. Этот показатель ниже всех восьми уездов, составляющих нынешнюю Брянскую обл. (в Севском уезде – 2172 дес.) в Суражском – 317 дес. на одного владельца [14, с.10]. Интересным показателем является собственность купцов и мещан перед началом аграрных реформ. В 1905 г. эти категории на Стародубщине имели в среднем 190 дес. земли на одного хозяина. Этот показатель выше, чем у дворян. Справедливости ради стоит отметить, что такая картина была характерной для половины соседних уездов, правда, владели они тогда 16892 дес. и представлены в 89 владениях [14, с.11].

Оставшимися 220472 дес. стародубской земли владели крестьяне. В среднем на 1 крестьянский двор в то время в Стародубском уезде приходилось 6,1 дес. Этот показатель ниже всех уездов Брянщины (за исключением Мглинского уезда – 5,6 дес.) Даже в сравнении с общероссийским показателем – 11,1 дес. на двор -- видно, что во всех Брянских уездах, в том числе и в Стародубском, преобладали малоземельные крестьянские наделы [14, с.106-109]. Во всех уездах Брянщины бедняки составляли более половины крестьянских дворов, а на Стародубщине этот показатель доходил до 78% [15, с.19]. Таковы данные на начало аграрной реформы в нашем крае.

В ходе реформы крестьянам разрешалось выходить из общины, объявлять свой участок частной собственностью, а в 1909 г. были окончательно отменены выкупные платежи реформы 1861 г. Рассмотрим некоторые данные, касающиеся землепользования послереформенной Стародубщины.

В ходе преобразований ситуация с землепользованием изменилась. Крестьянство окончательно раскололось на бедняков (до 8 дес.), середняков (до 15 дес.) и кулаков (свыше 15 дес.). На 1909 г. в Стародубском уезде насчитывалось около 23000 крестьянских дворов (численность населения практически не изменилась), во владении которых было около 80000 дес. пахотной земли [3]. Бедняцких хозяйств стало более 80%, они владели около 90000 дес., что составляло 65% всех крестьянских земель. Бедственное положение бедняков на Стародубщине было хуже всех из 8 крупных уездов территории современной Брянщины за исключением Мглинского уезда, где этот показатель был еще выше (83,5% бедняков, владевших 73% всех земель). Средняков на Стародубщине было около 20%, владевших 45000 дес. (треть всех крестьянских земель). Что же касается богатых крестьян,

то на Стародубщине их показатель был невысок -1% от всех крестьянских хозяйств, владевших 3500 дес. (2,7% всей земли).

Данные статистики [13,14,15] имеют значительную погрешность и должны быть - с привлечением новых источников - в будущем пересмотрены. Дело в том, что в этих данных крестьяне показаны общей массой, а ведь среди них были и жители раскольничьих слобод – старообрядцы, у которых не было помещиков, и они обособились в единоличников в середине XIX в. (сл.Воронок, Новомлынка, Елионка, Солова, Лужки). Кроме этого, к числу крестьянских хозяйств почти во всех стат. данных отнесены и казаки, коих на Стародубщине было достаточное количество. Они жили богаче крестьян, владели большими наделами. Таким образом, число крестьянских дворов и наделов в этом списке всего лишь около 60-70%, и в ходе всех преобразований многие из них стали жить хуже, имея до 3 дес. земли на хозяйство, что было ничтожно мало.

Столыпин, разрешивший крестьянам выходить из общины, был в своих действиях неоригинален. Этот процесс начался до него - в 80-е гг. XIX в. Например, в 1885 г. в Стародубском уезде насчитывалось у крестьян-собственников и казаков (были и такие, вышедшие из казачьего общества, что было очень редко) 27852 дес. земли или 9,76% всей пахотной земли уезда [3]. То есть данное положение реформ было не очень благополучным для большей части населения Стародубщины.

О хуторах и отрубях. По столыпинским законам, любой крестьянин мог соединить отдельные участки земли (чересполосица) в один, который назывался отруб. А если собственник выделял его из общины и селился на этой выделенной земле, то возникал хутор [6, с.244-245]. Для рассмотрения этого вопроса автору удалось воспользоваться данными переписи населения и населенных пунктов Стародубщины [8, 9, 10].

Что касается отрубей, то эта практика на Стародубщине нешла широкого применения как и по всей России). Все дело в качестве земель, которые имел крестьянин в различных участках населенного пункта. (чернозем, серозем, глинистые, песчаные и заболоченные земли). По воспоминаниям старожилов многих сел Стародубского р-на, огороды издавна находились в разных местах села, что объяснялось не только разным качеством земли, выделяемой общиной, но и густой населенностью на небольшой площади. Такая ситуация с отрубями сохраняется до сих пор, преимущественно в селах (например, с.с.Чубковичи, Мишковка, Десятуха.) и в Стародубе.

Для Стародубщины появление столыпинских хуторов было не чем-то новым. Хутора начали здесь появляться не позднее начала XVIII в. (правда, суть понятия «хутор» в XVIII и XIX в. отличалась от

понятия начала XX в.). В 1781 г. на территории современного Стародубского р-на насчитывалось около 100 населенных пунктов, 5 из которых были хуторами [9]. К 1897 г. из 120 населенных пунктов Стародубщины 25 были хуторами, в их число не вошли около трех десятков поселений, имевших менее 10 жителей [8].

За годы столыпинской реформы количество населенных пунктов уменьшилось. Так, в 1916 г. на территории современного района их насчитывалось 95, и только 5 из них были хуторами [11]. Это объясняется тем, что многие хутора срослись с населенными пунктами, а не выделились из них (например, х.Иваничи - с селом Нижнее; х.Митяевка, х.Костенка - со г. Стародубом). Отсутствие некоторых пунктов можно списать на неточность советской статистики, но отсутствие около трех десятков поселений не заметить трудно. Так, неизвестно где располагался х.Истровка и х.Измайловка Стародубской волости, х.Кирковка и х.Мантельмар Нижневской волости. Интересна дальнейшая судьба хуторов в 20-50-х гг. XX в. Многие из них потеряли статус и стали называться «посёлками» (Таврика, Десятуха), а некоторые окончательно срослись с соседними крупными поселениями. В начале 2006 г. на территории Стародубского р-на насчитывалось 170 населенных пунктов, из них 5 -- хутора: Плоцкое, Друговщина, Каменчуковка, Новенький, Коровченка [10] Таким образом, судьба отрубов и хуторов на Стародубщине не сложилась. Стоит выделить 50-60-е гг. XIX в. и 20-30-е гг. XX в., когда происходило бурное расселение жителей по району.

Переселенческая политика. Стоит отметить, что переселенческая политика в стране проводилась и ранее. После правительственного указа 1892 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли Иркутской и Енисейской губернии» из Чернигов. губ. переселилось около 1000 семей.

За 17 лет (1896-1912) число ходоков в Черниговской губ. было 53649, число возвращенцев - 38037. [16] Исходя из данных по переселению крестьян Стародубского уезда, стоит отметить, что массового отъезда власти добились в 1907-1909 гг. Большинство переселенцев находились в пути от 10 до 20 дней, и прибывали к месту назначения преимущественно в марте-апреле (чтобы засеять новый урожай) [11]. Большинство переселенцев было из Суражского, Мглинского, Новгород-Северского и Черниговского уездов. Средние показатели переселения за 6 лет по северным уездам Черниговщины составили: Суражский уезд - 20 чел. на 1000 душ, Мглинский уезд - 11 чел. на 1000 душ, Стародубский уезд - 10 чел., Новозыбковский уезд - 7 чел. на 1000 душ, по губернии - 10 чел. на 1000 душ. Больше всего переселенцев из Стародубского уезда было в Лыщицкой, Юдиновской и Ста-

родубской волости, меньше всего - из Погарской и Яцковичской волостей.

**Итоги переселенческого движения Черниговской губернии
в 1896-1909 гг. [16]**

Год	Число ходоков	Возвращенцы
1896	2040	1254
1897	1803	1490
1898	2626	2289
1899	2530	2240
1900	5163	4222
1901	2106	1572
1902	1530	957
1903	1738	1085
1904	357	263
1905	235	73

Интересно, каким образом переселенцы отправлялись в путь. Часть из них оставили своё хозяйство под присмотром родственников (276 хозяйств), а 246 хозяйств послали в «разведку» на новые места лишь часть семьи [11, с.50]. Перед отправлением свои хозяйства переселенцы последних 3 лет реформы ликвидировали следующим образом: продали его (765 хозяйств), сдали в аренду – 279, передали в общину – 42, не ликвидировали – 180, не известно – 22 [11, с.50-52].

Уезжали на новые места в поисках лучшей жизни, как ни странно, «средняки», которые были, видимо, наиболее активной частью крестьян. Из общего количества переселенцев четырёх северных уездов Черниговщины составляли: безземельные крестьяне – не более 10 %, до 4 дес. – ¼ переселенцев, 10-15 дес. – 5-7 % хозяйств, а «средняцких» было почти половина хозяйств [11, с.50-52]. Переселенцами были крестьяне в возрасте 18-60 лет (около 50%) со своими детьми в возрасте до 10 лет (около 50%) [11, с.22-23].

Интересны данные о местах переселения крестьян за последние 3 года столыпинской реформы. Большая часть переселенцев из Стародубского уезда (такие данные схожи и по др. уездам Черниговщины) отправлялась уже на определённые участки земель – 325 хозяйств, без договора – 158, не известно - 9 хозяйств [11, с.36-38]. Добирались переселенцы до своей «новой» земли довольно быстро: до 10 дней – 423 хоз., 10-20 дней – 27 хозяйств, неизвестно – 42 [11, с.40]. В новые края они прибывали, в основном, с марта по июнь, видимо, стремясь на месте переселения засеять урожай, а также убрав урожай на прежних участках и учитывая, что зимой добраться по дороге было легче.

Больше всего стародубчан переселились в Томскую губ. (192 хоз., 1224 чел.), Акмолинскую обл. (64 хоз., 416 человек), в Семипа-

латинскую губ. (52 хоз., 416 чел.), Тобольскую губ. (33 хоз., 193 чел.), Тургайскую губ. (31 хоз., 202 чел.), Приморскую обл. (34 хоз., 227 чел.), Енисейскую губ. (31 хоз., 231 чел.), Амурскую обл. (25 хоз., 180 чел.), Оренбургскую губ. (10 хоз., 68 чел.), Иркутскую губ. (9 хоз., 54 чел.), Забайкальскую обл. (6 хоз., 46 чел.), Сибирскую губ. (5 хоз., 31 чел.), Семиреченскую обл. (1 хоз., 3 чел.) – [11, с.36 – 43]. В другие районы жители в последние три года реформ не переселялись вообще, к ним относятся Ферганская, Уральская, Сырдарьинская обл. и Самарская, Уфимская губ. [11, с.40-45].

Имеются данные об «обратных переселенцах» Стародубщины за 1909-1911г. [11]: Стародубский уезд (110 хозяйств, 551 человек); Суражский уезд (244 хоз., 1258 чел.); Мглинский уезд (168 хоз., 923 чел.); Новозыбковский уезд (82 хоз., 423 чел.). Таким образом, Стародубский край по числу «возвращенцев» имел средние показатели. Всего по Чернигов. губ. за последние годы реформы вернулось 1607 хозяйств, 8180 человек [11, с.66-67]. Больше всего в наши края возвращалось из Томской губ. и Акмолинской обл. [11, с.72-75]. Причинами возвращения на родину в последние годы реформы стародубцы называли: нет свободных участков (21 хозяйство), тяжёлые климатические условия (3 хоз.), недостаток воды -- 2, горы -- 2, болота -- 12, леса -- 4, нет леса -- 11, неудовлетворительные почвы -- 1, неурожаи -- 10, недостаток материальных средств -- 36, болезни -- 8, отсутствие документов -- 6, нет приписки -- 75, др. причины -- 26 [11, с.84-89]. Отсюда следует, что причины возвращения были банальные: отсутствие приписки и недостаток материальных средств, а не природные условия и качество земли на «новой родине». Таким образом, данное преобразование не нашло желаемого отклика среди крестьянской массы, что было характерно и для всей страны.

Промышленное развитие. Анализируя столыпинские преобразования, приходишь к выводу, что Пётр Андреевич не уделил должного внимания развитию промышленности, решив вначале успокоить и накормить страну. Несмотря на некоторые попытки расширить права и возможности мелкой буржуазии, всё закончилось неудачей, а может быть, реформатору просто не хватило времени.

Бурное развитие промышленности в рассматриваемом регионе произошло в 80-90 гг. XIX в., т.е. после отмены крепостного права. На 1900 г. в пределах современного района работало около 40 предприятий (с численностью рабочих более 5 чел.), годовое производство которых составляло 500 тыс. руб. в год [4]. В этот период предприятия Стародубщины занимали не последнее место в развитии - в сравнении с др. районами Брянщины.

К 1910 г. в Стародубском уезде насчитывалось около 20 таких предприятий, на которых трудилось 500 рабочих с годовым произ-

водством 870 тыс. руб. [12, с.48-50], эти данные были ниже в сравнении с др. уездами (кроме восточных) Брянщины. То есть в промышленном развитии наметился некий кризис. Были и положительные моменты в виде создания кустарных ремесленных заведений с малым количеством рабочих. Это были кузнечные, столярные, сапожные и др. предприятия. В 1910 г. в Стародубе насчитывалось 21 такое предприятие [12, с.95-100]. Это было ничтожно мало в сравнении с Ново-зыбковом (381) и даже Почепом (64) [12, с.150-230].

В целом, несмотря на некоторые улучшения (в основном, за счет мелких производителей), промышленность Стародубщины была слабо развитой и преимущественно перерабатывающей.

Другие направления реформы. Правительство Столыпина уполномочило Гос. Крестьянский Банк скупать помещичьи земли и перепродавать их на льготных условиях крестьянам, при этом предоставлялся долгосрочный кредит, доходивший до 90% стоимости земли с не более 4,5% годовых [2, с.10-11]. Кроме этого, для образования хозяйства и на др. нужды крестьянам также предоставляется льготный кредит. Отделение Гос. Крестьянского Банка в начале XX в. было открыто в Стародубе. К сожалению, каких-либо данных о развитии этого направления реформы в нашем крае найти не удалось. Исходя из стат. показателей, количество дворянских земель действительно сократилось на четверть [13,14], хотя это объясняется различными факторами. Некоторые крестьяне - преимущественно богатые - реально могли воспользоваться услугами ККБ. В основном, льготными кредитами воспользовались купцы и мещане для закупки сельхозорудий и совершенствования агрономических приемов [7]. Помимо этого, на Стародубщине, как и по всей стране, в эти годы зародилось кооперативное движение. Все эти преобразования слабо изучены не только в масштабах Брянщины, но и в целом по всей России.

Итоги. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что столыпинские реформы на Стародубщине не достигли высокой результативности. Многие из его начинаний уже были известны местным жителям, а другие просто не нашли должного отклика. Все это объясняется некоторой консервативностью всего российского общества и коротким периодом преобразований. Да и сам П.А.Столыпин говорил о долговременности результатов своей политики. Все его преобразования на территории современного Стародубского района были встречены спокойно (в отличие от некоторых регионов России).

Однако, его реформы затронули жизнь стародубцев и подвигли их улучшение земледелия, и землепользования, совершенствование агрономии и некоторому развитию промышленности с кооперацией.

К сожалению, гибель П.А.Столыпина остановила его преобразования, которые в годы Первой мировой войны сошли «на нет».

В данном исследовании приведены лишь предварительные результаты изучения вопроса. С нахождением документальных источников (особенно в архивах Украины) оценка результатов сталыпинских преобразований на Стародубщине может измениться.

В таблицах приложений ниже показано количество переселенцев из северных уездов Черниговской губернии, а также количество переселенцев по воостям Стародубского уезда в годы реформ П.А. Столыпина

Источники и литература

1. Административно-территориальное деления Брянского края за 1916-1985 гг. Т.Тула, 1987.
2. Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах. Минск, 1991.
3. Данные о землевладении на Стародубье. Стародуб, 2006.
4. Заводы и промыслы Стародубья на 1970. Данные Стародубского краевед. музея. Стародуб, 2006.
5. Земский сборник Черниговской губернии № 5, 1892.
6. История России. Справочник. Брянск, 1996.
7. Календарь сельского хозяина. Петроград, 1916.
8. Календарь Черниговской губернии. Чернигов, 1892.
9. Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Полк Стародубский. К., 1888.
10. Перепись населения Стародубского р-на Брянской области 1984, 2004. Стародуб, 2005.
11. Переселение из Чернигов. губернии в 1909-1911 гг. Чернигов, 1913.
12. Ремесленники и ремесленное управление в России. Петроград, 1916.
13. Статистика землевладения 1905 г. Вып.24.Спб.,1907.
14. Статистика землевладения 1905 г. Вып.47. Черниговская губерния. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. Спб., 1907.
15. Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочнение советской власти на Брянщине (март 1917-июль 1918).Тула, 1977.
16. Турчанинов И. Итоги переселенческого движения за время от 1896 по 1909 г.г. Чернигов, 1911.

Волость Стародубского уезда	1906		1907		1908		1909		1910		1911		Итого								
	Хозяйство	Мужчин	женщин	Хозяйство	Мужчин	Хозяйство	Мужчин	женщин													
																		Хозяйство	Мужчин	Хозяйство	Мужчин
Юдновская	1	2	1	36	110	94	54	152	157	38	138	122	7	30	21	5	13	13	141	445	408
Погарская	2	5	5	21	57	57	16	52	59	11	29	29	7	20	19	1	1	2	57	164	170
Чудовская	7	18	20	22	79	65	53	164	171	7	18	18	6	17	18	4	15	17	99	311	309
Кистёрская	2	3	4	25	76	70	32	96	109	20	75	67	6	18	22	13	36	45	98	304	317
Гринёвская	3	11	7	38	126	104	35	122	110	9	33	29	9	21	17	2	4	6	96	317	273
Гарлевская	2	2	2	57	178	161	14	45	43	5	15	16	2	8	8	3	9	8	83	257	238
Яковская	-	-	-	12	34	39	21	75	70	16	69	46	12	38	36	13	47	40	74	261	231
Стародубская	8	25	22	17	49	44	57	165	184	37	91	110	8	35	26	13	66	44	140	431	430
Пануровская	7	19	20	18	46	46	38	122	130	23	74	65	7	16	18	1	5	4	94	282	283
Соловская	4	11	8	8	24	25	19	65	53	28	97	112	9	28	34	3	8	8	71	233	240
Нижневская	6	13	11	18	53	50	39	111	119	23	86	83	8	32	28	-	-	-	94	295	291
Лышцкая	42	126	133	67	183	185	92	339	316	102	326	341	22	72	75	16	53	59	331	1099	1104
Другие	-	-	-	4	11	13	23	80	71	5	19	15	-	-	-	-	-	-	32	110	99
Посалы и город	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	3	-	-	-	1	2	3
Итого	84	235	233	343	1026	953	493	1586	1592	314	1070	1053	104	337	325	74	257	246	1412	4511	4402

Названия уездов Черниговской губернии	1906		1907		1908		1909		1910		1911		Итого за 6 лет								
	Хозяйств	Мужчин	Женщин	Хозяйств	Мужчин	Женщин															
															Хозяйств	Мужчин	Хозяйств	Мужчин	Хозяйств	Мужчин	Хозяйств
Стародубский	84	235	233	343	1026	493	1586	1592	314	1070	1053	104	337	325	74	257	246	1412	4511	4402	
Суражский	433	1573	1496	2151	7041	6543	916	3181	3246	402	1303	1347	142	470	473	685	638	4234	14853	13743	
Мглинский	153	420	403	871	2637	2577	316	1024	1029	272	826	804	133	470	443	55	186	175	1800	5563	5431
Новозыбковский	152	445	438	366	1190	1158	332	1164	1099	228	700	678	80	263	272	76	258	224	1254	4025	3869
По губернии	1494	5649	4468	7449	23495	22116	7181	23348	22470	4576	14898	14000	2067	6883	6519	1358	4565	4179	24125	77838	73752

Главный музей Брянской губернии (по вновь выявленным документам ГАБО).

В июле 1918 г. Брянский райсовет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принял постановление об образовании Брянской губернии.¹ Через год НКВД РСФСР предоставил исполкому Брянского уездного совета права губернского исполкома, с распространением его власти на 5 уездов – Брянский, Карачаевский, Севский, Трубчевский Орловской и Жиздринский Калужской губернии.² Они стали ядром губернии, официально образованной согласно декрету Совнаркома РСФСР 1 апреля 1920 г.³ Брянская губ. – предшественница современной Брянской области – просуществовала до 1 октября 1929 г., когда вошла в состав Западной области РСФСР.⁴ Таким образом, Брянск свыше 10 лет являлся губернским центром.

Первые музейные учреждения в голроде появились ещё в 1906 г. Это был Брянский церковно-археологический музей.⁵ В 1908 г. открылся Брянский земский музей наглядных пособий (педагогический), располагавшийся в здании Городского училища.⁶ Они представляли собой небольшие музейные общественные и церковные собрания, успешно проработавшие вплоть до 1917 г.; их коллекции, хотя и не в полном объёме, пополнили фонды первого государственного музея Брянска. Гос. архив Брянской области (ГАБО) хранит интереснейшие документы и материалы по истории этого и др. гос. музеев города. Ему мы уже уделяли внимание в ряде публикаций⁷. Целью настоящей работы является введение в научный оборот новых документов по истории Брянского губернского музея местного края, недавно нами обнаруженных.

Мысль об открытии такого музея, по воспоминаниям его первого директора С.С.Деева, возникла «ещё в 1918 г. в бывшем Городском Совете по народному образованию. Совет этот просуществовал очень недолго. С закрытием его вопрос об открытии музея был снят с очереди. Нашлось ещё немало причин, препятствовавших осуществлению этого, в высшей степени важного и неотложного дела. Благодаря промедлению, многое было упущено безвозвратно. План музея...изменился до неузнаваемости. Первоначальная идея рассматривала музей как передвижной педагогический. Мысль эта потом была оставлена и музей проектировался как художественно-исторический. Незадолго до открытия выставки к III съезду Советов, в 1921 г. решено было открыть музей местного края. Комиссия по отобранию экспонатов с выставки для музея посмотрела на открываемый музей с более широкой точки зрения. Этому немало способствовал успех выставки. Предполагалось показать промышленность не только в мест-

ном масштабе, но даже и в мировом, и этим по возможности поднять местную промышленность, упавшую за последние годы.

Конечно, выраженный проект комиссии поражал своей величественной красотой, но осуществить его оказалось не так просто как предположить. Посверкав некоторое, весьма непродолжительное время, проект лопнул, не оставив после себя никакого следа. Да так и должно было быть. Ведь согласно предположению, музей должен был бы разрастись до размеров если не Кенсингтонского, то по крайней мере Московского Политехнического...».⁸ По мнению С.С.Деева, «Музей Брянского края есть учреждение, долженствующее отражать в себе, как в фокусе, местную природу и жизнь человека и таким образом представлять из себя очаг и колыбель родиноведения. Он есть простейшая, естественная, органически развивающаяся форма самостоятельности местного населения в области внешкольного образования; он же является самым лучшим и могучим средством для заложения сознательных основ гражданственности.

Музей родного края есть естественное ядро музеев внешкольного образования, которые без этого немислимы. Только через него возможно осознание производительных сил России и их рационального использования и, наконец, он может служить великолепным средством подхода к народным массам для вовлечения их в образовательную работу.

Таким образом, задача – которую ставит себе музей родного края – это дать полную, правдивую картину прошлой и современной истории края, его природы и природных богатств, уже использованных человеком и ещё не привлечённых на службу ему, сохранить памятники старины, представить каждое явление жизни и природы в его естественной обстановке, в связи с находящимися во взаимодействии с другими факторами её, во всех тех соотношениях, которые определяют жизнь данной местности».⁹

Брянский музей был образован, согласно решению Брянского губисполкома от 24 июня 1920 г., при губернском отделе народного образования.¹⁰ 14 марта 1921 г. его заведующим был назначен С.С.Деев.¹¹ 1 сентября 1921 г. Брянский губернский музей местного края был открыт для посетителей.¹²

О формировании и развитии этого музея мы уже писали¹³, основываясь на документах ГАБО. Дополним эту информацию новыми, недавно выявленными архивными данными.

Так, в «Отчёте о состоянии Брянского Губмузея на 1 декабря 1921 г.», составленном его заведующим С.С.Деевым, упомянуто следующее: «В настоящее время Брянский музей занимает помещение в Брянском Практическом Институте, оставшееся свободным после закрытия домового церкви. Ещё весной сего года постановлением гу-

бисполкома под музей отведена была бывшая торговая школа, которая по своей вместимости и расположению комнат, вполне соответствовала назначаемой цели. Но перевести музей в здание, полуразрушенное ранее занимавшими его воинскими частями, не производя в нём капитального ремонта, не представлялось возможным. Комгоссоор отказал в помощи за неимением рабочих рук. Рабочие Брянского Мехартзавода изъявили согласие отремонтировать здание, но инженер Вутти, которому был поручен присмотр за ремонтом, несмотря на все усилия, не мог добыть нужных материалов.

Так, в хлопотах по приисканию рабочих и материалов, прошёл строительный сезон и от здания пришлось отказаться.

В сентябре, все имеющиеся в музее вещи были перевезены в Практический институт. Несмотря на короткий (сравнительно) промежуток времени, музей в настоящее время уже начал принимать облик соответствующий своему назначению. При открытии музея предполагалось иметь в нём три отделения: 1) художественно - историческое; 2) естественно-историческое; 3) научно-педагогическое. Два первых отделения имеют своих заведующих – специалистов, почему и экспонаты этих отделений отличаются большею полнотой и систематичностью. Что же касается научно-педагогического отделения – то последнее, несмотря на всю свою важность, пока выражено слабо и, может быть, случайно, главным образом благодаря отсутствию специалиста заведующего.

Благодаря внимательному отношению как ГубОНО, так и ГИК музей пополняется довольно энергично и близок тот момент, когда занимаемое им помещение окажется донельзя тесным. Но при получении предметов для музея не всегда всё проходит гладко. Примером может служить Дятьковский волостной отдел народного образования, отказавшийся выдать картины, вазы и скульптуру, несмотря на категорическое распоряжение ГубОНО и ГубЧеки. Правда, не везде так понимается значение Губмузея, как в Дятькове. Цементный завод того же Мальцовского района по первому объявлению Губмузея с величайшею предупредительностью передал ему весь свой палеонтологический материал, собиравшийся в течение многих лет. Епископ Амвросий (Брянский и Севский) также охотно выразил своё согласие на передачу церковных древностей в музей, для открытия в нём подотдела христианских древностей, столь необходимых в настоящее время при разрешении проблемы народного творчества. Таким образом, в настоящее время музей обладает по художественно-историческому отделению: 30 картинами, преимущественно западноевропейских мастеров, 4 рисунками, 1 акварелью, 29 старыми хромо-литографиями, 32 литографиями, 12 скульптурами из мрамора, бронзы и гипса, 3 вазами; имеется коллекция первобытных древностей

каменного века из 340 номеров, коллекция курганных древностей из 101 номера; по подотделу христианских древностей: 3 иконы, 53 номера медных литых и чеканных икон, крестов, 3 рукописные книги XVII-XVIII вв.; нумизматика показана небольшой коллекцией медных и серебряных монет, не старше времени Петра I; имеется коллекция кредитных билетов, выпущенных за время революции; коллекция плакатов: политических, экономических и просветительных. Имеется собственноручное письмо писателя Салтыкова-Щедрина и прочее. В естественно-историческом отделе находятся коллекции по геологии, минералогии, палеонтологии, ботанике, энтомологии, мимикрии и пр. Коллекция по ботанике включает: 1) серию таблиц «Брянский лесной массив» и схемы к ней, состоящую из 12 больших и 10 небольшого размера; 2) серии лекарственных растений из 3-х больших таблиц по спискам профессора В.И.Хитрово; 3) коллекция сорняков из 9 таблиц по спискам Хитрово; 4) серия таблиц по биологии и физиологии растений из 12 экз.; 5) растительность меловых склонов – 2 таблицы. Кроме того, из собранного летом материала готовится серия таблиц по морфологии растений и гербарий. Приготовление последнего остановилось за неимением подходящей бумаги. По геологии положено начало обзору пород Брянской губернии. По минералогии есть хорошая минералогическая коллекция, для приведения в порядок которой, приглашён специалист-минеролог. По энтомологии специалист-энтомолог приступил уже к работе, но, к сожалению, в музейной энтомологической коллекции слишком много дубликатов и потому этот отдел оказывается неполным. Его можно было бы сделать очень ценным, приобретя одну из лучших коллекций РСФСР, находящуюся в пределах нашей губернии, но Губмузей не обладает достаточными для этого средствами и она, вероятно, перейдёт в другие руки. По палеонтологии, кроме головы мохнатого носорога и зуба мамонта, очень немного предметов.

Коллекции по этнографии, биологии, зоологии, ботанике, географии и пр. составляют зачатки отделения научно-педагогического отделения. При всём этом сейчас в Музее находится весьма ценная, хотя и небольшая библиотека, дающая возможность хранителям сознательно относиться к весьма нелёгким своим обязанностям.

Музей для широкой публики ещё закрыт, так как все шкафы и витрины получены без замков, а мастеров для починки их нет. Кроме того, ещё не закончена разборка имеющегося материала. Но часть сознательных граждан уже посетила и посещает музей, приносит ему в дар часто весьма ценные вещи. Практический Институт также уже пользуется музеем, устраивая свои лекции для студентов с демонстрацией коллизий.

До переезда на своё настоящее место Губмузей, бывший ранее секцией охраны памятников искусства и старины подотдела искусств Брянского Губполитпросвета, производил большую, но не видную, а потому, может показаться, неблагодарную работу по обследованию, регистрации и собранию материалов. Кроме этой работы были устроены две выставки: одна художественная, из местных сил, и другая – промышленная – к III-му съезду Советов. Обе выставки охотно посещались как широкой публикой, так и школьниками, в виде экскурсий. С промышленной выставки многие из экспонатов, по предложению ГИК, были переданы в распоряжение Губмузея». ¹⁴

Ещё один интересный документ обнаружен в фонде известного брянского историка С.С.Дозорцева. Это выписка из заметки, опубликованной в газете «Брянский рабочий» за 1924-1927 гг. Она гласит: «Особенную гордость Брянска составляет краеведческий музей. Он начал организовываться в 1920 г. Заведующим назначили Деева. Благодаря его энтузиазму и энтузиазму малочисленных сотрудников музея, удалось собрать богатые коллекции, несмотря на недостаток средств и помещения. К середине 20-х гг. в музее было два отдела: культурно-исторический и естественный, посвящённый природе края. Посетители обращали особое внимание на чучело лесного орла, кости и зубы мамонта, скелет волосатого носорога. Затем были открыты этнографический отдел и небольшой художественный, благодаря поступлению 19 ценнейших картин Левитана, Шишкина, Серова, Маковского, Кончаловского, Айвазовского». ¹⁵

Определённый интерес представляет и «Справка Губмузея за №79 от 17.02.1926 г.», представленная в Брянское ГубОНО. В ней приводятся уникальные сведения об истории, динамике собирательской работы, посещаемости и количестве экскурсий Брянского Губмузея в 1922-1926 гг. Вот они: «1 сентября 1921 г. в Брянске был открыт музей. Мысль о необходимости его возникла ещё при первых раскатах грома русской революции. К сожалению, мысль эта не была подхвачена вовремя лицами, стоящими тогда во главе народного образования, благодаря чему много весьма ценного материала было потеряно для Брянского музея навсегда. Одним из первых, предъявивших свои права на оставшееся бесхозяйственным имущество б. помещиков и князей, явился Орловский музей, организованный ещё в царское время. На долю Брянского музея досталось собирать остатки, не попавшие на глаза захватчиков. Тем не менее, музей медленно, но верно начал расти и экспонаты его, вначале бедные и незначительные, пополняясь количественно и качественно, к настоящему времени представляют солидное собрание, заслужившее одобрение Центра в лице его Главного управления научных и научно-художественных учреждений».

Рост музея наглядно может быть представлен в следующих цифрах:¹⁶

	Колич.экспон.	Колич.посещ.	Кол.экскурсий
К 1 янв. 1922 г.	1729	записи не	Велись
К 1 янв.1923 г.	2058	-	-
К 1 янв. 124 г.	2697	3024	50
К 1января.1925 г.	3628	5692	92
К 1 января.1926 г.	5715	7985	110

Интереснейшую информацию о финансировании и штатах Брянского Губернского и др. музеев Брянска содержит справка за №1637 от 11.12.1926 г., направленная зав. ГубОНО Ильенковым в Брянский ГИК. В ней ГубОНО сообщает следующее: «Все музеи, находящиеся на территории Брянской губернии, никогда не состояли на содержании Центра. Возникшие в революционный период, точнее в 1919 и 20 году, они с первого дня своего существования содержались на местные средства...В настоящее время в Брянске находятся следующие музеи: 1) Брянский губернский краевой музей, 2) Брянский музей Октябрьской Революции, 3) Брянский Анти-религиозный музей. Бежицкая картинная галерея, за закрытием студии ИЗО, при которой она состояла, переведена в Брянский музей...Средства, отпускаемые на содержание музеев, проходят по сметам губернского отдела народного образования. На содержание Брянского губернского музея было отпущено на 1925 – 1926 год 2856 рублей, из коих на зарплату – 1915 руб.; на приобретение и на оборудование – 600 руб.; на командировки и учебно-научные расходы – 780 руб.; на канцелярские расходы – 53 руб.; на содержание инвентаря – 108 руб.

Брянский музей Октябрьской Революции и Брянский музей анти-религиозной пропаганды содержатся на средства Губкома. По смете ГубОНО музею анти-религиозной пропаганды отпускаются 500 рублей в год на приобретение литературы...Что касается обслуживающего штата, то таковой выражается в следующих цифрах прилагаемой таблицы:¹⁷

	Зав. музеем	Научн. сотрудн.	Технич. Исполнит.	Всего
Брянский губ. музей	1	1	1	3
Брянский Окт. Рев.	1	–	–	1
Брянский Антирелиг.	1	–	–	1

В ГАБО хранится и «Личная карточка сотрудника Брянского губернского музея Комарова М.А.». В ней значится: «Брянский губернский музей местного края, г.Брянск, ул.Фокина, здание механико-строительного техникума. Комаров Михаил Андреевич, род. 8 ноября 1883 г., беспартийный, состоит членом Союза работников просвещения, холост, отец 74 лет, мать – 62 лет. В бессрочном отпуске по от-

ношению к воинской повинности. Окончил Брянское среднее семиклассное техническое училище. Социальное происхождение – из купцов. С 1-го сентября 1921 г. работает в музее на должности инструктора Брянского музея местного края. В других учреждениях не работает. Дата заполнения: 1925 г. 25 марта».¹⁸

Определенные данные о Брянском Губмузее содержат «Сведения о музеях и зданиях, имеющих архитектурно-художественную и историческую ценность по Брянской губернии», составленные зав. Губмузеем С.С.Деевым и датированные 12.12.1925 г. Вот они: «Музей помещается в здании механико-строительного техникума имени Проф. Жуковского, на улице Фокина. Открыт для осмотра по вторникам, средам, четвергам и воскресеньям от 11 до 15 часов. Вход для всех свободный и бесплатный. Гидов на иностранных языках не имеется, но если бы встретилась в этом нужда, то можно было бы найти лиц, владеющих французским, немецким и английским языками... Брянский музей состоит из двух отделов: культурно-исторического и естественно-исторического. Каждому отделу отведен отдельный зал. Культурно-исторический отдел разделяется на 3 подотдела, а именно: художественный, христианских древностей и археологический. Естественно-исторический отдел разбивается на подотделы: леса, луга, местной фауны, геологии и палеонтологии. В художественном подотделе следует отметить портреты работы художников Бона, Дж. Дау. В подотделе христианских древностей – крест Ивана Грозного (вклад в Свенский монастырь), деревянные резные изображения Николая и Параскевы 16 века. В археологическом подотделе – палеолит, найденный летом 1925 г.

Начало Брянскому музею положено в 1919 г., но открыт для обозрения публики в 1921 г. В 1919 г. по частному почину группы лиц, состоящих из 3-х человек, была учреждена комиссия охраны памятников искусства и старины; в том же году эта комиссия переименовывается в п/о того же названия при Брянском ГубОНО. В 1921 г. с получением помещения, разворачивается Брянский музей».¹⁹

Последний документ датируется началом 1928 г. Это небольшое по объему письмо, заведующего Брянским ГУБОНО Козырева в Главнауку Наркомпроса. Брянское ГубОНО сообщало, что «специального музейного отдела у нас не имеется. До настоящего хозяйственного года Брянский музей имел губернское значение и поэтому руководство музейным делом было возложено на губернский музей. В настоящее время Губернскому музею придан характер городского музея и поэтому работа по руководству губернии в области музейно-строительства возложена по совместительству на старшего инспектора по политпросвету. Никаких средств на содержание музейного аппарата не отпускается. Работа по обследованию и изучению му-

зейного дела производится под руководством инспектора всем аппаратом ГубОНО, в порядке обследования деятельности местных ОНО».²⁰

Таким образом, восемь вновь выявленных документов ГАБО позволяют проследить замысел организаторов Брянского губернского музея по его созданию, взгляды его главного инициатора и организатора С.С.Деева на музей и его значение, узнать новые подробности создания и состояние музея в 1921 г. Впервые документально фиксируется наличие в собрании музея 19 уникальных картин русских художников и скелета шерстистого носорога; динамика сбора экспонатов, проведения экскурсий; количество посетителей до 1926 г. Дана смета финансирования на 1925-1926 гг., показан распорядок работы музея, перечислены его раритеты; отмечено, что Орловский губернский музей в 1917-1919 гг. вывез из Брянска и Брянского уезда немало ценных экспонатов, что инициативная группа по созданию Брянского губернского музея состояла из трех человек. Зафиксированы факт смены статуса музея с губернского на городской в 1928 г. и передача руководства музейным делом в Брянской губернии «по совместительству» старшему инспектору по политпросвету.

В заключение отметим, что этот небольшой комплекс архивных документов дал возможность выявить новые важные факты малоизвестной истории Брянского губернского музея местного края.

Комаров Михаил Андреевич, род. 8 ноября 1883 г., беспартийный, состоит членом Союза работников просвещения, холост, отец 74 лет, мать – 62 лет. В бессрочном отпуске по отношению к воинской повинности. Окончил Брянское среднее семиклассное техническое училище. Социальное происхождение – из купцов. С 1 – го сентября 1921 г. работает в музее на должности инструктора Брянского музея местного края. В других учреждениях не работает. Дата заполнения: 1925 г. 25 марта.¹⁸

Определенные данные о Брянском Губмузее содержат «Сведения о музеях и зданиях, имеющих архитектурно – художественную и историческую ценность по Брянской губернии» составленные зав. Губмузеем с.С. Деевым и датируемые 12.12.1925 г. Вот они: «Музей помещается в здании механико – строительного техникума имени Проф. Жуковского, на улице Фокина. Отрыт для осмотра по вторникам, средам, четвергам и воскресеньям от 11 до 15 часов. Вход для всех свободный и бесплатный. Гидов на иностранных языках не имеется, но если бы встретилась в этом нужда, то можно было бы найти лиц, владеющих французским, немецким и английским языками... Брянский музей состоит из двух отделов: культурно – исторического и естественно – исторического. Каждому отделу отведен отдельный зал. Культурно – исторический отдел разделяется на 3 подотдела, а

именно: художественный, христианских древностей и археологический. Естественно – исторический отдел разбивается на подотделы: леса, луга, местной фауны, геологии и палеонтологии. В художественном подотделе следует отметить портреты работы художников Бона, Дж. Дау. В подотделе христианских древностей – крест Ивана Грозного (вклад в Свенский монастырь), деревянные резные изображения Николая и Параскевы 16 века. В археологическом подотделе – палеолит, найденный летом 1925 г.

Таким образом, 8 вновь выявленных документов ГАБО позволяют проследить замысел организаторов Брянского губернского музея по его созданию, взгляды его главного инициатора и организатора с.С. Деева на музей и его значение, узнать новые подробности создания и состояние музея в 1921 г. Впервые документально фиксируется наличие в собрании музея 19 уникальных картин русских художников и скелета шерстистого носорога; динамика сбора экспонатов, проведения экскурсий, количество посетителей до 1926 г. Дана смета финансирования на 1925-1926 гг., показан распорядок работы музея, перечислены его раритеты, отмечено, что Орловский губернский музей в 1917-1919 гг. сумел вывезти из Брянска и Брянского уезда немало ценных экспонатов, что инициативная группа по созданию Брянского губернского музея состояла из трех человек. Зафиксирован и факт смены статуса музея с губернского на городской в 1928 г. и передачу руководства музейным делом в Брянской губернии «по совместительству» старшему инспектору по политпросвету.

В заключение отметим, что этот небольшой комплекс архивных документов дал возможность выявить новые важные факты малоизвестной истории Брянского губернского музея местного края.

Примечания

1. Государственный архив Орловской области. Ф.1. Оп.1. Д.3. Л.69.
2. ГАБО. Ф.1616. Оп.1. Д.49. Л.117.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче - крестьянского правительства РСФСР. – М., 1920. №26 от 20 апреля. Ст.124; Известия ВЦИК – 1920 г. – 15 апреля.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-рестьянского правительства РСФСР за 1929 г. – М., 1930 №10. Ст.116.
5. Орловские епархиальные ведомости – 16 апреля 1906 г. – отдел неофициальный. С.971, 974.
6. Журналы Брянского 45-го очередного уездного земского собрания 1910 г. – Брянск, 1911. С.68.
7. Поляков Г.П. Музейное строительство на Брянщине в довоенный период // Блокнот агитатора – 29 ноября 1988 г. С.22; Он же. Брянский краеведческий музей в 20-30-е гг. // 70 лет Брянскому гос. объединенному историко-революционному музею. Сб. материалов. – Брянск; - 1991. С.5 -10; Он же. Инвентарная книга Брянского губернского музея местного края // Деснинские древности. Вып. IV. – Брянск, 2006. С.266-270.

8. Речь на открытии Брянского общества естествоиспытателей и лесоводов 18 октября 1922 г. зав. Брянским губернским музеем С.С. Деева // Брянский край. Вып. I. – Орел, 1926. С.6.
9. Там же. С.5
10. Поляков Г.П. Сергей Сергеевич Деев – краевед и археолог // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. IV. Ч. 2. Киров, 2000. С.154.
11. Поляков Г.П. Брянский краеведческий музей в 20-30-е гг. // 70 лет Брянскому гос. объединенному историко-революционному музею. Сб. материалов. – Брянск, 1991. С.6.
12. ГАБО. Ф.84. Оп.1. Д.1813. Л.31.
13. См. пункты 7 и 10 данных примечаний.
14. ГАБО. Ф.84. Оп.1. Д.152. лл.7-11.
15. Там же. Ф.2939. Ч.2. Оп.2. Д.3.
16. Там же. Ф.84. Оп.1. Д.1813. Л.31.
17. Там же. Л. 15.
18. Там же. Ф. 84, Оп.1. Д. 512 / спр. Л. 21.
19. Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1813. Л. 21.
20. Там же. Ф. 84. Оп. 1 Д. 1829. Л. 228.

В.Е.Симоненко (Брянск)

Крупнейший лесовод-энтомолог П.Г.Трошанин.

Профессор Павел Григорьевич Трошанин (1902-1970) был широко известным специалистом в области лесной энтомологии и лесной фитопатологии нашей страны. Он родился 10(23) сентября 1902 г. в с. Журдине Сызранского уезда Симбирской губернии в семье мелкого служащего. В 1913 г. в том же селе он окончил начальное училище. Затем вместе с семьей переехал на жительство в Сызрань. Несколько лет Павел помогал по службе своему отцу – конторщику на лесопильном заводе.

С марта 1919 г. начал свою самостоятельную трудовую деятельность в качестве делопроизводителя, а с 1920 по 1922 гг. Павел Григорьевич продолжал свое обучение в Трудовой школе 2-й ступени, совмещая учебу с работой. После окончания школы, в 1923 г. Трошанин поступил учиться на лесной факультет Казанского института сельского хозяйства и лесоводства, а в 1926 г. с отличием окончил его.

С 1925 г., ещё будучи студентом, Павел Григорьевич работал лаборантом на кафедре лесной энтомологии, что определило его дальнейшую специализацию. Окончив ВУЗ, до мая 1928 г. он работал помощником лесничего и специалистом-энтомологом Марийского лесного отдела. Одновременно занимался серьезными научными исследованиями. В 1938 г. Трошанин успешно защитил диссертацию, ему была присвоена ученая степень кандидата сельхознаук. Затем работал в Татарской лесной опытной станции Всесоюзного НИИ

лесного хозяйства: сначала в должности ст. научного сотрудника, а затем – директора.

В годы ВОВ Павел Григорьевич был переведен на работу в Татарское управление лесного хозяйства, был управляющим конторой «Хозснаблес», где руководил выполнением оборонных заданий, в частности, изготовлением лыж, заготовок для ружейных прикладов, рудничной стойки, дров. Эта важная для военного времени работа была отмечена рядом Наркоматов страны.

Вся дальнейшая жизнь и деятельность ученого неразрывно связана с Брянщиной. После окончания войны, в октябре 1945 г. П.Г.Трошанин был избран на должность зав. кафедрой лесной энтомологии и фитопатологии Брянского лесохозяйственного института, которую возглавлял в течение 25 лет.

В 1950 г. Трошанину было присвоено ученое звание доцента, а в 1968-м, по совокупности научных публикаций, – профессора.

Предметом его научных исследований в 1950-е гг. стало изучение биологии хруща (майского жука) и разработка мер по ликвидации его очагов в лесном и сельском хозяйствах. До него этой важной проблемой не занимался ни один ученый, хотя данный вредитель наносил огромный ущерб лесам и полям. Актуальна эта работа и в настоящий момент, так как майский хрущ опять размножился и стал опасным для лесо- и сельскохозяйственных культур.

Являясь высококвалифицированным научным сотрудником, Павел Григорьевич на протяжении многих лет оказывал систематическую помощь производственным организациям в работе, направленной на повышение производительности лесов. Он принимал участие в крупных научных экспедициях по обследованию санитарного состояния лесов Европейской части России и Брянской области, в частности. При этом ему пришлось исходить тысячи километров лесных угодий. На основании полученных результатов, Трошаниным был разработан ряд инструкций по борьбе с вредными насекомыми и грибковыми заболеваниями древесной и кустарниковой растительности. По его докладу, сделанному на совещании в Главкоме лесного хозяйства в Москве в апреле 1960 г., было принято Постановление по ведению в лесхозах книги учета санитарного состояния лесных массивов.

П.Г.Трошанин систематически составлял учебные пособия для студентов по дипломным проектам, летней учебной практике, лабораторным занятиям по энтомологии, одобренные всеми лесными ВУ-Зами страны. Эти пособия впоследствии Министерством высшего образования были рекомендованы для использования в учебном процессе. Кроме основной работы в БЛХИ, Павел Григорьевич читал лекции на курсах по переподготовке инженеров и техников лесного хо-

зяйства, агрономов, лесомелиораторов, лесоустроителей, учителей средних школ. Большое внимание ученый уделял подготовке молодых кадров. Несмотря на свою занятость, он находил время для консультаций школьников, занимающихся в биологических кружках.

Много лет Трошанин являлся руководителем Совета научного общества студентов БЛХИ. Под его редакцией в 1951 г. был опубликован «Сборник студенческих научных работ», объемом 5 печатных листов. Он оказывал всестороннюю помощь молодым науч. сотрудникам в подготовке кандидат. диссертаций. По поручению Министерства Высшего образования СССР, руководил годичной аспирантурой по лесной энтомологии. Состоял рецензентом ВАКа. Под руководством профессора Трошанина было подготовлено большое число аспирантов, в т.ч. и работавших с ним на одной кафедре в БЛХИ, а позднее в БТИ – А.В.Давыдова, Н.З.Харитонов, М.Т.Лавров, В.С.Балобешко.

П.Г.Трошаниным за годы его деятельности было написано 76 научных работ, и в их числе монографии «Сосновый вертун и борьба с ним», «Организация лесозащиты в лесхозах и леспромхозах», «Хрущи и борьба с ними». Результаты его научной и научно-методической работы и сегодня широко используются и в практике ведения лесного хозяйства и в учебном процессе в ВУЗе.

Его труд был высоко оценен: в 1945 г. Трошанин был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Татарской АССР, в 1948 – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Позднее, за многолетнюю плодотворную работу Павел Григорьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Скончался П.Г.Трошанин в Брянске в 1970 году.

Автору посчастливилось в детские годы лично знать этого ученого. Он поддерживал мой интерес к природе, содействовал дальнейшему его развитию, что со временем повлияло на выбор профессии. Материалы для данной статьи были предоставлены дочерью П.Г.Трошанина, Лидией Павловной.

Н.В.Печикина (Брянск)

Одежда крестьян Трубчевского уезда в конце XIX - начале XX веков.

(по материалам этнографических исследований).

В конце XIX-начале XX вв. в состав Трубчевского уезда частично входили территории современных Выгоничского, Навлинского, Суземского, Брянского, Погарского, Почепского, Жирятинского, Брасовского районов. В этот период изучением старинной крестьянской

одежды Трубчевского уезда занимались П.И.Якоби, Д.О.Святский, Н.И.Лебедева.

В этнографическом исследовании «Вятичи Орловской губернии» П.И.Якоби описал головной убор крестьянки северной части Трубчевского уезда, который бытовал там ещё в крепостное время. «Это своеобразная шапка: ... род цилиндрической или слегка конической коробки, узкой и длинной, поставленной стоймя на голове, над которой она возвышалась на 6, 8 и даже более вершков. Обыкновенно она сделана из бересты, обшита и украшена более или менее дорогой тканью, с вышивками и галунами. Со времени освобождения крестьян такие шапки более не носятся и сохраняются в сундуках, а их заменила низенькая рогатая шапочка точно так же вышитая и изукрашенная. Головной убор называется сорока. Все называли его «срамной», «стыдной...». [4, с.151-152].

Прошло всего четыре десятилетия, и этот головной убор тоже ушёл в прошлое. Отказаться от него помогали даже священники. В некоторых сёлах крестьянок в рогатой кичке просто не пускали в церковь и не давали причащаться. «С рогами, а идёшь в церковь», – говорили они. Особенно радовались этому мужчины, так как в былые времена на женский головной убор приходилось «тратить по 100 рублей и более» [3; с.9-10].

Летом 1909 г. – с целью изучения и сбора этнографического материала по заданию Русского музея им.Александра III – в Трубчевском уезде работал Д.О.Святский. В своём отчёте он писал, что в это «время в Орловской губернии, как и повсеместно по стране, костюм отличался сравнительным однообразием: пиджаки, юбки, кофты, как у мещан в городах; что на основной территории обследованных им мест старинный костюм уже вывелся, что его никто почти уже не носил, хотя память о нём была ещё жива».

Но в то же время Святский отмечал, что «и в это время источники были настолько богаты, что можно воссоздать историю местного костюма; как сороки сменялись златоглавами и верхушами, шеломки – повойниками» [1]. И это естественно: ведь головные уборы собирались и формировались десятилетиями, бережно хранились и передавались по наследству из поколения в поколение.

Шеломок состоял из шапочки с пунцовым атласным верхом, сложенной пирожком, наподобие обыкновенной мужской шляпы а la Пушкин, но надеваемой не вдоль головы, а поперёк. Повязывался он особой расшитой повязкой с махрами. Шеломок был распространен от Суземки и Горожанки до Трубчевска и Новгород-Северского.

В начале XX в. в Суземке женщины уже носили «повойник». Он представлял собой круглую плоскую шапочку, надевавшуюся на обруб, из материи алого цвета, стёганой геометрическим простым

узором. Поверх повойника повязывали фабричный платок. Праздничный повойник расшивали большими малиновыми узорами в виде махровых цветов, а также жёлтой и серебряной нитью, и иногда надевали его на будничные. Такие головные уборы шили в местечке Середина-Буда Новгород-Северского уезда. Встречались повойники, верхушка которых была вышита разноцветной шерстью, с крупным растительным орнаментом. Их приносили богомолки из Киева.

Не только женские головные уборы, но и другие элементы старинной одежды населения Трубчевского уезда, благополучно долежали в сундуках и погребах (где обычно хранилось от пожара всё самое ценное) до отыскавших их исследователей-этнографов.

В 1925-26 гг. этнографическую экспедицию с посещением Трубчевска и части уезда, прилегающей к р.Десне, совершила Н.И.Лебедева. Она занималась исследовательской работой в населённых пунктах: д.Уты (Удельное), д.Якобское (Яковск), с.Рябчевск, д.Манцурово, д.Прутки, с.Меркульево-Уты, д.Лбы, д.Саврасово, д.Здеславка, с.Плюсово, с.Юрово, д.Литовка, д.Ивановка, д.Голубча, д.Ивановская, с.Любожичи, с.Фомчино, д.Верхние Новоселки, с.Орельск, с.Глинево (Гнилево), д.Нижние Новоселки, д.Кветунь, д.Вдолья, д.Селец, д.Колодезь, с.Филипповичи, д.Тёмная, д.Макорзня (Макарзно). Здесь жили крестьяне бывшего удельного ведомства. В некоторых сёлах, например, Орельске, жили однодворцы, но к середине 20-х гг. XX в. они так слились с местным населением, что в одежде ничем уже от него не отличались.

В этом регионе женские рубахи шили в 3,5 полотнища с прямыми поликами, пришитыми по основе. Рукав вшивался в угол, образованный внешним краем полика и станом (Рябчѣвск, от Утов до Витемля по Десне, в районе Трубчевска). Эти рубахи были очень похожи на рубахи Киевской, Полтавской, Подольской губерний. Для Трубчевска были характерны пышные рукава, близкие украинским. Виды рукавов были разные: и без ластовиц (старые), и с ластовицами. Рукава кроили по-новому: из 1; 1^{1/4}; 1^{1/2} полотнища, без сборок сверху, у запястья сборки шли под узкую обшивку или обшлаг. В Рябчевске и других местах этот вид называли «зарукавник». Рубахи были и без воротников (с узкой обшивкой вокруг шеи), и с отложными воротниками, которые считались польско-литовским наследием ещё с XVI-XVII веков. Такие рубахи встречались у однодворцев Липецкой, Воронежской, Рязанской губерний. Застѣгивали их на две тесьмы через прорези двух петель. В старых рубахах употребляли медную демидовскую пуговицу, в новых – покупную стеклянную или «кокосовую» и прорезную петлю. Отложной воротник раньше ничем не украшали, позднее его расшивали чёрно-красным бумажным крестом. Рубахи бытовали с подставами и без них, т.е. составные и цельные. В

Рябчевске их называли чехликами. Составные рубахи были будничными и воскресными, но никогда – обрядовыми. Повсеместно украшали подол, полики, рукава. Древний способ украшения – затыкание красной бумагой «закладной» и «браной» техникой. Существовал и новый способ: вышивка крестом красными и чёрными бумажными нитками. Не украшали по подолу рубахи старушечьи, погребальные, траурные и обрядовые.

В этих населенных пунктах преобладали поневы-«колышки», которые состояли из двух полотнищ длиной 186-195 см домотканой шерстяной красной материи в клетку, размером 1x2 см, с узорами «цыганкой» и «бровкой». Полотнища сшивались по основе на длину 100-112 см при помощи цветной шлёнки и белой бумаги. Место сшива называлось «увозка» (Рябчёвск) или «растопырка» (Орельск), узор при шве – «петушки». Несшитые части понёвы называли «колышки». Сшитой частью понёвы прикрывали нижнюю часть тела сзади, ниже талии, а «колышки» закладывали углом спереди. Сзади нижнюю правую сторону поднимали к талии. Всю понёву привязывали поясом. Такой способ ношения назывался «кульком». Самой нарядной была духовская понёва, где для украшения использовали позумент, разноцветную шлёнку, кумач, шнуры «вилюшки» голубые и желтые. Понёвы ткались «браной» техникой.

Старинные и новые понёвы Трубчевского Подесенья были очень похожи на понёвы Севского уезда, районов р.Ипути и верховьев Днепра. Носили здесь и нагрудник – «саян», известный на западе с XV в. (влияние Смоленщины).

Передники в этом районе назывались «запанами». Их шили из одного полотнища холста, перегнутого по утку, с разрезом посередине для продевания головы. Боковые кромки сшивали вместе, оставляя проёмы для рук. Сзади, в центре полотнища вырезали полоску в $\frac{3}{4}$ длины запана, чтобы его можно было надеть. В более ранние времена запаны носили девочки с 7 лет, причем, с понёвой. В Рябчевске, Орельске передники украшались браными узорами «солдаты», «яблоки», «пальчики», «клинушки», «узорчики», «костыли». Как новый вид украшения в конце 19-начале 20 века использовали вышивку крестом.

Головной убор женщин здесь назывался «позявкин». В Рябчевске он состоял из одного полотенца. Полотенце складывали вчетверо по длине и клали на лоб так, чтобы его концы шли назад, где переплетались и вновь возвращались на лоб. Здесь концы закладывались так, что затканые части покрывали лоб и виски. Для головного убора использовали и покупные полотенца из миткаля с затканками и вырезами. Девушки носили платки, которые складывали углом и завязывали под подбородком.

Для этих мест были характерны лапти-«рачки» и московского типа с черными шерстяными, ткаными и ременными оборами. Перед первой мировой войной в моду вошли сарафаны с лифом, можно было увидеть и полосатые домотканые юбки. Мужчины носили рубахи с косыми воротами и перetyками, с вышитыми косяками на груди; белые валяные шляпы, порты. И женщины, и мужчины ходили в белых зипунах.

Бывшие апраксинские крестьянки сёл Глинное, Вздружное, Салтановка, Зеленухово, Пролысово, Сытенки шили рубахи с прямыми поликами и отложными воротниками, носили котелкообразные кички, кокошники, чепцы, понёвы-разнополки, лапти-«рачки» и московского типа, сарафаны из прямых полотнищ, мужские рубахи в качестве нагрудников, пушки на висках, которые уже редко можно было увидеть. Зипуны и мужские колпаки-валянки были такие же, как и в вышеперечисленных населенных пунктах.

В селениях Сосновое Болото, Уручье, Милечь, Рясное, Колодное, Павловка (Подлинева Слобода) женщины-крестьянки носили рубахи с косыми поликами, запаны, нагрудники, понёвы-разнополки, рогатые кички с бисерными позатыльниками, чепцы; девушки – сложенный платок, повязываемый по лбу; лапти-«рачки», «щербачи» и московского типа; оборы черные шерстяные, дёрганные на пальцах. В начале XX в. в моду вошли кофты и юбки.

Мужская одежда этих населённых пунктов – рубаха-косоворотка с вышитыми косяками на груди, с перetyками на подоле, на рукавах; пояса с бисером, белые клинастые зипуны, белые колпаки и кожаные мешочки «саке» на поясе.

Литература

Живая старина. СПб, 1910, №1.

Лебедева Н.И. Народный быт в верховьях Оки и верховьях Десны. М., 1926.

Материалы по этнографии России. Под ред. Волкова А.К., СПб, т.11910.

Якобий П.И. Вятичи Орловской губернии. СПб, 1907.

М.А.Комова (Орел)

Иконопись ветковско-стародубского типа в церковных, музейных и частных собраниях Орловской области.

Орел никогда не был крупным иконописным центром. В силу своего географического положения и исторических обстоятельств, художественная культура Верхнего Поочья (в границах Орловской губернии), а особенно иконопись, не только опиралась на традиции Москвы, но и была некоторое время тесно связана с Украиной, конкретно – с Киевом, с Киево-Печерским монастырем, которому были

подчинены некоторые местные обитатели. Поэтому мы обнаруживаем в местной иконописи следы живого воздействия киевской традиции, украинского барокко, орнаментальной культуры. XIX столетие в орловской иконописи стало продолжением творческого самоопределения, начавшегося в середине 2-й пол. XVIII в. Претерпевая ряд законономерных изменений, в XIX в. сосуществует большое количество направлений и манер, бытовавших в предыдущую эпоху, что создает ощущение стилевого запаздывания. Не случайно в Орле по-прежнему было много произведений мастеров, работавших в традиционном иконописном стиле. Именно они составляли основную часть от всех сохранившихся местных икон, несмотря на полное забвение этого ряда произведений в официальных местных источниках.

Ареал бытования традиционной иконописи был смещен в юго-западные области Орловской губернии, а также в близлежащую Черниговскую. По соседству, на территории, тяготевавшей к Белоруссии, располагались старообрядческие Ветка и Стародубье. Последний район принято считать обособленным культурным центром, что обеспечило своеобразие его художественной традиции. Идущие оттуда художественные приемы вплетались в иконопись Орловского края. Образы, вышедшие из ветковских мастерских еще в XVIII в., по мнению известного исследователя иконописи Н.И.Петрова, являлись примером «особой иконописной школы или пошиба»¹. В XIX в. он был достаточно авторитетен для многих регионов, где проживали старообрядцы-поповцы (для поволжских поповцев на Иргизе, для семейских Забайкалья).

На западе Орлов. губернии ветковская составляющая традиционной иконописи была очень весомой. Ветковско-Стародубский центр, развивавшийся параллельно с владимирскими иконописными селами, буквально приковал внимание иконописцев Орлов. губернии в XIX в. Произведения, созданные на основе подобных образцов, качественно отличались от провинциального архаичного живоподобия XIX в. значительно большим вниманием к сохранению традиционной основы, восходящей к иконописи XVII в. Произведения иконописцев, выходцев из старообрядческих скитов, выполнялись не только для старообрядческого обихода, но и для синодальных храмов. В частности, несколько образов было выполнено для иконостаса Успенского собора Свенского монастыря².

---

¹Петров Н.И. Коллекция старообрядческих икон и др. священных предметов из Стародубья, собранных В.Н.Фальковским // Труды Киевской Духовной Академии. 1902. Янв. С. 151.

²Савкин В.В. Брянская иконопись // По следам народного искусства. Тула, 1991. С. 125.

Необычный отпечаток на местное иконное наследие наложило присутствие в Орловском крае большой прослойки старообрядцев, по-своему хранивших «древнее благочестие» и создававших на этой базе собственную традицию. Иконы из Стародубья приносились для проведения обрядов. Например, в 1822 г. приезжал в с.Лужки (Кромского уезда) «из города Стародуба раскольнической секты какой-то неизвестный человек с образами» для проведения обряда крещения¹. Во 2-й пол. XIX - начале XX в. беглопоповцы Малоархангельского уезда поддерживали контакты с общиной в Ветке. Представители орловских старообрядцев нередко ездили туда за иконами, крестами, книгами, просфорами, водой для причастия². Ряд мастеров, выполнявших заказы старообрядцев в Верхнем Поочье, следовали ветковской манере, например, мастер И.Ермаков (см. далее).

Благодаря особой роли Ветковско-Стародубского центра на западе Орлов. и севере Чернигов. губерний были распространены следующие композиции: иконы Христа Вседержителя (варианты – оплечный, поясной, на престоле), «Седмица», «Христос Великий Архирей», «Спас Благое молчание», «Воскресение – Сошествие во ад» краткое и со страстями, Нерукотворный образ, Распятие; образы Богородицы: «Акафистная со свитком» с поясного деисуса, «Боголюбская», «Всех скорбящих радость», «Знамение», «Казанская», «Курская Коренная», «Нечаянная радость», «Неопалимая купина», «Огневидная» (только на Брянщине), «Покров», «Ченстоховская – Умягчение злых сердец», «Успение облачное» (полный и краткий варианты), «Утоли моя печали», «Федоровская»; образы св.Иоанна Предтечи – деисусный и «Усекновение» с «Обретением главы»; образы архангела Михаила (конный, поясной); образы св.Николая Чудотворца – Зарайский, Можайский, Отвратный (только на Черниговщине и Гомельщине), а также образы русских и общехристианских святых – Димитрия Прилуцкого (редко), Пафнутия Боровского, Сергия Радонежского, св.Георгия Победоносца, св.Харлампия, а также четырехчастные и трехчастные иконы с наборами композиций, характерных для Ветки³. Отметим также больший процент (в сравнении с центральной Орловщиной) привозных икон из Стародубья, что обеспечило более стойкое сохранение этой традиции на протяжении всего

---

¹ ГАОО. Ф. 580 (стол временный). Оп.1, Д.39. Дело по обвинению экономических крестьян Орлова и Сухарева Г. в принадлежности к раскольнической секте (7 сентября 1829 – 26 мая 1844 гг.). Стр. 1-10. 7 сентября 1829.

² Краткий обзор занятий Орловского миссионерского съезда по истории и характеристике раскола старообрядчества. //Орловские епархиальные ведомости. 1901 г. № 49. С. 2173.

³ ГТГ: каталог собрания. Древнерусское искусство. Т. I М., 1995. С.58.

XIX века.

Выявить среди большого количества произведений Ветки и Стародубья иконы, выполненные мастерами центральных уездов Орлов губернии, ранее не представлялось возможным. Сохранившиеся памятники являются в целом ветковско-стародубскими (либо монастырских мастеров, либо сельских, в зависимости от уровня написания и времени выполнения), т.е. созданными за пределами бывшей Орлов губернии. В Верхнем Поочье (в т.ч. и в Орле) иконографические типы были менее разнообразны, чем на Брянщине. Из образов Спасителя – «Вседержитель» (поясной), «Спас в силах», «Седмица», «Благое молчание», «Воскресение – Сошествие во ад» (краткое и со страстями), «Распятие», «Всех святых» (краткий вариант); образы Богородицы – оплечный образ из деисуса, «Всех скорбящих радость», «Казанская», «Курская Коренная», «Неопалимая купина», «Покров», «Тихвинская», «Утоли моя печали»; образы Архангела Михаила: конный, поясной; св.Никола Чудотворец – Зарайский, Можайский (редко)¹. Практически не представлены в орловских собраниях отдельные образы русских и общехристианских святых (если не считать изображений на полях икон), а также многочастные иконы ветковского типа. Попробуем выяснить, существовали ли стилистические направления, близкие Ветке, которые бытовали в центральной Орловщине, значительно отдаленной от ветковского центра.

Произведения ветковско-стародубского круга в Орлов. губернии.

1. Св. Димитрий Прилуцкий. Начало XIX в. 48,5x40 см. Частное собрание в Орле. Привезена из Брянской обл. Н.П.Кондаков, отмечая особенности типа ликов, как в этой иконе, – «с рядами резких морщин, пролегающих какими-то металлическими полосами на лбу», встречавшихся в некоторых иконах Кремля и Рогожского кладбища, – считал их признаком «аскетического направления иконописи (второй половины) XVII в., возобновившего сумрачные морщинистые типы византийского искусства XII в.»². Но в этом образе морщины не так ярко выделены как на некоторых поморских иконах. Личное письмо очень мягкое, с неяркой градацией санкири и охрения. Губы не так припухлы и ярки, как в характерных ветковских ликах.

---

¹ Перечисленные иконы находятся в собраниях ОМИИ, церковных и частных собраниях Орловщины.

² Кондаков Н.П. Московская иконопись XVII века // Русская икона. Т. 4. Прага: Kondakov Institute, 1933. С. 346-382; *он же*. Указ. соч. // Богословие образа. Икона и иконописцы: Антология. М., 2002. С. 174-175.

Иконографически и стилистически образ св.Димитрия Прилуцкого восходит к живописи ярославских царских мастеров XVII в.¹ Композиция динамична и построена на чередовании вертикальных, горизонтальных и диагональных форм. Монашеский аналав с белыми голгофами на плечах и груди святого и куколь образуют темный крест, обволакивающий светло-оливковый лик. Ладонь правой руки манерно откинута по диагонали. Кисть левой руки с выпрямленным указующим перстом крепко сжимает раскрытый свиток с текстом, начинающимся с характерной ветковской красной буквицы с завитками и повествующим об удалении святого для молитвы в пустынные места. Большая роль в ритмическом распределении цвета отдана белому. В правом верхнем углу – это свет вокруг Христа, протягивающего Евангелие святому; это и линейный рисунок крестов и обводка аналава, опись нимба, средника и опуши. Виртуозно прозрачными красками выполнены темно-вишневые одежды с холодными притенениями. Строгий горообразный монументальный силуэт подвижника на золотом фоне возникает перед взором молящегося.

Это одна из самых замечательных икон, встретившаяся на Брянщине. По сосредоточенному на молитве выражению лика, скромной, но тонкой по цветовым сочетаниям живописи одежд без украшений, мы можем отнести это произведение к началу XIX в., наиболее благоприятному времени развития ветковской иконописи. Автор мог принадлежать к кругу мастеров, обучавшихся в Климовском Покровском монастыре, преобразованном в единоверческий в 1847 году.

2. Спас в силах, из деисусного чина. Начало XIX в. 40x55 см. Подарена в 1990-х гг. в Иверский храм в Орле из частного орловского собрания. Данная иконография с XVIII в. сохранялась, главным образом, у старообрядцев. Но на Ветке названная иконография не была распространена. Сохранившиеся ростовые поклонные чины содержали иконы «Спас на престоле», а также «Седмица» или «Предста Царица» (как встречающиеся возможные варианты), а в более распространенных поясных деисусах – образ «Спас Вседержитель». Ни в собрании Ветковского музея, ни в коллекциях региональных краевед. и худож. музеев «Спаса в силах» нет. Теоретически они могли присутствовать, так как есть сведения о создававшихся храмовых иконостасах и сохранившихся, разрозненных, ростовых иконах святых в деисусном предстоянии. Редкое исключение составляет небольшая икона «Спаса в силах» XIX в. из одного из старообрядческих храмов

---

¹ Гребенюк Т.Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Технико-технологический аспект // Живые традиции. Результаты, перспективы комплексных исследований русского искусства. М., 1998. С. 387.

Гомельщины¹. Обнаружение в Орле подобной композиции корректирует наши представления о композициях ветковского типа.

Стиль изучаемого произведения сохраняет среднерусскую традицию, отточенную царскими московскими и ярославскими мастерами в 1-й пол.-середине XVII в.². Подобная иконография Спаса с асимметричной прядью волос на плече, в золотых одеждах, держащего Евангелие с красной тонировкой страниц, сидящего на престоле, встречается в ряде московских произведений XVII в.³. Композиция лишь отдаленно цитирует экспрессивное движение, сосредоточенное в древнерусском варианте на вытянутой по вертикали фигуре Спаса с удлинненными пропорциями. Такие изображения Вседержителя на престоле просуществовали до XIX в. Образцом для орловской схемы могла стать прорись 2-й пол. XVIII-начала XIX в. «Вседержитель на престоле», аналогичная экспонату из ГИМ. Тип лика орловского Спаса ближе изображенным в конце XVIII в. образам (например, прорись «Вседержитель поясной с закрытым Евангелием»⁴).

Мы можем провести аналогии не столько с иконописью, сколько со стенописями Поволжья, имеющими более плоское, декоративное решение доличного и личного. Во многом повторяется установившийся в XVII в. торжественный, царственно-церемониальный, величавый, основательный и материальный образ Христа. На овальной двухцветной темной, зеленовато-синей мандорле, заполненной тонко прорисованными ангельскими силами, располагаются необычные для этой композиции звезды (часто встречающиеся на иконах Ветки при украшении сияния и одежд⁵). Звездами староверы наполняли храмовые «небеса» на Брянщине и Черниговщине и украшали мафорий Богородицы⁶.

---

¹ Нечаева Г.Г. Ветковская икона. Минск. 2002. С. 22-24, 48, 244.

²Т.Н.Нечаева (ЦМиАР) связывает ветковскую иконопись с ярославскими царскими мастерами, в отличие от Т.Е.Гребенюк (ЦМиАР), считающей ее продолжением традиции романовских писем. Иконы из Романова-Борисоглебска были представлены на выставке «Следуя отеческим преданиям. Памятники православной культуры, сохранные и созданные старообрядцами» (проходившей зимой 2005-2006 г. в ЦМиАР). Вследствие свойственному им высокому качеству исполнения: мастерски выверенному построению объемов, точности и выразительности линии, светящимся эмальерным краскам, произведения такого типа не могли быть прямыми ориентирами для ветковских иконописцев, часто упрощавших стилистические приемы. Формообразующим принципом Ветки является общерусская иконописная традиция XVII в.

³ Брюсова В.Г. Русская живопись 17 века. М., 1984. Кат. 11.

⁴Иконные образцы XVII-начала XIX века. Иконография Иисуса Христа. М., 1994. С. 15 (Инв. И-ХШ 11918, И-ХШ16720).

⁵ Веткаўскі музей народнай творчасці. Минск, 2001. Кат. 37, 38, 53, 54.

⁶Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. С. 273, 316, 317, 384, 386.

В углах иконной доски помещены несколько укрупненные для данного формата изображения апокалиптических существ (они же – символы евангелистов). Их головы повернуты ко Христу. Подобную иконографию мы находим в воспринявших элементы поволжской традиции иконах царских мастеров, например, «Спасе в силах» из иконостаса Ризположенской церкви Московского Кремля, письма Назария Истомина Савина, 1627 г.¹; или в росписи южной и восточной стен Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском («Апокалипсис» и алтарная преграда), выполненной в 1662-1668 гг. Гурием Никитиным «со товарищи»²; на иконе 2-й пол. XVII в. из Поволжья (ЦМиАР³). Контрастно выделен золотой трон с блистающей светлой фигурой Спасителя на темном фоне. Такой фон связан не с естественным потемнением красок, а с сознательным напоминанием о копировании старинной иконы, что характерно для живописи старообрядцев. Асимметричная дугообразная спинка, сидение с двумя подушками, балясинки, перетянутые по центру, нижняя часть ножек с характерными трехлепестковыми закруглениями встречаются также на иконах поволжского письма (примеры – «Спас на престоле с припадающими святыми» середины XVII в.⁴, «Богоматерь Гора нерукосечная») и в образах евангелистов на царских вратах ярославской церкви Ильи Пророка (1650 г.). Ажурный трон украшен маньеристичным орнаментом, напоминающим аналогичные композиции, выполненные в XVII в. мастерами Поволжья (например, Гурием Никитиным в 1686 г.)⁵.

Цитата из Евангелия на орловской иконе Спаса размещена на двух страницах по четыре строки: «Придите благословению Отца моего и наследуйте оуготованное вам царствие небесное от сложения мира» (Мф. 25: 34). Текст встречается в ветковских иконах Спаса. В написании элементов мебели также можно провести некоторые аналогии с ветковской традицией, имитировавшей ярославскую («Апостол и евангелист Марк» из храмового собрания, Брянская обл.⁶).

Тип лика Спаса облагорожен: локоны видны только с левого плеча, а не симметрично, как на украинизированных иконах; пряди ровные (традиционно иконописные), не вьющиеся; борода очень тонко прорисована, тонкие усики; округленные, широко раскрытые гла-

---

¹ Соборы Московского Кремля / Сост. И.Д.Костина. М., 1993. С. 141.

² Брюсова В.Г. Указ. соч. С. 80. Ил. 71. Кат. 44.

³ Лики русской иконы. М., 1995. Кат. 21.

⁴ Кузнецов О.Б., Федорчук А.В. Иконы Ярославля 16-19 веков Ярославского художественного музея: Кат. выставки. М., 2000. С. 38. Кат.17.

⁵ Брюсова В.Г. Указ. соч. Кат. 43, 52, 55.43.

⁶ Нечаева Г.Г. Указ. соч. С. 48, 167.

за. Подчеркнутая по-ветковски немного припухлая нижняя губа, «украинизированная» борода, одежды евангелистов с характерными темными притенениями складок на красном фоне, отсутствие ковчега и подчеркнутые черной и красной полосами поля – все говорит о принадлежности к ветковской традиции. Тип Христа на орловской иконе дан в поздней редакции: овал крупного лица вытянут по вертикали, короткая шея, несколько приподнятые плечи. Чувствуется некоторая конкретность в больших, широко раскрытых округлых глазах с опущенными уголками, маленькой полупрозрачной бородке, полноте губ небольшого рта. Но нет одутловатости и рыхлости форм, а также винтообразного динамизма, характерных для украинского барокко (мы помним, что его элементы продолжали бытовать в местной официальной иконописи и в конце XVIII в.). Личное письмо напоминает живоподобие, как на иконах мастеров Оружейной палаты, встречавшихся на Орловщине в начале XVIII в. Переходность от традиционной общерусской иконописности характерного лика, а также отдаленное напоминание – в легкой округлости форм – об украинской живописи, сближают произведение с культурой Ветки.

В личном письме применен несколько архаичный для данного региона прием: штриховка, продолжающая орхение. У ветковских старообрядцев, применявших, в основном, многослойные наплавления, этот прием встречается в ранних иконах (конца XVIII в.), а также оставляется на старинных поновляемых иконах XVII в. (например, на иконе «Богоматерь Казанская» XVII-XIX вв. из Ветковского музея и в иконописи конца XVIII-начала XIX в.). Икона, найденная в Орле, вполне может стать в ряду таких ветковских произведений как «Собор Архангела Михаила» и «Покров», выполненных в конце XVIII-начале XIX в. по старым образцам (Ветковский музей). О следовании дониконовским образцам свидетельствует и редкая для поздней иконописи инокопъ, нанесенная в виде крупных треугольных пятен и ровных штрихов на одежды Христа. Столь же редок для Ветки и ковчег. Живопись орловской иконы не монохромная: главный акцент строится на живом цветовом контрасте красного (ромб, символы Евангелистов) и синего (овал со звездами), роль контура не отвлекает от тонкой цветовой и тональной градации личного (немного измененного традицией укрупненных ликов эпохи украинского барокко, подобно иконе «Никола отвратный» и «Царь Царем»)¹.

Но все же прямой аналогии «Спасу» среди ветковских икон мы не можем найти ни в личном письме (живоподобие лика – не ветковское), ни в доличном (трон слишком манерный – нет прямых анало-

---

¹ Веткаускі музей народнай творчасці. Кат. 5, 37, 38, 43, 44, 86 (иконы, упомянутые в абзаце).

гов в иконописи старообрядцев, а в официальной живописной иконе – много). Перечисленные признаки заставляют считать «Спаса» произведением ветковского типа, которое могло быть выполнено в начале XIX в. в Орле иконописцем, не порывавшим связей с ветковской традицией.

3. Богоматерь Курская Коренная. Середина XIX в. 38,5x26,3 см. Орлов. музей изобр. Искусств (ОМИИ) КП-2866. Происходит из Дмитровска-Орловского, в южном уезде Орлов. губернии, старообрядческое население которого было известно своими связями с Веткой с конца XVIII в. Иконопись этого региона в середине XIX в. полностью сохраняла характерные особенности ветковского письма. Мастер рассматриваемого произведения, несомненно, обучался в одной из ветковско-стародубских мастерских. Об этом говорят сохранение ветковского типа круглых светлых ликов (что редко встречается в иконописи Орловщины); изображение розовых букетов, которые напоминают вышивку, бытовавшую на Киевщине; использование цировки. Второстепенные признаки также отвечают ветковским: отсутствие ковчега, обилие винно-красного цвета в обводке полей, надписях и одеждах. Господь Саваоф дан в традиционной для Ветки иконографии – в лучах, выполненных по золоту в технике цировки, и в окружении широкой полосы «ватных» клубящихся облаков. Личное письмо выполнено в традициях сельских иконописцев ветковско-стародубского региона: и охрение, и санкирь светлые, детали ликов линейно прорисованы. Двухцветный красно-вишневый мафорий Богородицы покрыт мелкими звездами, написанными золотом. Одежды пророков исполнены красной прозрачной краской по золоту с росписью цветами поверх складок.

В иконописи Ветки иконография Курской Коренной представлена мало¹. Сохранились лишь в большом количестве сокращенные варианты Знаменья – без пророков. Такой была курская икона до написания рамы царскими мастерами в 1597 г., повторяющими композицию новгородской святыни². В произведении видны некоторые несоответствия квадратному формату и размеру оригинала (которым следовали местные иконы с надписью «в меру чудотворного образа», сохранившиеся в нескольких частных собраниях).

Сравнивая икону ОМИИ с московскими иконами того же сюжета рубежа XVII-XVIII в. (времени активного производства списков со святыни), мы видим несколько различий в композиции. Так, в орловском произведении и московской иконе из собрания ГТГ различается

---

¹ Нечаева Г.Г. Указ. соч. С. 240.

² Богоматерь Курская Коренная // Чудотворный образ. Иконы Богоматери в ГТГ. М., 2001. Кат. 5.

размещение свитков в руках пророков, иная трактовка жестов святых и их размер, иные украшения в украинизированном духе. Появление этих отличий в иконописи ветковского типа, скорее всего, связано не с другим композиционным образцом, а с характерным для мастеров, обученных в ветковских мастерских, творческим подходом к любой иконографии, допускающим небольшие отклонения от основного извода. Икона ОМИИ органично соединяет ветковскую манеру письма с иконографией, распространенной на юге изучаемого региона.

4. Богоматерь Казанская, пядница. 1830 г. Мастер Иван Ермаков. 31x26,5 см. Преображенский собор в Болхове. Икона находится на реставрации у частного лица. На обороте видна плохо сохранившаяся надпись прописью (что крайне редко встречается в местной иконописи): «Написана ...Божия Матерь 1830 г. месяц февраль 19 а писал Иван Ермаков а усердие было Якова...сына Закурдова (?)». Мастер Ермаков выполнял иконы для местных старообрядцев-беспоповцев в середине-второй пол. XIX в. К юго-западу от Орла, в районе Кром, были расположены несколько поселений старообрядцев-филипповцев. В моленной Закромского хутора «восточная стена (прямо против входа) имеет вид иконостаса: от потолка до пола на ней развешены больших размеров крест, иконы Спасителя, Богоматери, Предтечи с двенадцатых праздников, старинного письма. Раскольники утверждают, что мастер Ермаков во время написания этих икон, в течение целого года вкушал пищу по разу в день, почему эти иконы особенно почитаются ими...»¹.

Размер иконы письма Ивана Ермакова восходит к небольшим пядницам – спискам с известной московской святыни. Подобные иконы были распространены в царских дворцовых землях (Орловский и Севский уезды). Особая популярность обретенной под Красной горой близ Троицкого храма иконы «Богоматерь Казанская» XVII в.², вероятно, сформировала спрос на эту иконографию. Ряд списков был выполнен в полюбившейся болховцам ветковской манере.

В уездах Орлов. губ., отдаленных от Ветковско-Стародубского центра, в 1-й трети XIX в. получило развитие особое направление в традиционной иконописи, опирающееся на тонкую, миниатюрную трактовку форм. Произведения, созданные в его рамках, выполнялись не для старообрядческого обихода, о чем говорит ряд композиций, распространенных исключительно в синодальном искусстве. В этих

---

¹ *Георгиевский А.* Из Дневника Епархиального миссионера. Раскол в д.Закромском хуторе Кромского уезда // Орловские епархиальные ведомости. 21 ноября. № 47. 1904. С. 1119.

² *Неделин В.М., Ромаилов В.М.* Архитектурные древности Орловщины. Орел, 1998. С. 54-55.

иконах консервативная направленность зависела как от ориентации на Ветку, которая в XIX в. диктовала свои вкусы, так и с опорой на ранние произведения строгановского типа, попадавшие сюда с притоком старообрядцев.

Рисунок нанесен графьей, традиционной для Ветки. Поля, нимб и надписи выделены тонкой красной линией. Лики отличаются крупными, красивыми чертами. Привлекает мягкий переход от серовато-оливкового санкиря к светлому белесоватому охрению, плавно выявляющему свет на всей плоскости лика. Личное несомненно отличается условностью. Но в целом его решение ближе не традиционному «доживоподобному» стилю, а живоподобным иконам ушаковского направления, и обнаруживает хорошее знание пластики. Ровный миниатюрный нос Богородицы обозначен не тонкой декоративной полосой, как в сельской иконе, а дан анфас с обозначением толщинки на переносице и вытянутого кончика. Колорит строится на сочетании оранжево-красного и травянисто-зеленого (мафорий и чепец Богородицы, хитон и гиматий Младенца), несколько нарушая канонические цвета. Доличное отличается тонким декоративным письмом. Мафорий Богородицы выделяется ярким красно-оранжевым цветом с аккуратными пробелами, выполненными прозрачным твореным золотом. Очень мелкие складки одежд имеют прекрасный рисунок. Его линии заострены и геометризированы. Золотая окантовка мафория украшена крайне мелкими белильным точками, расположенными на значительном расстоянии друг от друга. Точки дополнены мелкими синими и красными круглыми и овальными камешками с подчеркнутой белилами толщинкой. Подобный декоративный упрощенный подход к рисунку украшений характерен для расцвета традиционного низового иконописания в XIX в. (в частности, для владимирских сел¹).

Болховские списки «Богоматери Казанской» с середины 2-й пол. XIX в. утратили некоторые особенности ветковского письма и элементы живоподобия XVII в. Манера написания другого аналогичного одноименного произведения из Болхова отличается миниатюрностью письма, увеличенной ролью графического контура. Лики Богородицы и Младенца даны с широкой нижней частью лица (наследие эпохи барокко); очень маленькими, идеально ровными, тонкими носиками; миниатюризированными, почти не выделенными тоном губами и большими глазами, и совсем не похожи на ветковские. Личное письмо темное, что, вероятно, копирует состояние потемневшей живописи чудотворной иконы с Красной горы. Охрение очень светлое,

---

¹Бусева-Давыдова И.Л. О датировке и атрибуции произведений иконописи по второстепенным деталям изображения // Экспертиза произведений изобразительного искусства: VIII науч. конф. 25 – 27 ноября 2002. М., 2002. С. 30.

разбеленное, образующее контраст с санкирем. Оно лишь отдаленно напоминает приемы письма мастеров Оружейной палаты, круга Симона Ушакова, но в декоративном народном прочтении (что говорит в пользу действительного бытования в Болхове старинной Казанской иконы XVII в.). Пробелы утонченными плоскостями ложатся у внешнего и внутреннего углов глаз, по линии бровей, на кончике носа, под губами и на подбородке.

Фигуры Богородицы и Младенца выделяются на сплошном золотом фоне. Позолота на одеянии располагается широкими ровными полосами. Она органично дополняется очень маленькими звездами на челе и плечах Богоматери и каймой на мафории Богородицы и оплечье Христа, состоящей из мелких белильных и разноцветных точек, имитирующих жемчуг и камни.

Стремление к симметрии в композиции, выраженное преобладание красного цвета над всеми другими красками характерны не только для иконописи ветковского типа, но и совпадали с народными вкусами. Последнее, вероятно, играло основную роль в появлении миниатюрных заказных икон в Болхове «а ля Ветка». В этом ряду мы можем назвать несколько поясных икон Спасителя, Николы середины 2-й пол. XIX в. из частных и церковных собраний Болхова (например, «Св.Никола со святыми Иоанном Богословом и мученицей Степанидой на полях», середина XIX в., ОМИИ).

Однако, в довольно большой группе произведений ветковского типа, встретившихся в Болхове, процент миниатюрных произведений значительно меньше. Множество характерных для Ветки икон больших форм отличается менее профессиональной техникой. Примером служат несколько икон ОМИИ: образ Богородицы из оплечного деисуса, середины XIX в.; Три святителя с избранными святыми на полях, 2-й пол. XIX в., из Введенской церкви в Болхове; образ Спаса Вседержителя, 2-й пол. XIX в., из той же церкви; Богоматерь Тихвинская с избранными святыми на полях, 2-й пол. XIX в., из той же церкви; икона Богородицы из поясного деисуса, конец XIX в., Преображенский собор в Болхове. В Верхнем Подесенье наблюдаются те же процессы, но при строгом сохранении традиционной ветковской иконографии. Стилистической аналогией можно признать икону «Богоматерь Федоровская» с двумя группами избранных святых на полях, из собрания Брянского обл. худож. музея¹, и несколько десятков др. икон из этого же собрания. Перечисленные произведения свидетельствуют о некотором угасании ветковской традиции к концу XIX в.

5. Святитель Митрофан Воронежский. Середина XIX в. 40x55 см. ОМИИ, инв. НВ-88. Из Введенской церкви в Болхове. Местные

---

¹ 42x 21,5. Инв. 1315.

мастера не только применяли традиционные иконописные приемы в духе Ветки, но и использовали иконографию икон-портретов, выполненных в живописной академической манере. Стиль этих икон не можем назвать компромиссным в прежнем духе, т.к. весь живописный строй иконы был подчинен иконописной манере исполнения. Эти произведения сохраняли в своей основе традиционную условную форму, не требующую натуральных зарисовок. Примером могут послужить изображения почитаемых в регионе подвижников, канонизированных в синодальное время, в частности, епископа Митрофана Воронежского.

Известно, что в нач. 1830-х гг. появились два варианта изображения святителя, распространившихся по России повсеместно. Болховский памятник изображает св. Митрофана в облачении схиэпископа: в схимнической одежде с куколем на главе (в знак принятия схимы перед кончиной) и архиерейском облачении (в знак его сана), с благословляющей правой рукой и с посохом в левой. Этот тип восходит к доканонизационным (до 1832 г.) портретам и эстампам (которые содержали изображения без нимба, с надписью «Преосвященный Митрофан»). Подобные иконы, несмотря на свой официальный характер и популярность в прошлом, ныне являются большой иконографической редкостью¹. Изучаемое произведение могло быть создано как свидетельство обретения нетленных мощей святителя, облаченных одновременно в великую схиму и знаки архиерейского достоинства. Употребленный в надписи термин «чудотворец» и изображение на полях избранных святых, возможно, тезоименитых членам одной семьи – Тимофея, Ксении, Анны, Иулиании(?), говорит о распространившейся и в Болхове вести о помощи воронежского святителя.

Лик святителя повернут к Христу, благословляющему его и протягивающему Евангелие. Если принимать во внимание древнерусские основы этой композиции, то это изображение (в донаторном предстании) является первым типом иконы, появлявшейся перед канонизацией святого (как и в случае с изображением затворницы Мелании Елецкой). Личное письмо неконтрастное: объем выявляется светлыми мазками, имитирующими масляную живопись, что в корне отличается от традиционного письма плавями. Стиль сочетает элементы архаической традиции личного письма XVIII в., состоящие из световых бурдюков, известные по ряду местных живописных произведений

---

¹Более распространенным считается другой портрет святителя. На этом портрете, выполненном художником-любителем И.В.Шевцовым в 1830 г. на основе сновидения, св. Митрофан изображен в схиме, с раскрытым текстом духовного заветания в руках. Он был помещен над мощами святителя в Воронежском Благовещенском соборе. См.: Зеленина Я.Э. Образ нового святого в русском искусстве синодального периода: иконография святителя Митрофана Воронежского. М., 2004. С. 11.

XVIII в., ориентированных на принципы барокко. Портретное сходство в болховском варианте минимально: лик с впалыми щеками аскета и живым взглядом карих глаз, известный нам по ряду произведений, не копируется. Борода по-иконописному округлая, окладистая, а не как на шевцовском портрете – густая на подбородке. Лик и борода, как на иконах, схематизированы и вписаны в геометрическую форму. В результате, узнавание св.Митрофана происходит по второстепенным деталям: надписи, епископскому и схимническому облачениям.

Близость Ветковского центра и особая популярность среди болховчан икон на золотом фоне с обилием яркого красного цвета спровоцировало местных ремесленников, используя иконографические композиции, распространенные в синодальном искусстве, повторять основные особенности техники. Так, от ветковской иконы в изучаемую икону св.Митрофана перешли красно-синяя и красно-черная обводка полей и красная обводка средника, золотой фон с орнаментами в технике цировки (менее аккуратные, скорее, проскребка). Спаситель в одеждах традиционного цвета изображен в верхнем углу, ограниченном круглыми иконописными клубящимися облаками. Этот элемент мы встречали в местных иконах XVIII в., ориентированных на поволжскую традицию.

Но все же в изучаемой иконе колористическое построение «не ветковское» и обнаруживающее ряд совпадений в иконописи региона. Цвета не открытые, а оттеночные и приглушенные (преобладают оранжево-красные, серо-голубые, зеленоватые, бледно-желтые, темно-синие цвета). Интересна живопись одежд святителя. Они выполнены в блестящей динамичной манере: складки двуцветной мантии (бледно-зеленый и темный бордово-красный, очень отдаленно напоминающий древнерусские памятники) ритмично окантовывают предплечья, спадают вниз. В то же время, аналав выполнен в архаизированно-барочной контрастной цветовой растяжке от зеленовато-желтого к темно-зеленому. Техника напоминает подобное устаревшее решение объема в местной живописной иконе, ориентированной на принципы барокко. Некоторые детали не прорисованы, рельефно выделены путем фактурного высыхания светлой краски с последующей тонировкой. Такой прием применен для имитации материальности золотой цепи, креста и жемчужин на панагии, золотого фактурного шитья на оплечье, резных позолоченных деталей деревянного посоха. Этот прием был нехарактерен ранее для традиционного направления, если не считать имитации жемчужин в сельской иконописи.

Христос, будучи изображенным на золотом фоне в свечении, состоящем из ровных лучей, которое выполнено в технике цировки, двуперстно благословляет святителя. Это пример постепенного, по-

этапного вхождения образа св.Митрофана в иконописную традицию изображения русских святых, который был разработан местным мастером при использовании популярной в Болхове ветковской манеры. Бытование этой манеры в синодальной живописи говорит о том, что мастерами и заказчиками не проводилась ассоциативная связь между запрещенной старообрядческой иконописью и стилистическими особенностями яркого праздничного письма.

Икона «Св.Митрофан Воронежский» интересна тем, что она является первым вариантом традиционного иконописного прочтения иконопортретов святого на фоне местного восприятия русско-византийского стиля. В данном произведении некоторые особенности условной схематизации живописного портрета на золотом фоне приобретают особую выразительность в сочетании с иконописными приемами. Употребление нимба говорит о написании иконы после канонизации. Приведенные примеры стилизации и применение некоторых особенностей эклектичного направления могли выработаться в местной иконописи не сразу, поэтому произведение отнесено к середине XIX века.

6. Икона Богородицы Балькинская. 2-я пол.-конец XIX в. 20,5x15 см. Болхов, Преображенский собор. Оригинал, к которому восходит эта икона, является произведением эпохи барокко украинской традиции XVII в., сохранившимся в с.Балькино Погарского уезда Чернигов. губ. (ныне Брянской обл.). В XIX в. списки с него были распространены в населенных пунктах не только Чернигов. (Стародуб, Погар, Балькино) и Могилев. губерний (Преображенский девичий монастырь Мстиславского уезда), но и в Орлов. губернии (Орел, Болхов, Трубчевск), а также в Москве (Никольская церковь в Плотниках) и в Ростове¹.

Среди списков «Балькинской», оставшихся в орловских собраниях, встречаются два варианта: архаизированный живописный, ориентированный на принципы барокко, и живописный, ориентированный на академические принципы (с элементами барокко, выраженными неярко). Это говорит о существовании двух почитаемых в Орле протографов. Одна группа восходит к иконе из Балькина и представляет ретроспективное направление, связанное с копированием старинного почитаемого образа XVII в. Иконы такого типа характерны для западных уездов Орлов. и северных уездов Чернигов. губерний, а для губернского центра Орла редки. Другая

---

¹ *Поселянин Е.* Указ. соч. С. 399-400; *Парфенов А.* Святыни Ростова Великого. Ростовская чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Умиление» // Светильник. М., 2001. № 1. С. 113-118; Чудеса от св. иконы Умиления Царицы Небесной в г. Ростове Великом. Сергиев Посад, 1913. С. 7-32.

группа произведений, распространенных в центральных уездах (Орловском, Болховском, Мценском), была связана со списком, прославленным в 1858 г. Он был подарен в Введенский девичий монастырь настоятелем Успенского мужского монастыря, когда девичья обитель после пожара была перенесена на новое место. Этот список, относящийся к иконам академизирующего направления, был написан в первой четверти XIX в. Тем интереснее вариант прочтения этого почитаемого образа в традиционной иконописи.

Примечателен тот факт, что представленный список из Болхова был выполнен не с орловской иконы XIX в., а со стародубской святыни. Это говорит в пользу одновременного почитания в XIX в. и протографа, и списка (что полностью прекратилось в центральных р-нах Орловщины в наши дни). Болховский список повторяет и горообразно нависающую над Младенцем, вытянутую по диагонали и смещенную вправо фигуру Богородицы, и Ее наклоненную к Младенцу голову, адоративный католический жест (в орловском варианте неярко выражен, т.к. пальцы рук почти не касаются друг друга). Детали одежды также характерны для стародубского оригинала (отворот ткани со складками у шеи Богородицы, ниспадающий плащ с рельефным отворотом, которого нет на орловском списке). Болховский список выполнен на золотом фоне и королевской короной с драгоценными камнями (характерной для венчаных чудотворных украино-польских святынь), что повторяет золотой оклад XIX в. на иконе из Стародубья¹. Во 2-й пол. XIX в., благодаря сохранявшемуся в районе Стародубской ярмарки почитанию Балыкинской иконы, не снижался спрос в мещанской и купеческой среде Болхова. Народные детали (нитка жемчуга на шее) имитируют адоративные подношения на окладах местных икон, традиционно бытовавших в регионе.

Местные мастера со своим тяготением к ветковской иконописи выполняли и списки с «Балыкинской» в полюбившейся манере – с золотым фоном, красной обводкой нимба, красно-сине-белой опушкой полей и границ между композициями средника, техникой чернения по золоту (корона). Особенностью композиции изучаемого произведения является распространение золотого фона без ограничительных линий на поля с изображением избранных святых, данных в донаторном предстоянии. Подобная графика характерна для ряда икон ветковского типа, распространенных в регионе, в частности, образа Богородицы «Знамение Курская Коренная» (середина XIX в., ОМИИ), происходящего из Дмитровска-Орловского. В болховском памятнике фольклорные народные черты выражены ярче, что объясняется цитированием не традиционной иконописной композиции, а

---

¹ *Поселянин Е.* Указ. соч. С. 399-400.

живописной иконы. Все перечисленные особенности говорят о написании иконы ближе к концу столетия.

Выводы. После экспериментального для многих традиционных иконописных центров XVIII столетия, когда местная иконопись определяла свое лицо, Палех стал миниатюрным и контрастным, а Ветка – празднично-золотой и укрупненной по формам. Но в целом, в XIX в. внешние особенности иконописи многих российских центров близки: золотой фон, яркое колористическое построение на сочетании красного, розового, оранжевого, голубого, светло-зеленого. Различие центров, в основном, видно в избранных сюжетах. Поэтому следует отметить, что на Орловщине и Брянщине, наряду с характерными для ветковско-стародубского региона (Богородицей Огневидной, Николой Отвратным, Нерукотворным образом Спаса со страстями), появляются новые иконографические композиции. Эти произведения выполняются в традиционном для Ветки колорите, особенностях работы с доличным и личным. Они популярны в среде синодальных христиан (иконы Богородицы «Балыкинская» и «Курская Коренная» и образы святых – св.Митрофана Воронежского, св.Александра Невского в королевском облачении) и написаны мастерами Ливен, Болхова. Надо отметить простоту композиций и орнаментики в традиционной иконописи центральных р-нов Орловщины: почти полное покрытие золотыми (либо красочными) пробелами одежд святых, редкое использование архитектурных фонов, сложных поземов, упрощение деталей одежд, отсутствие ковчега и одинаковый цвет и средника, и полей (без дополнительного растительного орнамента), разноцветные фоны вокруг святых на полях, черно-красная и сине-красная опушь.

Об отмечающейся на протяжении XIX в. особой популярности внешних особенностей ветковского типа говорит также ряд местных икон, где, при неумелой манере письма и неаккуратном следовании технике цировки по золоту, угадывается все тот же источник. Ветковская манера становится раритетной для нескольких поколений местных мастеров. Но следование ей имело не такое всепоглощающее значение, как, например, для строверов-беспоповцев иконопись Выга. К концу столетия в цветовой палитре орловских и брянских икон меньше открытых по-ветковски цветов, чаще встречается оттеночный колорит.

При заметном количестве привозных палехских, мстерских и холуйских икон, находящихся в орловских и брянских собраниях (как и повсеместно в собраниях Центральной России), особенности манеры владимирских иконописцев в местных произведениях ярко не проявились. Икон мелочного старинного письма, характерных для владимирских мастеров (сформировавших свой вкус на «строганов-

ских» произведениях, не без влияния староверов¹), значительно меньше, чем композиций монументальной направленности. Это продиктовано как бывшей периферийностью Орловщины, активно вступившей в иконный промысел во 2-й пол. XVII в. (когда в столице миниатюризация, характерная для 1-й пол. XVII в., сменилась монументальной прогредческой величавостью). Нельзя не учитывать в формировании иконописных вкусов на Орловщине культурную близость Ветки (сформировавшейся окончательно в Новое время не без влияния культуры барокко), которая в классическом варианте тяготела к живописи «больших форм».

Но, как строгановцы были идеалом для всех древлеправославных, но каждый центр их интерпретировал по-разному (Палех, Мстера, Холуй, Невьянск, Гуслицы), так и ветковская манера по-разному отражалась в иконописи изучаемого региона. Значительной была популярность икон «мелочного» письма и в местной купеческой среде, часто сочувствовавшей староверам и отличавшейся архаизированными вкусами. Это спровоцировало появление феномена болховских миниатюр. Миниатюрная тенденция в болховской (а отчасти и в брянской иконописи) развивалась не под эгидой палехского искусства, как во многих местностях Поволжского и Приокского регионов. Палехские иконы и иконы, написанные под воздействием Палеха, редко встречаются в орловских и брянских собраниях. Орловские и брянские мастера, ориентируясь на местные вкусы, сочетали и элементы строгановского подхода, и яркость ветковской живописи, и традиционные для синодального искусства композиции. Подобная манера могла появиться не у староверов, а у синодальных христиан, допуская отражение местного представления о правильной иконе без потребности в создании точных копий с древних образцов.

Существование общих образцов для российской светской и провинциальной (а в частности, орловской) культовой живописи можно было бы считать историческим курьезом. Восходящие к одним и тем же оригиналам произведения относятся к разным культурным и художественным традициям. Одни, отличаясь высоким качеством исполнения, часто находились в прямой зависимости от гравюры, в других академическая эстетика оригинала перетолковывалась в духе народного искусства, а вольная трактовка композиции сообщала совершенно иное звучание. В этих произведениях водится яркое колористическое построение. Оно внешне напоминает древнерусскую

---

¹Баранов В.В. Исследование иконы «Николай Чудотворец» письма Назария Истомина. Проблемы атрибуции. (К вопросу о необходимости комплексной экспертизы икон) // Экспертиза произведений изобразительного искусства: IV науч. конф.. 24-26 ноября 1998. М., 2000. С. 20.

иконопись, но, скорее всего, восходит к иным источникам (свидетельство декоративизации рокайальной манеры). В них неопределенность в объектах точного копирования и вольная интерпретация сюжета (как академического живописного, так и традиционного иконописного). Сохраненные от украинизированной иконописи XVIII в. элементы эпохи барокко также проступают в традиционной иконе ветковско-го типа, что видно по увеличенным овалам ликов за счет подбородка, обилию ярко-красного цвета и позолоты. Поллюбившиеся привозные произведения рождают потребность в подобных местных иконах не только в старообрядческой среде, но и в среде мещанства и купечества синодального вероисповедания (Болховский центр, Дмитровск, Ливны, Брянск). В течение всего столетия эти произведения бытуют на Орловщине, входя в состав не только домашних моленных, но и иконостасов с небольшими ростовыми деисусами. Возможно, это свидетельствует о том, что ни произведения известных живописцев, ни древнерусские произведения не обладали в глазах борисовских и орловских мастеров высокой степенью сакральности. Такая постановка отношения говорит о первоначальном формировании центра в Борисовке уже в рамках культуры Нового времени, без древнерусской каноничной составляющей. Это обусловило характер ряда икон борисовского типа, выполненных орловскими мастерами во 2-й пол. XIX века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Спас в силах из деисусного чина. Начало XIX в. 40x55. Частное собрание А.Кабочкина, Орел.

Димитрий Прилуцкий. Начало XIX в. 48,5x40. Частное собрание Д.Ходина, Москва.

Богоматерь Утоли моя печали. Начало- 1-я пол. XIX в. 30x27. ОМИИ (приобретена в Орле). П 62.

Богоматерь Всех скорбящих радость. Начало – 1-я пол. XIX в. 31x25. Орел, Введенский женский монастырь, Тихвинская церковь

Седмица. Начало-1-я пол. XIX в. 32x27,5. ОМИИ (приобретена в Орле). КП-2863.

Воскресение Сошествие во ад с праздниками. Первая пол. XIX в. 45x39. Частное собрание Н.Н., Орел.

Богоматерь Акафистная из пояского Деисуса. Первая пол. XIX в. 45x35,7. Орел, Введенский женский монастырь, Тихвинская церковь (происходит из орловского частного собрания).

Св. Митрофан, патриарх Константинопольский, в предстоянии Спасителю с избранными клеймами жития. Первая пол. XIX в. 37,8x30,5. ОКМ

Богоматерь Неопалимая Купина. Первая пол. XIX в. 30x25. церковь Николы-на-песках, Орел.

Богоматерь Курская Коренная. Середина XIX в. 38,5x26,3. ОМИИ (происходит из Дмитровска Орловского). НВ-91

Никола Можайский в житии. Середина XIX в. 70x65. Частное собрание В.Ходина, Орел (происходит из южных уездов Орловщины)

Распятие Христово с предстоящими. Середина XIX в. 32x27. Частное собрание схиигумена Кронида, Орел

Воскресение – Сошествие во ад с праздниками. Середина XIX в. 50x40 (в киоте). Орел, Троицкая кладбищенская церковь

Покров. Середина XIX в. 44x36. ОМИИ (происходит из орловского частного собрания). КП-3648

Огненное восхождение Пророка Ильи с избранным святым на полях. Середина XIX в. 30x27. Орел, Богоявленская церковь

Архангел Михаил. Середина XIX в. 70,8x55,8. ОМИИ (происходит из орловского частного старообрядческого собрания). КП-3225

Образ Всех святых. Середина-вторая пол. XIX в. 45x35 (в киоте). Ливны, Сергиевский собор.

Богоматерь Тихвинская с избранными святыми на полях.

Апостол Иоанн, Муч. Варвара, Муч. Иоанн Воин, св. Димитрий Ростовский. Вторая половина XIX в. 40x33,5. ОКМ (из с. Добрынь Кромского р-на). ОКМ 13630

Спас Вседержитель (оплечный). Вторая пол. XIX в. 31x26. ОМИИ (происходит из Дмитровска Орловского). НВ-90

Четверо святых в предстоянии иконе Богородицы Утоли моя печали

Вторая пол. XIX в. 36x28,5 (в киоте). Частное собрание Захарова Д., Орел (происходит из собрания Введенского женского монастыря в Орле)

Богородица Знамение. Вторая пол. XIX в. 44,6x38. ОМИИ (происходит из орловского частного собрания). КП (3761) 3671

Богородица Тихвинская. Вторая пол. XIX в. 45x35,7. ОМИИ (происходит из орловского частного собрания). КП-210

Мученица Варвара. Вторая пол. XIX в. (Ветка под Мстеру). 43x36. Частное собрание Д.Ходина., Москва

Богоматерь Взыскание погибших с архангелами и четырьмя неизвестными святыми на полях. Вторая пол.-конец XIX в. 35x30. Орел, Троицкая кладбищенская церковь.

Св. Митрофан Воронежский, Александр Невский и Мария Магдалина в преклонении иконе Богородицы Живоносный источник. Вторая пол. – конец XIX в. 55x45 (в киоте). Ливны, Сергиевский собор

Богоматерь Тихвинская с неизвестным святым на поле. Конец XIX в. 50x40 (в киоте). Орел, Никитско-Ахтырский собор.

Богоматерь Казанская, пядница. 30.1830 г. Надпись: «Написана ...Божия Матерь 1830 г. месяц февраль 19 а писал Иван Ермаков а усердие было Якова...сына Закурдо...ва (?)». Мастер Иван Ермаков. 31x26,5. Передана в частное собрание из Преображенского собора (Болхов)

Никола с избранными святыми. Первая пол. XIX в. 30,6х23,6. ОМИИ (происходит из Введенской церкви в Болхове). НВ-73
Богоматерь Курская Коренная. Первая пол. XIX в. 50х40 (в киоте). Болхов, Введенская церковь
Вседержитель. Середина XIX в. 46х35,7; ОМИИ (происходит из Болхова), НВ-96
Вседержитель. Середина XIX в. 44,5х35,7. ОМИИ. НВ-95
Митрофан Воронежский. Середина XIX в. 53х44. ОМИИ (происходит из Введенской церкви в Болхове). НВ-88.
Никола. Середина XIX в. 50х40. ОМИИ (происходит из Введенской церкви в Болхове). НВ-77
Богоматерь из оплечного деисусного чина. Вторая пол. XIX в. 44,5х35,7. ОМИИ (происходит из Введенской церкви, Болхов). НВ-76
Богоматерь Казанская, пядница. Вторая пол. XIX в. 30х25 (в окладе). Болхов, Преображенский собор
Богоматерь Балькинская. Вторая пол.-конец XIX в. 20,5х15. Болхов, Преображенский собор
Спас Вседержитель. Вторая пол.-конец XIX в. 50х40 (в киоте). Мценск, Петропавловский собор.
Богоматерь Акафистная из поясного Деисуса. Конец XIX в. 50х45. Болхов, Преображенский собор

Р.И.Перекрестов (Москва)

Новые находки и суждения о Клинцовской иконописи XVIII–XX веков.

О Клинцовской иконописи с её характерной старообрядческой традицией было известно искусствоведам конца XIX-начала XX века. Но в XX в. о клинцовской иконе не писали ни историки, ни искусствоведы. В настоящее время воссоздавать историю 2-векового иконописания старообрядцев слободы-посада Клинцы приходится по крупицам.

Сведения о клинцовских иконописцах XVIII в. автор обнаружил в Румянцевской описи Малороссии при изучении родословной семьи Карташевых. Удалось проследить несколько поколений Карташевых, начиная с 1708 г. до конца XIX века, что позволило оценить вклад большинства членов этого рода в историю и культуру Клинцов и старообрядчества России. В 1998 г. автор опубликовал в сборнике «Старообрядчество: история, культура, современность» статью «Се-

мья клинцовских просветителей»¹ о вкладе Карташевых в дело начального образования «детей клинцовских обывателей» и в создание типографии для выпуска книг служебного, житийного, полемического содержания и букварей для старообрядцев России. Вклад Карташевых в развитие старообрядческого иконописания потребовал самостоятельного исследования.

Таблица 1. Иконописцы слободы Клинцы в 1767 г.²

№ п/п	Двор	Имя	Откуда родом	Когда пришел
1	157	Степан Иванов сын Бобылев, 35 л.		
2	157	Михаил Иванов сын Бобылев, 26 л.	Их отец природный Юрьевского Повольского уезда, Беретинковой вол., д. Петровки	В сл. Ардонь в 1716 году
3	225	Михаил Михайлов, 26 л.	Дед его и отец из польского города Невеля	
4	261	Иван Потапов, 23 л.	Природный Курского уезда с. Романовки.	
5	263	Василий Иванов сын Комаев, 34 л.	Вышел в Польшу в 1751 г.	В сл. Клинцы пришел в 1754 г.
6	265	Андрей Иванов сын Хирсанов, 44 л., церковн. дячок.	Родом из г. Москвы, откуда свезен в малолетстве в Польшу	В сл. Клинцы пришел в 1752 г.
7	266	Григорий Иванов сын Комаев, 22 л.	Отец его из г. Тулы, ружейной канцелярии станочный мастер. Сшел с братом в 1751 г. в Польшу.	В сл. Клинцы в 1761 г.
8	267	Иван Иванов сын Комаев, 36 л.	Из г. Тулы, ружейной канц. Станочный мастер. Сшел в Польшу в 1749 г.	В сл. Клинцы в 1754 г.
9	314	Афанасий Васильев сын Охлестин, 37 л.	Дед г. Москвы Успенского собора звонарь.	Из Польши в сл. Клинцы в 1748 г.

Румянцевская опись сообщает, что в слободе Клинцы, с населением около полутора тысяч человек, к 1767 году работало девять иконописных мастерских. О каждом иконописце в ней было записа-

¹ Перекрестов Р.И. Семья клинцовских просветителей. // В сб. «Старообрядчество: история, культура, современность», 1998, С.229-231.

² ЦГИА Укр. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 171, 208, 225, 225 об., 226, 226 об., 230, 241.

но: «Пропитание имеет от иконного мастерства». (Табл.1). Присутствие в 1750-1760-х гг. в сл. Клинцы, с населением около 1,5 тыс. чел., одновременно 9 семей иконописцев свидетельствует о доходности промысла, высоком спросе на икону среди старообрядческого населения, а также о наличии конкуренции среди мастеров-иконописцев. Слобода Клинцы в то время входила в состав Государевой волости описных раскольничьих слобод, расположенной на землях Стародубского полка Малороссии. Чтобы оценить место и значение клинцовских иконописцев в старообрядческом Стародубье в 1767 г., сравним, сколько иконописцев жило в др. старообрядческих слободах.

В том же, 1767 году, в сл. Еленке жил иконописец, который брал на обучение юношей.

В беспоповской сл. Злынке жили две семьи иконописцев: Алексея Ерина и Федора Ерина, «уроженцев «Переславль Залесского уезду, села Ловец дворцовой волости», «сошли в Польшу в 743, а в слободу Злынку в 744 году», и два ученика иконописца: «Афиноген Исаев сын Бобылев, 19 лет», «ходит в слободу Еленку для науки иконного художества», и Аким Иванов сын Чернов, 17 лет, «находится в науке иконного мастерства в слободе Еленке». Следует отметить, что Афиноген и его старшие братья, Аким и Андрей Исаевы Бобылевы, родом не из Ветки, а из беспоповской сл. Ардонь, что в Стародубье, рядом со сл. Клинцы, и что семья Бобылевых поселилась в Ардони еще в 1716 году.¹

В сл. Зыбкая, не уступавшей Клинцам по числу населения, богатству жителей и их предпринимательской активности, задолго до Ветковской «выгонки» (1764 г.) жило две семьи иконописцев, которые «пропитание имели от иконного мастерства»: «Егор Иванов сын Клещев, 53 лет. Отец его бывал Костромского уезду Дворцовой волости, из села Даниловского крестьянин, отколь пришел в слободу Зыбкая тому ныне 43 года...», и «Василей Логинов сын Нечаев, 42 лет, уроженец города Твери, посадской человек, отколь сошел в Польшу в 750, а ис Польши в Россию, в слободу Зыбкую, в 752 годех. ... Оной Нечаев имеет иконописное мастерство, которой работает по разным слободам».²

В сл. Климовой по переписи 1767 г. числятся две семьи иконописцев: Митрофан Николаев сын Павлов, 44 лет, природной города

---

¹ ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 549 об, 553, 559, 631.

² ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 337 об -338, 357 об.

Тулы казенной ружейной слободы», и «Михайло Григорьев, 58 лет, уроженец города Нижнего посацкой человек».¹

Не все слободы Государевой раскольниковой волости Малороссии имели своих иконописцев, почему и возникла необходимость новозыбковскому иконописцу Нечаеву «работать по разным слободам». Имена иконописцев, живших в старообрядческих монастырях Стародубья во второй пол. XVIII в., пока не обнаружены.

По материалам Румянцевской описи (1767 г.), среди 16 старообрядческих слобод Малороссии в сл. Клиницы в 1767 г. проживало более всего иконописцев. Они были выходцами из разных городов и сел России. Примечательно, что большинство иконописцев прибыли в Стародубье из России через Польшу, то есть, прожив 1-2 года на Ветке. Поэтому можно было бы обсуждать вопрос о переносе иконописной традиции из Ветки в Стародубье. Но в переписи слобод Клиницы, Злынки и Зыбкой нет ни одного иконописца, кто много лет прожил на Ветке и переселился оттуда в 1735 г., во время первой «выгонки» старообрядцев из Польши, и в 1764-1765 гг., во время второй «выгонки»(!).

Насколько серьезно работали клинцовские иконописцы в XVIII столетии, может свидетельствовать и, так называемый, «Клинцовский подлинник», принадлежавший, согласно владельческой записи, «мещанину посада Клиницы». «Подлинник» – это свод правил, которыми руководствуется иконописец. В «Подлиннике» собраны «прориси» икон, дано описание, каким цветом следует изображать детали одежды, интерьера; приведены рецепты приготовления грунта, красок и др. советы. В «подлинниках» нередко помещались имена иконописцев и сведения об их жизни.

И.М.Снегирев, говоря о «Клинцовском подлиннике», писал в 1849 г., что он - «списанный с древнего в конце XVIII в., рукописный, в 4°, хранится в Библиотеке гр.Строганова».² На «Клинцовский подлинник», как на богатый источник неизвестных имен русских иконописцев, ссылался Д.А.Ровинский.³ «Клинцовский подлинник» помог исследователям выяснить некоторые подробности творческой био-

---

¹ ЦГИА Киев. Ф. 57, оп. 1, д. 116, л. 5, 16 об.

² Древности российского государства. М. 1849, вып. 1, с. XXXVIII.

³ Ровинский Д.А. Иконописание в России до конца XVII в. М. 1903. С.39, 56-57, 122-123, 129, 131, 136.

графии Андрея Рублева, «что дало повод И.М.Снегиреву приписать икону Св.Троицы Рублеву».¹

«Клинцовский подлинник» – еще одно свидетельство того, что в Клинцах с середины XVIII-го началось и продолжалось до начала XX ст. профессиональное и интенсивное иконописание, что дало основание иеромонаху Дамиану говорить о «клинцовской иконописи».

Изучение опубликованных и архивных источников позволило в течение нескольких лет составить значительный перечень имен иконописцев, работавших в Клинцах; показать, что иконописание в Клинцах началось задолго до второй «Ветковской выгонки» и продолжалось до 1950-х гг.; удалось оценить объем иконописного производства в Клинцах; провести сравнительный анализ состояния иконописания в разных слободах Стародубья во второй пол. XVIII в.. Сведения эти были опубликованы в 2006 г. в сборнике «Деснинские древности»², в 2005 и в 2007 гг. - в сб. «Старообрядчество: история, культура, современность».³

Рассуждения о том, что иконописание в Клинцах к концу XIX в. приобрело характер историко-культурного явления, которое для современных искусствоведов должно стать предметом исследования, были бы не убедительными, если бы не опубликованный в 1905 г. его автор «историко-критический очерк» «Недостатки Русской иконописи и средства к их устранению». В «очерке», а, по сути, в искусствоведческом исследовании, иеромонах Дамиан, наряду с «разумно-эстетическим направлением», присущим иконописной традиции господствующей в России церкви, выделил «особое направление в русской иконографии», так называемую «Клинцовскую иконопись».⁴ Говоря о достоинствах и недостатках «клинцовской иконописной школы» Дамиан как искусствовед отдавал должное высокому мас-

---

¹ Шередега Н. «Образ Св. Троицы Андрея Рублева» // Журнал «Третьяковская галерея», №3, 2005. С.35.

² Перекрестов Р.И. Сведения о «Клинцовской иконописи» (по архивным материалам и публикациям, вышедшим до начала XX столетия)// Деснинские древности (вып.IV). Материалы межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья» памяти Ф.М.Заверняева. Брянск, 2006. С.393-400.

³ Перекрестов Р.И. Клинцовская живопись. «Старообрядчество: история, культура, современность». Материалы, т.1, М. 2005, с. 377-390. Перекрестов Р.И. Об иконописной традиции Ветки и Стародубья. «Старообрядчество: история, культура, современность». №12, М. 2007, С.27-33.

⁴ Дамиан, иеромонах. Недостатки русской иконописи и средства к их устранению. 1905. // О церковной живописи. СПб., 1998. С.55.

терству иконописцев-старообрядцев посада Клиницы Чернигов. губ. и отмечал, что «икон этой школы изготавливается очень много, расходятся они и среди православного населения».¹

Интерес искусствоведов к старообрядческой иконе Ветковско-Стародубского края, пробудившийся с 1990-х гг., привел к накоплению многочисленных свидетельств о существовании развитого иконописания в различных старообрядческих селениях бывшей Ветки (Гомельская обл. Беларуси) и бывшего Стародубья (Юго-Западные районы Брянской обл. России).

К настоящему времени в изучении иконописного наследия края сложилась ситуация, когда количество выявленных имен иконописцев Ветки и Стародубья приблизилось к сотне, и список продолжает прирастать новыми именами. Стали известны имена иконописцев, иконы которых, по сохранившимся свидетельствам современников, вызывали восхищение своим мастерством; некоторые иконы этих мастеров стали чудотворными. К сожалению, неподписанные иконы, как материальные свидетели труда иконописцев, и многочисленные имена иконописцев существуют независимо друг от друга и соединить их не представляется возможным.

Прежняя количественно-описательная оценка икон давно не удовлетворяет искусствоведов. Необходима качественная, дифференцированная оценка собранного иконописного материала, которая, в свою очередь, требует ответа на следующие вопросы: как из массы икон, попавших в поле зрения исследователей, вычленить иконы Ветковского письма и иконы, написанные в Стародубье? Какие критерии выбрать для выявления круга икон, созданных мастерами Клинцевской иконописной школы? Как отличить иконы, написанные иконописцами поповского согласия, от икон, написанных мастерами беспоповцами? Как выяснить различия между иконами Новозыбкова, Злынки, Елеонки и Клинцов?

Объективные трудности проведения дифференцированной оценки иконописного наследия Ветки и Стародубья, с одной стороны, а с другой стороны, потребность каким-то образом классифицировать имеющийся материал в условиях сложившегося дефицита научной информации об иконописных школах Стародубья и Ветки, подталкивают искусствоведов к выводам обобщающего характера.

---

¹ Там же. С. 83-84.

По моему мнению, заблуждением является точка зрения, что все иконы, написанные в течение XVIII и XIX вв. в Ветковско-Стародубском крае, суть иконы Ветковской иконописной школы. Следующее заблуждение о том, что самобытность так называемой «Ветковской иконы» зародилась на Ветке, там же окрепла, расцвела, а затем получила распространение в Стародубье. Такие представления формируются без учета сведений об истории старообрядчества края, без учета эволюции внутривосточного и экономического положения старообрядцев на Ветке и в Стародубье, без учета эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев наиболее многочисленных старообрядческих согласий – поповского и беспоповского, для которых икона с определенного времени стала предметом разногласий.

В данном сообщении автор представляет свой взгляд на вопрос, каким путем и в каком направлении шла эволюция религиозного мировоззрения старообрядцев Стародубья и Ветки, и как эти новые представления находили отражение в зодчестве, книгопечатании и иконописании – в материальных свидетельствах эволюции религиозного сознания старообрядцев по обе стороны Русско-Польской границы.

Пробудившийся в конце XX столетия интерес к старообрядческой иконе Стародубья и Ветки первое время удовлетворялся собранием икон Гомельского музея и прекрасной коллекцией икон, собранной старанием Ф.Г.Шклярова в бывших старообрядческих поселениях Брянской обл. и в Белоруссии, и сосредоточенной теперь в Ветковском музее Гомельской области.

Бережное отношение сотрудников Ветковского музея к иконописному наследию старообрядцев, их активная поисковая работа в селениях бывших Ветки и Стародубья, их научная деятельность по описанию собранного иконописного материала, отсутствие в городах Брянщины иконописных собраний, подобных Ветковскому, вызывало заслуженное уважение к их подвижнической деятельности. Это обстоятельство, за недостатком сведений о существовании более мощных иконописных традиций в соседнем Стародубье, натолкнуло исследователей на мысль объединить все иконы, написанные иконописцами Стародубья и Ветки, под одним названием «ветковская икона». Тем самым была нарушена историческая преемственность в оценке иконописной традиции края, сложившаяся к концу XIX в. и получившая отражение в сочинении иеромонаха Дамиана в 1905 году.

Значительной глубиной отличается исследование собрания икон музеев Гомеля и Ветки, проведенное Т.Е.Гребенюк. Автором впервые замечен целый ряд особенностей в технике и технологии письма, в иконографии местных иконописцев-старообрядцев. Автор делает попытку сравнить иконы Ветковской и Стародубской иконописных школ, но остается в плену представлений, что все иконы из собрания музеев Гомеля и Ветки написаны ветковскими иконописцами с начала XVIII и до начала XX века.¹

Необходимость дифференцированного подхода к иконописи, происходяей из Стародубья и Ветки, становится более насущной по мере изучения истории края и введения в круг исследования все большего числа икон, хранящихся в храмах селений юго-западной Брянщины и Гомельской обл. Беларуси.

Исторические предпосылки расцвета и упадка старообрядческой культуры Ветки и возвышения Стародубья.

Старообрядческое Стародубье Малороссии и старообрядческая Ветка, расположенные поблизости у Русско-Польской границы, известны со второй пол. XVII столетия, когда здесь, по обе стороны границы, стали селиться старообрядцы, бежавшие из «Замосковных городов». В настоящее время бывшее Стародубье расположено на юго-западе Брянской обл., а Ветка находится по соседству, в Гомельской обл. Беларуси.

Ветка и Стародубье заселялись старообрядцами в одно время, но с разной интенсивностью. Привлекательность жизни на Ветке состояла в том, что за Польской границей старообрядцев не преследовали за исповедание старого обряда, а с 1695 г., когда здесь был освящен храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, Ветка приобрела значение духовного центра для старообрядцев поповского согласия Польши и России.

В 1735 г. русское правительство Анны Иоанновны, озабоченное бегством за границу многих сотен тысяч налогоплательщиков, предприняло попытку насильно возвратить беглецов. Принудительные меры переселения старообрядцев Ветки в Россию во время «выгонки» 1735 г. оказались безуспешными, поскольку в России не были

---

¹ Гребенюк Т.Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Техничко-технологический аспект // Мир старообрядчества. Вып.4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998, С.389; Гребенюк Т.Е. Техничко-технологическое своеобразие ветковских икон. // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.6. М., 1998. С.66–69.

созданы условия для свободного исповедания старого обряда. Ветка после разорения быстро возродилась и процветала до «второй выгонки», 1764 г. которая проводилась правительством Екатерины II с учетом ошибок «выгонки» 1735 г. - в духе «материнской заботы о своих подданных», с обещанием старообрядцам льготных лет и возможности открыто исповедовать старый обряд.

Старообрядцам Стародубья Киевская губернская канцелярия в 1765 г. разрешила перенести Покровскую церковь из Ветки в Стародубье, что по сути своей, явилось согласием на перенесение духовного центра старообрядцев из Польши в Малороссию. Принудительные меры правительства, подкрепленные практическими шагами по укреплению начал веротерпимости, превратили переселение старообрядцев в Россию в принудительно-добровольную акцию. Переселенческим настроением прониклись тогда не только крестьяне, обыватели ветковских слобод, но и священство, и иночествующие старцы и старицы.

Чтобы переселенцы не имели возможности вернуться за границу к своим насыщенным местам, правительство предусмотрительно не селило старообрядцев в Малороссию, у границы с Польшей, а удаляло их как можно дальше от границы вглубь России - на Урал, в Заволжье, в Белгородскую губернию.

Население старообрядческих слобод Ветки после «выгонки» 1764 г. значительно сократилось. Первый раздел Польши, 1772 года, в результате которого к России отошли земли той части Белоруссии, где находились ветковские слободы, не вызвал обратной массовой миграции старообрядцев на Ветку. Сравнение состава населения ветковских слобод по переписям 1772 и 1795 гг. не выявило здесь заметного прироста населения.¹ Генеральное межевание Белицкого уезда Могилевского наместничества, проводившееся в 1783 г., вскоре после первого раздела Польши, показало, что к этому времени прекратили существование такие ветковские монастыри, как Покровский мужской и Казанский женский, скит Викентия у сл. Крупец, Макариев-Терловский, Филатовский, Анфимов скиты, Городницкий монастырь. В оставшихся монастырях - Лаврентиевом, Чонском, Игнатиевом – и в Асафиевом ските, жильцов были единицы.² Ветка после второй вы-

---

¹ РГАДА. Ф. 1355, д.708 и 705.

² Клинцов В.М., Перекрестов Р.И. Роль литовских шляхтичей Халецких в истории Ветки // Старообрядчество: история, культура, современность. М. 2000. С.91.

гонки уже не возродилась. А преобладающим старообрядческим населением бывших ветковских слобод в XIX в. стали беспоповцы, крестьяне, занимавшиеся мелкой торговлей. В общей сложности «процветание» Ветки ограничено 1695-1764 годами.

В то же время старообрядческие слободы Стародубья с конца 1740-х годов, задолго до второй Ветковской выгонки, не только быстро заселяются, но переживают бурный экономический и культурный рост. Перепись населения Государевых описных раскольничьих слобод 1767 г. показала, что с 1740-х гг. в старообрядческих слободах Стародубья население выросло в несколько раз, в слободах Клиницы и Зыбкая открыты школы для детей обывателей, во всех слободах развиты промыслы, в числе которых иконописание, обработка цветных металлов, кузнечный промысел, изготовление кирпича и кафеля, кладка кафельных и изразцовых печей, мыловарение; торговля красным товаром, пенькой, дегтем; выделка кож, шитье одежды, обуви. Немалое число обывателей имело торговый капитал от 100 до 1000 руб. и пользовалось кредитом.

К середине 1760-х гг. число обывателей раскольничьих слобод, имеющих торговый капитал и желающих записаться в купечество, выросло настолько, что старообрядцы Стародубья поставили перед правительством вопрос о придании некоторым слободам (Клиницы, Зыбкая) городского управления, что и было претворено в жизнь в 1782 году.

После переноса в 1765 г. в Стародубье главной ветковской церкви - Покрова Пресвятыя Богородицы- и переселения монашескую братию во главе со священноиноком Михаилом Калмыком, Покровский монастырь Стародубья становится духовным центром старообрядцев поповского согласия России. Во вновь заселенные монастыри Стародубья потянулись обозы паломников из России и из-за границы, потекла богатая милостыня.

А сл. Клиницы, самое богатое старообрядческое поселение края, превращается в духовно-культурный центр старообрядческого Стародубья. Наряду с уже существующим иконописным промыслом, в Клиницах открываются три типографии для издания учебной и церковно-служебной литературы для старообрядцев, работает «пансион» для детей старообрядцев, куда из других городов привозят детей на воспитание.

Иконописные традиции в Стародубье зародились еще в первые десятилетия XVIII столетия и существовали самостоятельно, парал-

лельно с иконописной традицией Ветки. Отличались они тем, что в Стародубье иконописцами были только светские люди, обыватели слобод, поскольку монастырей в Стародубье не было до 1760-х годов. Посад Клинцы стал одним из ведущих центров иконописания в Стародубье уже к началу 1750-х гг., задолго до второй Ветковской выгонки, и оставался таковым до начала XX в.. Вторая Ветковская выгонка не увеличила числа иконописцев в слободах Стародубья. Иконописцы Ветки, при всем их желании остаться в Стародубье, должны были подчиниться правительственным указам и были увлечены потоком переселенцев в южные губернии России, на Иргиз, Урал и в Сибирь.

Отражение эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев попвского согласия в иконописи и формирование иконописной «самобытности» Ветки и Стародубья.

Как видно из материалов переписей XVIII века, и на Ветку, и в Стародубье приходили иконописцы из Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Твери, Тулы, Курска, и др. городов, принося с собой сложившиеся в местах их прежнего проживания традиции светского и монастырского иконописания. Поэтому можно было бы говорить, применительно особенно к ранним Ветке или Стародубью, о развитии в них Московской или Ярославской иконописной традиции; а иконы, написанные пришлыми мастерами, рассматривать как образцы Московской, Ярославской и др. школ, написанные не в Москве или в Ярославле, а на Ветке и в Стародубье.

Работа иконописцев Ветки и Стародубья в условиях духовного поиска старообрядцами своего места в окружении «враждебного» мира «воцарившегося антихриста» не могла не отразиться на их творчестве. Казалось, следовало ожидать некоторой самоизоляции старообрядческого иконописания от мира, «застывшей» иконописной традиции в круге одной или нескольких наиболее уважаемых старообрядцами иконописных школ, иконы которых более всего предпочитали копировать старообрядческие иконописцы. Исследования искусствоведов свидетельствуют о появлении в XVIII в. в иконах Ветковско-Стародубского региона и, прежде всего, у иконописцев поповского согласия, «новизны» и «самобытности», сложившихся под влиянием как западноевропейской, так и местной украинской иконописной традиции, отразившейся в иконографии, в декоре иконы, в более ярком и детальном украшении одежды святых и в др. «новшествах». Но в какой из названных провинций, Ветковской или Стародубской,

сложились исторические и религиозные условия для появления «самобытности» в иконописании?

Сравнивая исторические и религиозные предпосылки к возникновению и развитию иконописания на Ветке, в период ее расцвета, и в Стародубье, после переноса сюда духовного центра старообрядцев из-за Польской границы, следует отметить, что оба духовных центра существовали в разных исторических условиях временных пространствах. Существенным было и то, что религиозные взгляды жителей Стародубья середины и второй пол. XVIII в. существенно отличались от религиозных взглядов старообрядцев Ветки начала и первой половины XVIII в., что не могло не найти отражения в иконописи и не вызвать эволюции иконописной традиции. Вектор эволюции мировоззрения старообрядца поповского согласия был направлен от жестких, бескомпромиссных установок беспоповского мировоззрения, суть которых сводилась к тому, что в мир пришел и царствует антихрист, которым повреждена господствующая церковь к религиозному мировоззрению, свободному от этих пережитков раннего старообрядчества.

Эволюция религиозного мировоззрения старообрядцев поповского согласия Ветки и Стародубья имеет вехи, которые выстраиваются в шкалу эволюции. Ломка беспоповских взглядов началась на Ветке на стыке XVII и XVIII вв., когда, в силу естественной убыли священства «старого крещения и старого рукоположения», ветковские слободские обыватели допустили к себе священников «нового крещения и нового рукоположения», заложив основы мировоззрения поповства. Ближайшие пять-шесть десятилетий, на которые пришелся расцвет Ветки, мировоззрение старообрядцев поповского согласия, несмотря на то, что они приняли от господствующей церкви священство, практически совпадало с мировоззрением беспоповцев, особенно на бытовом уровне. Искаженное представление о «последнем времени», вопреки изложенному в священном Писании учению, ложное представление о «пребывании духовного антихриста» на «олтарях господствующей церкви», отказ молиться за царя, отказ приносить на проскомидии пяту просфиру за царя, ставшие основой беспоповского мировоззрения, определяли в начале XVIII в. характер отношения обоих согласий Ветки и Стародубья к окружавшему их «миру антихриста».

Выгонка старообрядцев Ветки 1735 г., проводившаяся русскими войсками как карательная операция, только укрепила в их сознании

представление о враждебном мире антихриста. А проповедь беспоповских вождей о том, что путь к спасению лежит через безусловное прекращение общения с миром антихриста, в годы после разорения Ветки была понятной в равной степени не только беспоповцам, но и старообрядцам поповского согласия.

Гонительная политика правительств Петра I и Анны Иоанновны способствовала не столько эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев Ветки, сколько его консервации и даже сползанию на позиции беспоповского мировоззрения. В этих условиях отторжение всякой «новизны», исходящей из «мира антихриста», как в церковном обряде, в книге, одежде и языке, так и в иконе, подчеркнутое следование обычаям русской старожитности, оставалось основой мировоззрения старообрядцев Ветки. В первые десятилетия XVIII в. все ветковские храмы были украшены иконами только греческого и древнерусского письма.

М.В.Кочергина нашла архивные свидетельства того, что весь иконостас деревянной Никольской церкви Никольского (ветковского) монастыря был уставлен иконами «греческой живописи, бывшей предметом благоговения предков современных раскольников». Так отмечалось в предписании Могилевского Секретного Совещательного Комитета (РГИА. Ф.1284, оп.201, д.97, л.93 об.). В иконостасе летней церкви во имя Преображения Господня Пахомиева монастыря, наряду с др. иконами старого письма, был «греческого писания Нерукотворенный Образ» (РГИА. Ф.1284, оп.201, д.97, л.4).¹ Т. Верховский, описывая в 1846 г. Лаврентиев монастырь, отмечал, что монастырский храм был украшен «самыми древними иконами высокой работы».²

Иконы древнего письма преобладали в иконостасах всех монастырских храмов Ветки и Стародубья. Подчеркнуто уважительное отношение монашествующей братии к иконе греческого и древнерусского письма, спасительность которых доказана столетиями, – показатель присущего ранней Ветке строгого отношения как к иконе, так и к иконописанию. В слободах попечители храмов стремились украсить алтарь и иконостас иконами древнего письма, в крайнем случае, копиями с древнеписанных икон. Миряне также отдавали предпочте-

---

¹ Кочергина М.В. Старообрядчество Юго-запада России (1760-1860 гг.): хозяйство, расселение, культура. Брянск, 2003. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук.

² Верховский Т.А. Стародубье. Казань, 1874, с. 56.

ние древнеписанной иконе, привезенной ими из Великокорсии; но, вследствие естественной убыли старых икон, довольствовались копиями со старых образцов, написанными слободскими иконописцами.

Вкусу и запросам иночествующих старцев и мирян следовали как монастырские, так и слободские иконописцы, которые в годы расцвета Ветки должны были писать и писали икону в строгом соответствии с требованием Стоглава, копируя старые греческие и русские образцы и не привнося ничего как со стороны «латинства», так особенно со стороны малороссийской традиции, к которой старообрядцы относились враждебно, называя малороссийское население «обливанцами». Старообрядцы не принимали к себе священников от «обливанцев», не вступали с малороссиянами в брачные отношения и не признавали икон, написанных малороссийскими иконописцами.

Никаких отклонений от древних иконописных традиций, никаких элементов «новизны» в иконе периода «расцвета» Ветки ожидать не следует: они не допускались, поскольку шли вразрез с существовавшим в то время религиозным мировоззрением старообрядцев, пронизанным «учением» о наступившем «последнем времени». В строгой каноничности ранней Ветковской иконы (периода расцвета Ветки) не найти ни «новизны», ни «самобытности». Не случайно икона, написанная на Ветке в первые десятилетия XVIII столетия, отвечала религиозным и эстетическим запросам старообрядцев всех согласий, как поповского, так и беспоповского, поскольку не отступала от канонических требований, предъявлявшихся старообрядцами беспоповцами к этому виду религиозного искусства. Для ранней Ветки должно быть характерным строгое копирование иконописцами древних греческих и русских образцов, которые, как и старая вера, служили залогом спасения в «последнее время». Характерным для того времени должен быть и подбор предпочтительной иконографической тематики. К этому периоду можно отнести сохранившуюся в незначительном количестве «темноликую» икону XVIII столетия.

Элементы «новизны» в иконописании, которые служат искусствоведам вехами для выявления самобытности иконописания, не могли появиться в условиях первой пол. XVIII столетия, то есть на Ветке, когда беспоповская проповедь о «царе-антихристе» воспринималась старообрядцами всех согласий как социальный и религиозный протест против «гонительной» политики Русского правительства. Потребовалось появление новых внутривосточных условий и смена по-

коления, чтобы старообрядцы поповского согласия сделали следующий шаг от беспоповских взглядов. Этот шаг был сделан в 1765 г. старообрядцами Стародубья.

Стародубье по возрасту - ровесник Ветке, и даже старше. В Стародубье жили предприимчивые старообрядцы, занимавшиеся приграничной торговлей и промыслами. Торговый капитал, накапливавшийся из поколения в поколение, обеспечивал богатым обывателям Государевой раскольничьей волости Малороссии как экономическую самостоятельность и размах торговых сделок, так и независимость суждений, смелость в принятии решений. Богатые миряне Стародубья во главе с бурмистром Алексеем Хрущевым в 1765 г. пошли на значительные материальные затраты и хлопоты, чтобы спасти здание Покровской церкви во время выгонки старообрядцев Ветки. Миряне Стародубья, а вслед за ними и глава Ветковских поповцев священноинок Михаил Калмык, уступили требованию Киевского губернатора именованной Государыню Императрицу Екатерину II и приносить на проскомидии пятую просфиру за царя. На этих условиях, по «указу», как писал Яков Беляев,¹ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы была перенесена с Ветки в Стародубье, где и водворился Михаил Калмык.

Этому событию в истории поповского согласия Стародубья и Ветки уделено мало внимания. Но в то же время молитва за царя способствовала дальнейшей эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев поповского согласия Стародубья и постепенному освобождению от беспоповских взглядов. Но молитва за царя еще дальше развела старообрядцев поповского и беспоповского согласий.

Последующее рассмотрение эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев поповского согласия приложимо больше к Стародубью, поскольку обезлюдевшая Ветка после выгонки 1764 г. утратила свое прежнее влияние на старообрядцев. Следует подчеркнуть, что большая часть выселенных в 1764 г. с Ветки старообрядцев прошла через Стародубье транзитом. Это убедительно показано в диссертации Ю.Волошина «Государевы описные Малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.)» (М. 2005). В Стародубье задержались и осели те старообрядцы, кто перешел из-за польской границы добровольно, до выгонки, опираясь на силу императорских при-

---

¹ Беляев Яков. Летопись Ветковской церкви // ИРЛИ, древлехранилище, собрание колл. Перетц №378, л.2.

гласительных указов.¹ Переселенцы с Ветки, пришедшие в Стародубье во время «выгонки» 1764 г., не защищенные силой пригласительных указов, были удалены в ближайшие два года от Польской границы вглубь России. Поэтому в 1767 г. в Румянцевской описи среди обывателей «раскольничьих слобод» Стародубья нет ни одного иконописца, переселившегося из Ветки во время выгонки 1764 г. Поэтому говорить о переселении во время второй выгонки иконописцев из Ветки в Стародубье и о переносе ими ветковской традиции из Ветки в Стародубье нет оснований. Уместней искать ветковские иконописные традиции в местах расселения выходцев из Ветки - на Урале (Невьянск), в Заволжье (Иргиз) и в др. местах.

Насколько динамично менялось религиозное мировоззрение старообрядцев поповского согласия, свидетельствует то, что уже в 1755 г. старообрядцы Гомеля, Ветки и Стародубья обратились в правительство с просьбой предоставить им епископа,² но не были услышаны.

В 1780-е гг. в Стародубье, в Курском наместничестве и в Новороссийской губернии среди старообрядцев поповского согласия появилась партия сторонников инока Никодима, числом до полутора тыс. человек, поставивших подписи под «приговором», давшим полномочия иноку Никодиму обратиться в правительство Екатерины II с просьбой назначить от господствующей церкви епископа для старообрядцев, который бы рукополагал священников и диаконов.³ Число старообрядцев, сочувствующих этому начинанию и колеблющихся, было примерно равным.

Поколение старообрядцев Стародубья, при Екатерине II, было намного свободнее от беспоповских взглядов, более восприимчивым к влиянию культуры европейских стран. Деловые связи с купцами России, Польши, Германии, Малороссии, Турции научили старообрядцев Стародубья не бояться общения с представителями др. религиозных конфессий, быть терпимыми к малороссийским «обливанцам» и даже усваивать их культуру.

---

¹ Волошин Ю. Государевы описные Малоросс. раскольнические слободы (XVIII в.). М. 2005. С.103-105.

² Алексеев Иван. История о бегствующем священстве. // Ивана Алексеева сочинения..., Изд. Н.Субботин. М. 1890. С.28.

³ Инок Никодима прошения (копии) // Сборник старообрядчески. Л.59. (Архив автора).

Начавшееся в годы Екатерининской веротерпимости строительство во всем старообрядческом Стародубье церковных зданий показало, что вкусы старообрядцев поповского согласия претерпели значительные изменения. Вместо шатрового завершения храмов, каким оно было у первой ветковской церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, старообрядцы строят многокупольные храмы. Главки церквей и колоколен завершают купола шлемовидного очертания в местной малороссийской традиции. В украшении фасадов церквей и колоколен присутствуют элементы классицизма.

Во второй пол. XVIII столетия, с конца 1760-х гг., в Россию пошел нарастающий поток старообрядческой литературы из типографий Западной Руси: из униатских монастырей (Вильно, Супрасль, Почаев), из светских типографий (Гродно, Варшава). Книги, напечатанные за границей по заказу старообрядцев Калуги и Стародубья, призваны были повторять образцы русских изданий периода первых пяти патриархов. Но недостаток, а порой отсутствие клише, повторяющих рисунки художественного оформления московских типографий (заставки, концовки, инициалы, ломбарды), восполнялся теми клише, которыми украшались светские книги и религиозные книги униатов и католиков. Книга, напечатанная за границей, не была отторгнута старообрядцами 1770-х годов. Это вдохновило клинцовских купцов к созданию в 1784 г. собственного книгопечатного производства. В книжных украшениях клинцовских издателей, по мнению И.В.Починской, наряду с копированием московских книжных украшений присутствует ряд оригинальных композиций, соединивших в рисунке заставок, концовок традицию московских издателей с элементами барочной книжной графики.¹

Проникновение в старообрядческую среду второй пол. XVIII столетия западнорусской традиции книжного оформления с использованием орнаментальных клише, исполненных в традициях западноевропейской культуры, было воспринято читающими старообрядцами спокойно. И.В.Починская писала: «Возможность восприятия старообрядцами таких значительных новаций коренилась в новых эстетических представлениях заказчиков книг, жителей западнорусских

---

¹ Починская И.В. Особенности художественного оформления старообрядческих изданий XVIII–начала XX вв. // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2002. Вып.1. С.155-156.

территорий, и в отсутствии внутренней потребности читателей следовать старому канону, в их готовности воспринимать новую книгу».¹

Переживаемые экономический подъем, и духовное возрождение, строительство многочисленных храмов, осязаемая свобода исповедания старого обряда, общий культурный рост населения Стародубья во второй пол. XVIII столетия ускоряли процесс эволюции старообрядческого мировоззрения. Именно в Стародубье, а не на Ветке, появляется богатый заказчик на старообрядческую икону, свободный от строгих беспоповских установок, присущих первому поколению старообрядцев поповского согласия. Именно в Стародубье, а не на Ветке, иконописание полностью переходит в руки слободских иконописцев, независимых от пристального и строгого наблюдения со стороны монастырских братий. В Стародубье иконописание приобретает масштабность, становится прибыльным и все чаще отвечает вкусу богатого заказчика. Время духовного возрождения старообрядчества в годы Екатерининской веротерпимости находит отражение не только в архитектуре церковных зданий, в изменении структуры старообрядческих богослужебных книг и в художественном их оформлении, но и в иконе, в манере её исполнения, в наложении на старую дониконовскую традицию иконописания элементов западного влияния - как в технике написания икон, так и в появлении новых старообрядческих иконографий, в новом подборе красок, в создании новых элементов украшения (узорчатость одежды святых, цветы роз на одежде, виноградная лоза, изображение святых и Ангела-хранителя на полях икон), в оформлении орнамента, фона – во всей той новизне, которая замечена Т.Е.Гребенюк в иконах, написанных в Ветковско-Стародубском крае в XVIII и XIX столетиях.²

Вся иконописная новизна зародилась и окрепла в Стародубье, а не на Ветке. Екатерининская снисходительность преобразила в первую очередь Стародубье, придала ему импульс к быстрому росту, развитию и процветанию. Напротив, правительством Екатерины II в 1760-е гг. было сделано все, чтобы Ветка не возродилась как заграничный духовный центр старообрядчества. Никто в правительстве в

---

¹ Починская И.В. Там же, с.153.

² Гребенюк Т.Е. Художественное своеобразие ветковских икон. Технокультурный аспект // Мир старообрядчества. Вып.4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. м., 1998, с.389; Гребенюк Т.Е. Технокультурное своеобразие ветковских икон // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 6. М. 1998, с.66-69.

1764-1765 гг. не предполагал, что в 1772 г. произойдет раздел Польши и земли, на которых была поселена Ветка, войдут в состав Российской империи; поэтому меры правительства по уничтожению Ветки были решительными, последовательными, доведенными до своего логического завершения, то есть было осуществлено предельно возможное опустошение Ветки и удаление переселенцев как можно дальше от Польской границы.

Старообрядческое Стародубье во второй пол. XVIII столетия в условиях Екатерининской политики веротерпимости оживает, сюда со всей России устремляются потоки благотворительных вкладов, Стародубье становится духовным центром старообрядческой России, во всем задает тон, моду. Теперь иконописцы обедневшей и обнищавшей Ветки, из тех, кого не удалось переселить в Россию, равняются на иконописцев угождая вкусам тамошнего богатого купечества и мещанства.. Теперь иконы, написанные в Стародубье, вывозятся отсюда на Ветку, а не наоборот. Паломники с Дона, из Бессарабии и Новороссийской губернии теперь приезжают говеть не на Ветку, а в Стародубье, и увозят из Стародубья книги и иконы местных мастеров.

Некоторой обособленности клинцовских старообрядцев от Ветки и самобытному развитию клинцовского иконописания в XVIII в. способствовали отношения религиозной отчужденности, сложившиеся в отношениях между духовными отцами Ветковского Покровского монастыря и клинцовским священством. Причиной таких отношений стало то, что в Клинцах до 1780 г. служил священник, рукоположенный до 1735 г. епископом Епифанием, который вместе его рукоположенцами были отвергнуты большинством старообрядцев ветковского согласия. Старообрядцы сл. Клинцы долгие десятилетия, даже после перемещения Покровского монастыря в Стародубье, не приглашались на соборы священства в Покровский монастырь и были отстранены от духовной жизни. Примирение стало возможным только после смерти последнего в Клинцах священника Епифаниевого поставления, после чего глава Ветковского поповского согласия М. Калмык сам предложил клинчанам унию, которая была заключена в 1780 г.. Клинцовскую делегацию на переговорах с посланцами М.Калмыка возглавлял начетчик и иконописец Василий Иванов сын Комаев (1721

г.р.), который убедил клинчан в необходимости объединения старообрядцев ветковского и епифаниевого согласий¹.

Эта особенность в отношениях между старообрядцами Клинцов и Ветки, скрытая от внимания искусствоведов, занимающихся иконой Ветковско-Стародубского края, объясняет факт относительно независимого от Ветки развития Клинцовского иконописания в течение всего XVIII века. К этому следует добавить, что иконописание в Клинцах, как и во всем Стародубье, появилось за несколько десятилетий до того, как в Стародубье появились старообрядческие монастыри; оно всегда оставалось в руках светских, так называемых слободских, иконописцев, отличающихся самостоятельностью взглядов и ориентирующихся, в основном, на запросы покупателя.

Об эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев поповского согласия Стародубья свидетельствуют и беспоповцы конца XVIII в. в «Вопросах Ветковцам», составленных «неким беспоповцем из Стародубья в последней четверти XVIII столетия, числом 261». «Вопросы ...» были проанализированы анонимным автором «Критического очерка истории русского раскола, известного под именем старообрядчества» и опубликованы в 1854 г. в журнале «Христианское чтение». Автор очерка отметил, что в одном из вопросов беспоповец с негодованием писал, что старообрядцы ветковского поповского согласия Стародубья: «принимают иконы, писанные и не единовверными им художниками; сообщаются в пище и питии с православными, не подвергаясь за это епитимии, и не считают грехом ходить вместе с ними в бани» (сн. 505 Рукоп. *Вопросы Ветковцам...*, см. вопр. 215, 216, 219 (рук. Нашей библ. №59)).²

Материалы Румянцевской описи старообрядческих слобод Малороссии свидетельствуют, что уже в 1767 г. у старообрядцев поповского согласия Злынки (Стародубье) были свои иконописцы. Следовательно, уже тогда беспоповцы заметили в иконах слободских иконописцев поповского согласия Стародубья уклонение от древнегреческой и древнерусской традиций, почему и стали создавать собственные иконописные мастерские.

Отказ беспоповцев Стародубья во второй пол. XVIII столетия покупать иконы, написанные слободскими иконописцами поповского

---

¹ Белоликов В.З. Епифаниево согласие. Оттиск из «Труды Киевской Духовной Академии». С. 9-10

² «Христианское чтение» 1854. ч. II, с. 366.

согласия Стародубья, может служить указанием на появление в иконе кисти иконописца поповского согласия элементов «новизны», которые оцениваются современными искусствоведами как признак «самобытности». Это произошло в Стародубье в годы Екатерининского правления.

Э.К.Гусева, в 1978 г познакомившись с моленными беспоповцев Брянщины и Гомельщины, отметила, что «моленные старообрядцев беспоповцев этого региона имели иконы не местного письма, а были привозными, среди которых большое место занимали иконы традиционных центрально-русских иконописных школ».¹

Были у беспоповцев иконы привозные или местные, вопрос этот требует изучения. Материалы переписи старообрядческих слобод Стародубья 1767 г. позволяют говорить, что беспоповцы Злынки, Ардони, Еленки в эти годы уже имели своих иконописцев, чьё иконное письмо могло отличаться от письма иконописцев поповского согласия отсутствием «новизны» и более строгим копированием икон «центрально-русских иконописных школ», что и вводит в заблуждение искусствоведов.

Эволюция религиозных взглядов заказчиков и покупателей старообрядческой иконы XVIII столетия отразилась на самой иконе. При этом обычай писать икону строго «в образ и в подобие» не был утрачен, но для появления новой иконописной традиции созрели условия, и такая икона родилась. Строительство в старообрядческих селениях Стародубья около трех десятков храмов, для украшения которых требовалось много икон, богатый заказчик из мещан и купцов, новый вкус заказчика и новый взгляд на икону, появление «самобытной» иконы, имели место не на Ветке, а в Стародубье во второй пол. XVIII века.

В искусствоведении принято давать название новому явлению по тому месту, где оно зародилось, окрепло и получило свое развитие. В Ветковско-Стародубском крае местом, где сложились благоприятные условия для рождения и развития нового иконописного направления, стало Стародубье.

---

¹ Гусева Э.К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине // Из истории фондов науч. библиотек Московского университета. М., 1978, с.130. Цит. по М.В.Кочергиной «Старообрядчество Юго-запада России (1760–1860 гг.): искусство, расселение, культура». Брянск, 2003. Дисс. на сиск.уч.ст. канд. ист. наук, 2003.

Эти доводы были доложены мной 22 ноября 2005 г. в Музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева на конференции: «Старообрядческое искусство: икона, прикладное искусство, книжная орнаментика, лубок». (Материалы конференции находятся в печати). Мою точку зрения поддержала доктор искусствоведения Ирина Леонидовна Бусева-Давыдова, которая сказала, что искусствоведом давно замечено различие между старообрядческими иконами Стародубья второй пол. XVIII в. и иконами, написанными на Ветке в первой пол. XVIII в., но исторического и религиозно-мировоззренческого анализа причины появления таких различий и выяснения места появления «самобытной» иконы до сих пор не проводилось, и что моя точка зрения по этому вопросу достаточно убедительна и близка к достоверной.

Тогда же Ирина Леонидовна предложила мне помочь ей атрибутировать икону «Собор Архангела Михаила», которая хранится в Санкт-Петербурге, в Гос. Музее Истории Религии. Икона высокого уровня мастерства, обладающая всеми приметами «новизны» и «самобытности», которые отмечены Т.Е. Гребенюк при изучении икон из собрания Гомеля и Ветки, принадлежит кисти клинцовского иконописца, но его имя до сих пор было не известно.

Икона «Собор Архангела Михаила», Россия, 1804 г., дерево, 47,5 x 56, темпера, инвентарный номер А–50–IV. (Рис.1) На лицевой стороне иконы текст: «Написася сия икона в [1804] годе месяца декабря ... дня на память преподобнаго отца нашего Саввы Освященнаго». На тыльной стороне текст: «Высокопочтеннейшему Святейшего Правительствующего Синода Члену, Великому Господину Преосвященнейшему Михаилу¹ Архиепископу Черниговскому и разных Орденов Кавалеру от усердия Клинцовского купца Федора Карташева [1805] года февраля [7] дня». ² Описание иконы: «По верхнему и нижнему краям доски с оборота, только в правой части, врезаны кусочки дерева треугольной формы, вершинами к торцам доски. «Личное» напи-

---

¹ Михаил, в миру Матвей Михайлович Десницкий (1761-1821), известный церковный деятель, проповедник, автор богословских трудов. С 1800 г. придворный пресвитер при Павле I. С 1818 г. митрополит Санкт-Петербургский. Похоронен в Александро-Невской Лавре. – О.А. Коробко.

² Сведения об иконе сообщены хранителем фондов Гос. Музея Истории Религии, ст. н. с.отрудником Ольгой Александровной Коробко. Сама же икона в цветном изображении представлена в альбоме «Русское искусство из собрания Государственного Музея Истории Религии». Изд. «Белый Город». М. 2006.

сано по оливковому санкирию, вохрение коричневое, с оранжевой поддурмянкою, белил немного. Архангел Михаил стоит внизу, в центре, с красными крыльями, в радужном нимбе, шлеме с плюмажем и крестом во лбу. Плащ розовый покрыт крупными золотыми розами с серебряными листьями, складки исключительно декоративны. Хитон голубой с золотыми розанами. В правой, опущенной руке архангел держит огненный меч, в поднятой левой – зеркало, в виде голубой сферы. Внизу располагается овальная белая дробница с надписью: «Трисоставнаго божества предстатель святейший Михаил...» (и в том числе сказано о написании иконы в декабре 1804 года на память преп. Саввы Освященнаго), украшенная розовой ленточкой с бантами и зеленой гирляндой. По сторонам от архангела Михаила, в золотистых облаках, предстоит в три яруса силы ангельские; каждую группу возглавляет архангел с позолоченной хоругвью (всего 6), вверху показана Троица на херувимах, Христос и Саваоф держат скипетры и возлагают руки на находящуюся между ними державу. В верхних углах – трубящие ангелы. В нижних углах – розовые розаны с зелеными листьями. Очень тонкая, как бы зубчатая разделка золотом перьев на крыльях («елочкой»). Фон белый, колорит светлый, цвета преимущественно серый, красный, немного травянисто-зеленого и голубого. На сером приложены вишневые притинки. Поля темно-зеленые, узкие, опушь красная».¹

Существенную подсказку в поиске имени иконописца, написавшего эту икону, дала владельческая запись на тыле иконы: «...Архиепископу Черниговскому... от усердия Клинцовского купца Федора Карташева [1805] года...». Клинцовский купец Ф. Карташев – сын клинцовского «слободского учителя» Козмы Карташева. Федор Козмич Карташев (1752–1805), чья владельческая запись имеется на заднике иконы «Собор Архангела Михаила», родился и вырос в Клинцах. В 1786 году он «заводит на своем огороде типографию с 8 станками».² Уже в первые два года легального существования типографии (1786-1787) в деятельности Ф.Карташева преобладало нелегальное книгоиздательство. Восемь станков обеспечивали ежегодный тираж в несколько тыс. книг.

В 1799 году, при императоре Павле I, вскрывается нелегальное книгопечатание клинцовского купца, и власти накладывают арест на

---

¹ Описание сделано доктором искусствоведения И.Л. Бусевой-Давыдовой (г. Москва)

² Маевский П.И. Посад Клиницы. Черниговские Губ. Вед. 1863, № 22, с.290.

Клинцовскую типографию. Начинаются многолетние хлопоты Ф.К. Карташева о возвращении типографского имущества. Такие хлопоты требовали не только официальных просьб, но и подношений. Хлопоты были продолжены Карташевым и при императоре Александре I. Богатые подношения духовным и светским чиновникам, по всей видимости, и обеспечили «снисходительное» отношение Черниговского губернатора к наследнику книгоиздателя, Акиму Федоровичу Карташеву, когда открылось, что с 1804 г. Карташевы возобновили в Клинцах нелегальное книгопечатание. Но икона «Собор Архангела Михаила» стала последним в числе др. подношений, сделанных Федором Карташевым, поскольку 14 ноября 1805 г. он умер. Дело книгопечатания продолжил его сын, Аким Федорович Карташев. Типография в Клинцах нелегально работала до 1817 года.

Семью Карташевых прославили не только слободской учитель и книгоиздатели, были в ней и художники. Незаурядным человеком предстает младший брат Федора Козмича, клинцовский купец Иван Козмич Карташев (1766 г.р.), серьезно занимавшийся иконописью и

зодчеством. Им написаны многие иконы для Вознесенской церкви в Клинцах. В описании её святынь сделанном в XIX в. священником И.Чередниковым, есть указания, что кисти Ивана Карташева принадлежат несколько икон в алтаре и в иконостасе: «В алтаре, на горнем месте, – писал И.Чередников, – находится благоговейно чтимое приходом плечевое изображение на холсте Христа Спасителя, квадратное, размером 4 аршина (2,8 x 2,8 м). Изображение это писано Иваном Кузьмичом Карташевым, который был главным украсителем храма. <...> Заслуживает внимания устроенный за правым клиросом иконостас для местночтимой иконы Божией Матери «Корсунской». Устроен он в 1826 году при старосте Иване Козмиче Карташеве».¹ Чуть ниже И.Чередников снова возвращается к иконописцу Ивану Карташеву: «Местночтимый чудотворный образ свят. Николы, именуемый «что на воротах», размер 2 аршина. Образ в металлической высеребрянной ризе и в золоченом венце. Образ писан Иваном Козмичем Карташевым для Святых Ворот храма и поставлен был ликом в церковную ограду. От образа стали получаться исцеления, и при нем была установлена неугасимая лампада. Когда число притекающих к молитвенной помощи св.Николы увеличилось, и многие желали благоговейно приложиться к образу, была сделана к нему лестница, а в 1850-х гг., при церковном старосте Попове, пристроена была часовня, в каком виде она находится и доныне. Образ благоговейно читается всем посадом и в дни памяти св.Николы к нему стекаются массы окрестных жителей посада».²

В 1801-1804 гг. Иван Козмич Карташев по своему проекту на цвинтере (церковный двор, погост - Польск.) Вознесенской церкви возводит деревянную пятиярусную колокольню, высота которой с крестом составляла 25 саженой и 1 аршин, в основании 23x19 аршин. Колокольню украшали часы, отбивавшие каждую четверть часа.³ Из кратких упоминаний об иконописце Иване Карташеве вырисовывается образ талантливого самородка - художника и зодчего, который своим многолетним трудом во славу Господа заслужил достойную любовь и уважение клинчан. И.К. Карташев не заезжий иконописец, переходящий из села в село для иконописного промысла, след которого случайно остался на клинцовской земле. И.Карташев не художник-одиночка, он как иконописец вырос в Клинцах, унаследовав от местных мастеров традиции старообрядческого иконописания XVIII столетия. Карташев представитель целой школы, целого направления

---

¹ Чередников И. Вознесенская единоверческая церковь в п.Клинцах Суражского уезда. Чернигов. 1908. С. 6-8. Архив автора.

² Там же. С. 15.

³ Там же.С. .26-027.

в старообрядческом иконописании Стародубья. Творческое становление иконописца происходило в годы, когда религиозное мировоззрение старообрядцев поповского согласия Стародубья в значительной степени освободилось от прежних «догматических» установок беспоповского мировоззрения. Раскрепощенное мировоззрение старообрядцев оказалось восприимчивым к влиянию европейской и местной малороссийской иконописных традиций, в близком соприкосновении с которыми старообрядцы Стародубья находились многие десятилетия.

Творческая манера мастера Карташева не могла не иметь истоков, не могла не быть отражением как местного, так и общего направления в развитии старообрядческой иконописи второй пол. XVIII столетия. В декабре 1804 г. Ивану Карташеву было 39 лет – возраст зрелости художника и расцвета творческого таланта. Несомненно, что написать икону «Собор Архангела Михаила» в дар архиепископу Черниговскому Федор Карташев мог доверить только самому опытному иконописцу, каким был младший его брат, И.К. Карташев. Из всего сказанного следует вывод: икона «Собор Архангела Михаила», подаренная в 1805 г. архиепископу Черниговскому Михаилу клинцовским купцом Федором Карташевым и находящаяся в настоящее время в фондах Гос.Музея Истории Религии Санкт-Петербурга, принадлежит кисти клинцовского иконописца Ивана Козмича Карташева. И если его мастерство считать производным от клинцовской иконописной школы, то можно представить, на каком высоком уровне находилось иконописание в посаде Клинцы во второй пол. XVIII века.

Мои доводы о принадлежности иконы «Собор Архангела Михаила» кисти клинцовского иконописца И.К.Карташева доктор искусствоведения И.Л.Бусева-Давыдова признала убедительными, а авторство иконы доказанным.

Выводы.

1. Иконописание на Ветке (монастырское и слободское) пережило расцвет в первой пол. XVIII столетия. Оно носило глубокий отпечаток представлений старообрядцев о пребывании их во враждебном окружении мира антихриста. Поэтому в икону не допускалось проникновение никакой «новизны», способной лишить иконописный образ спасительности древних русских и греческих образцов. Иконописание на Ветке, не успев освободиться от жестких идеологических установок раннего старообрядчества, было подорвано «выгонкой» старообрядцев из ветковских слобод в 1764 году. Все старообрядцы, выведенные из-за Польской границы (в их числе и иконописцы), не задержались в Стародубье, а были удалены в Заволжье, на Урал, в Сибирь и Белгородскую губернию. Следует признать, что иконописание на Ветке, если и возродилось после «выгонки» 1764 г., то не

скоро, навсегда утратив прежнюю масштабность и влияние в Ветковско-Стародубском крае.

2. Иконописание в Стародубье и в Клинцах началось в первой пол. XVIII века, задолго до второго и окончательного разорения Ветки в 1764 г., и находилось в руках слободских (светских) иконописцев, поскольку в Стародубье до начала второй пол. XVIII века не было монастырей. Иконописание в Стародубье развивалось самостоятельно и параллельно Ветковской школе, закладывая и развивая собственные взгляды и традиции.

3. Условия Екатерининской веротерпимости способствовали быстрому подъему экономики, грамотности и эволюции религиозного мировоззрения старообрядцев поповского согласия Стародубья и освобождению его от беспоповских религиозных представлений, что разрушало прежнюю культурную замкнутость и способствовало усвоению культуры европейских стран и населения Малороссии. Эволюционные процессы в религиозном сознании старообрядцев поповского согласия Стародубья нашли отражение в зодчестве, в оформлении книгопечатной продукции и в иконе.

4. Со второй пол. XVIII в. в Ветковско-Стародубском крае законодателями в иконописании стали слободские иконописцы Стародубья, прежде всего клинцовские иконописцы, удовлетворявшие резко возросший в эти годы спрос на икону. Ветка к этому времени перестала быть духовным центром, обезлюдела, утратив свое прежнее влияние. Самобытному развитию клинцовой иконописи способствовала длительная (почти весь XVIII в.) духовная изоляция клинцовских старообрядцев от Ветковского духовного центра.

5. Икона «Собор Архангела Михаила» из собрания Гос. Музея Истории Религии (СПб) принадлежит кисти клинцовского иконописца И.К.Карташева, что документ, свидетельствует о существовании в Клинцах иконописной школы со своими традициями, и талантливыми изографами, прокладывавшими дорогу новому иконописному направлению. В иконе «Собор Архангела Михаила» со всей очевидностью предстает «новизна», описанная Т.Е.Гребенюк, которую приписывают «Ветковской иконописной школе». Икона доказывает, что иконопись в Клинцах (Стародубье) во 2-й пол. XVIII в. переживала расцвет. Здесь жили и работали опытные мастера, велось обучение иконописному мастерству.

6. Икона «Собор Архангела Михаила», написанная в 1804 г., в настоящее время является наиболее ранней работой клинцовских иконописцев, получившей авторство. Несомненно, иконы кисти Ивана Карташева и иконописцев ближайшего его окружения сохранились в музеях, что позволит искусствоведам определить круг икон, написанных мастерами Клинцовой иконописной школы.

7. Изучение старообрядческой иконы, вышедшей из мастерских Ветковско-Стародубского края, требует выявления и описания: а) иконописной традиции ранней Ветки, периода ее расцвета (1695-1764) и иконописной традиции Ветки после второй «выгонки», 1764 г., когда духовный центр старообрядцев переместился в Стародубье; б) иконописной традиции слободских иконописцев Стародубья XVIII в., и особенно второй пол. столетия (в слободах Злынка, Зыбкая, Клиницы, Еленка); в) иконописной традиции, присущей иконописцам беспоповцам Стародубья и Ветки (середина XVIII – начало XX вв.), и отличия беспоповской иконы от иконы, написанной иконописцами поповского согласия.

8. Клинцовская иконописная школа, или Клинцовская иконопись (середина XVIII–начало XX вв.), должна быть признана самостоятельным и самобытным направлением в истории старообрядческого иконописания в Стародубье. В Клинцовской иконописной школе зародилась и получила развитие та иконописная «новизна» и «самобытность», которые приписываются Ветковской иконописной школе, и которая принципиально отличается от консервативной и архаичной Ветковской иконописной традиции первой пол. XVIII века.

М.А.Комова, И.В.Злотникова (Орел, Брянск)

Развитие иконографии святых

Тихона и Арсения, карачевских чудотворцев

(на примере экспоната из Брянского краеведческого музея).

Важным рубежом в формировании иконописной традиции края по верхнему течению реки Десны стало XVII столетие. Для этого времени характерно интенсивное развитие русских провинций. Оно коснулось не только известных средневековых иконописных центров Северо-восточной Руси и Поволжья, но и окраинных земель к югу, вошедших в состав Московского государства сравнительно недавно. Русская культура этого времени пронизана яркостью, многообразием форм, изобилием сюжетов. Строители, живописцы, мастера прикладного искусства выполняют множество заказов, их деятельность преобразует облик древних городов и монастырей. Эта тенденция обозначилась с особой силой после окончания Смутного времени. История Брянщины наложила свой особый отпечаток на культуру этих мест, иной, чем в землях близлежащего Поочья. В Подесенье в середине XVII в. в декоре одних и тех же храмов мирно сосуществовали две традиции, которые отражали две ветви православной культуры. Первая, украинская, «киевская», отраженная в иконах «на серебре» и «на полотне», сохраняющаяся в монастырях, подчиненных Киево-

Печерской Лавре (Трубчевский Чолнский монастырь и Брянский Свенский монастырь). Вторая -- московская (в описях ее обозначают как «русскую») - была особенно популярна в дворцовых землях (Брянский, Карачевский, Севский уезды), куда не только привозились иконы, но и приезжали известные иконописцы.¹

Одним из монастырей, интенсивно развивающихся в этот период, был Воскресенский Тихонов монастырь в Карачеве,² приписанный в 1680 г. к подмосковному Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю, (что предполагало цитирование московской художественной традиции³). О наличии запоминающихся икон в монастырском деревянном храме Тихоновой пустыни в середине XVII в. говорит диакон Павел Алеппский. В 1654 г. он, сопровождая патриарха Макария Антиохийского в Москву на церковный собор, проезжал через Карачев⁴. Диакон Павел охарактеризовал резной позолоченный иконостас в местном Воскресенском храме и дал оценку образам особого миниатюрного письма на золотом фоне, где «каждый святой или ангел бывает величиной с зернышко». Он также перечислил запомнившиеся сюжеты, изображенные на иконах (вероятно, праздничного ряда): «Рождество Христово», «Воскресение», «Страсти Господни», «Святая Троица», «Чудеса Господни»⁵. Мы можем лишь предположить наличие в Воскресенском храме иконостаса в несколько рядов (по крайней мере, в три – местный, праздничный и деисусный). Там небольшие по формату иконы были качественно выполнены в технике миниатюрного письма в подобие «строгановского» – одного из течений в московской живописи конца XVI-первой пол. XVII веков.

Письменные источники свидетельствуют о появлении в Карачеве во второй пол. XVII в. двух редких иконографических типов связанных с прославлением местных подвижников благочестия. Известно, что основание упомянутого «при г.Карачеве, за р.Снежетью,

---

¹ Комова М.А. Иконное наследие Орловского края XVIII-XIX веков: Авт. дисс. канд. искусств. М.: МГУ, 2006. С.15-17.

² Кизимова С.П. Зубова Е.М. По следам святых обителей. Брянск, 1999. С.18.

³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1996. С.264.

⁴ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария по пределам Орловского края в 1654-1655 гг.: Реферат, читанный на заседании Орловского Церковно-археологического комитета в 1905 г. // Сборник Орловского церковно-археологического общества. Орел, 1905.

⁵ Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Перевод с араб. Г.Муркоса (по рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел). Изд. Московского университета, 1897. Вып. 2. С.76.

...Воскресенского монастыря, называемого иначе Тихоновой пустыней ...приписывается преподобному священноначальнику Тихону, который ...значится между святыми г.Карачева и почитается за нового чудотворца»¹. В синодике Воскресенского монастыря 1700 г., вслед за царскими именами, вписан и «род строителя монаха Тихона, начальника обители сея». В «приписке киноварью» к надписи в упомянутом синодике отмечено, что «в 1609 г. Август в день преставился монах Тихон, начальник строитель обители сея». Подготовка к канонизации началась, когда еще были живы те, кто помнил о подвижничестве Тихона и о его родословной, т.е. в середине XVII столетия. Это был период наибольшей активности в развитии региона (окончательный уход поляков, переход ряда земель в Дворцовое ведомство, большие пожертвования из царской казны на восстановление региона, составление синодиков с поминовением царской семьи, строительство храмов и монастырей).

На обороте же первого листа синодика «наклеена картинка, изображающая монастырскую церковь, по сторонам которой имеются изображения (во весь рост) преподобного Арсения и Тихона Карачевского, а вверху их лик Господа Иисуса Христа, простирающего к ним Свои божественные длани»². Графическая миниатюра на листе синодика была выполнена, вероятно, перед прославлением святого (в конце XVII в., до 1700 г.). Образцами для выполнения композиции послужили характерные для Москвы парные изображения двух святых во весь рост перед Спасителем (или Богородицею), как в случае с местночтимой на Брянщине иконой святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (легендарно относимой к событиям 1288 г., когда была привезена Богородица Свенская Печерская, но появившейся, вероятно, вместе с дарами Иоанна IV Грозного после прославления иконы Богородицы в Москве³). Подобные композиции с двумя святыми часто встречаются среди произведений столичных мастеров-миниатюристов, чьи работы, согласно ссылке на дневник Павла Алеппского, находились в иконостасе Воскресенского храма. Примером может послужить икона «Мученики Уар и Артемий Веркольские», выполненная ок. 1670 г. Никитой Павловцем и изображающая святых на фоне панорамы города с храмами и монастырями⁴. Вместе с тем, в основе такой композиции могли лежать и известные киевские

---

¹ Пясецкий Г.М. История Орловской епархии. Орел, 1899. С.568.

² Там же. С.68-69.

³ Комова М.А. Указ. соч. С.15.

⁴ Икона (33х28 см) находится в собрании ГТГ. См.: Брюсова В.Г. Русская живопись 17 века. Цв. илл. 29, 112.

гравюры, изображающие Успенский собор Киево-Печерской Лавры с предстоящими Антонием и Феодосием¹.

Следующий образ, изображающий Тихона Карачевского, был выполнен на крышке деревянного надгробия. Известно, что был «преподобный Тихон Карачевский погребен в основанной им обители и над гробницей его в склепе устроен был придел во имя святого Тихона, Амафусийского (Амафунтского) чудотворца²; в гробнице, под деревянной доскою, сокрыт образ преподобного Тихона Карачевского, писанный на дереве в рост... память чтится 16 июня»³, наряду с одноименными святыми Амафунтийским (425), Калужским (1492), Костромским (1503)⁴. Г.М.Пясецкий, к сожалению, не дал ссылки на источник своей информации о втором изображении и о времени его написания. Но можно предположить, что оно выполнено до упразднения монастыря в 1764 г., явившимся рубежом активного почитания Тихона и Арсения Карачевских и их полузабвения.

Образцом для местных ростовых икон рубежа XVII-XVIII вв., изображающих св.Тихона Карачевского, могли также послужить надгробные иконные изображения святых⁵. Примеров подобных произведений достаточно в соборах Московского Кремля⁶, а также в ряде русских храмов и монастырей. Это шитые нагробные пелены, рельефные и живописные крышки раковин святых⁷. Изображение на крышке

---

¹ Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. Киев, 1971. С. 30 (гравюра мастера Илии, 1660 г.).

² Еще одна почитаемая древняя икона св.Тихона Амафунтийского находилась в Воскресенской церкви 1805 г. в с.Долбенкино (Долбута) на границе Курской и Орловской областей) См.: Неделин В.М., Ромашов В.М. Архитектурные древности Орловщины. Орел, 1998. С.184.

³ Пясецкий Г.М. Указ. соч. С. 68-69.

⁴ Среди российских святых, чтимых повсеместно, св. Тихон Карачевский до 2004 г. не был упомянут. См.: Православный календарь. С богослужебными указаниями. 2002. Валаамский монастырь, 2002. С. 66.

⁵ Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что встречающиеся на Орловщине в XIX в. образы Тихона Амафунтского, святого покровителя святого Тихона Карачевского, могут быть местного происхождения, например, икона «Пророк Илия и св.Тихон Амафунтский» (середина-вторая пол. XIX в., Воскресенская пустынь, Карачев, поступила из частного собрания, г.Орел).

⁶ Самойлова Т.Е. Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля XVI в.: К истории создания росписи Архангельского собора // Исторический вестник. №3-5. С.4; она же. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С.234-240.

⁷ Преображенский А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию (XI-XV вв.): Авт. дисс. канд. искусствоведения. М., 2004. С.11-24; он же. О сюжете так называемой Пелены Елены Волошанки // Лазаревские чтения. 2002. [машинопись]; он же. Образ Богоматери «Моление о народе» в русском

раки являлось свидетельством обретения мощей святого (или почивания мощей под спудом), которое, наряду с шитым покровом (в местных источниках нет ссылок на подобные произведения), делалось на примере первых ктиторских изображений этого подвижника, либо устных свидетельств современников о нем, либо его чудесных явлений¹.

Мощи св.Тихона пребывали под спудом (они не были обретенны). Разработанные иконографические композиции (донаторное предстояние и изображение на гробе) говорят о том, что процесс канонизации не был завершен, общероссийского почитания еще не было введено. Поэтому не случайно наряду с изображениями св. Тихона Карачевского распространяется редкий образ св.Тихона Амафунтского, покровителя основателя обители, находившийся в Карачеве, являлся, вероятно, местной традицией. В XIX в. наблюдается активизация почитание последнего в связи с распространением в изучаемых землях икон прп.Тихона Калужского и прославленного в 1865 г. Тихона Задонского, у которых именным покровителем был тот же святой из Амафунта.

Появление в Карачеве подобных изображений святого перед его канонизацией говорит о том, что это были исторически первые образы св.Тихона, предшествовавшие его изображениям в иконописном подлиннике. Согласно Н.К.Голейзовскому, подобные изображения могли быть выполнены местными иконописцами, знавшими подвижника при жизни и помнившими его, либо собравших скрупулезно сведения о нем у «самовидцев». ² Изображения карачевских подвижников Тихона и Арсения, предстоящих Христу, напоминают ктиторские портреты, которые считаются истоком развития иконографии святого. Они иллюстрировали краткие документальные записи о святых, делавшиеся по свежей памяти, согласно мнению Г.И.Вздорнова, изучившего подобные изображения на примере росписей новгородской Успенской церкви на Волотовом поле. ³

Ранние изображения св.Тихона Карачевского (и ктиторский портрет и портрет на крышке раки) и редкие изображения покровителя обители – св.Тихона Амафунтского - не породили житийной ико-

---

искусстве XVI в. // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI в.: Тез. науч. конф. в ГмиАР. 17-18 ноября 2004 г. М., 2005. С.25-27.

¹ Макарий (Веретенников), архимандрит. Первый образ в иконографии русских святых // Богословие образа. Икона и иконописцы: Антология. М., 2002. С.147-151.

² Голейзовский Н.К. Исихазм и русская живопись XIV-XV вв. // Византийский временник. М., 1969. Т.29. С.207.

³ Вздорнов Г.И. Портреты новгородских архиепископов в искусстве XV в. // Древнерусское искусство: Монументальная живопись XI-XVII вв. М., 1980. С.134.; он же. Вологово. Фрески ц. Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989. С.74.

ны этого святого, вероятно, из-за упразднения монастыря в XVIII в. Согласно исследованиям В.М.Сорокатого, житийная икона была «результатом развития комплекса надгробных икон, первоначально состоявшего из личных моленных икон погребенного и ранних персональных его изображений, на этапе широкого распространения его культа и окончательного распространения его жития. Он вбирает в себя символику раки святого, являет образ его моления за притекающих к раке молящихся и изливаемой на них благодати»¹. Но в изучаемом регионе, в случае с развитием иконографии св.Тихона Карачевского (тем более, иконографии св.Арсения, чьи мощи, вероятно, не были обретенны, и его канонизация только подготавливалась после 1700 г.) этот процесс оказался незавершенным.

Рис.1

В конце XIX в., вероятно, епархиальным начальством были заказаны ростовским мастерам-финифтяникам эмалевые нагрудные иконки св.Тихона Карачевского (теперь в собрании БГОКМ²). В дан-

¹ Сорокатый В.М. Надгробная икона Прокопия Устюжского 1602 г. // Русские исторические деятели в иконе. Тез. док. науч. конф. Декабрь 1989 года. М., 1995. С.36.

² Первоначально к иконографии карачевского святого относили два нагрудных образа конца XIX-начала XX вв., изображающих св.Тихона Карачевского (БГОКМ). Но принадлежит св.Тихону только один (№13814; 6,5*5,3*0,5). Экспонат под №11848

ное время сохранился единственный образок "Преподобный Тихон Карачевский" (БОКМ 13814, размер в рамке 5,3 x 6 см, размер эмали 3,2 x 4 см) (Рис.1). Техника представляет собой живописную эмаль (оборот – белая контрэмаль, поля -- латунь, оборот -- бархат). Правый верхний угол на внешней стороне отколот и подклеен, вдоль трещины имеются небольшие сколы верхнего слоя эмали, от скола к правому краю проходит несколько трещин. Трещина от верхнего края до руки святого. Скол живописного слоя в левом нижнем углу. Контрэмаль в левом нижнем углу раскрошилась, а в верхнем с тыльной стороны осыпалась. Рамка латунная, фигурная (ромб, положенный на прямоугольник с закругленными углами, по углам которого штампованные изображения херувимов). Сохранность удовлетворительная. Наблюдается патина металла, зелень на левом углу и местами вдоль обнизи. Фрагмент рамки (левый нижний угол) оборван по внешней стороне, торец цел. Рамка сильно погнута. Внутренний и внешний периметр украшает жемчужная «обнизь». Тыльная сторона закрыта красным, порывевшим от времени бархатом. На верхнем торце - петля с колечком для крепления.

На иконке в полный рост, в 3/4 повороте влево, несколько правее центра, изображен святой. Он облачен в бежево-розоватую ризу, черную мантию, скрепленную на груди, и аналав голубого цвета с двумя большими Голгофскими крестами спереди и крохотным крестиком на левом плече. Из-под ризы видны носочки черных сапожек. Седые волосы святого короткие, борода ровная, средней длины. В левой опущенной руке он держит развернутый свиток, слова условны, не прописаны. Правая рука с раскрытой ладонью поднята по направлению к стоящему вдоль левого края дерева: могучий ствол, написанный лишь частично, с пышной кроной и двумя толстыми ветвям, и на которых стоят две иконы. Нижняя икона – Господь Вседержитель, правая рука Которого поднята в благословляющем жесте, левая покоится на сфере; верхняя – Пресвятая Богородица без Младенца. Нимб в виде высветления желтой краски, переходящего в белую. Над головой святого надпись, выполненная мелкими, почти скорописными, буквами черной краской : «пр: Тихонъ Кар.»

Техника исполнения эмали, особенности изображения, декоративное убранство рамки говорят о происхождении иконки из такого крупного эмальерного центра как Ростов Великий - во второй пол-

---

(6x4,2 см), отнесенный ранее сотрудниками музея к той же иконографии, является изображением Тихона Задонского.

конце XIX века. Возможно, что Орловской Духовной Консисторией¹ была заказана партия иконок для продажи богомольцам на территории Карачева, поскольку Тихон Карачевский являлся местночтимым святым и память его праздновалась местно 16/29 июня вместе с памятью святителя Тихона Амафунтского.

Святой стоит на большом камне, камень меньшего размера лежит у корней дерева, за ними до монастырских стен простирается зеленая трава. Далее раскинулся большой монастырь, образующий в плане прямоугольник. Вдоль правого края иконки написаны три одноэтажных строения, образующие угол со стеной в нижней части. На стене внизу располагается часть небольшой церкви с красным куполом, частично закрываемой мантией святого. Корпуса стоят торцом к двухэтажному строению в верхней части изображения, вписанному в крепостную стену. В левой части иконки расположены основные строения монастыря: на переднем плане высокая колокольня с портиками в нижнем ярусе, фрагмент стены, торцом к которому расположено небольшое строение под красной крышей в центре монастыря. За колокольней раскинулся грандиозный 5-ти купольный храм с большой выразительной апсидой или же пристройкой полукруглой формы под наклонной крышей. Крыши строений тонированы зеленой краской. Изображение монастыря условно. Много вопросов вызывает изображение центрального храма, в котором находилась гробница преподобного Тихона Карачевского. Первоначально храм был выстроен из кедра и, по описанию Павла Алеппского, увенчан тремя куполами и двумя куполами над алтарями (то есть всего пятью куполами); однако, в более позднее время, в 1697 г. на средства царевны Татьяны Михайловны был построен великолепный каменный храм в традициях нарышкинского барокко². Особенностью нового одноглавого собора, помимо величины и нарядности, была уникальная каменная башня, не имеющая своих прямых аналогий в местной архитектуре. Она несла символическое значение: она построена над основным объемом храма, в память о столпничестве преподобного Тихона. Башня напоминает как пристройки, асимметричные относительно центрального объема башен, окружающих подмосковный Воскресенский монастырь на Истре, так и расположение боковых колоколен, пристраиваемых в эпоху барокко к готическим сооруже-

---

¹ Подобные заказы ростовским финифтяникам делались в конце XIX в. с разрешения местной Консистории по индивидуальному заказу некоторых монастырей, например, Брянской Белобережской пустыни.

² Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1997. С.264.

ниям (например, боковая башня собора св.Вита в Праге¹). Ко времени создания эмалевой иконки из БГОКМ монастырь был упразднен и остался один собор, ставший приходским, увенчанный двумя куполами (центральный объем и башня). Хотя высокая ярусная колокольня, построенная в 1822 г., весьма близка к оригиналу: художник отметил ее значительную высоту, ярусность, треугольные портики нижнего ряда. В 1906 г. колокольня была соединена с южным приделом храма, что в данном случае не отмечено на изображении, значит, иконка была написана до 1906 года.

В данном случае говорить о полной идентичности изображения и построек монастыря, упраздненного приблизительно за сто лет до создания эмалевой иконки, не приходится. Скорее всего, художник сам восполнил недостающие элементы, сочетав иконные традиции изображения монастырей и некоторую условность, присущую массовой миниатюрной живописной эмали. Отдаленное сходство могло быть продиктовано тем, что эмалиер из Ростова не был знаком со строениями Карачевского монастыря и выполнил схематичное изображение на основе известных изображений. Мы находим аналогичную композицию монастырских храмов на иконах Тихона Калужского, копирующее известное по паломническим открыткам изображение Калужской пустыни. Так, расположенные на заднем плане эмалевой иконки пять куполов в один ряд цитируют фон распространенных икон Тихона Калужского и отдаленно напоминают силуэт храмов Калужской Тихоновой пустыни².

Мы предполагаем, что в основу иконографии XIX в. преподобного Тихона Карачевского легла иконография Тихона Калужского³: тот же ракурс - 3/4 влево, развернутый свиток в левой руке, протянутая с раскрытой ладонью правая рука. В этой композиции миниатюра из синодика 1700 г. и изображение на раке не были учтены. Известно, что Тихон Калужский изображался в молитвенном предстоянии перед иконой Спасителя, а нередко и перед двумя иконами -- Спасителя и Богородицы, помещенными в дупле дерева, в котором спасался подвижник благочестия. На эмалевой иконке из Брянского музея образы Спасителя и Пресвятой Богородицы, к которым обращается в молитве преподобный, находятся не в дупле, а высоко стоящими на

---

¹ Кафедральный собор св.Вита. Пражский Кремль / Текст Ф.Кадлека. Братислава, 1981. С.3.

² Икона «Тихон Калужский» в окладе, производство мстерской фабрики «Севостьянов с сыновьями» (Орел, част. собр.; 13,3*11). Также см.: Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Росийской империи и на Афоне. СПб., 1910. С.250

³ Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С.65.

ветвях древа, что напоминает бытовавшие в XVII-XVIII вв. местные предания об обретении явленных и чудотворных икон¹. В случае с преподобным Тихоном Карачевским можно провести параллель между этими двумя иконами и престолами главного храма Тихонова Воскресенского монастыря (двухэтажный каменный был построен в 1697 г.), освященными: верхний ярус в честь Воскресения Словущего, нижний - в честь Смоленской иконы Божией Матери (на иконе в обратном порядке). Тип лика карачевского подвижника также отличается от Тихона Калужского менее длинной бородой (не раздвоенной как у калужского святителя), широким округлым ликом (а не узким аскетичным, как у святого из Калуги), что также указывает в пользу находки единственного сохранившегося изображения карачевского святого, вероятно, восходящего к типу святого на крышке раки. Тем не менее, детали говорят о шаблонности и схематичности сохранившейся композиции на эмалевой иконке. В XIX в. для ростовцев существовало много ориентиров: целый ряд святых изображался в донаторном предстоянии перед иконой на древе (например, св.Адриан Пошехонский, а также иноки Глинской пустыни, обретающие икону Рождества Богоматери в лесу²).

В Воскресенском храме, в котором и находилась гробница, а позже - в каменном притворе над местом погребения преподобного Тихона Карачевского, на протяжении XIX и первой четверти XX в. совершались богослужения³. В приделе Тихона Амафунтского до Октябрьских событий 1917 г. хранилась икона святого в полный рост⁴. Это, по всей вероятности, и был виденный Г.М.Пясецким в конце XIX в. образ, выполненный на гробовой доске. В советский период иконное наследие Тихоновой пустыни. было полностью утрачено. Надежду на возрождение дал нам XXI век. 5 декабря 2003 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия установлено празднование Собору Брянских Святых, в который вошел и преподобный Тихон Карачевский⁵, а в 2004 г. состоялось обретение мощей святого преподобного Тихона. К сожалению, о другом чудотворце – Арсени не вспомнили, несмотря на его местное почитание в конце XVII в. (упоминание в синодике монастыря означает, что монаху Арсению, по крайней мере, продолжали служить панихиды в XVIII-XIX вв.). Тем не менее, авторы статьи надеются,

---

¹ Комова М.А. Указ. соч. С.15-19.

² Тарасов О.Ю. Указ. соч. С.64, 65.

³ Кизимова С.П. Зубова Е.М. Указ. соч. С.20-25.

⁴ Кизимова С.П. Зубова Е.М. Указ. соч. 1999. С.28.

⁵ Брянский православный календарь на 2005 г. Издание Брянского Епархиального управления, 2005.

что их небольшое исследование послужит делу почитания и прославления подвижников Тихона и Арсения, карачевских чудотворцев.

М.В.Кочергина (Брянск)

Старообрядец-иконописец и православный священник-миссионер из Стародубья Василий Родионцев.

Вклад старообрядцев в развитие художественной культуры России, Украины и Белоруссии является малоисследованным и слабоосвещенным вопросом в исторической и искусствоведческой литературе. Вместе с тем, двум крупным духовным центрам – Стародубью и Ветке – принадлежит большая роль в сохранении и развитии традиционной русской культуры: памятников архитектуры, иконописи, медной художественной пластики, религиозного шитья, рукописной и старопечатной книги, крюкового пения. На протяжении второй пол. XVIII-начала XX вв. эти духовные центры входили в состав Стародубского, Новозыбковского, Суражского уездов Черниговской губернии (Стародубье) и Гомельского уезда Могилевской губернии (Ветка). Традиции иконописания появляются здесь практически одновременно – в начале XVIII в. – и сохраняются на протяжении XVIII-XX веков.

Среди иконописцев Стародубья были, в основном, мирские жители, населяющие слободы, посады и города. Несомненно, здесь работали и монастырские иконописцы, но имена их в настоящее время не выявлены. Традиция иконописания в Стародубье являлась непрерывной на протяжении XVIII-XX вв. Она сохранялась до 70-х гг. XX в., существовала в период оккупации территории немецко-фашистскими войсками, т.к. именно в 1944 г. была закончена роспись иконостаса церкви Спаса Преображения в г.Клинцы.

Жизнь и деятельность иконописцев Родионцевых представляет большой интерес для исследователей истории старообрядчества и единоверия. Судьба связала их с традиционными старообрядческими центрами Стародубья – г.Новозыбков и посадом Воронок, существующими и поныне на территории Брянской области. В ходе исследования нам удалось установить имена иконописца-старообрядца ветковского согласия из Новозыбкова Андрея Родионцева и его сына – старообрядца-иконописца, православного священника и миссионера – протоиерея Василия Родионцева (1867-1920). Последний в 1897 г. опубликовал свои мемуары «Воспоминания о моей жизни в старообрядчестве и обращении в лоно святой соборной и апостольской

церкви»¹. По нашему мнению, данные мемуары могут служить источником, дополняющим и расширяющим сведения о жизни и творчестве слободских и посадских иконописцев, об устройстве стародубских старообрядческих моленных, убранстве храмов и скитов, распространении старообрядческих культовых предметов – икон, рукописных и старопечатных книг. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что использование только этого источника недостаточно для характеристики творчества иконописцев Стародубья, поэтому работа по изучению иконописных традиций данного живописного центра будет продолжена. В настоящее время установлена связь с потомками отца и сына Родионцевых, проживающими на Брянщине.²

На основании свидетельств потомков иконописца, установлено местонахождение бывших иконописной мастерской и дома Василия Родионцева в Новозыбкове. Дом сохранился до настоящего времени, однако был перестроен в начале 60-х гг. XX в. Потомки иконописца В.Родионцева предоставили для исследования и целый ряд фотографий, связанных с его деятельностью в качестве миссионера Черниговской епархии. К сожалению, ни одной иконы кисти этого художника до настоящего времени не обнаружено, хотя В.Родионцев имел значительное количество заказов не только в старообрядческих поселениях Стародубья и Ветки, но и в Херсонской губернии. Его отец, Андрей Родионцев, также имел обширные связи и контакты в старообрядческой среде. Изучение мемуаров и свидетельств потомков дает возможность предположить, что отец и сын Родионцевы были грамотными, достаточно образованными, талантливыми людьми, одарёнными художественными способностями. Многие из жителей Воронка запомнили епархиального миссионера как священника Богоявленской церкви, участвовавшего в беседах со старообрядческими начетчиками. Много сведений о В.Родионцеве и его деятельности на посту православного миссионера содержат публикации дореволюционных журналов «Церковь», «Вера и жизнь» за 1908-1916 годы.

Год рождения отца нами не установлен. Годом смерти является 1880-й. Однако, из мемуаров его сына известно, что Андрей Родионцев родился в селении Тимошкин Перевоз Новозыбков. уезда Чернигов. губернии. У потомков сохранилось свидетельство о том, что иконописец Андрей Родионцев первоначально имел фамилию Родионов, и был в родстве с владельцем спичечных фабрик в Новозыбков. уезде А.Ф.Родионовым. Он имел иконописную мастерскую в Новозыбкове,

---

¹ Родионцев В. Воспоминания о моей жизни в старообрядчестве и обращении в лоно соборной и апостольской церкви // Братское слово, 1897. Т. II. № 6–10.

² Интересные факты биографии и ценные фотографии были предоставлены внуком В.А.Родионцева С.А.Родионцевым и правнучкой Т.С.Родионцевой.

в которой работало более десяти мастеров. В его мастерской соблюдалось строгое подчинение хозяину, обязательным было чтение старопечатных книг, служба вечерних канонов. Над мастерской была устроена домашняя моленная, украшенная разными иконами, в которой совершались богослужения. Иконописцы на праздничные богослужения ездили в Каменский Успенский женский скит, а в период Великого поста отправлялись говеть на Ветку. Из воспоминаний сына следует, что иконы торжественно освящались в старообрядческих слободах во время храмовых праздников, на которые съезжалось множество народа из окрестных слобод, устраивались крестные ходы с колокольным звоном, продолжавшимся целый день.

Андрей Родионцев имел заказчиков в слободах Чернигов. и Могилев. губерний. Данный факт подтверждает высказанное ранее мнение, что старообрядческие иконы из Стародубья широко расходились по всему старообрядческому миру. Автор мемуаров подчеркивает, что отец и мать были грамотными, бабушка по матери была уставщица, отправлявшая требы (крещения, причащение больных). Родители не ходили ни в одну моленную, хотя их в Новозыбкове было до 12 – разных согласий; в воскресенье и праздничные дни они молились дома, с требами ездили в посад Лужки, к беглому попу Петру. Василий Родионцев не был расположен учиться иконному письму, считая его делом «не мирских людей и требующим строгой, богоугодной жизни». Для того, чтобы склонить сына к иконописному занятию, отец написал для него «образ Николы Чудотворца с другими угодниками» – писал с большим тщанием в период Великого поста. Этот образ всегда хранился у Василия Родионцева. В 1880 г. Андрей Родионцев умирает в Могилев. губернии. Сын наследует мастерскую, собирает старопечатные книги, ездит с матерью по старообрядческим слободам, берёт заказы на «писание икон». Он «поновляет» иконы в Каменском Успенском женском ските, находившемся от Новозыбкова в 18 верстах. В это время, несмотря на молодой возраст, он является одним из самых авторитетных старообрядческих начетчиков, принимает участие в старообрядческих соборах, в частности, в соборе посада Лужки в 1892 г. На этом соборе возникли острейшие разногласия среди старообрядцев по вопросу «правильности священства Белокриницкой иерархии». В.Родионцев выступил с жесткой критикой и увел с собора значительное количество своих сторонников, не признававших «истинности Белокриницкой иерархии».¹

---

¹ Летопись происходящих в расколе событий. Письмо из Стародубья: Собор в Лужках // Братское слово, 1892. С. 158.

6 декабря 1892 г. он присоединился к православию под влиянием миссионеров официальной церкви¹. Вместе с ним в официальное православие перешла его жена Екатерина Ивановна и старшая дочь, Анна. В 1893 г. он стал православным миссионером и священником Богоявленской церкви в посаде Воронок Стародубского уезда Чернигов. губернии, которая была построена на средства владельца щетинной фабрики – купца В.Д.Карамина.

Василий Дмитриевич происходил из старообрядческой семьи, был грамотным и имел обширную библиотеку. По-видимому, эти люди имели общий круг интересов, т.к. на протяжении всей жизни они были тесно связаны и способствовали распространению единоверия в посаде Воронок. Однако, иконописное занятие Василий Родионцев не оставил. Являясь активным деятелем Братства св.Михаила, князя Черниговского, он организовал его отделение в посаде Воронок, где размещался иконно-книжный склад и иконописная мастерская. При братстве был основан союз молодежи «Христианское содружество», членов которого обучали разным ремеслам, в т.ч. и иконописному. Будучи православным миссионером, В.Родионцев обучал иконописанию членов союза молодежи. Деятельность этого союза прекратилась лишь после 1917 г. Однако еще в 1916 г. о его работе по нравственному воспитанию молодежи писал журнал «Вера и жизнь». Документы Державного архива Чернигов. обл. Республики Украина позволяют говорить о том, что православный священник и миссионер В.Родионцев был на хорошем счету в Чернигов. епархии и за свою деятельность получал награды: 2 мая 1893 г. награжден набедренником; 28 июля 1898 г. – скуфьею; 3 февраля 1899 г. – орденом Св.Анны 3 степени; 15 декабря 1903 г. за деятельность на «церковно-школьном поприще ему преподано архипастьрское благословение»; 11 февраля 1903 г. с разрешения епархиального начальства прихожанами Богоявленской церкви посада Воронок ему был преподнесен образ преподобного Василия и благодарственный адрес; 6 мая 1904 г. он награждён камилавкой; 6 мая 1908 г. – наперсным крестом.² Его усадьба – с большим домом, садом и надворными постройками – находилась в самом центре посада Воронок, недалеко от усадьбы В.Д.Карамина. Дом окружал сад, впоследствии поделенный в качестве наследства старшими сыновьями. Здания дома и мастерской в Новозыбкове сохранились до настоящего времени. Здесь проживала после смерти мужа вдова Екатерина Ивановна Родионцева. После ее смерти дом наследовали родственники, которые и продали его но-

---

¹ В 1893 г. он становится священником православной церкви в посаде Воронок и активным членом Миссионерского братства князя Михаила Черниговского.

² Державный архив Чернигов. обл. Ф.679. Оп.3. Д.382.Л.87-89 об.

вым владельцам. К сожалению, дом в Воронке остался только на фотографии у потомков иконописца.

Именно из Воронка в 1970-х гг. члены археографической экспедиции МГУ им. Ломоносова вывезли иконы, которые ныне находятся в собрании Гос.Третьяковской галереи. Свидетельства о том, что иконы его письма широко расхаживались среди местного населения, можно найти не только в воспоминаниях иконописца, но и в воспоминаниях его ученика – Трофима Александровича Андриянова, также впоследствии вышедшего - под влиянием своего учителя – из старообрядчества и ставшего единоверческим священником. Икона «Спас Нерукотворный» собственного письма в 1892 г. была подарена Родионцевым православному епископу Новгород-Северскому Сергию.¹ В это время он еще был старообрядческим начетчиком.

После Октября 1917 г. судьба В.Родионцева и членов его семьи складывается трагически. В июле 1918 г. он назначается наблюдающим на место убитого священника Е.В.Калиновского – в Троицкую церковь с.Камень Новгород-Северского уезда Чернигов. губернии. 24 января 1920 г. он был освобожден от этой обязанности.² В этом же году Василий Родионцев умер в посаде Воронок от тифа. Он был похоронен в цвинтере Богоявленского храма. К сожалению, могилы его не сохранилось. По свидетельству очевидцев, она была вскрыта в 1980-х гг. при строительстве поселковой больницы. Однако перезахоронения останков не проводилось. Родственникам о вскрытии могилы сообщено не было.

Потомки не смогли сохранить иконописные произведения своего предка из-за преследований со стороны власти. Два сына иконописца, Иван и Василий, были репрессированы; младший из братьев, Андрей, под угрозой репрессий, вынужден был продать дом и покинуть Воронок в 1940 г. Из домашнего имущества удалось вывезти только две подводы крайне необходимых вещей. Портрет отца сын оставил в брошенном доме. Усадьба Родионцевых отошла к строящемуся маслозаводу. По свидетельству потомков иконописца, в течение 15 лет, до 1937 г., из-за бедности дом отапливали книгами и иконами.

Имя Василия Родионцева сохранилось в памяти жителей поселка Воронок. Участник Великой Отечественной войны Михаил Исаев назвал его просветителем. Действительно, на ниве просвещения ему удалось сделать очень многое: он организовал при Богоявленской церкви школу грамоты, в которой обучались дети православных и старообрядцев, создал союз молодежи «Христианское содружество»

---

¹ Летопись происходящих в расколе событий. //Братское слово, 1892. С.154.

² Державный архив Чернигов. обл. Ф.679. Оп.3.Д.398. Л. 367.

в посаде Воронок, способствовал открытию школы грамоты на родине своих предков – в посаде Тимошкин Перевоз. При этом не оставлял занятия иконописью.

В настоящее время московскими, гомельскими и брянскими исследователями уточнено свыше 70 имен старообрядцев-иконописцев из Стародубья. Выявление новых имен иконописцев – Андрея и Василия Родионцевых, Трофима Александровича Андриянова – свидетельствует, что во 2-й пол. XIX-начале XX в. иконописание на территории Стародубья было развитым промыслом. Существовали династии мастеров-иконописцев. В мастерских обучали иконописному ремеслу.

Занятия иконописанием во второй пол. XIX-начале XX в. для старообрядцев было достаточно рискованным делом. Старообрядцы допускались к вступлению в иконописные цехи только с разрешения министра внутренних дел Российской империи, а если иконописец-старообрядец скрывал свою принадлежность к расколу и добивался принятия в иконописный цех без разрешения министра внутренних дел, то он подвергался штрафу в размере от 25 до 100 рублей¹. Вместе с тем, иконный промысел был очень популярен среди жителей Стародубья. В стародубских поселениях были не только свои иконописцы, но и медники, переплетчики, мастера золотых и серебряных дел. Так, в Стародубе в 1865 г. живописцев было 39, при них 20 рабочих и учеников²; в посаде Клиницы – живописцев-мастеров – 7, при них наемных рабочих – 10, из семейства хозяев учеников и рабочих – 10. Наемные рабочие, находившиеся на довольствии хозяев, получали жалованье от 96 до 120 руб. в год³. Это позволяет сделать вывод о том, что иконный промысел давал возможность стабильного заработка.

Иконописцы использовали дерево: липовое, осиновое или ольховое. Сусальное золото, краски: полукармин, бакан, светлый бакан, киноварь, белила, ультрамарин, крон зеленый и желтый, лазурь берлинскую, охру, умбру, полимент, камедь. Выполнение икон требовало весьма дорогостоящих материалов: доска готовая для образа стоила от 3 до 50 коп., книжка сусального золота – от 2 до 2 руб. 25 коп.; фунт краски: полукармина – 18, светлого бакана – 5, киновари – 2 руб., белил – 18 коп., ультрамарина – 90, крона зеленого – 80, желтого – 30 коп., лазури берлинской – 1 руб., охры – 10 коп., умбры – 12, полимента – 20 коп., камеди – 1р. 20 коп., гвоздей – 20 коп. Кисти

---

¹ Полный сборник законоположений о расколе, разъясненных решениями правительствующего Сената и Святейшего Синода. Самара, 1904. С.30.

² Городские поселения в Российской империи. Т.V. Ч. II. Черниговская губерния. СПб., 1865. Табл. №4.

³ Там же. Табл. №5.

применялись беличьи и барсучьи, а также «зубы медвежьи, зубы каменные, циркули медные и железные, ножи различной формы»¹.

Дом В.А.Родионцева в посаде Воронок.
Дореволюционная фотография из архива Т.С.Родионцевой.

Бывший дом и иконописная мастерская Родионцевых в Новозыбкове.
Фото автора.

---

¹ Там же.

Свадебная фотография старшей дочери, Анны Родионцевой, и её жениха Ивана Борзыловича. Фотография из архива Т.С.Родионцевой.

Образцы прописей передавались из поколения в поколение. Мастерские имели образцов на бумаге до 700 листов¹. Наиболее чтимые иконы писались «в период Великого поста с особым тщанием». Лишь «Манифест о веротерпимости» 1905 г. разрешил старообрядцам заниматься иконописанием и образовывать свои иконописные цехи.

---

¹ Там же.

Традиция иконописания в Стародубье сохранялась на протяжении XX века. Несмотря на преследования со стороны Советской власти, до 1930-х гг. возле посада Воронок находились старообрядческие скиты. Традиция иконописания сохранялась и была востребована, о чем свидетельствуют заказы на написание и поновление (реставрацию) икон. Во второй пол. XX в. в Воронке жили и работали иконописцы Масляев, Карталаков, Яков Деев с сыновьями. Свидетельства об их деятельности сохранились в среде старообрядческого населения Воронка. В 1972 г. в Новозыбкове умер иконописец Семен Харчевников, работавший до самой смерти.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, о том, что традиции иконописания как на территории Ветки, так и на территории Стародубья возникли одновременно – в начале XVIII в. – и сохранялись на протяжении XVIII-XX вв. Среди иконописцев Стародубья были, в основном, мирские жители, населяющие слободы, посады и города. Несомненно, здесь работали и монастырские иконописцы, но имена их в настоящее время не выявлены. Василий Родионцев – потомственный старообрядец-иконописец, впоследствии – православный священник, на рубеже XIX-XX вв. много сделавший для просвещения жителей Стародубского и Новозыбковского уездов Чернигов. губернии. Он был одним из целой когорты иконописцев Стародубья, работавших в это время. Более того, он являлся и художником-педагогом, передававшим свой художественный опыт ученикам и членам союза молодежи «Христианское содружество».

Е.И.Прокофьев (Брянск)

Главное произведение М. Булгакова и его брянская составляющая (к 40-летию первой публикации романа «Мастер и Маргарита»).

«Закатный», по выражению самого автора, роман МБулгакова (далее в тексте для краткости – М.А.Б., М.А., М.Б.) был впервые опубликован 40 лет назад – в журнале «Москва» (№ 11 за 1966 и № 1 за 1967 г.). Уверенность автора в том, что его главное произведение не утратит актуальности и свежести восприятия читателем и через 50, и через 100 лет, полностью оправдалась. За прошедшие десятилетия роман завоевал читателей не только в нашей стране, слава о нём прокатилась по всем континентам: им зачитываются, его изучают – пытаются расшифровать его тайны. Многие цитаты из него пополнили копилку крылатых фраз и афоризмов («рукописи не горят», «москвичей испортил квартирный вопрос» и т.д.). С завидным постоянством обращаются к роману кино, ТВ и радио (в канун и после упомянутого

40-летия 1-й канал ТВ дважды порадовал зрителей новоиспечённой многосерийной экранизацией романа, а Радио России слушателей – многомесячной радиоверсией).

Погреться в лучах славы гения всегда было почётно и приятно. В своё время, например, семь древнегреческих городов непримиримо оспаривали право считаться родиной Гомера.

Мировое признание романа М.Б. невольно настраивает на древнегреческий лад – появляется желание найти его «точки пересечения» с нашим краем. В тексте романа Брянск упоминается, увы, всего один раз [«...ему уже не пришлось сталкиваться по делам акустики с почтеннейшим Аркадием Аполлоновичем Семплеяровым. Того в два счёта пербросили в Брянск и назначили заведующим грибнозаготовочным пунктом.» (I; 663)]. Но если принять за аксиому, что у литераторов уровня М.А.Б. каждое слово попадает в текст, только пройдя семантический и стилистический фильтр саморедактирования; если учесть, что из множества населённых пунктов СССР 1930-х годов в романе фигурируют менее трёх десятков, то даже единственным упоминанием Брянска (который в те годы даже областным центром не был) в тексте романа можно и должно гордиться.

Попробуем же решить сформулированную выше задачу – отыскать не различимые на первый взгляд брянские следы в романе «Мастер и Маргарита» (далее в тексте – «М. и М.»).

Родственные связи М.А. с Брянщиной в околотитературных кругах известны давно. Поэтому напомним о них лишь кратко – в интересах не слишком «продвинутых» поклонников М.Б. и его романа. Мать будущего классика – Варвара Михайловна Покровская (1869-1922) – родилась в Карачеве в семье протоиерея местного собора. Окончив Орловскую женскую гимназию, до своего замужества, имевшего место быть в июле 1891 г. также в Карачеве, она два года учительствовала в 4-м классе Карачевской женской прогимназии. Отец писателя – Афанасий Иванович Булгаков (1859-1907) – уроженец Орла, сын священника, выпускник (1885), затем – магистр (1887) и доцент Киевской Духовной Академии. После свадьбы молодая семья обосновалась в Киеве, где 3 мая 1891 г. появился на свет их первенец – сын Михаил.

Пройдёт 37 лет, прежде чем этот новорождённый киевлянин станет уважаемым москвичом, известным прозаиком и драматургом, который в мае 1929 г. под расписку сдаст в издательство «Недра» рукопись своего очередного романа под названием «Мания Фурibunда». Прожитые до этого годы стали для него отличной, хотя подчас и суровой, школой жизни и писательского мастерства. Безвозвратно канули в эти годы счастливые детство и юность в кругу большой и дружной семьи, безмятежные гимназические и студенческие

годы (Киевский университет студент-медик Булгаков окончил в 1916 г.), юношеские увлечения музыкой, театром, спортом, чтением и сочинительством «для внутреннего употребления» (известно, что первый рассказ был написан М.Б. в 7-летнем возрасте, а позднее за ним последовали во множестве – сатирические стихи, пьесы и домашние журналы). Первая мировая война, революционные потрясения и война гражданская разрушили семейную идиллию, бросили молодого врача в водоворот оккупационно-немецкого, разбойно-петлюровского, жестоко-белогвардейского насилия и кровопролития. Мытарства и лишения вынудили его медицинскую стезю сменить на литературную.

«В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортёром и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания ...». (Ш ; 38) Так три года спустя с горькой откровенностью напишет М.Б. в своей Автобиографии. А закончит он её так: «Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде. Год писал роман «Белая гвардия». Роман этот я люблю больше других моих вещей».

После выхода в свет романа (части 1-я и 2-я, журнал «Россия», 1925) в ближайшие три года за ним последовали: сборник рассказов «Дьяволиада», Московский Художественный театр поставил пьесу «Дни Турбиных» (М.А.Б. стал первым советским драматургом, чью пьесу поставил МХАТ; немало нашлось завистников, которые не могли простить этого Булгакову; а спектакль, между тем, стал для театра вторым – после чеховской «Чайки» – символом, прошёл на его сцене почти тысячу раз, причём известно, что его не менее 15 раз смотрел Сталин), в том же году театром им. Вахтангова была поставлена пьеса «Зойкина квартира», а двумя годами позже (1928) в Камерном московском театре поставили пьесу «Багровый остров».

Казалось бы, чего ещё желать? Успех и признание – налицо. Но не следует забывать, что у славы, как и у медали, была и оборотная сторона. И содержание её составляла яростная травля всех дошедших до читателя и зрителя произведений М.А.Б.: в прессе – беспардонной рапповской критикой («прямая вылазка классового врага» – это о пьесах «Дни Турбиных» и «Бег», «идеалистический гуманизм, упадничество и порнография» – это о «Зойкиной квартире») – и на десятках антибулгаковских диспутов, где ругательски ругали не только автора, но и МХАТ, поставивший «Дни Турбиных» – эту «диверсию на театре».

Но негатив в прессе и на диспутах – это ещё полбеда. Газетные заметки, рецензии и отзывы, изобилующие нападками, а то и просто клеветой, М.Б. сам, потом, по его просьбе, – супруга, вырезали и на-

клеивали в альбом – чтобы на всю жизнь запомнить имена «чёрных критиков». Диспуты можно было игнорировать или же, когда негодование по поводу несправедливых обвинений переполняло душу, неожиданно появиться на одном из них и высказать всё накопившееся докучливому оппоненту. Куда как неприятнее и опаснее было попасть под негласный и невидимый «колпак соответствующих органов». О методах работы этих органов в 30-е годы прошлого века мы сегодня имеем представление. Под их дамокловым мечом постоянно находился и М.А.Б. За примером далеко ходить не надо. Документально подтверждено: рукопись романа «Мания фурибунда» М.Б. сдал в издательство 8 мая 1929 г., а ещё 28 февраля этого года в ОГПУ (одно из звеньев в цепи органов по защите гос.безопасности – ВЧК – ГПУ – ОГПУ – КГБ – ФСБ) поступило донесение неизвестного осведомителя: «М.Булгаков написал роман, который читал в некотором обществе, там ему говорили, что в таком виде не пропустят, так как он крайне резок с выводами, тогда он его переделал и думает опубликовать, а в первоначальной редакции пустить в качестве рукописи в общество ...». (II ; 589)

Не исключено, что именно «благодаря» этому сигналу роман М.Б. в 1929 г. опубликован не был. Поэтому и ещё по многим причинам судьбу романа можно считать поистине поразительной. Весной 1930 г. автор, почувствовав, видимо, ледяное дыхание ОГПУ на своём затылке, собственноручно «бросил в печку черновик романа» (III; 27), но уже в следующем году возобновил работу над ним, создал (параллельно работая над другими своими произведениями – прозой, пьесами, инсценировками, либретто) несколько его редакций и только к середине 1938 года завершённый текст романа был впервые перепечатан на машинке. Но работа над ним – авторская правка текста – продолжалась с перерывами до 13 февраля 1940 г., т.е. была прекращена менее чем за четыре недели до кончины писателя. А финально-мажорный аккорд (публикация романа) прозвучал, увы, только 26 лет спустя после смерти автора. Сегодняшним читателям этот роман известен под названием «Мастер и Маргарита» [свой выбор на этом названии автор остановил только во второй половине 1937 г.; изучая историю создания романа, исследователи насчитали 16 вариантов его названия – «Чёрный маг (богослов)», «Копыто инженера (консультанта)», «Великий канцлер», «Вот и я», «Шляпа с пером» и т.п.].

Мне удалось прочитать «М. и М.» через год или два после первой публикации романа. Читка состоялась согласно студенческим традициям тех лет: прошедшие до меня через множество рук номера журнала «Москва» (в результате чего изначально сиреневый цвет их обложек только угадывался) попали ко мне только после клятвенного обещания своевременного (через двое суток) возврата в целости и

сохранности. До сих пор помню, с какой лихорадочной жадностью обе книжки журнала были не прочитаны даже – проглочены. Что осталось в памяти у меня, 20-летнего, после того спринтерского прочтения? По-дететивному не отпускавший сюжет; фантастика, обрамлённая реальностью; высшей пробы юмор и, конечно же, авторская версия трагического финала страстной недели. Знакомство с последней было особенно ошеломительным, т.к. в конце 1960-х гг. достать Библию (именно – достать, о покупке её и речи не шло) было труднее, чем изловить голыми руками иностранного шпиона.

Ни о какие тайны романа сознание моё в те годы не «споткнулось». Конечно, промелькнула мысль о том, что мастер – это автор романа, а Воланд – не кто иной, как Сталин. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту догадку по горячим следам было нечем: исследования романа – зарубежные и советские – начали появляться в печати позднее. Вот из них-то многочисленные поклонники и узнали, что прототипы имелись не только у главных героев романа. Например, превращённый в борава «нижний жилец» Николай Иванович – это Н.И.Бухарин. Они имеют не только идентичные имя и отчество, но и некоторое портретное сходство. (II; 76) Ближайший помощник Воланда тонкошей Фагот-Коровьев – это В.М.Молотов, игравший такую же роль при Сталине. (II; 80) «Главным же прототипом Аркадия Апполлоновича Семплеярова, которого в какой-то мере маскировала фигура армянина А.А.Спендиарова (известный композитор и дирижёр – Е.П.), был грузин Авель Софронович Енукидзе, являвшийся в 1922-1935 годах секретарём Президиума ЦИК и председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами». (II; 94)

Исследователями отмечено, что булгаковская проза, в т.ч. и «М. и М.», по числу литературных реминисценций занимает одно из первых мест в русской литературе. (II; 8) Это значит, что в «М. и М.» «...романную действительность, не исключая и современных московских глав, Булгаков строит почти исключительно на основе литературных источников...». (II; 597) Выявлению этих источников Б.В.Соколов в своей книге посвятил целую главу – «Нечистая сила – добрая или злая?» (II; 235-397) Этот невидимый читателю на первый взгляд «ларчик» им был успешно открыт и скрупулёзно исследован. Многие приглашённые на «Великий бал сатаны», к примеру, были действительно существовавшими историческими персонажами, и сведения о них М.Б. ничтоже сумняшеся почерпнул из ... «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (госпожи Тофана и Минкина, Малюта Скуратов, господин Жак, граф Роберт; император Рудольф, чародей и алхимик).

Истории некоторых участников весеннего бала полнолуния и его описание, детали ночного шабаша на берегу под вербами из главы «Полёт», образы Воланда и его подручных М.Б. отыскал во многих произведениях русских и зарубежных авторов (М.А.Орлова, А.Белого, А.В.Чаянова, М.Кузмина, Э.Л.Миндлина, Ф.М.Достоевского, С.С.Заяицкого, известного швейцарского психиатра и общественного деятеля А.Фореля, И.В.Гёте, маркиза А. де Кюстина, В.Ирвинга, Э.А.По, английского церковного историка и епископа Ф.В.Фаррара и др.). В этом ряду авторов есть одно имя, которое небезразлично брянцам, знакомым с богатыми литературными традициями нашего края.

В 1841 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Упырь. Сочинение Красногорского». Положительно отзывался об этой книге В.Г.Белинский. Неудивительно, что маститому критику было неизвестно, кто скрывается под псевдонимом «Красногорский»: повесть «Упырь» стала литературным дебютом 24-летнего А.К.Толстого. В духе мистических произведений Э.Т.А.Гофмана, чьё творчество пользовалось популярностью в России I трети XIX века, в «Упыре» была рассказана история любви молодого дворянина Руневского и обиженной судьбой бедной девушки-сироты Даши. В повести немало эпизодов, в которых реальность переплетается с фантастикой, действие происходит то ли наяву, то ли во сне или в болезненном бреде, где появляются привидения и упыри разгуливают между живыми людьми.

Уже в самом начале повести на якобы упырей, после смерти как ни в чём ни бывало здравствующих на белом свете, обращает внимание Руневского коллежский асессор Рыбаренко. На вопрос главного героя о том, как же в таком случае их можно распознать, последний отвечает: «... вы спрашиваете, каким образом узнавать упырей? Заметьте только, как они, встречаясь друг с другом, щёлкают языком. Это по-настоящему не щёлканье, а звук, похожий на тот, который производят губами, когда сосут апельсин. Это их условный знак. И так они друг друга узнают и приветствуют». (V; 9)

По словам Рыбаренко, упырями являются и благообразная бригадирша Сугробина, которая «только ждёт случая, чтобы насытиться человеческою кровью», и её большой приятель – статский советник Теляев, непрестанно потчующий окружающих нюхательным табаком из золотой табакерки и при этом щёлкающий языком, а в своей инфернальной жизни предстающий рыцарем Амвросием. Есть в повести и несколько упоминаний о том, как кусают упыри (непреречно – в шею) своих жертв под видом поцелуя – для того, чтобы напиться их крови и тем самым превратить их в себе подобных кровососущих не людей. Некоторые детали из повести А.К.Толстого мы находим в

булгаковском романе. Коровьеву фамилия могла быть присвоена по аналогии с фамилией Теляева. Амвросием, кстати, зовут одного из посетителей ресторана Дома Грибоедова, «...а в заключительной сцене последнего полёта Коровьев, как и Теляев у А.К.Толстого, превращается в рыцаря Фагота». (II; 301) [(Замечу в скобках – справедливости ради, – что булгаковский Коровьев связан с образами произведений некоторых других авторов. Например, в повести Ф.М.Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» фигурирует горький пьяница и мелкий плут Коровкин. (II; 301-304) Рыцарь Фагот также имеет немало литературных «собратьев». Своеобразным его прототипом послужил, по всей вероятности, бакалавр Сансон Карраско, один из основных персонажей булгаковской инсценировки романа «Дон Кихот» Сервантеса (II; 305-306), а также два рыцаря из книги М.А.Орлова «История сношений человека с дьяволом» (II; 306-307), и жестокий рыцарь из легенды, в повести друга М.Б. – писателя С.С.Заяицкого – «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова». (II; 308-310)]

«Досталось» кое-что из «Упыря» и парочке Варенуха-Гелла. После рокового поцелуя последней Иван Савельевич, заявившись ночью в Варьете и беседуя там с финдиректором Римским, причмокивал, «... как будто его беспокоил большой зуб...», «... а на шее у него в душную ночь зачем-то было наверхено старенькое полосатое кашне». (I; 421,424)

Нечистая сила в «М. и М.» подаётся в гофмановских традициях. В письме к супруге – Е.С.Булгаковой – в начале августа 1938 года, т.е. в тот период, когда автор уже работал над правойкой романа, М.Б. сообщил ей: «Я случайно напал на статью о фантастике Гофмана. Я берегу её для тебя, зная, что она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в «Мастере и Маргарите»! Ты понимаешь, чего стоит сознание – я прав!» М.А.Б. восхищался статьёй литературоведа и критика И.В.Миринского «Социальная фантастика Гофмана», опубликованной в № 5 журнала «Литературная учёба» за 1938 год (этот номер сохранился в булгаковском архиве). (II; 235) И восхищение выразил не только Елене Сергеевне, но и драматургу и своему другу С.А.Ермолинскому (1900-1984).

Сергей Александрович познакомился с М.Б. в 1929 или 1930 г., особенно тесно он был связан с Булгаковым с середины 1930-х гг. Их взаимоотношения в своей книге обстоятельно описывает Б.В.Соколов. (II; 167-179). В частности, он утверждает, что именно Ермолинский послужил прототипом Алозия Могарыча. О годах дружбы с автором «М. и М.» Ермолинский написал воспоминания. Их первая публикация (в первоначальном, более кратком варианте) в журнале «Театр» (№ 9, 1966) имела важное значение в формировании

представления о личности писателя. Впоследствии Е.С.Булгаковой они были включены в книгу воспоминаний о М.Б. (Ш; 428-482)

Итак, познакомившись со статьёй, М.Б. захотел поделиться мыслями о ней со своим другом. Но он не был бы Булгаковым – ценителем юмора и мастером розыгрыша, – если бы сделал это обыденно. Поэтому много значащий для него разговор он начал... с розыгрыша. Вот как рассказывает об этом С.А.Ермолинский: «Однажды он пришёл ко мне и торжественно объявил:

– Написали! Понимаешь, написали! И издали показал мне номер журнала, одна из статей которого в ряде мест была им густо подчеркнута красным и синим карандашом.

– «Широкая публика его охотно читала, но высшие критики относително него хранили надменное молчание», – цитировал Булгаков и, перебрасываясь от одной выдержки к другой, продолжал: – «К его имени прикрепляются и получают хождение прозвания, вроде спирит, визионер и, наконец, просто сумашедший... Но он обладал необыкновенно трезвым и практическим умом, предвидел кривотолки своих будущих критиков... У него чёрт разгуливает по улицам города...» – Тут Булгаков даже руки простёр от восторга: – Вот это критик! Слово он читал мой роман! .. – И продолжал: «Он превращает искусство в боевую вышку, с которой, как художник, творит сатирическую рапсодию над всем уродливым в действительности...».

... Это была статья С.Миримского (так – в книге, в действительности статья, как уже было отмечено выше, принадлежала перу И.Миримского. Но ошибиться инициалами в данном случае было немудрено. Дело в том, что у Израиля Владимировича был племянник – Самуил Ефимович Миримский, – 20 лет проработавший старшим редактором издательства «Детская литература», член Союза писателей, творивший для детей. – Е.П.), но не о нём, а о Гофмане. В ней содержались замечания, пронзительно задевшие Булгакова». (Ш; 467).

Эпизод со статьёй, столь восторженно воспринятой М.Б. и укрепившей его в сознании собственной правоты по поводу замысла и титанического труда по созданию «М. и М.», мной упомянут здесь так подробно по одной только причине: написавший её автор – наш земляк.

И.В.Миримский (1908-1962) родился в с.Жудилово Почепского уезда Чернигов. губернии, ныне Унечского р-на Брянской обл., в бедной многодетной семье грузчика лесного склада. Окончив в 1926 г. среднюю школу, работал в с.Староселье библиотекарем избы-читальни, а затем – сельским учителем. Со школьных лет И.Миримский писал стихи и рассказы, которые во второй половине 1920-х гг. печатались в брянских губернских газетах. В 1930 г. Ми-

римский поступил на литфак Московского пединститута им. В.И.Ленина, где в 1936 г. защитил диссертацию «Романтизм Э.Т.Гофмана». Новоиспечённый кандидат наук некоторое время преподавал историю западноевропейской литературы в пединституте им. Н.К.Крупской в Йошкар-Оле, а в 1938 г. был приглашён на работу доцентом в Alma Mater.

**Михаил Афанасьевич Булгаков (справа) и его супруга
– муза и душеприказчица – Елена Сергеевна**

Летом 1942 г. И.В.Миримский добровольцем идёт на фронт и рядовым бойцом участвует в боях под Сталинградом, затем – в Белоруссии, Литве и Восточной Пруссии. После войны он работает доцентом Московского заочного пединститута и редактором изд-ва «Художественная литература». «В зрелые годы И.В.Миримский снова вернулся к поэзии, на этот раз, в основном, как переводчик... Переводил он много: Г.Гейне и Г.Веерта, Б.Бьёрнсона и Т.Арgezи, А.Гидаша и Ш.Петефи, и других поэтов Запада». (IV; 429-431)

...К осени 1939 г. М.А. уже знал, что болен. Ещё бы ему, дипломированному врачу и сыну своего отца, умершего от склероза почек в неполных 48 лет, было не знать об этом. В Ленинграде, куда Булгаковы поехали в надежде немного отдохнуть от повседневной суеты, болезнь обострилась и скрывать её стало невозможно. Венувшись в Москву, М.Б. слёг и уже не вставал. Но работа над правкой «М.и М.» – с помощью супруги – велась почти до самой смерти писа-

теля и была прекращена на словах Маргариты: «Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?» (II; 591)

Из-за неоконченности правки невозможно сегодня воссоздать канонический текст романа. Текстологи восполняют незавершённые места последнего варианта текста, используя фрагменты более ранних вариантов. Поэтому существуют уже, по крайней мере, три посмертные редакции «М. и М.», а в тексте остались некоторые несоответствия. Например, Гелла, единственная из свиты Волонда, отсутствует в сцене последнего полёта. По воспоминаниям литературоведа В.Я.Лакшина, когда он указал на это Е.С.Булгаковой, «Елена Сергеевна взглянула на меня растерянно и вдруг воскликнула с незабываемой экспрессией: «Миша забыл Геллу!!!» Но не исключено, что М.Б. сознательно убрал Геллу – как самого младшего члена свиты – за ненужностью, после окончания миссии Волонда и его спутников в Москве...

Работая над романом и даже фабульно завершив его к середине 1938 г., М.А.Б. прекрасно понимал, что в те времена (ещё ведь не смолкло эхо расстрельного 1937 года) надежды на его публикацию не было. Об этом же говорили ему близкие друзья после первого и единственного чтения романа 27 апреля, 2 и 14 мая 1939 г. 15 июня 1938 года – незадолго до завершения перепечатки романа – М.Б. писал Елене Сергеевне в Лебединь: «...Что будет? – ты спрашиваешь. Не знаю. Вероятно, ты уложишь его (роман «М. и М.» – Е.П.) в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нём. Впрочем, мы не знаем нашего будущего ... Я стал плохо себя чувствовать ... тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закатный роман». (II; 592-593)

Дней за пять до смерти М.А. супруга, перекрестившись, дала ему клятву, что напечатает роман. Потом, когда она сама заболела, очень боялась умереть, не выполнив обещанного. Каких только путей не испытала Елена Сергеевна, пытаясь «пробить» публикацию. Но все они, раз за разом, оказывались тупиковыми. В 1946 г. через знакомую портниху, работавшую в правительственном ателье, ей удалось передать письмо секретарю Сталина А.Н.Поскрёбышеву. Через месяц он вроде бы обнадёжил её, но и этот вариант закончился безрезультатно. Лишь шестая или седьмая её попытка напечатать роман оказалась успешной... (III; 419-420)

Историю создания книги воспоминаний о М.Б. простой и благополучной тоже не назовёшь. Уже в 1967 г. её составители предложили рукопись сборника изд-ву «Искусство» – издание не состоялось. Идею издания книги горячо поддерживал К.М.Симонов. Но, несмотря на это, вопрос об издании сборника решался около 20 лет. Состав

вителям так и не довелось подержать его в руках. После их ухода из жизни редакция изд-ва «Советский писатель» продолжила работу по сбору материалов – для дополнения уже имевшихся. Многострадальная книга вышла в свет в 1988 году. Заканчивая вступительную статью к ней, В.Я.Лакшин написал: «В раскалённом состоянии ярко светят и уголь и металл. Но уголь, перегорев, рассыпается в серый пепел, металл же отвердевает, принимая упругую и прочную форму. Так на глазах нашего поколения затвердела и укоренилась в Большом Времени слава Михаила Булгакова. Он дорог людям как писатель и интересен как человек, воплотивший в своей судьбе, противившейся его дару, достоинство и мужество художника». (Ш; 37)

Жители нашего края, на территории которого проросли родовые корни писателя М.А.Булгакова, имеют полное право гордиться своими связями – хотя и опосредованными – с его незаурядной судьбой и творчеством.

Литература

1. Булгаков М. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Предисл. В.И.Сахарова. Минск. Мастацкая літаратура. 1988.
2. Соколов Б. Тайны «Мастера и Маргариты». Расшифрованный Булгаков. М. Яуза. Эксмо. 2006.
3. Воспоминания о Михаиле Булгакове. Сост. Е.С.Булгакова и С.А.Ляндрес. Вступ. ст. В.Я.Лакшина. Послесл. М.О.Чудаковой. М. Совет. писатель.1988.
4. Парыгин В.П. На ощупь мир правдивей... Брянск. Придесенье. 1999.
5. Толстой А.К. Собр. соч. в 4 тт. Т. 3. М. Худож. литература. 1964.

О.П.Дунаев (Новозыбков)

Новозыбковцы -- деятели науки и культуры.

С Новозыбковом связано немало имён выдающихся людей, внёсших большой вклад в развитие науки в России и в СССР. Среди них - И.Д.Афанасьев, П.Я.Армашевский, М.Е.Сергеенко (Сергиенко), А.Г.Ананьев.

Игорь Дмитриевич Афанасьев по праву считается одним из основоположников отечественной нефтехимии. Он родился 1 июня 1904 г. в г.Новозыбкове Черниговской губернии. Отец его, Дмитрий Николаевич, – дворянин, был земским врачом Злынковского врачебного участка Новозыбковского уезда, руководителем местного любительского театра. После блестящего окончания Новозыбковского реального училища, в 1923 г. Игорь Дмитриевич поступил в Петроградский Политехнический институт на химический факультет, который окончил в 1928 г. Ещё во время обучения в институте проявились его способности к научной работе. Ему, студенту, было предложено выступить с докладом на очередном Менделеевском съезде. После

окончания института Игорь Дмитриевич был направлен на Константиновский (Ярославская обл.) нефтеперерабатывающий завод, где проработал с 1 марта 1928 г. по 15 ноября 1929 г. в должности старшего инженера центральной заводской лаборатории. С ноября 1929 г. до октября 1937 г. И.Д. Афанасьев работал инженером-технологом лаборатории и главным инженером проектной конторы Опытно-экспериментального завода «Химгаз» треста «Авиатоп» Министерства нефтяной промышленности.

И.Д.Афанасьев являлся одним из пионеров создания нефтехимической промышленности в СССР. Начав в конце 20-х гг. работы в этой области на заводе «Химгаз», он, вместе с А.Ф.Добрянским и М.Б.Шарковичем, был в числе первых пропагандистов развития нефтехимии и немало способствовал тому, что «Химгаз» явился первой в СССР исследовательской организацией, работавшей по внедрению нефтехимического синтеза в промышленности.

Научно-технический профиль Афанасьева был весьма широк. Совмещая в себе большие способности исследователя и изобретателя с глубокими знаниями и опытом проектирования новых производств, он успешно работал как в области высокотемпературного крекинга с целью получения исходного сырья для синтеза в непредельные нефтяные газы, так и в направлении его многообразного использования. Разработанная И. Д.Афанасьевым ещё в начале 30-х годов комплексная схема переработки нефти, по существу, лежит в основе и современных проектов нефтехимических производств. Работы Афанасьева по синтезу этиленхлоргидрина и его дериватов были первыми исследованиями, лёгшими в основу реализации в СССР этих производств. Большой комплекс его работ по противоткатным жидкостям и специальным артиллерийским маслам явились ценным вкладом в дело обороны нашей страны. Особо следует отметить работы в области синтеза мономеров для получения высокомолекулярных синтетических материалов и, в частности, по синтезу каучукогенов.

Ещё в 1933 г. учёным проводились работы по синтезу полиэтилен полисульфидов, явившиеся первыми в СССР исследованиями в направлении получения исключительно важных для народного хозяйства и обороны каучукоподобных материалов (тиоколов).

И.Д.Афанасьев известен в отечественной нефтяной и химической промышленности не только как исследователь, но и как крупный инженер-новатор, работы которого послужили основой при организации нефтехимических производств на заводах.

Из аппаратурных исследований нашего земляка весьма большой интерес представляют работы, посвященные новым типам реакторов (инжекторного типа) для гетерогенных химических превращений.

Основные черты нефтехимической промышленности были намечены проектно-исследовательскими работами И.Д.Афанасьева ещё в 1935-1936 гг. Особенностью этих работ был упор на необходимость рационального комбинирования собственно нефтехимических процессов с производством высококачественных моторных топлив, попутно дающем сырьё для химии синтезов. Такое сочетание, согласно его выводам, должно было дать наиболее благоприятный народнохозяйственный эффект, позволяющий исключить от потребления пищевого сырья химической промышленностью.

В начале 1937 г. Учёным Советом и дирекцией «Химгаза» было возбуждено ходатайство перед ВАК о присвоении И.Д.Афанасьеву учёной степени канд. технич. наук без защиты диссертации. Однако это представление и ходатайство не были реализованы.

В октябре 1937 г. Игорь Дмитриевич был арестован и в 1940 г. осужден в особым совещанием при НКВД СССР по ст.53-7 - «подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации», 58-9 - «диверсия», 58-11 к лишению свободы на 5 лет. До вынесения приговора он год провёл в одиночной камере, отказываясь подписывать компрометирующие на видных работников нефтяной промышленности документы, в том числе народного комиссара Баринава.

Во время Великой Отечественной войны Афанасьев работал в г.Пермь на оборонном заводе в должности старшего инженера ОКБ-172 НКВД СССР, так называемой «шарашке», где имел доступ к самым секретным объектам и где его водили под конвоем. В это время он разработал отечественный антифриз и противоткатную жидкость для пушек, что было необычайно важно для армии. Тем не менее, по истечении 5 лет заключения, ему добавили ещё 5 и в 1947 г. освободили с формулировкой - «Освобождён досрочно за большие заслуги перед Родиной в годы войны в деле разработки оборонных технологий».

С 15 января 1947 г., после освобождения, он работал в должности инженера и главного технолога лаборатории ВНИИ «Химгаз», а в мае 1949 г. Афанасьев был вновь арестован и отправлен по этапу в бессрочную ссылку в г.Норильск Красноярского края. Заключение везли по Енисею на пароходах в трюмах, практически не кормили, и когда Игорь Дмитриевич прибыл с этапом в Норильск, он был в состоянии крайней степени истощения. При росте 180 см он весил 48 кг.

В Норильске, в невероятно суровых климатических условиях, Игорь Дмитриевич проработал на коксохимическом заводе с 1949 по 1956 год. Он организовал исследовательскую группу из ссыльных учёных и, не имея возможности работать по специальности нефтехими-

мика, создал ряд работ в области металлургии: получение чистого аммиака из коксового газа, очистка и получение ценных металлов, таких как титан, вольфрам, медь, никель и т.д.

16 июня 1954 г., на основании указания МВД и Прокуратуры СССР от 24 апреля 1954 г., И.Д.Афанасьев был освобождён из ссылки со снятием судимости в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. 17 февраля 1956 г. своим определением 111-Н-56 Военный Трибунал Ленинградского Военного Округа № отменил постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 30 декабря 1940 г., Особого совещания СССР от 26 февраля 1946 г., Особого совещания при МГБ СССР от 25 июня 1949 г. и прекратил - на основании ст.4 п.5 УПК РСФСР - делопроизводство в отношении И.Д.Афанасьева за отсутствием приписываемых ему преступлений.

Возвратившись в 1956 г. в Ленинград, Афанасьев работал начальником экспериментального цеха и руководителем научной части (лаборатории) Ленинградского опытного нефтемаслозавода им. Шаумяна. В короткий срок он организовал и успешно реализовал целый ряд научно-исследовательских работ: по получению синтетических масел, низкомолекулярных карбоновых кислот (С6-С9) и сырья для производства пластификаторов, используемых при производстве синтетического каучука и пластмасс, по синтезу новых присадок к смазочным маслам. Одновременно он вёл ряд исследовательских работ и принимал активное участие в работе Учёного Совета ВНИИ-нефтехима в Ленинграде.

За всю научную карьеру Игорем Дмитриевичем были получены более 50 авторских свидетельств, сделаны десятки рационализаторских предложений, написаны 46 научных статей в журналах и сборниках по нефтехимии. В 1937 и 1949 г. ему были присуждены Сталинские премии, но, по понятным причинам, он их получил. Получили сотрудники, работавшие вместе с ним. В 1959 г. Игорь Дмитриевич был награждён медалью «За трудовое отличие». За свои разработки он неоднократно награждался золотой медалью ВДНХ.

К моменту подачи заявления о присвоении звания кандидата технич. наук без защиты диссертации список научных работ, проведённых И.Д.Афанасьевым, превышал 45 наименований, не считая крупных проектно-исследовательских работ 1936 г.; часть результатов исследований И.Д.Афанасьева была защищена 11 авторскими свидетельствами, из которых 2 открытых и 9 - признанных не подлежащих оглашению. Несмотря на большой объём многочисленных исследований И.Д.Афанасьева, в открытой печати была освещена лишь очень небольшая их часть - 6 статей и 2 авторских свидетельства.

21 января 1961 г. решением ВАК И.Д.Афанасьеву было присвоено звание кандидата технических наук без защиты диссертации (Диплом кандидата наук МКД № 000831, 14 февраля 1961 г.).

После этого он, продолжая научную и исследовательскую деятельность, преподавал в Технологическом институте им. Ленсовета и Северо-западном Политехническом институте, по соответствующей тематике был консультантом оборонных КБ.

Будучи талантливым учёным, Игорь Дмитриевич щедро делился своими научными идеями с коллегами и учениками. Под его руководством десятки инженеров-производственников защитили кандидатские диссертации. Реализация в промышленности многочисленных изобретений и технических усовершенствований, им предложенных, дали возможность СССР сэкономить десятки и сотни миллионов рублей.

Игорь Дмитриевич умер в марте 1969 года. Он был полон творческих планов, но удары судьбы подорвали его здоровье, и он рано ушёл из жизни. В лаборатории экспериментального завода им. Шаумяна в его честь была установлена мемориальная доска с надписью «за заслуги перед отечественной нефтехимией и выдающийся труд на благо Родины». Афанасьев был исключительной по своим качествам личностью: талантливый учёный, он был человеком разносторонних интересов, коллекционировал живопись, пластинки с музыкальными записями; любил и хорошо разбирался в классической музыке, театре и художественной литературе, особенно любил поэзию «Серебряного века». В то же время это был весёлый, добрый, отзывчивый человек, которого не смогли сломить тяжёлые испытания. Он женился в ссылке на вдове с тремя детьми, воспитал их, и дал всем троим образование. Дети нашли в нём деликатного, доброго и заботливого отца.

Петр Яковлевич Армашевский родился в 1851 г. в г.Новозыбкове Чернигов.губернии в семье дворянина. Образование получил в Черниговской классической гимназии и в Киевском университете св. Владимира (природное отделение физико-математического факультета). По окончании университета, 28 марта 1873 г. Он был определен хранителем минералогического кабинета университета. На протяжении 1873-82 гг. в летнее время П.Я.Армашевский ездил в научные командировки в Черниговскую, Полтавскую, Волынскую, Херсонскую и Таврическую губ. для проведения геологических наблюдений. Результатом исследований стала диссертация «Геологический очерк Черниговской губернии», за которую в 1883 г. физико-математическим фак-том Киевского университета он был удостоен степени магистра минералогии и геологии. В ноябре того же года он был утвержден доцентом, а 1 февр. 1885-го становится экстраординарным профессором по кафедре минералогии

и геологии. В 1902-04, 1911-17 гг. П.Я.Армашевский состоял судьей профессорского дисциплинарного суда университета. 28 марта 1903 г. после публичной защиты на физико-математическом факультете Императорского Московского университета диссертации «Геологические исследования в области бассейнов Днепра и Дона», Советом этого учебного заведения Пётр Яковлевич был утвержден доктором минералогии и геологии, после чего стал ординарным профессором Киевского университета. С 1905 по 1909 гг. П.Я.Армашевский исполнял обязанности декана физико-математического факультета. В апреле 1906 г. П.Я.Армашевский был командирован Советом Университета в Санкт-Петербург для участия в съезде по выборам членов Гос. Совета от учёной корпорации, в 1910 г. участвовал в XI Международном конгрессе по геологии в Стокгольме. 24 июля 1917 г. Армашевский был утверждён в звании заслуженного профессора Киевского университета. Армашевский в течение ряда лет был директором Высших Женских Курсов в Киеве.

Будучи специалистом по наслоениям, на которых расположен Киев, Петр Яковлевич входил в состав комиссий Киевской городской думы по вопросам артезианского водоснабжения города и предохранения от оползней нагорных частей города вдоль берега Днепра. В последние годы перед революцией он был постоянным председателем думской комиссии по этим вопросам. Наш земляк активно занимался общественной деятельностью. Он являлся председателем Попечительного общества о Киевском доме трудолюбия, вице-председателем Правления общества любителей древностей и искусств, председателем Киевского отдела Российского общества покровительства животным, и секции минералогии при Киевском обществе любителей природы, членом наблюдательного комитета Общества взаимного страхования имущества от огня в Киеве, кандидатом в члены правления Киевского общества борьбы с детской смертностью, председателем Общества естествоиспытателей в Киеве, членом комитета по сооружению памятника П.А.Столыпину; принимал участие и в монархическом движении, был членом Киевского Русского Собрания (РС). В 1908 г. Армашевский был избран товарищем председателя Киевского Клуба Русских Националистов. В 1912 г., как делегат от Киева он принимал участие во Всероссийском национальном съезде. Однако в 1913 г. П.Я.Армашевский в мотивированном письме сложил с себя звание члена Клуба и перестал принимать участие в его деятельности. Некоторое время он пытался наладить издание газеты «Киев», но из-за недостатка средств и профессионально подготовленных сотрудников она была закрыта.

П.Я.Армашевский был арестован в ночь на 29 апреля 1919 г. ст. ст. (12 мая н.ст.) и расстрелян в первых числах мая после уточненных

мучений и издевательств. Вместе с Армашевским погибли и многие другие члены Киевского Клуба Русских Националистов.

Мария Ефимовна Сергеенко (Сергиенко) родилась 9 декабря 1891 г. в Новозыбкове Чернигов. губ. в семье чиновника. После окончания Черниговской женской гимназии, в 1910 г. поступила на историко-филологич. ф-т высших женских курсов, где проходила обучение на отделениях классической и всеобщей истории. Её учителями были М.И.Ростовцев и Ф.Ф.Зелинский. Большую роль в формировании будущего учёного сыграли беседы и встречи с И.И.Толстым, получившие название «университета на дому». После окончания факультета, по представлению Зелинского М.Е.Сергеенко была оставлена на год для совершенствования при кафедре древней литературы курсов с присуждением стипендии им.Е.И.Лихачёвой.

Одновременно с обучением на курсах преподавала латинский язык в гимназиях Л.С.Таганцевой и княгини Оболенской. После недолгого учительствования на родине, осенью 1917 г. М.Е.Сергеенко была приглашена на должность лектора латинского и греческого языков на кафедру древних языков историко-филологич. ф-та Саратовского университета. В 1920 г. сдала магистерский экзамен на право преподавания в высшей школе, в 1922 г. ей было присвоено звание доцента кафедры древней литературы. В университете преподавала латинский и греческий языки; после исключения в середине 1920-х гг. из университетской программы древних языков, читала лекции по античной истории, античной и западноевропейской литературе, вела семинары по немецким авторам на германском отделении, работала в библиотеке университета, руководила кружком любителей классической филологии, одним из участников которого был А.И.Доватур. Учеником М.Е.Сергеенко был и Н.И.Вавилов, общение с которым и его глубокий интерес к античной ботанике и агрономии способствовали формированию нового направления её исследований -- изучению римского сельского хозяйства. В 1926 г. М.Е.Сергеенко в сборнике в честь с.А.Жебелева опубликовала свою первую статью - «Первая элегия Тибулла. (К вопросу о её композиции)». Первым опытом в исследовании римского сельского хозяйства стало изучение трудов Феофраста.

В 1929 г., не имея работы в Саратове по специальности, М.Е.Сергеенко переезжает в Ленинград. 9 января 1931 г. она была зачислена в Публичную Библиотеку помощником библиотекаря Сектора хранения. Через год её перевели на сдельную оплату в КБО, а позже - на должность библиотекаря 1-го разряда. С сентября 1933 г. Мария Ефимовна работала по половине рабочего дня. Занималась самой различной работой: составлением библиографических списков по заказам учреждений и читателей, написанием рецензий для крити-

ко-библиографического бюллетеня. 15 сентября 1934 г. Сергеенко уволилась из Публичной библиотеки по собственному желанию.

Ещё в 1932 г. М.Е.Сергеенко начала работать в Институте истории науки и техники АН СССР в должности ученого секретаря Сектора истории агрикультуры, занимаясь организацией работы над исторической частью комплексной темы «Происхождение домашних животных». Изучение античных источников по сельскому хозяйству позволило Сергеенко сделать вывод о спорности таких общепринятых в то время положений, как отказ от полевых культур и переход к виноградарству и садоводству. Изучение трудов Варрона, Катона и Колумеллы позволило Сергеенко по-новому оценить их значение для изучения истории античной агрономии. Итогом исследовательской работы в области истории римского сельского хозяйства стало появление ряда работ, среди которых следует отметить: «Из истории итальянского огородничества», «Очерк развития римской агрономии», «Колумелла и Варрон как животноводы», «Предтечи прикладной ботаники в античном мире», «Удобрение хлебных полей в древней Италии», «Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э.» и другие.

М.Е.Сергеенко были осуществлены переводы античных сочинений по истории сельского хозяйства (совместно с С.И.Протасовой) и книги Е.Дильса «Античная техника» (совместно с П.П. Забаринским). Учасвовала она и в создании латинско-русского ботанического словаря, предпринятого Всесоюз.инст.растениеводства по инициативе Н.И.Вавилова. С 1935 г. М.Е.Сергеенко преподавала латинский язык на историч. и филологич. ф-тах Ленинград. университета. Во время войны, отказавшись от эвакуации с университетом, осталась в блокадном городе. В 1942 г. перешла на работу в 1-й Мед. институт, где в 1932-1935 гг. вела занятия по латинскому языку. В 1941-1944 гг. принимала участие в исторических научных чтениях в Архиве АН СССР, организованных по инициативе Ю.П.Францева. Здесь на одном из заседаний Марией.Ефимовной был сделан доклад, посвященный устройству виноградников в V в. в Риме. В 1943 г. Сергеенко защитила докторскую диссертацию по совокупности работ о римском сельском хозяйстве. В 1948 г. М.Е.Сергеенко присвоено учёное звание профессора. Основным местом работы Сергеенко в 1942-1959 гг. был 1-й Медицинский институт, где она заведывала кафедрой латинского языка.

Сразу же после возвращения ЛГУ из эвакуации, М.Е.Сергеенко, совмещая работу в 1-м Мед. институте, приступила к преподаванию на кафедре классической филологии университета. Помимо чтения лекций по латинскому языку, М.Е.Сергеенко читала курс лекций о частной и общественной жизни греков и римлян на историч. и филологич. ф-тах университета, вела занятия по интерпретации авторов,

семинары по античной культуре. Одновременно с работой в должности зав. кафедрой латинского языка в 1-м Мед. Университете и преподаванием в ЛГУ, с 1945 года М.Е.Сергеенко стала работать в Ленинградском Отделении Института истории АН СССР, куда перешла на постоянную работу в декабре 1956 года

В январе 1970 г. М.Е.Сергеенко была освобождена от должности старшего науч. сотрудника Ленинград. Отделения Института истории АН СССР в связи с выходом на пенсию и зачислена на должность научного консультанта сектора Древнего мира, которую занимала до декабря 1973 г., а после и его была уволена по сокращению штатов.

За это время М.Е.Сергеенко были написаны «Очерки по сельскому хозяйству древней Италии» (1958), составлен коммент. сб. «Ученые земледельцы древней Италии», куда вошли переводы с лат. яз. трактатов по земледелию Катона, Варрона, Плиния Старшего, Кслумеллы. В 1960-е М.Е.Сергеенко занималась изучением быта и соц.-экон. отношений древ. Рима, итогом чего стала кн. «Жизнь древнего Рима» (1964); тему рабов и вольноотпущенников продолжила ст. «Колумбарий Статилиев Тавров» (Вестник древ. истории. 1964. № 4); изучала историков периода эллинизма, сделала перевод Арриана «Поход Александра» (1962). Сергеенко вела занятия с аспирантами по латин. Яз. и латин. эпиграфике, читала в ЛГУ спецкурс «Быт древнего Рима». Итогом многогранной исследовательской работы 1950-х гг. стала книга «Простые люди древней Италии» (1964).

Помимо науч. и педагогич. деятельности, М.Е.Сергеенко занималась переводом текстов христианских авторов. В 1941-1944 гг. она подготовила перевод «Исповеди» Блаженного Августина, опубликованный в «Богословских трудах» в 1975 г., частично - в альманахе «Одиссей» в 1989 г., отдельным изданием - в 1991 г. Позже ею были переведены «Письма Св. Киприана», «Церковная история» Евсевия Памфила, отрывки из «Педагога» Климента Александрийского, «О покаянии» Тертуллиана. Часть переводов была опубликована анонимно, - часть под именем митрополита Ленинградского и Ладужского Антония (Мельникова). В 1984 г. в серии «Литературные памятники» вышло 2-е издание «Писем Плиния Младшего», подготовленное М.Е.Сергеенко совместно с А.И.Доватуром. Последняя её работа - участие в новом переводе «Истории Рима...» Тита Ливия..

Научное наследие М.Е.Сергеенко насчитывает более 100 работ, значительная часть которых существует только в рукописях. Документальный материал о её жизни и деятельности сосредоточен в Архиве Российской Национальной Библиотеки, Российском Гос. Архиве Литературы и Искусства в Санкт-Петербурге. М.Е. Сергеенко награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в

ВОВ 1941-1945». Она умерла 28 октября 1987 г. в Ленинграде. Похоронена на кладбище Пюхтицкого монастыря.

Судьба ещё одного уроженца Новозыбкова и достаточна обычна для XX века, и в то же время удивительна. Александр Георгиевич Ананьев родился 20 февраля 1878 г. в Новозыбкове Чернигов. губ. в семье дворянина. Получил образование в Новозыбковском реальном училище Николаевской инженерной академии, по окончании которой в 1904 году произведен в штаб-капитаны - с переводом в военные инженеры. В 1904 году Ананьев назначен в распоряжение начальника инженеров Туркестанского военного округа. В 1906 г. произведен в капитаны, в 1911-м г. зачислен в запас инженерных войск, а в 1913 г. уволен из запаса в отставку. А.Г.Ананьев был кавалером ордена Св. Станислава 3 степени. Его супругой была княжна Анна Николаевна Енгальичева.

До Октябрьской революции А.Г.Ананьев занимал должность начальника инженерной школы прапорщиков в Петрограде. В годы мировой войны – полковник. В канун штурма Зимнего дворца в 1917 г. занимал должности коменданта и начальника охраны. Впоследствии по мобилизации находился в рядах РККА (1919 г.), работал начальником Губзескама городов Одессы и Житомира в 1920-1922 гг. В 1923-1924 гг. был начальником производства. С 1925 по 1930 г. Ананьев работал в Узбекистане глав. инженером Узбекского водного хозяйства. Проживал в Самарканде, где мечтал о судьбе скромного наблюдателя жизни, мечтал писать мемуары, давать уроки. В 1930 г. был кандидатом в члены ВКП(б), но в связи с последовавшим арестом выбыл как состоящий под следствием.

Был арестован по статье 58-7-11 и осуждён на 10 лет. В 1931 г. из Ташкента едет с уполномоченным ОГПУ и тремя стрелками в Карелию на строительство Беломоро-Балтийского водного пути. Так А.Г.Ананьев стал заключённым Белбалтлага. Здесь, несмотря на свой преклонный возраст, он с юношеским напором, не щадя сил и здоровья, борется за досрочное окончание ответственных сооружений Северного склона Белморстроя. Инженерный опыт помогал Александру Георгиевичу в решении сложных задач, которые вставали перед строителями. Вскоре он становится, начальником работ, получает звание значкиста «Строителя Белморстроя» и досрочное освобождение в 1933 г. В Дмитлаге А.Г.Ананьев был помощником начальника работ Северного района 15 февраля 1934 года. (приказ №53 по Дмитлагу). Был награждён часами от Совета Труда и Оборона в 1923 г., Почетной Грамотой за работу на ББК - в 1932-м, Благодарностью с выдачей месячного оклада в 1934 годах.

После окончания Беломорско-Балтийского канала Александр Георгиевич приезжает на строительство канала Москва-Волга - начальником работ в Волжский район.

В марте 1934 г. развернулись работы по созданию перемычки на Ивановской плотине, которая во что бы то ни стало должна быть закончена до наступления весеннего паводка. Работами по созданию перемычке руководил А.Г.Ананьев. За короткий срок, всего за полтора месяца каналоармейцы под его руководством соорудили перемычку в полтора километра длиной - до отметки 119 , а в головной части 120 м.. А через год, 5 марта 1935 года, Александр Георгиевич Ананьев скоропостижно скончался.

А.З.Дмитровский (Калининград)

Почеп литературный.

Что такое Почеп литературный? Это Почеп в литературе и писатели, литературоведы, учителя литературы и их благодарные ученики, которые родом из Почепа или связаны с ним судьбой; и главное место в почепском литературном мире занимает Алексей Константинович Толстой, наш великий земляк. Именно в Почепе, в прадедовском дворце и парке, как установлено теперь В.Д.Захаровой, прошли его младенческие годы [6], и потом, когда он жил в Красном Роге, его почта и телеграммы шли через Почеп, и даже свой адрес он сообщал так: «Черниговской губернии в **Почеп** (выделено А.К.Толстым. – А.Д), а оттуда письмо дойдет само в Красный Рог» [12, с.250]. В Почепе изготовлялся переплет для его поэмы «Дон Жуан» [12, с.128], и есть сведение о его поездке в Почеп к заболевшему дяде В.А.Перовскому в 1850 году. [4, с.27]. Почеп неоднократно упоминается в письмах А.К.Толстого, и понятно, что в большинстве исследований его жизни и творчества Почеп присутствует неизменно. И ныне в Почепе – в краеведческом музее, в школах и библиотеках, в ежегодно проводимых Днях поэзии - портреты, стихи, персонажи А.К.Толстого всегда на виду, на слуху и главное – в памяти и в душе.

Однако феномен А.К.Толстого в Почепском крае имел знатную предысторию в XVIII веке, когда граф Кирилл Григорьевич Разумовский, президент Российской академии наук, возвёл здесь, на берегу Судости, архитектурный ансамбль по проекту Валлен-Деламота. Воскресенский собор и дворец, в стиле строгого классицизма, с шестью колоннами, двумя венецианскими окнами – по обе стороны портика [2, с.50-54]. Дворец, который для многих поколений почепчан в XX в. стал культурным центром и знаком города. Его первое описание дал в 1806 году О.Гун[3, с.34-35].

Вторым владельцем почепского дворца был его сын Алексей – участник открытия знаменитого Царскосельского лицея и министр народного просвещения. Его знал юный Пушкин и даже удостоил хлесткой /но заслуженной ли?/ эпиграммы: «Ах! боже мой, какую/ Я слышал весть смешную:/ Разумник получил ведь ленту голубую./ Бог с ним! я недруг никому:/ Дай бог и царствие небесное ему». Но и сам Почеп был известен Пушкину, и он своей рукою вывел наше имя в «истории Петра»: «У Меншикова отняли деревни, приписанные к гор.Почепу, коим он владел уж 11 лет» [9, с.310]. В начале XVIII в. Почеп действительно был владением Меншикова, сподвижника Петра. Связь Почепа с эпохой Петра запечатлена также в знаменитых

«валах» - земляной крепости, воздвигнутой до приказа царя в русско-шведскую войну. В 1708 г. Карл XII, не дойдя до Почепа и, возможно, как раз убоявшись тех валов, резко повернул на юг. Это отражено у Пушкина в поэме «Полтава»: «Незапно Карл поворотил/ И перенёс войну в Украйну». Теперь о почепских Валах читаем в историческом романе В.К.Соколова «Атаман брянского леса».

И ещё о почепском владельце графе К.Г.Разумовском. С ним сотрудничал Ломоносов и посвятил ему идиллию «Полидор» (под этим именем подразумевался сам граф) [7, с.276]. Эпоха Екатерины II отразилась также в талантливой книге мемуариста и просветителя-демократа Г.С.Винского, где он поведал сам: «Родился я в малороссийском городке Почепе» [1, с.3].

Благодатным для русской литературы оказалось потомство Алексея Кирилловича Разумовского. Его десять внебрачных детей носили фамилию Перовских. В 1795 году в Почепе родился упомянутый Василий Алексеевич Перовский, генерал, участник Бородинской битвы. Он оставил «Записки» об Отечественной войне, которыми пользовался Лев Толстой, работая над «Войной и миром»; высказывалось мнение, что сам он стал прототипом Андрея Болконского. Г.П.Данилевский в романе «Сожжённая Москва», также об Отечественной войне, вывел Перовского под собственным именем и в обстановке как раз почепского дворца и дворцового Нижнего парка: «Грёзы сменялись грёзами. Перовский перебирал в уме своё прошлое. Ему с живостью представилось его детство, богатое черниговское поместье Почеп, огромный выстроенный знаменитым Растрелли дом, возле дома – спадающий к реке обширный сад и сам он, ребёнком бегущий по этому саду в рубашечке». И наконец, «Записки» Перовского упомянул Достоевский в романе «Игрок».

Другой дядя А.К.Толстого, Алексей Алексеевич Перовский, родился в 1787 году. Где? Почеп не исключён, но документального подтверждения этому нет. Но доподлинно известно, что он жил в Почепе до 1822 года, т.е. до смерти отца. Это известный писатель-романтик и воспитатель А.К.Толстого, писавший под псевдонимом Антоний Погорельский. Литературно богатой оказалась и семья тётушки А.К.Толстого, Ольги Алексеевны Жемчужниковой-Перовской, из семерых детей которой трое – Алексей, Александр и Владимир, – совместно с двоюродным братом А.К.Толстым создали знаменитый писательский образ Козьмы Прутков; причём старший из них, Алексей Михайлович, родился в 1821 г. в Почепе, в том же дворце их общего прадеда. Через год семья переехала в другое родовое имение, но в автобиографической поэме «Мой знакомый» А.М.Жемчужников отразил свое явление на свет в Почепе: «Старинный дом, громадой горделивой/ Вознёсшийся над зеленью садов,/ Младенца принял в

торжестве великом/ Под свой просторный и радушный кров». Из всего этого следует, что образ знаменитого директора Пробирной Палатки и велеречивого Козьмы Пруткова имеет родовые почепские корни.

После смерти А.К.Разумовского дворец почепский был продан графу Клейнмихелю, тому самому «строителю», который упомянут Некрасовым в эпиграфе к стихотворению «Железная дорога»: «Граф Пётр Андреич Клейнмихель, душенька!» Ещё до революций, вероятно, с конца XIX в., дворец стал постепенно преобразовываться в школу; и мы учились в дорогих стенах и в благодатной ауре всех названных здесь имён, и у некоторых из нас это сказалось в определении собственного жизненного пути. Но судьба почепского дворца, свидетеля и почти живого персонажа «золотого века» русской классики, ставшего, вместе с тем, вторым родным домом для поколений почепских учителей и учеников, – трагична. Немцы в сентябре 1943 г. взорвали его и сожгли, и теперь он только в фотографиях, книгах и заповедных снах. Но ведь сейчас рукотворные чудеса – не редкость. Восстал из долгого небытия толстовский усадебный дом в Красном Поге, также сожжённый немцами. И да возродится архитектурная жемчужина нашего родного города, и да возрадуются ей потомки!

А жизнь Почеча в литературе продолжалась и зачастую самым неожиданным образом. Так, почепчане, прочитав в журнале «Октябрь», № 12 за 1957 год, роман Д.Галкина «Цимбалисты», в изображённом городе Здоровцы с удивлением узнали свой родной город, самих себя старшего поколения и – моего деда Тимофея. Вот его художественный портрет: «За время своей долголетней службы в разных епархиях отцу Тимофею, священнику главного прихода приходилось видеть всякое. Приходилось справлять службы и требы, законом положенные; идти во главе крестного хода во время мора и глада великого; встречать и провожать, не единожды, архиерея; унимать толпу рассвирепевшую; помирить бар с мирянами разгневанными, поднявшими вилы и топоры на власть, богом поставленную, – всё приходилось, и миловал, господь бог. /.../ И всё это отец Тимофей делал не корысти ради, а по велению сердца ». Только дед служил в одной Черниговской епархии /Дымово, Старопочепье, Почеп/ и не в главном Воскресенском, а в Никольском приходе. А в остальном – сходится.

Вот из письма автора 25.01.1968 романа в Почеп своей учительнице от: «Вы спрашиваете, знакомо ли мне имя Тимофея Васильевича Дмитровского и верно ли предположение, что воспоминание о нём отразилось в первой части романа. Бесспорно. Как же мне не знать отца Тимофея, если мы с Вами, Евгения Тимофеевна, соседи! В моей памяти Тимофей Васильевич остался как очень порядочный, благо-

родный и просвещённый человек. Кстати: и Эренбургу, и Федину образ отца Тимофея очень понравился, и это обрадовало меня не только как автора, но и как почепца». Воистину, нам не дано предугадать... Мой дед через 33 года после успения явился литературным персонажем... Позднее я посетил писателя в Москве и получил от него в дар экземпляр изданного романа с автографом: «Дорогому Алексею Захаровичу Дмитровскому – моему милому земляку, с дружеским приветом. Ваш Галкин. 1970, март».

Из романа Андрея Платонова «Чевенгур» мы узнали, как в этот город-призрак прибыл инструктор по птицеводству из Почепского УЗО. «Мы в Почепском уезде хотим развести плимутроков, – отрапортовался он. Без яйца наш уезд не подымается». Желаемых петушка и двух курочек инструктору получить не удалось. Но около Почеп в Речице действительно есть птицефабрика.

Теперь уже вряд ли можно выяснить обстоятельства знакомства Платонова с Почепом. Но тройное упоминание Почепца в романе Солженицына «В круге первом» не могло оставить меня в покое. Как известно, Спиридон Егоров, когда началась война, «от Почепца отступал до самой Калуги», а потом, оказавшись в оккупации, «повёз семью от Калуги до Почепца и вернулся в исконную свою деревню»; а ещё позднее ему пришлось идти уже на запад «по напруженной дороге от Почепца до Слуцка». Ответ на занимавший меня вопрос, высланный на Союз писателей, пришёл быстро: «Уважаемый Алексей Захарович! Почеп я проходил с фронтом, задержался на сорванной переправе и в самом городке – с часок (август 1943). А Спиридон Егоров действительно был из тех мест. Всего доброго Вам и Вашим однопорожанам. А.Солженицын». Дата на почтовом штампе 15.09.2000. Так стало известно участие А.И.Солженицына в освобождении Почепца от немецко-фашистских захватчиков. Только уточним даты: Почеп был освобождён 22 сентября 1943 года.

Почеп стал родиной или местом получения среднего образования учёных-литературоведов. Вот И.В.Миримский, профессор-зарубежник МГПИ им.Ленина; Ф.З.Канунова, профессор Томского университета, исследователь творческого наследия Жуковского и русского романтизма; Г.И.Стафеев, доцент Брянского технологического института, издавший несколько книг об А.К.Толстом. Всем троим начальный старт в школе им.Ленина, размещавшейся в заповедном дворце К.Г.Разумовского, дала учительница русского языка и литературы Е.Т.Дмитровская [5]. Вот из воспоминаний Г.И.Стафеева о школьных годах: «Помнятся мне сочинения, оценку которых я ждал с огромным нетерпением. Дело в том, что писал я их, постоянно видя перед собой добрые глаза учительницы, и она, читая написанное, как бы разговаривала со мной вопросительными и восклицатель-

ными знаками, подчёркиваниями и лаконичными словами. Иногда она читала мои сочинения классу».

Такой была довоенная почепская молодёжь в своей высокой патриотической пассионарности! Наши ребята, защитившие и спасшие Родину. Был у нас Серёжка с Костянки, как в песне «Серёжка с Малой Бронной» – Сергей Сыроквашин. Он из первого выпуска 10 класса 1937 года. А в войну он - начальник штаба партизанской бригады, действовавшей в Белоруссии. С ним воевал юный Алесь Адамович и потом вывел своего командира в двух военных романах: «Война под крышами» и «Сыновья уходят в бой», – начштаба Сырокваш. Вот из выступления С.В.Сыроквашина на встрече довоенных выпускников в 1987 г.: «Спасибо Евгении Тимофеевне Дмитровской и всем моим учителям, что я стал таким, какой есть. В минуты отчаяния, когда гниль бобруйских болот, казалось, поглотит навсегда, мне придавала силы память об уроках литературы. Я шёл вперёд и за мной шли товарищи» [10]. Так вот что такое литература и что такое уроки литературы в школе! И сам Сергей Васильевич опубликовал военные воспоминания «Партизаны» [10].

И Юра Мамонов, одноклассник и друг Сыроквашина. Молодой красавец, осенённый гением своего народа, он, как юный царь Пётр, собирал ребячьи полки - они занимались строевой подготовкой, проводили военные игры, изучали воинский устав и даже радиодело. «Батальон Юры Мамонова» – так в 1936 году писала о нём /девятикласснике!/ районная газета. Ему на роду было написано стать генералом, маршалом... 30 июля 1942 г. он пал героем под Севастополем. Теперь память о нём в музее Славы на Малаховой кургане и – в книгах [8].

И литераторы, родившиеся в Почепском районе, но, волею судьбы, живущие за его пределами. Вот М.И.Ветров из д.Казаново, которая теперь в его стихах: «Никому той силы не понять» /Что меня на ноги ставит заново, /Есть просёлок, /Есть речная гать, /Есть деревня дальняя Казаново. С.С.Сеньков из с.Алексеевск, основатель и гл. редактор журнала «Десна» в Брянске, автор поэтических сборников. П.Н.Жуков, живущий в Калининградской области. Вот его поэтическая картина родных деревень: «В каждой найдёшь голосистого кочета. /Он как будильник в деревне любой. /Все недалёко от города Почепа. /Все с одинаково горькой судьбой. /Встретишь, наверно, и мерина сивого. - Лошади нынче в хозяйстве свои. /Тубольцы, Жлудки, Дубровка и Дымово. / Как поживаете веси мои?. А вот автор этой статьи, член Союзов писателей и журналистов России, родом с той же Костянки, где маленькая Немига впадает в большую Судость.

До войны центром литературного Почепа была наша родная школа. Ребята как раз того выпуска, где учились Мамонов и Сырок-

ваши, издавали рукописный иллюстрированный журнал «Наше творчество». Прекрасно оформлялись общешкольная стенгазета и стенгазеты в классах, а ныне, с 2003 г., в Почепе действует литературное объединение «Отчий край». Руководитель – Анатолий Терентьевич Козяр. Уже издано пять сборников стихов и прозы под этим дорогим для сердца названием, и есть авторские сборники. И во всех случаях мотивы отчего почепского края – ведущие, искренние и проникновенные.

Такова в некоторых чертах наша почепская литературная жизнь и судьба.

Источники и литература

1. Винский Г.С. Моё время. СПб, 1914.
2. Горностаев Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга. М., 1914
3. Гун О. Поверхностные замечания по дороге из Москвы в Малороссию М., 1806.
4. Денисюк Н. Критическая литература о произведениях гр. А.К.Толстого. М., 1907.
5. Дмитровская Е.Т. Шли годы. Калининград, 2006.
6. Захарова В.Д. Был ли Красный Рог местом детства А.К.Толстого? Брянская учительская газета. 9.12.2005.
7. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.-Л. 1959, т. 8.
8. Макаров И. Лейтенант с Малахова кургана. Строки, обгащённые, кровью. Симферополь, 1968.
9. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. т. М., 1981, т. 8.
10. Сельская новь. 1 сентября 1987.
11. Сыровкашин С. Партизаны. Калининградский университет. 1987, 27 апреля.
12. Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. т. М., 1964, т. 4.

А. И. Поддубный (Злынка)

О гидронимах с основой «ордо - родо (рада)».

Обзор краеведческой литературы показывает, что если река называется **Ординка**, то это значит, что когда-то у её берегов останавливалась татарская орда или же в ней устраивалась прорубь-иордань для освящения воды на праздник Крещения Господня. Авторы книги «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» В.Топоров и О. Трубочёв считают этот гидроним тёмным. Если же у реки название **Радинка**, то среди его толкований наиболее распространённые:

- а) от слова «радость», которую якобы доставляла река первым окрестным поселенцам;
- б) от слова «радеть» - «беспокоиться, заботиться»;

в) в древности берега реки были местом проведения рады -- народно-го собрания, совещания;

г) у реки жили славяне -- радимичи;

В гидрониме **Родица** Топоров В. и Трубачёв О. усмотрели одинаковую смысловую связь с названиями днепровских притоков Руда, Руденка, Рудка, Рудница, Рудня и потому поставили в один ряд с ними.

Название болота или реки **Радогощь** считается верным признаком бывшего существования возле них святилища в честь Божества Радигаства или там ходил «совет купцов-гостей».

Перечисленные толкования не учитывают отличительные признаки местности с гидронимами на «**ордо - родо (рада)**». В этой связи обращает на себя внимание село Ардонь Клинцовского района Брянской области. Оно возникло в 1711 г. в окружении трёх урочищ: **Большая Ардонь, Малая Ардонь** и просто **Ардонь**. У всех их до мелиорации была одна общая особая примета -- **болотная низина с небольшим родниковым озером**. Из двух Ардоней, Большой и Малой, вытекали одноимённые речушки, превратившиеся ныне в ручьи.

В «Толковом словаре» В. Даля есть слово из архангельского говора **орда** в значении «зыбучее болото, трясына, зыбун». Правда, после «**орда**» стоит знак «?», т. е. В. Даль сомневался в написании слова. Очевидно, было другое его произношение, и, думается, оно напрашивается само собой -- **ордо**. Архангельское **орда (ордо)** и клинцовские **Ардоны** объединяет не только схожесть в звучании, но и связь с болотистой местностью, а это уже ключ к разгадке названия.

На Руси в древние и средние века место, где из-под земли била водная струя, называлось **родище**. Слово **родник** появилось позже и отмечено в письменных памятниках с 1731 г. У **родища** тот же корень, что и у слова **родить**, а оно, согласно «Краткому этимологическому словарю современного русского языка» Н. Шанского и других, возникло от давно забытого общеславянского ***ордти** с основой **ордь**. Это значит, что в те времена, когда все славяне говорили на одном языке (его распад относится к V-VI вв. н.э.) водный источник назывался ***ордище**.

Если **ордище** находилось в низине, подпочва которой удерживала его воду, то образовывалось болото. Разумеется, что болото, образованное застойными водами **ордища**, в начале называлось ***ордьное** или кратко ***ордьнь**.

Далее в слове **ордънь** постепенно произошли изменения: «**ь**», стоявший после «**д**» под ударением и обозначающий очень краткий гласный звук, уступил место «**о**»; конечное **-нь** после утраты **ь** смягчилось и превратилось в **-нь**. Так появилось название болота ***ордонь**.

Со временем в ряде славянских территорий слово **ордонь** упростилось за счёт утраты конечного **-нь** в результате действия «закона открытого слога» - тяготения слога оканчиваться на гласный звук, и название болота зазвучало по-новому – **ордо**, под влиянием аканья - **орда**.

Примерно в X веке нашей эры на большей части славянских земель сочетание **ор** в начале слова перед согласным звуком постепенно изменилось в **ро**, и таким образом **ордище** превратилось в **родище**, **ордонь** в ***родонь**, а затем под воздействием аканья - в **радонь**, иногда в **радунь** из-за неотчётливого произношения **о** в безударном положении. Кое-где из-за неотчётливого произношения **-нь** на конце слова, вызванного нетвёрдостью **н**, местный говор заменил его на **-ль**, отсюда и другое звучание - **радоль-радуль**.

Во многих местах **радонь** из-за утраты конечного **-нь** упростилось в **радо-рада**. В том же «Толковом словаре» В. Даля отмечено архангельское слово **«рада** – болотистый хвойник». В книге А.Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» упоминается **«рада** – мокрое место в лесу». В «Материалах для областного водного словаря» П.Маштакова сказано, что архангельская **рада** означает «**низменное, мокрое, болотистое место**».

О том, что **ордо** и **родо (рада)** равнозначны по смыслу, свидетельствует книга Маштакова П. «Список рек Днепровского бассейна». Там у могилёвской болотной реки **Ордица**, она же **Рдица**, второе название **Родица**. Такое же название, с поправкой на аканье, у протекающей через радицкую местность реки **Радица**, что впадает в Болву, приток Десны у самого Брянска.

Другие примеры, где устоял древний корень **орд**, и где он видоизменился: **Ордовка** (приток Березины) – **Радовка** (приток Болвы); **Ординка**, вариант **Одринка** (приток Болвы), **Орданка** (приток Сажа) – **Радинка** (приток каждой из рек: Десны, Ипути и Горыни), **Раденка** - **Раденька** (приток Припяти) и **Родунька** - **Родунь** (приток Днепра).

Всего в книге П.Маштакова представлено 9 гидронимов с основой **ордо** и 30 с основой **родо (рада)**, в том числе **Радча**, варианты

Ратча и **Рача**, - притоки Ипути и Десны; **Радчинка** - приток Болвы, **Радушь** - приток Надвы, впадающей в Ипуть. Все они связаны с болотами **ордами** - **радами**.

По **радицкой местности** названы брянское озеро **Радицкое**, деревня **Радинская**, сёла **Радчино (Ратчино)**, и **Радугино** Трубчевского района, деревни **Радичи** Дубровского района и **Радица** Дятьковского района, село **Радогошь (Радовище)** Комаричского района, посёлок **Радица** - Крыловка в черте Брянска.

В книге польского исследователя П.Зволинского «Гидронимия Вислы» корень **орд** представлен в названии болота **Ордон**. Зато гидронимов с «**род**» в разных вариантах более 40, в том числе озёрные: **Радун, Радуня, Радошко, Радомно, Радолино, Радольня**; речные: **Радовка – Радавка, Радон, Радонка, Радуня, Нова Радуня, Стара Радуня, Мали Радечки, Радулинка**. Они схожи с днепровскими, потому что связаны с одними и теми же признаками местности – **родниковыми болотами**.

Древние люди подмечали отличие одной рады от другой и соответственно давали им уточняющие названия.

Если рада превратилась в **бель** – болото с белым мхом и невысокими кривыми деревьями, чаще сосны и берёзы, то она получала название **радабель**; кое-где это слово по закону открытого слога изменилось в **радобля**. Текут через **бельные рады** реки Радобель – приток Припяти и Радобля – приток Сожа.

Рада с чёрной грязью (по-церковнославянски **син**) называется **радосин (радосина)**. Известны реки **Радосин** – приток Днепра у Киева и **Радосина** – приток Вислы. До мелиорации они протекали через **синные рады** - «черногрязовые» названия у таких притоков Днепра как **Син, Синка, Синяя, Синьковка, Синявка, Сенька, Синюта, Синянка**. В летописи отмечен **Синин мост** в Стародубе.

Рада, где бужит, т. е. колышется при ходьбе трясына, называется **радобужа**. Её имя носит приток Сожа **Радобужня**.

У рады с маслянистыми пятнами, вызванными разложением в ней органических веществ, название **радамысл** (вариант **радомышль**). Такой гидроним отмечен в Волынской и Житомирской областях Украины. **Мысл (мышл)** – это искажённая краткая форма древнерусского прилагательного **масльный**, оказавшегося в сложном слове в безударном положении. Она присутствует в названиях притоков Днепра **Мысл, Масловка, Маслов**.

Рада с изобилием болотной руды, славяне называли её **стунь** (сравни сходное по смыслу и звучанию английское **stone** - «стоун» - **камень**) получила название **радастунь**. Этот гидроним известен в Болгарии, Сербии, Польше.

Слово **стунь** присутствует в названиях левого притока Болвы **Драгостунь (Драготунь)** и болота **Драгостунь** (драга – это драгва – «топь») у посёлка Софиевка Злынковского района Брянской области, где многие годы местные жители добывали **стунь** – руду большими глыбами для фундаментов домов и хозяйственных построек.

Вонючая рада вначале называлась **говшая – говша - говшь - говица** – формы древнерусского и церковнославянского слова **говьно**, родственного общеславянскому ***гадь**, которое имело значение не только «змея», но и «что-то мерзкое, отвратительное».

В бассейне Днепра существуют гидронимы **Гадка, Гавенка, Гавянка, Говнева, Синьговка** («черно-грязевая вонючка») и, наконец, **Радаговша** («вонючая рада») – приток Горыни в Калужской области. С тем же смыслом и название болотного урочища **Радоговище** в Ленинградской области.

Составной гидроним **рада говшая – радаговш(а)** не сохранился в первоначальном виде: для удобства произношения **говш(а)** упростилось в **гош(а)** (есть болотное урочище **Радогоша** в Ленинградской области), затем вследствие смягчения **ш** на конце слова появилась форма **гошь (гоща)**, в ряде мест - **гочь**. Свидетельством такого упрощения являются гидронимы **Дороговша** – приток Беседи в Брянской области и **Дорогошь** – приток Ворсклы в Белгородской области. В них заложен одинаковый смысл - «**вонючая топь**». Только первый гидроним сохранился в исходной форме, а второй - тот же самый, но не устоявший после многовековой звуковой переработки. На стыке Брянской и Орловской обл. впадает в Свопу – приток Сейма, болотная речка **Радогошь**, у её берегов расположилась одноимённая деревня. Один из болотных притоков Болвы зовётся **Радогочь**. В Ленинградской области у реки **Чадогоша** (буквально «угарная гоща») находятся озеро и деревня **Радогоша**. У польской Вислы есть болотный приток **Радогощ(а)**.

Название села **Радогошь** Комаричского района Брянской области напрямую связано с былой **говшей радой**. Местность к северу от села – сплошные болота. У протекающей рядом реки Нерусса берега до мелиорации представляли собой такие грязевые топи, что к ней

вполне подходило балтское (литовское) *pagas* («нарас») -- «место, где очень грязно».

Древнее название Погара **Радогощь** также восходит к существовавшей рядом с ним вонючей раде. Посетившему город в конце 1860-х годов писателю П. А. Якушкину местный житель сказал: «Наш город сперва был не Погар, а **Радовое, Радувль...**»

«**Гошь-гоща**» является частью многих составных гидронимов и в то же время существует отдельно: река **Гоща** и озеро **Гошево** в бассейне Вислы; река **Погощь** («текущая по гощи») – приток Сева, впадающего в Неруссу; река **Вельгоща (Велогоща)**, т. е. «великая гоща» - приток Снова; **Угоща** - приток Сожа. По быломu гощному болоту названа деревня **Гошь** Карачевского района.

Небольшая гощь – это **гощка - гошка**. Один из притоков Вабли, впадающей в Судость, так и называется **Гошка**, так же как и два посёлка Погарского района.

В родстве с «гадь» литовское *gėda* (**гёда**) -- «стыд», «срам». Его глагольная форма -- *gėsti*1* («гести») - «портиться» позволяет понять суть гидронима **Судогость**, где выделяется корень **суд**, видимо, балтский, который объясняется литовским «*sudas*» («судас») - «**болото, грязь**», а **гост** -- «порченный», в смысле «**вонючий**». Отсюда выходит, что **Судогост(ь)** – **Судогость** – это «**вонючее болото**», возможно, балтский синоним славянскому Радагощь, что подтверждается особенностями двух овражистых урочищ в центре Брянска. Существовавшие там в прошлом **судки (судок** – значит «**небольшой суд – грязевое болото**») образовались стоячими водами некогда мощных родников - кряниц, название одной из них носит улица в Брянске.

Корень **суд** представлен в гидронимах **Судинка (Судынка)** - приток Ипути, **Судка** – приток Сожа, в названии села - **Посудичи** («живущие по суду, т. е. вдоль него»).

Текут в бассейне Днепра речки **Гостинка, Гостиница, Гостиновка, Гостища**, среди них брянские Гостенка, Гостижа – приток той же Болвы (буквально «болотная вода»). Ничего «гостеприимного» в их названиях нет. Только одно -- «протекающая по вонючему болоту». Тем самым подтверждается, что славянское **гощь** и балтское **гост** одинаковы по смыслу.

Источники и литература

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: т. 1, с 179, М., 1995. Репринтное издание.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. т. - IV. М., 1956.

3. Дьяченко Г. Полный Церковно-славянский словарь, М.: Отчий дом. 2004, с.600. Репринтное воспроизведение издания 1900 г.
4. Займов Иордан. Български географски имена. София, 1973, с 149.
5. Zwolinski P. Hydranišnia Wisly. Warszawa, 1965, с. 379, 393.
6. Куркина Л. В. Название болот в славянских языках // «Этимология. 1967» М. 1969.
7. Маштаков П. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931.
8. Маштаков П. Список рек Днепровского бассейна. Л., 1931.
9. Метельский Г. Листья дуба. Повесть о родной стороне. М., Мысль. 1974, с.59.
10. Микляев М. О топо- и гидронимах с элементами гост (гощ) на северо-западе СССР // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. с.25-46.
11. Невская Л. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., Наука, 1972., с.345-348.
12. Рогалёв А. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической культуры). Гомель. 1993.
13. Топоров В., Трубачёв О. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
14. Черных П. Историческая грамматика русского языка. М., 1954.
15. Черных П. Историко-этимологический словарь современного русского языка. в 2 т. – М. Рус. яз., 2001.
16. Шанский Н. и др. Краткий этимологический словарь современного русского языка. М., Просвещение. 1975, с. 391.

Б.М.Петров (Москва)

Ещё раз о происхождении ойконима «Брянск».

Создание топонимических словарей и справочников получило в последнее время широкое распространение. Обращает на себя внимание, что объём словарных статей, посвященных широко известным географическим объектам (например, *Волга, Москва, Урал, Байкал, Воронеж, Брянск* и др.) во много раз превышает объём статей, посвященных, пусть даже очень древним городкам и сёлам. И это не результат какой-то особой сверхсложности известных топонимов – просто их больше и тщательнее изучали, чем названия малых и средних объектов, а общепринятого их истолкования, как правило, пока нет. Часто при создании словарей используется тот же принцип, что и в «народной топонимике» – подбор понятных нашему современнику созвучий («тёзок» топонима, как называет их Я.Д.Соколов). Нередко при этом нарушаются – причём даже профессиональными исследователями – не только словообразовательные нормы русской онома-

стики, основной закон топонимики, но, порою, и здравый смысл. Иногда это выливается в недобросовестные попытки насобирать как можно больше вариантов толкования рассматриваемого топонима (авось, какой-нибудь из них в дальнейшем подтвердится), когда ставят рядом взаимоисключающие истолкования (например, названия ложбины и холма, влаги и суши из разных языков) или заключают свои рассуждения всепоглощающей фразой: «А ещё известна русская (татарская, мордовская и др.) фамилия, имя, созвучные рассматриваемому топониму. Возможно, человек с такой фамилией был первопоселенцем или владельцем этой деревни, урочища».

Алфавитное расположение имеющихся материалов из оргприёма незаметно становится фактором, влияющим на изучение конкретной топонимии. Правильно ли располагать в порядке русского кириллического алфавита тюркские названия Поволжья или финно-угорские топонимы Русского Севера? Ведь в большинстве своём топонимы существуют не по отдельности, а входят в пары, гнёзда, семейства, разноранговые системы, которые сочетаются во временные и языковые пласты и т.д. Все эти элементы и каждый составляющий их топоним находятся в постоянном взаимовлиянии в живом языке населения края [Петров Б.М., 2006, с.208]. Рассматривая это взаимовлияние, следует иметь в виду, что ономатоосновы, слова языка, используемые народом (об административных наименованиях мы здесь не говорим) при создании топонима, имеют, как правило, не одно, а несколько значений. Объект называется по какому-то одному из этих значений слова, но и другие его значения не исключаются из сознания носителей топонимов, а лишь отодвигаются на второй план и помнятся ими. Со временем, с изменением условий в крае топоним переосмысливается, и какое-то из этих второплановых значений выходит в главные. Но одно и то же слово в разных топосистемах может обозначать разные понятия. Например, в средневековье топоним *белый* мог означать и цвет (например, меловую или мергельную гору), и поселение, свободное от налогов, и направление на запад, и кличку первопоселенца-блондина и др. Изъятый из живой речи и «привязанный» современным алфавитом к месту в списке, одинокий топоним теряет связь с языком народа и региона, с системами, в которых он формировался, а это значительно затрудняет его истолкование.

Именно это случилось с исследованием топонима *Брянск*. Он известен в пяти летописных сводах – Воскресенском, Ипатьевском, Лаврентьевском, Московском, Троицком. В старейшем из них по году упоминания города (1146) Ипатьевском своде (год составления – 1425) он назван *Бранск*, в старейшем по году составления (1377) Лаврентьевском своде – в форме *Брянск* (упоминание под 1285 г.) [Пасекунов Е.С., 1973, с. 92-104]. Однако резко преобладающей среди двух

десятков летописных упоминаний являются формы с начальным *Дь-* или *Де-*, превращающие название города в некий *Дебрянск*, как будто производный от топоосновы *дебрь*. Топонимисты замкнулись в круге этих летописных терминов и хоть отчасти созвучных им топонимов («тёзок») земли Русской (и даже нерусской), не делая попыток рассмотреть ойконим Брянск, как элемент какой-то топонимической системы.

Форма *Дебрянск* внешне выглядит очень убедительной. Её признают исходной такие исследователи, как М.Фасмер, Г.П.Смолицкая, Е.М.Поспелов, В.П.Нерознак, Р.С.Роганова и др. [Нерознак, 1983, с.28-29; Поспелов, 2002, С.81; Роганова, 1986, с.114-118; Смолицкая, 2002, с.41-42; Фасмер, 1964, т.1, с.225]. Элемент местности, отвечающий ономатооснове *дебрь*, действительно существует. Брянск (именно крепость, город, а не поселение городского типа на Чашином кургане) возник на правом берегу Десны против впадения в неё р.Снежень – на мысу между двумя залесёнными оврагами Верхний и Нижний Судок, а такие овраги в старорусском языке и назывались *дебрями*. «Начальное *дь-*, *де-*, – пишет Нерознак, – было утрачено в результате анлаут-ной ассимиляции и невозможности сочетания двух звонких взрывных в начале слова в русском языке» [Нерознак, 1983, с.29]. Но ведь слово *дебрь* живёт и ничего не теря- ет!(1) Да и в современной Брянщине слово *Дебрянск*, как дань древности, широко в ходу и произносится без утрат и затруднений. Увы, таковыми бывают обоснования авторитетных мнений.

Н.Е.Ющенко обратил внимание, что в топониме, производном от ономатоосновы *дебрь*, ударение падало бы на первый слог (*Дебрянск*), что как раз и помешало бы его утрате; и пришёл к выводу, что форма *Дебрянск* – искусственная, *псевдотопоним*, слово, возникшее под пером сводчика летописей, которые, как известно, писались без разбивки текста на слова [Ющенко, 2004, с.295-298]. Отметим, однако, что в современном, *ретроградном использовании* слова *Дебрянск* на Брянщине ударение переносится на второй слог именно для того, чтобы подчеркнуть древность родного города, но этот вариант, возникший в конце XX в., не должен учитываться при исследовании периода возникновения топонима.

Широкое распространение формы *Дебрянск* в летописях требует объяснения. Простая орфографическая ошибка летописцев, совершаемая на протяжении четырёх веков одновременно в разных городах в четырёх сводах, очень маловероятна. Если бы ещё речь шла об исчезнувшем добатьевом городе, а ведь во время создания летописных сводов Брянск существовал, хотя и в составе другого государства. Нельзя согласиться с Ющенко в его желании вообще «убить» ономатооснову *дебрь*, для чего он привлекает характеристику релье-

фа всего Брянского ополья, которое не очень-то *дебристо* [Ющенко, 2004, с.296]. С такой оценкой Брянского ополья согласиться можно, но ведь ойконимы отражают (если отражают) местные, а не региональные особенности рельефа.

На самой территории Брянска имеется уникальный признак для возникновения названия города – это «крепость меж двух *дебрей*». Видимо, «дебристость» окрестностей Брянска была известна летописцам в XII в. Не просто механическая описка (хотя именно она могла положить начало ошибке), а именно этот признак стимулировал возникновение и довольно широкое распространение псевдотопонима *Дебрянск*. В этом смысле *Дебрянск* не «псевдотопоним», а *ложный топоним*. Образован он правильно, но в действительности в Брянске и его округе населением не употреблялся. Его бытование в летописях Московского царства стало возможно вследствие малой посещаемости, недостаточной известности Брянска на Руси, видимо, из-за подчинения его в эпоху составления летописных сводов Литве. (Этот фактор почему-то совершенно не учитывается топонимистами). Если же полностью отказаться от ономатоосновы *дебрь* и связать возникновение формы *Дебрянск* только со слабой «дебристостью» ополья, мы потеряем возможность простого объяснения живучести этого ложного топонима. (2)

Итак, вероятно, город изначально и назывался *Брянск*, но что бы это значило? Есть звукоподражательные «версии», выводящие топоним из слов «бряк» и «бренчать». *Бряк* – это звук падения вериг (!) некоего странствующего отшельника (?), чудесным образом свалившихся (?) с него в момент причаливания к берегу в районе будущего Брянска. Если принимать за дату основания Брянска 985 г., то получается, что этот визит отшельника произошёл до крещения Руси и появления самих христианских отшельников. Из какой же страны он прибыл? Зачем? Кто подслушал этот *бряк* и донёс до потомков? В другом варианте *бренчали*, оказывается, топоры, которыми строили деревянную брянскую крепость. Это тоже «народная топонимика», ничего общего не имеющая ни с наукой, ни с действительностью. Русскоязычные топонимы не образуются из звукоподражаний, фраз, восклицаний. Более того, слово «Брянск» лингвистически невозможно вывести из бряканья и бренчания. Обе версии, особенно вторая, откровенно попирают основной закон топонимики – непременно единичность (уникальность) признака, чьё название получает статус топонима, в сфере его бытования; а для крепости на судоходной реке эта сфера очерчивается радиусом не менее 300 вёрст (но обрезается госграницами). Назовите хотя бы один населённый пункт (не обязательно город) поры основания Брянска, в котором ежедневно не бренчали бы тогда топоры. Крепости, подобные Белгороду, Короче,

Брянску, Карачеву строились нашими предками в среднем за два месяца [Загоровский, 1969, с.44]. Чем же так особенно «топорист» был Брянск? На это ответа у топонимистов нет. В серьёзной литературе эти и подобные им версии должны быть раз и навсегда отброшены.

Прозаик Иван Абрамов, долго фантазирувавший на темы антов, заявил, что топоним Брянск произошёл из *Добрянска*, но слово это означало-де тогда не *добро*, а... *зло* (лукавого, отца зла). Почему? Тайну эту Иван Васильевич унёс с собою. Во времена основания Брянска никаких антов здесь не было. Разумеется, эти лингво-исторические упражнения Абрамова голословны.

Объяснение ойконима от ономатоосновы *брань* [*Бранск*] также не подходит: судьба (а точнее, географическое расположение) Брянск хранила, и за всю его историю не было здесь никаких широко памятных стране браней, баталий. В.Н.Татищев выступил с догадкой, что Брянск первоначально назывался «*Брынъ*», но это не подтверждается летописями. Топоним Брынъ действительно существует как название реки, деревушки на ней и глухих лесов в б. Жиздринском уезде Калужской губернии. Никаких связей этой Брыни с Брянском в истории не отмечается; само слово *брынъ* не истолковано. [Роганова, 1986, с.114-118].

Обилие топонимических фантазий на заданную тему объясняется, прежде всего, непонятностью слова *Брянск*. Не помогают здесь и излюбленные приёмы топонимистов – вывести ойконим из гидронима или сослаться на имя личное. Реки в Брянской округе – *Десна*, *Болва* и *Снежеть*, а не Бряна и даже не Брынъ. Нет в наших летописях имени *Брян*. Если даже сам *Брянск* на многие десятилетия и даже столетия исчезал из поля зрения летописцев, то ни о каком знаменитом «*Бряне*» говорить не приходится. Н.М.Тупиков нашёл фамилию *Брянов*, но лишь под 1666 г. [Тупиков, 2004, с.490], возможно, уже вторичную; С.Б.Веселовский вообще *Бряна* не упоминает [Веселовский, 1974]. Поиски созвучий также ничего не дают. Есть по стране десяток *Брянок* или *Брянских*, *Брянцевых*. Большинство из них заведомо моложе древнего Брянска и как-то может быть связано с городом, с выходцами из Брянска. С.Б.Веселовский отмечает фамилию *Брянцевы* с 1475 г., Н.М.Тупиков и того позже – с 1493 г. [Веселовский, 1974, с.51; Тупиков, 2004, с.490]. Другие названия, возможно, происходят от того же ненайденного пока корня, от которого произошло имя областного центра. Проследить этимологию этих «*Брянок*» ещё сложнее, чем города Брянска, и самое главное – что же, всё-таки, значит сам корень *брян-*? Если «*дебрь*» не подходит, тогда что? *Нельзя понять происхождение топонима, если ты совершенно не понимаешь значения его ономатоосновы.*

Оказывается, среди созвучных *Брянску* названий в Российской империи было не просто похожее, но идентичное, т.е. существовало два города Брянска. Вот словарное описание второго Брянска. «*Брянск — заштатный город Гродненской губ., Бельского уезда, в 24 верстах от уездного, 126 вёрст от губернского города, на правом берегу р.Нурца, притока Зап. Буга. Это одно из наиболее древних русских поселений в СЗ крае, но время основания его с достоверностью неизвестно. После разорения в 1241 году татарами Б. подпал под власть князей литовских*». Далее излагается непростая история Брянска-на-Нурце. (3) Он получал и Магдебургское право (у Брянска-на-Десне его не было), и находился в частном владении (как Почеп в Стародубье). Его разорили шведы (как Мглин), он побывал под властью Литвы, Польши, Пруссии, а с 1795 г. – Российской империи. В 1809 г. Брянск переведён из состава польских земель в белорусскую Гродненскую губернию, но обращен в заштатный город (вроде Нового Места в дореволюционном Новозыбковском уезде). В 1889 г. в Брянске-на-Нурце числилось всего 630 домов и 2834 жителя. Энциклопедия не указывает национальный состав жителей Брянска, но сообщает, что в нём была православная церковь, костёл и две синагоги [Брокгауз и Ефрон, т. 8, С.819]. С момента основания по 1241 г., и с 1809 по 1918 г. этот Брянск был русским городом. С сентября 1939 по июнь 1941 г. он принадлежал СССР, а затем в составе древнерусского по происхождению Белостокского воеводства был «подарен» советским руководством полякам из Люблинского национального комитета.

Топонимистам это описание известно, но в большинстве случаев ими игнорируется. Нерознак об этом древнерусском городе не упоминает [Нерознак, 1983]. Я.Д.Соколов, отличающийся особой тщательностью в поисках созвучных топонимов, о *Брянске-на-Нурце* вспомнил, описал его в предпоследнем абзаце семистраничного рассмотрения топонима, но никакого вывода не сделал [Соколов, 2000, С.74]. Между двумя этими *Брянсками* – 750 вёрст по прямой через болота. Никаких связей между ними в древности не было, а ойконим один и в обоих случаях – домонгольский, при этом для *Брянска-на-Нурце* – изначально и до сего дня в форме *Брянск*. Никаких вериг, топоров, Брыней, Добровок (они же Зяны), воевод Бряннов в западном Брянске не было; про тамошние дебри, нерасчленённые ополья тоже ничего не слышно, а топоним один! Значит и название *Брянска-на-Десне* с вышеупомянутым набором лексических догадок, действительно, не связано; и все вариации названия *Брянска-на-Десне* – суть его искажения, ложные топонимы, а первоначальное его звучание, как и показал Н.Е.Ющенко, – **БРЯНСК!**

Попробуем применить к исследованию приём научной топонимики – выделить пласт, семью или, хотя бы, пару топонимов, к кото-

рой принадлежат оба *Брянска*. В современной Брянщине есть речушка *Брянка*, д.*Брянновка* (Почепский р-н), с.*Брянново* (ныне Аннино; Трубчевский р-н), с.*Брянновы* Кустичи (Унечский р-н), но происхождение этих названий также непонятно. Предположение А.М.Лазаревского о том, что Брянновы Кустичи поселены не позже первой пол. XVII в. и могли быть основаны выходцами из Брянска [Лазаревский, 1888, в.1, с.170], нереально: других примеров переселения православных из Московии под иго польских униатов в это время (т.е. до войны Хмельницкого) нет. Отметим, что в 15 км к востоку от Брянновых Кустич (ныне чаще *Брянкустичи*) расположено с.*Кустичи Волокитины* (ныне чаще *Волкустичи*). К флирту это название отношения не имеет. «Волокита» или «волочай» во времена Запорожской Сечи – авантюрист, который в одиночку или в паре с другим сорвиголовой курсировал на паре коней («волочился») по степным балкам Дикого Поля и убивал таких же башибузуков из числа крымских татар или буджаков. Если волоките удавалось дожить до зрелых лет и он терял остроту глаза и резвость, он просил дать ему участок земли для поселения. Так, видимо, были поселены Кустичи Волокитины, а к западу от них – Кустичи Брянновы, но речь должна идти всё же о второй пол. XVII в., после образования Стародубского полка гетманского подчинения.

Ойконимов времени основания Брянска в округе немного: *Вициж*, *Карачев*, *Трубчевск*. Название Трубчевска понятно, но нам оно не поможет; название Вицижа само требует объяснения (*Въциж?* *Вециж?* *Вечиж?* Место, где собиралось вече?). Остаётся один Карачев. С Брянском он связан одновременностью первого летописного упоминания и рекой Снежетью: Карачев – в её истоке, на востоке; Брянск – при устье, на западе. Но это название не менее, пожалуй, даже более таинственно, чем *Брянск*. Я.Д.Соколов тщательно собрал все известные варианты толкования этого ойконима [Соколов, 2000, с.118-120]: от личного имени *Корач* (тюркское) или *Корочун* (русское); от древнерусского слова *карачун* (бог смерти у восточных славян в эпоху язычества; кончина конкретного человека; самый кроткий день года); от тюркского слова *кара* (чёрный, злой).

Т.Н.Никольская связывает Карачев с именем *Корач*, Смолицкая – с тем же именем или прозвищем человека, производным от слова *кара*; Соколов ни на одном из найденных им вариантов не останавливается, а Нерознак забывает и этот древнерусский город.

Название Карачева появилось в летописях в 1146 г. и сразу в форме *Ко(а)рачев*. На Брянщине имеются топонимы *Чемлыж*, *Смелыж*, *Вициж* и *Карачиж*, что говорит о продуктивности форманта *-и(ы)ж*. В таком случае топооснова *карач-*, а не *кара-*. В «Обратном словаре русского языка» [1974, с.116], содержащем 125 тыс. слов (со-

временных), имеется единственное слово на *-чев* – *царевичев*, в котором *-ч-* принадлежит основе («царевич»), что по аналогии предполагает форму топоосновы также *карач-*, а не *кара-*. Слово (и имя) *корач* пришло к нам из татарского языка. Так называлась высшая должность у казанских и крымских татар – советник хана. Но ведь татары появились в пределах Руси на 90 лет позже упоминания Корачева! Если же это имя было и у половцев, остаётся непонятным, почему бы новопостроенная в глубине русских земель (лесов), куда половцы не заходили, крепость могла получить это название в 1146 году. Прозвище *Карач* встречается только с 1595 г., фамилия *Карачев*, *Корачев*, *Кораченко* – с 1519 г. [Тупиков, 2004, с.174, 566, 587] – всё в послебатарыевы времена.

Древнерусского имени *Корочун* Н.М.Тупиков не отметил; коротышек у нас называли *Коротай*, *Коротень*, *Короткой*, *Коротыга*. В качестве ономатоосновы грамматически могло бы подойти слово *карачун*, но день зимнего солнцеворота присущ всему северному полушарию, а не одному Карачеву. Предки это знали и основной закон топонимики не нарушали. Вместо факта смерти конкретного человека (не отражённой в летописях), новой крепости скорее присвоили бы его имя. Имена злых духов (*Карачун* – не бог, а злой дух) в Брянском крае, действительно, становились топонимами, но названиями урочищ, ручьёв и деревень [Петров, 2007], а не княжеских городов-крепостей, что противоречило бы официально исповедуемому христианству. Таким образом, имена и прозвища вряд ли могли быть ономатоосновой топонима *Карачев*.

Из перечисленных Я.Д.Соколовым основ остаётся лишь *кара* – *злой, чёрный*. Известно, что татаро-монголы прозвали Козельск *Злым городом*, но назвать собственную крепость «злым городом» да ещё на языке вероятного противника – такое трудно представить (ср. названия казачьих станиц на Черноморско-Кавказской линии: самое грозное из них – крепость *Грозная*, сохраняющееся до сих пор). Остаётся значение *кара* – *чёрный*.

Топонимистам давно известно о существовании в древности обозначения стран света названиями цветов, однако вопрос этот глубоко не разработан. Причин здесь несколько. Слово *Чёрная* (падь, речка, деревня, крепость и др.), стоящее в топонимическом словаре между *Челновая*, *Черкасское*, *Чёрная*, *Чертовицы*, *Чисть* и др., воспринимается как одно из них, как рядовой топоним. Но для средневековья, особенно раннего и среднего, это абсолютно не так. Страны света – это часть сакральных космогонических представлений предков, а их обозначение теснейшим образом связано с их мировоззрением, миропониманием. Это было настолько же важно для древних, как представление о том, куда головой располагать труп при погребении.

бении, ингумировать его или кремировать и т.п. Цветовые обозначения возникают у разных народов на определённом этапе и исчезают, становясь непонятными даже потомкам того же народа. У разных народностей существовало несколько систем цветового обозначения стран света, и там, где происходило массовое переселение народов, топонимы, возникшие из этих систем, могут наслаиваться друг на друга, путая исследователя.

Примеров тому множество. Так, в одном из топонимических словарей читаем, что *Чёрное море* потому чёрное, что оно расположено... севернее Месопотамии [Поспелов, 2002, С.7]. Но севернее Месопотамии находится не Чёрное море, а Кавказ и часть Каспия. Название Чёрное море (*Kara-Dengis*) взамен *Русское море* ввели в XVI в. турки, а Месопотамия населена арабами. Турки же называли Средиземное море *Белым* (*Ak-Dengis*). В другом месте читаем: «Предполагают, что согласно древней традиции в некоторых странах Востока однотипные объекты, расположенные к северу, именовались **чёрными**, а к югу **белыми**» [Суперанская, 1985, с.51]. Может быть, но у тюрков такой традиции не было, да и говорим мы о топонимах России. Что значит «однотипные объекты»? Следовательно, Русское и Каспийское моря оба должны были называться Чёрными, они же однотипны и расположены к северу? А как быть тогда с *Красным* морем (турки по нему тоже плавали), которое, согласно ещё одной древней традиции, называется так, потому что оно южное?

В пределах статьи невозможно разобрать все эти системы и их соотношения. Для наших задач достаточно понимания того, что у восточных славян, длительно и тесно соприкасающихся с ними на Восточно-Европейской равнине тюрков и финно-угорских народов выработалась единая система цветового обозначения стран света. Обращаясь к русскому царю, тюрко-язычные народы называли его *Белый Царь*, что значит *Западный Государь*, потому что для обозначения запада у них применялся термин *ак* (*белый*), а востока, соответственно, *чёрный* (*кара*). Что касается названий Черного и Средиземного морей, то и там эта система турками не нарушена: *Kara-Dengis* находится к *востоку* от султанской столицы Истанбула, где сидели турецкие учёные люди и адмиралы, а *Ak-Dengis* почти на три тысячи вёрст протянулось от неё к *западу*. Вот этот вопрос – откуда смотреть? – и путает многих исследователей. Г.П.Смолицкая пишет: «...о направлении можно говорить только по отношению к реке, а не к населённому пункту» [Смолицкая, 2002, с.28]. Почему же так узко? Ведь постоянно говорят о направлении от одного населённого пункта (или иного объекта) к другому или о направлении от одного пункта по отношению к отдалённому административному центру или даже к воображаемому центру чем-то очерченных (например, границами княжест-

ва) земель. *Клиницы* – не река, но каждый в *Брянске* скажет, что этот *город* находится на юго-западе.

Наиболее часто цветовые определения даются рекам, при этом резко преобладают *черные* и *белые* реки, а другие цветные топонимы (*жёлтый, красный, синий*) встречаются только в южной части равнины. Но и у чёрно-белых нет равенства: *чёрных* рек в два с лишним раза больше, чем *белых* [Суперанская, 1985, с.53]. К сожалению, статистики по чёрно-белым ойконимам нет. Следует заметить, что страны света (восток, юг, запад, север) в мировосприятии человека неравнозначны. Чтобы ориентироваться на местности, достаточно найти одну страну света – восток. Сам термин «ориентировка» происходит от латинского *oriens* – *восток* (*чёрный* или *кара*). По одной этой причине *чёрных* топонимов должно быть больше, чем *белых*, но эти цветовые определения употребляются ещё и в других значениях. *Чёрными*, например, называются реки с темноватой водой, текущие из торфяных болот, а в Восточной Сибири – незамерзающие зимой [Мельхеев, 1969, с.71]; *белыми* – с белопесчаными, белоглинистыми и даже просто заросшими черёмухой берегами и т.п. Похожие названия в позднее время могли быть произведены и от личных имён (например, г.*Белово* в Кемеровской обл. – по фамилии первопоселенца Фёдора Белова) [Города России, 1994, с.43]. Тюркский корень *кара*- был тогда общераспространённым и понятным. Далеко не все топонимы, производные от этого корня, даны самими тюрками, многие и русскими людьми.

Отметим также изменение лексического фонда русского языка во времени. У чукчей существует около двух десятков терминов, описывающих поверхность снега, и это понятно: для аборигена севера это повседневная жизнь, а иногда и вопрос о жизни и смерти. У древнерусского населения существовали также многочисленные термины для описания, например, разновидностей болот, родников, лесов, сельских населённых пунктов и т.д., сведённые ныне к 1-2 наименованиям. Такое же разнообразие терминов предполагается для различения цветов. Это нужно иметь в виду, потому что для обозначения стран света предки могли употреблять не только основные термины, но и близкие к ним слова, их прежние синонимы. К сожалению, словари древнерусского языка составляются, в основном, по официальным документам и не включают всё былое богатство народной речи. Но здесь нам важна не теория (так, по проблеме названия рек существует множество различных взглядов), а необходимость подчеркнуть, что русско-тюркская система цветового обозначения востока и запада существовала и распространялась на Брянщину, Черниговщину, Белоруссию, Центральные районы и т.д. Она отмерла лишь на рубеже XVII-XVIII вв. в связи с огромными изменениями, произошед-

шими в общественной жизни и сознании русского человека, и уже в XIX в. стала полностью непонятна населению.

Происхождение названия *Карачев* трудно понять. Если *Кара* здесь значит *чёрный* или *восточный*, то что такое *-чев*? Принадлежащий, относящийся к востоку? Нам вспоминается с. *Карачарово*, находившееся к востоку от Москвы (ныне в её черте) и одноимённое село – родина Ильи Муромца. В их названии к *кара-* присоединён некий *-чар*. К востоку от *Белоозера* Вологодской обл., название которого – перевод вепсского *Uouged* – *Белый*, есть небольшое *Чар-озеро*. К сожалению, этимология слов *Чарозеро*, *Чаронда*, *Чаромское* остаётся неизвестной [Чайкина, 1993, с.382]. Видимо, значение слова *чар* нужно искать в угро-финских языках. В современном чувашском языке одно из значений слова *чар* – останавливать, задерживать, загораживать, преграждать путь. Не значит ли Карачарово – *Восточная застава*? Не потому ли с Ильёй Муромцем ассоциируется понятие *Богатырская застава*? В таком случае слово *Карачев* могло означать *Восточная застава*.

Перебирая возможные варианты «чёрных» названий, Я.Д.Соколов приводит и г. *Корочу* Белгородской обл.: «*Построен он в 1648 году на реке Короче, вначале называвшейся Красным городом, а затем по реке*» [Соколов, 2000, с.120]. Вероятная описка (река называлась городом) задержала внимание на цветах: *чёрный* (Короча), *красный* (первоначальное название этой крепостицы), *белый* (Белгород). Корочанская крепость основана на Белгородской оборонительной черте – инженерно оборудованной границе, сооружённой в 1635-1658 гг. по примеру Тульских засек. Белгородская черта шла от р.Ворсклы через нынешнюю Белгородскую обл. на северо-восток – до Симбирской оборонительной линии. *Белгород*, главный город черты, был построен ещё в 1593 г. на древнем Белгородском городище, расположенном у р.Северский Донец на белой меловой горе [Кузнецов, Новоспаский, 1974, с.118-125]. Белгород играл очень важную роль. Одно время в XVIII в. он был центром огромной провинции, в которую входили Брянск и Карачев.

Название *Белгород* очень распространено (у Нерознака упоминается шесть русских Белгородов). Встречаются Белгороды и в других славянских странах. «*Название Белгород, – пишет Нерознак, – происходит от праслав. *belъgordъ. Существует три возможности его объяснения. Согласно одному из них (П.Скок) отмечается связь названия с водой, поскольку все населённые пункты с названием *be1ъ gorda локализируются у воды. Другая версия указывает на возможность объяснения первого элемента be1ъ в фольклорном значении «белый», «прекрасный». И, наконец, в третьем истолковании слово белый наделяется цветовым или пространственным значением*

(слово *белый* могло обозначать также «западный» [со ссылкой на ЭССЯ, в. 2, с.78-79]. Второй элемент *городь* происходит от праслав. *gordsъ, см. ниже, *Городок, Городец*. Более вероятными представляются последние два объяснения, которые могут рассматриваться как достоверные. Таким образом, название *Белгород* толкуется как «*белый, прекрасный город*» [Нерознак, 1983, С.35].

Оно и верно – кто же строит города не у воды? Даже Чёрные города и те у воды построены. Именно вода создаёт те формы рельефа, которые используются как естественные преграды при строительстве крепостей, и часто сама является препятствием для неприятеля. А вот с питьевым водоснабжением крепости в Белгороде была проблема – пришлось пробить в мелах потайной ход-штольню к реке [Кузнецов, Новоспаский, 1974, с.121]. Очень сомнительно, чтобы интересующий нас Белгород был красивым, – когда смерть ежедневно стоит у ворот, не до красоты. Не был он и белым, хотя именно этот признак выбирает Смолицкая [Смолицкая, 2002, с.28]. Укрепление состояло из шестиметровых дубовых брёвен толщиной 22-26 см, на два метра зарытых в землю. Прочность стен не играла особенной роли, потому что лёгкая крымско-татарская конница осадой крепостей не занималась. Не был Белгород и «прекрасным городом», потому что «красным городом» была Короча!

Е.М.Поспелов предлагает такое толкование: «*Определение белый связано с реальным цветом грунта местности: город находится в центре Мелового Юго-Запада, частично занимает высокую меловую гору, где во второй половине XIX в. ежегодно добывалось свыше тысячи тонн мела*» [Поспелов, 2002, с.72]. Ничто тут не соответствует действительности. Грунт на Белгородчине, хотя она и названа авторским термином «Меловой Юго-Запад», как везде в тех краях, – чернозёмный; незначительная, по сути, добыча мела в конце XIX в. никакого отношения к наименованию города в конце XVI в. не имеет, меловой горы Белгород давно не занимает. Построенный изначально на старом Белгородском городище, на меловой горе, он вскоре был разрушен и восстановлен очень низко, в долине Северского Донца, уже на левом его берегу; а когда к этому месту подошёл оборонительный вал, перенесён ещё раз, на правый берег Донца – при впадении речки Везелки. Никаких белых грунтов в этих местах и в помине нет, однако, Белгород, названный когда-то просто по древнему городищу, своё название сохранял. И это вопрос не праздный. Название Красного города, данное воеводами, народ изменил. Более того, название Царёв-Алексеев не постеснялся изменить, стал называть Новый Оскол.

Причина, видимо, в том, что название *Белгород* имело ещё какое-то значение, кроме напоминания о древнем городище. В таком

случае следует обратить внимание на «пространственное значение» термина – *западный*. Белгород действительно стал западным городом по отношению к строившимся в то время крепостям на Белгородской черте, прежде всего, по отношению к Короче (строительство западного участка черты велось в последнюю очередь, когда названия крепостей уже устоялись) [Загоровский, 1969].

Короча основана в 1638 г. (у Соколова описка в дате) *к востоку* от Белгорода (уже сошедшего с меловой горы), у слияния двух направлений крымско-татарских набегов – Муравского и Изюмского шляхов [Города России, с.209]. Очень быстро народ переименовал официальное название Красный город на *Ка(о)роча*. Территория к востоку от Белгорода до будущей Корочи начала заселяться уже в начале XVII в. В 1620-е гг. в Белгородском уезде жило до 14 тыс. русских людей [Загоровский, 1969, с.30, 123]. Они и давали названия местным объектам. Название р.*Карочи* лишь производно от тюркского корня, но прошло типично русскую обработку: у Карочи появился «друг сердечный» – р.*Корень*. Звучание топонимов в этой «семейной паре» взаимоувязано: связавшись с Корнем, она стала *Короча*. Смоленская считает, что переименование произошло по реке, толкование которой, хотя и с оговорками, она допускает от *кара* – чёрный [Смолицкая, 2002, с.166]. Ономатооснова *кара*, превратившаяся здесь в *коро-*, означает *чёрный* с «пространственным значением» восточным - восточный – по отношению к Белгороду. Образовалась новая пространственная пара западный-восточный. Крепость Нежегольская построена между Белгородом и Корочей гораздо позже (1654), когда названия уже устоялись, причем значительно выдвинута к югу.

Топонимические пары *белый, западный - чёрный, карачей, восточный* были достаточно распространены в русской и тюркской топонимике в средневековье. Видимо, такие пары названий образуются близко по времени, но в то же время нельзя считать это правило строго обязательным.

Рассмотрим некоторые примеры топонимических пар *белый - чёрный* на Русской равнине. Вот, например, г.*Белев*, ровесник Брянска и Карачева (впервые упомянут в летописи под 1147 г.) [Города России, 1994, с.41-42]. Позже он стал крепостицей на Тульской засечной черте. Смоленская считает его название необъяснённым и допускает, что «здесь, в окском левобережье, в приграничных районах с Черноземьем, светло-серый цвет подзолистой («белёвой») – Б.П.) земли может стать характерным отличительным признаком, давшим основу названию» [Смолицкая, 2002, с.29]. Эту версию следует исключить: Белев – город в ареале вятичей, а для них в подзоле нет ничего удивительного, скорее уж – в чернозёме. Да и где ещё примеры названия крепости (а не деревни) по почве? Автор побывал в Белёве, но ника-

ких уникальных белей, которые могли бы получить статус топонима, не видел. Можно ли придумать какую-то иную белую ономатооснову для названия *Белев*, не знаю, но в 60 км к востоку от него, на той же засечной черте имеется городишко *Чернь* на речушке того же названия. По Смолицкой, берега и дно (!) у этой речки – чёрного цвета, отсюда гидроним, а от него – ойконим «Чернь» [Смолицкая, 2002, с.381-382]. (4) *Чернь* и *Белёв*, несомненно, образуют западно-восточную топонимическую пару, хотя история её формирования пока неясна. Кстати, для сооружения Белгородской черты и службы на ней набирались люди в Тульских засеках. Близ Белгорода имеется с.Болховец, бывшая крепость, название которой дано болховчанами. Здесь же, несомненно, были люди из Белёва и Черни. Это они несли сюда традиционное использование цвета для обозначения направлений по странам света, формирование топонимических пар (в т.ч. «семейных пар» гидронимов). Они хорошо понимали многозначность слов. *Белый* для них был и «западный», и «обельный» (освобождённый от податей): близ Белгорода есть, например, бывшая слобода *Беломестная* – там селились освобождённые от податей поселенцы. А вот посёлки *Чёрная* и *Белая Холуница* (Белохолуницкий) в Кировской обл., на одноимённых реках. «Холуница», по Смолицкой, – речка с наносами, хламом [Смолицкая, 2002, с.374]. Как и следовало ожидать, Чёрная Холуница располагается к востоку от Белой, в 50 километрах.

Как говорилось выше, в топонимике возможно использование «цветового» обозначения страны света и без наличия пары. При этом расположение называемого объекта мыслится относительно некоторого центра. Вот г.*Белый* на западе Тверской области. Он моложе Брянска (впервые упомянут под 1359 г.), и в том же столетии был захвачен Литвою, близ рубежа с которой он находился. Это был самый *западный* русский городок по отношению к Твери. Видимо, его название и означает *Западный* – непосредственно по отношению к центру княжества – Твери, без «чёрной» пары, которую обнаружить не удалось. Летописный киевский пригород *Белгород* (ныне с.Белгородка) находился в 20 км к западу от Киева на р.Ирпень (*Белгород-на-Ирпене*). Он – *белый, западный* он по отношению к Киеву, без образования пары. Также без пары может употребляться топоним, означающий запад – *кара, чёрный* или его синоним – *вороной*.

Сколько копий сломано о название города *Чернигов*! Сочинили личное имя Чернигъ, не отмеченное в документах; придумали князя Чёрного и княжну Черну, даже писали романы о них! А С.Роспанд предложил «незасвидетельствованный апеллятив» *чернига* – со значением «чернозём» (как будто на 300 вёрст к западу, востоку и югу от Чернигова чернозёма нет и только в Чернигове его можно посмотреть – уникальная отличительная черта этого топообъекта!) [Нерознак,

1983, С.185-186; Поспелов, 2002, С.280 и др.]. Ларчик открывается несколько проще и без нарушения основного закона топонимики. Константин Багрянородный среди других городов на пути из Варяг в Греки также называет этот город. Но ведь Чернигов, стоящий на Десне, не лежит на этом известном пути! Это как посмотреть. В Чернигов прибывали товары с верхней Десны и Сейма, т.е. с огромного сектора от Булгара до Дербента съезжались купцы, которые стремились не в Киев, а на Балтику. Из Чернигова их доставляли по более полноводной тогда речушке Белоус и волоком на 30 вёрст на запад – в знаменитый торговый г.Любеч, стоящий на Днепре. По отношению к Днепру и Любечу Чернигов – восточный, т.е. *Чёрный* [Шекун, 1990; Шекун, Веремейчик, 1988 и др.]. Аналогичное значение для торговли имел Пироговский брод через Десну ниже Новгорода-Северского, неоднократно упоминаемый в истории. Через этот брод также на Балтику (через Могилёв) шли сухопутные караваны из Булгара и Гочева. С востока этот брод прикрывал городок *Воронеж*, что тоже значит *Чёрный, Восточный* (для его этимологии также сочиняли незафиксированное имя *Воронег*). Увы, через этот брод ходили и армии; Владимир Мономах как-то поймал там половецкого князя Асадука, разорившего Стародубье. Можно принять гипотезу о перенесении переселенцами топонима *Воронеж* в Подонье [Загоровский, 1971], но нельзя забывать, что Воронеж Придонский (*Вантит* арабских источников) – самый восточный (*чёрный, вороной*) опорный пункт Руси на сухопутном пути из Киева в Булгар [Рыбаков, 1969].

Вот один из результатов отказа от признания цветового принципа в обозначении стран света: «*Смысл названия* (Белоруссия – Б.П.) *остаётся неясным; наиболее вероятное предположение связывает определение белая с какими-то социальными признаками: вероисповедание, язык, правовое положение*» [Поспелов, 2002, с.72]. А ведь совсем недавно *Белоруссия* называлась *Западным* краем – по отношению к Руси в целом. Объяснение *Западная Русь* ясно и просто, не нужно переводить всех белорусов в блондины или видеть в их льняной сельской одежде (в Литве и на Руси – такая же) отличительный признак.

А теперь вернёмся к белорусскому городу *Брянск-на-Нурце*. Находится он в *Бельском* уезде *Белостокского* воеводства – целый заповедник бело-западных названий, обозначающих крайние *западные* земли или поселения Руси. *Брянск-на-Нурце* – самое *западное* из русских поселений в Подляшье, напоминающее по своему положению г.Белый (Западный) в Тверском княжестве, но по отношению ко всей Русской земле. Не значит ли топоним *Брянск-на-Десне* тоже *западный* – по отношению к *Карачеву*, восточному городу (заставе) на р.Снежень?

Обратимся к словарю Фасмера. *Брянск* он, конечно, производит от «дебрь» [Фасмер, 1964, т. I, С. 225], но приводит интересный этимологический фактмат. На слово «*бронный*» он даёт толкования: «белый, светлый», русск.-цслав. – *бронь* «белый», др.-чеш. Ёгопу «белый», чеш. Ёгйпа «белая лошадь». В некоторых др. языках, например, польском, Ёгопу имеет значение «гнедой», в т.ч. в д.-в.-н. Ёгип – «*блестящий, коричневый*» [Фасмер, 1964, т. I, с. 217]. Вероятно, предполагает Фасмер, это слово родственно др.-инд. Ёгадhnas «рыжеватый», «буланый», и трудно решить, какому из объяснений отдать предпочтение. Есть и другие слова, например, брунеть – сверкать белизной [Фасмер, 1964, т. I, с. 220]. Немецкому учёному действительно сложно сделать выбор, а русскому наследнику церковно-славянского языка он трудности не представляет: *бронь, бронный, брунный* – это *белый, светлый*, иногда – *блестящий, сверкающий*. В топонимике эта основа может давать слова, обозначающие *западный*, и образовывать топонимические пары. Именно от этой основы возник топоним *Брянск – Западная Застава* или просто *Западный*. Вспомнив древнерусские термины белизны, критически рассмотрим остальные гипотезы происхождения топонима *Брянск*.

Есть, по крайней мере, одно очень широко известное русское дохристианское имя, произведённое от той же основы, что и *Брянск* – Михаил *Бренок*, воевода Большого полка русских войск в Куликовской битве, погибший на первом этапе сражения. *Бренок* (он же *Бренко*) – это не фамилия, а второе, нецерковное имя со значением *Блестящий, Сверкающий*. (Точно также *Пересве* – не фамилия, а мирское имя богатыря-схимника, означающее примерно то же – *Яркий, Светящий*; как видим, оба оправдали свои имена). Имя *Бренок* было, видимо, редкостным настолько, что практически не зафиксировано Н.М.Тупиковым. В его словаре, кроме Михаила *Бренка*, отмечен лишь *Брен, Бренько* – землевладелец в Кирилло-Белозёрском уезде в 1448-1468 гг. Существовало и имя *Брян*, также очень редкое, известное лишь по отчеству XVII в. [Тупиков, 2004, с. 64, 488, 490]. Эти имена имеют ту же основу, что и топоним *Брянск*, но поскольку летописи не отмечают во времена основания крепости *Брянск* каких-либо носителей этих имён, связывать его возникновение с личным именем нельзя.

Наконец, о *Брыни*. Это речка, текущая в глухих и сегодня лесах на юго-западе Калужской области. На ней имеются два села того же названия и остановочный пункт жел. дороги «*Брынь*» в Сухиничском и Думиничском р-нах. Кроме того, в Сухиничском р-не имеется пос. *Брыщы*. Известность этому топониму из очень глухого края дало сочинение св.Димитрия Ростовского, написанное в 1709 г., – «Розыск о

раскольничей брынской вере». Сочинение это полемически-компилятивное, сам св.Димитрий по раскольничьим скитам не ездил. Крайне низкая степень осведомлённости о расколе (как в начале XVIII, так и в начале XXI в.) привела к тому, что термин «брынская вера» стал восприниматься как обозначение какой-то особой секты. Фасмер, вслед за российскими авторами, связывает эту секту с Брынскими лесами в Калужской губ. и со ссылкой на Ильинского продолжает: «Местн. н. **Брынъ** в Черниговск. губ., **Брынъскъ** на Волыни и название реки *Брынъ*, притока Жиздры, этимологически связаны друг с другом, но едва ли имеют отношение к *дебрь*» [Фасмер, 1964, т.I, с.223]. Это верно, этимологически со словом *дебрь* они не связаны, а вот по смыслу, в его значении «труднопроходимая чаща», связаны. Глухомани Брынских лесов всего четверть века назад дивился русский писатель В.А.Чивилихин. В старину нехоженые боры отличались двумя приметамы – *белыми мхами* на почве (боры «беломошники»), которые плохо переносят вытаптывания, и *белыми* (точнее, светлосерыми) *лишайниками*, свисавшими космами с ветвей деревьев. А для обозначения белого цвета, как мы уже знаем, использовались слова *броный*, *бруный* и, видимо, *брыный*. Во всяком случае, у Афанасия Никитина и в «Домострое» рис («белое пишено») назывался **брынец** [Фасмер, 1964, т.I, с.223]. Возможно, что изменение первой гласной в этой основе отражало какие-то оттенки, особенности белого, но это предложение требует специального исследования. *Брынские* леса – это глухие, нехоженые леса. Установлено, что это слово использовалось и на Волыни, и в Черниговской губернии; поэтому Св.Димитрий (он родом с Украины) его знал и мог употребить для обозначения веры раскольников, как исповедуемой не открыто, а лишь в глухих местах, не придавая этому слову конкретного территориального или узко-конфессионального значения. Ни калужская *Брынъ*, ни волынский *Брынъск* не имеют никакого отношения к возникновению топонима *Брянск*, но ономатооснова у них общая.

Подведём итоги нашего рассмотрения.

1. Цветовое обозначение стран света, в первую очередь – *востока* и *запада*, было известно восточно-славянскому, тюркскому и угрофинскому населению Восточно-Европейской равнины и продуктивно применялось с глубокой древности до XVII в. включительно. *Запад* обозначался словом *белый* или близкими к нему по значению словами, *восток* – словом *чёрный* и его синонимами. Цветовые обозначения образуют топонимическую пару или представлены одним топонимом, осмысляемым относительно какого-то умозрительного центра (объекта) территории. Парные наименования получают природные объекты (реки, озёра, моря и др.), понимаемые как естественная пара, либо примерно одновременно возникающие населённые пункты.

2. Для обозначения *запада* русскими и украинцами использовалось слово *белый* и церковно-славянские слова *броный*, *бряный*, что значит *белый*, с оттенком значения *блестящий*; для обозначения *востока* – слова *чёрный*, *кара*, *вороной*. Ойконим *Брянск* возник на церковно-славянской основе *бряный*, что означает *Западный* по отношению к городу-крепости *Карачеву*, название которого производно от тюркского корня *чёрный* в значении *восточный* и может означать *Восточная Застава*.

3. Топоним *Дебрянск* ложный. Он возник в письменной речи и вне сферы устного обращения ойконима, ограниченной во времена летописания гос. границей с Великим княжеством Литовским. Название *Дебрянск* сформировано формально по правилам топонимики («крепость между дебрей»), что обеспечило длительное его существование в Московском царстве.

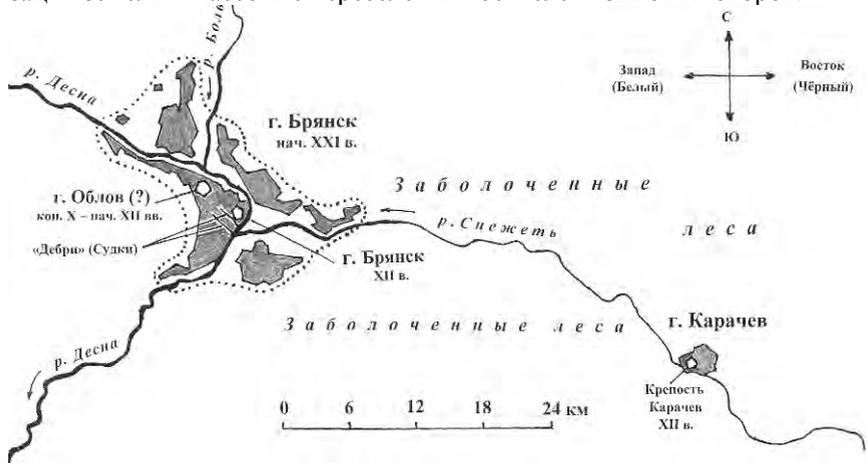
4. Топонимы с основой *брынъ* имеют значение белизны и тем родственны топониму *Брянск*, но не участвовали в его возникновении. Брынские *леса* в Калужской области получили название из-за своей дремучести, приведшей к появлению в них белых мхов и белых лишайников.

5. На Руси существовало дохристианское личное имя *Бренко*, *Бренок*, *Брянк*, возможно, также и *Брян* – со значением *Блестящий*, *Блискун*. Было оно относительно малоупотребительно, однако, видимо, иногда использовалось как ономатооснова для названия поселений в XVI-XVII вв. Часть «тёзок» *Брянска* является прямым переносом привычного названия города переселенцами. В ряде случаев (например, *с.Брянovy Кустичи* в Стародубье) такие названия возникали вследствие поздней продуктивности способа цветового обозначения стран света.

6. Названия крепостей *Брянск* и *Карачев* образуют топонимическую пару *восточный-западный*. Они впервые упоминаются в летописях *вместе и одновременно* и, видимо, построены незадолго до этого упоминания, что подтверждается археологическими данными. Другое поселение городского типа на территории современного Большого Брянска (городище «Чашин курган») *Брянском* не называлось и несло совершенно иную фортификационную задачу – контроль устья р.Болвы, а не Снежети. Возможно, это «утерянный» историками древний город *Облов*. В этом смысле правильнее говорить не о «1000-летию Брянска», а о 1000-летию существования на территории нынешнего Брянска поселений городского типа.

7. Изолированное рассмотрение топонимов малопродуктивно. При изучении восточно-европейских топонимов следует учитывать исторические границы средневековых государств, деформировавших сферы устного обращения топонимов, а также направления колони-

зации земель и массовые переселения носителей языков и говоров.

Схематическое расположение исторических городов в Деснинско-Снежетской судоке

Примечания

1. К.Ф.Рылеев погиб, так и не узнав, что строка «И ветры в *дебрях* бушевали» в его думе о Ермаке просто «невозможна». Не слышав о явлении анлаутной ассимиляции, миллионы русских людей целое столетие распевали, ничего при этом не «утрачивая», другую строку – «В *дебрях* не тронул прожорливый зверь...» – в песне «Славное море, священный Байкал».
2. Ойконим *Дебрянск* – это топонимический «поручик Кижэ»: возник вследствие описки, напоминал реальный топоним, благополучно передвигался из списка в список, из одного летописного свода в другой, и «волей Божией – помре» - после присоединения Брянска к Московскому царству и начала частого посещения города русскими людьми.
3. На последних картах река называется не *Нурец*, а *Нужец*. (См., например, карту в МСЭ, 3-е изд., вкл. с. 384/385).
4. Интересна, всё-таки, методика, по которой кабинетные топонимисты рассматривают цвет дна в далёких речках, выбирают среди них уникальные в сфере обращения будущего топонима цвета берегов и присваивают им значение исключительного признака. Не нарушается ли при этом основной закон топонимики?

Литература

- Брокгауз и Ефрон: Энциклопедический словарь. СПб, 1890, т.1. [Брянск, с.819].
- Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Востоков А.Х. Словарь церковно-славянского языка. СПб, 1858, тт. 1-3.
- Города России: Энциклопедия. М., 1994, с 559 [Белово – с.41]

- Загоровский В.П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж»: Историко-географическое исследование. Воронеж, 1971, с.100.
- Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с.304.
- Кузнецов Н., Новоспаский К. Белгородская область: Природа, история, промышленность, сельское хозяйство, культура. Воронеж, 1974. (2-е изд.), с.278.
- Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии: Полк Стародубский. Киев. 1888, в. 1, с.288.
- Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969.
- Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., «Наука», 1983, с.207.
- Обратный словарь русского языка. М., «Сов. энциклопедия», 1974, с.944.
- Пасекунов Е.С. К вопросу о происхождении названия «Брянск» / «Брянский краевед», Брянск, 1973, в. 5, с.92-104.
- Петров Б.М. Следы дохристианских *со-бытий* в топонимике Чернобыльской зоны Брянщины / Актуальные проблемы науки и образования в посткатастрофный период. Брянск, 2007, с.185-191.
- Петров Б.М. Топонимика Брянщины / Альм. «Дети славянского поля», Злынка, 2006, в.2, с.208-211.
- Поспелов Е.М. Топонимический словарь. М., 2002, с. 342.
- Рогонова Р.С. Брянск / «Русская речь», 1986, №4, с.114-118.
- Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев / Древности Восточной Европы. М., 1969, с.189-196.
- Соколов Я.Д. Седая Брянская старина. Брянск, 2000.
- Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России: Географические названия. М., 2002.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1890, т. I.
- Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., Наука, 1985, с.177.
- Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2004.
- Фасмер м. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973, тт. I-IV.
- Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области: Населённые пункты. Вологда, 1993.
- Шекун А.В. К вопросу о территориальном развитии древнерусской селищной культуры (по материалам Черниговщины) / Проблемы археологии Южной Руси: Мат-лы ист.-археолог. семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Киев, 1990, с. 73-76.
- Шекун А.В., Веремейчик Е.М. Селища IX-XIV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра / Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Киев, 1988, С.93-110.
- Этимологический словарь славянских языков (Ред. О.Н.Трубачёв). М., в. 1-27.
- Ющенко Н.Е. О псевдотопониме «Дьбрянськъ» / Деснинские древности. Брянск, 2004, в. 3, с.295-298.

Топонимика стародубских улиц.

Смена исторических эпох, особенно в России, зачастую ведет к замене существовавших географических названий. Другими именами начинают называть страну, города и даже улицы в них. С легкой руки вождя пролетарской революции большинство городов и улиц стали носить имена новых героев. Не обошло стороной это веяние и Стародуб. В названиях улиц города появились фамилии Горького, Воровского, Фрунзе и др. Тогда же начинают переименовывать улицы и в честь местных большевиков (им.Малеча, Веревченко и т.д.). Попытаться разобраться в том, какое же название имели стародубские улицы и до 1917 года, и позднее, есть цель данной работы. Источником для данного исследования послужили рассказы старожилов улиц, чьи предки также проживали здесь, возможно, в этих же домах. Они предъявляли в качестве доказательств корреспонденцию дореволюционного периода с указанием тогдашнего адреса, а то и уличные вывески с названиями той поры.

Попытки изменить, не только название, но и направление улиц, предпринимались задолго до октября 1917 года. В 1803 г. высочайшим указом императора Александра I был утвержден генеральный план г.Стародуба. По его схеме перепланировке подлежали все улицы: они должны были проходить под прямым углом друг к другу. Осуществление этого указа затягивалось, и уже Николай I в 1835 г. вынужден был издать новый, незначительно отличавшийся от прежнего. Но и он не был осуществлен, причиной тому – сильнопересеченная местность, на которой расположился Стародуб. Это и не позволило вывести по струнке все улицы города. Так была сохранена исторически сложившаяся структура стародубских улиц.

Первыми начинают переименовываться улицы, в названиях которых присутствовали религиозные мотивы. Деревянная церковь Захара и Елизаветы, к примеру, в своё время дала название Захаро-Елизаветинскому переулку, который ныне называется переулком им.Чкалова. Староникольской называлась современная ул.Евсеевская – по имени Николаевской церкви, построенной в 1802 г. и существующей по сей день. Часть ул.Пролетарской (от ул.Калинина до ул.Урицкого) носила название Симеоновского переулка – по названию церкви св.Симеона, построенной в 1822 году. Симеоновской называлась и часть ул.Урицкого – от ул.Фрунзе до ул.Луначарского. По стоявшей неподалеку, в конце Пролетарской улицы, церкви Иоанна Богослова называли Иоанно-Богословской нынешнюю ул.Пушкина. Успенской называлась ул.Фурманова. Каменный Успенский храм,

давший ей это название, был построен в 1781 г. До этого на его месте была деревянная церковь 1690 года постройки. Несколько раз меняла свое название ул.Крестьянская. Сначала она называлась Покровской – по имени деревянной церкви Покрова. Построенная в 1688 г., она была разрушена после урагана 1963 года. Сильным ветром был снесен ее купол, а затем – разобрана и она сама. Из бревен этого храма был построен один из домов по ул.Ленина. В дальнейшем эта улица называлась Коростелевской, Крестелевской.

Иоанно-Предтеченским назывался нынешний пер.Школьный – по имени Иоанно-Предтеченской церкви, возведённой в стиле украинского барокко в 1720 г. на средства гетмана И.И.Скоропадского. Затем переулок стал именоваться Ламоткиным в честь одного из советско-партийных руководителей района, а когда тот чем-то проштрафился, переулку присвоили нынешнее название. Церковь Спаса Преображения на ул.Малеча находилась напротив нынешнего здания конторы ГОРПО. На ее месте сейчас одноэтажный деревянный дом. А спуск к озеру от водонапорной колонки назывался Спасским переулком. Преображенской ранее называлась и ул. им.Малеча. Центральная улица – им.Свердлова – когда-то носила название Вознесенской. Имя ей дала церковь Вознесения, расположенная напротив здания Сбербанка. Она была знаменита тем, что на ее территории похоронен профессор Петербургской консерватории А.И.Рубец. И пел там известный на всю округу хор. По имени церкви св.Афонасия был назван переулок в районе ул.Ленина, до моста. Ул.Красноармейская называлась Варваринской – по имени церкви св.Варвары. Название Соборной носила и нынешняя городская пл. Советская.

Многие улицы и переулки Стародуба носили имена или фамилии проживавших здесь людей. Фамилия Горбатовых дала название ул.Горбатовской. Теперь она именуется Комсомольской. ул.Красных Партизан от Чертого моста до ул.Коваленко называлась ботяновской, спуск с ул. им.Парижской Коммуны на ул.Горького – Гамов переулок.; ул.Горького – Шелютинская. Переулок Фрунзе носил название Кашенкова, Коммунальный – Ягченкова, а пер.Пожарный – Бабантовый. Улица Пархоменко ранее называлась Ланковка, ул.Карла Маркса – Петрятинская, а часть нынешней Луговой – Петрятинским логом. Ул.Трудовая носила название Галецкой. Галещина – так некоторые горожане называют ее и сейчас. А названа она была по имени проживавшего здесь мещанина Галецкого.

Грабщина. Это название, уже укоренившееся в стародубском лексиконе, есть ни что иное, как производное от Графщина. Кто именно из графов там проживал, история умалчивает. Известно только, что в свое время в Стародубе имели дома два графа – Николай Владиславович и Ефим Попраница. Вероятно, приезжал в Стародуб в

гости к последнему полковнику Стародубского полка Я.В.Завадовскому его брат, вельможа и фаворит Екатерины II, государственный деятель граф П.В.Завадовский. Возможно, он имел здесь свой дом. По Графшине ныне проходит ул.Колхозная. В первые годы советской власти здесь располагалась контора колхоза с необычным названием «Красный Огородник». Отсюда и название. А до революции на ее месте было две улицы – Ходорская, с ведущим к ней Ходоркиным мостом через р.Бабинец, и Окуневская.

Улица им.Воровского когда-то называлась Немецкой – из-за большого количества проживавших здесь иностранцев. После начала первой мировой войны ее в «патриотическом порыве» переименовали в Славянскую, а уж потом она получила своё нынешнее название. Ул.Первомайская раньше была Греческой, а площадь Красноармейская – Шведовкой. Ведущая в Погар ул.Коваленко когда-то так и называлась – Погарская. А дорога на Новгород-Северский по ул.Фрунзе от моста – Новгород-Северской. В Чернигов можно было попасть по Черниговской улице (ныне ул.Ленина). Садовая улица называлась Малой Черниговской.

Иногда улицу называли в честь какой-либо городской достопримечательности. Так, ул.Фрунзе (от ул.Урицкого до моста) называлась Мостовой. Но не мост через речку дал ей название. Называлась она так из-за мощеных досками тротуаров. А участок ул.Фрунзе до ул.Урицкого носил название Банной. На месте нынешних гаражей стояла до недавнего времени городская хлебопекарня, разрушенная в середине 1970-х годов, а до нее – еврейская баня. Она-то и дала название улице. Улица им.Урицкого от пересечения с ней ул.Луначарского называлась Училищной. Так ее именовали по находившемуся в начале улицы народному училищу им.Некрасова. Это было добротное деревянное здание с колоннами у входа, выкрашенное в желтый цвет. «Желтой школой» называли ее горожане. Она была сожжена немцами во время войны. Бульварной называлась ул.Луначарского до пересечения ее с ул.Урицкого и до начала ул.Калинина. А ул.Луначарского от горпарка и далее именовалась Ново-Бульварной. Эти названия улицам дал городской бульвар. Многие деревья там были посажены А.И.Рубцом. Некоторые из них были довольно редки для наших мест, а потому выращивали их в специальном дендрарии, который находился на территории мужской гимназии, расположенной на Бульварной улице. Площадь Красная называлась Базарной. А ее часть, по правой стороне от ул.Малеча – Конной.

Управлявшийся магистратом по Магдебургскому праву, Стародуб в начале XVII в. своих жителей объединял по профессиональной принадлежности, т.е. по цехам (кравецким, музыкальным, кожевничским,

шаповальским и др.). Цеховое деление отразилось и в названиях улиц. Уже в документах 1664-1670 гг. в Стародубе встречается название улицы Закаблудский Шаповал. Потом она стала называться Шаповаловка. Теперь это ул.Веревченко. В этом же районе находилась не существующая теперь ул.Прачная.

Узнав старые названия, поражаешься их разнообразию. Так, ул.Островского была Затинной, пер.Пушкина – Верхоламовским. Пионерский переулок назывался Милостивым, а ул Пионерская – Милостивой. Улицу им.Парижской Коммуны когда-то называли Клином. А ул.Краснооктябрьскую именовали проще и короче – Красная. Гудовкой называлось начало ул.Маяковского.

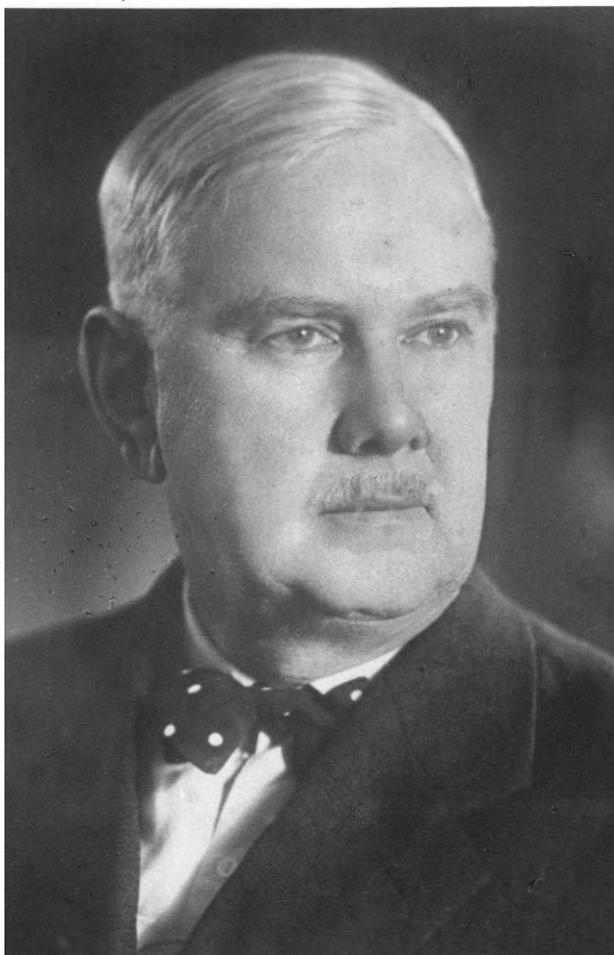
Таким образом, после 1917 года были изменены практически все первоначальные названия улиц города. В их названиях появились идеологические мотивы. Хотя вряд ли даже слышали о Стародубе Фурманов, Свердлов или Урицкий. Нетронутым осталось только одно название – улицы Московской, которая именовалась так и прежде. Стоит ли возвращаться к исконным названиям улиц – вопрос времени. Но то, что в прежних названиях отражались местная специфика и своеобразный колорит, – это точно.

С.А.Никулина (Брянск)

Семейный некрополь Искрицких в с.Далисичи: трагедия небытия.

Род Искрицких появился в Малороссии во 2-й половине XVII века. Его родоначальником был польский шляхтич Михаил Искрицкий, женатый на дочери украинского правобережного гетмана Павла Тетери. Позже на внучке М.Искрицкого был женат гетман Даниил Павлович Апостол (1). Ревизские сказки 19 в. перечисляют владения многочисленных Искрицких, в основном, в окрестностях Суражской округи. Интересно, что Искрицкие так активно отпускали на волю своих крепостных, что по ревизским сказкам 1856 г. крепостных крестьян у них не зафиксировано Мужчины этого рода несли все тяготы военной службы, участвовали в походах А.В.Суворова, в войне с наполеоновской Францией. Полковник Петр Михайлович Искрицкий (1783-1835) -- участник всех походов начала XIX в. и Отечественной войны 1812 г., вступил в Париж с русскими войсками. Из серебра, отбитого в 1812 г. у французов, ретировавшихся с добычей из Москвы, он отлил престольный крест и пожертвовал его в церковь с.Далисичи. Здесь же под стеклом хранились его золотая шпага и многочисленные ордена.

Могилы представителей этого до сих пор не угасшего рода рассеяны по всей территории бывшей Российской империи, включая Санкт-Петербург, Украину (Чернигов), Кавказ и Казахстан (Чимкент). На Брянской земле существовали несколько их родовых кладбищ, в том числе: в Далисичах (у церкви Успения Богородицы), Дрокове (рядом с церковью Св.Николая), в местечке Душатин (при Васильевской церкви), в с.Овчинец Суражского уезда, в Стародубе (в церкви Вознесения).

Д.Е.Искрицкий (1970)

Отправным моментом исследования послужила информация из письма директору Брянского краеведческого музея Е.С.Пасекунову. Написанное 4 декабря 1970 г. доктором технических наук, профессо-

ром Дмитрием Евгеньевичем Искрицким (проживал в Ленинграде), оно содержало предложение областному музею подборки фотокопий и материалов по истории своей семьи и отдельных представителей рода. Среди них: портрет декабриста Демьяна Александровича Искрицкого, фото 1930-х гг. – Е.Искрицкий на маневрах Военно-политической академии РККА, акварель и т.д.

По распоряжению директора музея, переписку вел Ф.М.Заверняев (2). Результатом ее стал прием в фонды музея коллекции из почти двух десятков экспонатов (под инвентарными номерами БОМ7483 и БОМ НВ-669) (3), появление материалов об Искрицких в нескольких разделах новой экспозиции музея, статья в областной газете «Брянский рабочий».

Д.Е.Искрицкий годом ранее побывал на родине – в с.Далисичи Суражского р-на Брянской области. Там, на территории бывшей усадьбы Искрицких, сохранились старые парковые аллеи и построенные в конце XIX века Михаилом Петровичем Искрицким: господский дом, два флигеля, въездные ворота с остатками ограды. У дороги – рядом с братской могилой времен Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.-- деревянная церковь Успения Богородицы. Одной из целей поездки профессора была попытка найти утерянную шведами в начале XVIII века пушку.

В письме А.Ф.Васильеву от 26.08.1970 г. Д.Е.Искрицкий поставил вопрос о приведении в порядок остатков семейного кладбища в окрестностях церкви. В части письма, посвященной этому вопросу, говорилось: «В с.Далисичи, на месте где стояла церковь, валяется часть могильного мраморного памятника с надписью **«Инженер-капитан Михаил Федорович Искрицкий»**. Это мой предок, умерший молодым (28 лет), талантливый военный инженер, построивший стоящий и ныне форт (бывш. Павловский) в Кронштадте, автор печатных трудов по инженерному делу, получивший в 1871 г. первую премию за научную работу о сооружении морской северной батареи №3 на Кронштадтском рейде. Не найдете ли вы нужным дать распоряжение – убрать, по крайней мере, памятник М.Ф.Искрицкого, чтобы он не валялся под ногами.

С искренним уважением, д.т.н. профессор Д.Е.Искрицкий».

Нечеткая фотография памятника, сделанная в той поездке, была приложена к письму. На фото виден лежащий плашмя на траве высокий массивный беломраморный памятник. Это стела с килевидным завершением фронтонов и колоннами по углам. На верхней грани видны четыре строки текста (нижняя крупнее в размерах). Из них отчетливо читаются только буквы в нижней строке: **«ИСКРИЦКИЙ»**. В нижней горизонтальной плоскости видно глубокое отверстие для крепежа штыря и соединения с постаментом.

Постамент из розового камня подходящего размера обнаружен в окрестностях ныне действующей деревянной церкви в ходе натуральных исследований 1999 г. и запечатлен на фото.

Из беседы со старожилами села выяснилось: Дмитрий Евгеньевич Искрицкий действительно был в Далисичах в 1969 г. Его отец – Евгений Андреевич – был членом Четвертой Государственной Думы (1912-1917 гг.). В доме над озером в 1912 г. был детсад Искрицких (у той, что здесь жила, своих детей не было, так что она одевала, обувала крестьянских детей – весь детсад).

Сын генерала – доктор исторических наук – жил в Далисичах.

Фото БОМ7483-2 «Обломок памятника М.Ф.Искрицкому в с. Далисичи.1970г.». На самом деле это не обломок – памятник почти полный, просто снят с пьедестала.

Брат его – предводитель Черниговского губернского уездного дворянства – уехал во Францию, а он остался.

В 1936 г. в селе было еще шесть памятников. Они валялись на земле в сквере, где теперь Дом культуры. Родовое кладбище Искрицких, располагалось рядом с каменной домовою церковью. Судьба памятников Искрицким такова: по «сигналу» (т.е. письму) доктора наук, приехали, имевшиеся фрагменты погрузили на железный лист, отволкли на кирпичный завод и закопали. Единственный оставшийся кусок приспособили под отвес на кирпичном заводе. Беломраморный памятник Искрицкому – строителю крепости в Кронштадте – после пере-

делки стал памятником бывшему начальнику ЛТП Осадчому.

Сохранились документальные свидетельства, дополняющие картину. Подполковник Лука Иванович Дудицкий-Лишня в «Кратком описании по всем отношениям места родины моей - села Нивного» сообщает об Искрицких в числе прочего следующее: «Иван Михайлович Искрицкий, коллежский секретарь. Живет в селе Далисичи, где перестроил старую церковь в довольно хорошем вкусе. Мавзолей, поставленный им на могиле матери его, прекрасен: из гранита с мра-

мором разноцветным и бронзою, выписан по чертежу из Санкт-Петербурга, стоит с перевозкой до трех тысяч рублей. Надпись на нём» (4).

В ГАБО (ф.2071, оп.1, д.51, лл.1-2) содержится информация о существовании в 1923 г. в с.Далисичи еще двух церквей в одной ограде: кладбищенской и каменной Успения Богородицы (построена в 1910 г.). В 1960-х гг. из двух осталась лишь одна - деревянная.

Сохранившиеся в ГАБО Метрические книги дают полную картину погребений рядовых жителей села за два года – 1891 и 1908. «Малороссийский родословник. Том II. Киев. 1908-1914» В. Модзалевского содержит ряд сведений о роде Искрицких. Часть из них учтена историком Н.П.Чулковым. Согласно его картотеке (из собрания Гос. Литературного музея), в с. Далисичи Суражского уезда Чернигов. губернии с 1816 по 1902 гг. были отмечены памятниками погребения 11 членов рода Искрицких -- представителей нескольких поколений (5). Перечень погребенных составлен им в алфавитном порядке. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют расположить их в родственном порядке.

I поколение – родители: Михаил Петрович †1803 (кенотаф) и Анастасия Ивановна (урожденная Миклашевская) †1816.

II поколение – их дети (трое из 19): Иван †1857, Петр †1835, Александра †1860.

III поколение – их внуки: Ольга Петровна †1856, Мария †1880, Иван †1893, Андрей †1898 и Михаил †1873 Федоровичи, Александр Александрович †1867.

IV поколение – правнук Дмитрий Андреевич †1902.

Храм Успения в с.Далисичи.

Надгробная плита М.Ф. Искрицкого

Фото А.И.Шкроба.1999 год.

Натурными исследованиями 1999 г. автором установлено отсутствие надгробных памятников на территории бывшего сельского кладбища, прилегающей к единственной сохранившейся деревянной церкви. Поскольку село основано сравнительно недавно – в 1730 г.,

потеря памятников – это утрата именно для истории села, а не только частное дело семьи Искрицких.

Примечания

1. «Сказание о дедах» – семейная хроника, законченная «30 августа 1844 года в селе Дроков Суражского уезда Черниговской губернии артиллерии полковником и кавалером Федором Михайловичем Искрицким», рассказывает: «Михаил Петрович Искрицкий стал владельцем Далисичей после смерти отца своего. Построил большой деревянный дом с двумя флигелями, винокурню, два каменных погреба, развел фруктовый сад. Женился он на дочери губернского предводителя Ивана Андреевича Миклашевского Анастасии, матери 12 сыновей и 7 дочерей... семеро детей скончались в детстве... 22 декабря 1816 года – смерть матери, похоронена возле Успенской церкви», созданной её и мужа «трусами и достоянием в 1777 году... Брат Иван Михайлович в память ея перестроил вновь церковь, созданную ею и покойным отцом, из Петербурга выписан мраморный монумент и поставлен на ея могиле»./ Труды Чернигов. губернской архив. комиссии 1909-1910 г. Вып. 8. 1911. Чернигов.

Пользуюсь случаем высказать благодарность заместителю начальника Брянского Управления по делам архивов Зинаиде Петровне Коваленко за возможность ознакомиться с материалами личного архива ее отца, Петра Григорьевича Коваленко.

2. Ответ Ф.М.Заверняева: «Уважаемый тов. Искрицкий Д.Е.! Ваше письмо от 4 декабря мы получили. Благодарим за внимание. Материалы, которые Вы можете собрать о своих родственниках и прислать к нам в музей, несомненно, представляют большой интерес. Мы сможем этот материал со временем использовать в экспозиции, а также при создании выставок по истории нашего края. Тем Вы увековечите память о своих героических родственниках и о наших земляках. Материал следует высылать на дирекцию Брянского областного краеведческого музея. С уважением, Ф. Заверняев. Зав отделом истории досоветского периода, Брянск, 14-ХП-70 г.»

3. Фото (БОМ НВ-669-1) с надписью на обороте: «Брянскому областному краеведческому музею от Д.Е.Искрицкого, благодарного за сохранение памяти об его отце, первом командаре 7 РККА.

Профессор Д.Е. Искрицкий. 5.IV.72»

4. Календарь Черниговской губернии на 1892 (високосный) год. Чернигов.1891.Типография Губернского Правления. С.181

5. Перечень Чулкова:

1.Искрицкая Александра Михайловна, Родилась 11 марта 1791 †26 декабря 1860. *Блажени чисти серцем* и т.д.».

2. Анастасия Ивановна, урожденная МИКЛАШЕВСКАЯ, жена секунд-майора Михаила Петровича Искрицкого, †22 декабря 1816 (книга В. Модзалевский. Малороссийский родословник, II, 241). Ниже она будет учтена Чулковым повторно под №10.

3.Мария Федоровна, р.30 июня 1838 †4 июля 1880. «*Больше сея любви никтоже имеет* и т.д. (Иоанна 15,13)».

4. «Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Ольги Петровны Искрицкой род. 29 июня 1822 г. скончалась 19-го мая 1856 года». Справа: «Господь даде, Господь отъялъ: како Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно. Блажени, яже избра и пріялъ ихъ Господь, память ихъ въ родъ и родъ. Благословен еси Господи научи насъ оправданіемъ Твоимъ».

5. Александр Александрович, генерал-майор, р.15 сентября 1806 †16 марта 1867. «За храбрость. Помяну милость Твою въ родъ родовъ. Блажени миротворицы и т.д.»

6. Андрей Федорович, р. 21 мая 1841 †2 марта 1898.

7. Димитрий Андреевич, р. 15 мая 1884 †8 марта 1902.

8. Иван Михайлович, «Коллежский Совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Искрицкій, 1777-1857, его усердіемъ возобновлена Далисичская церковь въ 1837 году. Освяти любящіе благолюбіе Дому Твоему. Милосердіе двери отверзи намъ, Господи, не невиди въ судъ съ рабомъ Твоимъ».

9. Иван Федорович, действительный статский советник, р. 7 октября 1839 †14 марта 1893. «Блажени милостивіи и т.д.»

10. Михаил Петрович и жена его Анастасия Ивановна. «Сооруженъ въ память строителей Далисичевской церкви Коллежского советника Михаила Петровича Искрицкого 1803 года погребеннаго въ Дроковъ и жены его Анастасии Ивановны, урожденной Миклашевской, 1816 года погребенной подъ симъ памятникомъ».

11. Михаил Федорович, инженер-капитан, р. 3 августа 1843 †22 марта 1873. «Господи, да будетъ Твоя святая воля!».

12. Петр Михайлович, подполковник, †1835.

6. Река Времен (Книга истории и культуры). Кн. 4. М.1996. С.184-185.

Е.А.Чеплянская (Брянск)

Суражский уезд.

Краткий исторический обзор.

История Суражского уезда началась с Указа Александра I от 1802 года «Об учреждении губерний Малороссийских: Черниговской и Полтавской». Согласно Указу, в состав Черниговской губ., в числе других, вошли Стародубский, Мглинский и Новоместский (с 1809 г. – Новозыбковский) уезды. Суражский уезд был образован и включен в Чернигов. губ. в 1803 г., а заштатный г.Сураж получил статус уездного центра.

Суражский уезд занимал северо-западную часть Чернигов. губ. Его территория простиралась с запада на восток на 96, а с севера на юг – на 64 км. С севера и запада уезд граничил с Могилевской губ., с юга – с Новозыбковским; с юго-востока – со Стародубским и с востока – с Мглинским уездами Чернигов. губернии. Крупнейшие реки, протекавшие по территории уезда, – Ипутъ и Беседь с многочисленными притоками. Почвы правобережья этих рек были глинистые, на

них произрастали дубовые и липовые леса. Остальная территория была занята песками с преобладанием сосны, ели, березы, ольхи и др. растений. В целом, почвы Поипутья отличались бедностью и малопродуктивностью. Основные культуры региона – рожь, гречиха, конопля; позднее – картофель. Скотоводство было развито слабо. В связи с вышеописанной спецификой природных условий, в Суражском уезде большую роль играли промыслы.

1. Историческая специфика территории как пограничной.

Пограничный характер территории Поипутья определился в 1503 году, с переходом её из состава Великого княжества Литовского под власть Москвы. Опорными пунктами Русского государства стали волостные центры Дроков на р.Ипуть и Попова Гора на р.Беседь. Эти населенные пункты ранее других упоминаются в исторических источниках. Дроков и Попова Гора встречаются в списке «городов русских дальних и ближних»¹, составленном еще в 15 в. и включенном в Воскресенскую летопись.

В 16 – нач.17 в. рассматриваемая территория постоянно находилась в зоне русско-литовских и русско-польских военных конфликтов. Примером такого конфликта между Россией и Литвой явилась «Стародубская война» (1534 – 1535 гг.). Литовско-польскому войску тогда не удалось закрепиться на Стародубовье, и в 1537 г. Иван IV заключил с Литвой соглашение, по которому все северские города оставались в составе Московского государства. В связи с этими событиями впервые были упомянуты села Смяльч и Верещаки.

В период Смутного времени начала 17 в. территория будущего Суражского уезда оказалась в зоне военных действий. В 1607 году, в связи с переправой через Беседь Лжедмитрия II, в документах снова упоминается Попова Гора.

В 1618 г., после подписания с поляками Деулинского перемирия, рассматриваемая территория, в составе всей Северщины, отошла к Речи Посполитой. Поипутье было разделено на Мглинскую и Дроковскую волости, пожалованные королем троцкому воеводе Николаю Абрамовичу; а села, в большинстве своем, были отданы шляхте. В 1640-х гг. Поипутье затронуло антипольское восстание Б.Хмельницкого, закончившееся победой над поляками. В 1654 году был подписан Переяславский договор, по которому на территории Левобережной Украины (Малороссии) устанавливалось самоуправление в виде Гетманщины. В 1663 г. в северной части Малороссии был образован Стародубский полк, административным центром которого стал г.Стародуб. Полк состоял из нескольких сотен, в том чис-

---

¹ ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М. 2001. С.240.

ле Мглинской и Новоместской, между которыми и была разделена территория Поипутья.

В период русско-польской войны, начавшейся сразу после подписания в 1654 г. договора о Воссоединении Украины с Россией, рассматриваемая территория в очередной раз оказалась в зоне военных действий. Одним из подтверждений этого является надпись на старинной иконе Богоматери Одигитрии, находившейся в Мглинской Успенской церкви: «року божого 1664, сей образ найден, як король Ян Казимир ишол в угомонище Слеще, межи Дрокова и Нивного, на болоте». Видимо, в это время был разорен и уничтожен Дроков, так как в переписи 1666 г. он назван «пустым местечком». Его жители переселились на новое место, названное Новым Дроковым. Позднее часть бывших дроковчан возвратилась, а прежнее поселение получило название «Старый Дроков».

В сентябре 1708 г. территория Мглинской сотни оказалась в центре событий одного из эпизодов Северной войны (1700 – 1721).

2. Динамика появления населенных пунктов.

Население, его структура.

Как было отмечено выше, раньше других в летописях появляются упоминания о Дрокове на Ипути и Поповой Горе на Беседи. В первой трети 16 в. упоминались села Смяльч и Верещаки.

Во второй пол. 16 – первой пол. 17 в. на территории Поипутья появляются и др. поселения: д.Красная – выселки из Дрокова; Катичи, Ущерпье, Кожаны, Великоудебное, Лотоки, Медведи, Паконь, Казаричи, Кулаги, Овчинец, Слище, Суботовичи, Суражичи, Смолевичи и Творишин. Население сел было преимущественно крестьянским. Однако, в Дрокове, Овчинце и Суражичах, вместе с крестьянами, жили и служилые люди – казаки, а также стрельцы и бобровники, занимавшиеся промыслом зверя, птицы и пушнины. Наличие этих категорий служилых людей во многом определило специфику социальной структуры будущего Суражского уезда.

Самым массовым сословием на этой территории являлось крестьянство. Оно делилось на владельческих, ранговых, монастырских крестьян, а также крестьян буд и гут. Активное формирование категории **владельческих** крестьян происходило в период Гетманщины, когда шло наиболее интенсивное заселение западной части Стародубского полка. Основными инициаторами освоения новых территорий выступали представители казацкой старшины – Есимонтовские, Искрицкие, Чернявские, Ханенки, Корецкие, Ширай и др. Они активно осваивали пустующие земли и селили на них новые слободы, привлекая переселенцев из Восточной Польши, Литвы и Великороссии. Во второй пол.17 – первой пол. 18 в. на территории будущего Суражского уезда появилось около 50 новых поселений. Изначально они

формировались как владельческие, их население составляли крестьяне.

Ранговые крестьяне появились во время Гетманщины, когда возникла необходимость обслуживать уряды, жалуемые гетманом казацкой старшине. Крестьяне, приписанные к рангам, несли повинности в пользу полковников, судей, писарей, обозных и др.

Монастырские крестьяне в 17 – 18 вв. составляли значительную часть населения Северщины. Они принадлежали Киево-Печерской Лавре, с 17 в. владевшей Бобовицкой, Попогорской (бассейн р.Ипути) и Лыщичской волостями, на землях которых она активно селила новые слободы. Все лаврские владения управлялись «монахами-городничими», а жители имели статус монастырских крестьян. К 1780-м гг. в Стародубском полку в собственности Лавры числилось более 30 сел и деревень с общим количеством населения около 20 тыс. человек.

Отдельную категорию населения составляли **крестьяне буд и гут**. Многие державцы на принадлежавших им землях основывали рудни, гуты и буды, «обрастающие» вскоре не только дворами мастеровых, но и крестьянскими хозяйствами. Рудни, располагаясь на низменных, болотистых и лесистых местах ипутьского левобережья, занимались добычей и переработкой болотной руды. Так появились Вепринская рудня, Рудня-Ходинская, Завод Корецкий, Рудня-Селицкая и др. Буды вырабатывали «поташ» (углекислый калий) для стеклоделия, выделки кож и т.п., а гуты производили изделия из стекла. Буды и гуты заводились в лесах, так как требовали большого количества топлива. На рубеже 17 – 18 вв. возникли Гута Корецкая, Гута Виднова, Струговская буда, Буда Вовнянская и др.

Второй по значимости после крестьянства социальной группой являлось **казачество**. В массовом количестве оно появилось во время антипольского восстания 1840-х годов. Воспользовавшись уничтожением кабальных документов, большое число состоятельных крестьян записалось в казаки. Как правило, казаки проживали рядом с крестьянами и встречались, в основном, в селах Мглинской сотни: в Ляличах, Овчинце, Дубровке, Влазовичах, Косичах, Старом Дрокове и д. Красной. В Новоместской сотне – в сс.Смяльч, Лотаки и Казаричи. Только д.Лопатни, поселенная в начале 18 в., была истинно казацкой.

Стрельцы, пороховники, бобровники – особая категория служилых людей, появившаяся в период Гетманщины. Это были выходцы из казаков, занимавшиеся добычей пушнины и птицы для гетманского стола. Стрельцы, пороховники и бобровники встречались только в селах Мглинской сотни: Овчинце, Калинках, Суражичах, Старом и Новом Дрокове.

Мещанство будущего Суражского уезда первоначально формировалось из старообрядцев, появившихся на землях Стародубского полка в конце 1660-х годов. Из 16 старообрядческих слобод, возникших на Северщине в конце 17 – начале 18 вв., три были поселены в Новоместской сотне: Клинцы – в 1707 г., Ардонь – в 1711 и Свяцкая – в 1713 г. После Указа Петра I от 1715 года о переводе всех староверов «в оклад», великорусские поселенцы закрепили за собой личную свободу, а позднее, с оформлением посадов, получили статус мещан. Впоследствии, с появлением г.Суража, его первыми поселенцами-мещанами стали выходцы их бывших служилых сословий, упраздненных Екатериной II в начале 1780-х годов.

Вместе с тем, население рассматриваемой части Поипутья (западной части Мглинщины и Новоместской сотни) оставалось, по преимуществу, крестьянским. Во многом это объяснялось тем, что большинство населенных пунктов появилось здесь уже после Освободительной войны 1654 года. Новые слободы селили владельцы земли, а их жители изначально превращались в экономически зависимых крестьян. Крестьянско-казацкие поселения были крайне малочисленны и в большей степени характерны для сел, появившихся до начала 17 века.

С ликвидацией Гетманщины и упразднением в 1781 г. Стародубского полка, его территория вошла в состав вновь учрежденного Новгород-Северского наместничества. В социальном составе населения также произошли значительные изменения. Представители казацкой старшины влились в российское дворянство; ранговые, монастырские крестьяне, а также стрельцы и бобровники, были переведены в разряд казенных или государственных крестьян. Казаки как сословие сохранились, но по своему положению приблизились к государственным крестьянам. Владельческие крестьяне были окончательно закрепощены.

3. Города – Сураж и Клинцы.

В 1781 г. Указом Екатерины II на месте д.Суражичи, расположенной на р.Ипать, был учрежден г.Сураж. Уже в следующем, 1782 году, город получил герб и в качестве поветового центра вошел в Новгород-Северское наместничество.

Первыми жителями Суража стали выходцы из служилого сословия деревень Суражичи и Калинки – казаки, стрельцы и бобровники. Но уже в конце 18 в. этноконфессиональный состав населения города значительно изменился. В связи с разделами Польши, Стародубовье оказалось в «черте оседлости», и в Сураж начался приток евреев-переселенцев из Белоруссии. Уже по переписи 1811 г. количество городских мещан-евреев вдвое превышало число мещан-христиан. Население Суража пополнялось также за счет выходцев «из-за грани-

цы», происхождение которых пока не выяснено. В целом, в первой пол. 19 в. шло активное формирование населения города и его организационно-экономической структуры.

В это же время на юге Суражского уезда создается промышленный округ, центром которого становятся Клинцы. Купцы-старообрядцы развернули здесь широкую предпринимательскую деятельность. С 1830-х гг. в посаде и его окрестностях основывают суконные, ткацкие и веревочно-шпагатные фабрики, на которые приглашают специалистов из Западной Европы.

К началу 1860-х гг. в Клинцах и округе действовало 13 предприятий текстильной промышленности. В 1897 г. в посаде также функционировали кожевенные, чугунолитейные предприятия и маслобойный завод. К 1903 г. в Клинцах, с населением чуть более 12 тыс. человек, сумма оборота фабрично-заводской промышленности составляла 6 млн. рублей. Не случайно в пореформенное время посад называли «Манчестером» Чернигов. губернии.

Вместе с тем, уездный центр Сураж во второй пол. 19 – начале 20 в. оставался самым маленьким и бедным городом Чернигов. губернии. Здесь не только полностью отсутствовала промышленность, но и очень слабо было развито ремесленное производство. В пореформенное время в Сураже имелись уездное и приходское училища, две еврейские молитвенные школы и больница. В городе действовала Благовещенская церковь, здание которой было перенесено в Сураж в 1815 г. из упраздненного в конце 18 века Суражицкого Волосовичского монастыря. К концу 19 в. население города немногим превышало 4000 человек.

В сельских населенных пунктах уезда в первой пол. 19 в. развивалось помещичье производство в виде свекло-сахарных, винокуренных, маслобойных и др. предприятий, на которых использовался труд крепостных крестьян.

После отмены в 1861 г. крепостного права, бывшие помещичьи крестьяне перешли на положение самостоятельных крестьян-собственников, но, из-за недостатка плодородной земли, многие из них вынуждены были заниматься отходничеством. Среди суражских крестьян были распространены: «отход на сахар» – найм на сахарные заводы в Одесскую и Полтавскую губернии; «отход на воду» – сплав леса по Сожу, Снови, Ипути и Днепру до Киева. В начале 20 в. из суражских деревень, при участии разных посреднических фирм, началась миграция крестьян в Америку для работ на рудниках, шахтах и заводах. Такая же тенденция была характерна и для жителей Суража. Немало крестьянских семей в конце 19 – начале 20 в. переселялось на постоянное местожительство в Сибирь и на Дальний Восток. Широкое распространение отходничества значительно задерживало как

развитие самого Суража, так и всего уезда в целом. В таком состоянии Сураж и Суражский уезд подошли к началу 20 века.

В июле 1919 г. Чернигов. губерния была ликвидирована. С 11 июля 1919 по 6 декабря 1926 г. Мглинский уезд (с Почепским районом), Новозыбковский, Стародубский и Суражский уезды входили в состав Гомельской губернии. В 1921 г. Суражский уезд, в связи с перенесением центра в Клинцы, был переименован в Клинцовский. В декабре 1926 г. Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды вошли в состав Брянской губернии.

Источники и литература

ГАБО. Ф.549, оп.2, д.1, 3. Ревизские сказки Суражского уезда за 1782 и 1811 гг. Материалы для оценки земельных угодий. Суражский уезд. Т.9. Чернигов. 1883.

Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. Т.I. Полк Стародубский. Киев.1888.

Семенов П.П. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.VII. Малороссия. СПб. 1903.

Кущенко Г.А. Крестьянское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии по двум переписям 1882 и 1911 гг. Чернигов. 1916.

Административно-территориальное деление Брянского края. тт. I-II. Тула. 1987.

Швидко А.К. Города Стародубщины во второй половине XVII века. В сб.: «Феодальный город». Вып. I. Брянск.1993.

Поклонский Д.Р. Стародубская старина. Кн. 1. 1998.

Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т.VII. М. 2001.

Радзивилловские Акты. Т.VI. Сост. М.М.Кром. Москва-Варшава. 2002.

Перекрестов Р.И. Клинцовский летописец. Кн.1. Клинцы. 2004.

В.В.Крашенинников (Брянск)

«Для славы и пользы Российской империи...» (из истории производства красок в Севске).

Заметным событием хозяйственной жизни не только местного значения стало появление в старинном городе Севске одной из первых в России красильных фабрик. В июле 1749 г. в Мануфактур-коллегию была подана челобитная от севского купца Лукьяна Никифорова сына Зайцева, в которой он писал, что «для славы и пользы Российской империи через свою практику сыскал краску ярь венецкую, которой прежде в России никогда не дельвалось, а ввозилась она из заморья», что для устройства фабрики готов «собственного своего капиталу употребить тысячу рублѣв» и может такой краски «в год сделать до 30 пудов и более». Содержала челобитная и ряд просьб. Во-первых, освободить «от служб городских и постоев» самого заявителя, его отца, братьев Федора и Петра с детьми, а также

«прикащика нашего Михайлу Волкова з детми»; кроме того, «от излишних накладов уволить и судом и разправою ведать» всех перечисленных не в Севске, а в Мануфактур-коллегии. Во-вторых, «для лучшего той фабрики размножения с покупкой ко фабрике принадлежащих инструментов и материалов и с продажи зделаной краски уволить от пошлин без таможных записок, дабы прочие в делании показанной краски секрета знать не могли». В-третьих, Л.Зайцев просил вернуть купленную в 1748 г. его отцом у «черкаса» Степана Герасимова мучную мельницу на р.Неруссе у с.Негино Трубчевского уезда, которой «завладели вышеписанного села крестьяне», и позволить «при оной мельнице потребные к той фабрике материалы и специи варить в принадлежащих котлах». Наконец, Л.Зайцев обращался с просьбой разрешить для обеспечения фабрики рабочей силой «на десять лет ... купить людей до пятидесяти дворов».

В тот же день Мануфактур-коллегия, рассмотрев заявление Л.Зайцева, повелела «по оному челобитью учинить выписку», а предоставленную краску отослать для определения, «в какой она краска добре явится», работавшему в России французскому живописцу Л. Караваку. Уже 11 августа в Мануфактур-коллегии было получено сообщение последнего, что «ярь веницейская, ... сделанная севским купцом Лукьяном Зайцевым ... явилась против заморской вообще сходна». Тогда же Л.Зайцев объявил, что он сыскал «чрез практику ещё вновь краску ярь медянку» (ярь веницейская и ярь медянка – две разновидности краски зелёного цвета).

В августе 1749 г. из Севска было получено и свидетельство, что «на купце Лукьяне Зайцеве казённых доимок и партикулярных долгов не имеетца и в подозрениях никаких он не бывал, а торги имеет в городе Севске, а капиталу состоит до пяти тысяч рублёв» (столь значительная для того времени сумма капиталов объяснялась тем, что Лукьян Зайцев вел дело нераздельно от отца и двух старших братьев, Федора и Петра, – то есть это была общая сумма их капиталов). От имени севского купечества свидетельство подписали Михаил Ильин сын Мукосеев и Иван Григорьев сын Щербинин.

Однако возникло неожиданное осложнение. Еще в октябре 1746 г. «московские Кадашевской слободы купцы» Петр Сухарев и Иван Беляев обратились с просьбой об открытии «красочной фабрики» для производства «кармину, бакану и лазури берлинской» и «чтоб окромя их впредь в произведении таковой фабрики позволения никому не давать». В июне 1747 г. тот же Сухарев объявил, что «сыскана им вновь краска ярь веницейская» и что по освидетельствованию уже упоминавшегося Л.Каравака «явилась точнѣхонько как заморская».

Узнав о челобитной Л.Зайцева, П.Сухарев, успевший открыть свою красильную фабрику, попытался обезопасить себя от возмож-

ного конкурента. Вызванному 15 сентября 1749 г. в Мануфактур-коллегию Л.Зайцеву «объявлено было, дабы он в силу ... показанного на него от красочного фабриканта Петра Сухарева подозрения оныя краски сделал при присутствии». Зайцев, хотя и заявил, «что он к сочинению тех красок надлежащих инструментов и материалов с собою здесь не имеет», согласился «для свидетельствования, что он умеет оные делать», изготовить «ярь медянку да вновь ещё бакан венецейский (краску багряного цвета – В.К.), только оные в доброте от скорого делания и от ненадлежащих инструментов не так, как на фабрике, против заморских не придут». Приглашенный 20 сентября «живописный мастер Сергей Осипов при присутствии зделанные во оной коллегии севским купцом Лукьяном Зайцевым ярь медянку и бакан венецейский свидетельствовал и сказал: бакан добрый и немецкого не хуже, только светловат, а надлежало быть потемнее, ярь медянка против немецкой добротою не придёт, однако в работу живописному делу годитца». Как видим, устроенный Л.Зайцеву своеобразный экзамен он выдержал успешно.

Через 5 дней Мануфактур-коллегия подготовила указ, согласно которому «города Севска купец Лукьян Никифоров сын Зайцев ... обязан ... в городе Севске завести фабрику и на оной делать ярь венецейскую и ярь медянку самым добрым мастерством против иностранных ..., бакану венецейского ... на той фабрике ... до указа не делать» (возможно, потому, что эту краску производили на фабрике П.Сухарева). «Для лутчего той фабрики распространения ему, Зайцеву» было разрешено купить «деревню до тридцати дворов или сто двадцать душ». Кроме того, Л.Зайцев на шесть лет был освобожден от платежа пошлин, «к кроме положенных по тарифу».

Через год, в сентябре 1750 г., посланные из Мануфактур-коллегии лица проверили, как исполняется это решение. Проверяющие обнаружили, что «на ... новозаведенной фабрике имеется деревянного строения две светлицы, одна с комнатою, в тех светлицах четыре печи рабочих, против тех светлиц сени, на дворе погреб рубленый брусной, да к произведению делания ... яри венецейской и медянки имеется в приуготовлении ... разных материалов и инструментов на шесть сот рублей, специй тритцать бочек. При той фабрике наёмных работных людей пятнадцать человек», которые с 1 сентября заняты «деланием той яри венецейской и медянки». В октябре отчёт был заслушан и принят к сведению в Мануфактур-коллегии.

Судя по тому, что на фабрике Зайцева работали вольнонаемные люди, он не воспользовался правом купить крестьян. Возможно, владелец фабрики не надеялся на добросовестный и качественный труд подневольных работников, а ухудшение качества производимых красок могло вызвать санкции со стороны Мануфактур-коллегии, вплоть

до угрозы отобрать фабрику вместе с приписанными к ней крестьянами. Но не исключено, что у Л.Зайцева просто не было достаточных свободных средств для такой операции. Косвенно об этом свидетельствует факт обращения в Мануфактур-коллегию в 1751 г. президента Севского провинциального магистрата Михаила Шереметцева с просьбой утвердить в качестве компаньонов к Л.Зайцеву его брата Петра Зайцева, а также севского купца Ивана Ильина сына Зайцева с детьми, его племянника Матвея Васильева сына и братьев последнего – Михайлы Большого и Михайлы Меньшого Зайцевых. Все они, как указывалось в письме, «в товариществе с фабрикантом Лукьяном Зайцевым ... быть желают и во оную фабрику собственного своего капиталу употребят на первый случай до 5000 рублей и больше». Появление нескольких владельцев привело к разделу фабрики: в 1761 г. «та фабрика между ими разделена».

К сожалению, выявленные документы не позволяют установить многие подробности развития производства красок в Севске и судьбы талантливого самоучки-практика Лукьяна Никифоровича Зайцева, основавшего здесь первую красочную фабрику. Материалы третьей ревизии 1763-1764 гг. по купечеству и мещанству г.Севска позволяют кое-что узнать о Л.Зайцеве и соучастниках его предпринимательской деятельности, хотя и здесь не обошлось без трудностей. В ревизской сказке, поданной в феврале 1764 г., а составлявшейся, скорее всего, ещё в 1763 г., Лукьяна Никифорова сына Зайцева среди севских купцов не оказалось. В ней названы практически все перечисленные выше севчане, компаньоны Л.Зайцева – Иван Ильин сын Зайцев (умерший в 1754 г.), его племянники Матвей, Михаил Большой и Михаил Меньшой Васильевы сыновья Зайцевы, записавшийся в купечество бывший приказчик Л.Зайцева Михаил Григорьев сын Волков, бывший президент Севского провинциального магистрата купец гостиной сотни Михаил Захарович Шереметцев (умерший в 1755 г.), купцы М.Н.Мукосеев и И.Г.Щербинин, – но не находилось отца Л.Зайцева, Никифора, и его сыновей: Петра и Лукьяна.

Лишь повторное рассмотрение ревизской сказки позволило найти ошибку (случай, в подобных документах, довольно редкий): в сказке оказались записанными Лукьян Лукьянов сын Зайцев (80 лет) и его сыновья Пётр (44 года) и Лукьян (38 лет). По-видимому, известность заводчика Лукьяна Зайцева в Севске была настолько значительной, что писец автоматически написал то же имя и его отцу, но в данном случае следует верить не переписчику документа, а самому заводчику, в челобитной назвавшему себя Лукьяном Никифоровым сыном Зайцевым, и процитированному ранее указу Мануфактур-коллегии. Можно с уверенностью утверждать, что свое имя Лукьян – основатель севской красочной фабрики – получил в честь деда, кото-

рый еще в 1700 г. был одним из первых выборных севских бургомистров и происходил из купцов московской Кадашевской слободы.

Что еще можно добавить к изложенному? Наиболее вероятный год рождения Лукьяна Никифоровича – 1725. Следовательно, свое открытие секрета получения красок он сделал совсем молодым – в 24 года. Был он женат (вероятно, дважды), но в первом браке сыновей не имел, что стало, скорее всего, одной из главных причин привлечения к своему делу родственников. К ним можно отнести и бывшего приказчика Михаила Григорьева сына Волкова (в 1763 г. ему исполнился 51 год), жена которого была из фамилии Зайцевых. М.Волков, несомненно, обладал предпринимательской хваткой, умением устраивать свои дела, в том числе – семейные (ему удалось, например, женить сына Семена на дочери Федора Шереметцева, представителя самой известной в XVIII в. и богатой севской купеческой фамилии, относившейся к гостинной сотне).

Однако крупных капиталов М.Г.Волков все-таки не нажил, что помешало развитию еще одного начатого им дела. Он, как и его бывший хозяин Л.Н.Зайцев, стал работать над изучением производства фарфора. В России в середине XVIII в. это дело только начиналось и было секретным. Первый фарфоровый завод был устроен Ф.Гарднером в 1756 г. в Дмитровском уезде Московской губернии, в 1758 г. в Петербурге открылся Императорский фарфоровый завод. Доказав, что в производстве фарфора «искусство имеет» и уже изготовил некоторое количество необходимых материалов (а запасы белой глины, нужной для производства фарфора, в окрестностях Севска имелись), в 1760 г. М.Волков получил из Мануфактур-коллегии указ об открытии в Севске фарфоровой фабрики. Однако создать новое предприятие он не смог – «за малым капиталом» (в 1775 г. за ним числился капитал в 2,2 тыс. руб.). Косвенно этот факт признавался в указе Мануфактур-коллегии от 1766 г.: «В России ... разной фарфоровой посуды фабрики не учредилось и ко удовольствию не размножилось, и хотя некоторым людям позволение о том и чинены были, но никто такой фабрики не размножил». Тем не менее, в ряде документов 1760-1770-х гг. М.Г.Волков именовался содержателем не только красочной, но и фарфоровой фабрики, хотя последняя в Севске так и не появилась. Да и капиталы самого предпринимателя заметно сократились – до 600 руб. в 1782 году.

Что касается Л.Н.Зайцева, то он был не столько, выражаясь современным языком, бизнесменом, сколько человеком творческим, ищущим что-то новое. Заинтересовавшись секретами фарфорового производства, он добился успеха и в этом деле. В сентябре 1769 г. «г.Севска купец и красочной фабрики содержатель Лукьян Никифоров сын Зайцев ... явился на фарфоровый Ея императорского величе-

ства завод», находившийся в Петербурге, «для опробования его в делании фарфора» и показал себя в этом деле «знающим». Поскольку заводу требовались сведущие в считавшейся секретной технологии производства фарфора специалисты, руководитель завода А.Щепотьев в январе 1770 г. направил в Севский провинциальный магистрат письмо, в котором сообщал, что Л.Н.Зайцев «отправлен в г. Севск для забрания материалов и припасов, також и детей своих», и предлагал, по завершении Л.Зайцевым своих дел, «немедленно отправить в Санкт-Петербург на фарфоровый завод».

Однако «немедленно» сделать этого не удалось. Есть две разных версии, объясняющих причины задержки. Сам Л.Н.Зайцев в челобитной, поданной белгородскому губернатору тайному советнику А.М.Фливерку, сообщал, что, уезжая в Петербург, оставил своих малолетних детей (сыновей Никифора, Егора и дочь Авдотью) на попечении родного племянника, Федора Петрова сына Зайцева, но тот «маленьких детей его ... ис того ево дому нагло выгнал вон» и они «жительство имели ... в доме дьячка Никифора», сына священника Михаила, бывшего духовным отцом Л.Н.Зайцева. Кроме того, по словам заявителя, он «до прибытия своего оставил ... в делании фарфора секретные материалы и припасы» на сумму более 1700 рублей, а также специальную «для делания образцов фарфоровой посуды печь» стоимостью в 300 руб., но, вернувшись в Севск, обнаружил, что «материалы и припасы, которые столь нужны и уже требуются, ... вовсе истреблены, да и печь забита ... по умышлению» племянника Федора Зайцева, недовольного тем, что ни ему, ни родному брату Лукьяна Петру секреты изготовления фарфора не были открыты (жена Федора Дарья объявила о припасах, что «якобы высыпала их на двор, где будто и раскрасили»).

Белгородский губернатор приказал только что назначенному новому воеводе Севской провинции коллежскому советнику И.А.Пустошкину и Севскому провинциальному магистрату рассмотреть челобитную и дать Л.Н.Зайцеву соответствующее «удовлетворение». Но, когда 27 марта 1770 г. собравшиеся в Севском провинциальном магистрате президент Иван Шереметцев, бургомистр Герасим Дубровский, ратманы Трофим Перевошиков и Иван Шереметцев, а также служивший в Севской провинциальной канцелярии подпоручик Василий Головин пригласили для рассмотрения дела «севского купца и красочной фабрики содержателя Петра Никифорова сына Зайцева», тот заявил, что он и его дети, как фабриканты, согласно указам Сената и Мануфактур-коллегии, «в Севском провинциальном магистрате ... не подсудны», а их дело может рассматриваться только в Мануфактур-коллегии. Поэтому Севский провинциальный магист-

рат был вынужден заявить Л.Н.Зайцеву, что «удовлетворения и окончательного решения учинить не может».

Письменные разъяснения, поданные П.Н.Зайцевым и его сыном Ф.П.Зайцевым, помимо непризнания перечисленных в челобитной Л.Н.Зайцева обвинений, содержат некоторые дополнительные данные. В частности, по словам Ф.Зайцева, «собственного у него, Лукьяна, дому никогда не бывало, а жил он ... во всю свою жизнь» в доме своего отца, «Никифора Лукьянова сына Зайцева, в котором и производство красочной его фабрики и производилось». Дом этот «понеыне ... состоит не в разделе» между братьями Петром и Лукьяном. П.Н.Зайцев, отрицая обвинения, содержащиеся в «затейном братом моим челобитьи», заявил, что задержка с отъездом Л.Н.Зайцева в Петербург связана не с его личными и хозяйственными делами – «тому промедлению никто причиною, кроме естественной его страсти к излишнему употреблению горячих напитков, не состоит, разве его единомышленники, кои с ним чрез целые ночи упражнялись». Вероятно, какая-то доля правды была и в челобитьи Л.Н.Зайцева, и в заявлении его брата Петра, но судить об этом можно лишь на основании некоторых косвенных данных.

В апреле 1770 г. «по указу Ея величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны, от Севска до Санкт-Петербурга через Москву, отправленному из Севской провинции ... на фарфоровые заводы для нужной ... работы севскому купцу Лукьяну Зайцеву с будущими при нем» предписывалось «давать почтовых по 4 подводы без задержки». Так весной 1770 г. Лукьян Никифорович вместе со своими детьми покинул Севск. Обнаруженные документы не содержат сведений о матери его детей – скорее всего, она умерла еще до 1769 года.

Неизвестно, как складывались жизнь и работа Л.Н.Зайцева в Петербурге, но пагубная тяга «к горячительному», вероятно, проявлялась и здесь. 27 января 1774 г. в Севский провинциальный магистрат прибыло сообщение от управляющего императорскими фарфоровыми заводами, что «находившийся на оных заводах севский купец Лукьян Зайцев, до которого ныне при означенных заводах никакой потребности не имеется, отпущен ... с пашпортом обратно». Однако в Севск Л.Зайцев не прибыл, и в марте 1775 г. в Московскую полицмейстерскую контору был направлен запрос о том, что «оный Зайцев понеыне в Севск не явился, а небызвестно, что он ... проживал в Москве». В июне того же года оттуда ответили, что в Москве севского купца Лукьяна Зайцева «в сыску не оказалось».

Скорее всего, уезжая из Севска в 1770 г., Лукьян Зайцев передал свои права на красочную фабрику не брату Петру, с которым успел поссориться, а другому бывшему компаньону – Матвею Васильевичу

Зайцеву, который ранее – как купец и заводчик – был избран от горожан Севска в собранную в 1767 г. Екатериной II Комиссию по составлению нового Уложения. В ревизских сказках 1782 г. Лукьян Никифоров сын Зайцев вновь показан в Севске, но уже не среди купцов, а среди мещан.

Как и когда закончилась жизнь Лукьяна Никифоровича Зайцева, к сожалению, пока установить не удалось. А вот основанное им в Севске производство красок продолжалось. По составленной в 1775 г. в Мануфактур-коллегии ведомости, здесь работало 3 фабрики. Владельцем меньшей из них был Петр Зайцев. Его капитал в это время составлял 1 тыс. руб., а работа на фабрике производилась вольнонаемными людьми.

Второй фабрикой владели Матвей Васильевич Зайцев и его двоюродный брат Ульян Иванов сын Зайцев (их общий капитал составлял 4 тыс. руб.). Трудились здесь 5 «покупных работников» – все мужчины. Владельцем третьей фабрики был Михаил Волков, а работали на ней 2 «покупных работника». Впрочем, составители ведомости 1785 г. (или публикаторы этой ведомости) допустили одну существенную неточность, сообщив, что первая красочная фабрика в Севске «заведена с 749 году по указу Мануфактур-коллегии Ульяном Зайцевым», то есть перепутав имена Лукьян и Ульян.

Любопытно, что в отличие от Л.Н.Зайцева, который не воспользовался правом купить приписных крестьян к своей фабрике, другие владельцы сделали это. Даже за его братом Петром, не располагавшим большим капиталом и нанимавшим на свою красочную фабрику вольных работников, по ревизии 1782 г. числилось семь дворовых людей; за Матвеем Васильевичем, его братом Михаилом Васильевичем и их двоюродными братьями Ульяном, Иваном, Семеном Ивановичами Зайцевыми – 46 дворовых, за Михаилом Григорьевичем Волковым – 12 дворовых. Таким образом, все эти предприниматели приобрели приписных крестьян не столько для работы на своих фабриках, сколько для обслуживания собственных домашних нужд. Сверх приписных они постарались закабалить и так называемых «инородцев»: за «купцом и красочной фабрики содержателем» Матвеем Зайцевым по «реестру» 1784 г. числилось 5 калмыков, а за «фабрикантом» Петром Зайцевым – 2 «башкирца».

О трех красочных фабриках, где по-прежнему изготавливали «ярь веницейскую и медянку», сообщали в своих «Путешественных записках», относящихся к 1781-1782 гг., академик В.Ф.Зуев и авторы изданного в Москве в 1789 г. пятого тома «Нового и полного географического словаря Российской империи, или Лексикона». А вот в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» по Севску и Севскому уезду, составленных в конце XVIII в., три красочные

фабрики названы тоже, но не в Севске, а на территории Севского уезда. По крайней мере, одна из них уже не принадлежала прежним владельцам, так как находилась в с.Радогощь – центре имения князей Голицыных.

В выявленных документах не удалось обнаружить точных сведений о времени прекращения красочного производства в Севске, но в относящемся к 1809 г. списке севских предприятий красочных фабрик уже нет. Вероятно, главной причиной их закрытия стала малая доходность предприятий, требовавших к тому же строгого соблюдения технологий производства и специальных знаний.

Косвенно это подтверждает судьба еще одной красочной фабрики, основанной в 1773 г. в Трубчевске и принадлежавшей брянскому купцу Козьме Никулину. В конце 1770-х гг. эта фабрика, где трудились наемные работники, ежегодно выпускала до 15 пудов «яри велицейской» и до 10 пудов «медянки». Но малый капитал владельца (у К.Никулина в 1775 г. он составлял 500 руб., то есть минимально необходимую сумму для купца третьей гильдии) не позволил ему долго сохранять эту фабрику. Ни в уже упоминавшихся записках В.Ф.Зуева, ни в «Лексиконе» при описании Трубчевска эта фабрика не названа.

Что же касается судьбы купцов и промышленников Зайцевых, которые одними из первых в России начали производить краски, то предпринимательская деятельность принесла им больше убытков, чем доходов. Из числа владельцев самой значительной красильной фабрики Матвей Васильевич Зайцев и его братья Михаил Большой и Михаил Меньшой умерли (соответственно в 1786, 1783 и 1779 гг.), будучи в купеческом звании, а вот их дети – Михаил Матвеевич, Алексей Михайлович, Федор Михайлович Зайцевы – в документах 1789-1790 гг. уже именуются «гильдейскими мещанами» или просто посадскими людьми, т.е. не располагавшими капиталами для сохранения купеческого звания. Братья Ульян Иванович и Семен Иванович Зайцевы, бывшие вместе с перечисленными покойными купцами совладельцами красочной фабрики, к моменту своей кончины (соответственно в 1790 и 1794 гг.) также уже не были купцами.

Однако, даже утратив купеческое звание, Зайцевы сохранили за собой купленных ранее крестьян в качестве дворовых. Обыденные в российской жизни того времени ситуации, когда дворовые женщины не только выполняли разные домашние работы, но и служили для любовных утех своим хозяевам, наглядно подтверждаются на примере Зайцевых. Только за 10 лет (1782-1791 гг.) в четырех зайцевских домах у дворовых женщин появилось 17 внебрачных детей, в том числе у жившей в доме Матвея Васильевича и Михаила Матвеевича Зайцевых «дворовой бабы» Акилины Никитиной – четверо, у жившей в доме Ульяна Ивановича Зайцева «дворовой девки» Евдокии Ермо-

лаевой – трое. Восприемниками этих младенцев при крещении были, как правило, члены семей хозяев или их родственники. Подобные случаи бывали и в домах других живших в Севске купцов, чиновников и дворян, но там они были менее заметными.

К сожалению, документов конца XVIII в. о судьбах главных севских зачинателей красочного и фарфорового дела, Лукьяна Никифоровича Зайцева и Михаила Григорьевича Волкова, а также их детей, выявить не удалось.

Источники и литература

РГАДА: ф.442, оп.1, д. 388; ф.769, оп.1, д. 186; ф.1355, оп.1, д. 1016; оп.2, д. 415. ГАБО: ф.121, оп.2, д. 2; оп.3, д. 145; ф.249, оп.1, д. 171; ф.325, оп.1, д. 864; оп.2, д. 566; ф.402, оп.1, д. 15; ф.552, оп.1, д. 145; ф.581, оп.1, дд. 2,3.

Зуев В.Ф. Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. Спб. 1787.

Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. Ч. V. М. 1789.

Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М. 1975.

Историко-статистический обзор промышленности России. Т. I. Спб. 1883.

Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда // Сб. Орловского Церковного Историко-Археологич. общества. Т. II. Орел. 1906.

О.Г.Каменецкий (Москва)

Память, объединяющая поколения: из старообрядческой летописи посада Святск.

Юго-западная часть современной Брянщины – край особый, неповторимый. Здесь на землях, некогда принадлежавших Стародубскому казачьему полку, в конце XVII столетия начали селиться разного рода беглые люди. Среди них было немало и тех, кто не покорился той церкви, которая в России стала господствующей.

Особое место в истории старообрядчества принадлежит Стародубью, бывшему в конце XVII-начале XVIII вв. духовным центром старообрядцев юго-запада России. Говоря о Стародубье, мы имеем в виду не только территорию, которую занимает сегодня Стародубский район. В то далёкое время понятие «Стародубье» толковалось шире. От него не отделяли себя старообрядцы Злынки, Клинцов, Новозыбокова и Климова. Это был единый регион. Старообрядцами здесь были основаны и заселены многие селения, отличавшиеся и языком, и особым укладом жизни, который определялся приверженностью жителей к старой вере и дедовским обычаям. Здесь была создана своеобразная духовная атмосфера с исконно русскими формами быта, ощущаемая в еде, одежде, манере двигаться и говорить. И в настоящее

время она во многом сохранила черты прежнего облика традиционной культуры.

Одним из таких мест являлся Святск. Это село приютилось на самом краешке России, у границы с Белоруссией. В восьмистах метрах от села видны были белорусские перелески. Граница государств проходит и ныне по небольшой речке Очесе, которая течёт у западной окраины некогда большого старообрядческого поселения.

Святска больше нет. Последние жители покинули свои родные места, не по своей воле, осенью 2002 года. Некогда знаменитый своими садами, и справлявший девять ярмарок в году, в XX в. он пережил коллективизацию, уцелел под немцем, но не мог устоять перед зловещей тенью Чернобыля. Тысячи нитей – человеческих судеб – были связаны с ним. Он имел богатое историческое прошлое.

Как утверждают летописи Киево-Печерской лавры, старообрядческая слобода Святская была населена лаврскими монахами в 1712 году. Старообрядцы, как и другие поселенцы Малороссии, большей частью селились слободами на монастырских, «державских» и магистратских землях. Обычно таким поселенцам при первоначальном заселении давались, хотя, по-видимому, не всегда, так называемые «осадные листы» или «письма», в которых обозначались условия поселения и определялись будущие отношения. Это были своего рода юридические документы, позволяющие поселенцам узаконить свой приход на эти земли. Что касается сл.Свяцкой, такое «осадное письмо» было получено немного позже заселения по следующему разрешению тогдашнего архимандрита Афанасия Миславского, данному «року 1713, месяца июня 18 дня». Эта дата стала днём основания Святска. Сл.Свяцкая стала последним старообрядческим поселением, основанным на землях Стародубского полка. Любопытно, что в «осадном листе» на поселение Свяцкой поселявшиеся старообрядцы не называются раскольниками, а просто слобожанами, или «вновь оседающими людьми» [9].

Вначале отношение властей к переселявшимся не отличалось доброжелательностью, но вскоре оно изменилось. После поражения шведских войск под Полтавой уцелевшие от разгрома остатки шведских полков пытались бежать из России именно через земли Стародубья, а жившие здесь старообрядцы вылавливали их; много шведов было убито и взято в плен, были захвачены многочисленные обозы с военным имуществом. Когда Петр I узнал об этом, а также о множестве великорусских беглецов, преимущественно солдат, поселившихся в пределах Стародубского полка, то для «сыску и выводу» этих беглецов назначил полковника Ергольского. Последний, найдя здесь в лесах целые слободы, населённые великорусскими старообрядцами, «взяв с них великие взятки и, укрывая их от выводу, написал их толь-

ко раскольщиками, и якобы оные жилищы имеют в пустых местах и диких лесах, утая, что они живут на владельческих землях». По этому донесению будто бы и последовал царский указ от 28 февраля 1715 г. о записи старообрядцев в подушный оклад [7]. Таким образом, стародубские и черниговские старообрядцы сделались совершенно независимыми от власти малороссийских державцев, духовных и светских, и были причислены к ведомству Киевской губернской канцелярии. Для первой описи старообрядческих слобод назначен был тот же полковник киевского гарнизона Ергольский с «нарочными комиссарами» как от Киевского губернатора князя Дмитрия Михайловича Голицына, так и от гетмана Скоропадского.

Прежние владельцы земель, недовольные этой правительственной мерой по регламентации нового положения старообрядцев в Малороссии, стали всячески притеснять этих невыгодных теперь поселенцев. Бывшим хозяевам удалось – вопреки распоряжению князя Голицына – или подчинить себе, или вытеснить староверов из всех тех мест, где они жили смешанно с украинцами и белорусами, хотя и эти старообрядцы в большинстве случаев были включены в опись полковника Ергольского.

В каких отношениях находились святские слобожане с Печерской лаврой после записи их в оклад Ергольским, видно из следующего донесения стародубского полковника Пашкова в Киевскую губернскую канцелярию: «Сего 1724 года, в Великий пост, ехали описной стародубовской слободы Свяцковские обыватели (названо четверо по именам – О.К.) через Старые Бобовичи, и в оных Бобовичах поймал их войт бобовицкий, и привёл оных обывателей Киевопечерского монастыря к чернцу бобовицкому, и оный чернец бив их смертным боем, и держал их связанных на ледовне дней з десять и болши; а лошадей их, езда за всякою монастырскою потребою, морил голодом, а что при них было, то оный чернец потребил всё без остатку...» [7].

Не хотела мириться Киево-Печерская лавра с тем фактом, что земли, отведённые под старообрядческие поселения, были утрачены ею навсегда. Лавра неоднократно возобновляла свои ходатайства об удалении староверов с лаврских земель или о подчинении их началу лавры. Но при Петре I эти просьбы не могли иметь никакого успеха, так как появление в Малороссии старообрядческих слобод с великорусским населением царь считал полезным в политическом отношении. И лишь в период междуцарствия Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны киевские монахи всё-таки получили по указу от 23 апреля 1741 г. в своё владение три слободы: Ардонь, Свяцкую и Тимошкин Перевоз [13]. По поводу слобод, отданных Киево-Печерской лавре, было принято компромиссное решение: всех старообрядцев, посе-

лившихся там до первой переписи (1715 г.), считать принадлежащими Лавре, а тех, кто поселился там позже и не выехал после указа 1741 г., причислять к жителям «государевых описных раскольничьих слобод» [14]. По данным «ревизской сказки», в 1715 г. в сл.Свяцкой проживало 129 душ, из них 75 – мужского пола. В 1729 г. капитан Брянчаников провёл вторую перепись Свяцкой. Он зарегистрировал 187 жителей (93 – мужского пола), граждан 6 дворов, бобылей 4 хаты и 7 пустых хат [15].

Заметно увеличился приток нового населения в стародубские слободы после 1735 года, когда царскими войсками была разгромлена Ветка, в первой пол. XVIII в. занимавшая видное положение в старообрядческом мире. Во исполнение данной начальнику карательного отряда полковнику Якову Сыгину инструкции дома ветковских слобожан были сожжены, как и монастырские постройки, за исключением Покровской церкви, которую ветковцам позволено было перевезти в одну из соседних Стародубских слобод. По мнению дореволюционных исследователей старообрядчества А.Журавлёва и М.И.Лилеева, церковь эта, срубленная из дубовых брёвен, была разобрана и перевезена частично плотами по р.Сож, а частично – на лошадях в стародубскую сл.Свяцкую. Более крупные дубовые части, пущенные плотами по р.Сож до устья Ипути, утонули в реке, так как в то время Ипуть была полноводной; а мелкие, хотя и достигли пункта назначения, были складированы около упомянутой слободы, но сгорели во время разразившейся грозы. Из перевезённых в Свяцкую частей Ветковской церкви уцелели только Царские врата и боковые двери, а также четыре иконы, находившиеся потом в Святской часовне попцев. С тех пор сл.Святская жила памятью Ветки, получала оттуда беглых попов, во всём повинуюсь ветковским уставам [20]. Возможно, найденные сотрудниками Ветковского музея народного творчества на чердаке Святской Успенской церкви полуразрушенные створки Царских врат XVIII века и есть те самые, что удалось спасти. Именно сюда же, в Святск, на некоторое время из Ветковского старообрядческого монастыря были доставлены мощи знаменитых ветковских старцев – Феодосия, Иосифа, Александра и Антония. К ним был определён караул, которому надлежало «содержать их (мощи) в добром сбережении». Однако, дальнейшая судьба нетленных мощей оказалась трагичной: 11 февраля 1736 года, они, «по высочайшему соизволению Всемилостивейшей Государыни указу», были тайно сожжены, а пепел брошен в реку [12]. При первой выгонке в Свяцкую слободу были взяты с Ветки три попа: Иов, Варсонофий и Макарий (родом с Дона), который с дороги сбежал и умер в Волошине.

Название свое сл.Свяцкая получила, по одной версии, от имени владельца земли, на которой возникло поселение, а по другой – из-за

почитавшегося святым родника-криницы. В давние времена, если верить легенде, священник, освящая этот родник, неловко взмахнул рукавом рясы и уронил в воду свой серебряный крест. С тех пор стали люди называть эту воду святой, а уж от неё и к селу пришло название Святск [3]. Согласно летописи Киево-Печерской лавры, еще до 1610 г. это место было известно как святое. В двух километрах от него находился древний монастырь, закрытый из-за отсутствия средств в 1602 г., а в центре сл. Свяцкой имелись источники питьевой воды, которую иноки почитали целебной. Невдалеке от криницы когда-то был поставлен поклонный крест с иконой Спасителя и негасимой лампадой. Здесь усталый путник мог помолиться и попить студеной ключевой воды. У основания креста находилась «братская кружка», куда богомольцы опускали пожертвования. Все это, как говорили старожилы села, бесследно исчезло в первые годы Советской власти...

Московский журналист А.П.Воробьёв, уроженец Святска, относит основание монастыря к далёкому 1376 году, полагая что здесь, в тихой лесной обители, укрытой от глаз врагов, велась подготовка воинства для борьбы против татаро-монголов. Как известно, уже в Куликовской битве 1380 г. вместе с ратниками Дмитрия Донского сражались и монахи – может быть, даже из этого самого монастыря, с которого и пошёл наш Святск [2]. В период второй «ветковской выгонки» (1764 г.) старообрядцы Стародубья предоставляли земли своих слобод и посадов для размещения на их территории монастырей, скитов, обителей и пустынь. Так, на древней монастырской земле был основан старообрядческий мужской Ново-Покровский Свяцковский монастырь, куда переходили старообрядческие иноки после ликвидации ветковских монастырей, так как положение монастырей в Стародубье было легальным и открытым. По документам ревизии, проводившейся по старообрядческим монастырям Черниговской, Могилевской и Полтавской губерний в 1844-46 гг. чиновником Министерства внутренних дел Василием Алябьевым, за монастырем в то время значилось 18 иноков и 20 бельцов. Документы данной ревизии, выявленные в архивах, сохранили для потомков и имена последних настоятелей Ново-Покровского Свяцковского монастыря: священноиноков Иринарха, Фаддея и Зосимы. К сожалению, данных об общем количестве земельных угодий, принадлежавших монастырю, в архиве не сохранилось. После упразднения монастыря, в 1853 г. строения его были проданы и на эти деньги построены единоверческие церкви в посадах Святск и Тимошкин Перевоз, а земли переданы причту посада Святск [5, 6]. Так Покровская церковь монастыря стала единоверческой, а затем – ввиду малочисленности единоверцев – обычным приходским храмом господствующего вероисповедания. Братский корпус был обращен в старообрядческую моленную беглопоповцев

(ныне – Русская Древлеправославная церковь патриарха Александра). После революции оба строения использовались для хранения зерна. В 20-30-е гг. XX столетия активисты местной комсомольской ячейки устроили здесь акт борьбы с «религиозным прошлым» – принялись колоть и сжигать иконы и богослужебные книги, в результате чего погибли многие уникальные и бесценные памятники церковной старины. Здание бывшей Покровской церкви находилось рядом с правлением колхоза, а моленной – напротив продовольственного магазина, на высоких каменных столбах – на Красной площади Святска. В 1999 г. Покровскую церковь пытались разобрать на дрова, при разборе в алтарной части была найдена икона Св. Николы Чудотворца, и дальнейший снос здания на какое-то время был приостановлен. Однако недолго она стояла полуразрушенной, вскоре её разобрали до основания [18].

В Святске когда-то проживало более 3600 жителей, и назывался он не селом, а посадом. Посад в России до 1917 г. – небольшой торгово-ремесленный городок, пригород, предместье. В начале XX в. посад Святск становится одним из крупнейших поселений Суражского уезда Черниговской губернии. В нём было пять церквей, одна синагога, семь крупорушек, три кирпичных завода и шесть кожевенных фабрик, среди которых выделялся кожевенный завод Тюрюхова с годовым производством кожевенного товара на 16 тыс. руб., масло-сырозавод, 29 торговых лавок, мельницы, хлебопекарни [16]. Так, знаменитые баранки и бублики Родиона Максимовича Горева, моего дальнего родственника, славились на всю здешнюю округу. Существовала в Святске скотобойня; было развито шорное, колёсное и бондарное производства; были распространены кустарные промыслы – портняжное и скорняжное; процветали коммерция, рыболовство, пчеловодство, садоводство и др. виды деятельности, но главным было сапожное ремесло.

Деятельность купцов-предпринимателей была успешной. В посаде Святск с 1824 по 1852 г. общий капитал вырос с 8 до 19 тыс.руб. В середине XIX в. в населённых пунктах Стародубского полка, где преобладали старообрядцы, были и купцы 2-й гильдии; там же, где старообрядцев не было, или там, где они не составляли большей части населения, имелись только купцы 3-й гильдии [4]. К этому времени в Святске уже было четыре купца 1-й гильдии. Многие жители посада занимались отхожими промыслами: одни были каменщиками и плотниками, уезжали на рабочий сезон в большие города; другие – в Белоруссию, где арендовали участки земли и разводили огороды. Незначительная часть жителей Святска принадлежала к сословию гос. крестьян, которые занимались хлебопашеством.

Старообрядческий уклад жизни формировал и внешний облик посада. Святск, как и другие старообрядческие по происхождению поселения, имел своеобразную планировку, резко отличавшуюся от планировки соседних сёл – Старого Вышкова, Старых Бобович и Верещак, отличительной чертой которых было звездообразное многоуровневое село. У Святска дома были выверены строго по «красной» линии в ряд улиц, являя тем самым особенность городского поселения. Дома и массивные хозяйственные постройки купеческих и мещанских подворий, обнесённые заборами; окна, ночью плотно прикрытые ставнями, – всё это вносило впечатляющую необычность в облик посада Святск. Основным и излюбленным средством декора деревянных зданий была пропильная резьба. Ею порою покрывалась почти вся поверхность главного фасада дома – снизу доверху. Многолетний искусный труд мастеров-резчиков создавал неповторимость в облике Святска.

Сохранили здешние старообрядцы традиции чтения древних рукописных книг и изготовления церковной утвари. Для понимания истории Святска важны и те записи в книгах, которые сообщают нам об их принадлежности старообрядческим монастырям, называют имена местных мастеров и просто жителей; которые рассказывают о судьбе самих книг. Так, в Апостоле, изданном в 1632 году, рядом с вкладной записью 1635 г. – «...великого князя Михаила Федоровича Всея Руси самодержца...», принадлежавшей первому царю из династии Романовых, идут записи XVIII века: «Сия книга слободы Марининской крестьянина Ульяна Леонтьева. Апостол», записи XIX столетия: «Сей Апостол заложен за 12 [ц.] до 1833 г. 25 ноября по 2-е число Ивану Теплякову». (Иван Тепляков – ветковский купец). В 70-80 гг. XVIII столетия он получил за 10 руб. право аренды свяцкой мельницы и винокурни, находившейся в урочище Колодезь (Ключи). Он тайком записался в тульские купцы, и между ним и Киево-Печерской лаврой, стремившейся оставить его в крепостной зависимости, была тяжба, которая закончилась победой И.Теплякова. Следом за ней – ещё одна запись XIX в.: «Сия святая книга Максима Ивановича 2-й гильдии купца Рыкунова» (купец посада Святска и местечка Ветки). Сейчас эта уникальная книга хранится в книжном собрании Ветковского музея народного творчества [1]. В Гомельском обл. краеведческом музее ныне можно увидеть «Октай» (нач. XIX в.). Из записи, оставленной в нём, мы узнаём не только имя владельца, его социальное положение, род деятельности, место проживания, но и стоимость книги, имя переплётчика: «Сия Книга Октай или Осмогл[асник] Певчий, принадлежит Якову мещанину и иконописцу Свяцкой Черниговской Губ[ернии]. Приобретена в собственность самим Як[овом] Перельгиным в 1904 году за цену бть р[ублей] серебром. Переплетал

Григорий Лазарев Усовь (отец будущего митрополита Иннокентия - *Прим. автора*) за 1 р[убль] 50 к[опеек] с[еребром]» [8].

Святск считался одним из центров иконописания Стародубья. Здесь наряду с традиционной технологией иконописи применялась техника золотопробельного письма. История сохранила для нас имена мастеров-иконописцев из в посада Святск. Это Зубков Иван, работавший в конце XIX - начале XX века, написавший икону «Спас Вседержитель»; Перельгин Яков Константинович, как известно по архивным документам, писал иконы до 1900 года, работал вместе с сыновьями; Сапожников Аким (прозвище Богомазов), отец, XIX в.; Сапожников Ларион (прозвище Богомазов), сын, трудившийся в конце XIX - начале XX века; Иван Усов – одно время писавший иконы, будущий старообрядческий епископ, а впоследствии – митрополит Иннокентий; Летенков – постигавший основы иконописного дела у лучших мастеров Клинцовской школы и другие. В результате их деятельности, каждый святский дом напоминал собой маленький музей со своей экспозицией старинных икон. Их передавали по наследству, оберегали, поновляли; они были хранителями домашних очагов [10].

К началу XX в. посад Святск становится заметным центром старообрядчества, следуя, по численности населения, проживающего в нём, за главными центрами – Клинцами и Новозыбковым, уступая лишь посаду Добрянке. Местные белокрыницкие старообрядцы имели свою моленную, освящённую во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, помещавшуюся в общественном доме, при которой служили священники Максим Илларионович Волков и о. Григорий Тихонов. Попечителем её состоял мещанин Иван Шведов [19, с.12]. Некогда эта моленная была зимним храмом. Находилась в центре Святска, возле Дома быта (артели) – на заднем плане усадьбы моего деда, Горева Александра Константиновича (1911-1978). Дом на Красной площади, в котором проживал мой дед, ранее принадлежал церкви; до революции в нём жили монашествующие. После Великой Отечественной войны бывший храм приспособили под сельский клуб. Здание было маленьким, неудобным, в результате его разобрали, а брёвна использовали для строительства нового Дома культуры. От Красной площади к храму шла вымощенная красным кирпичом дорожка.

В Святске в то время проживали довольно известные в старообрядческом мире начётчики - братья Василий, Иван и Кузьма Григорьевичи Усовы. Иван Усов был хорошо знаком с сыном святского священника Максима Волкова – Василием, известным своим ревностным отношением к вере. Вскоре их начётническая деятельность распространилась далеко за пределы Стародубья: образованных

юношей стали приглашать для бесед с миссионерами на Кавказ, в Бессарабию, в Москву.

Имелась в Святске и значительная община беглопоповцев. К ней принадлежало 775 человек мужского пола и 810 человек женского пола. Их моленная помещалась в общественном доме (бывший братский корпус Ново-Покровского старообрядческого монастыря). Наставником и попечителем её состоял Александр Яковлевич Кругликов [19, с.25]. Была здесь и небольшая моленная беспоповцев, которая находилась невдалеке от Аптечного пролёта, на краю посада. Здание моленной в советское время использовали как склад. В 30-х гг. XX в. от замыкания проводки здание сгорело. По численности своей беспоповцы в посаде Святск уступали другим направлениям традиционного старообрядчества.

После опубликования в России царского манифеста от 16 апреля 1905 г. старообрядцы обрели право на свою религиозную деятельность, книгоиздание, строительство храмов. Начался активный процесс регистрации некогда запрещённых старообрядческих общин. Так, 20 июня 1907 г. черниговским губернским правлением была зарегистрирована Свяцкая старообрядческая община, принимающая священство Белокриницкой иерархии. Благодаря этому событию старообрядцы белокриницкого согласия посада Святск решили воздвигнуть летний величественный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Всем миром собирали средства, причем немалые пожертвования делали местные купцы и евреи, которые составляли 20% от общего числа жителей. Строительство начали весной 1908 г. силами бригады местных плотников, руководимой Иваном Ефимовичем Петуховым. Помимо Святска, И.Е.Петухов принимал участие в строительстве храмов в Старой Рудне и Вихолке. Храм возвели быстро – за два года, к марту 1910 г. Стены храма были рублены из брёвен – без остатка – и шиты тёсом. Он был возведён на кирпичном цоколе. В центре свода было помещено изображение Саваофа, выполненное в 1910 г. масляной краской на полотне. Предметы внутреннего убранства относились, в основном, к концу XIX – 1-й пол. XX столетия. В иконостасе конца XIX века, выдержанном в русском стиле, имелось несколько икон XVII- XVIII веков [17]. Освящен храм был в четверг, 29 апреля 1910 г. епископом Новозыбковским Михайлом (Кузнецовым).

Долгие годы в Успенском храме служили о. Максим Волков, о. Григорий Тихонов, диакон Ерофей Волков. Среди прихожан того времени можно выделить семью Даленкиных. Глава семейства – Исидор Григорьевич – старообрядец белокриницкого согласия, «житель Черниговской губернии, Суражского уезда, посада Свяцкой» – был автором гектографированного сочинения «Ответы старообрядца

И.Г.Даленкина на вопросы местных единоверцев», датированного «Месяца сентября 10 дня 1895 года». Сейчас этот труд можно найти во всех крупных библиотеках страны. Исидор Даленкин принимал самое активное участие в деятельности Успенской старообрядческой общины, обладая большим даром красноречия и весьма основательными богословскими и каноническими познаниями. Долгие годы служил уставщиком. Известна была и прихожанка святского храма, знаменитая переплетчица и молитвенница Мария Саввишна Кожемякина (умерла в середине 1950-х гг.), которая помнила именины всех жителей села. Бывало, если в работе человек сам забудет о своём торжестве, то непременно с утра на пороге его дома появлялась Саввишна, спеша поздравить именинника-хозяина с Днём Ангела.

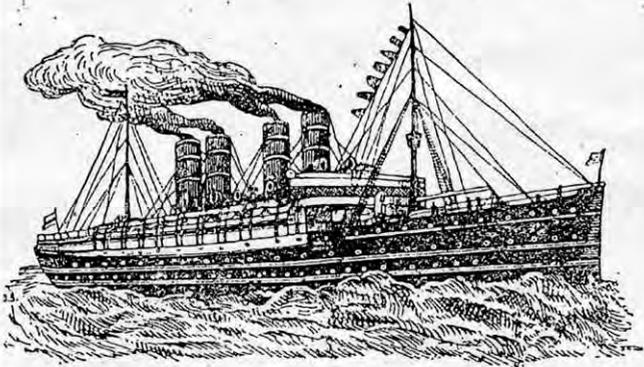
Село Святск. Перед Молебном на месте некогда находившегося храма.

Фото Василия Боброва. 2005 год

Для меня и моих родственников Успенская церковь Святска была дорога тем, что самой первой парой, которая венчалась в новопостроенном храме в 1910 году, был мой прадед – Горев Константин Трофимович (1870-1933) и Горева (Донцова) Татьяна Артамонова (1882-1973). Моя прабабушка была родом из посада Тимошкин Перевоз. Жарким июльским днём 1970 г. в Успенском храме был крещён и я. Крестил меня протоиерей о. Владимир Николаевич Смирнов (1931-1991), который был последним настоятелем святского храма. Храм Успения Пресвятой Богородицы в с.Святске простоял ровно 90 лет. Он сгорел в ночь с 13 на 14 сентября 2000 года, и когда наутро к пепелищу подошли немногочисленные жители, не покинувшие свои родные места после Чернобыльской аварии, они увидели следующую картину: на месте храма стояло большое белое облако, а по округе ещё долго разносился тонкий, ни с чем не сравнимый аромат ладана. Храм сгорел, словно большая восковая свеча, не повредив молодую

поросль берёзок, плотно окружавших его; исчез, словно невидимый в водах озера Светлояра град-Китеж [11].

А. Б. Шейнинъ.
СВЯТСКОЕ АГЕНТСТВО
АКЦИОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА
„Русское Сѣверо-Западное Пароходство“.

отправленіе пассажировъ во всѣ мѣста Англій, Сѣверной и Южной Америки; Африки и Австраліи,
напервоклассныхъ быстроходныхъ пароходахъ, на которыхъ имѣются
всѣ усовершенствованія и удобства для г.г. пассажировъ.
за покупкой билетовъ и за всякими справками обращаться лично или
письменно по адресу:

Я. Б. Шейнинъ, пос. Святскъ, Суражск. уѣзда, Черниг. губ.

Дореволюционная реклама начала XX века.

8 июля 2005 г., по благословению настоятеля Новозыбковского старообрядческого Рождественско-Никольского храма священноиерея Сергия Бедного, стараниями бывших святских жителей – Жукова Владимира Фёдоровича и Колюпанова Николая Леонидовича – на месте святого алтаря Успенского храма в Святске был воздвигнут Поклонный крест, изготовленный прихожанином гомельского храма Пророка Божьего Ильи Бычковым Сергеем Валерьевичем. 28 августа – в престольный Праздник храма – Успения Пресвятой Богородицы,

в Святске состоялся водосвятный молебен, который, я надеюсь, отныне станет традиционным – в память о некогда знаменитом старообрядческом поселении Новозыбковского р-на. Поклонный крест – словно символ сегодняшнего времени, встреча прошлого и будущего, путь от разрухи – к восстановлению, от духовной смерти – к духовному возрождению. Ведь жизнь человеческая бессмысленна без памяти!

Источники и литература

1. Ветковский музей народного творчества. Апостол. М., 1632. КП №332/4.
2. Воробьев А.П. Святские росписи //Над Карной. Новозыбков, 1997. Вып. 3. С. 35.
3. Воробьев А.П. Святска больше нет?//Сельская молодежь, 1990. №8, с.1 обложки-51.
4. Дубровский А.М., Кочергина М.В. Хозяйственная деятельность старообрядческих общин Ветки-Стародубья в конце XVIII- первой пол. XIX века //Старообрядчество как историко-культурный феномен/ Материалы Международной научно-практической конференции. Гомель, 2003. С. 71.
5. Кочергина М.В. Старообрядчество юго-запада России (1760-1860) гг.: Хозяйство, расселение, культура: Автореферат дисс. на соискание уч. степени к.и.н. Брянск, 2003.
6. Кочергина М.В. Старообрядческие монастыри, скиты, пустыни и обители Стародубья и Ветки как центры духовной жизни в 1760-1860 гг. // Старообрядчество: история, культура современность. М., 2006. Вып. 11. С. 45-70.
7. Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии: история заселения, землевладения, управления. Т. I. Полк Стародубский. Вып. II. [Раскольничьи слободы]. Киев, 1889. С. 440-465.
8. Леонтьева С.И. Записки в старопечатных и рукописных книгах – источник уникальной информации // Навуковые записки Веткаўскага музея народнай творчасці. Гомель, 2004. С. 51.
9. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII-XVIII вв. Киев, 1895. С. 62, 98-99.
10. Нечаева Г.Г. Ветковская икона. Минск, 2002. См.: словарь мастеров. С. 224-228.
11. Попов К. Памяти храма [Церковь сгорела] // Новозыбковские вести. 2000. 29 сент.-5 окт. (№ 40); Воспоминания жителей с.Святска. Архив О.Каменецкого.
12. РГАДА. Ф. 240. Кн. 1144. Л. 207-207об.; См.: там же Л. 308.
13. РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1853. Л.546 об. - 547.
14. Там же. Д. 3627. Л. 464.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1797, 1838; Оп. 42. Д. 3627.
16. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. /Под ред. В.П.Семёнова. СПб, 1903. Т. 7. Малороссия. С. 442-443.
17. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область. М., 1998. С. 390-391.
18. Святская летопись (рукопись). Архив О.Каменецкого.
19. Скворцов Д.И. Историко-статистическое обозрение современного старообрядческого раскола в Черниговской епархии. Чернигов, 1901.

20. См.: Андрей Иоаннов (Журавлёв). Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святого Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. Изд. 5-е. Ч. 3 [о поповщине]. СПб., 1855. С. 32-33.; Лилеев М.И. Указ. соч. С. 302.

Т.К.Слуцкая (Брянск)

Зарубежный цикл этюдов братьев Ткачевых (по фондам Музея братьев Ткачевых).

Творчество народных художников СССР и России, действительных академиков Академии художеств России, лауреатов Гос. премий широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Их работы экспонируются сегодня в престижных музеях Америки и Франции, Англии и Голландии, Китая и Чехии; есть они и в частных коллекциях русских и зарубежных коллекционеров.

Братья Ткачевы родились и выросли на Брянщине: Сергей Петрович – 10 ноября 1922 г., Алексей Петрович – 23 сентября 1925 года. Их творческий дуэт родился в 1952 году. Позади у каждого была своя дорога : Сергей Петрович учился в Витебском художественном училище, воевал, был ранен. Алексей Петрович учился в Детской художественной школе для одаренных детей при Московском художественном институте им.Сурикова, работал на военном заводе в эвакуации. Окончив Суриковский институт, старший брат – в 1952 году, младший – годом раньше, они получили направление в Минск, где и начали вместе работать над картинами.

За десять лет совместной творческой работы было достигнуто многое : вступление в члены Союза художников, участие в престижных выставках (в залах Третьяковской галереи, на Всемирном фестивале молодежи и студентов), награждение серебряными медалями Министерства культуры и Академии художеств. Творчество братьев-живописцев – исторические и жанровые картины, многочисленные пейзажи и портреты простых людей – получило профессиональное и всенародное признание.

Впервые за рубежом картины братьев Ткачевых экспонировались на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году. Их первая персональная выставка за рубежом состоялась в столице Югославии, Белграде, спустя три года. На ней было выставлено около 150 работ. Выставка работ русских советских живописцев открылась 26 января 1961 г. в центральном выставочном зале «Калемегдан» и привлекла внимание специалистов и публики простотой картинных сюжетов, их незапропагандированностью и мастерством исполнения.

Спрятанная за «железный занавес» советская живопись неожиданно предстала перед зарубежным зрителем не изображением монументальных фигур вождей, окруженных восторженной толпой, а простыми сюжетами деревенской жизни и портретами людей – с усталыми, добрыми лицами и натруженными руками. С картин братьев Ткачевых смотрели на иностранцев такие же, как они, люди, со своими горестями и радостями, люди, сумевшие стойко вынести испытания войной, вернуться к мирной жизни, трудиться и созидать.

Экспонировались их лучшие работы: «Самолеты летят» (1954), «У колодца» (1954), «Прачки» (1955-57), «Ветренный день», «Портрет матери», «Подруги» (1955), «В трудные годы» (1955 –57), «Между боями» (1958 -1960), «Детвора» (1961), «Матери» (1961) и другие. Югославская пресса много писала о выставке русских: восхищалась, удивлялась, поздравляла. Это первое признание живописи за рубежом вдохновило Ткачевых на новые творческие успехи.

В 1963 г. А.П. и С.П. Ткачевым было присвоено звание заслуженных художников РСФСР. В 1964 г. они совершили творческую поездку во Францию, а в 1966 г. – в Италию. Позже художники вспоминали : «Помним, как нас поразили в парижском Лувре (это было в 1964 году) величественное, хоровое полотно Курбе «Похороны в Орнане» и сравнительно большая картина Ф.Милле – «Вечерняя молитва». Нам подумалось тогда, да и сейчас не изменили своего мнения, что эти картины по своему мироощущению близки к русскому искусству своей корневой, глубинной связью с жизнью». Это, пожалуй, их единственное письменное упоминание о впечатлениях от поездок за рубеж; поэтому приходится только догадываться о них по тем этюдам и эскизам, которые они сделали там.

Часть работ находится в собственности художников, они были репродуцированы в 1999 году в книге «Братья Ткачевы. Художники о себе». Это этюды из серии «По Италии» (бум., акв., 28x40, 1966 г.), «Храм Св. Петра в Риме» (бум., акв., 28 x 40, 1966 г.), «Лувр. Фонари. Париж» (бум., акв., 1964 г., А.П.Ткачев) и пейзаж «Понто Веккио. Флоренция» (карт., м., 16,5 x 23, 1966 г., С.П.Ткачев).

19 этюдов из зарубежной серии художники передали в Музей братьев Ткачевых в Брянске. Выполненные в разной технике: масло, акварель, карандаш, фломастер, они дают представление о разностороннем мастерстве художников и их поиске своего собственного пути в творчестве. Несомненно, что написаны они под влиянием их знакомства с современной французской и итальянской живописью, что видно по желанию передать в цвете и свете более чувства и настроения от увиденного, чем добиться его точного реалистического отображения.

Всего лишь одна работа А.П.Ткачева рассказывает о поездке во Францию в 1964 году. Этот небольшой живописный этюд свадьбы сделан им в Амьене у кафедрального собора. Самих участников торжественного события художник лишь обозначает разноцветными мазками по сравнению с высотой и величием собора. А серая громадина собора, с едва намеченными художником архитектурными деталями, с одной стороны, подавляет, а с другой стороны, – восхищает зрителя. Этюд размером 52х34 см написан в свободной импрессионистской манере. Подаренный художником, он экспонируется сегодня в Музее братьев Ткачевых.

Поездка 1966 г. в Италию оставила после себя большее количество живописных материалов, хотя также не послужила толчком к созданию больших произведений. Судя по географии написанных этюдов, художники объехали весь полуостров. С удовольствием они работали в Венеции. Венеция – самый удивительный город в мире: город на воде. Трудно найти место, имеющее более изящный и поэтический облик, чем эта «Адриатическая красавица». Построенная в 4 км от берега на 118 островах, Венеция словно парит над лагуной как прекрасное видение, появляющееся на границе моря и неба.

Венецию называют «гостиной Европы». Незабываемы её площади, где сконцентрированы архитектурные символы духовной власти бывшей морской республики (Базилика Сан Марко), политической (Дворец дождей), власти судебной (Прокурации) и культуры (библиотека Марчиана); знаменитый Мост Воздыхов, др. церкви и памятники. Привлекла их красота и русских живописцев. На небольших этюдах Алексея Петровича «Венеция. Гондолы» (размер 30 х 40 см) и «Канал в Венеции» (29,5 х 18) изображено главное транспортное средство итальянцев и туристов в этом городе на островах, городе, улицы которого представляют собой часть моря, заполнившего венецианские каналы на долгие века. Красочная палитра умиротворенных, качающихся на тихих волнах гондол, у причала на фоне замков и мостов, рассказывает о том, как рано утром писал их очарованный увиденным живописец. На другом этюде мы видим череду гондол, «припаркованных» под окнами домов на узкой улице-канале, над которой на протянутой через улицу веревке сушится белье, – еще один колоритный штрих о быта жителей этого уникального города. Красные гондолы, красные в лучах яркого солнца стены домов, голубая вода и белое, с отражением цвета воды и стен, треплющееся на ветру белье – вот палитра этого этюда.

Много работ было создано живописцами в столице Италии – Риме, чьи памятники архитектуры, музеи и парки оставляют незабываемые впечатления у всех посетителей этого «Вечного города».

На этюдах Алексея Петровича римские достопримечательности : собор св. Петра, Испанская лестница, вилла Абамелек – как фон для изображения увиденных им уличных сценок. Мелодии красивой южной страны словно звучат с них, небольших по размеру, как и все работы зарубежного цикла, – живых, полных света и счастья. Загорелые, черноволосые молодые люди с гитарой на Испанской лестнице, присевший отдохнуть у величественной колонны собора турист, дети, машины, оживленные улицы – чувствуется, что художники полны впечатлений от увиденного, и стараются быстрой, воздушной, яркой кистью запечатлеть все в своих этюдах.

Алексей Петрович был больше под впечатлением от архитектурных памятников и природы Италии: его привлекают развалины Помпеи, невиданные дотоле высокие древние пинии по соседству со скульптурами. Он пишет их своими любимыми бурыми и серебристо-серыми красками, внося в работы цветными пятнами то фигуры ярко одетых людей, то цветы, то воду.

Красота Неаполитанского залива привлекла внимание Сергея Петровича. Его этюд «Неаполитанский залив», совсем небольшого размера, 20х30, словно дышит свежестью моря, простором неба, высотой укрытых в мареве дня гор. Величественные Альпы с покрытыми снегом вершинами, фигурки двух итальянок, присевших на камень, на фоне яркой зелени альпийского луга, также остановили его внимание. Этюд «В предгорьях Альп» имеет размер 33,5 х 49,5 см, но это маленький рассказ о незабываемых впечатлениях, пережитых живописцем. Один из этюдов Алексея Петровича запечатлел кафедральный собор в Сиене. Сиена – один из красивейших городов Италии. Легенда гласит, что он был основан Сенио и Аскио, племянниками Ромула, первого царя Рима. Хотя сегодня Сиена выглядит довольно умиротворенно, в XI-XIV вв. она была сильным городом, которого опасались даже Рим и Флоренция. Сегодня Сиена – это, прежде всего, великолепно сохранившийся средневековый город. Архитектурным шедевром XII в. является Главный собор (Duomo) с великолепным романским фасадом. Однако его раритет внутри – это единственный в мире, неповторимый пол из мраморных плит с изображенными на них изумительными по красоте сценами. Примечательны также кафедра с рельефами на библейские сюжеты работы Андреа Пизано и статуи св. Петра и св. Павла, созданные молодым Микеланджело. Но сам собор на этюде А.П.Ткачева снова выступает как фон. На переднем плане – фигуры двух монахинь с букетами цветов в руках.

В последующие годы С.П.Ткачев, избранный на 4-м съезде художников председателем правления Союза художников РСФСР и в дальнейшем занимавший высокие посты, выезжал за границу более с

представительскими, чем с творческими целями. В 1982 г. он принимал участие в днях культуры РСФСР в Югославии, в 1986-м – в Днях культуры РСФСР во Франции. К сожалению, никакими живописными материалами от этих поездок мы не располагаем.

В 1983 г. братья Ткачевы приняли участие в Четвертом конгрессе болгарской культуры в Софии, в 1989-м году они стали участниками выставки членов Академии художеств СССР в Париже – в залах Люксембургского дворца.

Результатом последней поездки стали два этюда, написанные Алексеем Петровичем: «Ночной Париж» (бум., м., 37,5 x 40) и «Вандомская колонна. Париж» (орг., м., 50 x 29). На первом этюде – под светом яркой луны на фоне по-южному темного неба – яркие огни не спящего Парижа. Силуэты домов – четкие вдаль и размытые вблизи – ярким желтым цветом окон создают иллюзию вечного праздника и мечты. На втором – высокая Вандомская колонна, а вокруг нее оживленные улицы города. И на переднем плане: неожиданная среди машин фигура лошади, запряженной в карету, с восседающей на облучке монахиней вместо кучера...

Кроме живописных работ, в коллекции Музея Ткачевых несколько графических работ: карандашный набросок гондол, акварельные наброски влюбленной пары, портрет актрисы Ирины Алферовой и другие.

В 2002 г. Ткачёвы приняли участие в выставке художников России в Китае, выставив 6 своих картин. В музее русского искусства в Миннесоте (США), созданном меценатом Рой Джонсом, находится около 300 картин Ткачёвых.

Зарубежный зритель знакомился с живописью братьев Ткачевых не только по их работам. В 1987 г. вышел в свет альбом на польском языке «Братья Ткачевы» ("Wgasia Tkazow") (Варшава, 1987 г.). В 1998 г. в Китае был издан цветной иллюстрированный альбом «Русские художники братья Ткачевы» на русском и китайских языках, а в США – книги «Социалистический реализм в живописи» и «Русские импрессионисты братья Ткачевы». Пять книг о Ткачевых издано в Италии.

Сегодня они одни из наиболее продаваемых современных русских художников за рубежом. Картина А.Ткачева «Пастушок» была продана на аукционе «Сотбис» за 75000 фунтов. В 2005 г. их картина «Полдень» была продана за 50400 фунтов., а картина «Вечер» – за 30000 фунтов.

Зарубежный цикл работ братьев Ткачевых, пусть и не ставший этапным в их живописи, характеризует их как живописцев, способных писать по-разному. Но, выбрав в жизни путь служения идее социалистического реализма, в творчестве они поднялись на высоту,

достойную их таланта и мировоззрения. И сегодня во всем мире по их картинам изучают русское советское искусство, преклоняются перед патриотичностью и гражданственностью их творчества, восхищаются широтой охваченных их творчеством тем, правдивостью сюжетов и образов их картин и портретов.

А.К.Горохова (Брянск)

Природные ресурсы и история их освоения на территории Брянской области.

История использования природных ресурсов Брянского края уходит в далекое прошлое. Территория современной Брянской области была заселена человеком с древнекаменного века. Следы его пребывания в нашем крае представлены материалами археологических раскопок: орудиями труда, предметами быта и остатками костей многих животных, обитавших в то время. Географическое положение Брянского края во многом способствовало развитию хозяйственной деятельности человека. Примерно с IX в. нашей эры приобретает историческое значение водный путь «из варяг в греки». Посредством этого пути вовлекаются в широкий круг торговых отношений племена, населяющие бассейн Днепра и его притока – Десны. Эти отношения значительно повлияли на характер использования природных богатств Брянщины. Все пространство по Десне и Оке было тогда покрыто непроходимыми Брянскими (Брянскими) лесами, которые являлись важнейшим объектом хозяйственной деятельности населения. Охота, добывание смолы и дегтя, лесное пчеловодство и ряд других промыслов, связанных с лесом, предоставляли товары, необходимые для зарождавшейся торговли.

Для выплавки металла широко использовались залежи легкоплавких бурых железняков, в которых содержалось от 15 до 58% железа. В Новозыбковском и Суражском районах, в окрестностях сел Рудня, Старая Рудня, Рудня-Голубовка в XVII-XVIII столетиях практиковалась кустарная выработка металла из бурого железняка, а в 1654 г. рудники, находившиеся под Унечей, давали значительное по тому времени количество металла для оружейников Богдана Хмельницкого.

В XVII-XVIII вв. из бурых железняков выплавлялось железо, главным образом, для бытовых нужд и производства оружия, а начиная с 1873 г. (года основания Брянского паровозостроительного и металлургического завода), эти руды стали широко разрабатываться и доставляться на этот завод для промышленного использования.

Брянщина принадлежит к числу наиболее старых районов российской металлургии. История возникновения кустарно-ручной, а затем фабрично-заводской промышленности на Брянщине уходит в далекое прошлое. Природные условия – месторождения руд, значительные источники водной энергии и лесные ресурсы – благоприятствовали широкому развитию железо-рудного производства. В области распространены болотные железные руды, особенно по р.Ипуть и ее притокам Судинке, Воронусе, Жече, Унече, Ельне, Белизне, Туросне, в долине р.Судость, в бассейне Десны и Болвы. Почти вся территория края в то отдаленное время была покрыта дремучими лесами, дававшими рудням дешевое топливо для плавки металла. Железоделательные промыслы развивались везде, где обнаруживались залежи луговых, болотных и озерных руд. Эти руды залегали неглубоко, и добыть их было нетрудно, поэтому во второй пол. XVII в. Брянский промышленный район по производству металла занимал в России третье место, уступая только Уралу и Средне-Окскому промышленному району.

Во второй пол. XVIII в., когда железоделательное производство на Брянщине достигло особенно значительных объемов, только в её западных и юго-западных районах насчитывалось около 100 руден, вырабатывавших в год около 500 пудов железа каждая.

Выходы бурых железняков и сегодня имеются во многих местах Брянской области: в Мглинском р-не, между дд.Романовкой и Черноводкой; в Новозыбковском – в окрестностях с.Старая Рудня; в Трубчевском – между рр.Десной и Судостью; на полях дд.Глыбочка, Романовка, Хатуша, Хатьяновка и Ломакино. В Навлинской р-не имеются ноздреватые стяжения бурых железняков около д.Святое.

Древние рудни – предшественники металлургических заводов. На Брянщине первым из них был завод Свенского монастыря. Несколько позднее, в первой пол. XVIII века (в 1743 г.), был построен молотовый завод на р.Крапивне в пределах нынешнего Навлинского р-на. Протекающий здесь ручей носит название Железный. Это название возникло в связи с Крапивненским заводом.

В 1751 г. в пределах нынешнего Дятьковского р-на был построен Бытошский завод с доменной печью. Завод работал на местных железной руде и древесном угле. Несколько позднее к югу от Бытошского завода, в 6 км от него, возник Петровский железоделательный завод. Он перерабатывал чугун Бытошского завода.

В 1752 г. у Брянска был построен Радицкий чугунолитейный завод, а в 1755 г. на р.Болве – Любохонский завод. На них изготовляли чугунные изделия, используя бурые железняки. Разработка руд на территории Брянщины стала прекращаться в связи с постройкой железной дороги, связавшей центр России с Донбассом, и открытием

Криворожского месторождения руд. Ныне залежи бурых и болотных руд нашей области не имеют промышленного значения. Из них можно в будущем добывать минеральные краски (умбру, охру, мумию).

На территории Брянской обл. имеются большие запасы магнитных железных руд. Это подтверждается наличием в пределах области магнитных аномалий. Самой мощной магнитной аномалией в России и на земном шаре является Курская (КМА). Она распространена на большой территории страны, включая Курскую, Белгородскую, Брянскую, Воронежскую, Орловскую области. КМА впервые была открыта русским ученым П.Б.Иноходцевым в 1783 году. Плановые разведочные работы в районе КМА начались в 1919-1926 годах под руководством П.П.Лазарева и И.М.Губкина.

Учеными установлено, что рудоносным является отдел докембрия. Содержание железа в железистых кварцитах колеблется от 25 до 45%. Сидерито-мартенитовые руды КМА, сложенные из сидерита, хлорита, пирита, кальцита, мартинита, гематита (коллекции экспонируются в БГОКМ), содержат железа 53-57 %, кремнезема 3,6-13%, серы 0,15-0,49%, фосфора 0,03-0,10%.

В 1932-1936 гг. проводились большие исследования местных аномалий на территории Брянского края. Установлено, что в непосредственной близости от Брянска, в пределах Рогнединского, Дубровского, Дятьковского, Брянского, Карачевского, Навлинского, Брасовского, Комаричского, Севского р-нов проходит сплошной аномальный путь, а дальше на юг эта линия сливается непосредственно с КМА. Предположительная глубина залегания железорудного слоя составляет от 125 до 400 м. Наибольшая его мощность – в Рогнединской аномалии, открытой землемером И.Я.Черновичем. Профессор А.А.Строна, руководивший работами по исследованию Рогнединской аномалии, пишет: «Ввиду большой площади ее высоких напряжений, эта аномалия заслуживает внимания горной разведки». А.А.Строна допускает возможность обнаружения здесь промышленных залежей гипса, каменной соли и наличия ценного газа – гелия.

Второй старейшей отраслью промышленности Брянщины является стекольная. Производство стекла в XVII и XVIII веках получило здесь необычайно широкое распространение. Этому способствовало наличие в области кварцевых песков и огромных лесных массивов, дававших для стекольных предприятий, или гут, как называли их в старину, дешевое топливо и древесную золу, на которой варилось стекло. Так же, как и о давно исчезнувших руднях, о старых гутах напоминают дошедшие до нас названия населенных пунктов: Моховая Гута в Дятьковском районе, Гута-Журавка, Гута-Муравинская, Воронова Гута в Злынковском; Корецкая Гута в Клинцовском, Гаврилова Гута в Суземском р-не. Гуты были рассеяны почти по всему

краю. В XVII-XIX вв. в Новозыбковском, Суражском и Мглинском уездах было 20 гут, в Злынковском – 9 гут и т.д. В Суземском, Брасовском, Клетнянском, Унечском районах также сохранились следы стекольного производства. Более устойчивыми оказались стекольные производства, возникшие в северо-восточной части Брянщины.

Во второй пол. XVIII в. здесь были построены стекольные заводы Радицкий (в 1765 г.), Ивотский, Бытошский и Чернятинский (в 1785 г.), Знеберский (в 1799 г.), Дятьковский хрустальный (в 1780 г.), прославившийся на весь мир своими художественными изделиями.

Брянская область обладает колоссальными запасами стекольных песков. Они подчинены отложениям двух геологических систем – третичной и четвертичной. Наибольшее распространение имеют пески четвертичного отложения. Особенно много их встречается в Дятьковском р-не близ Бытошского, Ивотского, Чернятинского заводов), в Брянском – близ Стеклоплавильной Радицы, Трубчевском – дер.Темная, Острая Лука, Хотушь – и Новозыбковском – близ Карховки. Несмотря на то, что стекольная промышленность Брянской обл. имеет давнюю историю, ее минерально-сырьевая база почти до середины XX в. оставалась недостаточной. В связи с этим стекольные пески были разведаны в трех месторождениях (Козловском в 1933, 1946, 1960 гг., Снежетьском в 1957 г., Новозыбковском в 1960, 1970 гг.) с суммарными запасами 52,3 млн. м³. Все они относятся к группе крупных – с запасами более 2,5 млн. м³. Ныне разрабатываются Козловское и Снежетьское месторождения. Новозыбковское не разрабатывается, учтено как резервное. Потребителями сырья являются Бытошский, Ивотский, Дятьковский и Брянский стекольные заводы. Пески используются для производства стеклотары, оконного стекла, светочувствительного стекла и хрусталя.

Цементная промышленность Брянской области получила свое развитие в конце XIX в., её сырьевой базой были залежи карбонатных пород (мела, трепела и глинистых пород). В 1899 г. близ д.Боровка, на выходах мела и трепела по р.Болве, был построен цементный завод, впоследствии названный Брянским. Месторождение мела Брянского цемзавода разведывалось неоднократно. Основные работы были проведены в 1926 г. В последующие годы доразведывались месторождения цементного сырья и, наконец, в 1958 г. была произведена коренная переоценка запасов Фокинского месторождения мела и трепела. В результате утвержденные запасы этого месторождения составили 125,3 млн. тонн мела и 62 млн. т трепела.

Параллельно с разведкой мела и трепела в районе действующего цемзавода проводились исследования глин, используемых для производства цемента – в качестве корректирующей добавки. В настоящее время учтено 2 месторождения глин: Фокинское (Брянское), с

запасами 2 млн. т, и Березинское – с запасами глин 21,1 млн. тонн. Геологический разрез Березинского месторождения представлен глинами буровато- и зеленовато-серыми (с многочисленными остатками морских организмов) и песчаными глинами с крупными (до 0,9 м), караваеобразными конкрециями сидерита. Мощность вскрытого горизонта глин составляет более 22 м. Разработка месторождений цементного сырья ведется открытым способом, потребителем является объединение «Брянскцемент».

Большие залежи натурального мергеля были открыты геологом Г.Ф.Мирчинком в 1913 г. в Погарском уезде около населенных пунктов Марковск, Чаусы и Витемля (Марковское месторождение). Запасы марковского натурального мергеля определяются в 38 млн. т и могут обеспечить сырьем в течение многих лет крупное цементное производство. Мергель и цементные глины, мел и трепел встречаются также в большом количестве во многих др. районах области. Всего в Брянской обл. учтены следующие запасы цементного сырья: мел – 270,3 млн.т., мергель – 37,4, трепел – 103,6, глина – 23,0 млн. тонн.

Для получения извести и изготовления силикатного кирпича в области разведано 14 месторождений мела – с суммарными запасами около 56 млн.т. Разрабатываются 5 месторождений мела: Бежицкое, Внуковичское, Лопатинское, Смоленвичское и Гостиловское. Бежицкого и Гостиловского используют Брянским силикатным и Гостиловским мелоизвестковым заводами.

На территории Брянщины в разные годы разведано 103 месторождения строительных материалов, из них: кирпично-черепичное сырье – 46, керамзитовое и аглоперитовое – 3, глины тугоплавкие для строительных целей – 1, песчано-гравийная смесь – 3, пески строительные – 2, пески силикатные – 5, пески стекольные – 3, карбонатные породы – 16, цементное сырье – 4, камни строительные – 1, сырье для производства минеральной ваты – 1.

Гончарные глины – обычно, чистые, пластичные, красно-бурого и серого цветов. Залегают они слоями и прослойками, чаще – в речных и ледниковых отложениях четвертичной системы. 21 месторождение высококачественной гончарной глины, открытое во многих местах края, с древнейших времен разрабатывалось населением для изготовления глиняной и керамической посуды.

Песчано-гравийная смесь – встречается среди флювиогляциальных и озерно-гляциальных отложений периода отступления ледника. Всего в Брянской обл. учтено 3 месторождения песчано-гравийного материала – с запасами в 1322 тыс. куб.м.

1. Месторождение Круча разведано в 1938-1939 годах Геологическим Управлением Белорусской ССР. Расположено на первой над-

пойменной террасе левого берега р.Ипуть в Суражском р-не. Эксплуатируется.

2.Олсуфьевское месторождение в Дубровском р-не. Разведано в 1944 году Московской экспедицией Транспроекткарьера. Запасы составляют 1028 тыс. куб.м.

3.Месторождение Рековичи в Дубровском р-не. Разведано в 1938 году Транспроекткарьером (691,8 тыс. куб.м). Эксплуатируется с 1956 года..

Перспективными полезными ископаемыми Брянской обл. являются железные руды КМА и нефть Севской и Унечско-Припятской нефтеносных зон.

Первые сведения о наличии фосфоритов в бассейне р.Десны относятся к концу XVIII - началу XIX вв., однако их изучение началось лишь незадолго до 1912 г., когда была создана специальная комиссия по исследованию фосфоритовых залежей России. С 1918 г. эти работы были продолжены научно-исследовательским институтом по удобрениям (НИУ). К 1917 г. на территории Брянщины действовал один фосфоритный завод на базе Сещинского месторождения. Фосфориты здесь добывались открытым способом и подземными выработками (штольни, кваршлагги).

. К 1926 г. добыча руды здесь составляла 45 тыс. т в год, промышленные запасы определялись в 736 тыс. тонн. Наиболее крупным месторождением фосфоритов в Брянской обл. считается Полпинское, расположенное в 8-10 км к северо-востоку от Брянска. Оно является частью фосфоритоносной провинции Русской платформы. Вся площадь Полпинского месторождения разделена на шесть участков: Большеполпинский, Ольшанский, Батаговский, Малополпинский, Журиничский, Горелковский. В настоящее время месторождение разрабатывается на Батаговском, Ольшанском, Большеполпинском участках. Разработка ведется открытым способом.

На базе Полпинского месторождения работает Брянский фосфоритный завод, вступивший в строй в 1927 году. Первоначальная мощность завода (1930-40-й г.) составляла лишь 5 тыс. тонн фосфоритной муки в год, 1941 г. – 18 тыс.т., 1960 г. – 300 тыс.т, 1964 г. – 375 тыс.т, 1967 г. – 400 тыс.т., 1970 г. – 700 тыс. тонн. Выпускавшаяся Брянским заводом фосфоритная мука вывозилась в регионы РСФСР, БССР, УССР и др. Современное состояние сырьевой базы характеризуется общими запасами фосфоритов в количестве 280 млн. тонн. На 2002 год запасы руды Полпинского месторождения составили 156

млн.т, что эквивалентно 14 млн.т фосфоритной муки. Все известные месторождения фосфоритов Брянской области – осадочного происхождения, приурочены к сеноманскому ярусу верхнего мела. Вмещающими породами фосфоритов являются кварцево-глауконитовые пески, среди которых прослеживаются 3 самостоятельных пласта, мощностью до 1,0 м. Основной фосфоритный слой залегает на глубине 0,5-10 м от поверхности, пригоден для эксплуатации открытым способом. Фосфориты в Брянской области разведаны на больших площадях. Они встречаются в Брянском, Дубровском, Рогнединском, Жуковском, Дятьковском и Навлинском районах.

Динамика запасов и добычи фосфоритов

Годы	1929	1941	1946	1951	1956	1961	1966
Запасы, млн.т	1,8	22,0	27,0	66,0	63,7	102,2	88,3
Добыча, тыс.т	45,0	83,0	–	80,0	240,0	1266,0	971,0

В качестве удобрения используется конечная продукция переработки фосфоритов – фосфоритная мука, которая содержит в своем составе 12-14% фосфорной кислоты – ценнейшего для растений вещества. Совместное применение фосфоритной муки и торфа дает значительное повышение урожайности зерновых культур и картофеля. Фосфоритная мука является также лучшим средством поверхностного улучшения лугов и пастбищ.

По запасам торфа Брянская область занимает 6 место в центральном регионе России. На территории области разведано и учтено 1449 торфяных месторождений, общей площадью (в границах промышленной глубины торфяной залежи) 77248 гектаров и запасами торфа 40% влажности – 382961 тыс. тонн.

Торфяные месторождения верхового и переходного типов, как правило, небольших размеров (средняя площадь 13-15 га) и встречаются, главным образом, на северо-западе области. Месторождения низинного типа встречаются во всех районах области и средняя их площадь 56 га.

Разработка торфяных месторождений в Брянском крае началась еще в 80-е годы XIX столетия. Первый в истории нашей страны торфяной завод был построен на Брянщине. Это было вызвано истощением лесов в центральной части России и необходимостью замены дров топливным торфом. С этой целью Министерством земледелия и гос. имуществ в 1875 году был организован опытный торфяной завод на месторождении Пальцо (ныне Брянский р-он). Организатором производства на этом заводе был известный русский торфмейстер Л.А.Сытин. Торф добывался резным, столовым, наливным и машин-

но-формовочным способами. На базе месторождения Пальцо были организованы первые в России курсы по подготовке торфмейстеров.

Распределение запасов торфа по типам торфяной залежи

Типы торфа	Количество торфяных месторождений	Площадь в границах промышленной глубины торфяной залежи, тыс. га	Запасы торфа	
			млн.т	%
Верховой и смешанный	31	0,41	1,22	0,4
Переходный	61	0,90	2,00	0,6
Низинный	1857	75,90	329,80	99,0
Всего	1949	77,21	333,02	

В период первых пятилеток (1928-1932, 1933-1937 гг.) на Брянщине организовывается добыча торфа, главным образом, для электростанций. На торфе работала и БРЭС – детище ГОЭЛРО. Во многих районах области торф добывался и использовался также в качестве топлива на мелких электростанциях; для топки локомотивов, принадлежавших промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, машинно-тракторным станциям; для отопления жилья коммунальных предприятий, для бытовых нужд. Добыча торфа в промышленных масштабах позволила заменить этим видом топлива дрова и тем самым сохранить ценнейшие лесные массивы Брянской области. Основными потребителями топливного торфа, кроме Брянской БРЭС, были Клинцовская и Суражская ТЭЦ, а также котельные ряда предприятий.

Использование торфа электростанциями

Потребители	Единица измерения.	Годы						
		1976	1977	1978	1979	1980	1986	1990
Брянская РЭС	тыс. т	590	590	560	530	500	500	500
Клинцовская ТЭЦ	тыс. т	265	265	265	265	265	265	265
Суражская ТЭЦ	тыс. т	40	40	-	-	-	-	-
Итого	тыс. т	895	895	825	795	765	765	765

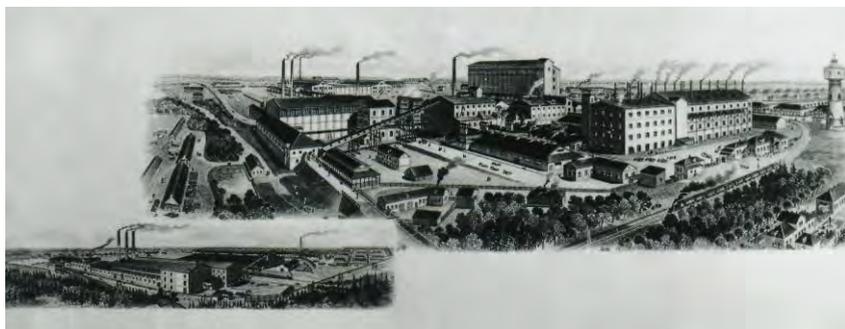
В соответствии с Генеральной схемой комплексного использования торфяных ресурсов, на перспективу до 1990 г. намечалось сокращение использования торфа для нужд энергетики. В 1950-1952 гг. топливно-энергетический баланс страны, в т.ч. Брянской области, был перестроен. Увеличилась доля более ценных видов топлива – газа, нефтепродуктов, в результате чего сократилась доля торфа в топливном балансе. В настоящее время главное направление использования торфяных ресурсов Брянской обл. – сельскохозяйственное.

Наиболее крупные торфяные месторождения Брянской области

Название торфяного месторождения	Площадь в границах промышленной глубины торфяной залежи, га		Запасы торфа	
	на год разведки	оставшаяся невыработанной на 01.01.76	разведки	на 01.01.76
Белимово	2198	2003	10025	7832
Вадьяковка и Липенка	1369	1172	7381	6496
Герасимовское	1218	1218	14659	14659
Кожановское	6984	6057	41697	28739
Конское	1333	1320	4975	4849
Оболешеве	1256	422	7434	3396
Пальцо	1911	18	6880	128
Пойма р.Нерусса	7462	7462	27988	27818
Руженские Луга	1250	1250	5878	5878
Чайное	1548	1496	7152	6931
Теплое	3444	1448	17694	7042

Торфяные месторождения, имеющие наиболее мощные напластования

Название торфяного месторождения	Площадь в границах промышленной глубины торфяной залежи, га	Средняя глубина торфяной залежи, м	Макс. Глубина торфяной залежи, м
Стреченовское	300	4,15	9,70
Подшитиково	108	3,30	7,00
Увечище	155	2,17	7,15
Пойма р.Госомка	407	3,42	9,00
Котовичи	107	3,80	7,50
Мякишево	350	2,20	8,70
Кожановское	6984	5,16	8,20
Юрасовское	369	4,90	8,80
Пустыньки-Конопельки	757	1,95	8,00
Брасовское (Пойма р. Неруса)	2462	1,86	7,80

Панорама цементного завода в 1912 г.

Общий вид Дятковского хрустального завода, конец 19 в.

Добыча торфа для сельского хозяйства в три раза превышает объём добычи торфа для топливно-энергетических и коммунально-бытовых нужд

Добычу торфа на удобрения ведут многие торфопредприятия. Ежегодный масштаб добычи торфа для с/х составляет более 4 млн. тонн. Часть торфа добывается сельхозорганизациями, используется местным населением на топливо. Торфяные ресурсы области для нужд сельского хозяйства используются в трех направлениях: добыча торфа на удобрения; освоение площадей торфяных месторождений под посевы с/х культур; освоение площадей торфяных месторождений после выработки торфяных залежей. Потребность в торфе (40% влажности) на удобрения в 1980 г. составила 4591 тыс. т. На 1990 г.

сырьевые торфяные базы общей площадью – в границах промышленной глубины торфяной залежи - оценивались в пределах 42 тыс.га с запасами торфа (40% влажности) 191 млн.тонн. Для высококонцентрированных торфяных удобрений дополнительно используются запасы сапропелей (в качестве органических удобрений), их запасы в области составляют 36 млн. куб.м.

Почти все крупные торфяные месторождения разрабатываются или разрабатывались ранее и часть запасов торфа этих месторождений, а в некоторых случаях – значительная (Оболешеве, Пальце), выработана. Довольно большие запасы составляют торфяные залежи, минерализованные известью, заиленным торфом и с комплексной минерализацией. Торфяные залежи, содержащие вивианитовые и известковые отложения, представляют собой природные комплексные органоминеральные удобрения. Такие торфяные залежи применяют, и довольно эффективно, на удобрения – независимо от высокой и средней заиленности торфа. В ряде случаев максимальная мощность торфяной залежи на таких месторождениях достигает 7-10 метров.

Литература

1. Материалы по геологии и полезным ископаемым центральных районов Европейской части СССР. Вып. 1, М., 1958.
2. Обзор минерально-сырьевой базы СССР к 50-летию Советской власти (Брянская область). Б-Берега Брянская обл., 1966. С.1-19.
3. Бабушкин А. Брянская область (географический и историко-экономический очерк). Брянск, 1958. С.45-75.
4. Арсеньев А.В. Ископаемые богатства Брянской области. Брянск, 1949. С.27-51.
5. Шевченкова Т.Ф. Геология Брянской области. Брянск, 1992.
6. Торфяные месторождения Брянской области, М., 1977, С.14-22.
7. Геология (сборник 1). Смоленск. 1934. С.32-37.
8. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности 16-17 вв. М., 1970, 199 с.
9. Федоренко П.К. Рудни левобережной Украины в 17-18 вв. М., 1960. С. 79-179.

Список сокращений

АО – Археологические открытия.

БГОКМ – Брянский государственный объединенный краеведческий музей.

ГАБО – Государственный архив Брянской области.

ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ИЭ – Институт этнографии АН СССР.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры АН СССР.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР (РАН).

ЛКМ КП – книга поступлений Львовского краеведческого музея.

МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

РА – Российская археология.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СА – Советская археология.

ДЕСНИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Материалы V межгосударственной конференции
«История и археология Подесенья»

Редактор Е.Прокофьев

Верстка А. Чубур

Издательство Клинцовской городской типографии

ИД № 00838 от 25.01.2000